

141
96

И. ТЭНЪ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

ТОМЪ V.
НОВЫЙ ПОРЯДОКЪ.

Переводъ съ Французскаго.
Подъ редакціей Я. Швырова

Безплатное приложение къ „Вѣстнику Иностранной Литературы“ за 1907 годъ

И. ТЭНЪ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

ТОМЪ V.

НОВЫЙ ПОРЯДОКЪ.

Переводъ съ Французскаго.

Подъ редакціей Я. Шырова.

Ученое изданіе
"Біжебскі държавни университет
им. П. П. Шибанова"
БІЖЕБЪ

Безплатное приложение къ „Вѣстнику Иностранной Литте-
ратуры“ за 1907 годъ

524278

Тип. Т-ва „Народная Польза“, Коломенская, 39.

Новый порядокъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Наполеонъ Бонапартъ.

ГЛАВА I.

Историческая важность его характера и его гения.—I. Онъ человекъ другой расы и другого вѣка.—Происхождение его отца.—Переселеніе на Корсику.— Фамилія его матери.— Юстиція Рамолино.— Его юношескія чувства къ Корсикѣ и Франціи.— Указація, основанныя на его первыхъ сочиненіяхъ и его стилѣ.— Современныя идеи, монархическія или демократическія, не имѣютъ на него никакого вліянія.— Его впечатлѣнія 20 іюня, 10 августа, послѣ 31 мая.— Его связь безъ привязанности съ Робеспьеромъ, потомъ съ Баррасомъ.— Его чувства и выборъ во время 13-го Вандемьера.— Великій кондотьеръ.— Его характеръ и его поведеніе въ Италиі.— Его нравственный и физическій обликъ въ 1798 году.— Онъ проявляетъ раннее превосходство.— Его характеръ и умъ аналогичны таковымъ его итальянскихъ предковъ XV-го столѣтія.— II. Понятія во время Возрожденія Италиі и современныя понятія.— Полнота мыслительныхъ способностей у Бонапарта.— Гибкость, сила и упорство его вниманія.— Другія различія между мыслительными способностями Бонапарта и его современниковъ.— Онъ думаетъ образами, а не словами.— Его отвращеніе къ идеологии.— Слабость и ничтожность его литературнаго и философскаго образованія.— Какъ онъ образовывалъ себя путемъ прямого наблюденія и практическаго изученія.— Его склонность къ деталямъ.— Его ясновидніе мѣстъ и физическихъ объектовъ.— Его умственное представленіе позиціи, разстояній и количества.— III. Его психологическій даръ и его система читать въ душѣ и чувствахъ.— Его самоанализъ.— Какимъ образомъ онъ рисуетъ собѣ общее положеніе на основаніи частнаго случая и внутреннее состояніе — при помощи вѣшнихъ признаковъ.— Оригинальность и превосходство его рѣчи и способъ выраженія.— Какъ онъ ими пользуется по отношенію къ слушателямъ и обстоятельствамъ.— IV. Его три атласа.— Ихъ объемъ и полнота.— V. Его созидательное воображеніе.— Его проекты и мечты.— Избытокъ и крайности его преобладающей способности

Когда хотять отдать себѣ отчетъ о строящемся зданіи, необходимо представить себѣ условія постройки, т. е. затрудненія и способы, родъ и качество потребныхъ матеріаловъ, моментъ, случай, настоятельность; но особенно важно имѣть въ виду гений и вкусъ архитектора, особенно, если онъ одновременно является и владѣльцемъ, если онъ строить для себя, если, разъ поселившись, онъ старательно приспособляетъ домъ согласно своему образу жизни

своимъ потребностямъ. Такимъ является социальное зданіе, построенное Наполеономъ Бонапартомъ; архитекторъ, собственникъ и главный обитатель съ 1799 г. по 1814 годъ, онъ создаетъ современную Францію; никогда индивидуальный характеръ не налагалъ такъ глубоко своей печати на коллективное дѣло, такъ что, чтобы понять это дѣло, необходимо прежде всего ознакомиться съ самимъ характеромъ *).

I.

Чрезвычайный и необычный во всѣхъ отношеніяхъ онъ выступаетъ за предѣлы установленныхъ рамокъ; по своему темпераменту, своимъ инстинктамъ, способностямъ, воображенію, своимъ страстямъ и морали онъ кажется вылитымъ по особому образцу, составленъ изъ другого металла, чѣмъ его сограждане и его современники. Очевидно, это—не французъ, не человекъ XVIII-го столѣтія; онъ принадлежалъ къ другой расѣ къ другому вѣку; **) съ перваго взгляда въ немъ можно было отличить иностранца, итальянца и еще что-то побочное, не поддающееся никакому уподобленію или аналогіи. По происхожденію и крови онъ былъ итальянецъ. Тосканскій родъ его отца встрѣчается послѣдовательно, начиная съ XII-го вѣка, вначалѣ во Флоренціи, потомъ въ Санъ-Миніато, наконецъ въ Сарзанѣ, маленькомъ захудаломъ городишкѣ Генуезской республики, гдѣ въ дѣломъ рядѣ поколѣній онъ прозябалъ въ уединеніи провинціальной жизни въ видѣ длиннаго ряда нотаріусовъ и муниципальныхъ представителей.

«Всѣ итальянцы, говорилъ самъ Наполеонъ, смотря на меня какъ на своего соотечественника... Когда возникъ вопросъ о бракѣ моей сестры Полины съ принцемъ Боргезомъ въ Римѣ и въ Тосканѣ, семья принца и всѣ его родственники говорили въ одинъ голосъ: «Отлично, между нами будь сказано, это—одна изъ нашихъ фамилій...»

Позднѣе, когда папа колебался короновать Наполеона, «въ Конклавѣ итальянская партія одержала верхъ надъ австрійской партіей, прибавляя къ политическимъ доводамъ слѣдующее маленькое соображеніе національнаго самолюбія: «При всемъ томъ, фамилія, на которую мы возлагаемъ управленіе надъ варварами, есть фамилія итальянская, и тѣмъ самымъ мы отмстимъ галламъ».

*) Главнымъ источникомъ безъ сомнѣнія служить корреспонденція императора Наполеона I го въ тридцати двухъ томахъ. Къ несчастью эта корреспонденція еще неполна и, начиная съ шестого тома, она сокращена. Ученый, упорно изучившій корреспонденцію императора въ различныхъ архивахъ Франціи насчитываетъ свыше 70 ти тысячъ писемъ, изъ которыхъ 23 тысячи были изданы въ вышеупомнутомъ сборникѣ, а остальные выкинуты по разнымъ соображеніямъ. Напримѣръ, опубликована только половина писемъ Наполеона къ Биго де Преамене касательно церковныхъ вопросовъ.

**) Дневникъ съ острова Святой Елены графа Ла-Каза (24-е Мая 1816 года).—«На Корсикѣ, во время экскурсій верхомъ, Паоли показывалъ ему позиціи, мѣста борьбы за свободу и мѣста триумфа ея».

На замѣчаніи своего молодого спутника Паоли, пораженный характеромъ этихъ замѣчаній, сказалъ ему: «Наполеонъ, въ тебѣ ничего нѣтъ современнаго, ты всецѣло принадлежишь вѣку Паутарха».

Выражение знаменательное, освещающее глубины итальянской души, старшей дочери современной цивилизации, проникнутой правом своего превосходства, упорной въ своей ненависти къ живущимъ по другую сторону Альпъ, высоконьрной наслѣдницы римской гордости и античнаго патриотизма *).

Изъ Сарзаны фамилія Бонапартовъ выселяется на Корсику и живетъ тамъ, начиная съ 1529 года; голь спустя происходитъ взятіе, укрощеніе и прочное порабощеніе Флоренціи; съ этого момента въ Тосканѣ подъ управленіемъ Александра Медичи, а потомъ Косьмы 1-го и его наслѣдниковъ и во всей Италиі подъ властью испанцевъ постоянное ярмо, монархическая дисциплина, внѣшній порядокъ и общественное спокойствіе смѣняютъ независимость мѣстнаго самоуправленія, частныя войны, широкая игра политическихъ авантюръ и удачныхъ захватовъ власти, режимъ эфемерныхъ княжескихъ достоинствъ, создавшихся на насиліи и обманѣ. Такимъ образомъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда энергія, тщеславіе, крѣпкая и свободолюбивая закваска среднихъ вѣковъ начинаетъ выдыхаться **), незначительная вѣтвь, оторвавшись, прививается на почвѣ одного острова, не менѣе итальянскаго, но почти варварскаго, въ обстановкѣ учрежденій, нравовъ и страстей начала среднихъ вѣковъ, въ общественной атмосферѣ достаточно грубой, чтобы сохранить всю ея силу, всю ея жестокость.

Благодаря неоднократнымъ сочетаніямъ съ мѣстными дочками вѣтвь эта еще болѣе осваивается съ условіями мѣста. Съ этой стороны, по материнской линіи, со стороны бабки и матери Наполеонъ является чистокровнымъ туземцемъ. Его бабушка, Шетра-Санта, была родомъ изъ Сартена, кантона, корсиканскаго по преимуществу, гдѣ родовая месть поддерживала еще въ 1800 году режимъ XI-го вѣка, гдѣ непрестанныя войны враждебныхъ семей прерывались лишь на время перемирій, гдѣ, въ большей части городовъ, выходили только вооруженными группами, гдѣ дома своими бойницами походили на крѣпости. Его мать, Летиція Рамолино, на которую по характеру и силѣ воли онъ походилъ болѣе, чѣмъ на своего отца ***), была женщина примитивной души, которой не коснулась

*) Корреспонденція императора Наполеона I-го (письмо Бонапарта отъ 29 сентября 1797 года по поводу Италиі): «Народъ глубоко враждебный французамъ въ силу предразсудковъ, вѣковой привычки и по характеру».

**) Міо де Мелитто, 1,126 (1796 г.): «За два съ половиной вѣка Флоренція утратила свою былую энергію, которая въ бурныя времена республики была присуща этому благодородному городу. Господствующее настроеніе всѣхъ классовъ выражалось въ безпечности... Почти всюду я видѣлъ только людей, убавкиваемыхъ чарами прелестнѣйшаго климата, занятыхъ единственно мелочами монотонной жизни и спокойно прозябающихъ подъ благотворнымъ небомъ».

***) Его отецъ, Шарль Бонапартъ, слабовольный и даже фривольный «слишкомъ любившій удовольствія, чтобы заниматься своими дѣтьми» и хорошо вести свои дѣла, достаточно начитанный, посредственный глава дома умеръ тридцати десяти лѣтъ отъ опухоли въ желудкѣ и, повидимому, передалъ своему сыну Наполеону, только эту послѣднюю особенность. Напротивъ, его мать, серьезная, властная, настоящій глава семьи, была, говорилъ Наполеонъ, «строга въ своей вѣжности, была безразлична, когда наказывала или поощряла». Сдѣлавшись Madame Mère, «она была бережлива до смѣш-

цивилизация, простая и цѣльная натура, не способная въ тонкостяхъ, удовольствіямъ и лоску свѣтской жизни, беззаботная въ вопросахъ о своемъ благополучномъ существованіи, литературно необразованная, бережливая, какъ крестьянка, но энергичная, какъ вождь партіи, сильная душой и тѣломъ, способная на крайнія рѣшенія, словомъ деревенская «Корнелія», зачавшая и выносившая сына въ обстановкѣ случайностей войны и поражений во время наиболѣе сильнаго вторженія французовъ, при бѣгствахъ въ горы верхомъ на лошади, при ночныхъ тревогахъ и ружейныхъ выстрѣлахъ *). «Потери, лишенія, утомленія, говоритъ Наполеонъ, все переносила, вѣснъ бравировала она; это былъ мужчина въ образѣ женщины». Рожденный и выросшій въ такихъ условіяхъ, онъ чувствовалъ въ себѣ съ перваго дня рожденія до послѣдняго дня жизни свою расу, свою страну. «Все тамъ было лучше, говорилъ онъ на Св. Еленѣ, даже запахъ самой земли; онъ могъ бы разобрать его съ закрытыми глазами; онъ нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго. Онъ видѣлъ тамъ себя въ первые годы своей жизни; жилъ тамъ въ дни молодости, среди стреминнъ; переѣзжалъ черезъ высочія вершины, спускался въ глубокія долины, въ узкія ущелья; пользовался почетомъ и удовольствіями гостепрѣимства», принимаемый всюду какъ соотечественникъ, какъ братъ. Въ Боконьяно **), гдѣ его мать, беременная имъ, нашла убѣжище, «гдѣ мести и ненависть не умирали до седьмого поколѣнія, гдѣ въ росписи приданнаго молодой дѣвушки входило число ея двоюродныхъ братьевъ,

ного. Со стороны ея наблюдалась крайняя предусмотрительность; она была знакома съ нуждой, и эти ужасные моменты не выходили у нея изъ головы... Паоли пытался дѣйствовать на нее убѣжденіемъ, прежде чѣмъ перейти къ силѣ... Madame отвѣчала какъ героиня, поступила какъ Корнелія... 12 или 15,000 крестьянъ ринулись изъ горъ на Айяччо, нашъ домъ былъ разграбленъ и сожженъ, наши виноградники потоптали, стада уничтожили... Наконецъ, эта женщина, у которой съ такимъ трудомъ можно было вырвать экую, отдала все для содѣяствія моему возвращенію съ острова Эльбы и послѣ Ватерлоо предложила мнѣ все, что имѣла, для того чтобы поправить мои дѣла». Герцогиня д'Абрантесъ, Мемуары II, 318, 369. «До неприличія скандная, исключая развѣ въ некоторыхъ торжественныхъ обстоятельствахъ... Ни малѣйшаго общеупотребительнаго знанія свѣтскихъ обычаевъ.. Крайняя невѣжда не только въ нашей, но и въ своей литературѣ». Стендаль, Жизнь Наполеона. «Совершенно итальянскимъ характеромъ г-жи Летиции можно объяснить характеръ ея сына.

*) Вѣстникъ французскаго вѣдѣнія оперируется съ 30-го іюля 1768 года по 22-ое мая 1769 года; фамилія Бонапартовъ извѣстна въ покорность 23-го мая 1769 года, а Наполеонъ рождается пятнадцатаго числа слѣдующаго августа.

**) Міо де Мелито, II, 33; «Въ день моего пріѣзда въ Боконьяно личная мести стояла жизни двухъ человѣкъ. Около девяти лѣтъ тому назадъ одинъ изъ обитателей этого кантона убилъ своего сосѣда, отца двоихъ дѣтей... Эти послѣдніе, достигнувъ возраста шестнадцати или семнадцати лѣтъ, стали выслѣживать убійцу, который принималъ мѣры предосторожности и не рѣшался оставить города... Они нашли его играющимъ въ карты подъ деревомъ, выстрѣлили, убили его и кромѣ того по несчастной случайности, убили спавшаго неподалеку человѣка. Родственники той и другой стороны назвали поступокъ весьма справедливымъ и правильнымъ». Тамъ же, I, 143: «Когда я пріѣхалъ изъ Бастіи въ Айяччо давъ мѣстныхъ знатныхъ фамиліи Церальди и Вивальди обмѣняясъ ружейными выстрѣлами, оспаривая честь принять меня».

меня принимали какъ желаннаго гостя и жертвовали собою ради меня». Сдѣлавшись французомъ въ силу необходимости, пересаженный на французскую почву, воспитанный на счетъ короля во французской школѣ, онъ горѣлъ патриотизмомъ къ своему острову и сильно одобрялъ борца за свободу Паоли, противъ котораго шлѣ его родственники.

«Паоли, говорилъ онъ за столомъ, былъ великій человекъ, онъ любилъ свою родину, никогда я не прошу моему отцу, который былъ его адъютантомъ, его содѣйствія присоединенію Корсики къ Франціи; онъ долженъ былъ бы слѣдовать за его судьбой и пасть вмѣстѣ съ нимъ». Во время своей юности онъ остается въ душѣ врагомъ французовъ, угрюмымъ, раздраженнымъ, мало кого любящимъ, мало кѣмъ любимымъ, одержимымъ тягостнымъ чувствомъ, еловно побѣжденный, котораго постоянно оскорбляютъ и заставляютъ быть слугою. Въ Бриеннѣ онъ не посѣщаетъ своихъ товарищей, избѣгаетъ игръ съ ними, въ свободные часы замыкается въ библиотекѣ и только Бурриенну откровенно, въ рѣзкихъ, полныхъ ненависти выраженіяхъ объявляетъ: «Я причину твоимъ французамъ все зло, на которое я буду способенъ».

«Корсиканецъ по происхожденію и по характеру, писалъ его профессоръ исторіи въ Военной школѣ, онъ пойдетъ далеко, если тому будутъ благоприятствовать обстоятельства».

Выйдя изъ Военной школы, въ гарнизонъ Валенсіи и Аксонны онъ постоянно остается чужакомъ, враждебно настроеннымъ; къ нему возвращается старое чувство ненависти; онъ хочетъ объ этомъ написать и обращается къ Паоли: «Я родился, говоритъ онъ ему, когда погибла родина. Тридцать тысячъ французовъ, вторгнушихся на наши берега, затопившихъ тронъ свободы потоками крови, таково было гнусное зрѣлище, поразившее мои взоры. Крики умирающихъ, вопли побѣжденнаго, слезы отчаянія обружали мою колыбель съ момента моего рожденія... Я хочу очернить вистью безславій тѣхъ, которые предали общее дѣло, подлыя души, которыхъ прельстила грязная сдѣлка».

Нѣсколько позже, его письмо къ Буттафуоко, депутату въ Учредительное собраніе и главному дѣятелю по вопросу о присоединеніи къ Франціи, представляетъ длинное посланіе сгущенной злобы, которая, сдерживаемая вначалѣ съ трудомъ подъ формою холоднаго сарказма, въ концѣ концовъ начинаетъ бить чрезъ край, точно перегрѣлая лава, и выбитъ въ потокъ горячей брани.

Съ пятнадцати лѣтъ, сначала въ школѣ, потомъ въ полку, его воображеніе витаетъ въ прошломъ его острова; онъ описываетъ это прошлое; онъ живетъ тамъ душою въ теченіе многихъ лѣтъ; онъ предлагаетъ свою книгу Паоли; вслѣдствіе невозможности ее напечатать, онъ дѣлаетъ изъ нея сокращеніе, которое посвящаетъ аббату Рейналю и резюмируетъ въ ней натянутымъ слогомъ, съ чувствомъ горячей и трепетной симпатіи лѣтописи своего маленькаго народа, возмущенія, освобожденія, героическія и кровавыя жестокости, общественныя и семейныя трагедіи, ловушки, предательства, мщеніе, любовь и убійства, словомъ, исторію, подобную исторіи влановъ Горной Шотландіи. Его стиль, еще болѣе чѣмъ его сочувствіе, обна-

руживаеть въ немъ иностранца. Безъ сомнѣнiя въ этомъ сочиненiи, какъ и въ другихъ сочиненiяхъ своей молодости, онъ слѣдуетъ, насколько это въ его силахъ примѣру знаменитыхъ авторовъ, Руссо и особенно Рейналю; онъ, какъ ученикъ, подражаетъ ихъ тирадамъ ихъ чувствительнымъ разглагольствованiямъ, ихъ гуманитарной напыщенности. Но это платье напрокатъ стѣсняетъ его, ему не по росту; оно очень хорошо сшито, великолѣпно пригнано, изъ тонкой матерiи; оно требуетъ черезчуръ размѣренную походку и слишкомъ сдержанные жесты; на каждомъ шагу оно образуеть на немъ грубыя складки или смѣшныя мѣшки; онъ не умѣетъ его носить, и оно трещитъ у него по всѣмъ швамъ. Онъ не только не знаетъ и никогда не зналъ орфографiи, но онъ не знакомъ съ языкомъ, съ прямымъ значенiемъ словъ, съ происхожденiемъ и связью ихъ, съ удобствомъ или неудобствомъ взаимнаго сочетанiя фразъ, оборотовъ, съ точнымъ смысломъ картиннаго языка; онъ бурно шагаетъ впередъ по безалаберной нескладницѣ, несвязности, по итальянизмамъ, варваризмамъ и спотыкается безъ сомнѣнiя вслѣдствiе неловкости, неопытности, но также и вслѣдствiе чрезмѣрной горячности и стремительности: мысль обремененная страстью, прерывистая, бьющая въключемъ указываетъ на глубину и температуру ея источника. Уже въ Военной школѣ профессоръ изящной словесности говорилъ, что «въ неправильной и странной величинѣ своихъ многословiй онъ, казалось, походилъ на гранитъ, раскаляемый на вулканѣ».

Онъ былъ въ такой степени своеобразный по уму и чувствамъ, такъ мало приспособленъ въ окружающему мiру, до того отличался отъ своихъ товарищей, что становилось напередъ яснымъ, что существующiя идеи, сильно влiявшiя на послѣднихъ, не повлiяють на него.

Изъ двухъ господствующихъ и противоположныхъ идей, сталкивающихся между собою, каждая могла считать его своимъ сторонникомъ, но онъ не слѣдовалъ ни за той, ни за другой. Будучи воспитанникомъ короля, который содержалъ его въ Бриеннѣ, а потомъ въ Военной школѣ, который воспитывалъ также его сестру въ Сень-Сирѣ, который впродолженiе двадцати лѣтъ является благодѣтелемъ его семьи, къ которому въ это же самое время онъ обращается съ умоляющими и признательными письмами за подписью своей матери, онъ не смотритъ на него какъ на своего главу, ему не приходится въ голову встать въ его ряды, извлечь ради него шпагу; онъ могъ быть прекраснымъ дворяниномъ, воспитаннымъ въ школѣ кадетовъ-дворянъ, но, въ немъ совсѣмъ не было дворянскихъ и монархическихъ традицiй *). Бѣдный и обуреваемый честолюбiемъ онъ читаетъ

*) Мемуары маршала Мармона, I, 15: «Въ 1793 году я пыталъ къ особѣ короля чувство, трудно поддающееся опредѣленiю, слѣдъ котораго и, въ некоторомъ родѣ, силу я снова почувствовалъ лишь двадцать два года спустя, чувство преданности почти религiознаго свойства, врожденное почтенiе, какъ надлежитъ для существа высшаго порядка. Слово короля обладало тогда магическою властью, которую ничто не могло измѣнить въ прямихъ и чистыхъ сердцахъ... Этотъ культъ королевской власти еще существовалъ въ массѣ народа и особенно среди дворянъ, которые отстоя довольно далеко отъ власти, были поражены скорѣе ея блескомъ, чѣмъ ея несовершенствами...».

Руссо, ищет покровительства у Рейналя, копирует философию сентенции и общія мѣста о равноправіи, ни во что подобное не вѣря; модныя фразы для его мысли есть то же, что академическое одѣяніе или красный колпакъ клуба; онъ не ослѣпленъ демократической иллюзіей, чувствуетъ одно лишь отвращеніе къ дѣйствительной революціи и къ владычеству черни. Въ Парижѣ въ 1792 году, въ разгаръ борьбы между монархистами и революціонерами онъ занятъ изысканіемъ. «какого нибудь доходнаго дѣльца» и предполагаетъ нанимать дома, чтобы потомъ съ барышемъ сдавать ихъ жильцамъ.

20-го іюня онъ въ качествѣ простаго зрителя присутствуетъ при разгромѣ Тюльери и видя у окна короля, одѣтаго въ красный колпакъ: «*Che coglionе!*» говоритъ онъ довольно громко, а слѣдомъ за этимъ прибавляетъ: «Какимъ образомъ позволили войти этой сволочи! Нужно было смести пушечными выстрѣлами четыре или пять сотенъ, и остальные побѣжали-бы» 10-го августа, когда звучалъ набатъ, его презрѣніе одинаково было какъ по отношенію къ народу, такъ и по отношенію къ королю; онъ бѣжитъ на Карусель къ одному другу и оттуда въ качествѣ празднаго зрителя «онъ спокойно видитъ всѣ происшествія дня»; наконецъ, когда замокъ взятъ съ бою, онъ бѣжитъ къ Тюльери, въ сосѣднія кофейни и только смотритъ: у него нѣтъ ни малѣйшаго желанія принять участіе, ни малѣйшаго внутренняго побужденія, ни якобинскаго, ни роялистскаго. Даже его лицо до такой степени спокойно, что онъ неоднократно вызываетъ враждебные и недовѣрчивые взгляды, словно какой-то неизвѣстный и подозрительный. Подобнымъ-же образомъ, послѣ 31-го мая и 2-го іюня онъ осуждаетъ областной мятежъ, вслѣдствіе слабой организациі его силъ: со стороны возставшихъ — загнанная армія, отсутствіе укрѣпленной позиціи, кавалеріи, неопытные артиллеристы, Марсель, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, полный враждебныхъ санкюлотовъ, скоро осужденный, взятый, разграбленный; наличность шансовъ противъ подобнаго возстанія: «Пусть бѣдняки, населяющіе Винарэ, Севенны, Корсику бьются до послѣдней крайности; но вы, вы теряете битву, и тысячелѣтній плодъ утомленій, трудовъ, экономіи и достатка становится добычей солдата». Ни одно изъ политическихъ или социальныхъ убѣжденій, которыя имѣли тогда такую власть надъ людьми, не влияют на него. До 9-го Термидора онъ былъ повидимому республиканецъ — монтаньяромъ; его видятъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ фаворитомъ и близкимъ совѣтникомъ Робеспьера младшаго, поклонникомъ Робеспьера старшаго; въ Ниццѣ онъ жилъ въ связи съ Шарлотой Робеспьеръ. Велѣдъ за 9 Термидоромъ онъ громогласно отрекается отъ этой компрометирующей дружбы: «Я его считалъ чистымъ душою, говоритъ онъ относительно Робеспьера младшаго въ одномъ откровенномъ письмѣ, но, будь это даже мой отецъ, я самъ завололъ-бы его, разъ онъ сталъ замышлять тиранію». Вернувшись въ Парижъ, онъ вездю ищетъ покровителя и находитъ его въ Баррастѣ, человѣкѣ крайне развращенномъ, который неспровержъ и приказалъ убить двухъ своихъ первыхъ покровителей. Среди смѣны проявленій фанатизма и борьбы партій онъ остается холоднымъ исполнителемъ предписаній,

безразличнымъ въ какой-бы то ни было программѣ и занятымъ исключительно устройствомъ своего благополучія. 12-го Вандембера вечеромъ, выйдя изъ театра Фейдо и видя приготовленія секціонеровъ, онъ говорилъ Жюно: «сэръ, если-бы секція поставила меня во главѣ, даю слово, черезъ два часа мы были бы въ Тюльери и прогнали-бы всю сволочь Конвента!» Пять часовъ спустя, призванный членами Конвента, онъ проситъ «три минуты» на размышленіе и, вмѣсто того чтобы «заставить вылетѣть представителей», онъ разстрѣливаетъ парижанъ въ качествѣ добросовѣстнаго кондотьера, который не предается всецѣло, который предлагаетъ себя первому нанимателю, болѣе щедрому давальцу, съ тѣмъ чтобы позднѣе взять свое слово обратно и, если представится случай, все взять. Оставаясь такимъ кондотьеромъ, я хочу сказать предводителемъ шайки, онъ все болѣе и болѣе становится независимымъ и подъ смиренною внѣшностью и подъ предлогомъ общественнаго блага устраиваетъ свои собственныя дѣла, все совершая въ свою пользу, оставаясь начальникомъ за свой счетъ и выгоду въ своей итальянской компаніи, до и послѣ 18 го Фруктидора. Но онъ былъ кондотьеромъ высшаго порядка, добрался уже до болѣе высокихъ положеній, имѣвшихъ конечною цѣлью или тронъ, или эшафотъ, желалъ подчинить себѣ Францію и при содѣйствіи Франціи—Европу; онъ постоянно былъ занятъ проектами, спалъ по три часа въ ночь, игралъ идеями и народами, религіями и правленіями, игралъ человѣкомъ съ неподобною ловкостью и жестокостью, не затруднялся въ выборѣ средствъ и въ выборѣ цѣли, прекрасный и неистощимый артистъ въ сферѣ представительства, обворожительнаго обращенія, подкупка и запугиванія; онъ поражалъ, а еще болѣе устрашалъ, точно великолѣпный дикій звѣрь, внезапно впущенный въ стадо ручныхъ, жвачныхъ животныхъ. Сравненіе не слишкомъ сильное и оно было сказано свидѣтелемъ, другимъ опытнымъ дипломатомъ: «Вы знаете, что, питая къ нему, къ этому милому генералу, чувство глубокой любви, я все-таки называю его потихоньку маленькимъ тигромъ, чтобы лучше охарактеризовать его ростъ, его цѣнность, его смѣлость, быстроту его движеній, его порывы, словомъ все, что соответствовало въ немъ этому понятію».

Въ это же самое время, до появленія официальной лести и принятія установившагося типа, его можно видѣть лицомъ къ лицу въ двухъ портретахъ съ натуры: одинъ — физическій, нарисованный Герэномъ, искреннимъ художникомъ; другой—нравственный обликъ, очерченный высокообразованной женщиной, которая съ совершенной культурой европейца соединяла житейскій тактъ и проницательность — М-ше де-Сталь. Оба портрета до такой степени согласны между собою, что каждый изъ нихъ, какъ будто поясняетъ и заканчиваетъ другой. «Я увидѣла его, говорить М-ше де-Сталь, въ первый разъ при его возвращеніи во Францію послѣ кампоформійскаго договора. Когда я нѣсколько оправилась отъ чувства смущеннаго удивленія, я ясно ощутила чувство боязни». Однако «онъ не имѣлъ тогда никакой власти, ему даже грозили темныя подозрѣнія Директоріи»; на него смотрѣли скорѣй симпатично, съ благожелательной предупредительностью; «такимъ образомъ чувства боязни, которое онъ вы-

пять, являлось скорѣе результатомъ особаго вліянія его личности почти на всѣхъ, которые къ нему приближались. Я видѣла людей весьма достойныхъ уваженія, видѣла также людей жестокихъ, но въ впечатлѣніи, которое Бонапартъ произвелъ на меня, не было ничего, что могло бы напомнить мнѣ тѣхъ или другихъ. Я замѣтила довольно скоро, въ различныхъ случаяхъ, когда я встрѣчала его во время пребыванія въ Парижѣ, что его характеръ нельзя было опредѣлить словами, которыми мы привыкли пользоваться; онъ не былъ ни добрый, ни злой, ни кроткій, ни жестокій въ обыкновенномъ смыслѣ. Подобное существо, не имѣющее себѣ равнаго, было болѣе чѣмъ обыкновенный человѣкъ; его фигура, его умъ, его языкъ носятъ на себѣ печать чуждой природы... вмѣсто спокойнаго отношенія при болѣе частыхъ встрѣчахъ съ Бонапартомъ чувство робости во мнѣ съ каждымъ разомъ нарастало. Я смутно чувствовала, что никакое движеніе сердца не могло на него дѣйствовать. Онъ смотритъ на человѣческое существо, какъ на явленіе или вещь, а не какъ на подобнаго себѣ; всѣ остальные являются для него цифрами. Сила его воли заключается въ невозмутимомъ расчетѣ его эгоизма; это—ловкій игрокъ, для котораго родъ людской является противникомъ и которому онъ старается сдѣлать шахъ и матъ... Всякій разъ, когда я слышала его говорящимъ, я была поражена его превосходствомъ; превосходство это не имѣло ничего общаго съ превосходствомъ людей, образованныхъ и культурныхъ при содѣйствіи науки и общества, каковыя примѣры можетъ выставить Франція и Англія. Его рѣчи обнаруживали знаніе и умѣніе оцѣнить обстоятельства, подобно тому какъ охотникъ знаетъ свою дичь... Въ его душѣ чувствовалась холодная, острая шпага, которая ранила и леденила, въ его умѣ я чувствовала глубокую пронию, отъ вліянія которой ничто не могло ускользнуть—ни великое, ни прекрасное, ни даже его собственная слава, такъ какъ онъ презиралъ націю, рукондесканій которой добивался... Онъ не останавливался ни передъ средствомъ, ни передъ цѣлью; произвольнаго у него не было ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ. Для него не существовало ни закона, ни правила, идеальнаго и отвлеченнаго; «онъ смотрѣлъ на вещи только съ точки зрѣнія ихъ немедленной полезности; общій принципъ ему былъ досаденъ какъ глупость, какъ врагъ». Взгляните теперь на портретъ Герэна *), на этотъ худощавый корпусъ, на эти узкія плечи въ сюртукѣ, образовавшемъ складки отъ нервныхъ движеній, на эту шею обернутую въ высокій, скрученный галстухъ, на эти виски прикрытые длинными, прямо падающими волосами, передъ вами — живая маска, рѣзкія черты, въ которыхъ сталкиваются контрасты тѣни и свѣта, щеки, запавшія до внутренняго угла глаза, выдающіяся скулы, массивный и выступающій подбородокъ, извилистыя губы, подвижныя, стиснутыя отъ напряженнаго вниманія; большіе, ясные глаза, глубоко всаженные въ орбиты, неподвижный, косой взглядъ, рѣжущій какъ сабля, двѣ прямыхъ складки, идущія отъ основанія носа на

*) Кабинетъ эстамповъ, портретъ Бонапарта, «исполненный Герэномъ-гравированный Физингеромъ, выставленный въ Национальной библіотекѣ 26. го вандемьера VII года французской республики».

любъ точно нахмуренность отъ сдерживаемаго гнѣва и непреклонной воли. Прибавьте къ этому еще то, что видѣли или слышали современники: отрывистую рѣчь, короткіе рѣшительные жесты, допрашивающій, повелительный и абсолютный тонъ, и вы поймете, какимъ образомъ всѣ, лишь только приходять съ нимъ въ соприкосновеніе, чувствуютъ властную руку, которая опускается на нихъ, сжимаетъ ихъ, гнететъ и не выпускаетъ.

Уже въ салонахъ Директоріи, когда онъ говоритъ съ мужчинами или даже съ женщинами онъ употребляетъ систему «вопросовъ, которые устанавливають превосходство того, кто ихъ дѣлаетъ надъ тѣмъ, къ кому они обращены».

— Вы женаты? говоритъ онъ одному.

Другой: «Сколько у васъ дѣтей?» или: «Когда вы пріѣхали?» — Передъ одной французенкой, извѣстной своею красотою, умомъ и живостью своихъ сужденій, «онъ держится прямо, какъ нѣмецкій генераль-строевиевъ, и говоритъ ей:

— Сударыня, я не люблю, когда женщины вѣшиваются въ политику.

Всякое равенство, всякая фамильярность, пріятельское панібратство исчезаютъ при его появленіи. Когда его назначили главнокомандующимъ итальянской арміи, адмираль Девре, который былъ хорошо съ нимъ знакомъ въ Парижѣ, узнаетъ, что онъ находится въ Тулонѣ: «Я немедленно предлагаю всѣмъ товарищамъ представить ихъ, рассчитывая на мое знакомство; бѣгу, исполненный торопливости и радости; салонъ открывается; я бросился, по одного взгляда, звука голоса было достаточно, чтобы я остановился. Тѣмъ не менѣе въ немъ ничего не было оскорбительнаго, но и того было достаточно; съ тѣхъ поръ я никогда не пытался перешагнуть опредѣленной мнѣ дистанціи».

Нѣсколько дней спустя въ Альбежѣ генералы дивизіона пріѣзжаютъ на главную квартиру весьма плохо настроенные въ маленькому высочкѣ, котораго имъ шлютъ изъ Парижа; между ними былъ Ожеро, хвастливый и грубый рубака, гордый своимъ высокимъ ростомъ и беззащитничествомъ; онъ поноситъ его и заранѣе отказывается отъ повиновенія: любимчикъ Парра, генераль Вандемьера, генераль улицы, ничѣмъ не отличившій себя, не имѣющій друга, похожій на медвѣдя, потому что онъ всегда одинъ со своими мыслями, фигура съ репутаціей математика и мечтателя.

Ихъ вводятъ, и Наполеонъ заставляетъ себя ждать. Наконецъ, онъ появляется, опоясанный своей шпагой, объясняетъ свои намѣренія, даетъ имъ свои приказанія и отпускаетъ ихъ. Ожеро отбѣжалъ; только по выходѣ оттуда онъ пришелъ въ себя и къ нему вернулася его обычная ругань; онъ сознается Массена, что этотъ маленький прыщъ нагналъ на него страху; онъ не можетъ понять вліянія, подъ которымъ онъ чувствовалъ себя раздавленнымъ въ первый же моментъ*). Онъ былъ необычайный и выдающійся, соз-

*) Есть еще примѣръ подобнаго вліянія на другого революціонера, еще болѣе энергичнаго и болѣе грубаго, чѣмъ Ожеро, — генерала Вандамма. Въ 1815 году Вандаммъ говорилъ маршалу д'Орвано: «Мои шлемы, этотъ дьяволъ

данный для командованія *) и для побѣды, своеобразный и оригинальный, и его современники отлично это чувствуютъ; наиболѣе знакомые съ былой исторіей иностранныхъ народовъ, напримѣръ м-ше де Сталь, а позднѣе—Стендаль, для того, чтобы выяснить его личность восходятъ до мелкихъ итальянскихъ тирановъ XIV-го и XV вѣка, до Кастручіо—Кастрагани, до Брагіо изъ Мантуи, до Пичинино, до Малатеста де Рамини, до Сфорцы изъ Милана; но здѣсь, по ихъ мнѣнію имѣется только случайная аналогія, психологическое сходство. Однако, на самомъ дѣлѣ, и исторически доказано, что родство это положительно существуетъ; онъ происходитъ отъ знаменитыхъ итальянскихъ дѣятелей 1400-го года, отъ военныхъ авантюристовъ, узурпаторовъ и основателей недолгихъ государствъ; онъ наследовалъ по прямой передачѣ ихъ кровь и ихъ врожденную умственную и нравственную структуру **),

во плоти (онъ говорилъ объ императорѣ) наводитъ на меня такое помраченіе, что я не въ состояніи разобратъся, и до такой степени, что я, который не боится ни Бога, ни чорта, когда къ нему приближаюсь, трепещу, какъ ребенокъ; онъ меня заставилъ-бы пройти сквозь игольное ушко, а потомъ вунуться въ огонь».

*) Редегеръ, III, 536 (Слова Наполеона 11-го февраля 1809 г.: «Я военный по природѣ, это моя жизнь, моя привычка. Всюду, гдѣ я былъ, я командовалъ. Двадцать три лѣтъ я велъ осаду Тулона; я начальствовалъ въ Парижѣ во время Вандемьера, я подналъ духъ солдатъ въ Италіи, лишь только туда явился. Я рождаю для этого».

**) Обратите вниманіе, что у различныхъ членовъ его семьи наблюдаются различныя черты одной и той же женственной и нравственной структуры.—*Дневникъ* (Слова Наполеона о его братьяхъ и сестрахъ): «Какая семья, столь же многочисленная, могла-бы представить такое прекрасное сочетаніе?»—*Неизданныя воспоминанія* канцлера Паскье, четырнадцать томовъ въ рукописи; II, 543. (Авторъ, молодой магистратъ при Людовикѣ XVI, значительный чиновникъ во время Имперіи, крупная политическая личность во время Реставраціи и Іюльской монархіи, по всей вѣроятности является наилучше освѣдомленнымъ и самымъ безпристрастнымъ свидѣтелемъ первой половины нашего столѣтія): «Ихъ пороки и ихъ добродѣтели выходятъ за предѣлы обычной мѣрки и имѣютъ свойственный имъ обликъ. Но что ихъ особенно отличаетъ это—упорство воли и неуклонность въ рѣшеніяхъ... Они всѣ чувствовали инстинктомъ свое величіе. Они безъ смущенія занимали самыя высокія положенія... Жозефа нисколько не удивила его невѣроятная судьба; я слышала, какъ онъ въ Январѣ 1814-го года вѣсколько разъ высказывалъ передъ мною то мало вѣроятное убѣжденіе, что если бы его братъ не вышлся въ его дѣла послѣ второго вѣзда въ Мадридъ, онъ былъ бы еще на тронѣ испанскихъ королей». Что касается до упорства въ принятыхъ рѣшеніяхъ достаточно напомнить отставку Людовика, увольненіе Люсьена, сопротивленіе Феша: они одни были способны не склоняться передъ Наполеономъ и пороку грубо высказывать ему свое мнѣніе. Страсти, чувственность, привычка ставить себя выше всякихъ правилъ, самоувѣренность, соединенная съ талантомъ, все это въ избитомъ лѣтится черезъ край даже у представительницъ этой семьи. Элиза въ Тосканѣ, не смотря на безпорядочность своего поведенія, гдѣ даже внѣшнія приличія не были достаточно соблюдаемы, считалась сильной умомъ и характеромъ, настоящей царицей. Каролина въ Неаполѣ, будучи не болѣе скромна, чѣмъ ея сестры, всегакъ считалась съ приличіями Она болѣе всѣхъ другихъ походила на императора; у нея всѣ желанія замолкали передъ честолюбіемъ. Что касается до Полины, современной красавицы, на одна женщиа со временъ супруги императора Клавдія не превзошла ее въ использовании своихъ прелестей; даже болѣзнъ, которую приписываютъ излишествамъ подобной жизни, и въ силу которой мы такъ часто видѣли ее на носилкахъ, не могла отклонить ее съ привычнаго пути. Жеромъ, не смотря

Побѣгъ, срѣзанный въ родномъ лѣсу до наступленія поры истощенія, былъ пересаженъ на родственную, но далекую почву, гдѣ постоянно существуетъ трагическій и боевой режимъ; первобытная сила сохранилась въ немъ неприкосновенно, она передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнью, обновлялась и укрѣплялась скрещиваніями. Наконецъ, въ послѣдній моментъ отпрыскъ развивается поразительно, съ тою же листвою и тѣми же плодами, какъ и въ былое время; новѣйшая культура и французское садоводство подрѣзало у него нѣсколько вѣтокъ, удалило нѣсколько иглъ: его глубокая ткань, его жизненная субстанція, его произвольный ростъ нѣсколько не измѣнились. Но почва, которую онъ находитъ во Франціи и въ Европѣ, почва, взрытая бурями революціи, для него болѣе благоприятна, чѣмъ старое поле среднихъ вѣковъ; онъ здѣсь одинъ, онъ не терпитъ, какъ его предки въ Италіи, конкуренціи себѣ подобныхъ, ничто его не тѣснитъ, онъ можетъ использовать всѣ соки земли, весь воздухъ и солнце, пространство и сдѣлать колоссомъ, чего не могли достигнуть старыя растенія, можетъ быть такія же жизнеспособныя и конечно такія же глубоко проникающія, какъ и онъ самъ, но рожденныя на землѣ менѣе тучной и заглущающія другъ друга своею близостью.

II.

«Только въ Италіи, говоритъ Альфіери, рождается самый могучій человекъ-дубъ», и никогда въ Италіи онъ не достигалъ такой силы, какъ съ 1300 по 1500 годъ, отъ временъ Данте до Микель Анджело, Цезаря Борджіа, Юлія II-го и Макиавелли. Цѣльность умственного аппарата прежде всего отличаетъ людей этого времени.

Теперь, послѣ трехсотлѣтняго служенія, нашъ умъ утратилъ кое что въ своемъ закалѣ, въ своей остротѣ и въ своей гибкости: обыкновенно, обязательная спеціализація искривляетъ его на одну сторону и дѣлаетъ его неспособнымъ къ другимъ употребленіямъ; сверхъ того, множественность готовыхъ идей и избитыхъ приемовъ притупляетъ его и ведетъ его игру къ рутинѣ; наконецъ, онъ переутомленъ вслѣдствіе избытка мозговой работы, ослабленъ продолжительностью сидячей жизни. Совершенную противоположность представляютъ умы рѣшительные дѣвственной и новой расы. Въ началѣ консульскаго правленія, Редереръ, опытный и независимый судья, который встрѣчаетъ Бонапарта каждый день въ государственномъ совѣтѣ, а по вечерамъ записываетъ свои впечатлѣнія дня, исполнилъ поразительнаго удивленія:

«Онъ неутомительно посѣщалъ всѣ засѣданія, продолжавшіяся пять-шесть часовъ подрядъ, говорилъ до засѣданія и послѣ о предметахъ подлежащихъ рѣшенію; постоянно возвращался къ двумъ

на исключительную смѣлость своихъ дебатовъ, сохранилъ до конца жизни вліяніе на свою жену.

Мои воспоминанія о Наполеонѣ графа Шаптала, 346: «Всѣ члены этой многочисленной фаміи (Жеромъ, Людовикъ, Жозефъ, сестры Бонапарта) всходили на троны, какъ будто вновь являлись владѣльцами своего наследственнаго права».

вопросамъ: справедливо-ли это? полезно-ли это? Разсматривалъ каждый вопросъ въ этихъ двухъ направленіяхъ, подвергнувъ его предварительно самому точному, самому проникательному анализу; справлялся, наконецъ, съ великими авторитетами, съ древней юриспруденціей, съ законами Людовика XIV-го, Фридриха Великаго... Никогда совѣтъ не расходился безъ того, чтобы чему нибудь не научиться; если онъ ничего не могъ со своей стороны сообщить, ему, то по крайней мѣрѣ онъ содѣйствовалъ болѣе глубокому разсмотрѣнію вопроса. Никогда члены сената, законодательнаго корпуса, трибуната не выходили отъ него безъ полезныхъ свѣдѣній».

Ни только его проникательность и всеобъемлемость его ума отличаетъ его отъ всѣхъ, но также, и особенно, — гибкость, «сила и постоянство его вниманія. Онъ можетъ провести девятнадцать часовъ за работой, за одной и той-же работой и за разными. Я никогда не видѣлъ его умъ утомленнымъ. Я никогда не видѣлъ его духъ инертнымъ даже въ усталомъ тѣлѣ, даже при условіи самыхъ жесточайшихъ занятій, даже въ гнѣвѣ. Я никогда не видѣлъ его отвлеченнымъ отъ одного дѣла къ другому. Благоприятныя или неблагоприятныя извѣстія изъ Египта никогда не могли отвлечь его отъ свода законовъ гражданскихъ, ни сводъ законовъ отъ комбинацій, требуемыхъ благополучіемъ Египта. Никогда человекъ не былъ такъ всецѣло отданъ своему дѣлу и никогда не распредѣлялъ лучше своего времени въ своихъ дѣлахъ. Никогда умъ его не отказывался отъ работы, мысль, когда наступалъ моментъ занятій, становилась болѣе кипучей, болѣе проворной въ поискахъ, болѣе способной къ упорному труду».

Онъ самъ говорилъ позднѣе, что «различные предметы и разные дѣла были уложены въ его головѣ, какъ въ комодѣ. Когда я хочу покончить съ однимъ дѣломъ, прибавлялъ онъ, я закрываю его ящикъ и открываю ящикъ другого. Они не смѣшиваются между собою и никогда не стѣсняють и не утомляютъ меня. Захожу я спать, я закрываю всѣ ящики и засыпаю». Подобный мозгъ, въ такой степени дисциплинированный, постоянно готовый ко всякой работѣ, способный къ быстрому и полному сосредоточенію, никогда не встрѣчался. Его гибкость замѣчательна.

«Онъ въ одно мгновеніе можетъ перемѣстить всѣ свои способности, всѣ свои силы съ одного предмета на другой, который его заинтересовалъ, съ мухи на слона, съ отдѣльной личности на непріятельскую армію.

Въ то время, какъ онъ занятъ однимъ предметомъ, остальное для него не существуетъ; это особый родъ погони, которую ничто не можетъ сбить съ пути». И эта горячая охота, которая превращается лишь съ достиженіемъ цѣли, это упорное преслѣдованіе, эта стремительная гонка, для которой моментъ прибытія является новымъ моментомъ отправленія, есть самопроизвольное, естественное, легкое и предпочитаемое имъ движеніе.

«Я, говорилъ онъ Редереру, работаю постоянно, я много думаю. Если кажется, что у меня всегда готовъ ствѣтъ, то это потому, что, прежде чѣмъ предпринять какой нибудь пустякъ, я долго размышляю, я продвигу то, что можетъ случиться. Не геній открываетъ

мнѣ вдругъ то, что надо говорить или дѣлать въ обстоятельствахъ, неожиданныхъ для другихъ, но мое обдумываніе, мое размышленіе... Я работаю постоянно, за обѣдомъ, въ театрѣ.

Ночью я просыпаюсь что-бы съѣсть за работу. Проплую ночью я поднялся въ два часа, сѣлъ въ длинное кресло передъ каминомъ, чтобы провѣрить вѣдомости дислокаціи, которыя мнѣ принесъ военный министръ, я нашелъ двадцать ошибокъ, о которыхъ сегодня-же утромъ довелъ до свѣдѣнія министра, и онъ въ настоящее время занятъ исправленіемъ ихъ». Его сотрудники гибнутъ и едва не падаютъ подъ тяжестью, которую онъ на нихъ налагаетъ и которую самъ несетъ легко и свободно. Будучи консуломъ, «онъ предсѣдательствуетъ иногда въ отдѣльныхъ собраніяхъ внутренней секціи съ десяти часовъ вечера до пяти часовъ утра... Въ Сенъ-Клу онъ часто задерживаетъ членовъ государственнаго совѣта отъ девяти часовъ утра до пяти часовъ вечера съ перерывомъ въ четверть часа и подъ конецъ засѣданія кажется не болѣе утомленнымъ, чѣмъ въ началѣ его».

Во время ночныхъ засѣданій «многіе члены падаютъ отъ усталости, военный министръ засыпаетъ»; онъ тормозитъ и будитъ ихъ: «Ну, ну! граждане, проснитесь, еще только два часа, надо заслужить жалованье, которое намъ даетъ французскій народъ!» Консулъ или императоръ *), «онъ у каждаго министра спрашиваетъ отчетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ: не рѣдкость видѣть ихъ, выходящими изъ совѣта, разбитыми усталостью, вслѣдствіе длительныхъ допросовъ, которые онъ имъ предлагалъ; онъ какъ будто не замѣчаетъ этого и говоритъ имъ, что работа дня послужила ему нѣкоторымъ отдыхомъ». Еще хуже, «случается часто, что тѣ-же самые министры, по пріѣздѣ домой находятъ десятокъ писемъ отъ него съ требованіемъ немедленныхъ отвѣтовъ, для чего едва хватаетъ ночи». Количество фактовъ, которыми обогащенъ его умъ, количество идей, разрабатываемыхъ и создаваемыхъ имъ, кажется выходить изъ предѣловъ человѣческой способности, и этотъ ненасытный и неисчерпаемый, неизмѣнный мозгъ работаетъ такимъ образомъ безъ перерыва въ теченіи тридцати лѣтъ.

*) Редереръ. III 434. Онъ стоитъ во главѣ всего: являетъ собою власть законодательную и исполнительную, занимается вопросами торговли, каждый день онъ отдаетъ работѣ девятнадцать часовъ и все время остается со свѣжей, прекрасно работающей головой; онъ больше сдѣлалъ въ три года, чѣмъ короли въ сто лѣтъ»—Лавалеттъ. *Мемуары*. II 75 (слова секретаря Наполеона относительно работоспособности Наполеона въ Парижѣ послѣ Лейпцига: «Онъ ложится въ одиннадцать часовъ, а встаетъ въ три часа утра, и до вечера нѣтъ минуты, когда бы онъ не работалъ. Наставитъ время что это кончится, такъ какъ онъ не выдержитъ, а я раньше его. —Сэръ Немль Кэмбелль, *Наполеонъ при Фонтэнелло и на Эльбѣ*, 443: «Я никогда не видѣлъ человѣка, при какихъ бы то ни было условіяхъ жизни, обладающаго такою дѣятельностью и такимъ упорствомъ въ этой дѣятельности. Получается впечатлѣніе, что онъ находитъ удовольствіе въ постоянномъ движеніи и когда видитъ какъ окружающіе его едва держатся на ногахъ отъ усталости, каковыя случаи наблюдались мною во многихъ обстоятельствахъ... Вчера, пробывъ на ногахъ съ девяти часовъ утра до трехъ часовъ по полудни при осмотрѣ фрегатъ и транспортъ, при чемъ онъ спускался даже въ трюмы къ лошадямъ, онъ сдѣлалъ трехчасовую прогулку верхомъ, для того чтобы отдохнуть, какъ онъ говорилъ мнѣ».

Благодаря другому свойству той же мозговой структуры, онъ никогда не работаетъ въ пустую, что у насъ въ настоящее время является большою опасностью. Уже три столѣтiя, какъ мы все болѣе и болѣе утрачиваемъ полный и прямой взглядъ на вещи; въ силу зажнутаго въ стѣнахъ дома, многосложнаго и продолжительнаго воспитанiя мы изучаемъ вмѣсто предметовъ ихъ начертанiя; вмѣсто земли—карту; вмѣсто животныхъ, которыя борются за существованiе,—ихъ номенклатуру и классификацiю и, въ лучшемъ случаѣ, мертвые образчики музея; вмѣсто чувствующихъ и дѣйствующихъ людей—статистику, уложенiя, исторiю, литературу, философию, коротко — печатныя слова и, что особенно плохо, слова отвлеченныя, которыя на пространствѣ вѣковъ, болѣе удаляясь отъ опыта, становятся болѣе отвлеченными, болѣе недоступными ясному пониманiю, болѣе ложными, особенно по вопросамъ человѣчества и общества. При такихъ условiяхъ предметъ, безконечно увеличившiйся въ размѣрахъ и сложности вслѣдствiе роста государствъ, умноженiя должностей, спутанности интересовъ, ускользаетъ теперь изъ нашихъ рукъ; наша неопредѣленная, неполная, неточная идея плохо опредѣляетъ предметы или совсѣмъ не опредѣляетъ его; у девяти человѣкъ на десять и, быть можетъ, у девяноста девяти на сто идея не идетъ дальше слова; другимъ если они дѣйствительно хотятъ представить живое общество, нужно, помимо изученiя книгъ, десять, пятнадцать лѣтъ для того, что-бы разобраться въ фразсахъ, которыми они нагроузили свою память, что-бы перевести ихъ, что бы опѣнить и провѣрить ихъ смыслъ, чтобы сообщить слову, болѣе или менѣе неопредѣленному и пустому, полноту и ясность собственнаго впечатлѣнiя. Можно видѣть, какъ понятiя объ обществѣ, государствѣ, правительствѣ, монархiи правѣ и свободѣ, словомъ, самыя существенныя понятiя были, въ концѣ XVIII-го столѣтiя, урѣзаны и ложно истолковываемы, какъ у большинства умовъ простое словесное умствование соединяло эти понятiя въ аксиомы и догмы; можно было видѣть, какое дѣтище, сколько нежизнеспособныхъ и смѣшныхъ уродцевъ, сколько чудовищныхъ и зловредныхъ химеръ породили эти метафизическiя мечтанiя. Въ умѣ Бонапарта нѣтъ мѣста для подобныхъ химеръ; онѣ не могутъ сформироваться, или найти къ нему доступъ; эти безплотные призраки политической отвлеченности внушаютъ ему отвращенiе; то, что называютъ въ это время идеологiей, является для него чудищемъ; онъ отвертывается отъ нея не только въ силу разсчета, но еще болѣе, вслѣдствiе потребности и вѣрнаго чутья; какъ практикъ, какъ глава государства, онъ постоянно помнитъ, подобно Екатеринѣ Великой, «что онъ работаетъ не на бумагѣ, а на человѣческой шкурѣ, которая щекотлива». Всѣ его идеи имѣли источникъ въ его собственныхъ наблюденiяхъ и контролировались его-же наблюденiями.

Если онъ и пользовался книгами, то послѣднiя ему сообщали единственно свои задачи, разрѣшенiя которыхъ онъ достигалъ своимъ собственнымъ опытомъ. Онъ читалъ мало и торопливо *); его

*) М-ме де Ремюза. I, 115: «Въ сущности, онъ невѣжда, мало читавшiй и читавшiй всегда на скорую руку».—Стендаль, *Мемуары о Наполеонѣ* -

классическое образование — рудиментарно; въ изученіи латинскаго языка онъ не прошелъ и четверти курса. Въ Военной школѣ, какъ и въ Бриеннѣ, образование, имъ полученное, было ниже посредственнаго; еще въ Бриеннѣ указывали, что «къ языкознанію и изящной словестности у него не было ни малѣйшаго расположенія». Наконецъ беллетристическая и ученая литература, философія кабинета и гостиной, чѣмъ были пропитаны его современники, скользнула по его интеллекту, какъ вода скользитъ по твердой скалѣ, (единственно, математическія истины, положительныя знанія, — географія и исторія проникли и запечатлѣлись въ немъ. Все остальное, какъ у его предшественниковъ, XV-го столѣтія, выработано имъ собственнымъ и непосредственнымъ трудомъ при содѣйствіи его дарованій, быстроты и вѣрности такта, неутомимаго и предусматривающаго всякія мелочи вниманія, способности отгадывать, многократно подтвержденной и выработанной долгими часами уединенія и молчанія. Во всѣхъ обстоятельствахъ онъ учится путемъ практики, а не теоріи, подобно механику, выросшему среди машинъ. «На войнѣ ничего нѣтъ, говорилъ онъ, чего бы я самъ не могъ сдѣлать. Если кому дѣлать пороха, я сумѣю его приготовить, я знаю, какъ строятъ лафеты: нужно отлить пушки, я ихъ отолю, нужно указать на подробности маневра, я укажу». Такимъ то образомъ онъ оказывался компетентнымъ во всемъ съ перваго шага, генераломъ артиллеріи, главнокомандующимъ, дипломатомъ, финансистомъ, администраторомъ во всѣхъ видахъ. Благодаря обилію знаній онъ дѣлаетъ указанія опытнымъ, старымъ министрамъ. «Я болѣе старый администраторъ, чѣмъ они; когда нужно придумать одной моей головой способы, какъ накормить, поддержать, сдержать, оживить общимъ духомъ и общимъ желаніемъ нѣсколько сотъ тысячъ человѣка, находящихся вдали отъ родины, тогда очень быстро усваиваютъ всѣ тайны администраціи». Въ каждой организаціи людей, которую онъ устраиваетъ и которую руководитъ, онъ съ перваго взгляда видитъ всѣ части ея составляющія, каждую изъ своемъ мѣстѣ и въ своемъ дѣйствіи, производителіи силы, агентовъ передачи, систему зубчатыхъ колесъ, зависимость движенія, быстроты, конечный и полный эффектъ, чистую производительность. Никогда его взглядъ не остается краткимъ и поверхностнымъ. Онъ проникаетъ имъ въ темные углы и въ сокровенныя глубины; благодаря «технической» точности его вопросовъ въ

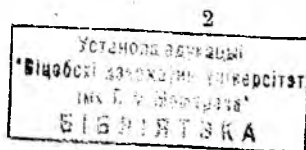
«Его образование было далеко не полное... Онъ не зналъ большинства великихъ истинъ, существовавшихъ уже сотню лѣтъ и главнымъ образомъ тѣхъ, которыя касаются человѣка или общества. Напримѣръ, онъ читалъ Монтескье» не такъ, какъ слѣдуетъ, т. е. дѣликомъ принять или отвергнуть каждую изъ тридцати одной книги *Духа законовъ*. Онъ совсѣмъ не читалъ *Словаря Бейля*, ни *Исследования о природѣ и причинахъ богатства народовъ* Адама Смита. Въ разговорѣ однако не замѣчался этотъ недостатокъ императора; во первыхъ — руководилъ разговоромъ онъ; наконецъ, — онъ, какъ хитрый итальянецъ, никогда не позволялъ себѣ обнаруживать своего невѣжества неумѣстнымъ вопросомъ или предположеніемъ.» — Бурренинъ I, 19, 21. Въ Бриеннѣ «къ несчастію для насъ, монахи, которымъ было ввѣрено воспитаніе юношества, сами ничего не знали и къ тому же были слишкомъ бѣдны, чтобы навмывать знающихъ учителей... Трудно понять, какимъ образомъ могъ изъ стѣнъ этого учрежденія выйти хоть одинъ способный человѣкъ».

связи съ ясностью представленія специалиста, идея у него, заимствуя выраженіе философовъ, аеквирована своему объекту.

Отсюда его склонность къ деталямъ, такъ какъ онѣ составляютъ существо предмета; рука, которая не захватила ихъ или которая ихъ упускаетъ, держитъ только покровъ, внѣшнюю обертку предмета. Въ этомъ отношеніи его любознательность, его алчность ненасытна. Въ каждомъ министерствѣ онъ знаетъ больше министра и въ каждой канцеляріи столько же, сколько знаетъ писецъ. На его столѣ лежатъ вѣдомости дислокацій сухопутной и морской армій, онъ самъ составилъ ихъ планъ, и онѣ измѣняются перваго числа каждаго мѣсяца. Это излюбленное и ежедневное его чтеніе. «Я всегда представляю себѣ расположеніе армій. У меня мало памяти, чтобы заучить александрийскій стихъ но я не забываю ни единого слова изъ моихъ вѣдомостей. Сегодня вечеромъ ихъ принесутъ ко мнѣ, и я не засну пока не прочту ихъ». Лучше чѣмъ управленія завѣдывающія передвиженіемъ войскъ военнаго и морского министерствъ, лучше самихъ генеральныхъ штабовъ онъ знаетъ «свою позицію» на морѣ и на сушѣ, число, величину и качество своихъ судовъ, находящихся въ открытомъ морѣ и въ каждомъ портѣ, степень развитія постройки кораблей въ настоящемъ и будущемъ, составъ и силу экипажей, составъ, организацію, армій мѣстопребываніе, рекрутскій наборъ, пришлый и ближайшій, каждаго армейскаго корпуса, каждаго полка.

Въ такой же степени онъ былъ освѣдомленъ въ финансахъ, въ дипломатіи, во всѣхъ отрасляхъ свѣтскаго и духовнаго управленія. Его топографическая память и его географическое представленіе областей, мѣстностей, почвы и прерывствій доходять до состоянія внутренняго видѣнія, которое онъ вызываетъ по произволу, и которое, спустя много лѣтъ, воскресаетъ въ немъ такимъ же яснымъ, какъ и въ первый день. Его способность вычислять разстоянія, марши, маневры, является такимъ точнымъ математическимъ расчетомъ, что много разъ его предрѣшеніе, за двѣсти или триста льѣ разстоянія, за два, четыре мѣсяца времени, исполнялось почти въ указанный день и въ точно опредѣленномъ мѣстѣ. Прибавьте къ этому еще способность, самую рѣдкую изъ всѣхъ, ибо если его предположеніе исполняется, то это, потому что онъ, подобно извѣстнымъ шахматнымъ игрокамъ, точно рассчиталъ не только механическую игру, но и характеръ и талантъ противника, измѣрялъ глубину его способностей, предугадалъ его возможные ошибки; къ расчету на вѣроятности внѣшнія, онъ присоединялъ расчетъ на вѣроятности внутреннія и показалъ себя не только идеальнымъ стратегомъ, но и великимъ психологомъ. Дѣйствительно, никто не превосшелъ его въ искусствѣ разбираться въ состояніяхъ и движеніяхъ единичной души и цѣлой толпы, въ побудительныхъ причинахъ, дѣйствующихъ постоянно или случайно, которыя толкаютъ или удерживаютъ человѣка вообще, и тѣхъ или другихъ людей, въ частности; онъ зналъ рычаги, на которые можно надавить, характеръ и степень давленія, которое надо приложить. Подъ руководствомъ этой центральной способности работаютъ всѣ прочія, и въ искусствѣ подчинять себѣ людей, гений его является верховнымъ владыкой.

Прил. В. И. Л. 1907 г.

III.

Для политическаго руководителя способность эта является самой цѣнной, такъ какъ силы, которыми онъ дѣйствуетъ суть человѣческія страсти. Но какимъ образомъ, кромѣ догадки, овладѣть страстями, скрытыми чувствами и какъ, кромѣ предположенія, вычислить силы, которые повидимому не поддаются никакому измѣренію? Въ этой темной области, гдѣ можно ходить только ощупью, Наполеонъ дѣйствуетъ почти навѣрняка и дѣйствуетъ безъ замедленія, вначалѣ на самого себя; на самомъ дѣлѣ, для того чтобы читать въ душѣ другого, нужно предварительно заглянуть въ собственную душу. «Я всегда любилъ анализъ, говорилъ онъ однажды и, если бы я серьезно влюбился, я разложилъ бы мою любовь на составныя части. Почему и какимъ образомъ—вопросы до такой степени необходимые, что безъ нихъ трудно обойтись».

Его методъ, подобно методу опытныхъ наукъ, состоитъ въ провѣркѣ всякой гипотезы или вывода путемъ точнаго изученія, заключеннаго въ рамкѣ опредѣленныхъ условій: такъ физическая сила констатируется, и точно взвѣряется колебаніями сгѣрки, моральная, невидимая сила можетъ быть также констатирована и приблизительно измѣрена по своимъ наружнымъ проявленіямъ, каковыми являются то или иное слово тотъ или другой звукъ голоса, жестъ. На эти то слова, жесты и выраженія голоса онъ обращаетъ вниманіе, онъ судитъ о скрытыхъ чувствахъ по ихъ наружному выраженію, рисуетъ себѣ внутреннее состояніе по вѣшнему виду, по игрѣ фізіономіи, по манерѣ говорить, по тѣмъ или другимъ мимолетнымъ, но краснорѣчивымъ явленіямъ, по примѣрамъ, такъ хорошо взятымъ и въ такой степени приуроченнымъ, что они объясняютъ всю безконечную нить аналогичныхъ случаевъ. Этимъ путемъ неопредѣленный и ускользающій отъ оцѣнки объектъ оказывается вдругъ схваченнымъ, уподобленнымъ, потомъ измѣреннымъ и взвѣшаннымъ, подобно невидимому газу, который заключаютъ и удерживаютъ въ градуированномъ цилиндрѣ изъ прозрачнаго стекла. Итакъ, въ государственномъ совѣтѣ, въ то время какъ другіе администраторы или законовѣды, видятъ отвлеченность, статьи уложенія, прецеденты, онъ видитъ живыя души таковыми, какъ онѣ есть, француза, итальянца, германца, крестьянина, рабочаго, мѣщанина, дворянина уцѣлѣвшаго якобинца, возвратившагося эмигранта, солдата, офицера, чиновника, всюду насоящую и цѣльную личность, челоуѣка, который трудится, производитъ, бьется, женится, родитъ дѣтей, радуется, страдаетъ и умираетъ. Ничего нѣтъ болѣе поразительнаго, какъ контрастъ между тусклыми и важными умствованіями, которыя преподносятъ ему мудреный казенный резонеръ и его собственными словами, схваченными налету, въ данный моментъ, которыя вибрируютъ и вишатъ примѣрами и образами. Такъ по поводу развода, который онъ въ принципѣ хочетъ поддержать: «Взгляните на нравы націи: адюльтеръ не есть исключеніе, это очень обыденное явленіе; это дѣло канале... Нужна узда для женщинъ, которыя грѣшатъ противъ супружеской вѣрности ради по-

бракушекъ, стиховъ, Аполлона, музъ и т. д.». Но, если вы допускаете разводъ, вслѣдствіе несовмѣстимости характеровъ, вы потрясаете основы брака; въ моментъ заключенія его онъ уже чувствуется хрупкимъ. «Станутъ говорить: Я буду замужемъ до тѣхъ поръ, пока у меня не измѣнится настроеніе» Тѣмъ болѣе не злоупотребляйте ничтожными поводами; разъ бракъ заключенъ, трудно его расторгнуть: «Мнѣ кажется, что я женюсь на кузинѣ, которая ѣдетъ изъ Индіи, а меня женятъ на авантюристѣ; я прижилъ съ нею дѣтей, я узнаю, что она мнѣ вовсе не нужна: счастливы ли бракъ? Захочетъ ли общественная мораль признать его недѣйствительнымъ? Произшелъ взаимный обмѣнъ душъ, *транспирація*».

Относительно права дѣтей, даже совершеннолѣтнихъ, на содержаніе со стороны родителей: «Развѣ вы хотите, чтобы отецъ могъ выгнать изъ своего дома пятнадцатилѣтнюю дочь! Отецъ, у котораго было бы шестьдесятъ тысячъ франковъ дохода, могъ бы сказать своему сыну: Ты большой и здоровый, ступай, работай? Богатый или состоятельный отецъ всегда долженъ дать своимъ дѣтямъ мѣсто у отцовскаго котла»; уничтожьте это право на содержаніе и вы «заставите дѣтей убивать своихъ отцовъ». По вопросу объ усыновленіи: «вы разсматриваете его не какъ гражданинъ, а какъ законникъ. Усыновленіе не есть гражданскій контрактъ, ниже юридическій актъ. Юридическій анализъ приводитъ къ самымъ безобразнымъ заключеніямъ. Можно управлять человѣкомъ, только играя на воображеніи; безъ воображенія онъ—грубая скотина. Не за пять су въ день, не ради ничтожнаго отличія люди идутъ на смерть; только обращеніемъ къ человѣческой душѣ электризуютъ людей. Не нагаришь же произведетъ подобный эффектъ за дюжину франковъ. Нуженъ другой методъ. Чтo такое усыновленіе? Подражаніе общества природѣ. Плоть и кровь человѣка входитъ по волѣ общества въ плоть и кровь другого. Это—самый великій актъ, который только можно себѣ представить. Онъ даетъ сынъ внія чувства тому, у кого ихъ не было, и подобнымъ же образомъ—отцовскія. Откуда же долженъ исходить этотъ актъ? Свыше, подобно грому».

Всѣ его слова уподобляются огненнымъ стрѣламъ, которыми онъ мечетъ одну за другой; со времени Вольтера и Галиани никто не бросалъ такъ, горстями; ихъ онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи для характеристики обществъ, законовъ, правительства, Франціи и французовъ, они проникаютъ до глубины и освѣщаютъ подобно словамъ Монтескье, внезапнымъ, яркимъ блескомъ; онъ ихъ не фабрикуетъ съ трудолюбивымъ усердіемъ, они сами брызжутъ изъ него, это размахи его ума, размахи естественные, непроизвольные, постоянные. Но онъ, помимо собраній или интимныхъ бесѣдъ, не расточаетъ ихъ, что увеличиваетъ ихъ цѣнность, онъ подчиняетъ ихъ своимъ стремленіямъ, имѣющимъ всегда практическую цѣль; обыкновенно онъ говоритъ или пишетъ различнымъ языкомъ, языкомъ, который подходитъ въ его слушателямъ; онъ выбрасываетъ странности, толчки импровизаціи и воображенія, скачки вдохновенія и гениа. Этимъ онъ пользуется, когда имѣетъ въ виду внушить о себѣ великую идею лицамъ, которыхъ нужно ослѣпить, наприимѣръ Пій III или императоръ Александръ; въ такихъ случаяхъ тонъ его рѣчи является ласка-

юшей, проникновенной, любезной фамильярностью; онъ тогда на сценѣ, а на сценѣ онъ можетъ исполнить всякую роль, трагическую, комическую, съ одинаковымъ подъемомъ, то бѣшеннымъ, то върадчивымъ, то добросердечнымъ. Съ генералами, министрами, директорами онъ придерживается сжатой, положительной, дѣловой, рѣчи; всякій другой языкъ повредилъ бы дѣлу; горячность души онъ выражаетъ здѣсь краткостью, силой, повелительной рѣзкостью слова. Для своихъ армій и толпы у него имѣются возванія и бюллетени эффектные, звонкія фразы, гдѣ выставляются упрощенныя, подтасованныя и поддѣланныя по желанію факты *), словомъ хмѣльное вино, отличное для разогрѣванія энтузіазма, превосходный наркотинъ для укрѣпленія легковѣрія, родъ излюбленной публикой микстуры, которую онъ даетъ въ нужный моментъ, и въ которой составныя части такъ хорошо размѣнены, что пристонародье которому онъ и предлагаетъ, пьетъ съ наслажденіемъ и пьянѣетъ. Во всѣхъ обстоятельствахъ его рѣчь, сфабрикованная или самопроизвольная, указываетъ на великолѣпное знаніе массъ и отдѣльныхъ лицъ; за исключеніемъ двухъ или трехъ случаевъ, въ удаленныхъ и неизвѣстныхъ ему обстоятельствахъ, его воздѣйствіе всегда было правильное, своевременное, направлено на мѣсто, наиболѣе доступное, онъ двигалъ хорошо прилаженнымъ рычагомъ съ упорнымъ давленіемъ или быстрымъ толчкомъ. смотря по тому, что было дѣйствительнѣе. Такимъ образомъ изъ серіи короткихъ, точныхъ, ежедневно исправляемыхъ замѣтокъ онъ начерталъ для себя подобіе психологической таблицы, гдѣ были представлены, резюмированы, вычислены почти въ цифрахъ умственные и нравственные состоянія, характеры, способности, страсти, дарованія, энергія или слабость безчисленныхъ человѣческихъ существъ, на которыхъ, вблизи или издали, онъ дѣйствовалъ.

IV

Постараемся представить себѣ ширину и содержаніе этого ума; пришлось бы дойти до Цезаря, чтобы найти равный; но, по недостатку свѣдѣній, о Цезарѣ имѣются лишь общія черты, контуръ, тогда какъ о Наполеонѣ, кромѣ силуэта, мы имѣемъ детальное изображеніе. Читая день за днемъ, отдѣлъ за отдѣломъ его корреспонденцію, на примѣръ въ 1806 году, послѣ битвы при Аустерлицѣ, или еще лучше—въ 1809 году, послѣ возвращенія изъ Испаніи до момента заключенія мира въ Вѣнѣ, какъ бы ни былъ малъ недостатокъ нашей технической подготовки, мы поймемъ, что его умъ по своему объему и полнотѣ выходитъ изъ предѣловъ всѣхъ извѣстныхъ и даже вѣроятныхъ пропорцій. Существуютъ три атласа, собранныхъ исключительно для него для постоянного обращенія, каждый изъ нихъ состоитъ изъ двадцати объемистыхъ книжекъ. Первый атласъ,—

*) Буррвевенъ, II, 281,342: «Я испытывалъ незрѣтое чувство, когда писалъ подъ его диковку официальныя рѣчи, гдѣ каждое слово было—лицемѣріе. У него былъ всегда одинъ отвѣтъ: Дорогой мой, вы—просто и ничего въ этомъ не смыслите».

военный,—представляетъ громадное собраніе топографическихъ картъ, таковыхъ же подробныхъ, какъ карты генеральнаго штаба, съ планами всѣхъ укрѣпленій, съ указаніемъ и мѣстнымъ распредѣленіемъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ: экипажей, полковъ, батарей, арсеналовъ, складовъ, существующихъ на лицо и могущихъ мобилизоваться людей, лошадей, повоюкъ, вооруженія, снабженія пищей и платьемъ. Второй, гражданскій, включаетъ безчисленные отдѣлы прихода и ординарнаго и экстраординарнаго расхода, внутреннія налоги и заграничныя контрибуціи, производство имѣній во Франціи и за предѣлами ея, состояніе кредита, ценсій, общественныхъ работъ и т. д., наконецъ,— всю административную статистику, іерархію департаментовъ и чиновниковъ, сенаторовъ, депутатовъ, министровъ, префектовъ, епископовъ, профессоровъ, етдей и ихъ подчиненныхъ, съ указаніемъ мѣстопробыванія каждаго, его чина и жалованья.

Третій—гигантскихъ размѣровъ жизне- и правоописательный словарь, гдѣ, какъ въ справочномъ бюро высшей полиціи, имѣются свѣдѣнія о каждомъ извѣстномъ лицѣ, о каждой мѣстной группѣ, о каждомъ профессиональномъ или социальномъ классѣ, также о каждомъ народѣ съ его особенностями, съ краткими указаніемъ его положенія, его нуждъ, его предшествующей жизни, его характера, его предполагаемыхъ наклонностей и его вѣроятнаго поведенія. Всякая карта или листокъ имѣютъ свое заключеніе; всѣ эти частичныя заключенія, методично собранныя, сводятся въ общія резюме и обобщенія всѣхъ трехъ атласовъ комбинируются между собою и даютъ своему владѣльцу понятіе о величинѣ мощи, находящейся въ его распоряженіи. Но въ 1809 году, какъ бы объемысты не были три атласа, они цѣликомъ запечатлѣны въ головѣ Наполеона; онъ знаетъ не только общій выводъ и частичныя резюме, но и послѣднія подробности; онъ въ нихъ читаетъ бѣгло и постоянно; онъ понимаетъ въ общей массѣ и въ частностяхъ различныя націи, которыми онъ управляетъ непосредственно или при помощи другихъ, то есть шестьдесятъ милліоновъ чловѣкъ, различныя страны, которыми онъ покорилъ или которыя объѣхалъ, то есть семьдесятъ тысячъ квадратныхъ миль.—вначалѣ Францію, увеличенную Бельгіей и Пьемонтомъ, наконецъ Испанію, откуда онъ вернулся и гдѣ поставилъ своего брата Жозефа, Южную Италію, гдѣ послѣ Жозефа онъ поставилъ Иогана, Среднюю Италію, гдѣ онъ занимаетъ Римъ, Сѣверную Италію, гдѣ Евгенийъ дѣлается его ставленникомъ, Далмацію и Истрію, которыя онъ присоединяетъ къ своей Имперіи, Австрію, которую онъ наводняетъ своими войсками во второй разъ. Рейнскій союзъ, который онъ создалъ и которымъ управляетъ, Вестфалію и Голландію, гдѣ его братья лишь играютъ роль его намѣстниковъ, Пруссію, которую онъ покорилъ, изурочивалъ, которую эксплуатируетъ и наиболѣе укрѣпленныя мѣста которор еще удерживаетъ въ своихъ рукахъ; прибавьте къ этому послѣднюю внутреннюю картину, представляющую моря Сѣвера, Атлантику и средиземное море, всѣ эскадры континента въ открытомъ морѣ и въ гаваняхъ, отъ Данцига до Флиссингена и Байонны, отъ Кадикса до Тулона и Гаэты, отъ Тарента до Венеціи, Корфу и Константинополя.

Въ жизни и правоописательномъ атласѣ, кромѣ пробѣла, который

онъ никогда не заполнилъ, потому что пробѣлъ касается его собственной характеристики, имѣются кое-какія ложныя заключенія, именно относительно папы и сознанія католиковъ; равнымъ образомъ онъ слишкомъ низко цѣнить силу національнаго чувства въ Испаніи и Германіи и слишкомъ высоко ставить свой престижъ, довѣріе и преданность, на которыя онъ можетъ рассчитывать, во Франціи и въ присоединенныхъ странахъ. Но эти заблужденія есгь продуктъ скорѣе его воли, чѣмъ его разума; временами онъ ихъ сознаетъ: если существуютъ иллюзіи, то лишь потому, что онъ ихъ самъ выдумываетъ; руководствуясь только здравымъ смысломъ, онъ былъ бы непогрѣшимъ, только страсти его могутъ смутить ясность его мысли. Что касается до двухъ остальныхъ атласовъ, особенно топографическаго и военнаго, они являютъ собою образецъ исключительной полноты и точности; дѣйствительность, которую они изображаютъ, какъ бы ни была она, разростаясь и осложняясь чудовищна по своимъ размѣрамъ, по своей полнотѣ и точности вполне отвѣчаетъ ей строчка за строчкой.

V.

Но это множество замѣтокъ есть только ничтожная часть умственнаго богатства, которое зрѣетъ въ этомъ безпредѣльномъ умѣ, ибо кромѣ идей дѣйствительности въ немъ зарождаются и тучами копошатся мысли о возможномъ; безъ этихъ мыслей нѣтъ средства руководить вещами и преобразовывать ихъ, а извѣстно, какъ онъ руководилъ и какъ преобразовывалъ. Прежде чѣмъ начать дѣйствовать, онъ избиралъ свой планъ, и избиралъ его изъ ряда многихъ другихъ плановъ, послѣ сравненія и предпочтенія, такимъ образомъ наготовѣ у него были и другіе планы. Позади къ каждой принятой комбинаціи скрывалась куча непринятыхъ проектовъ; за каждымъ рѣшеніемъ, выполненнымъ маневромъ, подписаннымъ договоромъ, обнародованнымъ декретомъ, разосланнымъ предписаніемъ были десятки другихъ подобныхъ; я даже скажу, — за каждымъ почти дѣйствіемъ или случайнымъ словомъ, ибо онъ вносилъ расчетъ во все, что дѣлаетъ, въ свои мнимыя изліянія и даже въ свои искреннія вспышки гнѣва, когда онъ ему отдается, то это предумышленно, съ предвидѣніемъ эффекта, для того чтобы нагнать страху или ослѣпить; онъ все используетъ у другого, а также у самого себя: свою страсть, свои увлеченія, свои ошибки, потребность говорить и онъ экспатируетъ все для ускоренія постройки зданія, которое онъ созидаетъ *).

*) М-ше де-Ремюза, I, 117, 120. «Я слышала, какъ Талейранъ воскликнулъ однажды:» Этотъ дьяволъ во плоти лжеть на каждомъ шагѣ: даже страсти его не поддаются вашему наблюденію, ибо онъ умѣетъ ихъ маскировать, хотя онѣ и существуютъ на самомъ дѣлѣ». — Такъ, передъ тѣмъ какъ сдѣлать лорду Уитворту грубую сцену результатомъ которой было уничтоженіе Амьенскаго договора, онъ болталъ съ дамами и ширлъ съ маленькимъ Наполеономъ, его племянникомъ, въ весьма веселомъ и беззаботномъ настроеніи. «Вдругъ пришелъ доложить, что собраніе въ сборѣ. Его физиономія измѣнилась какъ у актера, лицо какъ будто поблѣднѣло, черты исказились

Но среди разнообразныхъ талантовъ, какъ-бы велики они не были *созидательное воображеніе*—самое сильное. Подъ холодной и строго-сухой оболочкой его техническихъ и положительныхъ инструкцій чувствовалась напряженная горячность и кипѣніе: «Когда я составляю военный планъ, говорилъ онъ Редереру, я малодушепъ какъ никто. Я преувеличиваю все опасности и все возможные бѣды. Я нахожусь въ чрезмѣрно тягостномъ возбужденіи. Это однако не мѣшаетъ мнѣ казаться совершенно спокойнымъ въ глазахъ окружающихъ меня лицъ; я *похожъ на дѣвчонку которая разрывается отъ бремени*». Страстно, съ порывами, свойственными творцу, онъ всецѣло отдается будущему созданію; заранѣе и всемъ сердцемъ онъ уже живетъ въ воображаемомъ зданіи; съ этой стороны, мощь, быстрота, плодовитость, игра и полетъ его мысли кажутся безграничными. То, что онъ сдѣлалъ, превосходить всякія ожиданія, но замысль его была куда шире, а мечта превосходила замысль. Какъ бы ни были крупны его практическіе таланты, поэтическое дарованіе значительно сильнѣе, его даже слишкомъ много для государственнаго мужа: величина дарованія доходить до размѣровъ громады, и громада перереждается въ безуміе. Въ Италіи, послѣ 18 Фруктидора, онъ уже говорилъ Буррьенну:

«Европа, это—квотова я нора; только на Востокѣ существовали великія имперіи и великія революціи, тамъ, гдѣ живетъ семьсотъ милліоновъ человѣкъ». На слѣдующій годъ, передъ Сень-Жанъ-д'Акромъ, наканунѣ послѣдняго штурма онъ говорилъ: «Если мнѣ удастся, я найду въ городѣ сокровища шаши и оружіе для трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Я подниму и вооружу всю Сирію... Я иду на Дамаскъ, на Халеппъ; по мѣрѣ движенія впередъ армія моя расцѣтъ отъ наплыва недовольныхъ. Я объявляю народу уничтоженіе рабства и тираническаго правленія шаши. Во главѣ вооруженныхъ массъ я дохожу до Константинополя; я опрокидываю турецкую имперію; я создаю на Востокѣ новую и великую имперію, которая упрочит мое мѣсто въ потомствѣ и можетъ быть я вернусь въ Парижъ черезъ Андрианополь или Вѣну, уничтоживъ предварительно австрійскій домъ». Сдѣлавшись консуломъ, потомъ императоромъ, онъ часто возвращается мыслями къ той счастливой эпохѣ, когда, «свободный отъ узъ стѣснительной цивилизаціи», онъ могъ мечтать и вволю строить воздушные замки. «Я создалъ религію, я видѣлъ себя на пути въ Азію, сидящимъ на слонѣ, съ турбаномъ на головѣ и съ новымъ Алькораномъ, который я составилъ по своему плану, въ рукахъ». Ограниченный предѣлами Европы, онъ мечтаетъ съ 1804 года возстановить здѣсь имперію Карла Великаго. Имперія Франціи станетъ родной матерью остальныхъ державъ... Я хочу, чтобы каждый европейскій король построилъ въ Парижѣ большой

Онъ встаетъ, стремительно идетъ въ англійское посольство и мечет перуны въ продолженіи двухъ часовъ передъ двумя сотнями собравшихся.—«Онъ часто говорилъ, что политикъ долженъ уметь магійскую выгуду, которую онъ можетъ извлечь изъ своихъ ошбкъ». Однажды послѣ одной вспышки онъ говорилъ аббату де-Прадтѣ: «Вы меня считали внѣ себя отъ гнѣва: вы ошибаетесь, у меня гнѣвъ никогда не поднимался выше этого. (Онъ указалъ на свою шею).

дворецъ для собственнаго пользованія; во время коронаванія французскаго императора короли будутъ жить въ нихъ; они украсятъ своимъ присутствіемъ и будутъ славить эту внушительную церемонію». *) Тамъ будетъ и папа, онъ поселится туда однимъ изъ первыхъ; весьма необходимо, чтобы онъ жилъ въ Парижѣ на постоянномъ мѣстѣ; гдѣ же быть Святому Престолу, какъ не въ новой столицѣ христіанства, подъ державой Наполеона, наследника Велтваго Карла и свѣтскаго властелина надъ духовнымъ первосвященникомъ? Свѣтскою властью императоръ будетъ держать духовную и при содѣйствіи папы — религіозную совѣсть. Въ ноябрѣ 1811 года онъ говорилъ, въ порывѣ увлеченія аббату де-Прадгу: «Черезъ пять лѣтъ я буду властелиномъ всего міра, остается только Россія, но я ее раздавлю... Парижъ расширится до Сенъ Клу...» Сдѣлать Парижъ столицей Европы по его собственному признанію, одно изъ постоянныхъ его мечтаній.

„Иногда, говорилъ онъ, я хотѣлъ, чтобы Парижъ сдѣлался городомъ съ двумя, тремя, четырьмя миллионами жителей, чѣмъ то сказочнымъ, колоссальнымъ, невиданнымъ до сихъ поръ, чтобы его общественныя зданія соотвѣтствовали населенію... Архимедъ предлагалъ поднять міръ, если ему дадутъ точку опоры для рычага; что касается меня, я бы его всюду передвѣлалъ, если бы мнѣ дали опору для моей энергіи, моего упорства, моего бюджета“. По крайней мѣрѣ—онъ въ это вѣритъ; какъ бы высокъ и плохо укрѣпленъ ни былъ послѣдній этажъ его зданія, онъ всегда заранѣе предполагаетъ новый этажъ еще болѣе высокій и болѣе неустойчивость. Нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ броситься, со всей Европой за спиною, на Россію, онъ говорилъ Нарбонну: «Во всякомъ случаѣ, мой милый, этотъ длинный путь есть путь въ Индію. До Александра такъ же далеко, какъ отъ Москвы до Ганга; это я говорилъ еще при Сенъ Жанъ д'Аврѣ... Въ настоящее время я долженъ зайги въ тылъ Азіи со стороны европейской окраины, для того чтобы тамъ достигнуть Англію... Предположите, что Москва взята, Россія сломлена, царь проситъ мира, или умеръ отъ какого-нибудь дворцоваго заговора; скажите мнѣ, развѣ невозможно для французской арміи и союзниковъ изъ Тифлиса достигнуть Ганга, гдѣ достаточно взмаха французской шпаги, чтобы заставить рушиться во всей Индіи это непрочное нагроможденіе торгашескаго величія. То была бы экспедиція гигантская, я согласенъ, во вкусѣ XIX вѣка, но выполнимая. Тѣмъ самымъ, за одно Франція приобрѣла бы независимость Запада и свободу морей». Когда онъ говоритъ это, глаза его блестятъ страннымъ блескомъ, и онъ продолжаетъ, приводя доказательства, взрѣшивавъ трудности, средства, шансы; онъ — охваченъ вдохновеніемъ, отдается ему. Внезапно господствующее свойство его духа оказалось на волѣ, развернулось;

*) Міо де-М лято, II. 214 (Нѣсколько недѣль послѣ коронаванія: «Въ Европѣ наступитъ спокойствіе только при условіи главенства одного лица императора, у котораго короли будутъ въ положеніи офицеровъ, который будетъ давать королевства своимъ лейтенантамъ, который сдѣлаетъ одного королемъ Италіи, другого — Баваріи, того ландманомъ Швейцаріи штатгальтеромъ Голландіи, и т. д.

артистъ *), замкнутый въ рамки политики, вышелъ изъ своего футляра; онъ создаетъ въ сферахъ идеала и невозможнаго. Онъ является тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности.—посмертнымъ братомъ Данте и Микель Анджело; въ самомъ дѣлѣ, по сильнымъ контурамъ своихъ видѣній, по инженерности, соотношенію и внутренней логикѣ своей мечты, по глубинѣ с оихъ размышленій, по сверхчеловѣческой высотѣ своихъ мыслей онъ имъ подобенъ, имъ равенъ; гений его имѣетъ тотъ же ростъ, ту же структуру; онъ одинъ изъ трехъ державныхъ умовъ итальянскаго возрожденія. Только, два первыхъ оперировали на бумагѣ или мраморѣ, онъ же работалъ на живомъ чловѣкѣ, надъ чувствующей и страдающей плотью.

ГЛАВА II.

I. Характеры эпохи итальянскаго Возрожденія и современные характеры.—Интенсивность проявленія страстей у Бонапарта. —Впечатлительность. —Сила его перваго движенія. —Его нетерпѣливость, быстрота, потребность говорить. —Его темпераментъ, нервы, ошибки. —II постоянное преобладаніе разсчетливой и ясной мысли. III. Господствующая страсть у Бонапарта. Раняя указанія на дѣятельный и всепоглощающій эгоизмъ. Его воспитаніе на живыхъ примѣрахъ. —Въ Корсику —Во Франціи во время революціи. —Въ Италіи. —Въ Египтѣ. —Его предъавленіе оъ обществѣ и правѣ. —Оно принимаетъ у него выраженную форму послѣ 18 Брюмера. Его повятію о чловѣкѣ. —Оно соотновѣтствуетъ его характеру. III Деспотъ. —Его способъ украшать желанія. —Степень покорности, которую онъ требуетъ. —Его способъ оцѣнить и пользоваться людьми. —Тонъ его приказаній и его рѣчи. IV. Его поведеніе въ обществѣ. —Его обращеніе съ женщинами. —Его презрѣніе къ приличіямъ. V. Его тонъ и обращеніе съ коронованными особами. Его политика. Его цѣль и средства. —Какимъ образомъ, возмущивъ государей, онъ возмущаетъ народы. —Конечное сужденіе Европы по отношенію къ нему. VI. Внутренній принципъ его поведенія въ обществѣ. —Онъ подчиняетъ государство своей личности, вмѣсто подчиненія своей личности требованіямъ государствъ. —Результаты подобнаго метода. —Его созданіе —временное —Оно эфемерно. —Оно вредно. —Оно стоило многихъ жизней. Онъ и казалъ Францію. —Недостатки въ построеніи его европейскаго зданія. —Аналогичный недостатокъ въ построеніи его французскаго зданія.

I.

Если разсмотрѣть ближе современниковъ Данте и Микель-Анджело, то можно видѣть, что они отличаются отъ насъ по характеру еще болѣе, чѣмъ по духу. Три сотни лѣтъ благочинія, трибуналовъ и жандармовъ, общественной дисциплины, мирныхъ нравовъ и надлѣственной цивилизаціи убили въ насъ силу и порывы врожденныхъ страстей; въ Италіи, во времена Возрожденія они оставались непркосновенными; у чловѣка тогда были волненія души болѣе живыми

*) Редереръ III, 511 (2 февраля 1809): «Я люблю власть, но я ее люблю какъ артистъ... Я ее люблю, какъ музыкантъ любитъ свою скрипку, я люблю извлекать изъ нея звуки, аккорды, гармонию. —Другое замечательное выраженіе (Редереръ, III, 353, 1-ое декабря 180). «Если бы я черезъ три или четыре года сталъ умирать отъ лихорадки, въ своей постели и, чтобы закончить свой романъ, я написалъ бы завѣщаніе, я сказалъ бы народу, чтобы онъ берегся воиннаго управленія; я бы ему посоветовалъ объявить гражданское правительство».

и болѣе глубокими, чѣмъ въ наши дни, желанія болѣе пылкими и болѣе необузданными, проявленія воли болѣе порывистыми и болѣе упорными, чѣмъ у насъ; како а бы ни была въ отдѣльномъ индивидуумѣ двигающая пружина, горюсть, тщеславіе, ревность, ненависть, любовь, алчность, сластолюбіе, эта внутренняя пружина натягивалась энергично и свертывалась съ необыкновенной силой, чего теперъ нѣтъ. Энергія и сила вновь появились въ этомъ великомъ представителѣ XV-го вѣка; игра нервнаго аппарата одинакова у него и у его итальянскихъ предковъ; даже у Малатеста и Борджіа никогда не было головы болѣе впечатлительной и болѣе импulsive, способной на подобные электрическіе заряды и разряды, у которыхъ внутренняя буря, сдерживаемая и глухо ворчавшая, проявлялась бы въ болѣе неожиданныхъ взрывахъ и всеразрушающихъ ударахъ. Ни одна идея у него не остается умозрительной и чистой; ни одна идея не представляетъ собою копию дѣйствительнаго или простую картину возможнаго, каждая есть результатъ внутренняго толчка, который, произвольно и немедленно, стремится преобразоваться въ дѣйствіе; каждая рвется къ своей пѣли и достигаетъ ее безъ промедленій, если она не сдерживается и не подавляется насильно. Иногда взрывъ до такой степени быстръ, что репрессія является запоздавшей. Однажды въ Египтѣ былъ обѣдъ въ присутствіи многихъ французскихъ дамъ, онъ усадилъ подлѣ себя одну хорошенькую особу, мужа которой онъ только что отправилъ во Францію; неожиданно онъ опрокидываетъ на нее графинъ съ водою, какъ будто нечаянно и, подъ предлогомъ исправить безпорядокъ въ туалетѣ, онъ уводитъ ее съ собою въ свое помѣщеніе, остается съ нею тамъ долго, очень долго, тогда какъ гости, сидя за столомъ подлѣ прерваннаго обѣда, ждутъ и переглядываются. Другой разъ въ Парижѣ, въ эпоху Конкордата онъ сказалъ сенатору Вольней: «Франція хочетъ религіи». Вольней сухо и свободно ему возражаетъ: «Франція хочетъ Бурбоновъ». Онъ бросается на Вольней, даетъ ему въ животъ такого тумака ногой, что послѣдній падаетъ безъ сознанія и болѣетъ въ постели въ теченіе нѣсколькихъ дней. Нѣтъ человѣка болѣе раздражительнаго и вспыльчиваго *). тѣмъ болѣе, что онъ даетъ волю своему гнѣву, ибо, распустивъ поводья кстати и особенно въ присутствіе свидѣтелей, онъ вселяетъ страхъ, вымогаетъ уступки, сдерживаетъ повиненіе, и его взрывы, наполовину рассчитанные, наполовину произвольные, одинаково оказываютъ ему услугу и помогаютъ ему въ жизни общественной, въ жизни частной, въ сношеніяхъ съ иностранцами и своими, въ учре-

*) Міо де Мелито, I, 297. Онъ хотѣлъ усыновить сына Людовика и сдѣлать его королемъ Италіи; Людовикъ отказалъ, указывая, что эта благоклонность, такимъ образомъ подчревуемая, далъ бы смыслъ толкамъ, циркулировавшимъ отъ осительно этого ребенка. Наполеонъ вѣдъ себя схватилъ принца Людовика поперекъ тѣла и съ силой выбросилъ его изъ своей комнаты. — *Дневникъ*, 10 октября 1816 г. Наполеонъ разсказываетъ, что на послѣдней конференціи въ Кампо-Форміо, чтобы кончить съ сопротивленіемъ австрійскаго полномочнаго, онъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ со стола фарфоровый чайный приборъ и разбилъ его объ полъ со словами: «Такъ вотъ черезъ мѣсяцъ я разобью вашу монархію». (Фактъ, засвидѣтельствованный Вурьенномъ).

дительныхъ собраніяхъ, въ дѣлахъ съ папой, съ кардиналами, послами, Талейраномъ, Бенъо, съ первымъ встрѣчнымъ, когда ему нужно присесть, заставить «свою публику пригнать дыханіе». Въ народѣ и въ арміи его считаютъ безстрастнымъ; но внѣ битвы, гдѣ онъ надѣваетъ на себя бронзовую маску, внѣ официальныхъ представленій, гдѣ онъ подчиняется необходимымъ требованіямъ достоинства, почти всегда у него впечатлѣніе смѣшивается съ выраженіемъ его, внутреннее состояніе иливается во внѣшнихъ проявленіяхъ, его жестъ срывается и стремится подобно удару. Въ Сенъ-Клу, захваченный Жозефиной на мѣстѣ галантнаго приключенія, онъ бросается на злобастную такъ, «что она едва успѣваетъ скрыться», а вечеромъ, чтобы окончательно доканать ее, онъ кажется взбѣшеннымъ, «оскорбляетъ ее на все способы, ломаетъ вещи, которыя попадаютъ ему подъ руку». Немного ранѣ имперіи, Талейранъ, большой мистификаторъ, убѣдилъ Бертье, что премьеръ-консулъ хочетъ принять титулъ короля; Бертье стремительно мчитъ черезъ гостиную, полную народа, добирается съ сіяющимъ видомъ до хозяина и «преподноситъ ему свой скромный комплиментъ». При словѣ король, глаза Бонапарта загораются; онъ тычетъ кулакъ подъ подбородокъ Бертье, прижимаетъ его передъ собою къ стѣнѣ: «Дуракъ, говоритъ онъ, кто просилъ васъ поступать такъ, чтобы у меня разлилась желчь? Другой разъ не беритесь за подобныя порученія».

Таково его первое движеніе, его инстинктивный жестъ: броситься прямо на людей и схватить ихъ за горло; на каждый страницъ, между писанными фразами можно отгадать скачки и метанія подобнаго рода, фізіономію и интонаціи человѣка, который вскакиваетъ, поражаетъ и бьетъ. Когда онъ диктуетъ въ своемъ кабинетѣ, «онъ ходитъ большими шагами», и если онъ оживаетъ, что бываетъ почти постоянно, «его рѣчь перемѣшана съ яростными проклятіями и даже ругательствами, которыя при писаніи выбрасываются». Но ихъ выбрасываютъ не всегда, и тѣ, которые читали въ оригиналѣ черновики его пи емъ о церковныхъ дѣлахъ, встрѣчаютъ ихъ тамъ десятками. Нѣтъ болѣе нетерпѣливой чувствительности. «Отдѣваясь, онъ бросаетъ на землю или въ огонь часть своего платья, которое ему невпору... Въ дни празднествъ и парадныхъ костюмовъ необходимо, чтобы камердинеры условились между собою, какъ пользоваться моментомъ, чтобы надѣть на него ту или другую вещь... Онъ рветъ или ломаетъ все, что причиняетъ ему самое легкое неудобство, и иногда бѣдный камердинеръ, который причиняетъ ему это легкое неудовольствіе, получаетъ грубое и положительное доказательство его гнѣва». «Его письмо», когда онъ пытается писать, «представляетъ собою собраніе безсвязныхъ и неразборчивыхъ знаковъ; *) половины буквъ недостаетъ въ письмѣ; онъ перечитываетъ и не можетъ понять. Въ концѣ концовъ онъ почти теряетъ способъ

*) М. де-Моневаль I, 112, 347; III, 120: «По поводу своего брака—чрезвычайнаго событія—онъ собственноручно хотѣлъ написать своему будущему тестю (австрійскому императору). Для него это было труднымъ дѣломъ. Наконецъ, послѣ долгихъ стараній, онъ написалъ письмо, которое едва можно было прочесть».—Моневаль былъ вынужденъ «исправить уродливыя буквы такъ, чтобы его исправленіе не бросалось слишкомъ въ глаза»

ность собственноручно писать письма, и его самая подпись представляет собою мазню. Онъ диктуетъ, но такъ быстро, что его секретари едва успѣваютъ за нимъ; въ первыя дни ихъ службы, потъ съ нихъ катится градомъ, и они не могутъ записать и половины того, что онъ говорилъ. Нужно чтобы Буррьеннъ, М неваль и Маре были стенографами; онъ никогда не повторяетъ фразу; тѣмъ хуже для пера, если оно запаздываетъ; тѣмъ лучше, если рядъ восклицаній и ругани даютъ ему время напечатать потерянное. Слова брызжутъ и льются широкими потоками, иногда безъ соблюденія сдержанности и благоразумія, даже тогда, когда изліяніе бесполезно и недосгойно: его душа и его умъ переполняются; подъ вліяніемъ этого внутренняго импульса дѣловой и государственный человекъ уступаетъ мѣсто импровизатору и горячему полемисту. «Говорить, замѣчаетъ одинъ хорошій наблюдатель, это у него первая потребность, и конечно онъ преимущественно пользуется прерогативами высокаго положенія, когда его не могутъ прервать и вмѣшаться въ его рѣчь». Даже въ государственномъ совѣтѣ онъ увлекается, забываетъ о разбираемомъ вопросѣ, бросается то вправо, то влево, въ сферу отступленій, демонстрацій и ругани, настаиваетъ въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ повторяется рѣшивъ или убѣдить, или сломить, и въ концѣ концъ въ спрашиваетъ у присутствующихъ, не правъ ли онъ; при такихъ условіяхъ всякій доводъ не выдерживаетъ борьбы съ его доказательствами.

По зрѣломъ размысленіи онъ знаетъ, чего стоитъ согласіе, такимъ образомъ полученное, и указываетъ на свое кресло, говоря: «Согласитесь, что легко доказывать—на этомъ креслѣ».

Тѣмъ не менѣе онъ пользуется своимъ преимуществомъ, отдается своей страсти, и эта страсть скорѣе его увлекаетъ, а не онъ ею руководитъ.

«У меня очень раздражительныя нервы, говорилъ онъ самъ и въ такомъ положеніи, если бы моя кровь не циркулировала съ постоянной правильностью, я рисковалъ бы сойти съ ума». *) Часто

*) М-ше д-Ремюза, I, 821: «Я узнала у Корвизара, что его пульсъ въ-сколько слабѣе чѣмъ обычный пульсъ у людей. Онъ ни разу не испыталъ обморока».—Нервный аппаратъ его совершенно въ всѣхъ отправленияхъ, несравнимъ въ способъ осги воспринимать, запечатлѣвать, комбинировать и воспроизводить. Но другіе органы—очень слабы. Чтобы сохранить равновѣіе для него необходимо, чтобы кожа правильно функционировала, иначе появляется раздраженіе, кашель, задержаніе мочи. Поэтому онъ нуждается въ постоянныхъ, продолжительныхъ и очень горячихъ ваннахъ. Слизь обыкновенно отдѣляется въ желудкѣ, то въ мочевыхъ пузыряхъ. Когда слизи бьются въ желудкѣ, является нервный кашель, который угнетаетъ его моральныя и физическія силы. Подъ бѣлымъ преступомъ появился съ кавана Виродинской бѣты и продолжался до слѣдующаго дня вступленія въ Москву: «Безпрерывный и сухой кашель, затрудненное и прерывистое дыханіе; лихорадочный, неправильный пульсъ, мутная, съ осадкомъ моча, выходящая по каплямъ, съ болью; нижнія конечности отечны».—Въ 1803 году, въ Варшвѣ, послѣ жестокихъ сиазматическихъ приступовъ въ желудкѣ, онъ воскликнулъ въ присутствіи графа Лобо, что онъ носитъ въ себѣ зачатки преждевременной смерти, что онъ погибнетъ отъ той же болѣзни, отъ которой погнъ его отецъ.—Послѣ побѣды при Дрезденѣ, повѣвъ рагу, онъ почувствовалъ такіа сильныя рѣзы, что думать, что его отравили; онъ отступаетъ, что влечетъ потерю корпуса Вандама и, какъ результатъ,—пораженіе въ

напряженіе ряда впечатлѣній до того велико, что оно разрѣшается физическими конвульсіями.

Странное явленіе у подобнаго боевого и государственнаго чело-вѣка; «у него не рѣдко можно было видѣть, когда онъ былъ взволнованъ, слезы на глазахъ». Тотъ, который видѣлъ, какъ умираютъ тысячи, и который приказывалъ убивать милліоны людей, рыдаетъ послѣ Ваграма, послѣ Бауцена, у изголовья умирающаго стараго товарища. «Я видѣлъ, говорить его камердинеръ, какъ онъ, оставивъ маршала Ланна, плакалъ за своимъ завтракомъ: крупныя слезы катились по его щекамъ и падали въ тарелку».

Не только физическое ощущеніе, видъ окравленнаго и разбитаго тѣла такъ сильно и такъ живо дѣйствуютъ на него, но даже слово, простая мысль являются остріемъ, которое почти также глубоко проникаетъ въ него. При видѣ возбужденія Дандоло, который радуется за свою родину, Венецію, проданную Австріи, онъ волнуется, и на глазахъ его показываются слезы. *) Въ 1806 году, въ моментъ отправления въ армию, когда онъ прошался съ Жозефиной, онъ разстрогался до нервнаго припадка, и припадокъ былъ такъ силенъ, что кончился рвотой: «Пришлось его усадить, говорить одинъ очевидецъ, дать ему апельсиновой воды; онъ проливалъ слезы; состояніе это продолжалось четверть часа». Тотъ же припадокъ со стороны нервовъ и желудка наблюдался въ 1808 году, когда онъ рѣшается на разводъ; въ продолженіе всей ночи онъ волнуется и причитаетъ какъ женщина; онъ становится вѣжливъ, цѣлуетъ Жозефину, онъ слабѣе ея: «Бѣдная Жозефина, я не могу тебя оставить!» Онъ заключаетъ ее въ свои объятія, удерживаетъ ее, онъ весь подъ впечатлѣніемъ настоящаго чувства, онъ заставляетъ ее раздѣться, укладываетъ ее подлѣ себя и плачетъ у нея на груди. «Онъ буквально, говоритъ Жозефина, омылъ своими слезами поселя». Очевидно, въ подобномъ организмѣ, какъ бы ни былъ могучъ регуляторъ, равновѣсіе рискуетъ нарушиться. Онъ это знаетъ, ибо онъ знаетъ все, что его лично касается; онъ не довѣряетъ своей нервной чувствительности, какъ не довѣряетъ пугливой лошади; въ критические моменты, при Березинѣ, онъ не хочетъ знать печальныхъ новостей, которыя могли бы ее встревожить, и онъ твердитъ настойчивому вѣстнику: «Зачѣмъ же, сударь, хотите вы отнять у меня покой»? Тѣмъ не менѣе, несмотря на предосторожности, два раза, когда ему грозила опасность совершенно исключительнаго характера, онъ былъ захваченъ врасплохъ; онъ такой ясный и твердый подъ ядрами, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ военныхъ героев и въ высшей сте-

1813 году (*Неизданныя воспоминанія* секретаря Паскье, рассказъ Дарго очевидца).— Эта нервная впечатлительность желудка у него въ слѣдствіе, и она проявляется въ ранней юности: однажды, въ Бриеннѣ, онъ былъ поставленъ на колѣна на порогъ столовой, «едва онъ согнулъ колѣна, какъ повалился рвота и жестокий нервный припадокъ».— Известно, что умеръ онъ отъ испухоли въ желудкѣ, подобно своему отцу Шарлю Бонапарту; его дѣдъ Жозефъ Бонапартъ, дядя Фешъ, братъ Лиевъ и сестра Каролина умерли отъ той же болѣзни или отъ болѣзни аналогичной.

*) Бульваръ II, 119. «Въ арены своей политической дѣятельности, онъ былъ чувствителенъ, добръ, доступенъ состраданію».

пени дерзкой политической авантюристы, два раза въ разгаръ парламентарной народной бури онъ измѣнилъ самому себѣ.

18-го Брюмера, въ законодательномъ корпусѣ, при крикахъ *онъ закона*, онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, казалось, совершенно потерялъ голову; его пришлось увести изъ залы; полагали даже, что онъ заболѣеть. Послѣ отреченія въ Фонтанебло, въ виду яростныхъ проклятій которыми осыпали его въ Провансѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней его нравственное существо, казалось было подавлено; появились животныя инстинкты, страхъ охватилъ его, онъ полагалъ, что ему несдобровать. Онъ надѣлъ на себя мундиръ австрійскаго полковника, фуражку прусскаго комиссара и шинель русскаго комиссара и все-таки считалъ себя недостаточно замаскированнымъ. Въ гостиницѣ Каляды «онъ вздрагиваетъ и мѣняется въ лицѣ при малѣйшемъ шумѣ; комиссары, которые нѣсколько разъ входили въ его комнату, постоянно застаютъ его въ слезахъ. «Онъ ихъ утомляетъ своимъ безпокойствомъ и нерѣшительностью», говоритъ, что французское правительство хотеть его убить на дорогѣ, отказывается отъ пищи изъ боязни быть отравленнымъ, думаетъ бѣжать черезъ окно. Въ то же время онъ изливаетъ свою душу и болтаетъ безъ умолка о своемъ прошломъ, о своемъ характерѣ, говоритъ безъ удержа, неблагопристойно, тривиально, цинично, какъ человѣкъ, потерявшій точку опоры; его мысли точно сорвались съ цѣпи и кучами толкаютъ другъ друга подобно беспорядочной шумной толпѣ; онъ становится ихъ господиномъ только въ концѣ путешествія, во Фрежусѣ, когда онъ чувствуетъ себя въ полной безопасности, только тогда онъ снова попадаютъ въ старую колею, что-бы катиться тамъ въ добромъ согласіи подъ руководствомъ главенствующей мысли, которая послѣ кратковременной заминки опять обрѣла свою энергію и свою власть.

Это, почти постоянное главенство разчетливой и ясной мысли является въ немъ чѣмъ-то исключительно необычнымъ, воля его еще болѣе громадна, чѣмъ его разумъ; прежде чѣмъ стать повелительницей другихъ, она становится госпожею въ своемъ домѣ. Чтобы ее измѣрить, недостаточно указать на проявляемое ею обаяніе, перечислить миллионы покоренныхъ душъ, оцѣнить громадность внѣшнихъ пренятствій, ея побѣжденныхъ: необходимо еще, и главнымъ образомъ, представить себѣ силу и порывъ внутреннихъ страстей, кото-рыхъ она держитъ на уздѣ и которыми править словно упряжкой лошадей, покритыхъ пѣной и своевольныхъ; она является возничимъ, который, натянувъ поводья, держитъ въ постоянномъ повиновеніи этихъ, почти неукротимыхъ коней, согласуетъ ихъ стремительность, координируетъ скачки, учитываетъ въ свою пользу даже уклоненія въ сторону, для того чтобы вывести черезъ стремнины баяющіяся и гремящія экипажъ. Если чистыя идеи разсудка ежедневно такимъ образомъ поддерживаютъ свое доминирующее вліяніе, то это происходитъ потому, что вся жизненная сила вложена въ ихъ питаніе, корень ихъ лежитъ глубоко въ его сердцѣ и темпераментѣ, и этотъ видрившійся корень, питающій названныя идеи крѣпкимъ сокомъ, есть первобытный инстинктъ, болѣе могущественный, чѣмъ его разумъ, чѣмъ сама воля,—инстинктъ дѣлать себя центромъ, все относить къ себѣ,—другими словами *эгоизмъ*.

II.

Это—эгоизмъ, не инертный, но дѣятельный и захватывающій, пропорціональный работоспособности его талантовъ, развитый воспитаніемъ и обстановкой, выросшій въ силу успѣховъ и всемогущества до чудовищныхъ размѣровъ; котораго оскорбляетъ всякое сопротивленіе, стѣняетъ всякая независимость и который, въ безграничномъ господствѣ, не терпитъ никакой жизни, разъ она не является придаткомъ или орудіемъ его собственной.

Зерно этого личнаго свѣтства наблюдалось у него въ пору юности и даже дѣтства. «Характеръ властный, повелительный, упрямый»,—отмѣчаютъ въ Бренинѣ. «Крайній эгоистъ»,—прибавляютъ въ Военной школѣ, — «съ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, всего желающій, любящій одиночество», безъ сомнѣнія потому, что въ компаніи равныхъ онъ не можетъ быть господиномъ и чувствуетъ себя плохо тамъ, гдѣ онъ не приказываетъ «Я жилъ въ сторонѣ отъ моихъ сверстниковъ, говорилъ онъ позднѣе; я избралъ въ оградѣ школы уголокъ, гдѣ я сидѣлъ и мечталъ въ волю. Когда мои товарищи хотѣли овладѣть этимъ мѣстомъ, я отставалъ его всѣми силами; у меня уже были инстинкты, что моя воля должна господствовать надъ желаніями другихъ, и то, что мнѣ правилось, должно было мнѣ принадлежать». Далѣе, во время первыхъ годовъ жизни подъ отцовской крышей на Корсикѣ—онъ описываетъ себя какъ маленькаго злого звѣренуша, котораго не обуздать и не убѣдить. «Все мнѣ было нипочемъ; я никого не боялся; одного я билъ, другого царапалъ, всѣ меня боялись. Мой братъ Жюзефъ былъ искусанъ, избитъ, а я нажаловался на него, прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя». Превосходная тактика, кторою пользоваться онъ никогда не упускаетъ случая: въ немъ врожденъ импровизаторскій талантъ лгать въ свою пользу; позднѣе онъ хвалится этимъ свойствомъ, дѣлаетъ изъ него указаніе и мѣру «вышей политики», и «съ удовольствіемъ воспоминаетъ, какъ одинъ изъ его дядей, когда онъ еще былъ ребенкомъ, предсказалъ ему, что онъ будетъ управлять міромъ, потому что онъ привыкъ вѣчно лгать» *).

Обратите вниманіе на эту сентенцію дяди: она заключаетъ весь опытъ человѣка того времени и той страны; таково указаніе, которое давала общественная жизнь на Корсикѣ; въ силу неизбѣжной связи мораль примѣнялась тамъ къ нравамъ. Дѣйствительно, *такова*

*) М-ше де Ремюза, I, 105.—Никогда не было болѣе опытнаго и болѣе упornaго софиста, болѣе убѣдительнаго и болѣе краснорѣчиваго, чтобы дать видимое впечатлѣніе права и правды. Отсюда его дневникъ на Св.-Еленѣ, его плакательныя посланія, дипломатическая переписка, вліяніе его словъ, столь же сильное какъ и оружія, на его подданныхъ и его противниковъ, его посмертное вліяніе на потомство. У него адвокатъ стоитъ въ ряду съ капитаномъ и администраторомъ: Принадлежность такого положенія состоитъ въ томъ, чтобы никогда не преклоняться передъ истиной, но всегда говорить или писать въ виду аудиторіи въ смыслѣ защиты дѣла. Благодаря такому дару создаютъ призраки, обманываютъ аудиторію; и въ возмѣщеніе, такъ какъ авторъ самъ составляетъ часть аудиторіи, онъ вводитъ въ заблужденіе не только другихъ, но и себя; его примѣнно къ Наполеону.

мораль, потому что таковы нравы, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, гдѣ надзоръ за общественнымъ порядкомъ беспомощенъ, гдѣ нѣтъ права, гдѣ общественное дѣло принадлежитъ тому, кто можетъ его захватить, гдѣ частные раздоры кипятъ на свободѣ безъ подавленія и состраданія, гдѣ каждый вооруженъ, гдѣ всякое оружіе ктати: притворство, обманъ, мошенничество — въ такой же степени, какъ ружье или кинжалъ; такъ было на Корсикѣ въ XVIII вѣкѣ, въ Италіи въ XV омъ. Отсюда первыя впечатлѣнія Бонапарта. сходныя съ впечатлѣніями Борджіевъ и Макиавелли; отсюда у него — первые побѣги неполнаго сознанія, которые позднѣ развились въ законченныя идеи; отсюда — всѣ основы его будущаго міросозерцанія и представленія о человѣческомъ обществѣ. Наконецъ, всякій разъ, какъ онъ оставляетъ стѣны французскихъ школъ, при каждомъ его возвращеніи и пребываніи дома тѣ же впечатлѣнія удваиваясь, укрѣпляютъ его въ той же конечной идеѣ. Въ этой странѣ, пишутъ французскіе комиссары, «народъ не признаетъ отвлеченной идеи принципа, хотя бы онъ представлялъ собою общественный или правовой интересъ.

Правосудія не существуетъ; въ теченіе двухъ лѣтъ было совершено сто тридцать преступленій... Институтъ судей отклонилъ всякій способъ наказанія; ни наиболѣе вѣскія доказательства, ниже сама очевидность не убѣждаютъ судей, принадлежащихъ къ той же партіи или даже того же семейства, что и обвиняемый, привести противъ него обвиненіе»; а если обвиняемый изъ противоположной партіи, судьи его тоже оправдываютъ, дабы избѣгнуть мщснія, «быть можетъ поздняго, но всегда неизбѣжнаго».

«Духъ общественности — неизвѣстенъ»; нѣтъ соціальной корпорации, но «масса мелкихъ партій, враждебныхъ одна другой... Нельзя быть корсиканцемъ безъ принадлежности къ какому-либо семейству, слѣдовательно, — не примыкая къ какой-либо партіи; тотъ, который захотѣлъ бы обойтись безъ нея, встрѣтилъ бы общую ненависть... Вожаки имѣютъ всѣ одну цѣль: добыть, во что бы то ни стало, денегъ, окружить себя преданной креатурой и занять ею всѣ мѣста... Выборы ведутся съ оружіемъ и насиліемъ... Торжествующая партія пользуется своимъ авторитетомъ и мститъ той, которая съ нею состязалась, умножаетъ притѣсненія, обиды... Начальники образуютъ между собою аристократическія лиги.... и позволяютъ себѣ всяческія злоупотребленія. Они не назначаютъ и не собираютъ податей, дабы не растерять выборщиковъ, а равно изъ чувства партійности и родственныхъ связей».

Пошлины идутъ въ карманъ родственниковъ и друзей... Жалованье не попадаетъ въ должныя руки. Поля, по причинѣ отсутствія безопасности, пустуютъ. Крестьяне ходятъ на пашню съ ружьями. Нельзя ступить шага безъ охраны; часто приходится посылать отрядъ въ пять, шесть человѣкъ, чтобы доставить письмо съ одной почты на другую». Пополните этотъ общій докладъ состояніемъ мелкихъ событій, представьте, что эти повсѣдневные факты разсказываются со всѣми перипетіями, комментируются заинтересованными сосѣдями съ чувствомъ симпатіи или гнѣва: такъвъ курсъ морали, прослушавной молодымъ Бонапартомъ. За столомъ ребенокъ слу-

шалъ разговоръ взрослыхъ и по слову, сказанному напримѣръ дядей, по выраженію физиономіи, по жесту удивленія или недоумѣнія онъ догадывался, что стремительный потокъ жизни не есть миръ, но война, и какими происками на немъ можно удержаться, какими насиліями возвыситься. Остатокъ дня, предоставленный самому себѣ, кормилецъ Илари, прислугѣ Саверіи, народу, среди которыхъ онъ толкается, онъ слышитъ разговоры портовыхъ моряковъ, пастуховъ, и ихъ наивныя восклицанія, ихъ неподдѣльный восторгъ по поводу ловко устроенныхъ засадъ, удачныхъ ловушекъ укрѣпляютъ въ немъ, путемъ энергичнаго повторенія, уроки, уже полученные дома. Это—наглядные уроки; онъ запечатлѣвается въ этомъ нѣжномъ возрастѣ, особенно когда къ тому имѣется естественная склонность, и сердце принимаетъ ихъ авансомъ, потому что воспитаніе встрѣчаетъ въ инстинктѣ сообщника. Такимъ образомъ, сначала революціи, когда онъ снова находится на Корсикѣ, онъ принимаетъ жизнь, какова она есть: борьба во всеоружіи, и на этомъ отмежеванномъ полѣ онъ дѣйствуетъ безъ сомнѣній, болѣе свободно, чѣмъ кто либо. Если онъ и привѣтствуетъ справедливости и законъ, то лишь на словахъ, и даже съ ироніей; въ глазахъ его законъ есть фраза изъ уложенія, справедливость—книжная фраза, и сила давить право *).

На этотъ характеръ, уже достаточно опредѣлившійся, падаетъ вторичный ударъ чеканнаго прессы и вторично происходитъ тотъ же оттискъ. Французская анархія гравируетъ въ молодомъ человѣкѣ максимы, уже врѣзанныя въ ребенкѣ корсиканской анархіей; въ обществѣ, которое разлагается, порядокъ вещей тотъ же, какъ и въ обществѣ, которое организуется.

Его проницательные глаза очень рано замѣтили черезъ толщу блестящихъ теорій и шумливыхъ фразъ истинную подоплеку Революціи, т.-е господство разнузданныхъ страстей и побѣду меньшинства надъ большинствомъ, что надо выбирать между двумя крайностями: побѣдить или уступить, середины быть не можетъ. Послѣ 9-го термидора порвалась послѣдняя завѣса, и на политической сценѣ въ полной наготѣ предстаютъ инстинкты распушенности и властвованія, алчныя побужденія личнаго свойства; объ общественномъ интересѣ и народномъ правѣ нѣтъ ни малѣйшей заботы; ясно, что правители являютъ собою шайку, что Франція—ихъ добыча, что они рѣшаютъ охранять эту добычу противъ всѣхъ, всѣми средствами, до пытокъ включительно; при такомъ порядкѣ гражданства, когда центръ сметается взмахомъ метлы, важно держаться за наметельникъ. Въ арміяхъ, особенно въ италійской арміи, со времени освобожденія территоріи, республиканская вѣра и патриотическое самоотверженіе уступили мѣсто натуральнымъ аппетитамъ и воинскимъ страстямъ. Съ босыми ногами, въ рубищѣ, съ четырьмя унциями хлѣба на сутки, съ жалованьемъ ассигнаціями, которыхъ не принимаютъ на рынкѣ, офицеры и солдаты хотятъ прежде всего выйти изъ нищенскаго положенія; «несчастные, выстрадавъ въ те-

* Письмо къ Паолл, 17 февраля 1792 г.: «Законы подобны изваяніямъ нѣкоторыхъ божествъ, которыя въ иные моменты покрываются».

ченіе трехъ лѣтъ на вершинахъ Альпъ, достигаютъ земли обѣтованной: они хотятъ ее использовать». Другое побужденіе—гордость, экзальтированная воображеніемъ и успѣхомъ; прибавьте къ этому потребность развернуться, порывъ и избытокъ молодости, ибо главный составъ арміи—молодежь, которая смотритъ на жизнь съ точки зрѣнія галла или француза, какъ на удовольствіе или какъ на дуэль. Но чувствовать себя храбрымъ и обнаруживать это, встрѣчать пули шуткой и вызывомъ, смѣнять благополучіе на битву и битву на балъ, веселиться и рисковать до крайнихъ степеней, безъ задней мысли, безъ другой цѣли, какъ только получить ощущеніе момента, играть своими способностями, до крайности возбужденными соревнованіемъ и опасностью, все это не составляетъ преданности дѣлу, это—потѣха, а для всѣхъ тѣхъ, которые не оглушены, потѣха заключается въ дѣланіи карьеры, въ приобрѣтеніи чиновъ, въ грабежѣ, ради своего обогащенія, какъ дѣлалъ Массена, въ побѣдахъ, ради своего могущества, какъ дѣлалъ Бонапартъ. На этой почвѣ между генераломъ и арміей съ первыхъ дней состоялось взаимное пониманіе и послѣ года практики оно достигло совершенства. Изъ ихъ взаимодѣйствій получается мораль, неопредѣленная въ арміи, но ясная въ генералѣ; то, что армія едва замѣчаетъ, то онъ видитъ; если онъ толкаетъ своихъ содрудниковъ, то лишь потому, что они сами стоятъ на наклонной плоскости. Онъ только идетъ во главѣ ихъ, смотря на мѣръ какъ на уготованное для всякаго приходяшаго торжественное пиршество, гдѣ, для того чтобы быть хорошо накормленнымъ, необходимо имѣть загребистыя руки, сѣсть на первое мѣсто и другимъ оставить только объѣдки.

Это ему кажется до такой степени естественнымъ, что онъ говоритъ объ этомъ совершенно открыто передъ людьми чужими, передъ дипломатомъ Мю, передъ иностранцемъ Мельци. «Не думаете ли вы, говорилъ онъ имъ послѣ Леобенскаго договора, не думаете ли вы, что я вступаю триумфаторомъ въ Италію, ради славы адвокатовъ Директоріи, разныхъ Карно, да Баррасовъ? Или предполагаете, что это дѣлается для созданія республики? Что за мысль! Съ нашими нрзавами, нашими пороками! возможно ли это? это химера, которой тѣшатся французы, но которая минуетъ какъ и всѣ другія. Имъ нужна слава, удовлетвореніе тщеславія; что касается до свободы, то они въ ней ничего не смыслятъ. Взгляните на армію! успѣхи, только что полученные, уже вернули французскому солдату его обычный характеръ. Я для нихъ все.

«Пусть Директорія воображаетъ, что она хочетъ лишить меня командованія, она увидитъ, кто господинъ. Націи нуженъ вождь, вождь осѣненный блескомъ славы, а не правительственныхъ теорій, фразъ, идеологическихъ споровъ, въ которыхъ французы ничего не разумѣютъ... Что касается до вашей страны, господинъ Мельци, то въ ней республиканскихъ элементовъ еще меньше, чѣмъ во Франціи и съ нею можно церемониться еще меньше, чѣмъ съ какою-либо другою... Наконецъ, мой планъ ни въ какомъ случаѣ не заключается въ столь быстрое окончаніе дѣла съ Австріей. Миръ—не въ моихъ интересахъ. Вы видите, что я собою представляю, что я значу теперь въ Итали. Если миръ заключенъ, если я уже не

стою больше во главѣ этой арміи, мнѣ придется разстаться съ этой властью, съ этимъ высокимъ положеніемъ, въ которое я поставленъ, и идти на поклонъ въ Люксембургъ къ адвокатамъ. Я оставилъ бы Италію, для того чтобы въ Франціи играть роль подобную той, какую я играю здѣсь, и моментъ еще не наступилъ; груша не созрѣла».

Ждать что-бы груша созрѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить, чтобы въ этотъ промежутокъ ее не сорвалъ кто-либо другой — вотъ истинный мотивъ его политическаго постоянства и его якобинскихъ прокламацій: «Партія, защищающая интересы Бурбоновъ, поднимаетъ голову и я не желаю способствовать ея побѣдѣ. Я хочу какъ-нибудь ослабить революціонную партію, но я хочу добиться этого въ своихъ интересахъ, а не въ интересахъ старой династіи. Но пока приходится дѣйствовать за одно съ республиканцами», съ отбросами націи, съ злодѣями, которые стремятся освободить Францію отъ Пятисотъ, отъ Древнихъ и даже отъ Директоріи, чтобы возстановить Терроръ.—Дѣйствительно онъ обязываетъ содѣйствіе 18 фруктидора и по окончаніи дѣла откровенно объясняетъ, почему онъ принялъ въ немъ участіе. «Вы не думайте, что я раздѣляю идеи тѣхъ, кому я оказалъ поддержку. Я просто не желалъ возвращенія Бурбоновъ, въ особенности возвращенія ихъ при помощи арміи Моро и Писшегрю. Во всякомъ случаѣ роль Монка не по мнѣ, я не желаю играть ея и не позволю другимъ сыграть ее... Что касается меня, мой дорогой Міо, я долженъ сознаться, что разучился повиноваться; я вкусилъ сладость власти и теперь не въ силахъ отказаться отъ нея. Я твердо рѣшилъ, что если мнѣ не удастся стать повелителемъ Франціи, я покину ее». Для него нѣтъ середины между этими двумя альтернативами. Возвратившись въ Парижъ онъ начинаетъ мечтать о томъ, чтобы «свергнуть Директорію, распусить Совѣты и стать диктаторомъ»; но убѣдившись, что шансы на успѣхъ слишкомъ слабы, «онъ откладываетъ свой планъ» и принимаетъ второе рѣшеніе. «Отправляясь въ Египетъ, онъ руководствовался именно этимъ мотивомъ». Что изъ того, если при настоящемъ положеніи Франціи и Европы военныя предпріятія идутъ въ разрѣзъ съ общественными интересами, если Франція будетъ лишена своей лучшей арміи и обречетъ большую часть своего флота на вѣрную гибель, все это не важно, лишь бы только въ этой грандіозной и бесполезной авантурѣ Бонапартъ могъ сыграть соответствующую роль, лишь бы онъ нашелъ широкое поле дѣятельности и одержалъ громкія побѣды, которыя какъ трубный гласъ прозвучали бы по ту сторону морей и возстановили его, престижъ: по его мнѣнію флотъ, армія, Франція, человѣчество существуютъ лишь для него и созданы исключительно къ его услугамъ. — Если для утвержденія его въ этомъ убѣжденіи нужно еще одно доказательство, Египетъ его дастъ, тамъ неограниченный властелинъ, внѣ всякаго контроля, въ борьбѣ съ низшей расой, онъ дѣйствуетъ какъ султанъ и привыкаетъ быть имъ. Тутъ онъ окончательно утвердился въ рѣшеніи не стѣсняться впредь съ человѣчествомъ. «Я — главное совершенно разочаровался въ Руссо, говорилъ онъ впоследствии, — съ тѣхъ поръ какъ помывалъ на востокѣ: дикарь та же собака» и цивилизованный человѣкъ,

если съ него снять налетъ культуры, становится тѣмъ же дикаремъ; когда умъ грубѣетъ, то ярко выступаютъ наружу первобытные инстинкты. Какъ одинъ, такъ и другой нуждаются въ хозяинѣ, въ волшебникѣ, который бы поработалъ ихъ воображеніе, держалъ ихъ въ повиновеніи, не позволяя бы имъ безъ должнаго повода кусаться, сажалъ ихъ на цѣпь, заботился объ нихъ и водилъ ихъ на охоту: повиновеніе ихъ удѣлъ; они не заслуживаютъ ничего лучшаго и не имѣютъ права ни на что иное.

Ставъ консуломъ, а затѣмъ императоромъ, онъ широко принималъ на практикѣ свою теорію и подъ его управленіемъ опытъ ежедневно подкрѣплялъ теорію новыми доказательствами. По его мановенію всѣ французы распростерлись передъ нимъ ницъ съ полной покорностью и застыли такъ, словно это было ихъ естественнымъ состояніемъ; всѣ маленькіе люди—крестьяне и солдаты повиновались ему съ животною преданностью, а всѣ значительные люди—сановники и чиновники съ византійской раболѣпностью.

Республиканцы не оказали ему ни малѣйшаго сопротивленія, даже напротивъ, среди нихъ онъ нашелъ лучшія орудія управленія, сенаторовъ, депутатовъ, государственныхъ совѣтниковъ, судей, администраторовъ всѣхъ степеней. Онъ сразу съвозъ ихъ проповѣди о свободѣ и равенствѣ разглядѣлъ ихъ властные инстинкты, ихъ потребность повѣлывать, первенствовать хотя-бы въ качествѣ подчиненныхъ, а вдобавокъ у большинства изъ нихъ жажду богатства и наслажденій. Между уполномоченнымъ Комитета Общественнаго спасенія и министромъ, префектомъ или су-префектомъ имперіи разница не велика: это тотъ же человѣкъ въ разныхъ одеждахъ, сперва въ карманолѣ, а затѣмъ въ расшитомъ мундирѣ. Если какой-либо пуританинъ, бѣдный и суровый, какъ напримѣръ, Камбонъ или Бодо, отказывается напялить на себя официальный мундиръ, если два или три явобинскихъ генерала, какъ Лескурбъ или Дельма ворчатъ при видѣ коронаціонныхъ торжествъ, Наполеонъ, хорошо зная складъ ихъ ума, можетъ третиловать ихъ какъ ограниченныхъ невѣждъ и слѣпыхъ фанатиковъ своей идеі.

Что же касается интеллигентныхъ либераловъ, появившихся съ 1789 года онъ однимъ словомъ ставитъ ихъ на свое мѣсто: это «идеологи»; другими словами, ихъ воображаемое просвѣщеніе въ сущности является лишь салонными предразсудками и кабинетными бреднями. «Лафайетъ политическій дуракъ, вѣчная жертва людей и обстоятельствъ».

Если въ поведеніи Лафайета или кого-либо другого проскальзываетъ какая-нибудь неудобная черточка, какъ напримѣръ: неоспоримое безеорыстіе, неусыпная забота объ общественномъ благѣ, уваженіе къ другимъ, чуткая совѣсть, лояльность, добрыя намѣренія, словомъ, благородныя и чистыя чувства, Наполеонъ не признаетъ этого опроверженія своей теоріи; въ разговорѣ съ такими людьми онъ открыто отрицаетъ ихъ нравственное благородство.—Генералъ Дюма, рѣзко обратился онъ къ Матье Дюма,—вы принадлежали къ числу идиотовъ вбрызанныхъ въ свободу?—Да, государь, принадлежалъ и до сихъ поръ принадлежу.—И вы также, какъ и другіе изъ честолюбія служили Революціи?—Нѣтъ, государь, и я бы плохо

расчиталъ, ибо въ данный моментъ я очутился на томъ же мѣстѣ, что и въ 1790 году. — Вы не отдаете себѣ отчета въ вашихъ побужденіяхъ; я не повѣрю, что бы вы такъ резко отличались отъ остальныхъ, тутъ всегда скрывается личный расчетъ. Да вотъ, возьмите хотя бы Массену, на его долю выпало достаточно славы и почестей, но онъ недоволенъ, онъ хочетъ быть принцемъ, какъ Мюратъ и Бернадоу, онъ охотно согласится завтра же быть убитымъ лишь бы только стать принцемъ; вотъ вамъ истинно французская подвижность».

Такимъ образомъ установилась его система; заслуживающіе довѣрія свидѣтели, имѣвшіе возможность часто встрѣчаться съ нимъ, подтверждаютъ, что онъ составилъ себѣ на этотъ счетъ строго опредѣленную теорію, въ непогрѣшимости которой онъ глубоко былъ убѣжденъ. «Его мнѣніе о людяхъ—писалъ Меттернихъ—заключалось въ идеѣ, которая къ несчастію для него получила въ его мысляхъ значеніе аксіомы; онъ былъ убѣжденъ, что всѣ люди, призванные на арену общественной дѣятельности или же вообще принимающіе непосредственное участіе въ общественной жизни, руководствуются исключительно личными расчетами. По его мнѣнію человѣкомъ легче всего управлять, влияя на его эгонистическія страсти, на его трусливость, порочность, чувственность, честолюбіе и стремленіе къ соревнованію; вотъ пружины, посредствомъ которыхъ легче всего руководить имъ, когда онъ хладнокровенъ и разсуждаетъ. При томъ очень легко довести его до безумія, потому что онъ обладаетъ пылкимъ воображеніемъ, довѣрчивъ и склоненъ къ увлеченію: постарайтесь возбудить его гордость и тщеславіе, помогите ему составить преувеличенное и ложное мнѣніе о самомъ себѣ и о другихъ и онъ влетитъ очертя голову туда, куда вы пожелаете направить его.

Ни одна изъ этихъ побудительныхъ причинъ не заслуживаетъ особеннаго уваженія и созданія такого рода представляють изъ себя естественный матеріалъ для неограниченной власти, это куча глины, ожидающая руки горшечника, чтобы получить опредѣленную форму. Если же въ этой кучѣ попадаются твердыя частицы, то горшечнику ничего не остается какъ растереть ихъ въ порошокъ, иногда ему для этого достаточно хорошо вымѣсить всю массу.

Таковы понятія Наполеона, въ которыхъ онъ окончательно утвердился и проникался ими все болѣе и болѣе, не смотря на сильное и явное противорѣчіе реальныхъ фактовъ; ничто не въ силахъ было измѣнить ихъ, ни упорная энергія англичанъ, ни неизмѣнная кротость папы, ни открытое возстаніе Испаніи, ни глухое броженіе въ Германіи, ни сопротивленіе католиковъ, ни постепенное отпаденіе Франціи, потому что его міровоззрѣніе вытекало изъ сущности его характера: онъ представлялъ себѣ человѣка такимъ, какимъ ему выгодно было его видѣть.

III.

Наконецъ мы очутились лицомъ къ лицу съ его основной страстью, передъ пропастью, которую вырыли въ немъ инстинктъ, воспитаніе, разсужденія и теорія и въ которой погибло великолѣпное

зданье его карьеры: я подразумеваю его честолюбие. Оно являлось первымъ двигателемъ его души и составляло основной элементъ его воли, до того тѣсно сливаясь со всѣмъ его существомъ, что онъ ужъ не отличалъ его отъ себя и порою переставалъ замѣчать его существованіе. «Что касается меня—говорилъ онъ Редереру—то я вовсе не честолюбивъ»; а затѣмъ со свойственной ему ясностью мысли поправлялся: «или, если во мнѣ и есть доля честолюбія, то оно характерно, до того тѣсно связано съ моимъ существомъ, что является какъ бы кровью, текущей въ моихъ жилахъ, либо воздухомъ, которымъ я дышу».—Еще глубже онъ сравниваетъ свою страсть съ этимъ произвольнымъ, могучимъ и дикимъ чувствомъ, которое заставляетъ трепетать душу отъ ея рвущейся ввысь верхушки до глубины ея органическихъ корней, съ этимъ всесильнымъ трепетомъ, охватывающимъ весь организмъ одновременно и тѣло и душу, съ этимъ жгучимъ и страшнымъ порывомъ, которому имя любовь. «У меня одна лишь страсть, одна любовница—Франція; я сплю съ ней, она никогда мнѣ не измѣняетъ, она отдаетъ мнѣ свою кровь и свои сокровища; если мнѣ нужно 500 тысячъ человѣкъ, она мнѣ ихъ даетъ».—Никто не долженъ становиться между нимъ и Франціей и пусть Іосифъ не заявляетъ по случаю коронаціи претензій на второе мѣсто въ Имперіи, пусть не мечтаетъ замѣстить его въ будущемъ, пусть онъ не предъявляетъ своихъ правъ брата. «Это ранило бы меня въ самое чувствительное мѣсто». Онъ это сдѣлалъ: «теперь ничто не въ силахъ изгладить это изъ моей памяти. Это все равно, какъ если бы онъ сказалъ любовнику, что онъ наблюдаетъ его возлюбленной, или же что онъ надѣется добиться обладанія ею. Моя любовница—власть; я слишкомъ дорогой цѣной купилъ ее, чтобы позволить похитить ее у меня, или же допустить, чтобы кто-либо съ вождѣніемъ поглядывалъ на нее»: столь же жадное, какъ и ревнивое честолюбие, приходящее въ ярость отъ одной мысли о соперникѣ, тяготеетъ мыслью о поставленныхъ ему границахъ; какъ ни велика прибрѣтенная власть оно жаждетъ еще большей и отъ самой обильной трапезы отходитъ ненасыщенное. На другой день послѣ коронаціи онъ говорилъ Декрѣ: «Я слишкомъ поздно родился, теперь трудно совершить что-либо великое; конечно я сдѣлалъ блестящую карьеру, я этого не отрицаю, я пошелъ по вѣрному пути. Но какая разница съ античными временами. Возьмите, напримѣръ, Александра: покоривъ Азію, онъ объявилъ себя сыномъ Юпитера и весь Востокъ этому повѣрилъ, за исключеніемъ Олимпіи, которая, понятно, на этотъ счетъ имѣла свое особое мнѣніе, Аристотеля, да нѣсколькихъ афинскихъ педантовъ. Ну, а вздумай я объявить себя сыномъ Предвѣчнаго Отца, любая торговка посмѣется мнѣ въ лицо при встрѣчѣ. Народы теперь слишкомъ просвѣщены; нѣтъ больше возможности свершать великія дѣла».—Но однако даже въ этой священной области, которая въ теченіи двадцати вѣковъ оставалась неприступной, онъ постарался захватить все что было возможно, посредствомъ уловки, наложивъ свою руку сперва на церковь, а затѣмъ на Папу; словомъ тутъ, какъ и вездѣ онъ взялъ все, что можно, было взять.—По его мнѣнію это вполне естественно: это его право,

потому что лишь онъ одинъ на это способенъ. «Мои итальянскіе народы должны знать, кто я, чтобы не забывать, что въ одномъ моемъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ во всѣхъ ихъ головахъ вмѣстѣ взятыхъ». Въ сравненіи съ нимъ они дѣти, «низшія существа», точно также французы и остальное человѣчество:—одинъ дипломатъ часто встрѣчавшійся съ нимъ въ теченіе продолжительнаго времени и имѣвшій возможность видѣть его въ различной обстановкѣ и при различныхъ обстоятельствахъ такимъ образомъ опредѣляетъ его характеръ: «онъ считалъ себя исключительнымъ существомъ, созданнымъ для того, что-бы управлять міромъ и по своему усмотрѣнію руководить всѣми умами».

Вотъ почему всѣ, кто приближался къ нему, должны были отказаться отъ собственной воли и превратиться въ простое оружіе управленія. «Этотъ ужасный чловѣкъ—говаривалъ часто Деврэ—поработилъ всѣхъ насъ, онъ крѣпко держитъ въ своей рукѣ всѣ наши стремленія, а эта рука попеременно бываетъ то бархотной, то стальной и никогда нельзя заранѣе знать какую она будетъ въ данный день, такъ же какъ невозможно было ускользнуть отъ нея—она никогда не выпускала того, что ей удавалось захватить».

Всякій намекъ на независимость даже случайную и временную оскорбляетъ его, всякое умственное и нравственное совершенство—раздражаетъ и онъ пытается избавиться отъ нихъ, наконецъ доходитъ до того, что онъ окружаетъ себя исключительно покоренными и рабскими душами; его приближенные всѣ или фанатики или простые машины, вродѣ благоговѣнно преклоняющагося предъ нимъ Маро или на все готоваго Савари. Онъ сразу же низвелъ своихъ министровъ до положенія простыхъ чиновниковъ, ибо онъ не только повелѣвалъ, но и самолично управлялъ, во всякомъ дѣлѣ внимательно изучая не только сущность его, но и всѣ подробности, слѣдовательно для замѣщенія вышнихъ должностей ему нужны были дѣятельные цисаря, нѣмые исполнители, послушные и обладающіе спеціальными знаніями манекены, но отнюдь не свободные и искренніе совѣтники. «Я не смогъ бы вести съ ними дѣла, если-бы они не отличались посредственностью ума или характера». Что же касается его генераловъ, то онъ самъ сознается, «что онъ любитъ надѣлать славой лишь тѣхъ, кто не умѣетъ пользоваться ею. Во всякомъ случаѣ «онъ хотеть быть единственнымъ властелиномъ славы, чтобы по своему усмотрѣнію надѣлать ею или лишать ея», сообразуясь при этомъ съ своимъ личнымъ интересомъ, если бы кто-либо изъ военныхъ пріобрѣлъ слишкомъ громкую извѣстность, онъ сталъ бы опасенъ, поэтому надо такъ поставить дѣло, чтобы подчиненный не пытался сдѣлаться менѣе зависимымъ. Объ этомъ ужъ заботятся бюллетени, примѣняя умышленныя замалчиванія, извращенія и другія уловки: «ему случалось умалчивать о нѣкоторыхъ побѣдахъ или превращать въ успѣхъ какой-либо промахъ какого-либо генерала. Бывало, что какой-нибудь генералъ вдругъ неожиданно узнавалъ изъ бюллетеня о дѣйствіи, котораго онъ никогда не совершалъ или же о рѣчи, которой онъ никогда не произносилъ». Если онъ пытался опровергнуть это, его заставляли замолчать, но зато въ вознагражденіе позволяли ему грабить, налагать контри-

буціи и обогащаться. Ставъ герцогомъ или владѣтельнымъ княземъ съ полумилліономъ или милліономъ дохода съ земель, онъ однако не становился отъ этого менѣе зависимымъ, ибо творецъ принималъ должныя предосторожности по отношенію своихъ твореній. «Вотъ люди—говорилъ онъ—которыхъ я сдѣлалъ независимыми; но я всегда стѣмью снова подчинить ихъ себѣ и не допустить ихъ сдѣлаться неблагодарными». И на самомъ дѣлѣ онъ ихъ щедро награждалъ, но надѣлилъ ихъ разрозненными владѣніями въ покоренныхъ странахъ, чѣмъ тѣсно связалъ ихъ судьбу съ своею судьбою; кромѣ того, что-бы лишить ихъ матеріальной независимости, онъ нарочно вводилъ ихъ и всѣхъ значительныхъ сановниковъ въ расходы и пользуясь ихъ денежными затрудненіями держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. «Большинство маршаловъ были кругомъ въ долгу и тѣснимые кредиторами—то и дѣло обращались къ нему за помощью, которую онъ часто оказывалъ тому, либо другому, руководствуясь при этомъ собственной фантазіей или расчетомъ».

Такимъ образомъ сверхъ той неограниченной власти, которою онъ пользовался, благодаря своему могуществу и своей геніальности, ему хотѣлось имѣть еще непосредственное, добавочное неотразимое вліяніе на каждого въ отдѣльности. Благодаря этому «онъ тщательно развиваетъ въ людяхъ низменныя страсти... онъ съ удовольствіемъ подмѣчаетъ слабыя стороны, что-бы извлекать изъ нихъ пользу.» Такъ пристрастіе къ деньгамъ Совари, придворныя интриги Маре, тщеславіе и чувственность Камбасереса, беззаботный цинизмъ и «изнѣженная порочность» Тайлейрана, «сухость характера» Дюрока, яacobинскій порокъ Фуше, «глудость» Бертье—ничто не ускользаетъ отъ его вниманія, все это доставляетъ ему удовольствіе и онъ извлекаетъ изъ этого пользу: «Тамъ гдѣ онъ не находитъ пороковъ, онъ поощряетъ слабость и за неимѣніемъ лучшаго, онъ возбуждаетъ страхъ, что-бы во что бы то ни стало всегда и вездѣ чувствовать свое превосходство... Онъ страшится чувства привязанности и старается изолировать своихъ приближенныхъ другъ отъ друга... Даря свою благосклонность, онъ старается пробудить въ душѣ безпокойство; онъ полагаетъ, что нѣтъ вѣрнѣе средства подчинить себѣ людей, какъ скомпрометировать ихъ, а порою даже опозорить ихъ имя... «Это не важно, что Коленкуръ скомпрометировалъ себя—говорилъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ убійства герцога Англенскаго—онъ теперь лучше прежняго станетъ служить мнѣ.»

Но ужъ разъ какое либо существо попало къ нему въ руки, оно должно было отказаться отъ мысли освободить отъ его власти или же отворовать отъ него хотя бы небольшую долю независимости; оно всецѣло и безраздѣльно принадлежало ему.—Недостаточно было добросовѣстно и успѣшно исполнять свои обязанности и безпрекословно слѣдовать его предначертаніямъ, онъ хотѣлъ обладать не только чиновникомъ, но и человѣкомъ. «Я не отрицаю всего этого—говаривалъ онъ въ отвѣтъ на похвалы расточаемыя кому либо—но все это не то, что мнѣ нужно.» Онъ требовалъ преданности, а подъ преданностью онъ подразумѣвалъ готовность отдать ему всецѣло и безраздѣльно «свою личность, свои чувства и помыслы.»—«По его мнѣнію—пишетъ одинъ свидѣтель—мы должны отказаться отъ всѣхъ нашихъ старыхъ

привычекъ, даже самыхъ незначительныхъ, что-бы жить одной мыслью: соблюдать его интересы и исполнять его желанія.» Кромѣ того всѣ его приближенные должны заглушить въ себѣ способность критически относиться къ наблюдаемымъ явлениямъ. «Чего онъ больше всего боится, такъ это что-бы рядомъ ли съ нимъ или же вдали отъ него не зародилось и не сохранялось умѣнье анализировать.— «Его мысль—мраморная форма, въ которую должны быть втиснуты всѣ умы безъ исключенія.—Больше всего онъ боится, что-бы два ума не выскользнули изъ нея одновременно и по одному направлению; ихъ согласіе даже бездѣтельное, ихъ взаимное пониманіе даже ничѣмъ не выраженное, ихъ перешептываніе почти нѣмое являются въ его глазахъ партией, лигой, а если они чиновники, то «заговоромъ.»

Послѣ своего возвращенія изъ Испаніи онъ въ порывѣ дикой ярости, съ страшными угрозами заявилъ: «что тѣ, кого онъ сдѣлалъ своими сановниками и министрами не вольны больше ни въ своихъ мысляхъ, ни въ словахъ, которыя должны быть лишь эхомъ его мыслей и словъ и что они становятся на путь измѣны, какъ только начинаютъ сомнѣваться, а когда они доходятъ до несогласія съ нимъ, то это является ужъ полной измѣной съ ихъ стороны.»

Если же они пытаются защитить отъ его безпрерывныхъ захватовъ свою совѣсть, католическую религію либо честь, онъ удивляется и раздражается. Гондскому епископу, который съ почтительной преданностью сталъ извиняться передъ нимъ, что совѣсть не позволяетъ ему принести вторично присягу, онъ грубо замѣтилъ, повернувшись къ нему спиною: «ну такъ стало-бы у васъ глупая совѣсть, сударь!» — Директоръ библіотеки Порталисъ, узнавъ отъ своего двоюроднаго брата аббата д' Астроса, что у него имѣется папская грамота не злоупотребилъ его довѣріемъ; онъ ограничился тѣмъ, что посоветовалъ своему кузену держать въ тайнѣ эту грамоту и предупредилъ, что если тотъ станетъ распространять папское посланіе, онъ приметъ мѣры къ изытію его изъ обращенія; сверхъ того изъ предосторожности онъ предупредилъ префекта полиціи. Но онъ не донесъ непосредственно на своего кузена; онъ не арестовалъ челоуѣка и не конфисковалъ бумаги. За это императоръ въ присутвіи всего Государственнаго Совѣта сдѣлалъ ему строгій выговоръ. «пронизывая его своимъ пытливымъ взоромъ, который казался сверлилъ мозгъ,» онъ заявилъ ему, что онъ совершилъ самое «низкое предательство,» онъ съ полъ часа продержалъ его подъ градомъ упрековъ и оскорбленій и прогналъ его съ глазъ, какъ не прогоняютъ проворовашагося лакея.—Всякій чиновникъ какъ при исполненіи своихъ непосредственныхъ обязанностей, такъ и въ частной жизни долженъ быть готовъ оказывать ему всевозможныя услуги и всегда исполнять всѣ его порученія какого бы рода они ни были. Если его удерживаетъ излишняя щепетильность, если онъ ссылается на частныя обязательства, если онъ опасается поступить вопреки порядочности, либо общепринятой морали, онъ навлекаетъ на себя неудовольствіе или же теряетъ благосклонность повелителя; такой удѣлъ выпалъ на долю г. де Ремюза, который не пожелалъ стать его шпиономъ, его доносчикомъ, его соглядатаемъ въ Сенъ-Жерменскомъ

предмѣствѣ и отказался ѣхать въ Вѣну съ цѣлью выпытать у господина Андрэ адресъ его мужа, что-бы затѣмъ его отдать на разстрѣляніе; Савари, взявъ на себя роль посредника въ этомъ дѣлѣ, безъ устали уговаривалъ его и твердилъ ему: «Вы губите свою карьеру, повѣрьте, я отказываюсь васъ понимать».

Однако тотъ же Савари, министръ полиціи, исполнитель самыхъ отвѣтственныхъ порученій, главный руководитель убійства герцога Ангіенскаго и покушенія въ Байонѣ, фабрикантъ фальшивыхъ ассигнацій австрійскаго банка для кампаніи 1809 года, и ассигнацій русскаго банка для кампаніи 1812 года, наконецъ усталъ повиноваться; на него возлагали слишкомъ грязныя порученія и какъ ни покладиста была его совѣсть, однако, въ глубинѣ ея нашлось чувствительное мѣстечко и дошло до того, что онъ сталъ испытывать укору совѣсти. Съ величайшимъ отвращеніемъ принялся онъ въ февралѣ 1814 года за приготовленіе небольшой адской машины съ часовымъ механизмомъ, предназначавшейся для взорванія на воздухъ возвращающихся во Францію Бурбоновъ: «Ахъ, говорилъ онъ, потирая рукою свой лобъ,—надо сознаться, что подчасъ очень трудно служить императору».

Онъ такъ много требуетъ отъ человѣческаго существа, потому что въ игрѣ, которую онъ затѣялъ, ему необходимо все получить; въ томъ положеніи, какое онъ себѣ создалъ, не можетъ быть рѣчи ни о какихъ послабленіяхъ: «Можетъ ли быть чувствительнымъ государственный человѣкъ?—говорилъ онъ,—развѣ это не совершенно исключительное существо, *всегда одинокое съ одной стороны и постоянно находящееся въ общеніи съ людьми съ другой?*». Въ этомъ воединѣ безъ отдыха и пощады, люди интересуютъ его лишь постолько, поскольку онъ можетъ извлекать изъ нихъ пользу; вся ихъ цѣнность заключается для него въ той выгодѣ, какую онъ отъ нихъ получаетъ, все его вниманіе устремлено на то, чтобы отыскать и извлечь изъ нихъ до послѣдней капли всѣ ихъ способности и дарованія, которыя могутъ быть ему полезны: «Я не позволяю увлекать себя бесполезнымъ чувствамъ—говорилъ онъ однажды,—а Бертье до того безличенъ, что я не знаю, за что я сталъ бы любить его. А, однако, когда ничто меня не отвлекаетъ, я испытываю извѣстнаго рода влеченіе къ нему». И ничего больше: по его мнѣнію, такое равнодушіе обязательно для главы государства; «онъ разглядываетъ политику черезъ свою подзорную трубку, заботясь о томъ, чтобы ея стекло ничего не увеличивало и ничего не уменьшало». Вслѣдствіе этого если не считать нервныхъ припадковъ чувствительности, «онъ относился къ людямъ какъ начальникъ мастерской къ своимъ рабочимъ», или вѣрнѣе, къ орудіямъ производства: разъ орудіе стало негоднымъ къ употребленію, то все равно станетъ ли оно покрываться плѣсенью гдѣ либо въ углу полки или же будетъ сброшено въ кучу ломаемаго желѣза. Однажды министръ исповѣданій, Порталисъ, вошелъ къ нему съ разстроеннымъ лицомъ и следами на глазахъ. «Что съ вами, Порталисъ,—спросилъ Наполеонъ,—вы больны?». «Нѣтъ, государь, но я глубоко несчастенъ, турецкій архіепископъ, бѣдный Буасжеленъ, мой товарищъ, мой другъ дѣтства...». «Ну, что такое тамъ съ нимъ случилось?» «Увы, государь!

онъ умереть». «Для меня это безразлично, онъ не нуженъ мнѣ больше». Неограниченный властелинъ, эксплуатирующій людей и предметы, тѣла и души, чтобы ими пользоваться по своему усмотрѣнію, онъ неограниченно пользуется своей властью, и черезъ нѣсколько лѣтъ доходитъ до того, что заявляетъ также безапелляционно, но еще болѣе деспотически, чѣмъ Людовикъ XIV, «моя армія, мой флотъ, мои кардиналы, мой сенатъ, мои народы, моя имперія». Корпусу арміи, отправляющемуся въ атаку, онъ сказалъ: «Солдаты, мнѣ нужна ваша жизнь и вы обязаны отдать мнѣ ее». А генералу Дорсенну и гвардейскимъ гренадерамъ заявилъ: «Говорятъ, что вы рошчете, что вы хотите вернуться въ Парижъ къ вашимъ любовницамъ; но не самообольщайтесь, я продержу васъ подъ ружьемъ до всемьдесяти лѣтъ, вы родились на бивуахъ, тутъ вы и умрете».

А какъ онъ обращается со своими братьями и родственниками, ставшими королями, какъ туго онъ натягиваетъ поводья, какъ подстегиваетъ ихъ хлыстомъ и шпорами, чтобы они быстрѣе мчались и прыгали черезъ овраги, лучше всего видно изъ его переписки: малѣйшее поползновеніе проявить личную инициативу, хотя бы оправдываемое нетерпящей отлагательства крайностью, или же очевиднымъ добрымъ намѣреніемъ, обуздывается какъ уклоненіе въ сторону съ такою беспощадною жестокостью, отъ которой сгибается хребетъ и ломаются колѣни виновнаго.

Вѣжливому и такому преданному и покорному принцу Евгенію онъ написалъ: «Если вы спрашиваете у Его Величества разрѣшенія перемѣнить потолокъ или же освѣдомляетесь объ его мнѣніи на этотъ счетъ, вы должны терпѣливо ожидать отвѣта; и если бы даже горѣлъ Миланъ, вы должны спросить у него разрѣшеніе на тушеніе пожара и не принимать самостоятельно никакихъ мѣръ, пока Его Величество недоволенъ вами, очень недоволенъ; вы никогда не должны дѣлать того, что онъ предпочитаетъ самъ сдѣлать, онъ этого не хочетъ и никогда не проститъ вамъ сопротивленіе его волѣ».

Можете себѣ теперь представить какой тонъ принималъ онъ по отношенію своихъ подчиненныхъ, по поводу французскихъ батальоновъ, которымъ былъ воспрещенъ свободный входъ на голландскія площади, онъ сказалъ: «скажите нидерландскому королю, что если его министры дѣйствовали по собственной инициативѣ, я арестую ихъ и велю срубить имъ всѣмъ головы». Сегюру, члену академическаго комитета, одобрившаго рѣчи Шатобриана, онъ заявилъ: «Вы и Фонтанъ, какъ членъ государственнаго совѣта заслуживаете того, чтобы я васъ отправилъ въ Венсенъ... Скажите второму отдѣленію института, что я не хочу, чтобы на его собраніяхъ говорили о политикѣ... Если оно меня ослушается, то я закрою институтъ, словно низкопробный клубъ».

Даже когда онъ не сердится и не ворчитъ, когда онъ втягиваетъ въ себя когти, все же чувствуются его когти. Такъ онъ сказалъ Бенью, котораго онъ только что съ полнымъ сознаниемъ своей несправедливости, публично осыпалъ грубыми, незаслуженными оскорбленіями: «Гдѣ же ваша голова, большой дуракъ?». Тогда Бенью, высокій какъ тамбуръ-мажоръ наклоняется пониже и маленькій человекъ, приподнявъ руку, треплетъ за ухо большого. Это «знакъ

величайшей *упоительной* милости»—говоритъ Бенью—доказательство, что владыка смягчился. Еще того лучше, поведитель удаивается Бенью выговора за его личные вкусы, стремленія, за его желаніе вернуться въ Парижъ: «Чего мнѣ хочется? Стать его министромъ въ Парижъ? Судя потому, что онъ могъ заключить обо мнѣ при другихъ обстоятельствахъ, я не выдержу долго и погибну отъ заботъ къ концу перваго же мѣсяца. Онъ уже убилъ Порталиса, Брегера и даже Трейлара, жизнь котораго однако и прежде не была сладка: онъ не могъ уже отправлять своихъ естественныхъ нуждъ, точно также какъ и другіе. Со мною случится тоже, если еще не похуже того...». «Оставайтесь здѣсь... А когда вы состаритесь или вѣрнѣе, когда мы всѣ состаримся, я васъ отправлю въ сенатъ, гдѣ вы получите возможность болтать въ свое удовольствіе». Несомнѣнно, что по мѣрѣ приближенія къ его особѣ, жизнь становится все менѣе пріятной. «Несмотря на то, что ему всегда прекрасно прислуживали и моментально исполняли всѣ его приказанія, онъ все же нашелъ нужнымъ ввести въ внутреннюю интимную жизнь дворца извѣстную долю террора».

Какую бы важную услугу не оказали ему, онъ никогда не благодаритъ, не похвалитъ, одинъ единственный разъ онъ выразилъ одобреніе своему министру иностранныхъ дѣлъ де-Шампаньи, за то, что онъ въ одну ночь заключилъ на весьма выгодныхъ условіяхъ Вѣнскій трактатъ. Тутъ отъ неожиданности императоръ впервые выразилъ во всеуслышаніе свои чувства, «тогда какъ обыкновенно онъ выражалъ одобреніе посредствомъ молчанія». Когда министръ двора, Ремюза, дешево, хорошо, блестяще и успѣшно «устраивалъ ему одинъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ праздниковъ, на которыхъ группировались всѣ искусства, чтобы доставить ему наслажденіе», госпожа Ремюза никогда не спрашивала мужа, доволенъ ли императоръ, но освѣдомлялась лишь, очень ли онъ или не очень ворчалъ. «Его основной принципъ, который онъ примѣнялъ вездѣ какъ въ важныхъ дѣлахъ, такъ и въ мелочахъ, заключался въ томъ, что люди добросовѣстно выполняютъ свое дѣло только тогда, когда опасаются ответственности за промахи».

Что бы машина исправно дѣйствовала надо, чтобы машинистъ почаще чистилъ ее и лочинялъ и Наполеонъ неизмѣнно слѣдуетъ этому правилу, въ особенности послѣ продолжительнаго отсутствія. Передъ его возвращеніемъ изъ Тильзита «всѣ съ мучительнымъ безпокойствомъ разбирали и анализировали свои поступки, стараясь предугадать, что собственно въ ихъ поведеніи можетъ вызвать неудовольствіе повелителя. Супруга, семья, первые въ государствѣ сановники—всѣ въ большей или меньшей степени испытывали этотъ тайный трепетъ, а императрица, которая его знала лучше чѣмъ кто бы то ни было, наивно заявляла: «Императоръ такъ счастливъ, что вѣроятно сильно будетъ всѣхъ распекаеть». Дѣйствительно едва лишь вернувшись, онъ задалъ всѣмъ хорошую встряску; «а затѣмъ чувствуя удовлетвореніе, что удалось всѣхъ терроризировать, онъ словно сразу все забылъ и жизнь вошла въ свою колею». Отчасти, руководствуясь расчетомъ, а отчасти, слѣдуя внутреннему влеченію, онъ всегда и вездѣ сохранялъ, царственную осанку». Вслѣдствіе

этого «его дворъ былъ нѣмъ и холоденъ и носилъ на себѣ печать скорѣ тоски и скуки, чѣмъ гордаго достоинства; на всѣхъ лицахъ лежало выраженіе затаеннаго безпокойства, вездѣ царило при-
нужденное и тусклое молчаніе». Фонтенебло невзирая на «все свое великолѣпіе и развлеченія» никому не давало ни удовольствія, ни истинной радости, даже самому императору. «Я васъ отъ души сожалѣю, говорилъ Талейранъ Ремюза, — вамъ приходится развлекать неразвлекаемаго». Въ театрѣ онъ погружается въ думы, либо зѣ-
ваетъ: аплодировать воспрещается, «глядя на цѣлый рядъ трагедій, дворъ скучаетъ, молодя женщины засыпаютъ на представленіяхъ; всѣ расходятся изъ театра скучные и недовольные».

То же стѣсненіе царить и въ салонахъ. Онъ не умѣетъ или думается просто не хочетъ поставить себя такъ, чтобы люди въ его присутствіи чувствовали себя свободно, онъ опасается малѣйшаго проявленія фамильярности и старается внушить всѣмъ боязнь произнести при свидѣтеляхъ какое-либо неосторожное слово. Во время контраданса онъ прогуливается среди дамъ, обращаясь къ нимъ съ незначительными или колкими замѣчаніями; если онъ раз-
говори аеть съ ними, то всегда свысока и враждебно; «въ глубинѣ души онъ питаетъ» къ нимъ недовѣріе и недоброжелательство это происходитъ оттого, что «онъ считаетъ пріобрѣтенное ими вліяніе въ обществѣ возмутительной узурпаціей». «Съ его языка никогда не срывалось любезное или по крайней мѣрѣ вѣжливое слово по адресу женщины, хотя порою въ выраженіи его лица и въ звукѣ голоса проскальзывало желаніе произнести его... Онъ говоритъ съ ними лишь о нарядахъ, въ которыхъ онъ зналъ толкъ и потому былъ строгимъ и требовательнымъ судьей и порою дѣлаетъ на этотъ счетъ весьма грубыя замѣчанія, кромѣ того онъ любилъ спрашивать ихъ о числѣ ихъ дѣтей и въ очень рѣзкихъ выраже-
ніяхъ освѣдомлялся сами ли они выкормили ихъ всѣхъ, наконецъ онъ еще интересовался ихъ свѣтскими отношеніями». Вотъ почему «каждая изъ нихъ испытывала величайшее удовольствіе, когда онъ оставлялъ ее въ покоѣ».

Подчасъ ему доставляло большое наслажденіе унижать и дразнить ихъ; онъ тогда начиналъ злословить и издѣвался надъ ними въ глаза, принимая тонъ полковника по отношенію маркитантокъ: «Да, сударыни, вы даете обильную пищу языкамъ обитателей Сентъ-Жерменскаго предмѣстья; они, напримѣръ, говорятъ, что вы madame А... находитесь въ связи съ господиномъ Б..., а вы, madame С... съ Д...» Если ему случалось при посредствѣ полиціи узнать про *какую-нибудь* любовную интригу, «онъ обязательно дѣлился съ обманутымъ мужемъ этими свѣдѣніями». Даже когда дѣло касалось его личныхъ капризовъ, онъ былъ столь же нескроменъ: обыкновенно послѣ разрыва, онъ сообщалъ фактъ и называлъ имя: даже больше того, онъ создавался во всемъ Жозефинѣ, посвящалъ ее въ самыя интимныя подробности и не допускалъ никакихъ протестовъ съ ея стороны: «Я имѣю право на всѣ ваши жалобы отвѣтить однимъ словомъ: это—я!»

Дѣйствительно это слово играетъ въ его жизни первенствующую роль и чтобы пояснить его онъ добавляетъ: Я стою въ вѣ стороны

отъ всего міра, внѣ правилъ общепринятой морали», я не признаю никакихъ стѣсненій, никакихъ обязательствъ, никакого кодекса, даже обыкновеннаго кодекса внѣшней гражданственности, который смягчая или скрывая первобытную грубость, даетъ возможность людямъ встрѣчаться безъ рѣзкихъ столкновеній». Онъ не понимаетъ такой морали и отрицаетъ ее. «Я ненавижу, говорилъ онъ, — это бессмысленное, все нивелирующее слово «приличія», которое вы всѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ выдвигаете впередъ; это изобрѣтеніе глупцовъ придуманное ими съ цѣлью хотя бы отчасти приблизиться къ умнымъ людямъ, это родъ общественнаго вляпа, который стѣсняетъ сильныхъ и полезенъ лишь посредственности... Ахъ, хорошій, тонкій вкусъ! Вотъ еще одно изъ классическихкихъ понятій, которое я не понимаю и не признаю». «Онъ вашъ личный врагъ, сказалъ ему однажды Тайлеранъ, — если бы вы могли уничтожить его пушечными выстрѣлами, онъ надолго исчезъ бы съ лица земли». Это объясняется тѣмъ, что хорошій вкусъ является вѣнцомъ цивилизаціи, самымъ существеннымъ покровомъ человѣческой наготы, неотъемлемой частью человѣческаго существа, съ которой оно труднѣе всего разстается, но для Наполеона и эта легкая ткань является путями; онъ инстинктивно отбрасываетъ ее, потому что она стѣсняетъ его инстинктивный и безшабашный размахъ, его повелительные и дикіе порывы побѣдителя, всецѣло поработившаго побѣжденнаго.

Какимъ невыразимымъ стѣсненіемъ окружаетъ онъ всѣхъ, каемъ угнетающимъ бременемъ тяготѣетъ его произволъ надъ самыми мягкими характерами и надъ наиболее испытанною преданностью, съ каемъ безсердечіемъ онъ попираетъ и сокрушаетъ чужую волю, до какой степени онъ стѣсняетъ и сдавлиываетъ дыханье человѣческаго существа, онъ самъ понимаетъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было другой. Онъ какъ то выразился: «Самый счастливый человѣкъ тотъ, который сумѣлъ спрятаться отъ меня въ самомъ глухомъ уголкѣ провинціи». А то однажды онъ спросилъ у Сегюра, какъ онъ думаетъ, что почувствуютъ всѣ послѣ его смерти и когда тотъ сталъ распространяться объ единодушныхъ сожалѣніяхъ, то онъ рѣзко оборвалъ его сказавъ: «вовсе нѣтъ», а затѣмъ съ многозначительнымъ глубокимъ вздохомъ, которымъ онъ хотѣлъ выразить всеобщее облегченіе, императоръ добавилъ: «Всѣ скажутъ: «уфъ».

IV.

Нѣтъ такого даже неограниченнаго властелина, который бы постоянно, съ утра до вечера сохранялъ внѣшность деспота; обыкновенно, въ особенности во Франціи день царственной особы раздѣляется на двѣ части, первую половину дня глава государства посвящаетъ дѣламъ, а вторую свѣтскимъ удовольствіямъ и не переставая быть повелителемъ превращается въ хозяина дома: ибо онъ принимаетъ гостей и что бы эти гости не превратились въ автоматовъ, онъ заботится о томъ, чтобы они себя хорошо чувствовали. Такъ поступалъ Людовикъ XIV; быть со всѣми вѣжливымъ, всегда привѣтливымъ и даже благосклоннымъ по отношенію мужьямъ,

любезнымъ и даже предупредительнымъ по отношенію женщинъ, избѣгать всякой рѣзкости, всякихъ вспышекъ, всякой ироніи, не произносить никогда никакихъ колкостей, не давать чувствовать окружающимъ ихъ зависимости и подчиненнаго положенія, поощрять ихъ разговоръ и даже болтовню, поддерживать въ бесѣдѣ вѣдшее равенство, встрѣчать съ улыбкой возраженія, иногда принимать участіе въ спорѣ, порою пошутить, рассказать что-либо интересное—такова была его салонная программа. Необходимо, что бы во всякомъ человѣческомъ обществѣ была своя свободная программа, а не то жизнь въ немъ замретъ. Поэтому въ старину такая программа называлась *savoir vivre* (умѣнье жить) и король безпрекословно и добросовѣстно подчинялся всѣмъ требованіямъ кодекса вѣжливости; въ силу традиціи, благодаря воспитанію онъ по крайней мѣрѣ хоть съ людьми высшаго круга обращался какъ съ равными и придворные постоянно бывали его гостями, не переставая оставаться его подчиненными.

Совсѣмъ не то у Наполеона. Изъ этикета заимствованнаго у стараго двора, онъ сохранилъ лишь строгую дисциплину и пышные парады. «Церемоніаль, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей,—совершался такъ строго размѣренно, словно онъ происходилъ подъ барабанный бой, казалось точно все шло ускореннымъ темпомъ». Эта торопливость, это томительное чувство страха, которое онъ внушаетъ, убиваютъ вокругъ него всякое удовольствіе, всякое удобство, всякій непринужденный разговоръ и свободное общеніе; между нимъ и окружающими его не существуетъ никакой связи, кромѣ повелѣній съ одной стороны и послушанія съ другой. «Тѣ немногіе люди, которыхъ онъ выдѣлялъ изъ числа остальныхъ, какъ Савари, Дюрокъ, Марэ или молчали, или передавали его приказанія... Мы же покорно исполнявшіе то, что намъ приказывали, являлись въ ихъ глазахъ, да пожалуй и въ собственныхъ, простыми машинами, мало чѣмъ отличающимися отъ нарядныхъ золоченыхъ кресель, которыми были украшены Тюльерскій дворецъ, и замокъ въ Сень-Клу».

V.

Такиѣ порывы не могутъ быть терпимы ни въ какомъ обществѣ въ особенности ереди независимыхъ и хорошо вооруженныхъ личностей совокупность которыхъ составляетъ націю или государство; вотъ почему они воспрещаются какъ въ политикѣ, такъ и въ дипломатіи и всякій глава либо представитель націи обыкновенно тщательно изъ принципа воздерживается отъ нихъ, въ особенности по отношенію подобныхъ себѣ, онъ обязанъ обращаться съ ними какъ съ равными, беречь ихъ самолюбіе, слѣдовательно не долженъ поддаваться минутному раздраженію, и личнымъ страстямъ, словомъ долженъ всегда владѣть собою и строго обдумывать свои слова: оттого таковы тонъ манифестовъ, протоколовъ, декретовъ и другихъ государственныхъ актовъ; поэтому же такъ холоденъ, безпеченъ и вялъ оффиціальныи канцелярскій стиль дѣловыхъ бумагъ, избилующихъ нарочно смягченными и приглаженными выраженіями, длинными запутанными фразами словно сотканными по одному

шаблону, изображающими изъ себя нѣчто вродѣ мягкаго пуха либо интернаціональнаго тампона, помѣщаемаго между противниками для смягченія толчка. И такъ между государствами достаточно взаимныхъ недоразумѣній, слишкомъ много неизбѣжныхъ и тягостныхъ столкновений, слишкомъ много проводовъ къ конфликтамъ. А послѣдствія конфликтовъ слишкомъ серьезны, поэтому не слѣдуетъ къ ударамъ наносимымъ интересамъ присоединять ударовъ самолюбію и воображенію, въ особенности не надо наносить ихъ неосновательно, ибо они сегодня увеличатъ силу сопротивленія противника, а завтра навлекутъ возмездіе съ его стороны.

Но совсѣмъ наоборотъ у Наполеона; даже во время мирныхъ переговоровъ его осанка сохраняетъ вызывающій и воинственный видъ, добровольно или невольно онъ поднимаетъ руку, чувствуется что вотъ-вотъ онъ ударитъ, а покаместъ онъ наноситъ оскорбленіе. Въ своей перепискѣ съ владѣтельными особами, въ своихъ официальныхъ приказахъ, въ своихъ бесѣдахъ съ посланниками включительно до публичныхъ пріемовъ онъ держитъ себя вызывающе, угрожаетъ, выражаетъ недовѣріе, третируетъ свысока своего противника, а порою даже оскорбляетъ и бросаетъ въ лицо самыя обидныя обвиненія; онъ раскрываетъ тайны его частной жизни, его кабинета, его алькова; онъ клеветаетъ на его министровъ, его дворъ и его жену, онъ нарочно старается нанести ударъ въ самое чувствительное мѣсто и сообщаетъ ему, что онъ жертва обмана, супругъ невѣрной жены, соумышленникъ убійцы; онъ принимаетъ по отношенію его тонъ судьи судящаго преступника, или тонъ начальника распевальщаго своего подчиненнаго или въ лучшемъ случаѣ тонъ учителя поучающаго своего ученика; съ улыбкой сожалѣнія онъ ему раскрываетъ его ошибки, его слабыя стороны, его бездарность и впередъ указываетъ ему его несомнѣнное пораженіе, его грядущее униженіе.

Принимая въ Вильно уполномоченнаго императора Александра, онъ ему сказалъ: «Россія не хочетъ этой войны, всѣ европейскія державы не одобряютъ ее, даже Англія не сочувствуетъ ей, ибо она предвѣщаетъ несчастья для Россіи, а можетъ быть и вѣнецъ всѣхъ бѣдствій... я знаю также хорошо какъ и вы, а можетъ быть даже лучше чѣмъ вы, сколько у васъ войска. У васъ сто двадцать тысячъ человѣкъ пѣхоты и 60—70 тысячъ кавалеріи, а у меня втрое больше, какъ тѣхъ, такъ и другихъ... Императоръ Александръ окруженъ плохими совѣтниками, какъ не стыдно ему приближать къ себѣ такихъ лицъ, какъ, напримѣръ: Армфельдъ, вѣдь это извѣстный интриганъ, человѣкъ безпринципный, злодѣй и грязный развратникъ, онъ прославился своими злодѣянствами и всей душой ненавидитъ Россію, или же Штейнъ, который былъ изгнанъ изъ своего отечества какъ негодяй, человѣкъ неблагонамѣренный, голова котораго оцѣнена, наконецъ Беннингсенъ, человѣкъ яко-бы обладающій военными талантами, которыхъ, положимъ, я въ немъ не замѣтилъ, но руки котораго обогрены въ крови?.. Пускай-бы онъ окружилъ себя русскими, я не сказалъ бы ни слова... Неужто у васъ не нашлось бы достаточно русскихъ дворянъ, которые несомнѣнно были бы ему больше преданы, чѣмъ эти наемщики? Не-

ужто онъ воображаетъ, что они очарованы его личностью? Пускай бы онъ поручилъ Армфельду управление Финляндіей, я не сказалъ бы ни слова, но приблизить его къ своей особѣ, какая мерзость!.. Какія блестящія перспективы раскрывались передъ Императоромъ Александромъ въ Тильзитѣ, а въ особенности въ Эрфуртѣ.. Онъ испортилъ одно изъ самыхъ блестящихъ въ Россіи царствованій.. Какъ можно вращаться въ обществѣ какихъ то Армфельдовъ, Штейновъ, Винценгероде!.. Передайте Императору Александру, что такъ какъ онъ окружаетъ себя своими личными врагами, то я на это смотрю, какъ на желаніе нанести мнѣ личное оскорбленіе и въ отвѣтъ на это постараюсь тоже нанести ему личное оскорбленіе: я проую изъ Германіи всю его Баденскую, Вюртембергскую и Веймарскую родню, пусть онъ заготовитъ для нихъ убѣжище въ Россіи.»

Обратите вниманіе, что онъ подразумѣваетъ подъ *личнымъ оскорбленіемъ*, за что онъ собирается отплатить самыми жестокими репрессіями, какъ далеко простирается его безперемонность, какъ онъ насильно и беззастѣнчиво врывается въ кабинеты повелителей другихъ державъ, что-бы изгнать ихъ совѣтниковъ и управителей ихъ совѣтомъ; такъ поступаетъ римскій сенатъ съ какимъ либо Антиохомъ или же англійскій резидентъ съ царькомъ Лагора. У себя, точно также какъ и у другихъ, онъ привыкъ дѣйствовать самовластно. «Стремленіе къ всемірному господству вытекаетъ изъ сущности его характера, его можно нѣсколько урегулировать, смягчить, но невозможно заглушить».

Оно прорывается наружу еще во время консульства; вотъ почему Амьенскій миръ такъ скоро былъ нарушенъ; не столько ходъ дипломатическихъ переговоровъ и понесенныя потери, сколько его властолюбивый характеръ и непомѣрныя требованія способствовали разрыву, его откровенные планы и намѣреніе воспользоваться своей силой были истинными причинами вызвавшими конфликтъ. Дѣйствительно онъ рѣзко и прямо заявилъ англичанамъ: прогоните съ вашего острова Бурбоновъ и закройте ротъ вашимъ журналистамъ, если это противорѣчитъ вашей конституціи, то тѣмъ хуже для нея или вѣрнѣе тѣмъ хуже для васъ. «Существуютъ общіе принципы правъ чаловѣка, передъ которыми должны смолкнуть частные законы отдѣльныхъ государствъ». Измѣните основательнымъ образомъ ваши законы: уничтожьте у себя, какъ уничтожилъ я во Франціи, свободу печати и право убѣжища; «я очень не высокаго мнѣнія о правительствѣ, которое не въ силахъ воспретить того, что не правится иностраннымъ державамъ». «Что же касается меня, моего вмѣшательства въ дѣла сосѣдей, моихъ недавнихъ территориальныхъ захватовъ, это васъ не касается! Кажется вы намѣрены говорить о Пьемонтѣ и Швейцаріи? Да это сущіе *пустяки!*..» — «Признано всей Европой, что Голандія, Италия и Швейцарія находятся въ зависимости отъ Франціи». «Съ другой стороны я подчинилъ себѣ Испанію и при ея посредствѣ управляю Португаліей, такимъ образомъ отъ Амстердама до Бордо, отъ Лисабона до Кадикса и Генуи, отъ Ливорно до Неаполя и Таренто я могу закрыть для всѣхъ всѣ порты, между нами не будетъ болѣе существовать никакого тор-

говаго договора, а если я соглашусь заключить таковой съ вами, то онъ будетъ полнѣйшимъ издѣвательствомъ надъ вами: за каждый миллионъ ввезенныхъ вами во Францію англійскихъ товаровъ, я васъ заставлю вывести миллионъ французскихъ товаровъ, другими словами подвергну васъ явной или скрытой континентальной блокадѣ и вы будете въ мирное время страдать отъ нея такъ, какъ если бы между нами велась война. Кромѣ того я продолжаю внимательно слѣдить за Египтомъ; «теперь достаточно бы было шести тысячъ французовъ, что-бы снова покорить его», оружіемъ или другимъ какимъ либо образомъ, но я снова проложу себѣ туда путь, я лишь поджидаю, что-бы представился удобный случай вернуться туда, «рано или поздно онъ будетъ присоединенъ къ Франціи, вслѣдствіе ли распаденія оттоманской имперіи или же въ силу договора съ Портой, но онъ будетъ нашъ!» Вы должны очистить островъ Мальту, что-бы Средиземное море превратилось въ «французское озеро», я хочу также полновластно царить на морѣ, какъ и на сушѣ и одинаково повелѣвать Востокомъ и Западомъ. Вообще Англія должна естественнымъ путемъ покончить свои счеты съ Франціей, подпавъ подъ ея протекторатъ; сама природа предназначила ее стать однимъ изъ нашихъ острововъ, вродѣ Корсики или Олерона.

Естественно, что въ виду такой перспективы англичане предпочли сохранить Мальту и возобновили войну. Онъ предвидѣлъ, что дѣло могло принять такой оборотъ и потому сразу могъ принять опредѣленное рѣшеніе, онъ съ перваго же взгляда опредѣляетъ и соразмѣряетъ тотъ путь, какой ему предстоитъ пройти; со свойственной ему ясностью мысли онъ тотчасъ же понялъ и открыто заявилъ, что сопротивленіе Англіи «заставитъ его покорить всю Европу...» — «Первому Консулу всего тридцать три года и онъ пока подчинилъ себѣ лишь второстепенныя державы. Почему знать, много ли ему потребуется времени, что-бы снова видоизмѣнить карту Европы и воскресить Западную Имперію?»

Покорить весь континентъ, что-бы затѣмъ вооружить его противъ Англіи—таково отнынѣ его средство борьбы, столь же отчаянное, какъ и сама цѣль и это средство, точно также какъ и цѣль были продиктованы его властнымъ характеромъ. Слишкомъ деспотическій и слишкомъ нетерпѣливый, что-бы ждать или щадить другихъ, онъ подчиняетъ себѣ чужую волю, оказывая ей во всемъ противодѣйствіе и своихъ единомышленниковъ превращаетъ въ подчиненныхъ, именуемыхъ союзниками.

Позже на островѣ Святой Елены онъ при помощи своего неистощимаго воображенія продолжалъ дѣйствовать среди призрачнаго, порожденнаго грезами, человечества, но по его собственному признанію, онъ даже въ своихъ запоздалыхъ мечтахъ долженъ былъ подчинить себѣ по крайней мѣрѣ всю Европу цѣлкомъ и непременно являлся многолюбивымъ и либеральнымъ повелителемъ, «Коронованнымъ Вашингтономъ», но чтобы достичь этого — говорилъ онъ—я раньше того долженъ былъ стать всемірнымъ диктаторомъ; таковы были мои намѣренія.

Напрасно здравый смыслъ указывалъ ему, что подобное пред-

пріятіе неизбѣжно связывало континентъ съ Англіей и что его средство уничтожало цѣль. Напрасно ему неоднократно доказывали, что ему необходимъ могущественный союзникъ на континентѣ, что ради этого онъ долженъ заключить миръ съ Австріей, что онъ не долженъ доводить ее до отчаянья, а наоборотъ долженъ заручиться ея содѣйствіемъ, долженъ вознаградить ее насчетъ Востока, посвятить рознь между нею и Россіей и связать ее съ новой французской имперіей общностью жизненныхъ интересовъ. Тщетно послѣ Тильзита онъ самъ дѣлаетъ попытку дѣйствовать заодно съ Россіей. Ихъ договоръ недолго просуществовалъ, потому что Наполеонъ съ свойственнымъ ему властолюбіемъ, нетерпимостью и наглостью пытался превратить императора Александра въ покорнаго исполнителя своихъ предписаній, въ слѣпое орудіе своихъ плановъ. Это не могло ускользнуть отъ вниманія многихъ прозорливыхъ свидѣтелей. Въ 1809 году одинъ дипломатъ писалъ: «Господствующая теперь французская система направлена противъ всѣхъ великихъ державъ», не только противъ Англии, Пруссіи и Австріи, но и противъ Россіи, словомъ противъ всѣхъ державъ, которыя въ состояніи сохранить свою независимость, она рано или поздно можетъ стать враждебной и Наполеонъ изъ предосторожности уничтожаетъ будущаго врага.

Притомъ, ужъ разъ вступивъ на этотъ путь, онъ не можетъ остановиться на полдорогѣ и теперь не только его характеръ, но и то положеніе, которое онъ создалъ себѣ толкаютъ его впередъ; его прошлое создаетъ его будущее.—Къ моменту нарушенія Амьнскаго мира онъ такъ ужъ силенъ и побѣдоносенъ, что его сосѣди изъ чувства самосохраненія заключаютъ союзъ съ Англіей; это вынудило его разгромить еще нетронутыя дотошъ монархіи, покорить Неаполь, произвести первый раздѣлъ Австріи, расчленить и раздробить Пруссію, произвести второй раздѣлъ Австріи и создать для своихъ братьевъ Неаполитанское, Голландское и Вестфальское королевства.—Одновременно онъ закрылъ для англичанъ всѣ порты въ своей имперіи, а это заставило его закрыть для нихъ также всѣ порты на континентѣ и начать противъ нихъ общеевропейскій ерестовый походъ, въ виду всего этого онъ не могъ дольше терпѣть нейтральныхъ повелителей вродѣ папы, бездѣятельныхъ подчиненныхъ вродѣ своего брата Людовика и сомнительныхъ либо безличныхъ союзниковъ вродѣ Португальскихъ Браганцовъ и Испанскихъ Бурбоновъ и долженъ былъ покорить Португалію и Испанію, Папскія владѣнія и Голландію, ганзейскіе города и герцогство Ольденбургское и продлить вдоль всего побережья отъ устьевъ Катаро и Триеста до Гамбурга и Данцига цѣпь своихъ военныхъ кордоновъ, своихъ префектовъ и таможенныхъ чиновниковъ, создавъ нѣчто вродѣ петли, которая съ каждымъ днемъ все больше и больше стягивала бы ихъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не задушила бы не только ихъ потребности, но также производителя и торговца.

А какимъ беззащитнымъ образомъ продѣлывалъ онъ все это, порою довольствуясь простымъ декретомъ, ничѣмъ не обоснованнымъ кромѣ его личнаго интереса, его удобствъ и желаній, при посредствѣ какихъ посягательствъ на права людей и человѣчества и на-

рушеній правъ гостепріимства, при помощи какихъ злоупотребленій своею силой и какихъ сѣпленій грубости и плутовства, при наличности какихъ притѣсненій по отношенію союзниковъ и какого наглого обирапія побѣжденныхъ, допуская страшное мародерство во время войны и безсовѣстно систематически эксплуатируя во время мира покоренные народы — чтобы рассказать все это потребовалось бы написать нѣсколько томовъ.

Поэтому съ 1808 года противъ него возстали всѣ народы, онъ такъ глубоко нарушалъ ихъ интересы и оскорблялъ ихъ чувства, онъ такъ безцеремонно попиралъ ногами ихъ права, обиралъ ихъ и насильно заставлялъ служить себѣ, онъ кромѣ французскихъ жнзней уничтожилъ еще столько жнзней испанскихъ, итальянскихъ, прусскихъ, австрійскихъ, швейцарскихъ, баварскихъ, саксонскихъ, голландскихъ, онъ въ качествѣ непріятеля убилъ столько челоуѣкъ, онъ столькохъ завербовалъ въ свои войска и повелъ на смерть подъ своими знаменами въ качествѣ своихъ союзниковъ, что націи относились къ нему еще болѣе враждебно, чѣмъ представители державъ. Положительно съ такими характерами какъ его невозможно жить, его геній слишкомъ великъ и слишкомъ вредоносенъ и тѣмъ вредоноснѣе, что онъ великъ. Пока онъ будетъ царствовать будетъ длиться война; какъ-бы ни старались ограничить его, стѣснить, втиснуть въ рамки старой Франціи это ни къ чему не приведетъ, его не удержатъ никакія преграды, никакой договоръ не въ состояніи связать его; заключенный съ нимъ миръ будетъ простой ловушкой; онъ имъ воспользуется, чтобы собраться съ силами и какъ только приведетъ свои войска въ боевую готовность, сейчасъ же возобновитъ войну, по своему существу онъ *антиобщественъ*. Таково окончательное и непоколебимое мнѣніе составившееся о немъ въ Европѣ.

Насколько глубоко и распространено было это убѣжденіе можно судить по слѣдующему незначительному, но характерному случаю. 7 Марта въ Вѣну пришло извѣстіе о его бѣгствѣ съ острова Эльбы, но, однако, не было получено никакихъ указаній, куда онъ направился; около восьми часовъ утра Меттернихъ сообщилъ эту новость императору Австрійскому, который сказалъ ему: «Немедленно ступайте къ императору Русскому и Королю Прусскому и скажите имъ, что я готовъ отдать распоряженіе моей арміи снова двинуться во Францію». Въ восемь съ четвертью Меттернихъ былъ уже у царя, а въ восемь съ половиной у короля Прусскаго и оба они не задумываясь сказали ему тоже. «Въ девять часовъ — рассказывалъ Меттернихъ — я былъ уже дома, а въ десять часовъ адъютанты ужъ мчались во всѣхъ направленіяхъ, чтобы поднять тревогу въ войскахъ... Такимъ образомъ меньше, чѣмъ въ теченіе часа была объявлена война».

VI

Другіе главы государствъ тоже проводили жизнь въ насиліяхъ надъ людьми, но они продѣлывали это имѣя въ виду жизненное дѣло, въ интересахъ націи. То что они называли общественнымъ благомъ не было призрачнымъ порожденіемъ ихъ мозга, химической поэмой,

созданной игрой ихъ воображенія, ихъ личными страстями, ихъ гордостью и честолюбіемъ. Въ ихъ самихъ и ихъ мечтаній, для нихъ существуетъ нѣчто реальное, прочное и представляющее изъ себя первостепенную важность: это изученіе государства, соціальнаго тѣла, этого необъятнаго организма существующаго неопредѣленно долго, благодаря безиррывнымъ рядамъ, смѣняющихъ друга друга поколѣній. Когда они проливали кровь современнаго имъ поколѣнія, то они это дѣлали для блага грядущихъ поколѣній, что-бы ихъ предохранить отъ гражданской войны, либо иноземнаго владычества. Въ большинствѣ случаевъ они поступили какъ опытные хирурги, если и не изъ благородныхъ побужденій, то во всякомъ случаѣ хоть изъ династическаго чувства и въ силу фамиліальныхъ традицій; дѣло правленія страной, переходя отъ отца къ сыну, выработало въ нихъ профессиональную совѣсть, первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ для нихъ являлось ицѣленіе и здоровье ихъ пациента. Вотъ почему они не производили опасныхъ, кровавыхъ и слишкомъ смѣлыхъ операцій; слишкомъ рѣдко случалось, что-бы они поддавались искушенію, изъ желанія установить свой взглядъ на жизнь или же изъ потребности удивить и ослѣпить публику новизной, острою и пригодностью своихъ ланцетовъ и пилъ. Они чувствовали себя ответственными за жизнь болѣе длинную и болѣе важную, чѣмъ ихъ собственная жизнь, они проникали пытливымъ взоромъ въ грядущее и пытались опредѣлить, что постигнетъ ихъ государство лишнее ихъ руководства, они старались такъ укрѣпить его, что-бы оно надолго сохранило свою цѣлость и оставалось независимымъ, могучимъ и уважаемымъ, невзирая ни на какія превратности европейскихъ конфликтовъ, ни на какія непредвидѣнныя случайности грядущей исторіи. Вотъ какое отношеніе къ дѣлу называлось при старомъ режимѣ *государственнымъ умомъ*; въ теченіе восьми столѣтій оно выше всего цѣнилось въ совѣтахъ правителей государствъ и невзирая на неизбежныя ошибки и временныя отклоненія, всегда оставалось преобладающимъ мотивомъ всѣхъ начинаній. Безъ сомнѣнія оно оправдывало и даже поощряло многія вѣроломства, посягательства и надо откровенно сознаться даже злодѣянія, но въ дѣлахъ политики, въ особенности въ веденіи иностранныхъ дѣлъ, оно давало руководящую идею и эта идея была спасительна. Подъ ея непрерывнымъ влияніемъ работало тридцать властелиновъ и такимъ образомъ неутомимо и энергично при посредствѣ дѣйствій воспрепятствующихся частнымъ лицамъ, но дозволенныхъ государственнымъ людямъ, они провинцію за провинціей создали Францію.

Однако у ихъ скороспѣлаго наслѣдника отсутствуетъ эта руководящая идея; на тронѣ или на полѣ сраженія, генераль, консулъ или императоръ онъ всегда остается офицеромъ-карьеристомъ и ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своего возвышенія. Вълѣдствіе чудовищнаго недостатка образованія, воспитанія и сердца, онъ, вмѣсто того что-бы подчинить свою личность государству, подчиняетъ государство своей личности, поэтому его взоръ не проникаетъ собственной краткой жизни и не видитъ судьбы націи, которая должна его пережить, слѣдовательно онъ будущее приноситъ въ жертву настоящему и его твореніе не можетъ быть прочнымъ. Послѣ него потопъ; ему безраз-

лично будетъ ли произнесено это ужасное слово; даже хуже того, въ глубинѣ души онъ жаждетъ, что-бы всё съ тревогой произносили его. «Мой братъ—говорилъ Иосифъ въ 1803 году—желаетъ что-бы потребность въ его существованіи страстно ощущалась всѣми и что-бы это существованіе казалось всѣмъ такимъ великимъ благомъ, одна мысль объ исчезновеніи котораго приводила бы въ трепетъ ужаса. Онъ знаетъ и прекрасно сознаетъ, что его власть зиждется на этой идеѣ больше, чѣмъ на его силѣ или же благодарности.—Представьте себѣ такое положеніе вещей: вдругъ воцаряется вездѣ спокойствіе и порядокъ, избираютъ Наполеону наследника и говорятъ: «теперь Бонапартъ смѣло можетъ умереть, его смерть не вызоветъ ни замѣшательства, ни желательныхъ нововведеній»—мой братъ не чувствовалъ бы подъ собою твердой почвы... Таково правдо его поведенія.»

Напрасно года бѣгутъ, онъ далекъ отъ мысли такъ укрѣпить могущество Франціи, чтобы она могла существовать безъ него, даже напротивъ, онъ подрываетъ прочность своихъ пріобрѣтеній чрезмѣрными захватами и сразу было очевидно, что Имперія не переживетъ Императора. Въ 1805 году, когда пять процентовъ достигли суммы 80 франковъ его министръ финансовъ сказалъ ему, что такой поборъ является вполне благоразумнымъ. «Нечего жаловаться, ибо фонды зависятъ отъ жизнеспособности Вашего Величества.—Что вы хотите этимъ сказать?— Я хочу сказать, что имперія постепенно возросла до такихъ размѣровъ, что послѣ васъ никто не въ состояніи будетъ управлять ею.—Если мой преемникъ окажется идиотомъ, то тѣмъ хуже для него.—Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хуже для Франціи».

Два года спустя, Меттернихъ въ видѣ политическаго резюме произнесъ такой судъ надъ его дѣятельностью: «Замѣчательно, что Наполеонъ, безпрестанно нарушая и видоизмѣняя отношенія всей Европы, не сдѣлалъ до сихъ поръ ни одного шага съ цѣлью обезпечить существованіе своихъ преемниковъ». Въ 1809 году тотъ же дипломатъ присовокупилъ: «Его смерть послужитъ сигналомъ къ новому и страшному потрясенію, столько насильственно разъединенныхъ частей станутъ пытаться снова слѣться во едино. Свергнутые съ престола монархи будутъ снова призваны своими прежними подданными, а свѣжеиспеченные принцы станутъ защищать свои недавно пріобрѣтенныя короны. Настоящая гражданская война на цѣлыхъ полстолѣтія воцарится въ громадномъ континентальномъ государствѣ, какъ только желѣзная рука держащая бразды правленія превратится въ прахъ». Въ 1811 году «всѣ были убѣждены, что первымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ исчезновенія Наполеона, властелина, въ лицѣ котораго была сосредоточена вся сила государства, будетъ революція».

Даже у него во Франціи, среди его ближайшихъ сотрудниковъ въ эту эпоху укрѣпилось убѣжденіе, что его Имперія не прочна и не только не переживетъ его, но даже просуществоуетъ меньше, чѣмъ продлится его жизнь, ибо онъ непрерывно все выше и выше возносилъ свое зданіе и то, что его постройка пріобрѣтала въ высоту, то она теряла въ солидности.

«Императоръ сошелъ съ ума,—говорилъ Декръ Мармону—положительно сошелъ съ ума; онъ заставитъ всѣхъ насъ полетѣть кувыркою и все это, вы увидите, окончится грандіозной катастрофой».—Дѣйствительно онъ толкалъ Францію въ бездну, употребляя насилие и обманъ; онъ сознательно обманывалъ ее, злоупотребляя довѣріемъ, которое возрастало по мѣрѣ того, какъ благодаря его честолюбію и ошибкамъ изъ года въ годъ увеличивалось несоотвѣтствіе между его личными интересами и интересами націи.

Еще во время Люневильскаго договора и до нарушенія Аміенскаго мира ясно обнаружилось это несоотвѣтствіе интересовъ. Оно еще ярче выступило при Пресбургскомъ договорѣ и совершенно стало очевиднымъ при Тильзитскомъ договорѣ. Уже въ 1808 году послѣ изгнанія изъ Испаніи Бурбоновъ, оно становится пагубнымъ, а въ 1812 году во время войны съ Россіей прямо таки скандальнымъ и чудовищнымъ. Самъ Наполеонъ признавалъ, что эта война не нужна была Франціи, а однако онъ велъ ее. Впослѣдствіи на островѣ св. Елены онъ расчувствовался и на словахъ выражалъ свою нѣжность по отношенію «французскаго народа, который онъ такъ искренно любилъ». Въ сущности онъ его любилъ любовью какою кавалеристъ любитъ свою лошадь; когда онъ ее дрессируетъ, когда онъ ее украшаетъ и наряжаетъ, когда онъ ее гладитъ и подгоняетъ, онъ это дѣлаетъ не съ тѣмъ, чтобы принести ей пользу, а съ цѣлью воспитать изъ нея для себя полезное животное, чтобы затѣмъ пользоваться ею до изнеможенія и гнать ее все впередъ и впередъ черезъ все болѣе широкіе рвы, черезъ все болѣе высокіе барьеры: вотъ еще одинъ ровъ, вотъ еще одинъ барьеръ; послѣ препятствія, которое казалось послѣднимъ послѣдуютъ новыя и такъ до безконечности, пока животное въ этой безумной скачкѣ не надорвется окончательно. Ибо представьте себѣ, что этотъ русскій походъ окончился бы не чудовищнымъ пораженіемъ, а блестящей побѣдой; представьте себѣ, что подъ Смоленскомъ французы одержали бы столь полную побѣду, какъ и подъ Фридландомъ, а Московскій трагтампъ оказалъ бы столь же выгоднымъ, какъ и Тильзитскій и царь былъ бы окончательно покоренъ, прослѣдите теперь вѣроятныя послѣдствія; царь умерщвленъ, либо свергнутъ съ престола, въ Россіи какъ и въ Испаніи вспыхиваетъ народное возстаніе, приходится вести двѣ непрерывныхъ войны на двухъ противоположныхъ концахъ континента противъ религіознаго фанатизма, болѣе непримиримаго, чѣмъ реальныя интересы, противъ разсыянныхъ варварскихъ ордъ болѣе неукротимыхъ, чѣмъ компактыя массы цивилизованныхъ людей; или въ лучшемъ случаѣ получится европейская держава тайно подрываемая сопротивленіемъ всей Европы, виѣшняя Франція насильно навязанная покоренному континенту, французскіе резиденты и коменданты въ Петербургѣ и Ригѣ, точно также какъ въ Данцигѣ, Гамбургѣ, Амстердамѣ, Лисабонѣ, Барселонѣ и Триестѣ; всѣ работоспособные французы посвящаютъ всѣ свои силы удержанію и управленію покоренныхъ странъ; всѣ здоровые юноши ежегодно призываются къ рекрутскому набору, а если они пытаются ускользнуть отъ него, то согласно декретамъ арестовываются; все мужское населеніе приспособляется къ

подавленію сопротивленія и нѣтъ другого исхода ни для образованнаго, ни для необразованнаго человѣка, не представляется никакой другой карьеры, какъ продолжительная, опасная и грозная служба въ качествѣ солдата, таможеннаго чиновника либо комиссара полиціи, т. е. въ качествѣ второстепеннаго тирана и сборщика, чтобы угнетать подчиненныхъ ему людей и собирать подати, конфисковать и сжигать товары, ловить контрабандистовъ и водворять на мѣста дезертировъ. А этихъ дезертировъ ужь въ 1810 году 160 тысячъ было приговорено къ наказанію; а свыше 170 милліоновъ штрафа было наложено на ихъ семьи. Въ 1811 и 1812 летучіе отряды, преслѣдующіе бѣглецовъ, поймали ихъ 60 тысячъ и толпами гнали ихъ по берегу отъ Амура до устьевъ Нѣмана; перейдя границу они присоединили ихъ къ великой арміи, но съ перваго же мѣсяца они снова дезертировали, а вмѣстѣ съ ними и многіе изъ ихъ товарищей поневолѣ, въ общей сложности ежедневно по 4—5000 человѣкъ.

Если-бы когда-либо Англія была покорена, то и тамъ пришлось бы держать гарнизонъ и завести столь же усердныхъ гарнизонщиковъ.—Таково неопредѣленное будущее, которое готовила Франціи подобная система, даже въ случаѣ полного успѣха всѣхъ предпріятій. Но Францію постигла неудача и къ концу 1812 года Великая Армія застряла въ снѣгахъ: у лошади подломились всѣ четыре ноги. Къ счастью лишь у лошади оказались разбитыми ноги; «Его Величество былъ вполнѣ здоровъ и чувствовалъ себя лучше, чѣмъ когда-бы то ни было въ другое время»; наѣздникъ остался невредимъ и его въ данный моментъ беспокоить не агонія его издыхающаго коня, а собственная неудача, его терзаетъ мысль о скомпрометтированной репутаціи конюха, мысль о впечатлѣннн произведенномъ на публику, терзають свистки и комичность опаснаго прыжка возвѣщеннаго съ такой торжественностью и окончившагося такимъ жалкимъ паденіемъ.

По прибытіи въ Варшаву онъ десять разъ кряду повторялъ: «отъ великаго до смѣшнаго всего одинъ шагъ». Еще болѣе неосмотрительно въ слѣдующемъ году въ Дрезденѣ онъ открыто и грубо обнаружилъ свои сокровенныя чувства, основныя причины своихъ поступковъ, безграничность и дикость своего безопаднаго честолюбія. «Чего они хотятъ отъ меня».—сказалъ онъ Меттерниху.—Чтобы я опозорилъ себя? Никогда! Я лучше умру, но не уступлю ни одной пяди территоріи. Ваши монархи, рожденные на тронѣ, могутъ двадцать разъ потерпѣть пораженіе на полѣ брани и вернуться въ свои столицы; я же не могу этого сдѣлать, ибо я простой солдатъ, самъ создавшій свое положеніе. Мое же господство не переживетъ того дня, когда я потеряю силу, а, слѣдовательно, стану безопаснымъ». Дѣйствительно, его деспотизмъ во Франціи опирался на его всемогущество въ Европѣ; если-бы онъ не былъ повелителемъ континента, «ему пришлось бы считаться съ Законодательнымъ Собраніемъ». Онъ готовъ вести отчаянную борьбу на жизнь и смерть, готовъ поставить на ставку всю свою карьеру, готовъ всѣмъ рискнуть лишь-бы не снизойти до этой второстепенной роли, не стать конституционнымъ монархомъ ограниченнымъ Палатой.

«Я видѣлъ вашихъ солдатъ—сказалъ ему Меттернихъ—вѣдь все это дѣти. Что вы станете дѣлать, когда вся эта армія юношей по, ставленныхъ вами подъ ружье исчезнетъ?»—При этихъ словахъ, удивившихъ ему прямо въ сердце, онъ поблѣднѣлъ, его лицо пере-косилось отъ бѣшенства и, обезумѣвъ отъ нанесенной ему раны—онъ невольно сдѣлалъ ложный шагъ и выдалъ себя, горячо возра-зивъ Меттерниху: «Вы не солдатъ и не можете понять, что проис-ходитъ въ душѣ солдата. Я выросъ на полѣ брани, а такой чело-вѣкъ, какъ я, ни во что не ставитъ миллионъ человѣческихъ жи-зней». Его державная химера уничтожила ихъ значительно больше: съ 1804 года по 1815 онъ убилъ 1700000 французовъ, рожден-ныхъ въ предѣлахъ старой Франціи, къ нимъ слѣдуетъ прибавить приблизительно два миллиона людей, рожденныхъ внѣ Франціи и убитыхъ, благодаря ему либо въ качествѣ его союзниковъ, либо въ качествѣ враговъ. Довѣрчивые и восторженные галлы дважды вручавшіе ему бразды правленія ничего не получили отъ его бле-стящихъ побѣдъ, кромѣ двукратнаго иноземнаго нашествія и въ награду за ихъ безграничную преданность, за потоки пролитой ими собственной и чужой крови, онъ завѣщалъ имъ Францію, лишенную пятнадцати департаментовъ, пріобрѣтенной Республикой, лишенную Савойи, лѣваго берега Рейна и Бельгіи, съ оторваннымъ сѣверо-восточнымъ угломъ, которымъ она заканчивалась и укрѣпляла свое наиболѣе уязвимое мѣсто и по словамъ Вобана дополняла свой «квадратный лугъ», оставилъ Францію, потерявшую четыре мил-ліона новыхъ французовъ, съ которыми она въ теченіе двадцати лѣтъ совмѣстной жизни сжилась и почти слилась во-едино и что хуже всего оставилъ ее сжатой въ границахъ 1789 года, одинокою, совсѣмъ маленькую среди ея окрѣпшихъ и разросшихся сосѣдей, ненавидящую Европѣ, окруженную злобѣщимъ кругомъ недоувѣрія и злопамятства.

Таковъ результатъ политики Наполеона, результатъ эгоизма, руководимаго геніальностью; въ его европейской постройкѣ, точно также какъ и во французской постройкѣ эгоизмъ неограниченнаго властелина породилъ крупную архитектурную ошибку. Въ Европейскомъ зданіи эта фундаментальная ошибка стала сразу замѣтна и черезъ пятнадцать лѣтъ вызвала грандіозное крушеніе, во французскомъ зданіи была допущена столь же крупная ошибка, но она была не такъ очевидна; она была обнаружена лишь полвѣка спустя или даже позже, но ея медленные и постепенно обнаруживающіяся послѣдствія оказались не менѣе пагубны и несомнѣнны.

Конецъ 1-ой книги.

КНИГА ВТОРАЯ.

Образование и характер новаго государства.

ГЛАВА I.

I. Положеніе вещей въ 1799 году.—При какихъ условіяхъ общественная власть можетъ воспользоваться имъ.—Два обстоятельства, упущенныя и неизвѣстныя авторамъ предыдущихъ конституцій.—Трудность дѣла и недоброкачественность имѣющагося на лицо матеріала.—II—Послѣдствія 1789—1799 г.г.—Неповиновеніе мѣстныхъ властей, столкновеніе центральныхъ властей, упраздненіе либеральныхъ учрежденій, учрежденіе деспотизма.—Вредъ приносимый такимъ управленіемъ.—III—Съ 1799 года положеніе становится все болѣе тяжелымъ, а матеріалъ все ухудшается.—IV.—Мотивы послужившіе къ лишенію гражданъ права избирать мѣстныя власти.—Избиратели.—Ихъ эгоизмъ и ихъ партийность.—Избранники.—Ихъ бездѣятельность, ихъ испорченность, ихъ непослушаніе.—V—Причины вставившія сосредоточить въ однихъ рукахъ центральную исполнительную власть.—Химическія комбинаціи Сейеса.—Возраженія Бонапарта.—VI—Трудности, представляющіяся при установленіи законодательной власти.—Насилія и обманы при выборахъ, практиковавшіеся впродолженіи десяти лѣтъ.—Чувства избирателей въ 1799 году. Страстность ненависти испытываемой по отношенію революціонеровъ и догматовъ революціи.—Возможность создать свободно избранное собраніе.—Его двѣ непримиримыя половины.—Чувства арміи.—Торжественность и второстный смыслъ новаго государственнаго переворота.—VII—Выборные и законодательные проекты Сейеса.—Какъ ими воспользовался Бонапартъ.—Слабость и покорность трехъ законодательныхъ собраній при новой конституціи.—Пользованіе сенатомъ какъ новымъ орудіемъ правленія.—Сенатскія рѣшенія и плебисциты.—Окончательное учрежденіе ея.—Отнынѣ: общественная власть свободно можетъ функционировать.

I.

Всякое общество нуждается въ правительствѣ, т. е., я хочу сказать, въ общественной власти; нѣтъ болѣе полезной машины. Но машина является полезной лишь въ томъ случаѣ, если она приспособлена къ своему назначенію: въ противномъ случаѣ она не можетъ дѣйствовать или ея дѣйствіе становится обратнымъ тому, какое отъ нея требуется. Поэтому при составленіи ея необходимо принять во вниманіе какого рода работу придется ей исполнять и какимъ матеріаломъ она будетъ располагать: очень важно впередъ знать придется ли ей вращать тяжесть въ одинъ центнеръ или въ тысячу центнеровъ, будутъ-ли подвергаться обработкѣ стальные и желѣзные брусья или же изъ крѣпкаго дерева, либо гнилаго.

Но объ этомъ не думалъ въ теченіе десяти лѣтъ ни одинъ изъ законодателей; всѣ они дѣйствовали какъ теоретики и оптимисты, не задумываясь надъ положеніемъ вещей или же представляя себѣ все такъ, какъ имъ хотѣлось видѣть и воображали, что это легкое,

заурядное дѣло, тогда какъ оно было необычайно и очень трудно, ибо приходилось имѣть дѣло съ соціальной революціей и поддерживать европейскую войну. Всѣ воображали, что приходится имѣть дѣло съ превосходнымъ матеріаломъ столь-же гибкимъ, какъ и прочнымъ, тогда какъ наоборотъ матеріалъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Одновременно легкій и твердый, ибо этотъ матеріалъ составляли французы 1789 года и послѣдующихъ годовъ, т. е. люди очень чувствительные и сильно раздраженные взаимными столкновениями, совершенно неопытные, безъ всякой политической подготовки, утописты, нестерпимые, непокорные и экзальтированные, сдѣлали расчетъ согласно этимъ совершенно ложнымъ даннымъ, а затѣмъ послѣ самыхъ тщательныхъ исчисленій получили нелѣпныя цифры и принявъ на вѣру эти цифры, составили механизмъ, пригнали, установили, размѣстили всѣ части машины. Вотъ почему безупречная въ теоріи машина, на практикѣ оказалась нигуда негодной; и чѣмъ замысловатѣе она была на бумагѣ, тѣмъ болѣе непригодной становилась она при работѣ.

II.

Съ первыхъ же шаговъ обнаружился крупный недочетъ въ двухъ главныхъ пунктахъ, во 1-хъ, въ взаимоотношеніи высшихъ властей и въ равновѣсіи исполнительной власти.—Прежде всего влияние какимъ пользовалось центральное правительство по отношенію подчиненныхъ ему мѣстныхъ властей было безусловно слишкомъ ничтожно; не имѣя возможности назначать ихъ, оно разумѣется не могло позаботиться о необходимомъ для пользы дѣла подборѣ ихъ. Всѣ администраторы департамента, округа, кантона и общины, уголовные и гражданскіе судьи, распредѣлятели и сборщики податей, офицеры національной гвардіи и даже жандармскаго корпуса, комиссары полиціи и другіе агенты власти уполномоченные приводить въ исполненіе на мѣстахъ законъ, почти всѣ безъ исключенія получали инструкціи изъ другихъ мѣстъ: отъ народныхъ обществъ и собраній выборщиковъ. Они являлись для него взятыми на прокатъ орудіями; по своему происхожденію они ускальзывали отъ его влияния и оно не могло заставить ихъ работать по своему желанію. Чаше всего они вырывались у него изъ рукъ, порою не взирая на производимое имъ давленіе они оставались неподвижными; иногда они исполняли постороннее или даже не соответствующее ихъ прямому назначенію дѣло, впадали въ крайности и доходили до нелѣпостей; никогда они не работали толково и планомѣрно, дружно и послѣдовательно. Вотъ почему когда правительство намѣчало какой-либо планъ, оно не могло осуществить его. Его законные помощники, неспособные, робкіе, равнодушные, оппозиціонно, а порою даже враждебно настроенные, плохо повиновались ему, вовсе не повиновались или же оказывали явное сопротивленіе. Въ исполнительномъ орудіи клинокъ былъ соединенъ съ рукояткой весьма хрупкой и непрочной спайкой; когда рукоятка направляла клинокъ, онъ скользилъ въ сторону и отдѣлялся отъ нея.

Затѣмъ когда два или три двигателя пытались придать направ-

леніе рукояткѣ они всегда дѣйствовали несогласно и потому только что ихъ было нѣсколько, они сталкивались и мѣшали другъ другу и дѣло кончалось тѣмъ, что одинъ изъ нихъ сокрушалъ всѣхъ остальныхъ. Конституціонное собраніе ограничило права короля, законодательное собраніе свергло его съ престола, а Конвентъ обезглавилъ. Затѣмъ въ Конвентѣ различныя партіи, занимая главенствующее положеніе, произносили приговоръ надъ другими партіями такъ: монтаньяры гильотинировали жирондистовъ, термидорьянцы гильотинировали монтаньяровъ. Позже при конституціи III года фрюкtidорьянцы изгнали конституціоналистовъ, директорія ослабила совѣты, а совѣты ослабили директорію.

Демократическое и парламентарное учрежденіе не только не отвѣчало своему назначенію, не дѣлало своего дѣла и легко приходило въ негодность, но кромѣ того, благодаря собственнымъ дѣйствіямъ, превращалось въ нѣчто совершенно противоположное тому, чѣмъ должно было быть. Каждый годъ или немнога рѣже въ Парижѣ производился государственный переворотъ, какая-либо партія овладѣвала центральной властью и послѣдняя въ рукахъ пяти или шести вожаковъ становилась неограниченной. Тогдашнее же новое правительство перековывало по своему усмотрѣнію исполнительное орудіе и основательно прикрѣпляло рукоятку въ клинѣ, оно смѣщало въ провинціи народныхъ избранниковъ и лишало управляемыхъ права избирать своихъ правителей. Отнынѣ оно само при посредствѣ своихъ уполномоченныхъ проконсуловъ или мѣстныхъ комиссаровъ, назначало мѣстныхъ властей и руководило ихъ дѣйствіями.

Къ концу своего существованія либеральная конституція породила централизаторскій деспотизмъ и послѣдній былъ самаго низкаго качества, безобразный и въ то же время чудовищный, ибо онъ зародился изъ гражданскаго преступленія, а правительство примѣняющее его опиралось исключительно на шайку ограниченныхъ фанатиковъ, либо политическихъ авантюристовъ; не обладая авторитетомъ въ глазахъ націи, ни вліяніемъ на армію, ненавидимое, осыпаемое угрозами, разслабляемое несогласіями, постоянно страдающее отъ возстаній своихъ единомышленниковъ и измѣны своихъ собственныхъ членовъ, оно влачилось жалкое существованіе; оно могло удержаться лишь при посредствѣ грубаго произвола и непрекращающагося террора и общественная власть, главной обязанностью которой является защита собственности, совѣсти и жизней въ его рукахъ превратилась въ худшаго изъ преслѣдователей, воровъ и убійць.

III.

Ужъ дважды краду былъ произведенъ опытъ. При монархической конституціи 1791 года и при республиканской конституціи 1795 года; и дважды краду событія принимали одно и тоже теченіе, чтобы привести къ одному и тому же концу; дважды краду теоретически превосходная машина всеобщаго покровительства, на практикѣ превращалась въ грубое орудіе всеобщаго истребленія. Слѣдовательно если въ третій разъ при аналогичныхъ условіяхъ

пускали въ ходъ ту же машину, то слѣдовало ожидать, что и дѣйствіе ея будетъ тоже, т. е., что она будетъ работать совсѣмъ не въ томъ направленіи въ какомъ слѣдовало.

А въ 1799 году условія были не только аналогичныя, но даже хуже прежнихъ, ибо работа предстоявшая машинѣ ничуть не была меньше, а человѣческій матеріалъ, изъ котораго пришлось ее построить былъ значительно хуже. Извнѣ Франція находилась въ непрерывной войнѣ съ Европой; можно было достигнуть мира лишь при посредствѣ гигантскаго воинственнаго усилія, а сохранить этотъ миръ было бы столь же трудно какъ и завоевать его. Ужъ слишкомъ было поколеблено европейское равновѣсіе, сосѣдніе и враждебныя государства слишкомъ много выстрадали; вызванныя побѣдоносной и революціонной республикой чувства озлобленія и недовѣрія были еще слишкомъ живы и они бы еще долго существовали по отношенію успокоившейся Франціи, не взирая ни на какіе договоры. Даже отказавшись отъ политики внушенія и вмѣшательства, отъ ненужныхъ захватовъ, отъ повелительнаго протектората и негласнаго присоединенія Италіи, Голландіи и Швейцаріи, нація вынуждена была бы находиться подъ ружьемъ, для того только, чтобы остаться цѣлой и нетронутой, чтобы сохранить Бельгію и границы Рейна, ей нужно было правительство способное сконцентрировать всѣ ея силы, т. е. поставленное внѣ всякихъ пререканій и пользующееся полнымъ повиновеніемъ.

Тожѣ самое и въ внутренней жизни страны оставалось лишь водворить порядокъ, ибо тамъ также учиненныя революціей насилія были слишкомъ значительны; тамъ слишкомъ много было грабежа, арестовъ, изгнаній и казней, слишкомъ много посягательствъ на личность и имущество какъ частное, такъ и общественное. Заставить уважать личность и имущество какъ частное, такъ и общественное, обузывать одновременно роялистовъ и якобинцевъ, вернуть 140.000 эмигрантовъ въ ихъ отечество, а однако же обезпечить 1.200.000 владѣльцевъ національнаго имущества, вернуть 30 милліонамъ праровѣрныхъ католиковъ право, возможность и средства соблюдать всѣ обрядности своего культа, но однако, не позволять имъ притѣснять реформатское духовенство, поставить лицомъ къ лицу въ одной общинѣ лишеннаго своихъ владѣній помѣщика и крестьянъ завладѣвшихъ его имуществомъ, заставить депутатовъ и арестантовъ комитета общественнаго спасенія, громителей и разгромленныхъ изъ Вандеміера, фруктидорьянцевъ и фруктидоризованныхъ, голубыхъ и бѣлыхъ изъ Вандеи и Бретани жить въ мирѣ, рядомъ другъ съ другомъ, все это было тѣмъ труднѣе, что будущіе работники этого колоссальнаго дѣла, всѣ начиная съ деревенскаго мэра до сенатора и государственнаго совѣтника включительно, принимали участіе въ революціи, одни разжигая ее, а другіе подавляя, монархисты, фельянтинцы, жирондисты, монтаньяры, термидорьянцы, умѣренные и крайніе якобинцы, всѣ они по очереди терпѣли притѣсненія и крушеніе всѣхъ своихъ надеждъ. Этотъ режимъ разжегъ ихъ страсти, каждый изъ нихъ вносилъ въ свое дѣло личныя чувства и партійность и чтобы помѣшать ему быть несправедливымъ и вреднымъ надо было надѣть на него узду. При такомъ режимѣ

убѣжденія теряли свою устойчивость; теперь ужъ никто изъ нихъ не служилъ даромъ, какъ это было въ 1789 году; чтобы заставить ихъ работать, надо было платить имъ; теперь всѣ разочаровались въ безкорыстія; всякое показное усердіе казалось лицемѣріемъ, а всякое доказанное на дѣлѣ усердіе обманомъ; каждый думалъ лишь о себѣ, а не о благѣ общества; духъ гражданственности смѣнился беззаботностью, эгоизмомъ, потребностью безопасности, наслажденій и повышеній. Испорченный революціей человѣческій матеріалъ былъ менѣе чѣмъ когда-либо годенъ для выработки гражданъ: изъ него получались лишь чиновники. Съ такимъ колеснымъ приборомъ составленнымъ по формуламъ 1791 и 1795 гг. трудно было производить опредѣленную работу окончательно и надолго. Два большихъ либеральныхъ механизма были лишены работоспособности. Пока машины будутъ столь плохи, а работа столь тяжела, надо будетъ отказаться отъ выбора мѣстныхъ властей и раздѣленія центральной власти.

IV.

Въ первомъ случаѣ всѣ были согласны, а если кто-либо сомнѣвался еще въ этомъ, то ему достаточно было открыть глаза и посмотреть на мѣстныхъ властей, прослѣдить всю ихъ дѣятельность съ первой же минуты ихъ появленія. Понятно, что для замѣненія кождаго мѣста, избиратели выбирали человѣка своихъ взглядовъ и своего направленія, а такъ какъ господствующее и опредѣленное настроеніе было извѣстно, они относились равнодушно къ общественнымъ дѣламъ, то слѣдовательно и ихъ избранникъ относился къ нимъ равнодушно. Они не избрали бы того, кто слишкомъ принималъ къ сердцу государственные интересы. Государство являлось для нихъ докучливымъ моралистомъ и далекимъ кредиторомъ; ихъ уполномоченный долженъ былъ сдѣлать выборъ между ними и этимъ самозванцемъ, долженъ былъ сдѣлать выборъ въ ихъ пользу, а не становиться его приспѣшникомъ и радѣтелемъ его интересовъ.

Когда власть образуется на мѣстѣ и тѣ, что избираютъ ее сегодня въ качествѣ вѣрителей, должны будутъ завтра терпѣть ее въ качествѣ подчиненныхъ, они естественно не вручатъ розогъ тому, кто можетъ высѣчь ихъ ими; они требуютъ отъ него чувствъ отвѣчающихъ ихъ наклонностямъ; во всякомъ случаѣ они не потерпятъ противурѣчающихъ имъ. Съ первыхъ же дней между нимъ и ими существуетъ громадное сходство и изо дня въ день это сходство возрастаетъ, потому что твореніе остается въ рукахъ своихъ творцовъ; подѣ ежедневнымъ давленіемъ съ ихъ стороны, оно постепенно формируется по ихъ образу и подобию и въ концѣ концовъ окончательно принимаетъ ихъ обликъ.

Такимъ образомъ сразу, либо очень скоро избранникъ становится ообщникомъ своихъ избирателей. Порою, а это чаще всего случалось, въ особенности въ городахъ, онъ бывалъ избранъ сильнымъ и партійнымъ меньшинствомъ; тогда общественный интересъ онъ подчинялъ интересамъ партіи. А иногда, преимущественно въ деревняхъ, его избирало грубое и невѣжественное большинство, тогда общест-

венный интересъ онъ приносилъ въ жертву интересамъ своего прихода.

Если случалось, что это былъ порядочный и образованный человекъ, который пытался добросовѣстно исполнять свой долгъ, это ему не удавалось: и самъ онъ чувствовалъ свою слабость и другіе считали его безсильнымъ, у него не хватало авторитета и нужныхъ средствъ для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній. У него не было той силы, какую высшая власть надѣляетъ низшихъ властей: за его спиной не видно было ни правительства, ни арміи; единственнымъ его оплотомъ являлась національная гвардія, которая либо уклонялась отъ исполненія своихъ обязанностей, либо отказывалась исполнять ихъ, либо совсѣмъ не существовала.—За то онъ могъ безнаказанно нарушать чужія права, грабить, притѣснять людей, соблюдая исключительно свои личные интересы, да интересы своей клики, ибо ничто не сдерживало его, онъ не чувствовалъ надъ собою никакой власти; парижскіе якобинцы не хотѣли преслѣдовать провинціальныхъ якобинцевъ; это были ихъ партизаны, ихъ союзники, а у правительства не было другихъ, поэтому ему важно было сохранили ихъ, приходилось сквозъ пальцы глядѣть на ихъ злоупотребленія и самоуправство. Представьте себѣ большое имѣніе, управляющій котораго былъ бы назначенъ не отсутствующимъ владѣльцемъ, но фермерами, оброчными, крѣпостными и должниками: можете себѣ представить, какъ будутъ вносить арендную плату фермеры, какъ будутъ поступать оброки, какъ будетъ отбываться барщина, какъ будутъ уплачиваться долги, какъ будетъ охраняться и управляться имѣніе, какой доходъ принесетъ оно владѣльцу, какъ до безконечности будутъ умножаться злоупотребленія, отчасти вслѣдствіе упущеній, а отчасти благодаря злонамѣреннымъ поступкамъ, какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигнутъ безпорядокъ, нерадѣніе, мотовство, мошенничество, и наглость.

То же самое и по той же причинѣ происходило во Франціи: всѣ общественныя учрежденія дезорганизованы, обезличены либо извращены, ни правосудія, ни полиціи; власти воздерживаются отъ преслѣдованій, магистратъ не рѣшается произносить приговоры, жандармерія не получаетъ никакихъ инструкцій, либо совсѣмъ отсутствуетъ; мародерство по селамъ вошло въ обычай; въ сорока пяти департаментахъ кочуютъ банды вооруженныхъ разбойниковъ; по всѣмъ дорогамъ вплоть до окрестностей Парижа останавливаютъ и грабятъ diligences и почтовые кареты; контрабанда свободна, таможни бездѣйствуютъ; казна пуста, ея сборы перехватываются и расходуются, не попадая въ нее, опредѣленныя ею подати не взимаются, вездѣ царитъ произвольное распредѣленіе косвенныхъ и прямыхъ налоговъ; послабленіе являются не менѣе несправедливыми, чѣмъ предъявленіе чрезвычайныхъ требованій; во многихъ мѣстахъ нѣтъ специальныхъ должностныхъ лицъ для сбора податей; нѣкто рыи общины подъ предлогомъ защиты республики отъ посягательствъ сосѣднихъ общинъ, самовольно освобождаютъ отъ рекрутскаго набора и взноса податей; рекруты, которымъ ихъ мѣрь вручилъ ложныя свидѣтельства о болѣзни, либо о бракѣ, не явившіеся къ призыву или же сотнями дезертирующіе съ пути при отправкѣ ихъ на мѣсто

служенія, образуютъ шайки и съ оружіемъ въ рукахъ отбиваются отъ преслѣдующаго ихъ войска; таковы были плоды данной системы.

При агентахъ власти выдвигаемыхъ эгоизмомъ и евѣжествомъ сельскаго большинства, правительство не могло имѣть никакого вліянія на сельское большинство. При агентахъ же власти поставляемыхъ партійностью и разнузданностью городскаго меньшинства, правительство не могло обуздывать городскаго меньшинства. Нужны руки, да притомъ сильныя и цѣпкія руки, чтобы схватить за шиворотъ рекрута и наполнить карманъ потаями, а у государства не было рукъ. А онѣ были нужны ему немедленно, хотя бы для того, что-бы защищаться и позаботиться о самыхъ насущныхъ нуждахъ. Желая подчинить и умиротворить западные департаменты, освободить подвергшагося въ Генуѣ осадѣ Массену, помѣшать Меласу овладѣть Провансомъ, перенести армию Моро по ту сторону Рейна слѣдовало прежде всего вернуть центральной власти право называть мѣстныхъ властей.

У.

Что же касается второго вопроса, то неоспоримость такой точки зрѣнія была также очевидна. Прежде всего съ той минуты какъ только мѣстныя власти стали бы назначаться центральной властью, само собою разумѣется, что исполнительная власть центра должна-бы была стать единой. При такой грандіозной запряжкѣ чиновниковъ управляемой сверху нельзя было поставить наверху нѣсколькихъ возницъ; ибо разъ ихъ было-бы много и каждый изъ нихъ тащилъ-бы въ свою сторону лошадей, послѣднія разрываемая во всѣ стороны топтались бы на одномъ мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи расчетъ Сейеса былъ ниже всякой критики; чистый теоретикъ, онъ при составленіи плана новой конституціи разсуждалъ такъ, словно кучера, которыхъ онъ садилъ на козлы были не люди, а автоматы: на самой верхушкѣ главный избранникъ, парадный властелинъ, располагающій всего двумя мѣстами, вѣчно бездѣйствующій, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходилось назначать, либо отставлять двухъ дѣйствующихъ властелиновъ, двухъ консуловъ—правителей: одинъ изъ нихъ, консулъ мира, завѣдуетъ всѣми гражданскими дѣлами, другой, консулъ войны завѣдуетъ всѣми военными и дипломатическими дѣлами; каждый изъ нихъ имѣетъ своихъ министровъ, свой государственный совѣтъ свою судебную палату; всѣ чиновники, министры, консулы, даже самъ верховный избранникъ подчинены волѣ сената, который не сегодня завтра можетъ поглотить ихъ, т. е. присоединить ихъ къ себѣ въ качествѣ сенаторовъ съ окладомъ въ 100 тысячъ франковъ и вышитымъ мундиромъ. Очевидно Сейесъ не принялъ въ расчетъ ни дѣла, какое предстояло дѣлать, ни людей, которымъ оно было поручено, а Бонапартъ, который въ данный моментъ занималъ первое мѣсто, который зналъ людей и зналъ самого себя тотчасъ же нажалъ самыя слабыя мѣста этого столь сложнаго, столь плохо составленнаго и хрупкаго механизма. Два консула «одному изъ нихъ подвѣдомственны министръ юстиціи, внутреннихъ

дѣлъ, полиціи, финансовъ и казны, а другому морской министръ, военный и иностранныхъ дѣлъ». Но вѣдь конфликтъ между ними неизбеженъ. Представьте себѣ, что имъ пришлось столбнуться лицомъ къ лицу: у нихъ совершенно различные интересы, оба они находятся подъ вліяніемъ разнородныхъ элементовъ; первый окруженъ исключительно «судьями, администраторами, финансистами, людьми въ длинныхъ одеждахъ»; второй же окруженъ лишь «эполетами, да людьми владѣющими шпагой». Понятно, что «одинъ изъ нихъ потребуеъ солдатъ и денегъ для своихъ армій, а другой не пожелаетъ ихъ дать».

И вашему великому избраннику не примирить ихъ. «Если онъ строго будетъ придерживаться намѣченного вами плана дѣйствій, то онъ будетъ лишь тѣнью, безплотной тѣнью, празднаго короля. Удастся-ли вамъ найти человѣка съ настолько оподлившимся характеромъ, которому пришлось-бы по вкусу такая комедія? Какъ могли вы вообразить, что мало мальски способный и честный человѣкъ согласится играть роль откармливаемой нѣсколькими милліонами свиньи». Тѣмъ болѣе, что для выхода изъ этой роли ему широко раскрыта дверь». Если-бы я былъ великимъ избранникомъ, я сказалъ-бы, назначая консула мира и консула войны: «если вы осмѣлитесь назначить министра или же подписать какой-либо актъ безъ моего согласія, я тотчасъ лишу васъ вашего званія». Такимъ образомъ великій избранникъ становится дѣятельнымъ и неограниченнымъ монархомъ.—«Но вы скажете, что сенатъ поглотитъ великаго «избранника» — «Это декарство хуже самой болѣзни; въ этомъ проектѣ нѣто ни чѣмъ не гарантированъ», слѣдовательно, каждый будетъ стараться оградить себя отъ другихъ, великій избранникъ отъ сената, консулы отъ великаго избранника и министры отъ консуловъ, всѣ они будутъ вѣчно терзасмы безпокойствомъ, недоверіемъ, опасеніями и изъ чувства самосохраненія станутъ преслѣдовать другъ друга, злоупотреблять своею властью; такимъ образомъ неправильно станутъ вертѣться колеса, машина разстроится, перестанетъ работать и въ концѣ концовъ сломается».

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ, Бонапартъ былъ уже полнымъ властелиномъ, разьединенную исполнительную власть сосредоточили въ одномъ мѣстѣ и вручили ему. Правда, «чтобы не возбуждать недовольства среди республиканцевъ» ему дали двухъ помощниковъ, которые носили, тотъ же титулъ, что и онъ, но существовали лишь для формы, являясь по отношенію его простыми секретарями—совѣтчиками, подчиненными ему и лишенными всѣхъ правъ, за исключеніемъ права подписываться подъ нимъ и «серѣплять своей подписью протоколы его постановленій; онъ одинъ всѣмъ управлялъ; «одинъ онъ имѣлъ рѣшающій голосъ, онъ назначалъ на всѣ должности», такъ, что фактически всѣ занимающіе ихъ были его подданными, а онъ былъ ихъ властелиномъ».

VI.

Оставалось создать законодательную власть, которая являлась-бы противувѣсомъ этой столь сильной и сосредоточенной въ однахъ рукахъ исполнительной власти.

Въ хорошо устроенномъ и относительно здоровомъ обществѣ это достигается при посредствѣ выборнаго парламента, являющагося представителемъ общественной воли, онъ является точнымъ выразителемъ ея, ибо представляетъ изъ себя точное воспроизведеніе въ миниатюрѣ самаго общества; его составъ — это законное и пропорціональное резюме господствующихъ разнородныхъ мнѣній. Въ этомъ случаѣ выборы очевидно производились правильно; высшее право, право выборовъ уважалось; другими словами руководившія ихъ участниками страсти не были слишкомъ сильны, изъ чего слѣдовало, что преобладающіе интересы не были слишкомъ разнородны.

Къ несчастью въ раздираемой несогласіями и раздорами Франціи всѣ важнѣйшіе интересы постоянно сталкивались; вотъ почему при выборахъ разыгрывались бѣшенныя страсти, они не уважали чужихъ правъ, а менѣ всего уважали право свободныхъ выборовъ; вслѣдствіе всего этого выборы производились неправильно и выборный парламентъ отнюдь не являлся выразителемъ воли всей страны, съ 1791 года малочисленные и подвергаемые давленію извнѣ выборныя кампаніи возводили на законодательныя сѣмьи подъ именемъ народныхъ представителей разныхъ самозванцевъ. Ихъ поноволѣ терпѣли за немнѣишемъ лучшимъ, но за то они не пользовались ни довѣріемъ, ни снисхожденіемъ; всѣ знали какимъ образомъ они были избраны и какое ничтожное значеніе имѣло ихъ званіе. Изъ равнодушія, страха, либо презрѣнія къ существующимъ порядкамъ большинство избирателей не подавало своихъ голосовъ; у избирательныхъ урнъ голосующіе граждане вступали въ драку; болѣе сильные или болѣе наглые изъ нихъ изгоняли, либо силой заставляли подчиниться себѣ своихъ противниковъ.—Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ директоин выборныя собранія часто распадалась на двѣ части; каждая партія избирала своего собственнаго депутата, тогда правительство изъ двухъ избранниковъ произвольно и съ безстыднымъ пристрастіемъ утверждало того, который ему больше правился; еще того хуже, если избирали единодушно одного депутата, но послѣдній являлся противникомъ правительства, оно безцеремонно устранило его. Въ общемъ, въ теченіе девяти лѣтъ законодательное учрежденіе, руководимое отдѣльными партіями, отнюдь не было законнѣ исполнительной власти, это былъ самозванецъ самовольно замѣщающій націю, либо обезсиливашій ее. Невозможно было исправить этотъ недостатокъ избирательной машины; онъ проистекалъ изъ сущности ея строенія и кромѣ того, являлся естественнымъ слѣдствіемъ плохаго качества рабочаго матеріала. Въ этотъ періодъ даже при безпартійномъ и сильномъ правительствѣ, машина не могла бы производительно работать, выжать изъ націи группу здравомыслящихъ и уважаемыхъ людей, дать Франціи парламентъ, способный принимать хоть какое-нибудь все равно большее или меньшее участіе въ веденіи общественныхъ дѣлъ.

Ибо представьте себѣ новыхъ правителей не выходящихъ изъ рамокъ законности, энергичныхъ, стоящихъ на стражѣ общественныхъ интересовъ, отличающихся рѣдкимъ самоотверженіемъ и административными талантами, представьте себѣ, что партійныя страсти усмирены при сохраненіи полной свободы слова и агитаціи, централь-

ная власть сохраняетъ нейтралитетъ по отношенію всѣхъ кандидатовъ, принимая однако дѣятельное участіе въ выборахъ, нѣтъ ни одной официальной кандидатуры, никакого давленія сверху, никакого противудѣйствія снизу, почтительные комиссары полиціи и жандармы дежурятъ у входа всѣхъ выборныхъ собраній, весь процессъ выборовъ протекаетъ правильно въ залѣ не замѣчается никакого волненія, голосованіе производится вполне свободно, избирателей много, пять или шесть милліоновъ французовъ толпятся вокругъ избирательныхъ урнъ и посмотрите каковъ будетъ результатъ выборовъ.

Въ недавно присоединенной Бельгіи, гдѣ монахи и бѣлое духовенство подвергались безпрестаннымъ гоненіямъ вспыхнуло грандіозное крестьянское возстаніе. Изъ страны Усса и старинныхъ владѣльческихъ земель Малиновъ оно раскинулось вкругъ Лувена де Тирлемона, наконецъ до Брюсселя, въ Кампиніи, въ южномъ Брабантѣ, во Фландріи, въ Люксембургѣ, въ Арденнахъ, вплоть до границъ Льежа: пришлось сжечь много деревень, убить нѣсколько тысячъ крестьянъ и оставшіеся въ живыхъ хороши все это помнить.

Въ двѣнадцати западныхъ департаментахъ въ началѣ 1800 года роялисты были хозяевами почти всѣхъ деревень и располагали хорошо вооруженной арміей численностью въ 40 тысячъ;—само собою разумется ихъ не трудно было побѣдить и обезоружить, но однако невозможно было огнать у нихъ ихъ убѣжденія, такъ же просто, какъ ихъ ружья.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1799 года шестнадцать тысячъ повстанцевъ изъ верхней Гароны и шести сосѣднихъ департаментовъ, предводительствуемые графомъ Поло, водрузили бѣлое знамя; одинъ изъ кантоновъ, а именно кантонъ Кадуръ «поднялся почти поголовно,» одинъ изъ городовъ Мюре, отдалъ всѣхъ своихъ способныхъ носить оружіе людей. Они достигли окрестностей Тулузы и потребовалось нѣсколько стычекъ, правильное сраженіе, чтобы разбить ихъ, въ одинъ разъ при Монтрежо ихъ было убито и погнано до 2000 человекъ; крестьяне бѣшено дрались, «они дрались съ бѣшенствомъ граничающимъ съ безуміемъ. Они до послѣдняго вздоха не переставали провозглашать: «да здравствуетъ король! и скорѣе позволили бы изрубить себя въ куски чѣмъ согласились бы крикнуть: «да здравствуетъ Республика!»

Между Мирселемъ и Лиономъ по обѣ стороны Роны въ теченіе пяти лѣтъ процвѣталъ мятежъ въ формѣ разбоя; шіея роялистовъ наполняемая дезертировавшими новобранцами подъ покровительствомъ крестьянъ, которыхъ они шидили, грабили и убивали представителей республики и стяжателей національныхъ богатствъ. Въ тридцати другихъ департаментахъ не прекращались разбѣйныя по разнымъ мѣстамъ Вандейскія войны. Во всѣхъ же католическихъ департаментахъ тайно велась Вандейская война. При такихъ отчаянныхъ условіяхъ весьма вѣроятно, что если-бы выборы были вполне свободны, половина Франціи голосовала бы за представителей стараго режима, католиковъ, роялистовъ или по крайней мѣрѣ за монархистовъ 1790 года.

Представьте себѣ этихъ народныхъ избранниковъ лицомъ къ

лицу, въ одной и той же залѣ съ почти такимъ же числомъ избранниковъ другой партіи, съ цвѣтомъ республиканцевъ, т. е. я подражаю съ преемниками предыдущихъ собраній, по всей вѣроятности съ конституціоналистами IV и V годовъ, съ конвентами Плэны (de la Plaine) и фельянтинцами 1792 года, начиная съ Лафайета и Дюмолара и кончая Дону, Тибодо и Грегуаромъ, а среди нихъ нѣсколькихъ жирондистовъ и монтаньяровъ, въ числѣ послѣднихъ Барера. Представьте себѣ два противоположныхъ лагера, одинъ всецѣло проникнутый теоріями, а другой традиціями. Для человѣка хорошо изучившаго оба эти лагера ясно, что поставленные лицомъ къ лицу они представляютъ два враждебныхъ догмата, двѣ системы непримиримыхъ страстей и убѣжденій, два противоположныхъ взгляда на право, общество, государство, собственность, религію, церковь, старый строй, Революцію, настоящее и прошлое; такимъ образомъ гражданская война изъ націи перенеслась бы въ парламентъ. Понятно, что правая пожелала бы, чтобы первый консулъ былъ Монкомъ, а затѣмъ превратился въ Кромвеля, ибо его могущество всецѣло зависѣло бы отъ степени вліянія на армію, которая являлась бы единственной реальной силой. Но въ эту эпоху армія была еще республиканской, если не сердцемъ, то во всякомъ случаѣ разумомъ, вся проникнутая якобинскими предрасудками преданная революціоннымъ цѣлямъ, она естественно относилась съ слѣпой враждебностью къ аристократамъ, королямъ и священникамъ. При первомъ же намекѣ на монархическую и католическую реставрацію, она потребуетъ отъ него устройства 18 фруктидора, въ противномъ же случаѣ кто-либо изъ якобинскихъ генераловъ Журданъ, Бернадотъ, Ожеро, устроятъ имъ это безъ него, противъ него и снова общественная жизнь войдетъ въ колею, изъ которой ее пытались вывести, въ заколдованный кругъ революціонныхъ вспышекъ и государственныхъ переворотовъ.

VII

Сеіесъ понялъ это: онъ замѣтилъ на горизонтѣ два призрака, втеченіи десяти лѣтъ посѣщавшіе всѣхъ правителей Франціи, законную анархію и временный деспотизмъ; онъ придумалъ магическую формулу для заклинанія двухъ этихъ выходцевъ: отнынѣ «всякая власть» будетъ получаться сверху, а довѣріе исходить снизу.

Вслѣдствіе этого новый конституціонный актъ отнялъ у націи право избранія депутатовъ, отнынѣ она можетъ избирать лишь кандидатовъ въ депутаты и то при посредствѣ третьестепенныхъ послѣдовательныхъ выборовъ; такимъ образомъ оно оказываетъ вліяніе на выборъ своихъ представителей лишь въ видѣ «призрачнаго и метафизическаго соучастія.» Всѣ права избирателей въ первой стадіи выборовъ сводятся къ избранію изъ своей среды десяти члвкъ, всѣ права избирателей во второй стадіи выборовъ также къ избранію изъ ихъ среды десяти члвкъ и наконецъ всѣ права выборщиковъ въ третьей стадіи выборовъ опять таки сводятся къ избранію изъ ихъ среды десяти члвкъ, въ общей сложности шести тысячъ кандидатовъ. Къ этому списку правительство согласно дарованному ему праву прибавляетъ всѣхъ своихъ главныхъ члвковъ-

никовъ и естественно, что изъ такого длиннаго списка оно безъ труда можетъ выбрать соответствующихъ его требованіямъ людей. Изъ предосторожности оно самолично, не считаясь ни съ какимъ спискомъ кандидатовъ имѣетъ право назначать членовъ главнаго законодательнаго учрежденія. Наконецъ для всѣхъ предоставляемыхъ имъ законодательныхъ должностей, оно присваиваетъ прекрасныя оклады въ 10 тысячъ франковъ, въ 15 тысячъ франковъ и въ 30 тысячъ франковъ въ годъ; съ самаго начала всѣ усиленно начинаютъ добиваться ихъ и будущіе представители законодательной власти начинаютъ свою карьеру обиваніемъ пороговъ.

Чтобы добиться полнаго послушанія съ ихъ стороны, законодательная власть сразу была раздѣлена на три части, ее расчленили на три отдѣльных органа, безсильные по своему существу и бездѣятельные по своему устройству. Всѣ они лишны возможности имѣть личную инициативу; они могутъ обсуждать лишь законы предложенныя правительствомъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою особую область: Трибунатъ обсуждаетъ, но не можетъ постановлять; законодательный корпусъ постановляетъ, но не можетъ обсуждать, а на обязанности сената охранителя лежитъ забота о поддержаніи этого общаго безсилія. «Ничего не подблещь—говорилъ Бонапартъ Лафайету—Сейсъ наполнилъ страну одними лишь тѣнями, тѣнями правосудія, тѣнями правительства, такъ надо же было хоть гдѣ нибудь помѣстить реальную матерію и я, честное слово, достаточно вложилъ ея въ исполнительную власть».

Послѣдняя всецѣло и безраздѣльно находилась въ его рукахъ, остальныхъ же представителей власти онъ превратилъ въ простыя декорации, либо въ орудія своей воли. Ежегодно, нѣмые изъ законодательнаго корпуса собирались въ Парижъ для четырехмѣсячнаго молчанія и если-бы онъ когда либо забылъ созвать ихъ, то никто и не замѣтилъ бы ихъ отсутствія.—Что же касается слишкомъ болтливаго Трибуната, то онъ ограничилъ количество его рѣчей, «посадивъ его на законную діету!» затѣмъ при посредствѣ сената устраняющаго отъ участвія въ дѣлахъ нежелательныхъ членовъ, онъ избавился отъ докучливыхъ болтуновъ; наконецъ при посредствѣ того же сената, долженствовавшаго истолковывать, охранять и въ случаѣ нужды исправлять конституцію, онъ ограничивалъ, а затѣмъ и совсѣмъ уничтожилъ Трибунатъ.

Сенатъ же являлся въ его рукахъ главнымъ орудіемъ управленія; онъ ему диктовалъ нужные ему сенатскія постановленія. Благодаря этой комедіи, которую онъ заставлялъ играть наверху и другой дополнительной, плебесциту, разыгрываемой по его указанію внизу, онъ превратилъ свое десятилѣтнее консульство въ пожизненное, затѣмъ въ имперію, т. е. въ полную, неограниченную и законную диктатуру. Такимъ образомъ нація была отдана на произволъ одного человѣка, который будучи человѣкомъ не могъ не ставить на первомъ планѣ свою личную пользу.

Оставалось лишь опредѣлить до какой степени и какъ долго его личные интересы въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ понималъ или воображалъ, будутъ согласоваться съ общественными интересами. Если это согласіе будетъ полнымъ и постояннымъ, то тѣмъ лучше для Фран-

ди. Если же это согласие будетъ лишь частичнымъ и временнымъ, то тѣмъ хуже для Франціи. Рискъ громадный, но онъ неизбеженъ: избавиться отъ анархіи можно лишь путемъ деспотизма, рискуя при этомъ въ лицѣ одного и того же человѣка встрѣтить сперва спасителя, а затѣмъ разрушителя. при этомъ всегда надо быть готовымъ всецѣло зависть отъ неизвѣстной воли, которую гений и здравый смыслъ либо воображеніе и эгоизмъ образуютъ въ душѣ воспламенной и взволнованной стремленіемъ къ неограниченной власти, безнаказанностью и всеобщей лестью, въ душѣ деспота отвѣтственного лишь передъ собственною совѣстью, побѣдителя, который подъ вліяніемъ собственныхъ побѣдъ приучается видѣть себя и весь міръ въ все болѣе и болѣе ложномъ свѣтѣ.

Таковы горькіе плоды общественнаго разложенія; благодаря ему общественная власть гибнетъ, либо извращается, каждый пытается захватить ее въ свои руки, а никто не соглашается вручить ее третьему лицу и завладѣвшіе ею узурпаторы становятся ея представителями лишь благодаря злоупотребленіямъ; въ ихъ рукахъ она направляется въ сторону противорѣчащую ихъ прямому назначенію. За неимѣніемъ лучшаго и изъ опасенія худшаго приходится мириться, когда она благодаря окончательному захвату цѣликомъ попадаетъ въ единственные руки, которыя въ состояніи укрѣпить ее, организовать и примѣнить къ общественному служенію.

ГЛАВА II.

I. Главная услуга оказываемая общественной властью.—Она представляетъ изъ себя орудіе.—Общій законъ для всѣхъ орудій.—Механическія орудія.—Физиологическія орудія.—Соціальныя орудія.—Совершенство каждаго отдѣльнаго орудія возрастаетъ по мѣрѣ специализація его. Сосредоточеніе всѣхъ силъ въ одномъ мѣстѣ исключаетъ возможность примѣненія ихъ въ другомъ мѣстѣ. II. Примѣненіе этого закона къ общественной власти.—Послѣдствія вызываемыя внимательствомъ ея. III. Она исполняетъ не свойственныя ей функціи.—Ея захваты являются покушеніемъ на свободу личности и собственности. IV. Она плохо исполняетъ работу вытѣсненныхъ ею органовъ.—Случай, когда она завладѣваетъ ихъ спеціальными суммами, освобождая себя отъ обязанности пополнить ихъ.—Случай, когда она насилуетъ либо эксплуатируетъ ихъ механизмъ.—Во всякомъ случаѣ она является плохимъ либо посредственнымъ замѣстителемъ.—Выводы, полученные при сравненіи ея устройства съ устройствомъ другихъ органовъ. V. Другія послѣдствія.—органы втеченіе продолжительнаго времени бездѣйствующіе либо стѣпенные въ концѣ концовъ теряютъ способность реагировать.—Бездарность отдѣльныхъ личностей создаетъ общую политическую и социальную бездарность.—Въ какія руки попадаетъ тогда общественная власть.—Осудѣніе и упадокъ общественныхъ органовъ.

I.

Въ чемъ заключается главная услуга, оказываемая обществу общественной властью? Самая важная услуга, какую только она можетъ оказать обществу, заключается въ защитѣ цѣлаго общества отъ иноземцевъ и частныхъ лицъ одного отъ другаго. Понятно, что для исполненія такого рода обязанностей ей во всякомъ случаѣ нужны необходимыя орудія, а именно: дипломатія, армія, флотъ и арсеналы, гражданскіе и уголовные суды, тюрьмы, жандармерія и

полиція, подати и сборщики податей, цѣлая іерархія представителей власти и мѣстныхъ охранителей, старающихся каждый на своемъ мѣстѣ и въ подвѣдомственной ему области достигнуть надлежащаго результата.

Само собой разумѣется также, что для примѣненія на практикѣ этихъ орудій ей, *смотря по обстоятельствамъ*, нужно то, либо другое государственное устройство, та, либо другая степень силы и энергіи: смотря потому какого рода и насколько серьезная внѣшняя или внутренняя опасность угрожаетъ ей, она должна быть раздѣлена либо сконцентрирована, подвергнута строгому контролю либо безконтрольна, либеральна либо консервативна. Каково бы ни было устройство ея механизма никогда не слѣдуетъ заранѣе возмущаться имъ.— Собственно говоря, оно представляетъ изъ себя машину, сложный механизмъ человѣческаго общества, схожій по своему устройству съ машинами на заводахъ и органами человѣческаго тѣла. Если известное дѣло можетъ быть сдѣлано лишь при посредствѣ машины, то приходится мириться съ машиной и ея устройствомъ: цѣль оправдываетъ средства. Все что мы можемъ требовать—это, чтобы всѣ средства неуклонно вели къ определенной цѣли, т. е. другими словами, чтобы мириады отдѣльныхъ частей, большихъ и маленькихъ, мѣстныхъ и центральныхъ былцъ приведены въ порядокъ, приноровлены другъ къ другу и распределены такимъ образомъ, чтобы въ концѣ концовъ въ итогѣ получился результатъ, къ достиженію котораго всѣ они посредственно или непосредственно стремились.

Но простая ли или сложная каждая рабочая машина подчиняется одному общему правилу: чѣмъ больше отвѣчаетъ она известному назначенію, тѣмъ меньше отвѣчаетъ всѣмъ остальнымъ; по мѣрѣ усовершенствованія ея ограничивается кругъ ея примѣненія. Слѣдовательно, если имѣется два различныхъ орудія предназначенныхъ для различнаго употребленія, то чѣмъ болѣе совершенны будутъ они каждый въ своемъ родѣ, тѣмъ рѣзче будутъ ограничены области ихъ примѣненія и тѣмъ сильнѣе будетъ различіе между нами; по мѣрѣ того какъ каждый изъ нихъ будетъ становиться все болѣе способнымъ исполнять собственное дѣло, ему все труднѣе будетъ становиться исполнять чужое дѣло, въ концѣ концовъ они не смогутъ болѣе замѣнять другъ друга; все это въ разной степени примѣнимо къ механическимъ, физиологическимъ и социальнымъ орудіямъ.

На самой низкой ступени человѣческаго производства дикарь обладаетъ всего лишь однимъ орудіемъ: при посредствѣ остроконечнаго и отточеннаго камня онъ убиваетъ, раскалываетъ, рубитъ, прокалываетъ, пилитъ, разрѣзаетъ, однимъ и тѣмъ же инструментомъ онъ худо ли, хорошо ли пользуется для различныхъ цѣлей. Но затѣмъ появляются копьѣ, топоръ, молотокъ, шило, пила, ножъ, всѣ они лучше отвѣчаютъ своему назначенію, но за то менѣе пригодны для другого употребленія: трудно пилить ножомъ и неудобно рѣзать пилою. Затѣмъ появляются сложныя, усовершенствованныя машины, примѣнимыя лишь въ известной, строго определенной области: швейная машина и вышущая машина: невозможно шить при помощи вышущей машины и высать на швейной машинѣ.

Тоже самое замѣчается на самой низкой ступени зоологической лѣстницы, когда животное является лишь однородной студенистой, безформенной массой всѣ части его организма одновременно исполняютъ всѣ его функціи; всѣ клѣточки тѣла амебы безъ различія играютъ одновременно роль органовъ передвиженія, дыханья, пищеваренія, кровообращенія, размноженія и выдѣленія отбросовъ. Одной ступенькой выше, у полипа прѣсныхъ водъ внутренняя сумка, являющаяся органомъ пищеваренія и внѣшняя оболочка, исполняющая функціи кожи также могутъ еще въ буквальномъ смыслѣ этого слова замѣнить другъ друга; если вывернуть животное какъ перчатку на изнанку она останется въ живыхъ: его оболочка превратится въ пищеварительный органъ, а пищеварительная сумка станетъ кожей. Но подымаясь все выше по зоологической лѣстницѣ мы увидимъ, что все болѣе усложняющіеся благодаря дѣленію и подраздѣленію труда органы, все дальше расходятся въ различныхъ направленіяхъ и все болѣе теряютъ способность замѣщать другъ друга, напримѣръ, у млекопитающихъ сердце годится лишь для снабженія организма кровью, а легкія для снабженія крови кислородомъ; они не въ состояніи замѣнить другъ друга; между двумя областями специальное строеніе одной изъ нихъ и столь же специальное строеніе другой выдвигаютъ непроходимую стѣну.

Тоже самое наблюдается на самой низкой ступени социальной лѣстницы; еще раньше Андамановъ мы видимъ низшую форму общественнаго устройства: человѣчество, живущее стадной жизнью; внутри этого стада нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ учрежденій, преслѣдующихъ опредѣленные цѣли; нѣтъ даже семьи, по крайней мѣрѣ постоянной; никакихъ взаимныхъ обязательствъ между самцомъ и самкой, ничего, кромѣ полового влеченія. Постепенно изъ этой кучи равныхъ и схожихъ между собою индивидуумовъ выступаютъ, формируются и выдѣляются отдѣльныя группы; появляется все болѣе и болѣе опредѣленное родство, все болѣе и болѣе замкнутыя семьи, все сильнѣе и сильнѣе развивается наследственность семейныхъ очаговъ и одновременно появляются рыболовные и охотничьи снаряды, военное оружіе и маленькія мастерскія ремесленниковъ; если же это народъ, подчинившій себѣ другіе, то мало по малу онъ, подраздѣляется на касты. Въ концѣ концовъ въ разросшемся и глубоко организованномъ общественномъ организмѣ мы встрѣчаемъ общины, провинціи, церкви, больницы, школы, цѣлый рядъ разнородныхъ болѣе или менѣе значительныхъ организацій и обществъ, временныхъ и постоянныхъ, случайныхъ и нарочно учрежденныхъ, словомъ, множество общественныхъ механизмовъ, составленныхъ человѣческими особями, которые изъ расчета, по привычкѣ или по принужденію или же по совѣсти, благодаря извѣстнаго рода склонностямъ либо изъ великодушія дѣйствуютъ согласно опредѣленному либо подразумеваемому уставу, чтобы достигнуть въ матеріальномъ либо духовномъ отношеніи, того либо другаго опредѣленнаго результата; во Франціи мы теперь насчитываемъ кромѣ государства восемьдесятъ шесть департаментовъ, тридцать шесть тысячъ общинъ, четыре церкви, сорокъ тысячъ приходовъ, семь или восемь милліоновъ семей, милліоны земледѣльческихъ, про-

мысленныхъ и коммерческихъ учреждений, сотни ученыхъ и художественныхъ обществъ, тысячи учебныхъ и богоугодныхъ заведений, сотни тысячъ обществъ взаимной помощи и благотворительныхъ, дѣловыхъ и увеселительныхъ учреждений, словомъ, безчисленное множество разнородныхъ организацій, имѣющихъ каждая свое специальное назначеніе и исполняющихъ въ качествѣ орудія или органа свое особое строго опредѣленное дѣло.

А въ качествѣ орудія или органа каждая изъ нихъ подчинена общему закону, чѣмъ совершеннѣе она въ извѣстной роли, тѣмъ посредственнѣе и хуже въ другихъ роляхъ, ея умѣнье въ специальной области порождаетъ полнѣйшую бездарность во всѣхъ остальныхъ областяхъ. Вотъ почему у культурныхъ народовъ онѣ не могутъ замѣнять другъ друга.—«Весьма вѣроятно, что академія художествъ, исполняющая одновременно функціи банкирской конторы, будетъ выставять лишь посредственныя картины и выпускать сомнительнаго качества бумаги. Также не подлежитъ сомнѣнію, что газопроводная компанія, являющаяся вмѣстѣ съ тѣмъ учебнымъ заведеніемъ, не дастъ своимъ питомцамъ солиднаго образованія и плохо будетъ освѣщать улицы».—Ибо всякое орудіе, будь то механическій инструментъ, физиологическій органъ или человѣческая ассоціація, является совокупностью частей, всѣ дѣйствія которыхъ направлены къ одной общей цѣли; не важно, что эти части составлены изъ кусковъ дерева и желѣза, какъ въ рабочемъ инструментѣ, изъ клѣточекъ и нервовъ, какъ въ физиологическомъ органѣ, изъ отдѣльныхъ умовъ и душъ какъ въ человѣческихъ обществахъ; вся суть въ планомѣрности и стройности ихъ дѣйствій, ибо чѣмъ тѣснѣе связаны между собою всѣ дѣйствія, тѣмъ легче данному орудію достигнуть намѣченной цѣли. Но, благодаря этой тѣсной связи всѣхъ отдѣльныхъ частей орудіе приобретаетъ способность дѣйствовать лишь въ извѣстномъ направленіи и теряетъ способность дѣйствовать во всѣхъ остальныхъ, оно не можетъ дѣлать одновременно два различныхъ дѣла, ибо немисливо идти направо и въ то же время подвигаться влѣво.

Если какое-либо общественное орудіе, созданное для выполнения извѣстнаго дѣла, станетъ сверхъ того братья за чужое дѣло, то оно испортитъ и одно, и другое. Изъ двухъ исполняемыхъ дѣлъ первое будетъ исключать второе, а второе первое. Обыкновенно ему приходится одно изъ нихъ принести въ жертву другому, а чаще всего онъ забрасываетъ оба.

II.

Прослѣдимъ дѣйствіе этого закона, въ тѣхъ случаяхъ, когда общественная власть сверхъ своей первой и основной задачи возлагаетъ на себя постороннюю обязанность и замѣняетъ собою другіе органы управленія, стараясь выполнять ихъ дѣло, когда Государство, не довольствуясь защитой общества и частныхъ лицъ отъ внѣшней и внутренней опасности, борется сверхъ того руководить религіею, образованіемъ и благотворительностью, управлять науками и искусствами, вести всѣ коммерческія, муниципальныя, земельныя, про-

мысленныя, провинціальныя и домашнія дѣла.—Безъ сомнѣнія, оно можетъ вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ органовъ управленія, это не только его права, но даже его обязанность; оно должно въ качествѣ защитника личности и собственности не допускать грабежа и притѣсненій со стороны разныхъ органовъ управленія, должно слѣдить за соблюденіемъ закона, заставляя всѣхъ отдѣльныхъ представителей власти строго придерживаться рамокъ законности должно въ духѣ того же закона улаживать недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть между правителями и управляемыми, между директорами и акціонерами, между настоятелями церквей и ихъ прихожанами, между усопшими жертвователями и ихъ живыми наследниками. Съ этой цѣлью оно предоставляетъ имъ свои суды, своихъ судебныхъ приставовъ и своихъ жандармовъ и оно это дѣлаетъ исполнѣ сознательно, сообразуясь со смысломъ закона. Это также входитъ въ кругъ его обязанностей. Его полномочія не позволяютъ ему пользоваться общественной властью для поддержки предпріятій, основанныхъ на грабѣжѣ и притѣсненіи; ему воспрещено утверждать безправственные либо закрѣпощающіе кого договоры, а тѣмъ болѣе разбойничьи или мятежныя общества, а также вооруженныя либо готовыя вооружиться лиги, враждебно настроенныя противъ всего общества, части его или же самого государства. Но между этимъ законнымъ вмѣшательствомъ, защищающимъ права гражданъ и самовольнымъ вторженіемъ въ чужія области существуетъ, рѣзко обозначенная граница и оно всегда ее переступаетъ, какъ только къ своей обязанности защитника правосудія присоединяетъ новую обязанность, когда оно начинаетъ *управлять* или *распоряжаться средствами* другого органа управленія. Въ такомъ случаѣ получается два отрицательныхъ явленія: съ одной стороны Государство не отвѣчаетъ своему прямому назначенію, а съ другой стороны оно плохо исполняетъ свою добавочную обязанность.

III.

Дбо прежде всего, управляя чуждой областью, наиримѣръ, церковью, оно то назначаетъ духовныхъ начальниковъ, какъ это было при старой монархіи послѣ уничтоженія Прагматическаго уложенія конкордатомъ 1516 года, то какъ національное собраніе 1791 года изобрѣтаетъ новый способъ избранія ихъ; другими словами оно навязываетъ церкви новую дисциплину, противную не только ея духу, но даже ея догматамъ. Порою оно заходитъ такъ далеко, что превращаетъ отдѣльные органы власти въ вѣтви своего собственнаго управленія, а ихъ начальниковъ, въ отвѣтственныхъ чиновниковъ, всѣми дѣйствіями которыхъ она управляетъ и руководитъ: такъ оно поступало при Имперіи и Реставраціи съ мэрами и совѣтниками общинъ, съ профессорами и провизорами университетовъ, наконецъ, еще одинъ шагъ и захватъ достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта; понятно, что возложивъ на себя новую обязанность оно изъ самолюбія или предосторожности, въ силу предразсудка или же вслѣдствіе определенной теоріи, стремится распростра-

нать на новую область либо сохранить за ней монополию; до 1789 года существовала монополия въ пользу католической церкви, въ видѣ воспрещенія исповѣдывать какую либо другую религію, существовала также монополия въ пользу артистическихъ и ремесленныхъ цеховъ, воспрещавшая свободный трудъ; послѣ 1800 была учреждена монополия по отношенію существующихъ ужь либо проектируемыхъ частныхъ учебныхъ заведеній.

Но такой произволъ со стороны Государства является посягательствомъ на права личности. Чѣмъ дальше распространяетъ оно свои захваты, тѣмъ больше подтачиваетъ и ограничиваетъ кругъ личной инициативы и независимыхъ дѣйствій, составляющихъ сущность жизни каждаго отдѣльнаго индивидуума. Если согласно якобинской программѣ оно повсемѣстно раскинетъ сѣть своихъ захватовъ, оно поглотитъ всѣ индивидуальныя жизни; отнынѣ общины станутъ управляться руководимыми свыше автоматами, безличными людьми съ искалѣченными, безвольными и, если такъ можно выразиться, мертвыми душами. Существующее для защиты личности государство въ такомъ случаѣ убиваетъ ее.

Тоже самое получается по отношенію собственности, когда оно беретъ на себя заботу о денежной сторонѣ какаго либо органа управленія. Ибо для расходовъ на его нужды у него нѣтъ другихъ денегъ, кромѣ получающихся отъ взиманія налоговъ; слѣдовательно оно руками своихъ сборщиковъ податей беретъ эти деньги у него изъ его же собственного кармана. Такимъ образомъ всѣ граждане волей-неволей косвеннымъ образомъ уплачиваютъ добавочный налогъ за добавочныя услуги, въ которыхъ они либо не нуждаются либо даже тяготятся ими. Если я будучи католикомъ живу въ протестантскомъ государствѣ либо будучи протестантомъ живу въ католическомъ государствѣ я плачу налоги въ пользу религіи являющейся съ моей точки зрѣнія ложною и въ пользу Церкви, которую я считаю вредною. Если я по убѣжденіямъ скептикъ или свободомыслящій, относящійся равнодушно или враждебно, ко всѣмъ религіямъ, то при теперешнемъ положеніи дѣлъ во Франціи я плачу налоги для поддержанія четырехъ вѣроисповѣданій, которыя мнѣ кажутся лишними и бесполезными; если я провинціалъ или крестьянинъ, то я плачу за содержаніе оперы, куда я никогда не поеду, поддерживаю своими деньгами процвѣтаніе Севра и Гобеленъ, хотя никогда не увижу ни одной вышивки и ни одной вазы ихъ производства.

Въ спокойныя времена грабежъ нѣсколько маскируется, но во время смутъ и волненій онъ открыто водаряется повсюду. При революціонномъ правительствѣ шайки сборщиковъ податей, вооружившись пиками, врываются въ деревни и хозяйничали тамъ какъ въ покоренной странѣ: схваченный за горло и награждаемый ударами земледѣлецъ поневолѣ молчалъ, видя какъ увозили зерно изъ его амбара и вводили его скотъ; «все это непосредственно направлялось въ городъ», и вокругъ Парижа на разстояніи сорока лье всѣ департаменты поставились, открывали столицу. Тоже самое вымогательство мы видимъ, но только въ болѣе мягкой формѣ, когда при законномъ правительствѣ приличныя сборщики податей въ сюр-

тугъ вытаскиваетъ изъ нашего кармана лишній талеръ на такое дѣло, которое, не должно быть руководимо правительствомъ. Если оно по примѣру яеобинскаго правительства захватываетъ въ свои руки всѣ области, то оно окончательно опустошаетъ кошелекъ; учрежденное для защиты собственности оно ее уничтожаетъ. — Такимъ образомъ если общественная власть, не довольствуясь заботой объ охранѣ неприкосновенности личности и собственности, возлагаетъ на себя еще какія либо обязанности, она не только превращаетъ свои полномочія, но поступаетъ даже вопреки имъ.

IV.

Постараемся теперь изучить другой родъ злоупотребленій властью и посмотримъ какимъ образомъ Государство исполняетъ обязанности вытѣсненныхъ имъ органовъ управления. — Прежде всего есть основаніе предполагать, что рано или поздно оно постарается освободиться отъ нихъ, ибо эти новыя обязанности болѣе или менѣе дорого стоятъ и оно рано или поздно приходитъ къ убѣжденію, что они слишкомъ дорого ему стоятъ. — Оно разумѣется беретъ на себя расходы по содержанию ихъ, а порою какъ напримѣръ конституціонное собраніе и законодательное собраніе оно конфисковываетъ доходы, которыми они существовали обязуется возмѣстить ихъ равноцѣнными доходами, оно должно по договору исчерпанные имъ либо присвоенные себѣ мѣстные и спеціальныя источники замѣнить тѣмъ же количествомъ влаги изъ большаго центральнаго резервуара — общественной казны.

Но если въ этомъ резервуарѣ уровень воды понижается, если недоимки уменьшаютъ притокъ ея, если война пробиваетъ широкую брешь въ стѣнахъ ея, если расточительность и бездарность правителей увеличиваютъ число трещинъ и способствуетъ увеличенію отлива воды, если не хватаютъ денегъ на побочныя и второстепенныя нужды, взявшее на себя заботу о нихъ Государство умыкаетъ руки; мы видѣли при Конвентѣ и Директоріи, какъ оно послѣ захвата имущества всѣхъ органовъ: провинцій, общинъ, учебныхъ заведеній, ученыхъ и художественныхъ обществъ, пріютовъ и больницъ справилось съ своей задачей, какъ бывъ сперва хищникомъ и воромъ, оно вдругъ стало несостоятельнымъ и заявило о своемъ банкротствѣ, какъ своей узурпаціей, затѣмъ своимъ банкротствомъ оно разорило, а потомъ обезсилило всѣ остальные органы власти, какъ благодаря своему вмѣшательству и своему отступленію оно уничтожило во Франціи образованіе, религію и благотворительность; мы видѣли почему въ городахъ улицы не подметались и не освѣщались болѣе; почему въ департаментахъ были попорчены дороги и разрушены плотины; почему школы были пусты, либо закрыты, почему въ пріютахъ и больницахъ, подкидыши умирали отъ недостатка молока, старики отъ отсутствія одежды, а больные отъ отсутствія говядины, бульоновъ, лекарствъ и кроватей.

Но во всякомъ случаѣ, если даже Государство заботится о доставленіи средствъ управляемому имъ органу есть основаніе опа-

саться, что оно неправильно будетъ распредѣлять ихъ.—Обыкновенно, если правители овладѣваютъ какимъ либо учрежденіемъ, они это дѣлаютъ съ цѣлью эксплуатировать послѣднее въ свою пользу и во вредъ ему; при управленіи имъ они отдають предпочтеніе своимъ интересамъ и своимъ теоріямъ; они вносятъ въ дѣло свои личныя страсти; они по своему усмотрѣнію передѣлываютъ отдѣльныя части либо главные двигатели механизма; они придаютъ ему ложное направленіе, расшатываютъ его; они превращаютъ его въ избирательную, доктринерскую либо фискальную машину, въ орудіе партіи или же королевской власти.—Таковы въ XVIII столѣтіи извѣстные представители церкви, придворные епископы, салонные аббаты, надѣленные свыше своими епархіями и аббатствами, не живущіе тамъ, а причисленные къ министерствамъ, для которыхъ они ровно ничего не дѣлаютъ, получающіе громадныя оклады за свое ничегонедѣланіе, паразиты Церкви, кромѣ того свѣтскіе люди, франты, подчасъ скептики, странные руководители христіанскаго духовенства, словно нарочно избранные для ослабленія вѣры въ душахъ своей паствы и дисциплины въ монастыряхъ.—Таково въ 1761 году новое духовенство, пришлое, еретическое, навязанное правовѣрному большинству, дабы служить ему обѣди, которыя оно считало святотатствомъ и удѣлять насильно тайнства.

Наконецъ если даже правители не подчиняютъ интересы извѣстнаго учрежденія своимъ страстямъ, своимъ теоріямъ и своимъ личнымъ интересамъ, если они не калѣчатъ ихъ и не извращаютъ, если даже они самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполняютъ возложенныя на себя добавочныя обязанности, они неизбѣжно будутъ плохо ихъ исполнять, много хуже, вытѣсненныхъ ими специальныхъ органовъ, ибо между устройствомъ этихъ органовъ и устройствомъ государства существуетъ громадная разница.

Единственное въ своемъ родѣ, обладающее лишь шпагой, дѣйствующее свысока и издали, опираясь на свой авторитетъ и грубую силу, государство управляетъ одновременно всей территоріей при посредствѣ однообразныхъ законовъ, властныхъ и точно обозначенныхъ правилъ и іерархіи послушныхъ чиновниковъ, обязанныхъ пунктуально исполнять получаемыя свыше приказанія. Вотъ почему оно непригодно для дѣла, которое для успѣшнаго веденія нуждается въ иныхъ двигателяхъ и иныхъ способахъ производства. Его воздѣйствіе внѣшняго свойства, оно слишкомъ слабо и не можетъ поддерживать и двигать впередъ предпріятій нуждающихся во внутреннемъ двигателѣ, какъ на примѣръ, личный интересъ, мѣстный патриотизмъ, семейныя привязанности, научную любознательность, филантропическія наклонности, религіозность. Его способъ веденія дѣла вполне механическій, онъ слишкомъ суровый и слишкомъ ограниченный, чтобы способствовать процвѣтанію предпріятій, требующихъ отъ предпринимателя большого такта и изворотливости, ловкости рукъ, вѣрной оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ, постояннаго приравливанія средствъ къ цѣли, незсякаемой изобрѣтательности, инициативы и независимости, слѣдовательно государство является плохимъ главою семьи, плохимъ промышленникомъ, земледѣльцемъ и коммерсантомъ, плохимъ распредѣлителемъ труда и продовольствія, плохимъ

руководителемъ производства, объёма и потребления, посредственнымъ правителемъ провинціи и общины, неразборчивымъ филантропомъ, неумѣлымъ руководителемъ изящныхъ искусствъ, науки, образованія и вѣроисповѣданій. При исполненіи всѣхъ этихъ обязанностей оно проявляетъ большую медлительность и неумѣлость, отсталость, неприспособленность и расточительность, всѣ дѣйствія его оказываются малодѣйствительными и малопродуктивными и всегда направленными въ противоположную его прямымъ обязанностямъ сторону, вслѣдствіе чего не могутъ удовлетворять своему прямому назначенію. Это происходитъ оттого, что оно дѣйствуетъ слишкомъ издалека и свысока и распространяетъ свое вліяніе на слишкомъ обширную область. Вліяніе это передаваемое при посредствѣ длинной цѣпи чиновниковъ, ослабляется множествомъ разнородныхъ формальностей и запутывается въ безчисленныхъ канцелярскихъ бумагахъ. Достигнувъ въ извѣстный срокъ мѣста назначенія оно распространяетъ на всѣ области одну и ту же программу, цѣльную программу составленную заранее въ кабинетѣ, безъ предварительныхъ испытаній и необходимаго приспособленія къ обстоятельствамъ, программу рассчитанную приблизительно, на основаніи общихъ выводовъ и среднихъ данныхъ, не подходящую полностью ни къ какому частному случаю, программу навязывающую всѣмъ предметамъ свое точно опредѣленное однообразіе, вмѣсто того, чтобы приспособляться къ измѣнчивости и подвижности жизненныхъ формъ, нѣчто въ родѣ официальной одежды, обязательной формы и покроя, отправляемой центромъ въ провинцію въ тысячахъ экземпляровъ для ношенія ихъ во всѣ времена года людьми различнаго роста и разнороднаго тѣлосложенія.

V.

Но хуже всего то, что государство не только плохо, грубо, расточительно и непродуктивно работаетъ въ чуждой ему области, но еще сверхъ того въ силу ли присваиваемой себѣ законной монополіи или благодаря практикуемой имъ изнурительной конкуренціи убиваетъ всѣ эти естественнымъ путемъ зарождающіяся учрежденія, парализуетъ ихъ, либо препятствуетъ ихъ проявленію на свѣтѣ, вслѣдствіе чего у общественнаго организма оказываются отрезанными, омертвѣвшими, либо недоношенными и недоразвившимися необходимыми для него органы.

Еще хуже того, если такой режимъ длится и продолжаетъ уничтожать ихъ, ибо общество теряетъ способность воспроизводить ихъ: вырванные съ корнемъ они не даютъ новыхъ ростковъ и даже само зерно вскорѣ погибаетъ. Отдѣльные индивидуумы не могутъ больше безъ воздѣйствія извнѣ и свыше слагиваться, по собственной инициативѣ организоваться надолго, съ точно намѣченной цѣлью, по извѣстному плану, подъ начальствомъ свободно избранныхъ, добровольно всѣми признанныхъ и пользующихся всеобщимъ довѣріемъ людей. Взаимное довѣріе, уваженіе закона, лояльность, добровольное повиновеніе, предусмотрительность, терпимость, терпѣнье, постоянство, житейскій здравый смыслъ и всѣ тѣ свойства ума и

сердца, отсутствіе которыхъ дѣлаютъ недействительнымъ и не жизнеспособнымъ всякое общество, замираютъ въ нихъ, потому что они лишены возможности упражняться въ нихъ. Отнынѣ свободное, мирное и плодотворное сотрудничество, такое какое встрѣчается у здоровыхъ народовъ, становится для нихъ недоступнымъ; въ нихъ развивается общественная бездарность, а затѣмъ какъ естественное слѣдствіе ея, политическая бездарность.

На дѣлѣ они не избираютъ больше ни образа правленія, ни своихъ правителей, они волею неволею принимаютъ ихъ такими, каковыя угодно ихъ надѣлится случаю, либо узурпаци; у нихъ общественная власть принадлежитъ парти, либо смѣлой и энергичной личности, съумѣвшей захватить ее и сохранить за собою, чтобы эгоистично и обманнымъ образомъ пользоваться ею при посредствѣ личнаго обаянія, громкихъ подвиговъ и трескучихъ фразъ о правахъ человѣка и общественномъ благѣ. А у центральной власти для воспріятія ихъ мнѣній имѣется подъ рукою одинъ лишь оскудѣвшій, звертвый и вялый общественный органъ, способный лишь на пережающіяся судороги, да на искусственную неподвижность по случаю, организмъ лишенъ второстепенныхъ членовъ, упрощенный до крайности, низведенный на низшую ступень, народъ превратившійся въ арифметическую сумму отрицательныхъ единицъ; словомъ, чело-вѣческая пыль или чело-вѣческая грязь.

Вотъ къ чему приводитъ вмѣшательство государства во всѣ общественныя дѣла. Въ духовномъ мірѣ, точно также какъ и въ физическомъ, есть свои законы, мы можемъ, конечно, не знать ихъ, но не въ состояніи уклониться отъ ихъ вліянія. Они бывають смотря по обстоятельству то благоприятны, то неблагоприятны для насъ, но всегда остаются неизмѣнными и не считаются съ нашими желаніями, такъ что намъ приходится считаться съ ними, ибо двѣ величины соединяемыя ими во едино неразлучно, лишь только появляется первая, неизбѣжно за нею слѣдуетъ вторая.

ГЛАВА III.

I. Преніе случаи новой организаціи.—Практика.—Преніе захваты общественной власти.—Органы самоуправленія при старомъ режимѣ и во время революціи.—Паденіе и крушеніе всѣхъ ихъ подторъ.—Центральная власть въ качествѣ единственной сохранявшойся точки опоры. II. Теорія.—Согласованіе умозрительныхъ идей съ реальными нуждами.—Общественное право при старомъ режимѣ.—Три первоначальныхъ титула короля.—Работы законодательныхъ надъ расширеніемъ государственныхъ правъ.—Историческія прятствія.—Первоначальныя и дѣйствія ограниченія королевской власти.—Философскій и революціонный принципъ народо-властія.—Неограниченное распространіе правъ Государства.—Принятіе ихъ къ органамъ самоуправления.—Сходство старыхъ доктринъ съ новою доктриною.—Органы управленія разсматриваемыя какъ созданія общественной власти.—Централизация въ слѣдствіе захвата всѣхъ областей государствомъ. III. Организаторъ.—Вліяніе оказываемое характеромъ и умомъ Наполеона на внутренніе французскія дѣла.—Требованія его въ-внѣшней, европейской роли.—Отбѣна всѣхъ центровъ соевінонія и взлчимаго пониманія.—Распространеніе и значеніе общественной власти.—Причины, заставлявшія заботиться о сохраненіи чистой жизни.—Мѣсто, удѣляемое индивидууму.—Его собственное, угрожающее убійство.—Открытый для него выходъ отсюда.—Таланты вербуются для служенія общественной власти.—Окончательное устройство Французскаго

Государства.—Его особый видъ и временное могущество, отсутствіе въ немъ равновѣсія и его сомнительная будущность. IV. Его отличительныя черты и общій видъ.—Разлиція между его строеніемъ, и строеніемъ другихъ современныхъ государствъ.—Старая Франція, ея разношерстность, ея сложность, ея недочеты.—Новая Франція, ея единство, ея простота, ея безукоризненность.—Аналогичныя явленія въ физическомъ мірѣ и въ литературѣ.—Къ какому разряду явленій принадлежитъ она.—Въ политическомъ и общественномъ отношеніи она является образнымъ произведеніемъ современности въ классическомъ духѣ. V. Аналогичное явленіе въ древнемъ мірѣ.—Римское Государство отъ Діоклетіана до Константина.—Право ума Наполеона на воспріятіе римскаго міровоззрѣнія.—Новая Западная Имперія.

I.

Къ несчастью въ концѣ XVIII столѣтія во Франціи прочно установилась извѣстнаго рода привычка и это была очень скверная привычка. Впродолженіе трехъ вѣковъ и даже больше чѣмъ трехъ вѣковъ, общественная власть лишала свободы и авторитета органы самоуправленія. Иногда она ихъ калѣчила и обезглавливала: такъ на протяженіи трехъ четвертей территоріи, во всѣхъ избирательныхъ округахъ она уничтожила провинціальныя Штаты, отъ прежней провинціи осталось лишь названіе. А иногда она не калѣчила органовъ лишь ослабляла ихъ и извращала, либо портила и расчленила. Такъ въ городахъ благодаря передѣлкѣ старыхъ демократическихъ конституцій, ограниченію избирательнаго права и возобновленію продажи муниципальныхъ должностей, она всецѣло отдала муниципальную власть въ руки небольшой кучки олигарховъ изъ буржуазныхъ семей, привилегированныхъ на счетъ податнаго сословія, наполовину оторванныхъ отъ народной массы, не пользующихся симпатіями бѣднаго люда и не поддерживаемыхъ ни сочувствіемъ, ни довѣріемъ общества. Такъ въ приходкахъ и сельскихъ бантонахъ она лишила помѣщика его роли мѣстнаго покровителя и наследственнаго хозяина, низведя его до унижительнаго положенія простаго кредитора, а если онъ былъ придворнымъ, то до отвратительнаго положенія отсутствующаго кредитора. Такъ среди духовенства она почти отдѣлила вершину отъ ствола, словно по мановенію волшебнаго жезла противопоставляя штабу прелатовъ дворянъ, обеспеченныхъ, тщеславныхъ, праздныхъ и невѣрующихъ, армію разночинцевъ священниковъ, бѣдныхъ, трудолюбивыхъ и вѣрующихъ. Иногда же наконецъ, ея благосклонность, столь же злополучная, какъ и враждебность, награждала нѣкоторые органы привилегіей притѣсненія другихъ, что дѣлало ихъ вредными и неудобными, или же она ихъ втискивала въ обветшавшія формы и такимъ образомъ парализовала ихъ движенія и лишала возможности удовлетворять своему назначенію. Такъ напримѣръ, обстоило дѣло съ художественными и ремесленными корпораціями, которымъ она за пачившыя деньги даровала монополіи, являвшіяся тяжелымъ бременемъ для потребителя и ненужными путями для производства. Тоже самое замѣчалось и по отношенію капиталистической церкви, которую она каждыя пять лѣтъ взамѣтъ за добровольныя даванія награждала жестокими милостями и поддерживала унижительныя для нея прерогативы, какъ напримѣръ, непрекращающееся преслѣдованіе протестантовъ, контроль

свободной мысли, право руководить образованіемъ и школами. Тоже самое было и съ университетами погрязшими въ рутинахъ, съ послѣдними провинціальными Штатами, учрежденными въ 1789 году по образцу 1489 года, съ дворянскими родами, стѣсненными закономъ о старинномъ порядкѣ наслѣдованія и маіоратахъ, т. е. подчиненными обычаю нѣкогда установленному для ихъ личной и общей пользы съ дѣлью поддержанія правильной передачи мѣстнаго господства и политической власти, но стазшему теперь, когда дворянство, получивъ придворныя должности, отказалось отъ мѣстнаго господства и утратило политическую власть вреднымъ и развращающимъ, являясь источникомъ тщесавія, низкихъ расчетовъ, домашней тираніи, ложно понятаго призванія и семейныхъ столкновений.

Такимъ образомъ органы лишенные возможности отправлять свои естественныя функціи стали неизнаваемы подъ обезобразившей ихъ толстой корой злоупотребленій; никто кромѣ Монтескье не понималъ зачѣмъ они существуютъ. Въ началѣ революціи они производили впечатлѣніе не естественныхъ органовъ, а какихъ то безобразныхъ наростовъ, чудовишныхъ придатковъ и, такъ сказать, казались престарѣлыми угрозами. Никто не замѣчалъ болѣе ихъ историческихъ и естественныхъ корней, ихъ глубоко ушедшихъ въ почву, живыхъ еще и безконечно жизненныхъ ростковъ, ихъ соціальной необходимости, ихъ несомнѣнной полезности и возможности пользоваться ими. Всѣ лишь чувствовали ихъ неудобство въ данный моментъ; страдали отъ ихъ шероховатостей и тяжести, возмущались ихъ нескладностью и несвязностью, считали отличительнымъ свойствомъ ихъ строенія, то что являлось слѣдствіемъ ихъ вырожденія; полагали что они вредны по своему существу и осуждали ихъ въ принципѣ за уклоненіе и задержки въ ихъ развитіи, порожденныя вмѣшательствомъ общественной власти.

Но тутъ общественная власть причинившая столько зла своимъ вторженіемъ въ чуждыя ей области вздумала исправить дѣло путемъ еще большаго произвола: въ 1789 года она снова стала вмѣшиваться въ дѣла различныхъ органовъ самоуправленія, но этимъ новымъ вмѣшательствомъ не только не возстановила ихъ въ прежнихъ правахъ, не намѣтила точно границъ ихъ дѣятельности, но окончательно разрушила ихъ. При посредствѣ коренной, всеобщей, необычайной ампутаціи, равной которой не встрѣчается въ исторіи, произведенной со смѣлостью теоретика и грубостью коновала, законодатель съ корнемъ вырвалъ ихъ всѣ до послѣдняго, включая туда и семью и его остервенѣніе было такъ велико, что не довольствуясь настоящимъ, онъ простеръ свое преслѣдованіе и на будущее. Кромѣ законной отѣны и поголовной конфискаціи, онъ вооружился противъ нихъ систематической враждебностью своихъ предварительныхъ законовъ и перегородилъ имъ путь къ дальнѣйшему развитію своими новыми установленіями; въ трехъ законодательныхъ собраніяхъ онъ неизмѣнно стремился недопустить ихъ возрожденія, боролся съ ихъ стойкими инстинктами и потребностями, могущими воскресить въ будущемъ новую семью, отдѣльныя провинціи, правовѣрную церковь, артистическія, ремесленныя, финансовыя, благо-

творительныя и образовательныя общества; боролся со всеми организованными и самодѣтельными кружками, со всеми коллективными, мѣстными либо спеціальными предприятиями. А на ихъ мѣсто онъ помѣщалъ искусственныя учреждения; церкви безъ вѣрующихъ, школы безъ учениковъ, не приносящія дохода больницы, геометрическую іерархію общинныхъ, окружныхъ и департаментскихъ властей, неподготовленныхъ къ своей дѣятельности, плохо организованныхъ, плохо подобранныхъ, плохо приспособленныхъ, zároveň обреченныхъ на разладъ между собою, обремененныхъ политическими обязанностями, равно неспособныхъ исполнять, какъ свои прямыя, такъ и добавочныя обязанности и съ первыхъ же шаговъ безсмысленныхъ и вредныхъ. Видоизмѣняемая неоднократно, терзаемая произволомъ сверху и произволомъ снизу, свергаемая либо обезличиваемая, то народными возстаніями, то правительствомъ, бездѣтельныя въ деревняхъ и деспотическія въ городахъ, мы видѣли во что они превратились къ концу Директоріи; какъ, вмѣсто того чтобы быть убѣжищемъ свободы, они стали притонами тираніи и гнѣздами эгоизма; мы видѣли почему въ 1800 году они пользовались столь же дурной репутацией, какъ и ихъ предшественники въ 1788 году, почему двѣ ихъ послѣдовательныя опоры, старая и новая, историческая привычка и всеобщее избирательное право были дискредитированы и негодны къ употребленію.

Послѣ злосчастнаго опыта монархіи, послѣ еще худшаго опыта республики пришлось искать для органовъ самоуправленія иной точки опоры, нашлась всего одна очевидная и казалось прочная, а именно, центральная власть; за неизбѣнимъ лучшаго пришлось примириться съ нею. По крайней мѣрѣ нигдѣ не замѣчалось даже скрытаго протеста противъ слиянія государства съ органами самоуправления и ничто не мѣшало ему завладѣть ими всецѣло и пользоваться какъ орудіями для своихъ цѣлей.

II.

Въ этомъ случаѣ теорія вполне согласовалась съ требованіями данной минуты и не только современная теорія, но и старинная. Много раньше 1789 года общественное право возвело въ догматъ и вознесло превыше всякой мѣры преимущества центральной власти.

Три почетныхъ званія надѣляли ее ими.—Государь и феодальный властелинъ, т. е. главнокомандующій великой постоянной арміей, полки которой въ началѣ IX вѣка пересоздали человѣческое общество, король издавна въ силу своего происхожденія, т. е. я хочу сказать, благодаря практикуемому съ незапамятныхъ временъ смѣшенію понятій о власти и собственности, былъ такимъ же полнымъ властелиномъ Франціи, какъ любой помѣщикъ своего имѣнія.

Связанный вѣчными узами съ Церковью, коронованный въ Реймсѣ, такой же помазанникъ Божій какъ и Давидъ, онъ считался не только уполномоченнымъ свыше, какъ другіе монархи, но со времени Людовика Толстаго, а главное послѣ Людовика Святого, признавался чуть-ли не ниспосланнымъ свыше, обреченнымъ въ священнической санѣ, надѣленнымъ духовными свойствами министра

вѣчной справедливости, карающаго грѣшныхъ, защищающаго слабыхъ, благотѣлствующаго малыхъ, словомъ, пользовался репутаціей «наихристіаннѣйшаго короля».

Наконецъ, въ XIII столѣтіи новое открытіе и усидчивое изученіе кодекса Юстиніана указали на него, какъ на наследника римскихъ цезарей и византійскихъ императоровъ. Согласно этому кодексу, народъ въ полномъ своемъ составѣ передавалъ всѣ свои права государю, а такъ какъ въ древнихъ городахъ отдѣльные индивидуумы не пользовались никакими правами, а всѣ права принадлежали всему обществу, то при посредствѣ этой передачи всѣ какъ частныя, такъ и общественныя права сосредоточивались въ рукахъ государя и отнынѣ онъ неограниченно и безконтрольно пользовался ими. Онъ былъ выше закона, ибо онъ самъ издавалъ законы; его вліяніе было безпредѣльно, а его власть безгранична.

На этой тройной основѣ со времени Филиппа Красиваго всѣ законодатели, словно государственныя пауки, плели свою сѣть и ихъ инстинктивно дружныя послѣдовательныя усилія извлекли всѣ нити изъ утка для созданія всемогущества короля.

Въ качествѣ законодѣловъ, т. е. логиковъ, они должны были дѣлать выводы и ихъ руки неизмѣнно протягивались къ единственному точному принципу, къ которому они могли примѣнить свои разсужденія.—Въ качествѣ адвокатовъ и царскихъ совѣтниковъ они изъ профессиональнаго усердія, защищая права своего клиента, извлекали полезныя для него тексты и указанія на предшествовавшіе случаи, а если надо было, то и искажали ихъ соотвѣственнымъ образомъ.—Когда же они являлись администраторами и судьями, то сознавая, что величіе ихъ повелителя создало ихъ собственное величіе, они ради собственной пользы старались расширить прерогативы, часть которыхъ путемъ полномочій приходилась на ихъ долю.— Вотъ почему въ теченіе четырехъ столѣтій они ткали сѣть «государственныхъ правъ», гигантскія тенета, въ которыхъ со времени Людовика XIV были захвачены всѣ жизни.

Однако, въ этой столь плотно сплетенной сѣти были прорѣхи или во всякомъ случаѣ слабыя мѣста. — Прежде всего изъ трехъ принциповъ давшихъ имъ матеріалъ для ихъ выводовъ, два первые не давали возможности третьему размотать до конца свой клубокъ благодаря тому, что король былъ нѣкогда графомъ Парижскимъ и аббатомъ Сенъ-Денискимъ, онъ не могъ быть настоящимъ Августомъ и подлиннымъ Діоклетіаномъ; его французскіе титулы ограничивали величіе его римскаго званія. Не говоря ужъ о законахъ, называемыхъ основными, которые заранѣе опредѣляли ему наследника, намѣчали послѣдовательный рядъ преемниковъ, опекуна или опекуншу для его малолѣтняго наследника и которые если-бы онъ вздумалъ нарушить укоренившійся обычай, признали бы недействительнымъ его завѣщаніе, его званія сюзерена и наихристіаннѣйшаго монарха являлись для него двойными путями. Какъ наследственный военачальникъ феодальной арміи онъ долженъ былъ оказывать знаки уваженія и вниманія наследственнымъ офицерамъ той же арміи, своимъ стариннымъ перамъ и товарищамъ по оружію, т. е. дворянамъ. А его званіе почетнаго епископа давало право церкви требо-

вать отъ него не только духовной приверженности, но и матеріальныхъ знаковъ благоволенія, дѣятельнаго усердія и поддержки его могучей руки. Вслѣдствіе чего дворянамъ и церкви было даровано столько привилегій, столько льготъ и правъ, столько остатковъ былой мѣстной независимости и былого мѣстнаго господства, столько почетныхъ и практичныхъ прерогативъ, поддерживаемыхъ закономъ и судами. Съ этой стороны петли монархической сѣти не были вовсе завязаны, либо слабо держались, кромѣ того и въ другихъ мѣстахъ замѣчались болѣе или менѣе широкія прорѣхи, прежде всего въ пяти странахъ госуд рства, въ Пиренейскомъ округѣ, въ Эльзасѣ, въ Страсбургѣ, а, главнымъ образомъ, въ Лангедокѣ и Британи, гдѣ въ силу извѣстнаго рода обоюднаго договора, актъ присоединенія устанавливалъ на одномъ и томъ же документѣ, скрѣпленномъ одною и тою же печатью волюности провинціи и королевскую власть.

Къ этимъ естественнымъ прорѣхамъ прибавьте дыры едѣлачныя самимъ королемъ въ его уже сплетенной сѣти; онъ собственноручно поразрывалъ тысячи петель. Безумно расточительный и всегда находившійся въ денежныхъ затрудненіяхъ, онъ отовсюду старался извлечь деньги, даже изъ собственныхъ правъ и въ военной и гражданской области, въ торговлѣ и промышленности, въ административныхъ, финансовыхъ и юридическихъ учрежденіяхъ на протяжении всей тер иторіи широко практиковалъ продажу должностей, чиновъ, сановъ, почестей, монополій, льготъ, правъ на преемничество. словомъ, привилегій, которыя будучи приобрѣтены за наличныя деньги становились законною порою даже наследственной собственностью лица, либо учрежденія заплатившаго за нихъ; такимъ образомъ король уступалъ покупателю частичку своего царскаго достоинства. Въ 1789 году онъ разсыпалъ множество такихъ частичекъ: слѣдовательно его теперешняя власть была подорвана его прежнимъ пользованіемъ ею.—Такимъ образомъ верховная власть въ его рукахъ подверглась значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ двухъ факторовъ, своего историческаго происхожденія и своей исторической роли, общественная власть не превратилась во всемогущество или же вѣрнѣе перестала быть всемогущей. Съ одной стороны она не достигла полноты, съ другой же стороны собственноручно укоротила свои размѣры.

Философы вздумали лечить это двойное врожденное и приобрѣтенное безсиліе и съ этой цѣлью перенесли верховную власть въ область, лежащую внѣ исторіи, въ идеальный и отвлеченный міръ, въ фантастическій городъ окончательно обезличенныхъ людей, упрощенныхъ до послѣдней степени, похожихъ другъ на друга равныхъ, оторванныхъ отъ ихъ среды и ихъ прошлаго, настоящихъ манекеновъ, дружно поднимающихъ вверхъ руки, что-бы единогласно вотировать за общественный договоръ. Въ этомъ договорѣ «всѣ статьи сводятся къ одной, а именно: каждый отдѣльный членъ отдаетъ себя всецѣло со всѣми своими правами обществу, отдаетъ себя такимъ, каковъ онъ въ данную минуту, себя и всѣ свои силы, ибо всѣ блага, какими онъ пользуется, принадлежатъ также ему», каждый становится по отношенію самаго себя и всѣхъ обстоятельствъ своей частной жизни, уполномоченнымъ государства, отвѣтственнымъ при-

кащикомъ, словомъ *чиновникомъ*, чиновникомъ народа, который отнынѣ становится единственнымъ, неограниченнымъ и всеобщимъ повелителемъ. Ужасный принципъ въ теченіе десяти лѣтъ провозглашаемый и примѣняемый снизу мятежами, а сверху правительствомъ. Общественное мнѣніе признало его, тѣмъ болѣе, что переходъ отъ неограниченной верховной власти короля до неограниченной верховной власти народа былъ очень удобенъ и простъ и для свѣжеиспеченнаго политика, для прежняго подданнаго, еще недавно обложеннаго денежными и натуральными повинностями, которому онъ сумѣлъ извѣстную долю верховной власти, искушеніе было слишкомъ велико.

И тотчасъ же законодатели по обыкновенію всецѣло посвятили себя служенію новому представителю верховной власти, тѣмъ болѣе, что не было догмата, который лучше бы отвѣчалъ ихъ внутреннимъ властолюбивымъ побужденіямъ, и никакая аксіома не представляла болѣе удобной точки опоры, для прикрѣпленія и верченія ихъ логическаго колеса. Колесо же это, которое они съ такими предосторожностями и бережливостью пускали въ ходъ при старомъ режимѣ, въ особенности въ послѣдніе годы его существованія, теперь съ ужасающей быстротой и силой вертѣлось въ ихъ рукахъ, работая надъ превращеніемъ въ прочныя, строгіе, всеобщіе и жизненные законы измѣнчивыхъ примѣровъ прошлаго, теоретическихъ притязаній и худшихъ проявленій монархической власти, т. е. я подразумеваю примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ, обвиненія въ оскорбленіи величества, отмене законнаго порядка, преслѣдованія религіозныхъ вѣрованій и свободы мнѣнія, цензуру печатнаго слова и насилія надъ мыслью, присвоенія права преподаванія и образованія, права задержанія личности, конфискаціи имущества и изгнанія изъ предѣловъ страны, словомъ настоящей и полнѣйшей произволъ. Мы видѣли что такое представляло изъ себя ихъ твореніе, дѣло рувъ Трейларовъ, и Берле, Мерленовъ, Дуэ, Камбасересовъ въ конституціонномъ собраніи, въ Конвентѣ, во времена Директоріи; мы видѣли ихъ яacobинское усердіе и яacobинское лицемеріе, ихъ умѣнье сочетать деспотическую традицію съ тираническимъ новшествомъ, мы видѣли съ какой профессиональной ловкостью пользуются они каждымъ удобнымъ случаемъ, что-бы создать петлю изъ нити неопровержимыхъ аргументовъ и задушить ею личность, ихъ противную сторону, въ интересахъ государства, ихъ исконнаго властелина.

Дѣйствительно они почти совершенно задушили своего противника но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу неизбежнаго сдѣленія обстоятельствъ, чуть было не удавили и своего повелителя. Послѣ четырнадцати мѣсяцевъ систематическаго душенія, Франція очутилась на краю физическаго самоубійства. Въ виду столь грандіознаго успѣха имъ поневолѣ пришлось остановиться; они отказались отъ половины своего убійственнаго догмата, но однако сохранили другую половину его, дѣйствіе которой обнаруживаясь не столь быстро, было менѣе замѣтно. Если они не рѣшались больше парализовать въ челоуѣкъ его личныя дѣйствія, то все же они продолжали подавлять въ личности всѣ ея коллективныя дѣйствія. — Никакихъ частныхъ обществъ среди главнаго общества; никакихъ другихъ

органовъ въ государствѣ, главное, никакихъ органовъ самоуправленія, надѣленныхъ инициативой, независимыхъ и прочныхъ: таковъ второй пунктъ революціоннаго сгедо; онъ является прямымъ слѣдствіемъ перваго, устанавливающаго верховную власть народа и всемогущество государства. Творецъ перваго принципа Руссо, высказалъ также и второй; Конституціонное собраніе торжественно превозгласило его и стало широко примѣнять; слѣдующія же собранія еще шире стали примѣнять его; онъ былъ символомъ вѣры любимцевъ и сверхъ того согласовался съ духомъ римскаго государственнаго права и съ основнымъ положеніемъ французскихъ монархическихъ законовъ. Въ этомъ отношеніи согласовались между собою три различныхъ законодательства и ихъ сліяніе груировало вкругъ одного стола, для общей работы законовѣдовъ трехъ направлений: бывшихъ защитниковъ парламента и прежнихъ членовъ Комитета Общественнаго спасенія, прежнихъ подсудимыхъ ихъ судей, поставщиковъ Синнамари и выходцевъ изъ Гвіаны, Трейлара и Мерлена рядомъ съ Симеономъ Порталисомъ и Барбе-Марбуа. И во всемъ этомъ собраніи никого, кто поддержалъ бы органы самоуправления: съ трехъ сторонъ теорія, каково бы ни было ея происхожденіе, отказывалась признать ихъ за то, чѣмъ они были по своему происхожденію и существу, т. е. за отдѣльные органы, столь же естественные, какъ и государство, столь же необходимые въ своемъ родѣ, слѣдовательно столь же законные, какъ и оно; она предоставляла имъ лишь зависимое существованіе, подчиненное верхамъ и центру. Но разъ государство создавало ихъ, оно могло и должно было обращаться съ ними, какъ съ своими твореніями, вѣрнѣе держать ихъ въ рукахъ, пользоваться ими для своихъ цѣлей, дѣйствовать при ихъ посредствѣ точно также, какъ при посредствѣ другихъ агентовъ власти, а ихъ начальниковъ превращать въ чиновниковъ центральной власти.

III.

Новая Франція, но не химерическая, коммунистическая, равняющая всѣхъ и спартанская Франція Робеспьера, а возможная, реальная, прочная, но однако все нивелирующая, однообразная Франція логически составленная изъ одного куска, по общему, очень простому плану; Франція, централизованная и административная и за исключеніемъ небольшого уголка эгоистической личной жизни, всецѣло руководимая сверху; словомъ Франція, о какой мечтали Ринелье и Людовикъ XIV, Франція, которую Мирабо предвидѣлъ еще въ 1790 году, вотъ задача, которую практика и теорія монархіи и революціи выдвинули на первый планъ и къ осуществленію которой естественный ходъ событий, т. е., я хочу сказать, «союзъ философіи съ саблей» направлялъ властные руки перваго консула.

Понятно, что съ его характеромъ, при его вылкости, подвижности, всесторонности, при складѣ его ума, онъ не могъ ставить себя иной задачи и ни за что не удовлетворился бы болѣе скромною. Онъ слышкомъ сильно жаждалъ власти и возможности лично

управлять всѣмъ и слишкомъ ужъ хорошо умѣлъ властвовать и править; онъ обладалъ талантомъ подчинять себѣ все и вся.—Прежде всего для выполненія намѣченной имъ себѣ вѣшной задачи, ему необходимо было не только подчинить себѣ внутри государства всю исполнительную и законодательную власть, нужна была не только полная покорность мѣстныхъ властей, но кромѣ того полнѣйшее отсутствіе всякаго иного авторитета кромѣ его собственнаго, т. е. молчаніе общественнаго мнѣнія и обособленность отдѣльныхъ индивидуумовъ, слѣдовательно предварительная и послѣдовательная отмѣна всякой инициативы: религіозной, духовной, педагогической, филантропической, литературной, департаментской или общиной, которая могла-бы въ настоящемъ или будущемъ сгруппировать противъ него либо рядомъ съ нимъ извѣстное число людей.

Будучи опытнымъ полководцемъ, онъ прежде всего заботится о прикрытіи тыла арміи: ведя борьбу съ Европой, онъ старается такъ устроиться, чтобы въ увлекаемой имъ за собою Франціи, мятежные умы и души не могли сплотиться въ опредѣленные группы, Вслѣдствіе этого онъ изъ предосторожности лишаетъ ихъ возможности имѣть какой бы то ни было центръ соприкосновенія и соединенія. Въ силу чего всякая нить, могущая задѣть и увлечь къ одной цѣли нѣсколькихъ человѣкъ, обязательно попадетъ въ его руки; соединивъ вмѣстѣ всѣ такія нити, онъ съ ревнивой заботливостью не спускаетъ съ нихъ глазъ и крѣпко держитъ въ зажатомъ кулакѣ, чтобы въ случаѣ нужды потуже натянуть ихъ. Никто не долженъ пытаться ослабить эти туго натянутыя нити, а тѣмъ болѣе никто не смѣетъ стремиться къ овладѣнію ими: онѣ принадлежатъ ему, одному ему и составляютъ общественную область, т. е. его личную область. Но однако на ряду съ этой областью онъ признаетъ существованіе другой совершенно самостоятельной области, при всей безграничности порабощенія своей волѣ воли всѣхъ остальныхъ, онъ самъ ставитъ предѣлъ своему востолкюбію, изъ личнаго, вполнѣ понятнаго расчета, онъ не можетъ допустить, чтобы общественная власть, по крайней мѣрѣ въ гражданскихъ дѣлахъ и въ повседневной жизни была безпредѣльна, а тѣмъ болѣе неограничена.—Онъ далеко не утѣпистъ и не теоретикъ, какъ его предшественникъ изъ Конституціоннаго собранія, но государственный мужъ, проницательный и привыкшій зорко глядѣть вокругъ себя. Онъ видитъ всѣ явленія и предметы такими, каковы они въ дѣйствительности, а не рисуетъ ихъ въ своемъ воображеніи сквозь дымку книжныхъ формулъ и клубныхъ фразъ, при посредствѣ словесныхъ разсужденій, на основаніи неосновательныхъ предположеній чловѣческаго оптимизма либо догматическихъ предположеній якобинской глупости. Онъ видитъ человѣка такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ и понимаетъ, что имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ въ общемъ значеніи этого слова, не съ отвлеченнымъ гражданиномъ, философической маріонеткой *общественнаго догонора*, а съ реальнымъ, собирательнымъ и живымъ существомъ, обладающимъ могучими инстинктами и насущными потребностями, которые будетъ ли законодательство проникнуто терпимостью или нетерпимостью, не смотря ни на что, продолжаятъ существовать и предъявлять свои права и

съ которыми законодателю поневолѣ приходится считаться, если только онъ хочетъ извлекать изъ нихъ пользу.

Этому существу, культурному европейцу и современному французу, пользовавшемуся въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ сноснымъ общественнымъ устройствомъ, которое охраняло его права и наследственную собственность, нужна была особая область, большой или маленькій уголокъ, который однако былъ-бы его собственнымъ, укромнымъ уголкомъ, куда не смѣла бы вторгаться общественная власть и который она бы ограждала отъ вторженія другихъ частныхъ лицъ. Безъ этого его положеніе показалось бы ему невыносимымъ: онъ потерялъ бы способность къ самоусовершенствованію, саморазвитію и предприимчивости. Такъ постараемся же неосторожнымъ обращеніемъ не испортить и не ослабить этого могучаго и драгоценнаго рычага его поступковъ: пускай онъ продолжаетъ работать, производить, дѣлать сбереженія, хотя бы затѣмъ, чтобы имѣть возможность платить подати; пускай онъ продолжаетъ жениться, рожать дѣтей, воспитывать сыновей, хотя бы для того, чтобы поставлять солдатъ. Успокоимъ его на счетъ его укромнаго уголка, пускай онъ владѣеть имъ безраздѣльно и насладится имъ досыта, пускай онъ чувствуетъ, что находится у себя, въ своемъ собственномъ уголкѣ, хорошо защищенномъ отъ посторонняго вмѣшательства и охраняемомъ закономъ и судами не только отъ посягательствъ частныхъ лицъ, но и отъ произвола самой администраціи; пускай на этомъ тщательно отгороженномъ дворикѣ онъ вертится и веселится въ свое удовольствіе, пускай онъ тамъ пачется въ волю и если ему нравится пускай самъ съѣстъ всю растущую тамъ траву. Совсе не важно, чтобы этотъ дворикъ былъ великъ, большинство людей живетъ съ устремленнымъ внизъ подъ ноги взоромъ, весьма немногіе поднимаютъ глаза за черту извѣстнаго углаго круга; и потому ихъ ничуть не стѣсняетъ то, что ихъ огораживаютъ; ихъ эгоизмъ и ихъ насущныя нужды являются для нихъ сами по себѣ серьезными преградами: въ этой естественной загородкѣ они мечтаютъ лишь о возможности пасть въ безопасности. Такъ дадимъ имъ эту увѣренность и пускай себѣ благодушествуютъ.

Что же касается другихъ, небольшого числа людей, одаренныхъ воображеніемъ, энергіей и темпераментомъ, то для нихъ нарочно приготовленъ выходъ изъ загородки, ихъ честолюбію и самолюбію открытъ доступъ въ новые кадры администраторовъ и военныхъ чиновъ, значеніе которыхъ все возрастаетъ и которымъ первый консулъ сразу же указываетъ на горизонтъ самая широкая перспективы. Согласно приписываемымъ ему словамъ «отнынѣ талантамъ открыто широкое поле» и всѣ таланты соединенные въ центральномъ потокѣ, рвущіеся впередъ изъ соревнованія, увеличатъ своимъ притокомъ безграничность общественной власти.

Какъ только это было достигнуто сразу намѣтились въ общихъ чертахъ контуры новой Франціи: обрисовалось, облеклось въ живыя формы и приняло опредѣленный обликъ необыкновенное созданье новаго типа, а его строеніе сразу опредѣлило его судьбу. Это былъ общественный организмъ созданный деспотомъ и для деспота, при-

способленный для служенія одному человѣку, великолѣпно работающій подъ давленіемъ одной воли и подъ вліяніемъ одного высшаго ума, идеально совершенный пока этотъ умъ отличается ясностью и эта воля здорова, пригодный для военной жизни, но отнюдь не для гражданской, слѣдовательно плохо уравновѣшенный, стѣсненный въ своемъ развитіи, подверженный періодическимъ переломамъ, осужденный на преждевременную дряблость, но однако живучій и въ настоящее время вѣрнѣй, способный нести всю тяжесть новаго царствованія и въ теченіе пятнадцати лѣтъ служить своему повелителю тяжелымъ трудомъ, добѣдоноснымъ повиновеніемъ и нечеловѣческими, убійственными, безумными усиліями.

IV.

Разсмотримъ теперь внимательнѣе основную мысль повелителя и то какъ онъ себѣ представлялъ общество, которое въ данный моментъ преобразовывалось по его усмотрѣнію. Всѣ главныя черты плана сразу созрѣли въ его умѣ, потому что они заранѣе были тамъ запечатлѣны его воспитаніемъ и его инстинктами. Благодаря этимъ инстинктамъ, деспотическимъ по своему существу и благодаря воспитанію, которое было исключительно классическимъ и латинскимъ, онъ представлялъ себѣ человѣческое общество не по новому, германскому и христіанскому образцу, т. е. не въ видѣ совокупности мнѣній и желаній движимыхъ снизу, а по старинному, языческому и римскому образцу, т. е. въ видѣ іерархіи назначаемыхъ свыше властей. Въ свои гражданскія учрежденія онъ вложилъ свой индивидуальный воинственный духъ, вслѣдствіе чего онъ построилъ громадную казарму, куда вначалѣ помѣстилъ тридцать милліоновъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, а позже сорокъ два милліона человѣкъ на всемъ протяженіи отъ Гамбурга до Рима.

Получилось прекрасное, хорошо устроенное зданье новаго стиля; если его сравнить съ другими обществами Европы того времени или даже съ Франціей до 1789 года, то контрастъ получится поразительный.—Прежде всего вездѣ въ другихъ мѣстахъ общественное зданье воздвигается изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ построекъ, какъ въ провинціи города, сеньоріи, церкви, университеты и корпораціи. Каждая изъ нихъ вначалѣ была мѣстнымъ органомъ болѣе или менѣе обособленнымъ, гдѣ въ закрытой загородкѣ жили отдѣльные люди. Но постепенно въ оградахъ стали появляться трещины, начали проламывать стѣны, либо онѣ рушились сами собой, такъ одинъ за другимъ образовались проходы и въ концѣ концовъ всѣ эти отдѣльныя зданія соединились между собою и слились въ общую массу. Но они скрѣплены между собою слишкомъ замѣтнымъ и даже грубымъ образомъ, путемъ неполнаго и страннаго соединенія. Сквозь ихъ нынѣшнюю зависимость слишкомъ замѣтно проглядываютъ слѣды ихъ бывшей независимости. Каждая изъ нихъ обязательно зиждется на своемъ собственномъ, первоначальномъ фундаментѣ, ея основныя линіи сохраняются, порою же и весь остовъ остается нетронутымъ. Наканунѣ 1789 года во Франціи легко было распознать чѣмъ нѣ-

когда была каждая отдѣльная область, такъ, напримѣръ, ясно было что Лангедоэ и Бретань были нѣкогда самостоятельными государствами, Страсбургъ независимымъ городомъ, а епископъ Мендскій и Ремиремонская аббатиса монархами; всѣ свѣтскіе и духовные властелины работали каждый въ своей области и обладали извѣстной долей общественной власти. Словомъ мы видимъ тысячи государствъ въ государствѣ, присоединенныхъ, но не поглоченныхъ, у каждаго изъ нихъ есть свой уставъ, свои освященные временемъ обычаи, свои гражданскіе законы, своя мѣра и свой вѣсъ, нѣкоторые изъ нихъ пользуются особыми преимуществами и льготами, иныя же обладаютъ собственнымъ законодательствомъ и своей администраціею, своими налогами и таможами, словомъ они являются какъ бы болѣе или менѣе разоруженными крѣпостями, старыя феодальныя, муниципальныя или провинціальныя стѣны которыхъ продолжаютъ высятся столь же крѣпкія и неприступныя какъ прежде на почвѣ влюченной въ національную ограду.

Нѣтъ ничего неправильнѣе такимъ образомъ составленнаго цѣлаго, да собственно говоря тутъ нѣтъ никакой цѣльности, а есть случайно нагроможденная куча.—При построеніи подобнаго зданія не руководствуются никакимъ планомъ, ни дурнымъ, ни хорошимъ; архитектура его представляетъ смѣсь десяти различныхъ стилей и десяти разныхъ эпохъ. Такъ архитектура епархій въ романскомъ стилѣ носитъ слѣды IV столѣтія, архитектура сенъорій въ готическомъ стилѣ IX столѣтія; одно зданіе сохранило характеръ эпохи Капетинговъ, другое эпохи Валуа и всѣ они выдержаны въ своемъ стилѣ. Это происходитъ оттого, что каждое изъ нихъ было построено само по себѣ, безъ всякой связи съ остальными и приспособлено къ обслуживанію извѣстныхъ нуждъ, согласно требованіямъ и условіямъ мѣста, эпохи и обстоятельствъ; а затѣмъ когда обстоятельства мѣнялись, оно поневолѣ принаравливалось къ служенію инымъ цѣлямъ и это продолжалось изъ вѣка въ вѣкъ, при Филиппѣ Красивомъ, при Людовикѣ XI, при Францискѣ I, при Ричелье, при Людовикѣ XIV; подвергаясь частымъ передѣлкамъ, которыя однако не были полнымъ разрушеніемъ, а лишь частичными починками и перестройками, они сохраняли право на существованіе путемъ преобразованій и согласованій новыхъ нуждъ съ старыми привычками и твореній живущаго поволенія съ произведеніями предыдущихъ поволеній.

Даже сама центральная сюзеренная власть была лишь башенкой X вѣка, военной башней, ограда которой далеко раскинувшись охватила почти всю территорію и второстепенныя строенія которой постепенно превратились въ ея продолженіе.—Такая безпорядочная постройка, обезображенная столькими искаженіями, добавленіями и исправленіями, такое смѣшеніе разнородныхъ частей и кусковъ могутъ быть поняты лишь антикварію да историкъ; простымъ же зрителямъ, прохожимъ они кажутся нелѣпыми; они оскорбляютъ мыслящій умъ, который какъ отъ физической, такъ и стѣ социальной постройки прежде всего требуетъ симметріи, отрицательно относится ко всякому безпорядку, устанавливаетъ принципы, выводитъ изъ нихъ заключенія и ставитъ непремѣннымъ условіемъ, что-бы вся-

кое произведеніе было систематическимъ примѣненіемъ извѣстной идеи

Но хуже всего то, что они оскорбляютъ не только утонченный вкусъ, но и здравый смыслъ. На дѣлѣ зданье не отвѣчаетъ своему назначенію, ибо оно было построено для людского жилья, а въ большинствѣ, странъ остается почти необитаемымъ. Но продолжая существовать, оно становится устарѣлымъ, плохо согласующимся съ царящими нравами; оно годилось нѣкогда, да и сейчасъ годится для феодальной жизни разрозненной и воинственной, вотъ почему оно совершенно непригодно для современной жизни сплоченной и мирной. Созданныя жизнью новыя права не нашли въ немъ мѣста на ряду съ давно признанными правами, оно недостаточно преобразилось или же измѣнилось не въ томъ направленіи, въ какомъ слѣдовало, вслѣдствіе чего стало неудобнымъ и нездоровымъ, непригоднымъ для людей полезныхъ, а очень удобнымъ для бесполезныхъ, дорого стоящимъ и стѣсняющимъ, либо неудовлетворяющимъ почти всѣхъ жильцовъ.—Особенно во Франціи всѣ роскошные апартаменты, а прежде всего жилище короля въ теченіе послѣдняго столѣтія стали слишкомъ высоки и широки, слишкомъ роскошны и дороги. Незамѣтно со временъ Людовика XIV они потеряли значеніе дѣловыхъ палатъ и мѣстъ управленія, а благодаря своей обстановкѣ, своему внѣшнему виду и своему устройству превратились въ парадные салоны болтовни, владѣльцы которыхъ за немѣніемъ другого дѣла развлекаются разсужденіями объ архитектурѣ и черченіемъ на бумагѣ плановъ новаго зданья, въ которомъ всѣмъ жилось бы хорошо.

Ниже-же ихъ всѣ себя чувствуютъ очень скверно: буржуазія въ своихъ крошечныхъ, тѣсныхъ квартирахъ на антресоляхъ, простонародье въ своихъ сырыхъ и низкихъ лачугахъ, въ своихъ жалкихъ подвалахъ, куда не проникаетъ свѣтъ и гдѣ не хватаетъ воздуха. А множество бродягъ и бездомныхъ находятся еще въ худшемъ положеніи, не имѣя ни собственнаго крова, ни очага они ночуютъ подъ заборами и такъ какъ имъ нечего терять, то они стремятся все разрушить.—Подъ двойнымъ напоромъ мятежа и теоріи началось дѣло разрушенія и все дальше разрасталось, пока наконецъ зданье рухнуло и отъ него осталось лишь пустое мѣсто.

На этой очистившейся почвѣ было воздвигнуто новое зданье, которое какъ архитектурой такъ и исторіей своего происхожденія рѣзко отличалось отъ всѣхъ остальныхъ.—Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ выросло оно изъ подъ земли, было построено и закончено по плану, который отличался ясностью и стройностью. Это было единое, монументальное, громадное, жилое помѣщеніе, въ которомъ подъ одной кровлей группировались всѣ службы: кромѣ главныхъ и національныхъ, принадлежащихъ исключительно общественной власти, тамъ находятся и другія, мѣстныя и спеціальныя: религія, образованіе, благотворительность, изящныя искусства, литература, департаментскія и общинныя дѣла, размѣшенныя по разнымъ отдѣламъ. Всѣ отдѣленія расположены и распределены по одному образцу, всѣ они окружаютъ сплошной цѣлью великолѣпную центральную залу и соединяются съ нею сѣтью звонковъ; когда дергаютъ звонокъ, дребезжаніе его раздается по всѣмъ отдѣленіямъ и подотдѣленіемъ и

И. Тэнъ.

всѣ служащіе, начиная съ начальниковъ и кончая самыми ничтожными чиновниками, приводятся въ движеніе; что касается скорости, стройности, точности и удобства работы, то въ этомъ отношеніи дѣло поставлено образцово.

Съ другой стороны для чиновниковъ всѣхъ степеней и отѣнковъ и кандидатовъ въ чиновники устроена незаурядная приманка. Нѣтъ никакихъ перегородокъ между отдѣльными этажами, нѣтъ никакихъ непреодолимыхъ преградъ между большими и маленькими комнатами, нѣтъ самыхъ крошечныхъ въ самыхъ роскошныхъ и со двора во внутрь зданья открыть доступъ всѣмъ желающимъ. Все зданье опоясано громадными, ярко освѣщенными лѣтницами съ широкими ступенями, являющимися общественнымъ достояніемъ, всѣ могутъ по нимъ подниматься, а переступающіе порогъ зданья обязательно должны подняться ибо между верхомъ и низомъ зданья нѣтъ другого сообщенія. Тамъ вовсе нѣтъ скрытыхъ и привилегированныхъ лѣснокъ, нѣтъ тайныхъ корридоровъ, ни замаскированныхъ дверей; по прямой какъ стрѣла линіи однообразныхъ ступеней тянется безчисленная вереница чиновниковъ, сверхштатныхъ служащихъ и прислуживающихъ; вся эта толпа стройными, сомкнутыми рядами медленно шагъ за шагомъ подвигается впередъ, строго соблюдая очередь.

Ни въ одной изъ странъ Европы человѣческія жизни не заключены въ столь простую, всеобъемлющую, отвѣчающую требованіямъ этики и логики рамку; зданье, въ которомъ отнынѣ двигаются французы съ вершины до основанія, снаружи и внутри, въ цѣломъ и въ мелочахъ является образцомъ стройности и планомѣрности. Его этажи расположены одинъ надъ другимъ съ удивительной симметричностью, его противоположенные устои поддерживаютъ равновѣсіе, всѣ его линіи и формы, его величина и соотношеніе отдѣльных частей, всѣ его выступы и углубленія, взаимно дополняя другъ друга создаютъ вмѣстѣ строгое, гармоничное и устойчивое цѣлое. Въ этомъ отношеніи оно является *классическимъ* и принадлежитъ къ той семьѣ произведеній, которыя въ томъ же духѣ и по той же системѣ создавались въ Европѣ въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ. Въ физическомъ отношеніи схожій характеръ архитектуры мы встрѣчаемъ у Мансара, Ленотра и ихъ послѣдователей, начиная съ Версальскихъ построекъ и садовъ и кончая Маделеной и улицей Риволи. А въ интеллектуальномъ отношеніи съ нимъ схожи по существу литературныя формы XVII и XVIII столѣтій, красивая витѣватая проза, краснорѣчивая и строгая поэзія, слѣдовательно, эпическія поэмы и трагедіи, включая туда и тѣ трагедіи и эпическія поэмы какія по шаблону стряпались около 1810 года. Оно имъ соответствуетъ и гармонируетъ съ ними какъ въ политическомъ, такъ и въ общественномъ отношеніи, ибо создано одними и тѣми же причинами. Ему предшествовали четыре постройки того же стиля, но онѣ были хороши лишь на бумагѣ, тогда какъ оно зиждется на твердой почвѣ. Это первое въ современной Европѣ общество, построенное на основаніи разума, а, однако, прочное. Благодаря двумъ этимъ обстоятельствамъ новая Франція является образцовымъ произведеніемъ *классическаго* образца.

У.

Однако, если мы шагнемъ черезъ современную исторію, черезъ средніе вѣка въ античный міръ, мы встрѣтимъ въ вѣвѣ Діоклетіана и Константина другой памятникъ, столь же строго выдержаннаго стиля, но построенный на болѣе широкомъ базисѣ, потому что тамъ мы очутимся на роднѣ классицизма.—Въ эту эпоху человѣческой матеріалъ еще болѣе ослабленный и лучше обработанный, чѣмъ во Франціи, очутился въ соответствующемъ положеніи. Въ эту же эпоху мы точно также встрѣчаемъ господство сухого доктринерскаго ума, все упрощающаго для облегченія своихъ выводовъ, пригающаго отвлеченный характеръ историческимъ обычаямъ и мѣстнымъ особенностямъ, разсматривающаго человѣка въ общемъ значеніи этого слова, считающаго отдѣльныхъ индивидуумовъ единицами и народы суммой ихъ, насильно втискивающаго въ свои общія рамки всѣ частныя жизни и стремящагося устанавливать и вводить законы и управлять по рейсфедеру, руководствуясь мѣркой, установленной наугольникомъ и компасомъ.—Дѣйствительно, въ эту эпоху направленіе ума, дарованія и дѣятельность римскаго архитектора точно также какъ его конечная цѣль и средства, употребляемые имъ для достиженія ея совершенно тѣже, что и у его французскаго преемника. Окружающія его условія римской жизни почти тождественны съ условіями жизни французскаго архитектора, а примѣры какіе онъ можетъ почерпать какъ въ древней такъ и въ новѣйшей римской исторіи, носятъ одинъ и тотъ же характеръ.

Прежде всего со временъ Августа учреждается неограниченная монархія, а со временъ Антониновъ устанавливается административная централизація; вслѣдствіе чего распадаются всѣ національныя и городскія общины, коллективная жизнь застываетъ и окончателно гаснетъ, постепенно падаетъ мѣстный патріотизмъ и прогрессивно уменьшается личная инициатива; поработанные и руководимые захватившемъ власть государствомъ сто милліоновъ людей постепенно все больше и больше разъединяются и становятся слѣпымъ орудіемъ высшей власти; такимъ образомъ, невзирая на полный миръ и внутреннее процвѣтаніе страны, при кажущихся единствѣ, силѣ и здоровьи ея развивалась невидимая слабость и зародились, какъ во Франціи передъ 1789 годомъ, всѣ признаки грядущаго распада.—Послѣ чего, какъ и во Франціи вслѣдъ за 1789 годомъ, послѣдовало полное разрушеніе всѣхъ основъ, производимое не снизу, не народомъ, а сверху, арміей, разрушеніе сильнѣе и хуже наблюдавшагося во Франціи, которое продолжалось въ теченіе пятидесяти лѣтъ анархіи, гражданскихъ войнъ, мѣстнаго самозванства, кратковременнаго деспотизма, городскихъ мятежей, сельской жакеріи, разбоя, голода, иноземнаго вторженія вдоль всей границы и повлекло за собою такое полное паденіе земледѣлія и другихъ полезныхъ искусствъ, такое уменьшеніе общественныхъ и частныхъ богатствъ наряду съ такимъ истребленіемъ человѣческихъ жизней, что въ теченіе двадцати лѣтъ число народонаселенія уменьшилось почти вдвое.—Наконецъ, какъ и во Франціи послѣ 1799 года, послѣдовало

возстановленіе порядка, производившееся болѣе медленно, но при помощи тѣхъ же средствъ: при посредствѣ арміи и диктатуры, руководимое твердой рукою трехъ или четырехъ военныхъ временщиковъ, панноненцевъ или далматовъ, Бонапартовъ изъ Сирміума или Скутари, точно также принадлежащихъ къ новой расѣ и обладающихъ непреклонной энергіей офицеровъ-карьеристовъ, сыновъ своихъ собственныхъ подвиговъ; послѣдній изъ нихъ Діоклетіанъ точно также, какъ и Наполеонъ былъ одновременно возстановителемъ стараго и новаторомъ; вокругъ нихъ, какъ и вокругъ Наполеона, для веденія гражданскихъ дѣлъ группируется составъ свѣдущихъ администраторовъ и законовѣдовъ, практиковъ, государственныхъ мужей, дѣловыхъ людей и въ то же время писателей, логиковъ и философъ, одушевляемыхъ одновременно правительственными и гуманитарными идеалами, которые подъ вліяніемъ греческой теоріи и римской практики въ продолженіе трехъ столѣтій росли и развивались въ умахъ и воображеніи: составъ людей властныхъ и въ то же время поборниковъ равенства, склонныхъ преувеличивать значеніе государства и всемогущество монарха, но, однако, склонныхъ также замѣнить установившіеся обычаи опредѣленными законами, отдать предпочтеніе справедливости и здравому смыслу предъ стариной и преданіями, возстановить въ человѣкѣ человеческое достоинство и улучшить положеніе раба, провинціала, должника, незаконнорожденнаго, женщины и ребенка и ввести въ человеческое общество всѣхъ этихъ низшихъ членовъ, безиравныхъ и униженныхъ, которыхъ прежній семейный и государственный строй лишилъ всѣхъ правъ.

Такимъ образомъ въ политическомъ законодательномъ и юридическомъ твореніи временъ Діоклетіана и Константина, пережившемъ царствованіе Θεодосія, Наполеонъ сразу могъ отыскать главныя черты своего собственнаго созданья: въ основѣ верховная власть народа; всѣ права народа полностью передаются одному человѣку; въ теоріи и по внѣшнему виду это всемогущество вручается народомъ по свободному выбору гражданъ, въ дѣйствительности его дарить по своему усмотрѣнію армія, всѣ самовластные указы государя неоспоримы, ихъ можетъ отменить лишь столь же произвольный рескриптъ того же государя; онъ самъ назначаетъ, утверждаетъ и подготавливаетъ своего наслѣдника; сенатъ существуетъ для декорации, государственный совѣтъ для веденія дѣлъ, всѣ мѣстные власти назначаются верховной властью, города находятся въ зависимости отъ нея; всѣ подданные надѣлены прекраснымъ званіемъ гражданъ; всѣ граждане низведены на низкую ступень обложенныхъ податями и управляемыхъ; правительство снабжено сотнями тысячъ руей, которыя исполняютъ самыя разнородныя обязанности, включая туда общественное образованіе, общественную помощь и общественное продовольствіе, а также религію, сперва языческую, а затѣмъ послѣ Константина христіанскую; всѣ эти обязанности классифицированы, распределены и устроены такимъ образомъ, чтобы онѣ не мѣшали другъ другу, кромѣ того они такъ тѣсно связаны между собою, что дополняютъ одна другую; на разстояніи 180,000 квадратныхъ лье растянулась длинная цѣпь установленной свыше

иерархіи чиновниковъ; тридцать народностей принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ и говорящихъ на разныхъ языкахъ, сирійцы, египтяне, нумидійцы, испанцы, галлы, бретонцы, германцы, греки, итальянцы подчинены одному и тому же образу правленія; вся территория изрѣзана какъ шахматная доска по всемъ правиламъ ариметики и геометріи на сто или сто двадцать провинцій; прежнія націи и государства нарочно расчленены и раздѣлены, чтобы постепенно искоренить естественную, самопроизвольную и жизненную группировку людей по племенамъ; подробная межевая книга каждая пятнадцать лѣтъ провѣряется и возобновляется въ интересахъ правильнаго собиранія государственныхъ повинностей; установленъ оффиціальныи и всеобщій языкъ и господствующая религія, въ послѣдствіи церковь и государственное правовѣрное вѣроисповѣданіе; систематически составленный, полный и точный сводъ законовъ является прекраснымъ орудіемъ для управленія частной жизнью, чѣмъ то вродѣ нравственной геометріи, въ которой послѣдовательная цѣпь теоремъ приводитъ къ опредѣленіямъ е аксіомамъ отвлеченной справедливости; общественная лѣстница составлена изъ ряда равномерно распределенныхъ перекалдинъ и по ней можетъ подняться всякій желающій съ первой ступеньки на послѣднюю; самымъ высшимъ, отвѣтственнымъ должностямъ присвоенъ рядъ громкихъ почетныхъ титуловъ; *spectabiles, illustres, clarissimi, perfectissimi* соотвѣтствуютъ баронамъ, графамъ, герцогамъ и князьямъ Наполеона; честолюбію каждаго открывается заманчивая картина повышеній, на которой можно видѣть простыхъ солдатъ, пастуха, варвара, сына переселенца, внука раба, возвысившихся постепенно до самыхъ высокихъ должностей,—ставшихъ патриціями, графами, герцогами, начальниками кавалеріи, цезарями, августами, облаченныхъ въ царскій пурпуръ и возсѣдающихъ на тронѣ среди самой роскошной обстановки и установленнаго церемоніаломъ раболѣпія, ставшихъ существомъ при жизни именуемомъ богомъ, а послѣ смерти получающемъ божесіа почести, т. е. настоящимъ живымъ или мертвымъ земнымъ богомъ.

Столь колоссальное, стройно воздвигнутое по строго математическому расчету зданье не могло своевременно рухнуть: его бревна были слишкомъ крѣпки, слишкомъ хорошо обтесаны, слишкомъ плотно пригнаны; да кромѣ того молотъ разрушителей не могъ коснуться его глубоко ушедшаго въ землю фундамента,—оно по своему размѣру и строенію, по своему происхожденію и своей прочности похоже на тѣ каменные зданья, которыя тотъ же народъ, въ ту же эпоху воздвигалъ на той же почвѣ, какъ то абведуи, цирки, триумфальныя арки, колізей, бани Діоклетіана и Карагаллы; средневѣвовый человекъ на ихъ незыблемыхъ фундаментахъ, изъ обломковъ ихъ камня строилъ какъ попало, смотря по обстоятельствамъ, то, либо другое на удѣлѣвшихъ стѣнахъ, среди коринѣскихъ колоннъ онъ воздвигалъ свои готическія башни. Но подъ своей неумѣлой безпорядочной кладкой камней онъ замѣчалъ прекрасныя формы, драгоцѣнный мраморъ, архитектурные замыслы, художественную симметрію прежняго высшаго искусства; онъ самъ чувствовалъ, что его работа груба и несовершенна; для всѣхъ мыслящихъ

умовъ новый міръ въ сравненіи съ древнимъ міромъ казался жалкимъ; его нарѣчія казались простонародными жаргонами, его литература занканиемъ или простой болтовней, его законы собраніемъ злоупотребленій и сноровкой, его феодальная система анархіей, его общественный порядокъ безпорядкомъ.

Тщетно средневѣковый человѣкъ всѣми путями стремился выбраться изъ него, онъ искалъ выхода и въ свѣтской области, и въ духовной, въ всеобщей, самодержавной монархіи Германскихъ императоровъ и въ столь же всеобщей и неограниченной власти Римскихъ первосвященниковъ. Въ концѣ XV столѣтія императоръ обладалъ еще зо отой державой, золотой короной и скипетромъ Шарлеманя и Оттона Великаго, но со смертью Фридриха II онъ сталъ лишь показнымъ представителемъ царскаго величія, а—Папа продолжалъ владѣть тѣрой, посохомъ и ключами Григорія VII и Иннокентія III, но со смертью Бонифація VIII, онъ сталъ лишь почетнымъ представителемъ церкви. Двѣ неудачныхъ реставраціи лишь прибавили развалины къ развалинамъ, а призракъ прежней имперіи одинъ продолжалъ гордо высится среди столькихъ обломковъ. Онъ съ своими прямыми линиями и своей позолотой казался величественнымъ, ослѣпительнымъ окруженнымъ сіяніемъ, какъ образцовое произведеніе искусства и разума, какъ идеальная форма человѣческаго общества. Въ теченіе десяти вѣковъ призракъ этотъ тревожилъ средніе вѣка, а больше всего Италію.

Въ послѣдній разъ онъ возвращается въ 1800 году, онъ появляется и располагается въ богатомъ воображеніи великаго итальянца, которому случай далъ возможность осуществить завѣтную мечту средневѣковой Италіи. По образцу этого вынырнушаго изъ мрака временъ видѣнья Діоклетіана изъ Аяччо, Константинъ Конкордата, Юстиніанъ гражданскаго свода законовъ, Феодосій изъ Тюльери и Сенъ Елу перестраиваетъ Францію.

Но нельзя сказать, что-бы онъ копировалъ: онъ самостоятельно воспроизводитъ; его идея не плагиатъ, а явленіе атавизма, она ему внушена складомъ его ума и традиціями его расы. По отношенію политическихъ и социальныхъ идей, точно также какъ по отношенію произведеній искусства и литературы онъ обладаетъ отъ природы ультра—классическимъ вкусомъ. Это лучше всего видно изъ того какъ онъ понимаетъ исторію Франціи: государственные историки должны «при благосклонномъ содѣйствіи полиціи» составить такую; они должны сдѣлать обзоръ событій, «начиная съ послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV вплоть до VIII года» и наглядно показать насколько новая форма правленія совершеннѣе прежней. «Необходимо обратить вниманіе на постоянныя денежныя затрудненія, на безпорядки, царившіе въ провинціальныхъ собраніяхъ, на притязанія парламентовъ, на слабыя стороны законовъ и способовъ примѣненія ихъ при управленіи *этой нестрой Франціей, не обладавшей ни единствомъ законовъ, ни единствомъ правленія* и представлявшей изъ себя скорѣе собраніе двадцати отдѣльныхъ королевствъ, чѣмъ одно государство, такъ что *и неволь облегченно вздохнешь*, доживъ до эпохи, когда можешь пользоваться всѣми благами единства законовъ, правленія и территоріи».

Онъ то конечно облегченно вздохнулъ, ибо переходъ отъ одного зрѣлища въ другому доставилъ жгучее удовольствіе его уму: его взоръ утомленный готическимъ беспорядкомъ съ наслажденіемъ отдыхалъ, покоясь на величественной простотѣ классическаго расположенія; онъ обладалъ глазами латинскаго архитектора воспитаннаго въ римской школѣ.

Это настолько вѣрно, что внѣ этого стиля онъ не признаетъ никакого иного, что общества построенныя по другому образцу кажутся ему нелѣпостью, что онъ не въ состояніи уяснить себѣ вызвавшихъ ихъ къ жизни мѣстныхъ условій и историческихъ причинъ, что онъ не отдаетъ себѣ отчета въ ихъ основательности, что онъ терпитъ поражение въ Испаніи и въ Россіи и совершенно не понимаетъ Англію.

Это настолько вѣрно, что къ чему бы онъ не прикоснулся онъ повсюду примѣняетъ свою общественную форму, что присоединенныя страны и вассальныя государства онъ заключаетъ въ ту же самую однообразную рамку, вводитъ у нихъ свою административную іерархію, свои территоріальныя дѣленія и подраздѣленія, свой рекрутскій наборъ, свой гражданскій сводъ законовъ, свой государственный, церковный и университетскій механизмъ, свою систему равенства и повышений, словомъ всю французскую систему и насколько возможно то языкъ, литературу, театръ, даже французскіе нравы, короче цивилизацію въ такой формѣ, какъ онъ ее понимаетъ, такъ что его побѣда становится пропагандой и онъ порою, какъ и его предшественники римскіе Цезари, склоненъ думать, что установленіе его всемірной монархіи является величайшимъ благомъ для Европы.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Цѣль и достоинства системы.

ГЛАВА I.

I. Какъ Наполеонъ понимаетъ господство народа.—Его взглядъ на волю большинства и на обязанности правительства.—Двѣ группы преобладающихъ и ясно выраженныхъ желаній въ 1799 году.—II. Нужды явившіяся во время революціи.—Недостатокъ безопасности личности, собственности и свободы совѣсти.—Условія необходимыя для восстановленія порядка.—Окончаніе гражданской войны, грабежей и анархіи.—Всеобщее облегченіе и окончательная безопасность.—III. Слѣдствія революціонныхъ законовъ.—Положеніе эмигрантовъ.—Прогрессивная и окончательная амнистія.—Они возвращаются.—Имъ возвращаютъ часть ихъ имуществъ.—Многіе изъ нихъ входятъ въ новую іерархію.—Они получаютъ не все то, что потеряли. IV. Конфискація собственности различныхъ обществъ.—Разореніе госпиталей.—V. Разореніе вачалъныхъ и среднихъ училищъ.—Жалоба бѣдняковъ, родителей и вѣрующихъ.—VI. Конкордатъ.—Примиреніе старыхъ правъ съ новыми.—Обезпеченіе правъ владѣльцевъ національной собственности.—Что государство даетъ церкви.—VII. Что оно даетъ убѣжищамъ и больницамъ.—Что оно даетъ учебнымъ учрежденіямъ.—Восстановленіе собственности обществъ.—Дары государства очень скудны.—Его требованія очень велики.—Виды Наполеона на богатства обществъ и на церкви.—Опасность его вмѣшательства.—На практикѣ его восстановленія приносятъ пользу.—Удовлетвореніе нуждъ первой группы.

I.

Какъ бы ни были живы и опредѣленны въ Наполеонѣ убѣжденія артиста, заботы правителя преобладаютъ въ немъ. Ему мало того, чтобы его зданіе было монументально, правильно и красиво; онъ въ немъ живетъ, пользуется имъ, а потому прежде всего желаетъ, чтобы оно было приспособлено для жилья, удобно для французовъ 1800 г. Вслѣдствіе этого онъ считается съ привычками и вкусами своихъ жильцовъ, со всѣми ихъ ясно выраженными, настойчивыми требованіями, которымъ должно удовлетворять новое жилище. Ему только необходимо убѣдиться, что это не теоретическія и не неопредѣленные нужды; строитель желаетъ, чтобы онѣ были обоснованы и ясны, потому что онъ точный и глубокомысленный математикъ, который дѣйствуетъ, опираясь лишь на точныя данныя. «Моя политика, говорилъ онъ въ Государственномъ Совѣтѣ, «состоитъ въ томъ, чтобы управлять людьми такъ, какъ того желаетъ большинство... Я окончилъ Вандейскую войну, объявивъ себя католикомъ; я утвердился въ Египтѣ, сдѣлавшись мусульманиномъ и покорилъ итальянскихъ священниковъ, ставъ ультра-монтанцемъ. Если бы я управлялъ еврейскимъ народомъ, я

возстановилъ бы Соломоновъ храмъ. Также,—въ свободной части Санъ-Доминго я буду говорить о свободѣ; я дамъ подтвержденіе рабства въ Иль-де-Франсъ и даже въ рабовладѣльческой части Санъ-Доминго. Я только смягчу и ограничу рабство тамъ, гдѣ я его сохранию; возстановлю порядокъ и поддержу дисциплину тамъ, гдѣ стану на сторону свободы. Вотъ какимъ образомъ, мнѣ кажется, нужно признавать господство народа».

Во Франціи этой эпохи существуютъ двѣ ясно выраженные группы преобладающихъ желаній: первая изъ нихъ зародилась всего за десять лѣтъ передъ тѣмъ, вторая—цѣлое столѣтіе, или даже больше. Ихъ необходимо удовлетворить и предусмотрительный строитель, справедливо оцѣнивающій ихъ важность, применяетъ въ нимъ пропорціи, устройство, всю внутреннюю экономію и расположеніе своего зданія.

II.

Первая изъ этихъ нуждъ безотложна, ее можно назвать почти физической. Въ теченіе десяти лѣтъ правительство не исполняетъ своей задачи, или дѣлаетъ не то, что оно должно дѣлать; его слабость и несправедливость то смѣняютъ одна другую, то идутъ рука объ руку. Оно совершило, или дозволило совершить слишкомъ много преступленій противъ личности, собственности и совѣсти; въ общемъ, вся революція была такимъ преступленіемъ и теперь пора прекратить это. Возможность увѣренно сохранять свободу совѣсти, свободу личности и собственность—вотъ всеобщее желаніе, которое выбрируетъ во всѣхъ сердцахъ. Чтобы успокоить этотъ вопль требуется многое; прежде всего необходимо политическое и административное сосредоточеніе власти. Всѣ полномочія должны собраться въ одну руку; всѣ мѣстные управители должны назначаться центральной властью, а ею долженъ быть облеченъ рѣшительный глава, обладающій умомъ такимъ же высокимъ, какъ его мѣсто; далѣе: нужна армія, получающая правильное жалованіе, заботливо снабженная всѣмъ необходимымъ, хорошо одѣтая и сытая, подчиненная строгой дисциплинѣ, а слѣдовательно, послушная и способная дѣйствовать рѣшительно, безъ колебаній и уклоненій, какъ точный инструментъ; дѣятельная и содержимая въ строгости полиція и жандармерія; администраторы не зависящіе отъ тѣхъ, въ мѣ они управляютъ и судьи не боящіеся своихъ подсудимыхъ; нужно, чтобы они назначались высшей властью, которая поддерживала бы и ограничивала ихъ; чтобы они были приблизительно безпристрастны, довольно свѣдущи и хорошо работали въ своей ограниченной области; наконецъ, необходима свобода вѣроисповѣданій, слѣдовательно, договоръ съ Римомъ и возстановленіе католической церкви, т. е. легальное признаніе католической іерархіи и единственнаго духовенства, которое вѣрующіе могли бы считать законнымъ, другими словами, нужны епископы, назначаемые папой и священники, избираемые епископами. Послѣ этого являются средства выполнить остальное. Корпусъ арміи подъ хорошимъ начальствомъ двигается противъ пожара, который вспыхнулъ на Западѣ, а религиозная

терпимость тушить старые очаги народнаго возстанія. Теперь не будетъ больше гражданской войны. Подвижныя колонны и военныя комиссіи очищаютъ Югъ и долину Роны. Исчезли шайки и благодаря продолжающемуся преслѣдованію, грабежи и разбои прекращаются, сначала большіе, потомъ маленькіе. Исчезли шуаны, подпаливатели, ищейки; почтовые кареты путешествуютъ безъ эскортовъ; большія дороги безопасны. Исчезъ классъ притѣсненныхъ гражданъ или гражданъ лишенныхъ общихъ правъ. Съ самаго начала были уничтожены послѣдніе яacobинскіе декреты относительно залоговъ и принудительныхъ займовъ; дворяннѣ или мѣщанинѣ, духовное лицо или человѣкъ свѣтскій, богачъ или бѣднякъ, бывший эмигрантъ или бывший террористъ, всякій человѣкъ, каковы бы ни были его прошлое, его положеніе, его убѣжденія, теперь пользуется своей частной собственностью и своими законными правами; ему нечего больше бояться насилія со стороны противной партіи; онъ можетъ довѣрять защитѣ властей и справедливости судей. Если онъ не нарушилъ закона, онъ засыпаетъ вечеромъ съ увѣренностью, что утромъ онъ проснется свободнымъ; а утромъ просыпается зная, что весь день онъ будетъ дѣлать то, что ему удобно: работать, покупать, продавать, тратить, веселиться, ходить, куда ему вздумается; что онъ имѣетъ право пойти къ обѣднѣ, или не пойти въ церковь, если ему этого не хочется. Нѣтъ больше сельскихъ или городскихъ жакерій; нѣтъ больше проскрипцій, преслѣдованій, законнаго, или незаконнаго лишенія собственности. Прекратилась внутренняя социальная война при помощи оружія или декретовъ; французы не побѣждаютъ больше французовъ же и не эксплуатируютъ одинъ другого. Съ невѣроятнымъ облегченіемъ они выходятъ изъ анархическаго и варварскаго режима, который заставлялъ ихъ жить только данной минутой; теперь они возвращаются къ мирному и правильному теченію жизни позволяющему имъ разсчитывать на завтрашній день, а слѣдовательно и заботиться о будущемъ. Послѣ десяти лѣтъ безпокойнаго рабства подъ гнетомъ различныхъ ненасытныхъ деспотизмовъ наступаетъ разумный и окончательный порядокъ, или по крайней мѣрѣ, порядокъ обдуманнѣй, терпимѣй и постояннѣй. Первый консулъ дѣлаетъ то, что говорить, а онъ сказалъ: «Революція окончена».

III.

Теперь нужно, по возможности менѣе дурно перевязать глубокія кровоточивыя раны, нанесенныя ею; изъ нихъ все еще сочится кровь, потому что она рѣзала живой организмъ и послѣ ея жестокѣйшихъ и нелѣпыхъ ампутацій въ социальномъ тѣлѣ осталась острая боль или же глухое страданіе. Въ списокъ эмигрантовъ было занесено сто пятьдесятъ девять тысячъ именъ; по закону каждый эмигрантъ «умиралъ гражданской смертью и его состояніе дѣлалось собственностью республики»; если онъ рѣшался вернуться во Францію, тотъ же законъ осуждалъ его на смерть; онъ не смѣлъ апеллировать, не могъ ни къ кому обратиться, не могъ просить отсрочки; было достаточно опредѣлить его личность и приговоръ сейчасъ же

приводился въ исполненіе. Въ началѣ консульства этотъ убійственный законъ еще дѣйствуетъ; примѣняется все та же упрощенная процедура суда и въ спискѣ приговоренныхъ къ смерти еще значится сто сорокъ шесть тысячъ именъ. Это составляетъ для Франціи потерю въ сто сорокъ шесть тысячъ французовъ, при томъ не изъ худшихъ—дворянъ, морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, членовъ парламента, священниковъ, выдающихся людей всѣхъ классовъ, добросовѣстныхъ католиковъ, либераловъ 1789 года, фельянтинцевъ. Законодательнаго Собранія, конституціоналистовъ III-го и V-го года. Еще хуже, въ силу своего несчастія или враждебности они за-границей позорятъ Францію или даже дѣлаются для нея опасными, какъ нѣкогда протестанты, изгнанные Людовикомъ XIV. Къ этимъ ста сорока шести тысячамъ изгнанныхъ французовъ прибавьте еще двѣсти или триста тысячъ челоуѣвъ оставшихся во Франціи, но наполовину лишенныхъ правъ; прежде всего это близкіе родственники и свойственники эмигрантовъ, по закону не имѣющіе права принимать участія въ дѣлѣ законодательства, въ администраціи, въ городскомъ или судебномъ управленіи и лишенные даже избирательнаго права; далѣе, бывшіе потомственные или личные дворяне, по закону переставшіе быть французами и потому обязанные снова натурализоваться. Итакъ, новой Франціи не достаетъ избранныхъ классовъ общества старой Франціи; они—отрубленный членъ, наполовину отдѣленный отъ тѣла грубымъ и бессмысленнымъ ножомъ революціоннаго мясника. Слѣдуетъ снова пришить отдѣленный членъ, но это трудная операція, потому что тѣло и органъ, не только живы но объаты лихорадкой и безконечно чувствительны. Нужно избѣжать слишкомъ сильнаго раздраженія; воспаленіе было бы опасно. Слѣдовательно, хороший хирургъ долженъ наложить швы подальше одинъ отъ другого не дѣлать насильственныхъ сближеній, исподволь подготавливать окончательное сляніе, выждать, чтобы жизненная работа постепенно и медленно докончила свое дѣло и чтобы возстановленіе совершилось естественнымъ путемъ. Главное же онъ не долженъ пугать больного. Первый консулъ остерегается этого; наоборотъ въ каждомъ его словѣ звучитъ успокоеніе. Пусть пациентъ не тревожится; ему ничего пришивать не будутъ; до его раны не дотронется никто. Конституція торжественно объявляетъ, что французскій народъ никогда не потерпитъ возвращенія эмигрантовъ и въ этомъ отношеніи заранее связываетъ руки будущимъ законодателямъ: имъ запрещено прибавлять новыя исключенія къ старымъ. Однако, въ силу той же конституціи каждый не эмигрировавшій и не высланный изъ Франціи французъ имѣетъ право подавать голосъ, быть избраннымъ и занимать всевозможныя общественныя должности. Вслѣдствіе этого черезъ двѣнадцать дней простое постановленіе Государственнаго Совѣта возвращаетъ гражданскія и политическія права бывшимъ потомственнымъ и личнымъ дворянамъ, свойственникамъ и родственникамъ эмигрантовъ, всѣмъ, такъ называемымъ, внутреннимъ эмигрантамъ, которыхъ якобинская нетерпимость, если не изгнала изъ территоріи Франціи, то во всякомъ случаѣ, лишила права жить въ городѣ. Такимъ образомъ возвращается еще около трехсотъ тысячъ французовъ. Они были поражены фруктидорскимъ

переворотомъ, поэтому, понятно, что вмѣстѣ съ ними возвращаютъ главныхъ бѣглецовъ или высланныхъ изъ страны, сраженныхъ тѣмъ же переворотомъ, напримѣръ Карно, Бартеlemi, Лафона де Ладеба, Симеона, Буасси д' Англа, Матье Дюма, въ общемъ, тридцать девять человекъ, имена которыхъ были перечислены. Почти тотчасъ же въ силу простого расширенія того же указа освобождаютъ другихъ фруктидорскихъ осужденныхъ и при томъ самыхъ несчастныхъ и самыхъ безобидныхъ изъ всѣхъ—множество священниковъ, томившихся на о-вѣ Ре. Черезъ два мѣсяца законъ возвращается, что списокъ эмигрантовъ вполне законченъ; одно новое постановление предписываетъ разсматривать какъ можно скорѣе всѣ просьбы объ исключеніи изъ этого списка; второе постановление вычеркиваетъ изъ списка первыхъ основателей новаго порядка членовъ Национальнаго Собранія, «которые подавали голоса за установленіе равенства и за уничтоженіе дворянства». Изъ дня въ день повторяются новыя, индивидуальныя исключенія изъ списка и это дѣлается подъ видомъ терпимости, милости, какъ исключеніе 19 Октября 1800 года вычеркнуто уже 1200 именъ. Къ этому времени Бонапартъ выигралъ битву при Маренго; хирургъ чувствуетъ себя свободнѣе. Онъ можетъ дѣйствовать широко, безъ опасости и сопротивленія. 20 октября 1800 года новое постановление исключаетъ изъ списка цѣлыя категоріи людей, всѣхъ осужденныхъ ужъ черезчуръ грубо — несправедливо, или прямо злонамѣренно; прежде всего несовершеннолѣтнихъ ниже шестнадцати лѣтъ и женъ эмигрантовъ, затѣмъ—земледѣльцевъ, ремесленниковъ; рабочихъ, поденщиковъ и слугъ съ ихъ женами и дѣтьми; 1800 духовныхъ, которые, изгнанные закономъ, уѣхали, чтобы не противиться ему, всѣхъ записанныхъ коллективно и не обозначенныхъ поименно», всѣхъ уже предварительно вычеркнутыхъ мѣстными управленіями и еще многіе другіе классы. Кромѣ того эмигранты, еще находящіеся въ списокѣ, фактически одинъ за другимъ, проскальзываютъ во Францію и правительство терпитъ ихъ. Наконецъ черезъ полтора года, тотчасъ же послѣ Аміенскаго мира и Конкордата, сенатское рѣшеніе доканчиваетъ дѣло. Подъ амнистію подходятъ всѣ лица, еще не вычеркнутыя изъ списковъ, за исключеніемъ явныхъ руководителей протестующей эмиграціи и ея выдающихся членовъ, общая сумма которыхъ не превосходитъ тысячу человекъ; остальные могутъ возвратиться и начать снова пользоваться всѣми правами гражданства; имъ только предлагаютъ общать «быть вѣрными правительству установленному Конституціей и не поддерживать ни прямыхъ, ни косвенныхъ сношеній и переписки съ врагами государства». На этихъ условіяхъ двери Франціи открываются для нихъ и они тотчасъ же толпой возвращаются на родину.

Но ихъ физическаго присутствія мало, необходимо, чтобы ихъ сердца не оставались вдали, чтобы они не были иностранцами, вошедшими въ составъ новаго общества. Если эти израненные обломки старой Франціи, если эти люди—обрывки, будутъ только пришиты и приклеены къ современной Франціи, они окажутся бесполезны, неудобны и даже вредны. Постараемся-же, чтобы они привились къ ней внутренно, срослись и слились съ нею. Для этого

прежде всего нужно, чтобы они не умерли въ ней отъ истощенія, чтобы они физически могли жить въ ней. Чѣмъ и какъ будутъ существовать бывшіе владѣльцы земель и домовъ, дворяне, члены парламента, высшая буржуазія, главное же, люди безъ профессіи и ремесла, которые до 1789 года жили не на заработки, а на доходы? Вернувшись они лишаются даже возможности прожить тѣмъ, чѣмъ жили за границей; они не могутъ найти себѣ уроковъ французскаго языка, фехтованія и танцевъ. Правда, сенатское рѣшеніе, давшее этимъ людямъ амнистію, возвращаетъ часть ихъ, еще не проданныхъ имѣній; однако, большинство ихъ имѣній уже продано; кромѣ того первый консуль, не желаетъ, чтобы въ рукахъ роялистовъ снова скоплялись большія богатства государства значительныя части отнятаго у нихъ имущества: ихъ лѣса и рощи въ 300 арпановъ и выше, ихъ акціи и права на владѣніе большими судоходными каналами, все ихъ недвижимое имущество, уже служившее общественнымъ нуждамъ. Итакъ, въ дѣйствительности возвращающимся дается очень немногое. Въ общемъ, эмигранты получаютъ только двадцатую часть своего наслѣдственнаго имущества, сто милліоновъ изъ 2 милліардовъ слишкомъ, замѣьте еще, что въ силу закона, по признанію самого перваго консула, эта милостыня распредѣляется очень несправедливо; самыя нуждающіеся и многочисленныя остаются съ пустыми руками, а именно мелкіе и средніе землевладѣльцы, дворяне, помѣщики, имѣнія которыхъ стоили меньше чѣмъ по пятидесяти тысячъ франковъ и приносили по двѣ или по три тысячи ливровъ въ годъ. Очень многіе могли купить такія имѣнія и они продались гораздо быстрее и проще, чѣмъ большія земли. Почти все они были проданы государствомъ. Итакъ, прежній владѣлецъ не можетъ ни на что жаловаться и ни на что претендовать. Поэтому «для многихъ эмигрантовъ сенатское рѣшеніе года X-го—только позволеніе умереть съ голода во Франціи». Черезъ четыре года самъ Наполеонъ говорить, что «сороеъ тысячъ гражданъ лишены всякихъ средствъ къ существованію». Они только прозябаютъ; нѣкоторые живутъ у родныхъ и близкихъ какъ гости или ведутъ жизнь паразитовъ. Имъ помогаютъ отчасти изъ состраданія, отчасти изъ уваженія къ человѣку. Одинъ дворянинъ находитъ свое серебро зарытое въ погребѣ; другой именныя бумаги позабытыя въ старомъ чемоданѣ. Иногда очень честный покупатель возвращаетъ бывшему владѣльцу землю за ту цѣну, за которую онъ ее приобрѣлъ или даже въ томъ, случаѣ, если онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получилъ изъ нея большія выгоды—отдаетъ ее даромъ. Когда все дѣло велось произвольно и слишкомъ неправильную продажу можно оспаривать судомъ, мошенникъ-покупатель не отказывается войти въ сдѣлку съ прежнимъ владѣльцемъ имѣнія. Но это рѣдкіе случаи и, если разоренный бывший помѣщикъ хочетъ каждый день обѣдать, онъ дѣлаетъ умно, прискивая себѣ маленькое платное мѣсто и постуная куда-нибудь приказчикомъ, писцомъ или счетчикомъ. Де-Ешероль, бывший фельдмаршалъ содержитъ въ Лионѣ бюро новыхъ диллижансовъ и зарабатываетъ 1200 франковъ въ годъ; Де Сюмегръ, у котораго въ 1789 году было 2 милліона, дѣлается контролеромъ сборовъ податей въ Бри, съ жалованьемъ въ

2400 франковъ. Во всѣхъ отрасляхъ новой администраціи благо-склонно смотрятъ на роадиста, просящаго мѣста; если у него есть какая-нибудь рекомендація, его принимаютъ на службу. Иногда ему даютъ мѣсто безо всякой просьбы; такъ де Витроль, помимо воли, дѣлается инспекторомъ императорскихъ овчаренъ; это ставитъ его въ рамку и заставляетъ всѣхъ думать, что онъ применилъ къ сторонникамъ новаго режима. Понятно, великій политическій вербовщикъ обращается къ наиболее виднымъ и замѣтнымъ людямъ, т. е. къ первымъ родамъ старинной монархіи, онъ дѣйствуетъ, какъ хорошій вербовщикъ всѣми средствами: принужденіемъ и соблазнами; угрозами и ласками; наличными деньгами и обѣщаніями; блескомъ мундира и золотыхъ галуновъ. Ему все равно поступать ли они въ рекруты по своей волѣ, или по принужденію. Разъ человекъ получаетъ должность, вступаетъ въ іерархію, онъ теряетъ большую часть своей независимости; когда же онъ дѣлается сановникомъ и всходитъ на вершину іерархіи, онъ окончательно связываетъ себя, потому что съ этихъ поръ вся его жизнь проходитъ на глазахъ у его господина; онъ ежедневно чувствуетъ непосредственное давленіе ужасной руки, которой служить и волей неволей, становится простымъ орудіемъ. Историческія имена придаютъ блескъ правленію. Наполеонъ собираетъ много этихъ именъ и, при томъ изъ числа самыхъ знаменитыхъ въ старомъ придворномъ дворянствѣ, въ дворянствѣ военномъ и судейскомъ. Въ числѣ своихъ магистратовъ онъ можетъ назвать: Паскье, Сегье, Моле; въ числѣ своихъ прелатовъ: де-Буажелена, де-Варраль, де-Белуа, де-Рокелора, де-Бролли; въ числѣ своихъ офицеровъ: де-Фезенсава, де-Сегюра, де-Мортемара, де-Нарбонна; въ списокъ сановниковъ его дворца, камергеровъ, придворныхъ дамъ блистаютъ такія имена, какъ Роганъ, Круа, Шверезъ, Монморанси, Шабо, Монтесью, Ноавль, Бранко, Ганто, Грамонъ, Бово, Сентъ-Эньянь, Монтасамберъ, Хоссонвиль, Шуазель-Праленъ, Мерси д'Аржанто, Обюсонъ де Ла Фейладъ и еще другія записанныя въ императорскій альманахъ, какъ прежде въ альманахъ королевскій.

Но они принадлежатъ ему только по имени и по альманаху. За исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые, какъ де-Ласъ-Казесъ или Филиппъ де-Сегюръ, продались ему всѣмъ сердцемъ, послѣдовали за нимъ на о-въ Св. Елены, отъ души прославляли его, восхищались имъ, любили даже за могилой, они — просто подчинившіеся судьбѣ рекруты съ болѣе или менѣе неповорной душой. Онъ не дѣлаетъ ничего, чтобы ихъ привлечь къ себѣ; его дворъ не походить на дворъ прежній, который былъ разговорнымъ салономъ, онъ — инспекціонная зала, наиболее роскошное отдѣленіе его громадной казармы; гражданскій парадъ, происходящій во дворцѣ — только дополненіе къ параду военному; всѣ чувствуютъ себя здѣсь стѣсненными, натянутыми, безпокойными; всѣ неволью молчатъ. Наполеонъ не умѣлъ играть роли хозяина дома, принимать гостей, быть любезнымъ или, хотя бы, вѣжливымъ со своими придворными, занятыми у прежняго двора. По его собственному признанію — «они два года не разговаривали съ нимъ», «шесть мѣсяцевъ не видали его, онъ ихъ не любитъ; ихъ разговоры ему не нравятся». Наполеонъ

заговариваетъ съ ними только, чтобы сказать рѣзкость; съ ихъ женами онъ обращается съ фамильярностью жандарма или педагога и, когда высказываетъ имъ вниманіе, то въ его словахъ звучитъ непристойная критика или любезность очень дурного тона. Они знаютъ, что за ними шпионятъ въ ихъ же собственныхъ домахъ; что имъ придется отвѣчать за все, что говорится у нихъ; «тайная полиція непрестанно витаетъ во всѣхъ салонахъ». За какое-нибудь неосторожное слово, вырвавшееся въ четырехъ стѣнахъ, за недостатокъ уступчивости каждый и каждая подвергаются опасности изгнанія, возможности очутиться за тридевять земель.

Тоже повторяется въ провинціи; живущіе тамъ дворяне должны ухаживать за префектомъ, поддерживать хоропія отношенія съ нимъ или, по крайней мѣрѣ, бывать на его пріемахъ; ему нужно чтобы ихъ визитныя карточки красовались на его каминѣ. Въ противномъ случаѣ—бѣда имъ! Именно префектъ докладываетъ о ихъ поведеніи Фуше или Сывари. Напрасно будутъ они остроумны, напрасно постараются ограничиться частной жизнью; имъ не прощаютъ отказовъ отъ должностей; имъ ставятъ въ вину то, что они не употребили своего мѣстнаго вліянія на пользу новаго правленія. Итакъ, во время Имперіи, какъ и при Республикѣ, они по закону и въ дѣйствительности какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, — лица привилегированныя въ дурную сторону; они—подозрительный классъ, находящійся «подъ особыми наблюденіями» и подвергающійся исключительнымъ строгостямъ».

1808 г. Наполеонъ приказываетъ Фуше «составить для него списокъ родовъ... изъ тѣхъ, которые не применили къ новой системѣ правленія... взявъ по десяти именъ изъ cadaго департамента и пятьдесятъ изъ Парижа»; шестнадцати - восемнадцатилѣтніе юноши изъ этихъ семей, противъ воли, отправляются въ Сенъ-Сиръ, а оттуда поступаютъ въ армію подпоручиками. Въ 1813 году—онъ опять набираетъ новыхъ военныхъ въ «самыхъ высшихъ классахъ общества», полагаясь на сужденія префектовъ, на этотъ разъ ихъ 10000, все люди избѣжавшіе воинской повинности или откупившіеся отъ нея; нѣкоторые изъ нихъ даже женаты, нѣкоторые даже отцы семействъ. Подъ именемъ почетной гвардіи они дѣлаются солдатами, сначала, чтобы умирать у него на службѣ, а потомъ, чтобы служить залогомъ вѣрности близкихъ имъ людей. Они, какъ въ старину, — заложники; Наполеонъ снова вводитъ худшіе обычаи Директоріи и еще отличаетъ ихъ. Императорскій режимъ слишкомъ напоминаетъ роялистамъ правленіе якобинцевъ; и тотъ и другой, имъ ненавистны, почти въ одинаковой степени и они, конечно, переносятъ свое отвращеніе на все новое общество. Въ теченіе четверти столѣтія ихъ въ немъ притѣсняють и обкрадываютъ. Для того, чтобы ихъ враждебность прекратилась—потребуется удовлетвореніе 1825 года, пятьдесятъ лѣтъ постепеннаго приспособленія, медленное исчезновеніе двухъ или трехъ поколѣній отцовъ, медленная ассимиляція двухъ-трехъ поколѣній сыновей. Труднѣе всего исправлять великія социальныя несправедливости; въ данномъ случаѣ неполное вознагражденіе оказалось недостаточнымъ. Лѣченіе начатое нѣжно окончилось рѣзкою и операція удалась только наполовину.

Ш.

Другія язвы не менѣе глубоки и ихъ еще необходимѣе исцѣлить, потому что отъ нихъ страдаетъ не одинъ классъ общества, а почти весь народъ, то громадное большинство, которое правитель-ство хочетъ удовлетворить. Вмѣстѣ съ имуществомъ эмигрантовъ, революція конфисковала всѣ имущества мѣстныхъ или специальныхъ обществъ духовныхъ и свѣтскихъ, имущество церквей и конгрегацій, университетовъ и академій, школъ и коллегій, приютовъ и больницъ и даже земли общинъ. Всѣ эти богатства поглотила общественная казна, эта бездонная бездна, въ которой они исчезли. Итакъ, все что жило на средства упомянутыхъ имѣній, а именно, благотворительность, религія и воспитаніе умираетъ или слабѣетъ отъ недостатка питанія. У государства не имѣющаго средствъ для себя нѣтъ средствъ и для другихъ. Хуже: оно мѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ заботиться о немъ; это государство якобинское, т. е. нетерпимое и партійное; оно осудило религію, оно выгнало монаховъ, изъ больницъ, оно закрываетъ христіанскія школы и не желаетъ, чтобы кто-нибудь на свои средства исполнялъ тѣ общественныя обязанности, отъ которыхъ оно отказалось.

А между тѣмъ нужды, которыя удовлетворялись, благодаря этимъ средствамъ, еще никогда не были настоятельнѣе. За десять лѣтъ количество покинутыхъ дѣтей возросло съ 25.000 до 62.000; это настоящій «потопъ» какъ говорятъ отчеты. Въ Энъ вмѣсто 400 ихъ—1097; въ Ло и Гароннѣ 1500, въ Ла-Манкѣ—2035; въ Бушъ до Ронъ—2043; въ Кальвадосъ — 2673. Насчитывается отъ трехъ до четырехъ тысячъ нищихъ на каждый департаментъ, всего около 300.000 во Франціи. Что же касается до больныхъ, увѣчныхъ и калѣвъ, неспособныхъ прокармливать себя—можно себѣ представить число ихъ, разсмотрѣвъ тотъ режимъ, которому подвергли Францію ея политическіе доктора; они лѣчили ее постояннымъ кровопусканіемъ и постояннымъ постомъ. Два милліона французовъ стали подъ знамена и болѣе 800 тысячъ изъ нихъ погибло; въ числѣ же оставшихся въ живыхъ, сколько изуродованныхъ, безрукихъ и на деревянныхъ ногахъ! Всѣ французы въ теченіе трехъ лѣтъ питались какъ придется и нерѣдко умирали отъ голода. Болѣе милліона жителей погибло отъ недостатка пищи и нужды. Всѣ богатые или зажиточные французы разорились и жили, ежедневно ожидая гильотины. Четыреста тысячъ томилась въ тюрьмахъ и въ числѣ оставшихся въ живыхъ,—сколько изломанныхъ и потрясенныхъ, сколько душъ и тѣлъ окончательно развинтившихся отъ постоянныхъ тревогъ и лишеній, отъ физической и нравственной усталости! И вотъ, въ 1800 году не находится помощи для всей этой толпы гражданскихъ и военныхъ инвалидовъ; благотворительныя учрежденія не въ силахъ признать ихъ. Учредительное собраніе уничтожило церковную собственность и отменило пошлину на съѣстные припасы; это отняло у благотворительныхъ учреждений большую часть ихъ средствъ, а именно все, что они получали съ этой пошлины и съ десятичнаго сбора. Во время законодатель-

наго Собранія и Конвента, благодаря бѣгству преслѣдуемыхъ монахинь и монаховъ, они остались безъ опытныхъ служителей и добровольныхъ служанокъ, которыя корпоративно и по уставу въ теченіе многихъ вѣковъ работали для нихъ даромъ. Во время конвента были конфискованы всѣ ихъ имущества, вся недвижимость и всѣ выданныя имъ обязательства; когда же черезъ три года имъ вернули остатки отнятого, оказалось, что часть ихъ имѣній уже продана; въ то же время по ихъ векселямъ ими уплатили ассигнаціями или перевели эти векселя на государство съ тѣмъ, чтобы они получали на нихъ доходъ. Но эти обязательства превратились въ мертвый капиталъ, потому что въ 1800 г. послѣ окончательнаго банкротства ассигнацій и открывшейся несостоятельности долговой государственной книги, бывшее состояніе бѣдняковъ уменьшилось на половину или на двѣ трети. Вотъ почему 800 благотворительныхъ учрежденій, въ 1789 г. дававшихъ пріютъ 100.000 или 110.000 челоѣкъ теперь могутъ содержать только одну треть или половину прежняго количества призрѣваемыхъ, за то можно предположить, что количество домогающихся попасть въ эти учрежденія—утроилось. Изъ этого слѣдуетъ, что въ больницахъ и пріютахъ приходится менѣе, чѣмъ по одному мѣсту на шесть и болѣе калѣвъ, дѣтей или больныхъ.

V.

Сквозь этотъ вопль несчастныхъ, напрасно умоляющихъ, чтобы имъ помогли, дали пріютъ и позаботились о нихъ, слышится глухая жалоба, которая вырывается изъ еще болѣе многочисленныхъ устъ. Это жалоба родителей, не имѣющихъ возможности дать своимъ дѣтямъ ни средняго, ни даже начальнаго образованія. До революціи было безчисленное множество начальныхъ школъ. Въ Нормандіи, Пикардіи, Артуа, во французской Фландріи, въ Лотарингіи и Эльзасѣ, въ Иль де Франсѣ, въ Бургундіи и Франшконтѣ, въ Домбѣ, въ Дофинѣ и Лионѣ, въ Конта, въ Севеннахъ и Беарнѣ школъ насчитывалось почти столько же, сколько и приходовъ; въ общемъ вѣроятно 20 или 25 тысячъ на 37.000 французскихъ приходовъ; очевидно, всѣ онѣ хорошо работали и усердно посѣщались; потому что въ 1789 году 47 мужчинъ изъ 100, и 26 дѣвушекъ или женщинъ изъ 100 умѣли читать и могли писать или, по крайней мѣрѣ, подписывать свое имя. И эти школы ничего не стоили. Во многихъ мѣстахъ конгрегаціи, существовавшія на свои собственные средства, доставляли школамъ учителей и учительницъ: братьевъ христіанской доктрины, членовъ братства св. Антонія, урсулинокъ, визитандинокъ, дочерей милосердія, сестеръ св. Барла, сестеръ провидѣнія, сестеръ мудрости, сестеръ Божіей Матери св. Креста, ватаготовъ, мириміонокъ, монахинь третьяго ордена, и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ священникъ, по правиламъ своего прихода, было обязанъ учить самъ или поручать преподаваніе въ школѣ своему викарію. Очень большое количество церковныхъ имѣній и общихъ наслѣдованій по завѣщанію имущества на содержаніе школъ. Воспитатель нерѣдко пользовался

фермой или землей, обыкновенно, ему давали помѣщеніе, кромѣ того свѣтскій учитель былъ избавленъ отъ самыхъ тяжелыхъ податей; въ качествѣ ризничаго, церковнаго сторожа, пѣвчаго, понамаря, онъ пользовался маленькими доходами; наконецъ, каждый ребенокъ платилъ ему по 4 или 5 еу въ мѣсяцъ. Иногда, а именно въ бѣдныхъ мѣстностяхъ, онъ преподавалъ только, начиная съ праздника Всѣхъ Святыхъ до весны: лѣтомъ же занимался какимъ нибудь другимъ дѣломъ. Словомъ, онъ пользовался приблизительно такимъ же жалованіемъ и такимъ же благосостояніемъ, какъ сельскій викарій или достаточный приходскій священникъ.

Такъ же, или еще лучше, частная и мѣстная инициатива заботилась о среднемъ образованіи. Болѣе 108 учебныхъ заведеній давали полное среднее образованіе; болѣе 454 — давали его отчасти. Они тоже (и неменѣе широко чѣмъ начальныя училища) обладали извѣстными фондами; состоянія нѣкоторыхъ изъ нихъ были велики, иногда даже прямо громадны. Провинціальная коллегія Роде получала 27,000 ливровъ годоваго дохода; парижская коллегія Луи ле Гранъ,—450.000; каждая большая или маленькая коллегія имѣла собственныя средства въ процентныхъ бумагахъ въ земляхъ въ домахъ и получала доходы съ ратуши, съ пошлины на съѣстные припасы, съ почтовыхъ дворовъ. И въ каждомъ изъ нихъ имѣлось много стипендій или полустипендій; въ коллегіи Луи ле Гранъ ихъ насчитывалось—600. Въ общемъ изъ числа 72.000 учениковъ королевства до сорока тысячъ получали среднее образованіе даромъ или наполовину даромъ; теперь такихъ учениковъ менѣе 5.000 на 79.000. Причина та, что до 1789 года не только доходы были велики, но и расходы очень малы. Директоръ, преподаватель, репетиторъ стоили немного:—450, 600, 900, самое большее 1200 ливровъ въ годъ, они получали какъ разъ такое жалованіе—какое нужно холостому человѣку, чтобы прожить; дѣйствительно очень многіе учителя были священниками или монахами; въ ихъ числѣ встречались бенедектинцы, каноники, ораторійцы; послѣдніе одни занимались въ 30 коллегіяхъ. Избавленные отъ обязанности расходовъ, которые налагаетъ семья, учителя — монахи и священники вели скромную жизнь изъ чувства благочестія или, по крайней мѣрѣ, въ силу дисциплины, привычки и уваженія къ человѣческому достоинству; иногда статутъ коллегіи заставлялъ ихъ жить совмѣстно и это было гораздо дешевле, чѣмъ жить поодиночкѣ. Такое же экономическое согласованіе существовало и между другими колесами, во всемъ остальномъ устройствѣ и ходѣ машины. Семья, даже въплоть сельская, никогда не жила вдали отъ коллегіи, потому что эти среднія учебныя заведенія были почти во всѣхъ маленькихъ городахъ; ихъ насчитывалось по семи, по восьми въ каждомъ департаментѣ. Ребенокъ или подростокъ, съ восьми и до восемнадцати лѣтъ, попадалъ въ одиночество и вмѣстѣ съ тѣмъ въ излишнюю скученность учебнаго заведенія, похожаго на казарму; онъ оставался у родителей подъ рукой. Бѣдные родители, которымъ было трудно платить по 300 франковъ въ годъ за пансіонъ помѣщали своего сына въ частную семью, къ какому нибудь знающему имъ ремеслен-

нику или мелкому буржуа; тамъ онъ жилъ съ тремя, четырьмя другими мальчиками; ему давали помѣщеніе; его бѣлье стирали, за нимъ ухаживали, смотрѣли, у него было свое мѣсто за общимъ столомъ, онъ грѣлся у общаго камина, пользовался свѣтомъ общей свѣчи; еженедѣльно онъ получалъ изъ деревни свой каравай хлѣба и кое какую провизію; хозяйка дома готовила ему кушанье и чинила его платье, все за два, три ливра въ мѣсяцъ. Такъ работаютъ заведенія, возникающія сами собой въ томъ или другомъ мѣстѣ; они прииѣняются въ обстоятельствамъ, принаравливаются къ нуждамъ, они утилизируютъ все средства и даютъ наибольшую пользу, требуя наименьшихъ затратъ.

Это громадное учрежденіе погубило со всемъ, что ему принадлежало, какъ утопающее судно; учителя были лишены должностей, изгнаны, сосланы, заточены, имѣнія были конфискованы, проданы, уничтожены, а то что осталось въ вѣдѣніи государства не вернулось въ прежнія руки для прежнихъ цѣлей.

Общественное образованіе, подвергшееся еще худшей участи, чѣмъ благотворительность не получило обратнаго никакихъ крохъ своего достоянія. Благодаря этому, въ послѣднее время Директоріи и даже въ первые годы консульства во Франціи почти нѣтъ образованія; лѣтъ восемь или девять оно не существовало или было частнымъ, скрытымъ. Несмотря на нетерпимый законъ, монахини, при посредствѣ снисходительности мѣстныхъ властей, тамъ и сямъ тайкомъ учатъ маленькія группы католическихъ дѣтей. Въ задней комнатѣ сидитъ передѣтая урсулинка и пять-шесть дѣвочекъ, окруживъ ее, твердятъ азбуку; священникъ безъ тонзуры и сутаны, принимаетъ къ себѣ по вечерамъ двухъ трехъ юношей и заставляеть ихъ переводить „De Viris“. Правда, во время перерывовъ террора, передъ 13 Вендеміеромъ, передъ 18 Фруктидоромъ снова вырастаютъ отдѣльныя школы, какъ клочки травы на скошенномъ и измятомъ лугу; но онѣ являются только мѣстами и ихъ немного; крошечка того едва якобинецъ возвращается къ власти, онъ настойчиво давитъ ихъ, онъ хочетъ учить одинъ.

Однако, государственное учебное заведеніе, которымъ онъ предполагаетъ замѣнить прежнія школы свободныя учрежденія, красуются только на бумагѣ. Онъ устроилъ или постановилъ устроить по центральной школѣ въ каждомъ департаментѣ, всего восемьдесятъ восемь на территоріи старой Франціи; эти школы не могутъ замѣнить восьмисотъ или девятисотъ прежнихъ коллегій, тѣмъ болѣе, что эти новыя школы, едва способны существовать; онѣ уже заранѣе полуразорены, плохо содержатся, плохо приспособлены; при нихъ нѣтъ подготовительныхъ отдѣленій и соответствующихъ пансіоновъ; учебный планъ ихъ очень плохъ, а духъ обученія кажется родителямъ подозрительнымъ. Поэтому большая часть классовъ пустуетъ; посѣщаются только лекціи математики и уроки рисованія, въ особенности черченія, вѣроятно будущими землемѣрами, будущими строителями мостовъ и дорогъ, будущими подрядчиками архитекторами и юношами мечтающими поступить въ политехническое училище; для остальныхъ лекцій литературы исторіи и гуманитарныхъ наукъ, въ томъ видѣ какъ ихъ понимаетъ и навязываетъ респуб-

лика, во всей Франціи не могутъ набрать болѣе тысячи слушателей. вмѣсто семидесяти двухъ тысячъ учениковъ—въ среднихъ училищахъ теперь только 7.000 или 8.000. И шесть изъ семи учениковъ приходятъ въ школу не для общаго образованія, а для подготовленія къ ремеслу.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ образованіемъ начальнымъ; мѣстнымъ управленіямъ было поручено позаботиться о немъ, но такъ какъ чаще всего у мѣстныхъ администрацій нѣтъ денегъ, онѣ о немъ и не думаютъ, а если и устриваютъ школу, то не могутъ ее содержать. Съ другой стороны: такъ какъ образованіе непременно должно быть свѣтскимъ и яacobинскимъ,—поэтому „почти вездѣ“ учителемъ является недуховное лицо изъ отбросовъ общества—павшій яacobинецъ, бывшій клубистъ, голодный, безъ мѣста, плохо образованный, съ дурной репутаціей. Понятно, семьи отказываются поручать ему своихъ дѣтей; даже, если онъ человекъ почтенный, онѣ отворачиваются отъ него, потому что въ 1800 году слова—„яacobинецъ“ и „бездѣльникъ“ стали синонимами. Кромѣ того родители желаютъ, чтобы ихъ дѣти учились читать по катехизису, а не по „Декларации правъ“, они находятъ, что старый учебникъ образовывалъ дисциплинированныхъ юношей, почтительныхъ сыновей, а новый—создаетъ только дерзкихъ шалуновъ, преждевременно испорченныхъ шалопаевъ. Поэтому рѣдкія, немногочисленныя начальныя школы, въ которыя республика помѣстила своихъ учителей и свою систему обученія—на три четверти пусты.

Напрасно она закрываетъ тѣ училища, въ которыхъ другіе учителя преподаютъ по другимъ книгамъ, отвращеніе и ненависть отцовъ—не измѣняется; они для своихъ дѣтей предпочитаютъ полное невѣжество—нездоровому образованію. Вѣковая мануфактура построенная и снабженная двадцатью поколѣніями благодѣтелей давала даромъ, или значительно ниже его истинной стоимости, хлѣбъ первоначальнаго развитія болѣе чѣмъ 1.200.000 дѣтей. Ее разрушили; вмѣсто нея тамъ и сямъ стоятъ наскоро выстроенныя, фабрики и раздаютъ жалкія порціи неудобоваримаго и заплеснѣвелаго хлѣба. Это вызываетъ продолжительный, глубокий, долгоподавлявшійся ропотъ, который все растетъ и растетъ. Это ропотъ родителей, дѣти которыхъ осуждены голодать; они требуютъ, чтобы ихъ сыновей и дочерей не заставляли силой голода глотать тѣсто заштемпелеванное правительствомъ, т. е. отвратительное, непитательное вещество, плохо замѣшанное и плохо выпеченное, которое противно на вкусъ и портитъ желудокъ.

VI.

Еще глубже, еще единогласнѣе другой вздохъ, жалобы душъ, въ которыхъ еще не умерло или проснулось сожалѣніе о ихъ упраздненномъ богослуженіи, о ихъ уничтоженной церкви. Въ каждой религіи—дисциплина и обряды—связываются съ вѣрой, потому что именно вѣра подсказываетъ или предписываетъ ихъ; они продолженіе вѣры;—они сопривасаются съ ней; она ими выражается, ими заканчивается; они оболочка, она содержимое. Поэтому, когда грубо

касаются ихъ—ранятъ ее; черезъ чувствительную эпидерму дѣлаютъ больно живому и живучему тѣлу. Въ католицизмѣ эта эпидерма еще чувствительнѣе чѣмъ въ другихъ культахъ, потому что онъ не только приросъ къ тѣлу, благодаря обыкновенному примѣненію и привычкѣ,—онъ органически соединенъ съ нимъ; и эта особая связь — догматъ. Въ католицизмѣ богословіе поставило условіемъ вѣры — необходимость таинствъ и богослуженія. Вслѣдствіе этого наружныя и внутреннія части религіи соединяются непосредственно. И католическія таинства не только одни символы; они сами по себѣ имѣютъ «дѣйствительную силу и могутъ освящать». «Они произведутъ именно то, что изображаютъ». Когда мнѣ преграждаютъ доступъ къ таинствамъ—для меня какъ бы закрываютъ родники, изъ которыхъ моя душа могла бы пить благодать, прощеніе, чистоту, здоровье, спасеніе. Если я не окрестилъ моихъ дѣтей—они не христіане; если я не въ состояніи доставить елеопомазанія моей умирающей матери—она отправляется въ дальнее путешествіе безъ средствъ на дорогу; если мой бракъ заключенъ только мѣромъ—моя жена — паломница; если я не могъ исповѣдать моихъ грѣховъ—я не прощенъ и моя отягченная совѣсть напрасно ищетъ благодѣтельной руки, которая освободила бы ее отъ слишкомъ тяжелаго бремени; если мнѣ не удалось причаститься — моя духовная жизнь испорчена; ей не хватаетъ того высшаго и великаго акта, которымъ она должна заканчиваться — мистическаго акта, имѣющаго силу соединить мою душу и тѣло съ душой и съ божественностью Іисуса Христа. Но ни одно изъ этихъ таинствъ не можетъ быть дѣйствительнымъ, если оно не совершено священникомъ, котораго при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ освящаетъ высшее таинство, придавая ему особый высочій, ничѣмъ неунничтожаемый характеръ; въ числѣ многихъ другихъ условій необходимо, чтобы этого священника рукоположилъ епископъ; въ числѣ другихъ условій нужно, чтобы этого епископа рукоположилъ папа. Слѣдовательно безъ папы нѣтъ епископовъ, безъ епископовъ—священниковъ, безъ священниковъ—таинствъ, безъ таинствъ—спасенія. Итакъ, вѣрующему необходимо духовенство для выраженія его вѣры, ему нужно каноническое богослуженіе и каноническая іерархія. Если онъ благочестивъ, пропитанъ стариннымъ аскетическимъ и мистическимъ духомъ христіанства, который влечетъ душу отъ міра, чтобы она могла быть непрестанно въ присутствіи Божіемъ—ему нужно еще большее. Ему нужно многое: прежде всего обѣты дѣломудрія, бѣдности и послушанія, т. е. вѣчное и добровольное подавленіе самаго сильнаго животнаго инстинкта и самыхъ сильныхъ влеченій мірянина; затѣмъ: усердная молитва, въ особенности молитва общая, во время которой волненье распростертой души еще увеличивается отъ чувствъ, наполняющихъ другія души; также—активное благочестіе, я хочу сказать—добрыя дѣла, труды на пользу воспитанія и заботы о ближнихъ, въ частности исполненіе отталяющихъ обязанностей—служеніе больнымъ, калѣкамъ, неизлечимымъ, сумасшедшимъ, идиотамъ, раскаявшимся падшимъ женщинамъ, наконецъ—уставъ, нѣчто вродѣ строгой и подробной программы, которая, предписывая ежедневно одни и тѣ же дѣйствія, въ одни и

тѣ же часы, создаетъ привычку, помошницу воли, привычку прибавляющую машинальную дѣятельность къ разумной инициативѣ и, наконецъ, дѣлающую усилие легкимъ. Отсюда—общины мужчинъ и женщинъ, конгрегаціи, монастыри. Какъ таинства, богослуженіе и іерархія они тоже составляютъ одно цѣлое съ вѣрой и являются ея неотдѣлимыми органами.

До 1789 года невѣжественный или невнимательный католикъ—крестьянинъ за плугомъ, ремесленникъ за станкомъ, хозяйка въ кухнѣ—не сознавали этого полнаго слиянія; благодаря революціи они почувствовали и даже физически ощутили его. Прежде они никогда не спрашивали себя, чѣмъ католичество отличается отъ схизмы или какая противоположность существуетъ между религіей положительной и религіей естественной. Новый гражданскій порядокъ назначенія духовенства заставилъ ихъ понять отличие рукоположеннаго священника отъ вторгнувшагося въ церковь и настоящей мессы отъ мессы новой, запрещеніе служить мессу выяснило имъ ея важность. Именно революціонное правительство превратило ихъ въ богослововъ и въ знатоковъ каноническихъ законовъ. Принужденные во время террора пѣть и плясать вокругъ богини разума, а позже въ храмъ высшаго существа; переживъ во времена Директоріи новшества республиканскаго календаря и незѣпости праздниковъ черезъ десять дней они собственными глазами увидѣли разстояніе, которое отдѣляетъ ихъ Бога, близкаго воплощеннаго искупителя и спасителя отъ Бога ничтожнаго или неяснаго и, во всякомъ случаѣ, отсутствующаго и далекаго; живую, полученную путемъ откровеній, религію отъ религіи отвлеченной наскоро сфабрикованной, внезапно придуманной: культъ естественный, служащій выраженіемъ вѣры отъ культа навязаннаго имъ и холодно-напыщеннаго; ихъ священника въ стихарѣ, обреченнаго на воздержаніе, посланнаго имъ свыше, чтобы открыть, что за могилой ихъ ждутъ безконечныя наслажденія рая или муки ада—отъ республиканскаго служителя культа въ муниципальномъ шарфѣ какого-нибудь Петра или Павла, такого же простаго мірянина, какъ они сами, нерѣдко женатаго весельчака, присланнаго къ нимъ изъ Парижа, чтобы прочитать имъ курсъ яacobинской морали. Эта противоположность привязала ихъ къ своему духовенству, ко всему духовенству, установленному вѣками. Прежде они всегда были хорошо расположены къ нему; крестьяне неохотно платили ему церковную пошлину; въ созерцательныхъ, ничего не дѣлающихъ и обеспеченныхъ монахахъ ремесленникъ и крестьянинъ видѣлъ только жирныхъ бездѣльниковъ. Во Франціи человекъ изъ народа—галлъ, а потому у него воображеніе сухое, мало развитое; онъ не склоненъ къ почтенію; напротивъ, къ властямъ онъ относится скорее насмѣшливо, критически; онъ любитъ пофрондировать; въ немъ живетъ наслѣдственное чувство недовѣрія и зависти ко всякому, кто носитъ суконное платье, ѣсть и пьетъ, не работая руками. Теперь онъ не завидуетъ больше своему духовенству, онъ жалѣетъ его. Видя монаховъ и монахинь, еюре и прелатовъ безъ крова, безъ хлѣба, сосланныхъ, заточенныхъ, гильотинированныхъ или, по крайней мѣрѣ, бѣжавшихъ, болѣе несчастныхъ, чѣмъ дикія живот-

ныя, онъ во время преслѣдованій года II, года IV, года VI, принимаетъ ихъ къ себѣ, прачетъ, даетъ имъ пріютъ и пищу. Они страдаютъ за вѣру, которую онъ раздѣляетъ и, при видѣ ихъ постоянства, равнаго твердости легендарныхъ мучениковъ, его равнодушіе превращается въ уваженіе, потомъ въ горячее усердіе. Со времени года IV католическіе священники снова заняли въ его душѣ то уважаемое мѣсто, которое имъ было отведено догматомъ; они снова сдѣлались его дѣйствительными руководителями, его признанными наставниками, единственными толкователями христіанской истины, единственными раздавателями божественной благодати, единственными посредниками между благодатью и имъ. Едва они получаютъ позволеніе вернуться, онъ спѣшитъ къ мессѣ, которую служатъ они и не хочетъ знать никакой другой. Даже отупѣлый или равнодушный и невосприимчивый, занятый только животными сторонами жизни, онъ нуждается въ нихъ. Ему не достаетъ ихъ торжественныхъ богослуженій большихъ праздниковъ, воскресеній и этотъ недостатокъ составляетъ большое періодическое лишеніе для его зрѣнія и слуха; онъ сожалеетъ о процессіяхъ, о свѣчахъ, пѣніи, звонѣ колоколовъ, объ утренней и вечерней молитвѣ. Итакъ, сознательно или безсознательно его сердце и органы чувствъ, принадлежатъ католицизму и требуютъ возвращенія старой церкви. До революціи эта церковь существовала на свои собственные доходы; 70.000 священниковъ, 37.000 монахинь и 23.000 монаховъ, обезпеченные фондами не стоили государству ровно ничего и почти ничего плательщику податей; по крайней мѣрѣ, они не стоили ничего настоящему, живому плательщику, онъ не давалъ на нихъ даже церковной подати, потому что церковный налогъ, установленный за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ, ложился на землю, а не на собственника, пользовавшагося доходомъ съ земли и не на фермера, эксплуатировавшаго ее; они повудали или нанимали ее только по исключеніи этой повинности. Во всякомъ случаѣ земельная собственность церкви никому не приносила ущерба и принадлежала ей вполне законно и по праву, въ силу послѣдней воли милліоновъ умершихъ, ея оскователей и благодѣтелей. У нея взяли все, даже дома молитвы, которые по своему назначенію, устройству и архитектурѣ яснымъ образомъ говорили, что они дѣло рукъ христіанъ предметы духовные; были отняты 38.000 священническихъ домовъ, 4.000 монастырей, болѣе 40.000 приходскихъ церквей, соборовъ часовень; каждое утро люди изъ народа, мужчины и женщины, въ которыхъ ожила потребность культа, проходятъ мимо зданій, отнятыхъ у религіи. Своей формой, своимъ именемъ зданія эти говорятъ имъ о томъ, чѣмъ они были, чѣмъ они должны были бы быть еще и теперь. Невѣрующіе философы, бывшіе члены конвента слышатъ эти голоса, ихъ слышатъ все католики, а изъ тридцати пяти милліоновъ французовъ болѣе тридцати трехъ милліоновъ—католики.

VII.

Какъ отвергнуть такую справедливую жалобу, какъ общій вопль бѣдняковъ, родителей и вѣрующихъ? Тутъ то и является главное

затрудненіе почти неразрѣшимое, которое революція завѣщаетъ всякому правильному правительству; я говорю о слѣдствіи революціонныхъ конфискацій и о конфликтѣ, сталкивающимъ два права на одной и той же землѣ—право обобраннаго владѣльца и право владѣльца новаго. Въ этомъ случаѣ опять таки виновато государство, которое изъ жандарма превратилось въ разбойника и силой завладѣло имуществомъ больницъ, школъ, церквей; оно и должно отдать захваченное, натурой или деньгами. Отдать натурой оно больше не можетъ; оно выпустило эту собственность изъ своихъ рукъ, у него сохранились только ея крохи. Заплатить деньгами оно тоже не въ состояніи, такъ какъ само разорилось; оно банкротъ, живетъ кое-какъ, изо-дня въ день; у него нѣтъ ни капитала, ни кредита. Никто и не помышляетъ о томъ, чтобы отобрать собственность у новыхъ владѣльцевъ: это слишкомъ противорѣчитъ духу новаго правленія; это было-бы воровствомъ, похожимъ на первое (вѣдь покупатели заплатили и ихъ купчія въ порядкѣ); кромѣ того, оспаривая права новыхъ владѣльцевъ, правительство заставило-бы усомниться и въ своемъ собственномъ правѣ, потому что его власть явилась изъ одного источника съ ихъ владѣніемъ. Правительство занимаетъ свое мѣсто, а они владѣютъ собственностью, въ силу одного и того же совершившагося факта, въ силу того, что обстоятельства сложились такъ, а не иначе, въ силу того, что десять лѣтъ революціи и восемь лѣтъ гражданской войны чрезмѣрно тяжелый гнетъ для настоящаго времени, что въ дѣло замѣшано слишкомъ много интересовъ съ одной и той-же стороны, что интересы 1.200.000 покупателей идутъ за одно съ интересами 30.000 офицеровъ, которымъ революція дала чины, съ интересами всѣхъ новыхъ чиновниковъ и сановниковъ и даже перваго консула—онъ крупнѣйшій изъ людей сумѣвшихъ стать на высокое мѣсто посреди всеобщаго перемѣщенія состояній и ранговъ и обязанъ поддерживать другихъ, если желаетъ, чтобы они поддерживали его. Понятно онъ изъ расчета и изъ симпатіи покровительствуетъ всѣмъ—чиновникамъ и военнымъ, въ особенности же новымъ собственникамъ и главное собственникамъ среднимъ и мелкимъ, своимъ лучшимъ кліентамъ, привязаннымъ къ его режиму и къ его личности любовью къ собственности, любовью составляющей самую сильную страсть обыкновеннаго человека, любовью къ землѣ, т. е. самымъ сильнымъ чувствомъ крестьянина. Ихъ вѣрность зависитъ отъ ихъ спокойной увѣренности; вслѣдствіе этого онъ осыпаетъ ихъ гарантіями. Въ конституціи года VIII, онъ объявляетъ отъ имени французской націи, что послѣ законной продажи національныхъ земель, *каково бы ни было ихъ происхожденіе*, пріобрѣтатель не можетъ быть лишень ихъ. Учредивъ орденъ почетнаго легіона, онъ обявляетъ каждаго легіонера «поклѣсться своей честью, что онъ будетъ преданно охранять собственности, освященныя законами республики.» Въ своей императорской конституціи онъ самъ «клянется уважать и заставлять другихъ уважать безотмѣнность продажи національныхъ земель и домовъ.

Къ несчастію, пушечное ядро на полѣ сраженія, адская машина на улицѣ, болѣзнь въ домѣ могутъ завтра унести и дающаго га-

рантію и гарантію. Съ другой стороны: на конфискованныхъ имуществвахъ всегда остается первоначальное пятно. Очень рѣдко сосѣди смотрятъ хорошо на покупателя; всѣ завидуютъ его удачѣ; онъ пользуется своимъ приобретеніемъ, а другіе страдаютъ отъ этого; въ прежніе дни поле, съ котораго онъ снимаетъ жатву, имѣнія, за которыя фермеры платятъ ему аренду, содержали священника, больницу и школу; теперь школа, больница и церковный причтъ умираютъ отъ недостатка питанія, идущаго въ его пользу; онъ жирѣетъ на ихъ счетъ. У его жены и матери очень часто печальныя лица. особенно на страстной недѣлѣ; если онъ старъ, если онъ заболѣваетъ, его собственная совѣсть пробуждается; въ силу привычки и наслѣдственности—эта совѣсть католическая; ему нужно чтобы священникъ отпустилъ его грѣхи въ роковое мгновеніе и онъ мысленно говоритъ себѣ, что быть можетъ онъ не получитъ прошенія въ послѣднюю минуту. Вообще, ему было-бы трудно убѣдить себя, что законно купленная имъ собственность, по справедливости принадлежитъ ему, потому что она не только для его сознанія, но и фактически, на рынкѣ, собственность сомнительная; въ этомъ отношеніи имѣются опредѣленныя, убѣдительныя цифры. За наслѣдственное имѣніе, которое приноситъ 3,000 фр. покупатель платитъ 100.000 фр., рядомъ національное имѣніе, приносящее совершенно такой-же доходъ, продается всего за 60.000 фр. Послѣ многихъ перепродажъ оно все-таки не поднимается въ цѣнѣ, всѣ конфискованныя имѣнія теряютъ около 40 процентовъ стоимости. Такимъ образомъ отъ продажи до продажи слышится глухой, невнятный ропотъ частной чести, которая протестуетъ противъ общественной нечестности и объявляетъ новому покупщику, что его купчая неполна; въ ней не достаетъ одной статьи и очень существенной.—акта отказа прежняго владѣльца отъ собственности, его формальнаго отреченія, собственноручно написаннаго документа о передачѣ владѣнія государства, первый продавецъ долженъ былъ дать этотъ актъ своимъ покупателямъ; пусть оно добудетъ его и приступитъ къ нужнымъ для этого переговорамъ. Пусть оно обратится къ кому слѣдуетъ къ обобранымъ имъ владѣльцамъ, къ тѣмъ, кто съ незапамятныхъ временъ былъ законно облеченъ извѣстными правами и властью. Я говорю о прежнихъ сословіяхъ. Революціонный законъ разрушилъ ихъ; у нихъ нѣтъ больше представителей, которые могли-бы ставить свою подпись. Однако, несмотря на революціонный законъ одно изъ этихъ сословій, болѣе жизнеспособное, чѣмъ другія, продолжаетъ существовать вмѣстѣ со своими, если не признанными закономъ, то во всякомъ случаѣ дѣйствительными представителями, со своимъ неоспоримымъ, главой. Этотъ глава имѣетъ власть говорить отъ лица всего сословія, потому что, по статуту, онъ облеченъ высшей силой и совѣсть и сознаніе всѣхъ членовъ извѣстнаго сословія въ его рукахъ. Его подпись драгоцѣнна; нужно ее получить и первый консулъ заключаетъ конкордатъ съ папой. Въ этомъ конкордатѣ папа «объявляетъ, что ни онъ, ни его крестники не будутъ тревожить покупателей отчужденныхъ церковныхъ имѣній и, что слѣдовательно, владѣніе этими имѣніями, всѣ права и доходы связанные съ ними, останутся неотъемлемо въ ихъ

рукахъ или въ рукахъ тѣхъ ихъ родственниковъ, къ которымъ они перейдутъ.» Итакъ, теперь владѣніе этими землями и домами больше не грѣхъ; по крайней мѣрѣ, духовная власть, эта внѣшняя совѣсть, которая въ католическихъ странахъ направляетъ совѣсть и часто замѣняетъ ее, не осуждаетъ за пріобрѣтеніе бывшего церковнаго имущества. Своими собственными руками церковь, владычица душъ, снимаетъ сомнѣніе, послѣдній маленький, неудобный и опасный камешекъ, который, попавъ подъ краеугольный камень общества мірянъ, мѣшалъ всему зданію стоять правильно и подвергалъ опасности равновѣсіе новаго государства. Взамѣнъ—государство тоже даетъ церкви нѣчто. Этимъ же конкордатомъ и послѣдующими декретами «правительство обезпечиваетъ епископамъ и еюре приличное жалованіе,» 15.000 фр. каждому архіепископу; 10.000 фр. каждому епископу; 1.500 фр. каждому еюре перваго класса, 1.000 фр.— втораго; позже—максимумъ въ 500 фр. и минимумъ въ 300 фр. каждому исправляющему должность священника или викарію. «Если обстоятельства потребуютъ, общіе совѣты большихъ сельскихъ общинъ будутъ имѣть право прибавлять содержаніе прелатамъ и еюре изъ доходовъ со своихъ земельныхъ имуществъ или изъ сбора пошлинъ». Во всякомъ случаѣ архіепископы, священники и ихъ замѣстители будутъ имѣть квартиры или квартирныя деньги. Вотъ что сдѣлано относительно персонала. Что же касается до недвижимостей «всѣ епархіальныя церкви, соборы, церкви приходскія, и другія, не отчужденныя и необходимыя для богослуженія, будутъ отданы въ распоряженіе епископовъ.»— «Неотчужденные священническіе дома и принадлежашіе къ нимъ сады, а также доходы, которыми они пользовались и не переданные никому другому возвращаются по назначенію.» Если доходы съ церковнаго имѣнія, принадлежащаго приходу или собору, не будутъ покрывать издержекъ на богослуженіе, оно должно пользоваться помощью отъ общества прихожанъ церкви или отъ ея департамента; кромѣ того: «будетъ вѣдаться десять процентовъ съ доходовъ земельныхъ имуществъ принадлежащихъ сельскимъ обществамъ» съ ихъ домовъ, лѣсовъ и полей для составленія вспомогательнаго фонда, фонда предназначеннаго на «пріобрѣтеніе, перестройку или поправку церквей... семинарій и священническихъ домовъ». Кромѣ того правительство позволяетъ французскимъ католикамъ, если они того пожелаютъ составлять капиталы для церквей.. для содержанія причта и совершенія богослуженія, т. е. разрѣшаетъ имъ оставлять наслѣдство дѣлать подарки церковнымъ имѣніямъ или семинаріямъ. Наконецъ оно избавляетъ семинаристовъ, будущихъ священниковъ, отъ общей воинской повинности.

Она также освобождаетъ отъ военной службы невѣжествующій орденъ и братьевъ христіанскихъ школъ—учителей народа. Относительно ихъ и относительно всѣхъ другихъ католическихъ учреждений оно слѣдуетъ одному и тому же утилитарному правилу, основному правилу практическаго мірскаго здраваго смысла: когда религіозныя общины предлагаютъ свои услуги для общественной пользы, оно принимаетъ ихъ, пользуется ими; оно дѣлаетъ имъ разныя уступки, избавляетъ отъ многого, оказываетъ милости поро-

вительствуетъ имъ, дѣлаетъ подарки или, по крайней мѣрѣ, относится къ нимъ терпимо. Оно не только пользуется ихъ трудомъ, но и разрѣшаетъ имъ ассоціаціи, невѣжествующіе братья, дочери милосердія, оспитальерки, сестры св. Фомы, св. Карла, вателотки и другія конгрегаціи мужчинъ и женщинъ снова образуются съ разрѣшенія общественной власти. Государственный Совѣтъ принимаетъ и одобряетъ ихъ статуты, ихъ обѣты, ихъ іерархію, ихъ внутренній распорядокъ. Эти конгрегаціи дѣлаются собственниками, могутъ принимать дары и имущество оставленное имъ по завѣщанію. Часто само государство дѣлаетъ имъ подарки. Въ 1808 году тридцать одно страннопріимное общество, по большей части изъ учительствующихихъ, получили въ силу даровой уступки, въ полную собственность недвижимое имущество и строения, которыхъ они просили. Часто также государство содержитъ ихъ; въ нѣсколько пріемовъ они рѣшаютъ, что въ такой то больницѣ или такой то школѣ, снова должны занять мѣста монахини, указанные прежнимъ уставомъ и что онѣ будутъ содержаться на доходы школы или больницы. Еще лучше, несмотря на свои грозные декреты, Наполеонъ, кромѣ разрѣшенныхъ имъ конгрегацій, позволяетъ между 1804 и 1814 годамъ народиться и жить пятидесяти четыремъ новымъ духовнымъ обществамъ, которые не представляютъ ему на разсмотрѣніе своихъ уставовъ и существуютъ, обходясь безъ его разрѣшенія. Онъ ихъ не разсѣиваетъ; онъ ихъ не беспокоитъ; онъ считаетъ, что «существуютъ характеры и воображенія всякаго рода; что не слѣдуетъ стѣснять даже заблужденій, если только они не вредны; что для нѣкоторыхъ душъ аскетическая общая жизнь—единственное приближеніе; если они стремятся только къ этому, не слѣдуетъ имъ мѣшать; можно дѣлать видъ, что ихъ не замѣчаешь. Только пусть онѣ молчатъ и довольствуются сами собой. Такъ на католическомъ стволѣ снова выростаютъ двѣ главныя вѣтви,—духовенство и религіозныя общества, благодаря помощи, позволенію или попустительству государства, въ его рамкахъ или внѣ его рамокъ духовенство и монашество, которыя, по правилу или фактически начинаютъ граждански существовать оба, хотя бы приблизительно находятъ матерьяльныя средства.

Больше ничего; никто не умѣетъ лучше Наполеона дѣлать выгодныхъ обмѣновъ, т. е. давать мало и получать много. Заключая этотъ трактатъ съ церковью, онъ сильно стягиваетъ шнуры своего кошелька и ничего не выпускаетъ изъ рукъ. 650.000 фр. для пятидесяти епископовъ, немногимъ больше 4 милліоновъ для трехъ или четырехъ тысячъ приходскихъ священниковъ, въ общемъ—5 милліоновъ въ годъ, вотъ все, что государство общаетъ новому духовенству; позже оно возьметъ на себя плату замѣстителямъ священниковъ; но еще въ 1807 году всѣ расходы на культъ будутъ стоить казнѣ только 12 милліоновъ въ годъ. Въ принципѣ все остальное, а именно—жалованіе сорока тысячамъ замѣстителей и викаріевъ должно доставляться церковными имѣніями и обществами прихожанъ. Пусть духовенство само помогаетъ себѣ случайными доходами, пусть для украшенія своихъ дарохранительницъ, чашъ, ризъ и стихарей, для убранства церквей и для другихъ расходовъ

на богослуженіе, оно обращается къ благочестію вѣрующихъ; имъ не запрещается выказывать щедрость къ духовенству и не только во время богослуженія при сборѣ пожертвованій, но и дома, въ четырехъ стѣнахъ. Кромѣ того вѣрующіе имѣютъ право дѣлать у нотариуса дарственные и завѣщанія въ пользу духовенства, учреждать фонды для семинарій и церквей. Послѣ того какъ государственный совѣтъ разсмотрѣлъ и одобрилъ вопросъ, это постановленіе входитъ въ силу; нужно только, чтобы фонды состояли изъ государственныхъ бумагъ, потому что такимъ образомъ они будутъ поддерживать курсъ этихъ бумагъ и кредитъ правительства. Ни въ какомъ случаѣ они не могутъ состоять изъ недвижимой собственности. Если бы духовенство сдѣлалось земельнымъ собственникомъ оно получило бы слишкомъ большое мѣстное вліяніе; не слѣдуетъ, чтобы епископъ или приходскій священникъ чувствовалъ себя независимымъ; онъ долженъ навсегда оставаться простымъ чиновникомъ, работникомъ на жалованьѣ, которому государство даетъ для работы крытые лѣса, подходящую и необходимую мастерскую, другими словами, домъ молитвы; «для каждаго прихода отводится одно изъ зданій прежде назначавшихся для богослуженій». Это зданіе не возвращено ни христіанскому обществу, ни его представителямъ; оно только дано въ распоряженіе епископа. Государство владѣетъ имъ или уступаетъ его сельской общинѣ. Оно лишь позволяетъ духовенству пользоваться имъ и въ этомъ случаѣ не лишаетъ себя ничего. Каѳедральныя и приходскія церкви въ его рукахъ по большей части—мертвые капиталы почти безъ употребленія и почти безъ цѣны; по своей архитектурѣ онѣ не годятся для гражданскихъ учрежденій; правительство не знаетъ что сдѣлать изъ нихъ, кромѣ сѣноваловъ. Если оно ихъ продаетъ, то лишь на сломъ, со скандаломъ.

Въ числѣ возвращенныхъ священническихъ домовъ и садовъ многіе были во владѣніи сельскихъ общинъ; въ этомъ случаѣ не государство терпитъ ущербъ; оно заставляетъ терять выгоды сельское общество. Словомъ, что касается доходныхъ недвижимостей, земель или строеній, изъ которыхъ государство могло бы извлекать выгоды, оно отдаетъ церкви очень немногое. Относительно военной службы оно дѣлаетъ тоже небольшія уступки. «Ни «Конкордатъ», ни «Статьи» (Articles organiques) не постановляютъ избавлять духовенство отъ военной службы; его освобождаютъ отъ рекрутчины только въ видѣ милости; для семинаристовъ это освобожденіе временное; окончательнымъ оно дѣлается только послѣ посвященія; но именно правительство опредѣляетъ число посвящаемыхъ и старается, по возможности, совратить его. Въ епархіи Гренобля оно позволяетъ лишь восемь посвященій въ теченіе семи лѣтъ; такимъ образомъ оно не только сохраняетъ своихъ рекрутовъ, но и благодаря недостатку молодыхъ священниковъ принуждаетъ епископовъ давать мѣста священникамъ прежнимъ хотя бы сторонникамъ учредительнаго Собранія, почти все пансіонерамъ казначейства; это избавляетъ казну отъ необходимости платить пенсіи, а общину отъ денежной помощи имъ. Итакъ возрождая церковное состояніе, государство падать себя и вносить въ него очень малую долю. Оно доставляетъ только планъ и нѣсколько большихъ начальныхъ камней для при-

манки, позволеніе или приказаніе строить. Все остальное дѣло обществѣ прихода и частныхъ лицъ. Пусть они стараются, продолжаютъ и оканчиваютъ строить, въ силу приказанія или по собственной волѣ подѣ его постояннымъ надзоромъ.

VIII

Это постоянный обаръзъ его дѣйствій и оно примѣняетъ его также къ возстановленію двухъ другихъ коллективныхъ собственности. Что касается до благотворительныхъ учреждений, то во времена директоріи пріютамъ и больницамъ вернули ихъ непроданную и недвижимую собственность; проданную же общали замѣнить національными имѣніями, приносящими равный доходъ. Но это было очень сложно; посреди всеобщаго хаоса такая земельная операція затянута; чтобы покончить съ нею первый консулъ упрощаетъ и сокращаетъ ее. Отъ национальной собственности онъ тотчасъ же отрѣзываетъ извѣстную долю; изъ cadaго департамента или округа онъ беретъ нѣсколько отдѣльныхъ кусковъ; въ общемъ эти отрѣзанныя имѣ недвижимыя доходы собственности приносятъ всѣ вмѣстѣ, 4 милліона годового дохода; онъ раздаетъ ихъ благотворительнымъ учрежденіямъ, соразмѣрно съ ихъ потерями; кромѣ того онъ назначаетъ имъ всѣ ренты (деньгами или натурой), на которыя имѣли право приходы, священническіе дома, церковныя имѣнія и корпораціи; наконецъ онъ «ассигнуетъ на ихъ нужды различныя возможныя получки»; заранѣе отдастъ имъ всѣ національныя имѣнія, которыя впослѣдствіи оажутся неправильно захваченными отдѣльными лицами или сельскими общинами; всѣ ренты, принадлежащія республикѣ, уплата которыхъ была временно приостановлена, словомъ, онъ скребетъ и собираетъ во всѣхъ углахъ крошки, которыя могутъ помочь имъ существовать, потомъ снова взявъ и расширивъ другое дѣло Директоріи, онъ назначаетъ имъ, не только въ Парижѣ, но и въ очень многихъ городахъ извѣстную часть сборовъ съ представленій и извѣстную часть налога на съѣстные припасы. Увеличивъ такимъ образомъ ихъ доходъ, онъ старается уменьшить ихъ расходы. Съ одной стороны онъ возвращаетъ имъ ихъ специальныхъ работницъ, стоявшихъ меньше всѣхъ и работавшихъ лучше остальныхъ, т. е. сестеръ милосердія; съ другой— онъ принуждаетъ ихъ ввести точную отчетность и подвергаетъ старому надзору. Онъ выбираетъ для нихъ свѣдущихъ и честныхъ администраторовъ, у нихъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ онъ уничтожаетъ расхищеніе и растраты. Теперь тотъ общественный бассейнъ, изъ котораго бѣдняки утоляютъ жажду, вычищенъ и поправленъ; вода въ немъ не портится, но вытекаетъ изъ него; слѣдовательно, частная благотворительность можетъ спокойно вливать въ него свои живые ключи; такое побужденіе—естественно и въ настоящее время, теченіе этихъ двухъ ключей сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, потому что въ бассейнѣ, наполовину опустошенномъ революціонной конфискаціей, вода постоянно стоитъ на низкомъ уровнѣ.

Остаются учебныя заведенія; повидимому, возстановить ихъ имущества труднѣе, потому что все, что они имѣли, уже пропало

почти цѣликомъ: правительство можетъ отдать имъ только обветшалыя зданія, нѣсколько помѣстій, нѣкогда предназначавшихся для содержанія одного стипендіата коллегіи, или одной школы въ деревнѣ; но кому же отдать ихъ, когда не существуетъ ни коллегіи, ни школы? Къ счастью образованіе, такой необходимый питательный продуктъ, что почти всегда отецъ старается добыть его для своихъ дѣтей; даже бѣдный человѣкъ соглашается платитъ за этотъ продуктъ, если онъ не окажется ужъ слишкомъ дорогимъ; отецъ желаетъ только, чтобы этотъ продуктъ былъ по его вкусу и того или другого качества, а слѣдовательно, изъ опредѣленнаго мѣста, съ такой-то этикеткой или фабричнымъ клеймомъ. Если вы хотите, чтобы онъ покупалъ, не прогоняйте больше съ рынка тѣхъ поставщиковъ, которымъ онъ довѣряетъ и которые продаютъ ему необходимое за умѣренную цѣну; напротивъ—примите ихъ и позвольте имъ разложить свои товары. Таковъ первый необходимый шагъ, актъ терпимости; его требуютъ генеральные совѣты и правительство дѣлаетъ его. Оно позволяетъ невѣжествуимымъ братьямъ вернуться и начать учить, оно не мѣшаетъ городамъ пользоваться ихъ услугами; также оно принимаетъ ихъ въ свой университетъ. Въ 1810 году у нихъ уже 41 училище и 8400 воспитанниковъ. Еще болѣе широкое позволеніе государство даетъ женскимъ учительствующимъ конгрегаціямъ. До конца имперіи и еще позже дѣвочки учатъ однѣ манахини и, главное, даютъ имъ начальное образованіе. Благодаря той же терпимости снова возникаютъ среднія школы и наименѣе естественнымъ путемъ, въ силу инициативы отдѣльнымъ лицъ сельскихъ общинъ и епископовъ. Таковыя коллегіи или пансіоны въ Реймсъ, Фантенбю, Мацѣ, Эвре въ Сорезѣ, Жюльи, Ла Флешѣ, и другихъ мѣстахъ, а также маленькія семинаріи во всѣхъ епархіяхъ; предложеніе и спросъ сталкиваются, учителя идутъ на встрѣчу дѣтямъ; по всюду снова начинается обученіе.

Теперь можно подумать о томъ, чтобы обезпечить образованіе и государство призываетъ къ этому всѣхъ сельскія общины и отдѣльныхъ лицъ. Для возстановленія прежнихъ капиталовъ оно расчитываетъ на ихъ щедрость; оно проситъ подарковъ и завѣщаній въ пользу новыхъ заведеній и общаетъ „относиться къ этимъ фондамъ съ неизмѣннымъ уваженіемъ“. Однако изъ осторожности, оно заранее назначаетъ каждому свою обязанность: если сельское общество устроить у себя начальную школу, оно должно дать квартиру учителю, родители же вознагражденіе; если община устроить у себя коллегію или приметъ къ себѣ лицей, она обязана платить за ежегодное содержаніе училищныхъ зданій, а ученики, приходящіе или живущіе, вносить за себя плату. Такимъ образомъ покрываются большіе расходы и государству, главному предпринимателю, приходится внести очень маленькую долю. Эта доля, уже очень незначительная въ принципѣ, въ дѣйствительности сводится почти на нѣтъ; главная щедрость государства состоитъ въ томъ, что оно учреждаетъ и беретъ на свой счетъ 6.400 стипендій; но оно даетъ лишь, приблизительно, 3.000 стипендій и при томъ—всѣ дѣтямъ своихъ военныхъ или чинъ-диковъ. Стипендія сына дѣлается прибавкой къ жало-

ванію отца. Итакъ, тѣ 2 милліона, которые государство, повидимому, даетъ лицамъ, въ сущности; ничто иное, какъ награда его чиновникамъ и военнымъ; одной рукой оно беретъ то, что даетъ другой. Уладивъ это, оно устраиваетъ университетъ и не содержитъ его. Онъ существуетъ на средства частныхъ лицъ, родителей, сельскихъ общинъ, главное же на счетъ учебныхъ заведеній—соперниковъ; частныхъ пансіоновъ свободныхъ учебныхъ заведеній и все это, благодаря университетской монополіи, которая заставляетъ ихъ вносить разнообразныя и многочисленныя платы. Каждое лицо, получающее дипломъ на открытіе пансіона должно заплатить университету отъ 200 до 300 фр.; точно также, каждый, получающій дипломъ на открытіе института долженъ заплатить университету отъ 400 до 600 фр.; и относительно каждаго получающаго позволеніе прочесть курсъ юридическихъ или медицинскихъ лекцій. Каждый воспитанникъ (пансіонеръ, полупансіонеръ или приходящій) въ пансіонъ, институтъ, семинарію, коллегію или лицей долженъ отдавать университету двадцатую часть платы, взимаемой ею учебнымъ заведеніемъ съ каждаго пансіонера. Въ высшихъ школахъ, медицинскихъ и юридическихъ, филологическихъ и обще-научныхъ студенты платятъ университету за право записываться на лекціи, держать экзамены и получать дипломы, такъ что, въ концѣ концовъ высшее образованіе получаетъ возможность собственными средствами оплачивать всѣ свои расходы и даже въ своемъ общемъ бюджетѣ указывать на чистую прибыль. Новый университетъ можетъ содержать себя самъ и государство фактически, звонкой монетой даетъ ему лишь 400 тысячъ франковъ въ годъ, это немногимъ меньше, чѣмъ получала въ 1789 году одна коллегія „Луи де Гранъ“. Можно даже сказать, что послѣ многихъ, перемѣнъ, расхищеній и приключеній, именно это состояніе старой коллегіи перешло въ наслѣдство къ новому университету. Государство совершило передачу отъ коллегіи къ университету; и этимъ кончается ею щедрость. Щедрость эта особенно блестяща по отношенію къ первоначальному образованію; государство въ 1812 г. въ первый разъ назначаетъ на него 25.000 франковъ, но фактически школы получаютъ только 4.500 фр. Вотъ какъ окончательно ликвидировались три большія коллективныя состоянія. Между государствомъ и учрежденіями воспитательными религіозными и благотворительными сводятся счеты, происходитъ явная или молчаливая сдѣлка. Оно взяло у бѣдныхъ, у дѣтей, у вѣрующахъ по меньшей мѣрѣ 5 милліардовъ капитала и 270 милліоновъ дохода; оно имъ возвращаетъ доходомъ съ земли и государственной рентой 17 милліоновъ въ годъ. На его сторонѣ сила и оно пишетъ законы, а потому безъ труда заставляетъ дать себѣ или беретъ само расписку; это банкротъ растратившій деньги своихъ довѣрителей и бросающій имъ, какъ милостыню, шесть процентовъ съ тѣхъ суммъ, которые они дали.

Понятно, оно пользуется случаемъ, чтобы поставить ихъ въ тѣсную, постоянную зависимость отъ себя и прибавить еще новыя цѣпи къ тѣмъ, которые наложила прежняя монархія на распоряжающихся коллективными состояніями. Наполеонъ отягощаетъ и дѣлаетъ тѣснѣе эти цѣпи; онъ не столько вмѣшивается въ дѣло распорядителей не только предписываетъ имъ порядокъ, экономію, честность, онъ

самъ назначаетъ ихъ или смѣняетъ, приказываетъ или позволяетъ ихъ дѣйствія; онъ имъ подсказываетъ ихъ слова, хочетъ быть высшимъ епископомъ, главнымъ начальникомъ больницъ, единственнымъ профессоромъ и воспитателемъ, словомъ повелителемъ мнѣній, создателемъ и направителемъ всякой политической, соціальной и моральной мысли во всей своей имперіи. Можно видѣть съ какой твердостью и упорствомъ намѣренія, съ какимъ разнообразіемъ средствъ, направленныхъ къ одной цѣли, съ какой полнотою и вѣрностью исполненія, съ какими потерями и опасностями въ настоящемъ и будущемъ, для общества, для публики, для государства, для себя самаго, дѣйствуетъ онъ; самъ онъ, живущій и царящій, будетъ имѣть возможность увидѣть это. Потому что его вмѣшательство, доведенное до крайности наконецъ встрѣтитъ сопротивленіе въ томъ, на что онъ смотритъ, какъ на одно изъ своихъ созданій—въ черви. Забывая, что у нея есть свой собственный глубокой корень недоступный для него, онъ похищаетъ папу и держитъ его въ плѣну; онъ задерживаетъ кардиналовъ, сажаетъ въ тюрьму епископовъ, забираетъ семинаристовъ въ войска, указомъ закрываетъ всѣ маленькія семинаріи. Онъ навсегда отдаляетъ отъ себя католическое духовенство и роялистское дворянство въ одну и ту же минуту и однимъ и тѣмъ же самовластіемъ, злоупотребленіемъ силы, возвращеніемъ къ революціонной традиціи, къ якобинскому сомнѣнію и грубости. Онъ доходитъ до того, что портитъ свой конкордатъ 1802 г., такъ же какъ и свою амнистію 1802 г.; до того, что подвергаетъ опасности свое главное дѣло—начатое примиреніе, сліяніе старой Франціи съ Франціей новой. Тѣмъ не менѣе это его дѣло, даже не совершенное, даже прерванное и испорченное имъ-же самимъ, остается прочнымъ и спасительнымъ. Три большія машины неосмотрительно разрушенныя революціей, которыя онъ снова выстроилъ дешевымъ способомъ, ищутъ работать; правда съ недостатками и уклоненіями онѣ все-же служатъ обществу, при чемъ каждая занимается своимъ дѣломъ—богослуженіемъ, благотворительностью, образованіемъ. Полная свобода, предоставленная тремъ главнымъ христианскимъ вѣроисповѣданіямъ и даже еврейскому культу и покровительство имъ уже одно это удовлетворило-бы самыя насущныя религіозныя потребности. Благодаря средствамъ доставленнымъ государствомъ, обществами прихожанъ и отдѣльными лицами нѣтъ недостатка въ необходимомъ дополненіи; въ частности: католическіе прихожане, самые многочисленныя изо всѣхъ имѣютъ возможность поддерживать свой культъ и совершать богослуженіе согласно своей вѣрѣ, по своимъ каноническимъ правиламъ, со своей законной іерархіей. Въ каждомъ приходѣ или невдалекѣ отъ прихода, живетъ священникъ, который совершаетъ таинства; публично, въ освещенномъ зданіи, посреди убранства, сперва довольно жалкаго, но которое мало-по-малу, дѣлается все лучше, священникъ въ облаченіи служить мессу; не менѣе на виду у всѣхъ конгрегаціи монаховъ и монахинь, братья въ черныхъ одѣянїяхъ, сестры въ головныхъ уборахъ и нагрудникахъ, занимаются своимъ дѣломъ въ школахъ и пріютахъ. Съ другой стороны въ этихъ пріютахъ и больницахъ съ хорошимъ уходомъ и съ прекрасной администраціей, а также въ

бюро благотворительности средствъ теперь почти достаточно для просящихъ, а христіанское милосердіе и филантропическая щедрость постоянно обращается во всѣ стороны, чтобы наполнить пустыя кассы. Начиная съ 1802 г. разрѣшенные государственными совѣтомъ дары отъ живыхъ людей и по завѣщаніямъ то и дѣло попадаютъ въ кассы этихъ учреждений. Въ «бюллетени законовъ» на каждой страницѣ видно какъ они прибываютъ. Съ 1800 по 1845 г. больницы и пріюты получаютъ болѣе 72 милліоновъ, а благотворительныя бюро болѣе 49 милліоновъ; съ 1800 г. по 1878 г. всѣ они вмѣстѣ получаютъ болѣе 415 милліоновъ. Мало-по-малу снова составляется старинное состояніе бѣдняковъ, и 1 января 1833 года убѣжище и больницы со своимъ доходомъ въ 51 милліонъ, могутъ содержать 154.000 стариковъ и больныхъ. Общественное образование тоже снова налаживается; съ 1806 года Франція насчитываетъ 29 устроенныхъ и полныхъ учениками лицеевъ; кромѣ того: 370 среднихъ коммунальныхъ училищъ и 377 среднихъ частныхъ училищъ принимаютъ 50.200 воспитанниковъ; въ 4.500 начальныхъ школахъ—250.000 дѣтей. Наконецъ, въ 1815 г. во Франціи, вернувшейся въ свои прежнія границы,—12 факультетовъ медицинскихъ или юридическихъ съ 6.329 студентами; 36 лицеевъ съ 9.000 учениковъ; 368 коллегій съ 28.000 воспитанниковъ 41 малая семинарія, съ 5.233 учащихся; 1255 частныхъ пансіоновъ и институтовъ съ 39.623 учениками; 22.348 начальныхъ школъ съ 737.369 учениками. Насколько можно судить, пропорція мужчинъ и женщинъ, умѣющихъ читать и подписывать свое имя во время имперіи поднялась до той цифры, которую она достигала до 1789 г. и даже превысила ее. Итакъ, главные ущербы поправлены, съ инымъ механизмомъ три новыя машины исполняютъ работу прежнихъ и черезъ 25 лѣтъ даютъ почти тоже, что давали прежнія. Въ суммѣ—въ томъ большомъ зданіи, которое разграбила революція, новый домовладѣлецъ опять поставилъ три необходимыхъ аппарата для топки, вентиляціи и освѣщенія. Онъ хорошо видитъ свои выгоды и у него мало наличныхъ денегъ, а потому онъ сдѣлалъ самыя маленькія затраты на это; чтобы получить деньги на устройство и работу аппаратовъ онъ создалъ изъ своихъ жильцовъ синдикаты, артели, раздѣлилъ ихъ по квартирамъ и заставилъ ихъ добровольно или нѣтъ, нести главные расходы. Однако онъ хранитъ въ своемъ кабинетѣ ключи отъ трехъ приборовъ; онъ по своей волѣ распределяетъ въ каждомъ этажѣ и въ каждой квартирѣ свѣтъ, свѣжій воздухъ и тепло; онъ раздаетъ ихъ, если и не въ томъ количествѣ, какъ прежде, то все же въ достаточномъ. Наконецъ-то жильцы могутъ свободно дышать, видѣть и не дрожать отъ холода. Послѣ десяти лѣтъ постоянной духоты, тьмы и холода, они теперь такъ довольны, что и не думаютъ дѣлать неприятностей домовладѣльцу, не встаютъ противъ его образа дѣйствій, не оспариваютъ его монополіи, въ силу которой онъ самовластно распоряжается ихъ потребностями. Такимъ же образомъ онъ поступаетъ и относительно матеріальныхъ потребностей—большихъ дорогъ, плотинъ, каналовъ, построекъ нужныхъ для публики; онъ и тутъ все поправляетъ или создаетъ вновь путемъ той же властной инициативы, съ тою-же эконо-

номіей, съ тѣмъ-же распредѣленіемъ затратъ, съ тою-же добровольной или принужденной помощью заинтересованныхъ, съ тою-же практической силой. Словомъ, если бросить общій взглядъ, и удовлетворится тѣмъ, что на мѣстѣ худшаго стоитъ нѣсколько лучшее можно сказать, что благодаря ему французы получили блага, которыхъ они были лишены съ 1789 года: внутренній миръ, общественное спокойствіе, административный порядокъ, правильность, безпристрастное правосудіе, исполнительную полицію, безопасность личности, собственности и свободу совѣсти, возможность свободно жить частной жизнью, пользоваться родиною или вернуться въ отечество; средства, даровое и полное богослуженіе; школы, воспитаніе юношества; постели, уходъ и помощь для больныхъ, брошенныхъ дѣтей и бѣдняковъ; содержаніе дорогъ и общественныхъ зданій. Изъ двухъ группъ потребностей, терзавшихъ французовъ въ 1800 году первая, та, которую породила революція, къ 1808 или 1810 году получила разумное удовлетвореніе.

ГЛАВА II.

I. Нужды предшествовавшія революціи.—Несправедливость распредѣленій.—Несправедливость въ распредѣленіи социальныхъ затратъ и прибылей.—При старомъ режимѣ.—Во время революціи.—Личныя и общественныя побужденія, заставлявшія Наполеона стремиться къ правильному распредѣленію затратъ и выгодъ.—Благопріятныя обстоятельства.—Его правила распредѣленія.—Онъ требуетъ сообразно съ тѣмъ, что даетъ. II. Распредѣленіе расходовъ.—Новый фискальный принципъ и новыя фискальныя механизмы. III. Налогъ прямой, поземельный и налогъ на движимость.—Въ какомъ отношеніи новый механизмъ лучше предыдущихъ.—Полста и быстрота сборовъ.—Облегченіе для платящихъ подати. Еще большее облегченіе для безземельнаго рабочаго и молкаго собственника земледѣльца. IV. Другіе прямые налоги.—Налогъ на патенты.—Налогъ на передачи капитала.—Прибыль отъ ручной работы почти освобождена отъ прямого налога.—Вознагражденіе съ другой стороны.—Косвенный налогъ.—Чѣмъ новый механизмъ лучше предыдущихъ.—Общее и окончательное слѣдствіе новаго фискальнаго порядка.—Большіе сборы.—Меньшіе сборы съ плательщика подати. V. Военная служба.—Чѣмъ она была при старомъ правленіи.—Милиція и регулярное войско.—Количество солдатъ.—Качество рекрутовъ.—Преимущество системъ.—Послѣдствія новаго принципа.—Общая и обязательная служба.—Расходы гражданина въ сравненіи съ расходами подданнаго.—Наборъ при Наполеонѣ. Сначала онъ его дѣлаетъ легче потомъ отягчаетъ. Чѣмъ наборъ дѣлается послѣ него.—Законъ 1818 г.

I.

Другая группа, потребностей, возникшая задолго съ 1789, г. заключаетъ въ себѣ потребности, которыя пережили революцію, потому что революція ихъ не удовлетворила. На первомъ мѣстѣ—самая жгучая, самая глубокая, самая неискоренимая изъ нихъ, а именно—потребность въ справедливомъ распредѣленіи затратъ и выгодъ. Въ политическомъ обществѣ, какъ и во всякомъ другомъ, существуютъ повинности и выгоды, которыя должны распредѣляться; когда распредѣленіе справедливо, оно совершается согласно одному очень простому и очевидному правилу: нужно, чтобы каждый давалъ пропорціонально только получасмой выгодѣ и чтобы выгода была пропор-

цѣльна его вѣладу, что бы для каждаго окончательная затрата и окончательный барышъ уравнивались, чтобы болѣе или менѣе значительная или маленькая доля участія въ расходѣ равнялась болѣе или менѣе значительной или маленькой долей участія въ выгодѣ. Во Франціи, въ теченіи многихъ вѣковъ, не существовало этой пропорціональности; со временемъ она даже уступила мѣсто пропорціональности въ обратномъ смыслѣ. Если бы въ серединѣ XVIII столѣтія въ моральномъ и матеріальномъ бюджетѣ подвели бы два итога одинъ для пассива, другой для актива, и въ одинъ помѣстили бы сумму всего требуемаго государствомъ, т. е. денежные взносы, повинности натурой, военную службу, гражданское подчиненіе, различныя обязанности, и исполненіе всевозможныхъ требованій, словомъ ограниченіе свободнаго времени, благосостояніе или ущербъ самолюбію, а въ другой—сумму дивидендовъ, раздаваемыхъ государствомъ въ различномъ видѣ и въ различной формѣ, какъ-то неприкосновенность личности или собственности, пользованіе дорогами и безопасности на нихъ; общественную власть и ассигнаціи на казначейство, должности, чины, ранги, почести, жалованія, синекуры, пенсіи и т. д., другими словами полнота свободнаго времени благосостояніе и удовлетворенное самолюбіе—можно было бы вычислить, что чѣмъ больше человекъ приносилъ, тѣмъ меньше получалъ онъ, и чѣмъ больше выгодъ получалъ, тѣмъ меньше брали отъ него. Слѣдовательно въ каждой социальной или мѣстной группѣ образовывались двѣ части: большинство, которое страдало въ пользу меньшинства и меньшинство, которое пользовалось все́мъ на счетъ большинства; такимъ образомъ лишенія большинства давали средства на избыткіе меньшаго числа людей и это во все́хъ отдѣленіяхъ, какъ и во все́хъ этажахъ, благодаря многочисленности, чудовищности и разнообразію только почетныхъ или утилитарныхъ привилегій, благодаря законнымъ преимуществамъ и предпочтеніямъ, которыя давали выгоды придворнымъ дворянамъ на счетъ дворянъ провинціальныхъ, дворянамъ вообще, на счетъ мѣщанъ, прелатамъ и владѣльцамъ высшихъ духовныхъ мѣстъ на счетъ приходскихъ священниковъ и викаріевъ, двумъ первымъ орденамъ на счетъ третьяго, буржуази на счетъ народа, городамъ на счетъ деревень, такому то городу или провинціи на счетъ другихъ, ремесленнику цеха на счетъ свободнаго ремесленника и вообще, сильнымъ болѣе или менѣе обеспеченнымъ, соединеннымъ между собою и находящимся подъ чѣмъ-нибудь покровительствомъ на счетъ слабыхъ, болѣе или менѣе нуждающихся, разрозненныхъ и ничѣмъ не защищенныхъ.

За сто лѣтъ до революціи нѣкоторые прозорливые умы и великодушныя сердца—уже почувствовали эту чудовищную несправедливость; въ концѣ она смутила все́хъ, потому что въ каждой социальной или мѣстной группѣ отъ нихъ страдали почти все́, не только поселянинъ, крестьянинъ, ремесленникъ и мѣщанинъ, не только горожанинъ, кюре и именитый буржуа, но и дворянинъ, важный баринъ, прелатъ даже и самъ король; каждый говорилъ о привилегіяхъ данныхъ другому, которыя стѣсняли его, не думая, что его привилегіи тоже приносятъ ущербъ другимъ; каждый желалъ при

дѣлежѣ общественнаго пирога, уменьшить часть другого и сохранить свою; всѣ заодно ссылались на естественное право и требовали или въ принципѣ признавали свободу и равенство; въ то же время всѣ были заодно только по недоразумѣнію; всѣ желали или уничтожить или допускать уничтоженіе. Наконецъ, благодаря тому, что всѣ нападали, а никто не защищалъ весь соціальный порядокъ погнѣбъ вмѣстѣ съ злоупотребленіями.

И сейчасъ же возродились тѣ же злоупотребленія революціонной Франціи; недоставало справедливости распредѣленія еще больше, чѣмъ Франціи монархической. Въ силу внезапнаго перемѣщенія, пользовавшіеся благами при старомъ режимѣ—стали обездоленными, а обездоленные при старомъ режимѣ—сдѣлались избранными; несправедливая милость и несправедливая немилость остались прежними; измѣнились только ихъ объекты. До 1789 г. нація переживала олигархію дворянства и знати; послѣ 1789 года, она переживала олигархію мелкихъ и крупныхъ якобинцевъ. До революціи во Франціи было 300 или 400 привилегированныхъ, которыхъ узнавали по ихъ краснымъ каблукамъ или по башмакамъ съ серебряными пряжками; со времени революціи во Франціи явилось триста или четыреста тысячъ привилегированныхъ которыхъ, стали узнавать по ихъ красному колпаку и фуфайкѣ. Преемниками самыхъ высшихъ изъ привилегированныхъ, тѣхъ трехъ или четырехъ тысячъ древнихъ дворянъ съ провѣренными документами, и представленныхъ ко двору, которые въ силу своихъ пергаментовъ могли входить въ кареты короля, сдѣлались три или четыре тысячи якобинцевъ новаго происхожденія, тоже съ провѣренными правами и представленныхъ, которые въ силу гражданскихъ брѣветовъ, засѣдали въ клубѣ улицы С. Оноре; и вторая категорія была еще болѣе господствующей крайней и болѣе односторонней, чѣмъ первая. Вслѣдствіе этого до революціи бремя налога было легко для богатыхъ или достаточныхъ людей, страшно тяжело для крестьянъ, и вообще мелкаго люда; напротивъ со времени революціи крестьяне и мелкій людъ перестали платить налогъ, и у богатыхъ, у зажиточныхъ правительство взяло все: не только ихъ годовые доходы, но и капиталъ. Съ другой стороны, казначейство питавшее прежде дворъ Версаля, потомъ кормило гораздо болѣе прожорливую чернь Парижа; съ 1793 г. по 1796 годъ содержаніе этой черни стоило ему въ двадцать пять разъ больше, чѣмъ содержаніе двора съ 1783 по 1786 годъ. Наконецъ, въ Парижѣ, какъ и въ Версалѣ, служащіе, которымъ жилось хорошо близъ центра, тащили къ себѣ все, что только могли и уничтожали гораздо больше, чѣмъ имъ полагалось. При старомъ порядкѣ «во время каждой поѣздки въ загородные дома короля приближенныя дамы сберегали 80 процентовъ изъ своихъ дорожныхъ денегъ, а старшая горничная королевы, сверхъ своего жалованія получала 38.000 фр. въ годъ отъ продажи свѣчей. При новомъ режимѣ при раздачѣ съѣстныхъ припасовъ «знать кварталовъ», патриоты изъ революціонныхъ комитетовъ заранее брали себѣ свою долю и очень значительную, уменьшая этимъ порціи длинной вереницы голодныхъ, одинъ бралъ себѣ семь порцій, другой двадцать. Итакъ несправедливость продолжался существовать; обративъ ее въ другую сторону, ее только уси-

лили. Желая строить заново строители должны были положить этому конецъ, потому что несправедливость влечетъ за собою нарушение равновѣсія въ каждомъ социальномъ зданіи; будетъ ли ошибка справа или слѣва — все равно; рано или поздно зданіе обрушится. Именно благодаря этому, французское зданіе дважды обваливалось; первый разъ въ 1789 г., въ силу грозившаго банкротства и отвращенія къ старому порядку; второй въ 1799 г., благодаря дѣйствительному банкротству и отвращенію къ революціи.

Такой архитекторъ, какъ первый консуль, остерегается подобной опасности финансовой, социальной и моральной... Онъ знаетъ, что въ хорошо устроенномъ обществѣ не должно быть ни лишняго обремененія грузомъ, ни въ разгрузки; никакихъ обходовъ закона; никакихъ изъятій; никакихъ исключеній. Прежде всего «государство — это онъ», поэтому общественные интересы смѣшиваются съ его личными выгодами и онъ можетъ свободно управлять этими двойными выгодами. Владѣлецъ и главнѣйшій житель Франціи, какъ древніе короли, онъ не связанъ и не стѣсненъ, какъ они, древними правами своихъ подданныхъ. Занимая главное мѣсто за общественнымъ столомъ, онъ не встрѣчаетъ, какъ Людовикъ XV или XVI, уже сидящихъ застольныхъ товарищей, которые наслѣдовали или купили свои мѣста и размѣстились длинными рядами, начиная съ самаго почетнаго конца стола вплоть до наименѣ важнаго, каждый согласно своему рангу и положенію, на креслѣ, стулѣ или табуретѣ; не видитъ этихъ предупредившихъ его законныхъ и признанныхъ обладателей мѣстъ, сотрапезниковъ короля, которые, въ силу закона, традиции и обычая, не платятъ за обѣдъ, или платятъ меньше, чѣмъ онъ стоитъ, не довольствуются блюдами, подаваемыми имъ, протягиваютъ руки къ кушаньямъ не предназначеннымъ для нихъ, сами овладѣваютъ ими и уносятъ десертъ въ карманахъ. За новымъ столомъ нѣтъ заранѣе занятыхъ мѣстъ; его накрываетъ самъ Наполеонъ и, когда онъ садится къ нему, то оказывается за нимъ одинъ и можетъ пригласить кого ему вздумается, назначить каждому его мѣсто, руководить пиромъ въ своихъ интересахъ и въ интересахъ общихъ, можетъ вводить порядокъ, экономію, можетъ наблюдать за всѣмъ. Вмѣсто расточительнаго знатнаго вельможи — является современный администраторъ, который заказываетъ съѣстные припасы, раздаетъ порціи, ограничиваетъ аппетиты, подрядчикъ, чувствующій на себѣ отвѣтственность, дѣловой человекъ, умѣющій считать. Теперь каждый будетъ вносить свою долю, сообразно той порціи, которую ему отмѣрятъ; каждый будетъ получать порцію, согласно внесенной имъ платѣ. Можно судить по одному примѣру: въ его собственномъ домѣ, въ этомъ мѣстѣ служащемъ обыкновенно средоточіемъ злоупотребленій и синекуръ, нѣтъ паразитовъ. Начиная съ конюховъ и поваренковъ — до высшихъ придворныхъ офицеровъ, до камергеровъ и придворныхъ дамъ, — всѣ — титулованные или нетитулованные слуги; всѣ работаютъ и лично исполняютъ возложенный на нихъ трудъ, физическій, административный или декоративный, днемъ и ночью, въ назначенные часы, за извѣстную плату, безъ растратъ и присвоеній. Тотъ же строй и блескъ при его дворѣ, какъ и при дворѣ старой монархіи требуютъ

обыкновенныхъ и экстренныхъ затратъ; деньги идутъ на конюшни, столы, капеллы, охоту, на путешествія, на домашніе спектакли, на возобновленіе серебра и мебели, на содержаніе двѣнадцати дворцовъ или замковъ. Но при Людовикѣ XV считалось, что «кофе съ молокомъ и съ маленькимъ хлѣбцемъ для каждой изъ придворныхъ дамъ стоитъ королю 2.000 ливровъ въ годъ», а при Людовикѣ XVI «бульонъ вечеромъ и днемъ, который иногда пила двухлѣтняя принцесса стоилъ по 5.201 ливръ въ годъ. При Наполеонѣ «въ людскихъ, въ кухняхъ никто не могъ взять никакой мелочь: ни простого бульона, ни стакана воды съ сахаромъ, безъ позволенія или чека гофъ-фурьера Дюрока».

За каждымъ злоупотребленіемъ слѣдятъ; всѣ доходы заранее вычислены и опредѣлены. Вслѣдствіе этого поѣздка въ Фонтенебло, которая Людовигу XVI стоила около 2 милліоновъ стоить Наполеону, съ тѣми же празднествами, только 150.000 и общая трата на его домъ не доходитъ какъ прежде, до 25 милліоновъ ливровъ, а остается ниже 3 милліоновъ франковъ. Итакъ пышность прежняя, а расходы въ десять разъ меньше; новый хозяинъ умѣетъ извлекать изъ людей и изъ денегъ удесятеренную выгоду, потому что изъ cadaго человѣка, изъ cadaго эку извлекаетъ всю его стоимость. Никто не превзошелъ его въ искусствѣ эксплуатировать деньги и людей, и онъ такъ же ловко, такъ же заботливо, такъ же настойчиво добываетъ ихъ, какъ и эксплуатируетъ.

II.

Для этого въ распредѣленію общественныхъ повинностей и общественныхъ должностей онъ примѣняетъ правила новаго права и на практикѣ дѣйствуетъ согласно съ теоріей; дѣло въ томъ, что въ силу страннаго совпаденія, соціальныи порядокъ, по мнѣнію философовъ единственно справедливый, наиболѣе выгоденъ для него; онъ вводитъ въ общественный строй справедливость, потому что это ему выгодно. Прежде всего въ дѣлѣ общественныхъ повинностей нѣтъ больше изъятій. Избавляя отъ налога или отъ военной службы какую-нибудь категорію плательщиковъ или рекрутовъ, онъ каждый годъ лишалъ бы казну нѣсколькихъ милліоновъ эку и уменьшалъ бы армію на нѣсколько тысячъ солдатъ. Наполеонъ не такой человѣкъ, который согласился бы даромъ отказаться, хотя бы отъ одного солдата или отъ одного эку; онъ прежде всего желаетъ, чтобы у него была армія въ достаточномъ составѣ и, чтобы его казна была полна. Съ цѣлью пополнить пустоту тамъ и здѣсь онъ захватываетъ все что можетъ и въ смыслѣ матерьяла для налога, и въ смыслѣ матерьяла для набора. Но всякій матерьялъ имѣетъ предѣлъ; если бы онъ взялъ слишкомъ мало съ одной стороны, ему пришлось бы взять слишкомъ много съ другой; невозможно облегчить однихъ, не обременивъ другихъ, а именно обремененіе, главное въ смыслѣ налоговъ, вызвало въ 1789 г. общую жакеѣрию, испортило революцію и разрушило Францію. Что касается налоговъ — справедливое распредѣленіе теперь устанавливаетъ общее твердое правило: какова бы не была собственность, крупная или мелкая; въ

какой бы формѣ она не являлась, въ видѣ—земли, строеній, бумагъ, наличныхъ денегъ, заработковъ, доходовъ или жалованія государства, при помощи своихъ законовъ судовъ, полиціи жандармеріи и арміи, охраняетъ ее отъ всегда грозящаго ей посягательства извнѣ или изнутри; оно гарантируетъ ее обезпечиваетъ пользованіе его; по этому всякая собственность обязана выдавать государству за это премію, по стольку то сантимовъ съ франка. Въ данномъ случаѣ, положеніе, состояніе, лѣта или полъ собственника не играютъ роли; каждый обезпеченный франкъ, въ какихъ бы рукахъ онъ не находился, будетъ платить одинаковое количество сантимовъ, ни однимъ больше, ни однимъ меньше. Таковъ новый принципъ; легко провозгласить его; достаточно только скомбинировать нѣсколько умозрительныхъ заключеній, а на это способна каждая «академія». Национальное собраніе 1789 года торжественно провозгласило его, но только какъ право, безъ практическихъ послѣдствій. Наполеонъ превратилъ его въ дѣйствительность; теперь идеальное правило примѣняется къ жизни настолько точно, насколько это возможно, когда въ дѣло замѣшаны люди; примѣняется благодаря двумъ фискальнымъ механизмамъ новаго типа, превосходнымъ въ своемъ родѣ и которые, въ сравненіи съ механизмами стараго порядка и революціи—совершенства.

III.

Взимать прямой налогъ, все равно что дѣлать плательщику хирургическую операцію, которая отниметъ у него часть его существа; онъ страдаетъ отъ нея и соглашается на нее только по принужденію. Когда операцію ему дѣлаютъ постороннія руки, онъ, волей неволей, смиряется; но нечего и ждать, чтобы онъ сдѣлалъ ее добровольно и собственными руками. Съ другой стороны: взимать прямой налогъ, согласно предписаніямъ справедливаго распредѣленія, все равно, что дѣлать каждому плательщику ампутацію, сообразно съ его объемомъ или, по крайней мѣрѣ, съ поверхностью его тѣла; расчетъ довольно труденъ и не слѣдуетъ поручать его дѣлать пациентамъ, потому что они, не только новички хирурги и плохіе математики, но имъ выгодно вычислять невѣрно. Имъ приказали доставить изъ ихъ группы извѣстное вѣсовое количество человеческого мяса и опредѣлить сколько долженъ дать каждый, болѣе или менѣе крупный индивидуумъ, каждый изъ нихъ сейчасъ же понимаетъ, что чѣмъ больше мяса отрѣжутъ у другихъ, тѣмъ меньше его возьмутъ у него; каждый изъ нихъ гораздо чувствительнѣй къ своей боли, даже слабой, чѣмъ къ страданію другого, хотя бы чрезмѣрному; итакъ, каждый, будь онъ толстъ и великъ, а его сосѣдъ малъ, склоненъ, съ цѣлью несправедливо уменьшить на одинъ унцъ свою потерю, несправедливо увеличить на фунтъ потерю своего сосѣда. До сихъ поръ при постройкѣ фискальной машины не замѣчали, или не желали принимать въ соображеніе, этихъ сильныхъ и естественныхъ чувствъ. По небрежности или по оптимизму, плательщика всегда дѣлали первой дѣйствующей частью механизма, до 1789 г., въ качествѣ ответственной и стѣпенной части, послѣ

1789 г. — въ качествѣ части добровольной и доброхотной. Вотъ почему до 1789 г. машина причиняла зло, а послѣ 1789 г. стала безсильна; до 1789 г. ея дѣйствіе было почти смертоносно; съ 1789 г. она не приносила почти ничего. Наконецъ являются дѣятели независимые, хорошо знающіе свое дѣло специалисты; люди получающіе свѣдѣніа на мѣстѣ, но чуждые мѣстныхъ вліаній, всѣ назначенные, утвержденные и оплаченные центральнымъ правительствомъ, принужденные быть безпристрастными, такъ какъ плательщикъ можетъ обратиться въ совѣтъ префектуры, принужденные вести дѣло правильно, изъ-за окончательной провѣрки въ счетной палатѣ; благодаря залогамъ и извѣстному барышу заинтересованные въ томъ, чтобы взысканіе податей производилось честно и правильно, и чтобы собранныя деньги немедленно вносились въ казначейства; всѣ они: собиратели податей, контролеры, надзиратели, инспектора и главные кассиры хорошіе счетчики, находящіеся подъ надзоромъ хорошихъ же счетчиковъ, они прекрасно исполняютъ свои обязанности изъ чувства страха, зная, что взяточничество, очень выгодно при директоріи, строго наказываются при консульствѣ, и вскорѣ поневолѣ дѣлаются добродѣтельными; внутренне прославляютъ себя за свою вынужденную праведность, воображаютъ, что у нихъ есть совѣсть и вслѣдствіе этого приобретаютъ ее, словомъ, дѣлаются честными и точными изъ самолюбія и желанія отличиться. Въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ составлены именные списки для сбора налога, которые съ начала года начинаютъ дѣйствовать. До 1789 г. плательщикъ всегда запаздывалъ и казначейство ежегодно получало за текущій годъ только три пятыхъ сбора; начиная съ 1800 г. прямой налогъ получается цѣликомъ, раньше послѣдняго дня текущаго года, а еще черезъ полстолѣтія плательщики уже не только не запаздываютъ, а платятъ раньше времени. До 1789 для взиманія податей кромѣ административныхъ служащихъ требовалось еще около 200.000 сборщиковъ, которые въ теченіе двухъ лѣтъ ежедневно употребляли подня на то, чтобы бѣгать отъ двери къ двери; они были жалки, всѣмъ ненавистны; разорены своимъ разоряющимъ дѣломъ, обобраны, сами обирали и всегда ходили въ сопровожденіи приставовъ или недоимочныхъ агентовъ; съ 1800 г.—пять шесть тысячъ собирателей податей и другихъ чиновниковъ фиска, все люди порядочные, уважаемые занимаютъ дома своей конторской работой, а въ назначенные дни дѣлаютъ опредѣленный объѣздъ и безъ насилія и съ очень маленькимъ принужденіемъ, собираютъ болѣе чѣмъ двойную сумму. До 1789 г. прямой налогъ приносилъ около 170 милліоновъ, съ XI года—онъ приноситъ 360 милліоновъ. Въ то же время, въ силу удивительнаго слѣдствія, этой реформы, бывшій оброчный, а именно, собственникъ крестьянинъ, мелкій «незащищенный» землевладѣлецъ—землепашецъ, привилегированный навыворотъ, вѣчный козель отпущенія монархіи,—освобожденъ отъ трехъ четвертей повинности, лежавшихъ на немъ съ незапамятныхъ временъ, прежде всего, благодаря уничтоженію церковнаго сбора и феодальныхъ правъ, онъ начинаетъ пользоваться тою четвертью своего чистаго дохода, которую онъ отдавалъ помѣщику и духовенству; затѣмъ, благодаря примѣненію прямого налога ко всѣмъ

всѣмъ и ко всѣмъ лицамъ, доля его взносовъ уменьшается на половину. До 1789 г. изъ 100 фр. чистаго дохода онъ 14 отдавалъ помѣщику, 14—духовенству, 53 государству и сохранялъ всего 18 или 19 фр. Съ 1800 г. онъ изъ 100 фр. чистаго дохода не платитъ ничего ни духовенству, ни помѣщику и отдаетъ государству, департаменту и сельской общинѣ только 21 фр., сохраняя въ карманѣ 79 фр.

Если бы каждый обезпеченный франкъ платилъ по столько сантимовъ преміи правительству,—каждый франкъ, полученный за ручной трудъ и въ видѣ жалованья, долженъ былъ бы платитъ столько же сантимовъ, какъ и каждый франкъ, приобретенный промышленностью или торговлей и какъ каждый франкъ дохода съ движимой или недвижимой собственности, т. е. болѣе одной пятой франка, около 21 сантима. По этой таксѣ рабочій, живущій трудами своихъ рукъ, чернорабочій, поденщикъ, который получаетъ въ день 1 фр. 15 с. и работаетъ 300 дней въ году, долженъ былъ бы изъ 345 фр. платитъ казнѣ 69 фр. Согласно этой таксѣ обыкновенный крестьянинъ, воздѣлыватель собственнаго поля, владѣлецъ хижины и нѣсколькихъ кусковъ земли, которые онъ могъ бы отдавать въ наемъ за 100 фр. въ годъ, долженъ былъ бы изъ своихъ 445 фр. земельного дохода и заработка ручнымъ трудомъ, отдавать казнѣ 89 фр. По этой таксѣ сборъ съ такихъ крошечныхъ доходовъ былъ бы громаднымъ, потому что этотъ доходъ, собираемый изо дня въ день только-только можетъ прокармливать, и очень плохо, человека и его семью; если бы у него отняли пятую часть этого дохода, его и его семью осудили бы на голодовку, потому что фискаль, какъ нѣкогда помѣщики, бралъ бы у него изъ 300 работныхъ дней — 60 работныхъ дней. Таковы были условія, въ которыхъ стояло нѣсколько миллионовъ людей, громадное большинство французовъ при старомъ порядкѣ. Для опредѣленія размѣра пяти прямыхъ налоговъ, т. е.: оброка, добавочнаго оброка, дорожнаго сбора, подушной подати и уплаты двадцатой доли (*vingtièmes*) плательщикъ подводится подъ извѣстную таксу не только сообразно съ чистымъ доходомъ съ его собственности, но еще (и даже главнымъ образомъ) сообразно съ «его способностями» и предполагаемыми средствами каковы бы ни были они) добывать деньги, включая въ нихъ и ручной трудъ или ежедневную плату. Итакъ, несчастный чернорабочій, «безо всякой собственности», который получалъ по 19 су въ день и 270 ливровъ въ годъ, былъ обложенъ налогомъ въ 18—20 ливровъ; такимъ образомъ изъ 300 его работныхъ дней — 20 или 22 дня уже заранѣе принадлежали фиску. Три пятыхъ французовъ находились въ подобномъ положеніи и мы видѣли неизбѣжныя послѣдствія этой податной системы: чрезмѣрные вымогательства и нищенство, разореніе, лишенія, глухую ярость бѣдняковъ и мелкихъ людей. Каждое правительство должно щадить ихъ, если не изъ гуманности, то изъ осторожности, а новое — больше всякаго другого, потому что оно основывается на волѣ большинства, на повторенной подачѣ голосовъ, соотенной подушно.

Для этого оно дѣлитъ прямой налогъ на двѣ части: первая—сборъ съ недвижимости, который не касается плательщика безъ соб-

ственности; второй:—сборъ съ движимости, который его касается; но онъ очень умѣренный: его разсчитываютъ по платѣ за квартиру; онъ минималенъ для мансарды, мебелированной комнаты, хижины, жалкаго пріюта рабочаго или крестьянина; вдобавокъ если плательщикъ очень бѣденъ и, если сборъ тяжелъ для него — фискъ рано или поздно его освободить. Прибавьте къ этому налогъ подушный который беретъ у плательщика отъ 1 ф. 50 с. — до 4 ф. 50 с. въ годъ и очень маленькій сборъ съ дверей и оконъ. 60 сантимовъ въ годъ—въ деревняхъ за одну хижину, въ которой всего одна дверь и одно окно, 60—75 сант. въ годъ въ городѣ за комнату выше второго этажа и съ однимъ окномъ. Такимъ образомъ прежній тяжелый сборъ дѣлается легкимъ: вмѣсто того, чтобы платить 18 или 20 ливр. оброка, подушнойподати и т. д.—поденщикъ, ремесленникъ безъ собственности платитъ не больше 6, 7 фр.; вмѣсто того, чтобы платить 53 ливра въ видѣ «двадцатой доли» личнаго оброка, состоящаго или промышленнаго, поголовной подати и т. д. мелкій собственникъ-землепашецъ платитъ только 21 франкъ. Благодаря этому уменьшенію фискальныхъ повинностей и повышенію заработной платы поденной платы бѣдные или стѣсненные люди, существующіе только постояннымъ тяжелымъ ручнымъ трудомъ: землепашцы, каменщики, плотники, ткачи, кузнецы, кожевники, носильщики, поденщики и чернорабочіе всякаго рода, словомъ рабочія и мозолистыя руки дѣлаются почти свободными: изъ ихъ 300 работныхъ дней, онѣ должны были отдавать фиску отъ 20—59 дней; теперь же не больше какъ отъ 6 до 19 и такимъ путемъ выигрываютъ отъ 14 до 40 дней, въ теченіе которыхъ онѣ, вмѣсто того, чтобы работать на него, работаютъ на себя. Разсчитайте, если можете, сколько заботъ и неприятностей снимаетъ такое облегченіе съ маленькаго хозяйства.

IV.

Эта милость для бѣдныхъ, другими словами, посягательство на справедливость распредѣленія. Вслѣдствіе почти полного освобожденія отъ платы людей не имѣющихъ собственности, бремя прямого налога почти цѣликомъ падаетъ на собственниковъ. Если они фабриканты или купцы на нихъ ложится еще лишній гнетъ: налогъ на патенты, составляющій добавочный сборъ, сообразный съ ихъ вѣроятными барышами. Наконецъ, ко всѣмъ этимъ ежегоднымъ сборамъ и добавочнымъ сборамъ, взимающимся съ вѣроятныхъ или реальныхъ доходовъ, съ основного или оборотнаго капитала, фискъ еще прибавляетъ сборъ съ самого капитала: это налогъ на передачу, который беретъ каждый разъ, когда въ силу подарка, наслѣдства или контракта—даромъ или съ вознагражденіемъ собственность переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, и эта подать, еще отягощенная марками—чудовищно велика, потому что въ большинствѣ случаевъ она беретъ 5, 7, 9 и даже 10^{1/2} процентовъ съ переданнаго капитала, т. е., когда дѣло касается недвижимостей, доходъ за два, три или даже четыре года. Итакъ, начиная первую стрижку, фискъ глубоко запустилъ ножницы, такъ глубоко, какъ только могъ; но онъ

стригъ только овецъ съ болѣе или менѣе густымъ руномъ; его ножницы еле коснулись другихъ овецъ, болѣе многочисленныхъ, съ короткой шерстью, руно которыхъ недлинное и жиденькое держится только благодаря ежедневнымъ получкамъ, жалкимъ заработкамъ отъ поденной работы. Но фискаль вознаграждаетъ себя, когда онъ, снова взявъ ножницы, начнетъ вторую стрижку—это косвенный налогъ, который даже хорошо задуманный и правильно взятый, по своей натурѣ тяжелѣе для бѣдняковъ, чѣмъ для обеспеченныхъ и богатыхъ людей.

При помощи этого налога и благодаря предварительному дѣйствію своихъ таможенъ, дорожныхъ пошлинъ, городскихъ сборовъ со стѣстныхъ припасовъ и монополій, государство беретъ извѣстный процентъ съ окончательной цѣны проданныхъ товаровъ. Такимъ путемъ оно участвуетъ въ торговлѣ и само дѣлается купцомъ. Какъ хорошій купецъ, оно знаетъ, что, желая много получить, оно должно много продать; что ему нужны многочисленные покупатели, что самое большое количество покупателей явится у него, когда ими сдѣлаются всѣ жители страны не только богатые, которыхъ всего десятки тысячъ, не только зажиточные, которыхъ лишь сотни тысячъ, но и полу-бѣдные и совсѣмъ бѣдные, которыхъ насчитываются милліоны и десятки милліоновъ. Вотъ почему, въ число выгодныхъ для него товаровъ, оно включаетъ припасы—нужные для всѣхъ, напримѣръ: соль, сахаръ, табакъ, напитки, покупаемые всѣми. Прослѣдите за послѣдствіями этого, загляните въ каждую лавочку, во всѣхъ городахъ и деревняхъ, на всей территоріи Франціи. Ежедневно и въ теченіе цѣлаго дня—одинъ покупатель мѣняетъ въ лавочкѣ другого, ихъ мѣдяки, ихъ маленькія серебряныя монеты, не переставая звенѣть о прилавокъ; каждый мѣдякъ, каждая серебряная монетка приносятъ фиску по нѣскольکو сантимовъ. Это его доля и онъ отлично знаетъ, что получить ее, т. е. она уже у него; онъ взялъ ее заранѣе. Въ концѣ года эти безчисленные сантимы въ кассѣ превращаются въ милліоны; и этихъ милліоновъ еще больше, чѣмъ собираемыхъ прямымъ налогомъ.

Эта вторая жатва гораздо удобнѣе первой; удобнѣе она и для плательщика, и для государства. Прежде всего плательщикъ тутъ меньше страдаетъ относительно фиска, онъ въ данномъ случаѣ не просто должникъ, принужденный внести такую то сумму въ такое то число; его взносы произвольны, ему не предписывается ни срока, ни размѣра платы; онъ платитъ только при покупкѣ и соразмѣрно съ покупкой, т. е. когда хочетъ и сколько хочетъ. Онъ можетъ выбрать время, выждать, чтобы его кошелекъ былъ менѣе пустъ; ничто не мѣшаетъ ему также поразмыслить передъ входомъ въ лавочку, посчитать свои су и бѣлыя монетки, и рѣшиться на другіе болѣе необходимые расходы, отложивъ или ограничивъ покупку въ лавочкѣ. Если онъ не бываетъ въ кабакѣ, его доля въ сотняхъ милліоновъ, которые образуетъ налогъ на напитки почти равняется нулю; если онъ не куритъ и не нюхаетъ табакъ—онъ не вноситъ своей доли въ милліоны, которые доставляютъ налогъ на табакъ, благодаря тому, что онъ экономенъ, осмотрителенъ, что онъ—хорошій отецъ семейства и способенъ ограничивать свои желанія ради домашнихъ, онъ спасается отъ ножицъ фиска. Впрочемъ, если даже

онъ курить или пьеть, его стригутъ только слегка; пока таможня и монополія не берутъ ничего съ предметовъ, которые ему физически необходимы, какъ хлѣбъ во Франціи, косвенный налогъ не задѣваетъ его живого мяса; обыкновенно фискальныя или охранительныя пошлины и именно тѣ, которыя дѣлаютъ дорожке табакъ, кофе, сахаръ и напитки, не стѣсняють его жизни, а только уменьшаютъ ея удовольствие и ея сладость. Съ другой стороны, собирая эти пошлины, фискъ можетъ прятаться; если онъ искусенъ въ своемъ ремеслѣ, его предыдущія и частичныя дѣйствія исчезаютъ подъ дѣйствіемъ общимъ, которое ихъ заканчиваетъ и прикрываетъ; онъ прячется за купца. Покупатель, который является, чтобы его остригли, не видитъ ножницъ или во крайней мѣрѣ неясно ощущаетъ ихъ прикосновенія; у человѣка народа, у обыкновеннаго барана только непосредственное, прямое физическое ощущение вызываетъ крики, судорожныя подергиванія, отчаянные поступки, заразительное смущеніе и безуміе. Когда онъ избавленъ отъ такого опаснаго ощущенія — онъ не противится, самое большее ропщетъ на тяжелыя времена; онъ не обвиняетъ правительства въ дороговизнѣ, отъ которой страдаетъ; онъ не умѣетъ считать, высчитывать, замѣчать, что цѣна поднялась вслѣдствіе налоговъ. Даже и теперь напрасно будете вы говорить ему, что изъ сорока су, заплаченныхъ имъ за фунтъ кофе, государство беретъ пятнадцать су; что изъ двухъ су, заплаченныхъ имъ за соль, государство беретъ пять сантимовъ — все это останется для него отвлеченной идеей, ничего не обозначающими цифрами; у него получилось бы совсѣмъ другое впечатлѣніе, если бы рядомъ съ бакалейщикомъ, который отвѣшиваетъ ему соль и кофе, онъ собственными глазами видѣлъ чиновника таможни и сояного сбора, который сидѣлъ бы тутъ же и собиралъ съ конторки монеты въ пять сантимовъ и въ пятнадцать су.

Для того чтобы косвенныя налоги были хороши, т. е. выносимы и выносились, какъ мы видимъ, требуются три условія. Прежде всего, въ интересахъ плательщика нужно, чтобы онъ могъ по желанію покупать товаръ обложенный пошлиной. Затѣмъ въ интересахъ плательщика и фиска нужно, чтобы налогъ не дѣлалъ товаръ слишкомъ дорогимъ. Наконецъ, въ интересахъ фиска нужно, чтобы его участіе оставалось незамѣтно. Благодаря этимъ предосторожностямъ даже съ мелкихъ плательщиковъ взимають косвенный налогъ, не разоряя и не возмущая ихъ. Въ силу отсутствія этихъ предосторожностей до 1789 года имъ причиняли такое страданіе, что они прежде всего возмущались именно противъ косвеннаго налога, противъ пошлины на муку, противъ соянаго сбора, внутреннихъ таможенъ и городской пошлины на съѣстные припасы, противъ податныхъ агентовъ, конторъ и списковъ, возмущались путемъ убійства, грабежа и пожара, — въ Провансѣ съ марта, въ Парижѣ съ 13 іюля, потомъ во всей Франціи, съ такой единодушной, опредѣленной, настойчивой озлобленностью, что національное собраніе, тщетно попытавшись возобновить остановившуюся уплату налоговъ и подчинить народъ закону, кончило тѣмъ, что подчинило законъ народу и указомъ отмѣнило всѣ косвенныя налоги.

Вотъ, что революція сдѣлала въ смыслѣ налоговъ. Изъ источ-

никовъ, своимъ безпрестаннымъ теченіемъ наполнявшихъ общественную казну и плохо управлявшихся старымъ порядкомъ, т. е. онъ грубо, рѣзко и неумѣло, собиралъ ихъ струи, она совершенно изсушила одинъ—налогъ косвенный. Теперь нужно наполнить пустое казначейство, а потому необходимо заняться и вторымъ, и первымъ, снова, осторожно и безъ потерь возстановить ихъ; и новое правительство принимается за дѣло, не по примѣру прежняго, поступавшаго, какъ грубый, шарлатанъ, не отступающей отъ рутины, не какъ инженеръ, математикъ, знающій участокъ земли, наклонъ поверхности, то есть — человѣческую чувствительность и силу народнаго воображенія. Прежде всего уничтожаются откупы: государство не продаетъ больше своихъ правъ на соль и напитки компаніямъ предпринимателей, простыхъ эксплуататоровъ, которые думаютъ только о своей временной арендѣ и ежегодныхъ доходахъ; заботятся лишь о ближайшихъ получкахъ, присасываются къ плательщику, какъ пиявки, получившія позволеніе сосать его кровь; которые, имѣя выгоды отъ штрафовъ, то и дѣло ищутъ протоколы и придумываютъ не существующія нарушенія законовъ, всегда опираясь на санкцію обѣдѣвшаго правительства, живущаго на выданные ими задатки предоставляющаго въ ихъ — пользу общественную силу и отдающаго народъ въ жертву ихъ лихоимству. Отнынѣ фиска собираетъ подати самъ, на свой счетъ; онъ собственникъ, который не отдаетъ ничего въ насмъ, пользуется своей собственностью, дѣлается своимъ собственнымъ откупщикомъ. Слѣдовательно въ своихъ же интересахъ, онъ думаетъ о будущемъ, ограничиваетъ получки текущаго года, чтобы не уменьшить доходовъ послѣдующихъ лѣтъ; не разоряетъ плательщика данной минуты, который въ то же время и плательщикъ будущій; онъ остерегается попусту придираться къ нему, онъ избѣгаетъ разорительныхъ судебныхъ преслѣдованій, арестовъ имущества, описей, заточеній въ тюрьму; ему не хочется превращать труженика, который приноситъ ему выгоду въ нищаго, ничего не приносящаго ему или арестанта, стоящаго, ему затратъ. Въ силу этого—облегченіе очень велико; за десять лѣтъ до революціи высчитывалось, что самъ по себѣ и, благодаря добавочнымъ платежамъ, главное же, благодаря штрафамъ и расходамъ на сборъ — непрямой налогъ стоитъ націи вдвое больше того, что онъ приносилъ королю; что народъ платилъ 371 милліонъ а король—получалъ 187, что одинъ соляной сборъ бралъ 100 милліоновъ изъ кармана плательщика, чтобы внести только 45 милліоновъ въ королевскія шкапулки. При новомъ порядкѣ штрафы налагаются рѣдко; описи, наложеніе ареста на имущество и продажа движимостей—случаются еще рѣже, а расходы на взысканіе налоговъ, уменьшенные въ силу увеличеннаго потребленія, сокращаются до того, что вскорѣ составляютъ не пятую, а двадцатую долю получекъ. Затѣмъ—потребитель дѣлается свободнымъ, свободнымъ по праву и на дѣлѣ, онъ можетъ не покупать обложеннаго налогомъ товара. Теперь его больше не заставляютъ въ провинціяхъ съ высокой соленой пошлинной получать, потреблять и оплачивать „обязательную соль“ по семи фунтовъ на голову, цѣной по 13 су за фунтъ.

Свѣстные припасы, безъ которыхъ онъ не можетъ обходиться, хлѣбъ, не облагаются больше провинціальными, городскими или помѣщичьими пошлинами; нѣтъ больше пошлины на муку, какъ въ Провансѣ; онъ можетъ, не платя пошлины продавать или молоть хлѣбъ; ему не мѣшаютъ больше свободно перевозить зерно или торговать имъ. Съ другой стороны: благодаря пониженію фискальнаго сбора, благодаря уничтоженію внутреннихъ таможенъ, дорожныхъ сборовъ, всѣ припасы, кромѣ хлѣба и припасовъ обложенныхъ пошлиной, дѣлаются дешевле и становятся доступными для негугихъ кошелевковъ.

Фунтъ соли, стоившій 12 су и выше, стоитъ теперь только 2 су. Съ боченка бордоскаго вина не берется 200 ливровъ раньше, чѣмъ кабатчикъ въ Реннѣ продастъ его. За исключеніемъ Парижа (и даже въ Парижѣ, до тѣхъ поръ пока чрезмѣрные городскіе расходы, не вынуждаютъ поднять пошлину на свѣстные припасы) общій налогъ на вино, на сидръ и на пиво, даже при розничной продажѣ, повышаетъ ихъ продажную цѣну только на 18 процентовъ и во всей Франціи винодѣль, выдѣлыватель домашняго вина, который собираетъ виноградъ и фабрикуетъ вино для себя—можетъ пить свое вино и даже свою водку, не платя ни одного су пошлины. Вслѣдствіе этого потребление увеличивается и, т. к. не существуетъ больше освобожденныхъ или полусвободныхъ отъ налога провинцій безпошлинной соли, привилегій, благодаря рожденію, положенію, профессіи или мѣсту жительства—казна, несмотря на маленькій налогъ, собираетъ или получаетъ столько же, сколько и до революціи: въ 1809 и въ 1810 г.—20 милліоновъ съ табака; 54 милліона—съ соли; 100 милліоновъ съ напитковъ; потомъ, по мѣрѣ того какъ плательщикъ богатѣетъ и начинаетъ больше тратить,—она собираетъ все большія, и большія суммы: въ 1884 г.—305 милліоновъ съ табака; въ 1885 г.—429 милліоновъ съ напитковъ, не считая сотни милліоновъ собранныхъ еще съ напитковъ городской пошлиной на свѣстные припасы. Наконецъ съ крайней осторожностью, фискаль прячется и ему почти удается избавить плательщика подати отъ присутствія своихъ агентовъ и отъ необходимости сталкиваться съ ними. Нѣтъ больше домашней инквизиціи. Соляной приставъ не является внезапно къ хозяйкѣ, чтобы попробовать ея рассоль, чтобы провѣрить не посоленъ ли окорокъ фальшивой солью и убѣдиться, что вся „обязательная соль“ была дѣйствительно употреблена на „кушанье и соленія“. Досмотривъ винъ не вторгается больше къ винодѣлу или даже къ буржуа, чтобы вымѣрить его бочки, потребовать отъ него отчетъ въ его потребленіи, чтобы составить протоколъ „въ случаѣ недохвата или лишняго количества выпитаго вина“ и наложить на него штрафъ, если онъ, изъ милосердія, далъ бутылку вина больному или бѣдняку. 50.000 таможенныхъ и 172 служащихъ по откупамъ; 23.000 солдатъ безъ мундировъ, которые, вытянутые на протяженіи 1200 лье, ограждали область платившую крупный соляной сборъ, отъ провинцій, обложенныхъ меньшей пошлиной, совѣтъ свободныхъ или откупившихся; безчисленные служащіе при таможенныхъ и заставахъ, разбросанные сложной и запутанной сѣтью вокругъ каждой провинціи, города, округа или

вантона, чтобы собирать съ 20 или 30 рядовъ товаровъ, сорокъ пять пошлинъ общихъ, провинціальныхъ или городскихъ и около 1600 дорожныхъ сборовъ, словомъ, почти весь персоналъ прежняго косвеннаго налога совсѣмъ исчезъ. Глаза плательщика не встрѣчаютъ больше чиновника фиска; его видятъ только при въѣздѣ въ города и при взиманіи пошлины на сѣтные припасы.

По дорогѣ изъ Русильона или Лангедока возчикамъ, которые везутъ въ Парижъ бочки вина не приходится больше платить ему пошлину въ пятнадцать или двадцати различныхъ мѣстахъ, переносятъ его придирки, выждать его доброй воли или жертвовать ему двѣнадцатью или пятнадцатью днями, какъ бывало его предшественнику, безъ нужды удлинявшему ихъ путешествіе, заставляя ихъ праздно стоять въ его бюро и ждать его бумагъ, квитанціи и пропускнаго листа. Теперь его зеленый мундиръ видитъ только кабатчикъ; послѣ уничтоженія переписи въ домѣ, около 2 милліоновъ собственниковъ и фермеровъ—винодѣловъ навсегда освободились отъ его посященій; теперь потребителямъ, въ особенности простому народу, онъ кажется далекимъ и несуществующимъ. Дѣйствительно, его перевели за сто или за двѣсти лье отъ нихъ на внутренніе соловаренные заводы или на окраины къ вѣшной границѣ.

Только тамъ система дѣлаетъ ошибку и ея недостатки очевидны: тамъ идетъ война противъ обмѣна, тамъ царитъ вражда противъ международной торговли, крайнее запрещеніе, постоянная блокада, инквизиція 20-ти тысячъ таможенныхъ, враждебность сто тысячъ контрабандистовъ, грубое уничтоженіе захваченныхъ товаровъ; тамъ замѣчается вздорожаніе на сто процентовъ бумажныхъ издѣлій, на четыреста процентовъ сахара, полное отсутствіе колониальныхъ товаровъ лишенія потребителя, разореніе фабриканта и негодянта. Въ 1811 г. одно банкротство слѣдуетъ за другимъ во всѣхъ большихъ городахъ, начиная съ Гамбурга до Рима. Но этотъ недостатокъ зависитъ отъ воинствующей политики и личнаго характера главы; въ его фискальномъ порядкѣ ошибка, которая губитъ часть вѣшнюю, не касается чести внутренней; послѣ него, во время мирныхъ правленій, ее постепенно сглаживаютъ; отъ воспрещенія перейдутъ къ охраненію, отъ крайняго охраненія къ охраненію ограниченному. Внутри, благодаря добавочнымъ усовершенствованіямъ и частичнымъ исправленіямъ, все останется на пути проложенномъ консульствомъ и имперіей. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ его главныхъ чертахъ, благодаря значенію большинства, раскладкѣ, распредѣленію, таксѣ и доходу, съ различныхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, этотъ путь намѣченъ хорошо; онъ идетъ прямо, но вѣстѣ съ тѣмъ присноровленъ къ обстоятельствамъ; приблизительно отвѣчаетъ новымъ правиламъ экономической науки; приблизительно стариннымъ правиламъ справедливаго распредѣленія; заботливо проложенъ посреди двухъ группъ интересовъ, которые онъ долженъ шадить—интересовъ плательщика, дающаго деньги и государства, которое ихъ принимаетъ.

Дѣйствительно, рассмотрите, что выигрываетъ тотъ и другіе. Въ 1789 г. государство получало только 475 милліоновъ дохода, затѣмъ во время революціи, оно почти ничего не получало изъ своего до-

хода: оно жило на капиталы, которые крали, какъ настоящій разбойникъ, или на занятыя деньги, какъ неоплатный и нежелающій платить должникъ. При консульствѣ и въ первые годы имперіи у него отъ 750 до 800 милліоновъ дохода; оно не вралетъ больше капиталовъ своихъ подданныхъ и не дѣлаетъ больше долговъ. Въ 1789 г. обыкновенный плательщикъ, въ силу прямого налога, платилъ своимъ тремъ древнимъ или недавнимъ властителямъ, т. е. королю, духовенству и владѣльцамъ-дворянамъ, болѣе трехъ четвертей со своего чистаго дохода, послѣ 1800 г., онъ платитъ меньше четверти государству, своему единственному властителю, который замѣняетъ трехъ другихъ. Мы видѣли какое облегченіе получилъ прежній оброчный поселянинъ, мелкій владѣлецъ, человекъ безъ собственности, живущій ручнымъ трудомъ; облегченіе прямого налога вернуло въ его распоряженіе отъ 14 до 40 дней во время которыхъ онъ можетъ работать на себя, вмѣсто того чтобы работать на фиска. Если онъ женатъ и у него есть двое дѣтей, моложе семи лѣтъ, уменьшеніе одного косвеннаго налога, пошлины на соль, возвращаетъ ему еще двѣнадцать дней, въ общемъ, ежегодно отъ одного до двухъ полныхъ мѣсяцевъ, во время которыхъ онъ больше не батракъ, отбывающій барщину, а свободный собственникъ, полный хозяинъ своего времени и своихъ рукъ. Въ то же время, благодаря новой формѣ другихъ сборовъ и въ силу повышенія цѣны на рабочія руки, его физическія лишенія уменьшаются. Ему не приходится больше ни пользоваться только худшей частью своей жатвы, худшимъ зерномъ; испорченной рожью, плохо обработанной и смѣшанной съ отрубями мукой, ни дѣлать для себя напитокка, наливая воду на выжимки винограда, ни продавать свою свинью до Рождества, потому что соль, которой пришлось бы ее поселить, слишкомъ дорога. Онъ солитъ свинью и ѣстъ ее; ѣстъ также и мясо изъ мясной; по воскресеньямъ у него есть горячій мясной обѣдъ; онъ пьетъ вино; его хлѣбъ сталъ питательнѣе, бѣлѣе и здоровѣе; онъ больше не терпитъ въ немъ недостатка и не боится, что у него его не будетъ. Прежде его постояннымъ гостемъ былъ мрачный призракъ, роковой образъ, который уже много вѣковъ смущалъ его днемъ и ночью—голодъ, почти періодическій при монархіи; голодъ хроническій, а потомъ острый и жестокой во время революціи; голодъ который при республикѣ въ три года уничтожилъ больше милліона жизней. Древнее привидѣніе удаляется, блѣднѣетъ; послѣ двухъ случайныхъ и мѣстныхъ появленій, въ 1812 и въ 1817 г. оно не появляется больше во Франціи.

V.

Остается послѣдній налогъ, тотъ, путемъ котораго государство беретъ уже не деньги, а самую личность человека, человека цѣликомъ, его душу и тѣло и именно въ самые лучшіе годы его жизни. Я говорю о военной службѣ. Революція сдѣлала его такимъ тяжелымъ; раньше онъ былъ легокъ, потому что въ принципѣ былъ добровольнымъ. Силой брали только въ милицію, набирая рекрутовъ, изъ мелкихъ жителей деревни. Крестьяне пополяли

милицію, бросая жребій. Но милиція была только добавкой къ дѣйствующей арміи, составляла провинціальныи и территоріальный резервъ, войско для второй линіи и для подкрѣпленія, войско отдѣльное не передвигающееся, которое, когда не было войны, бездѣйствовало: въ мирное время милиція собиралась только на девять дней въ году; съ 1778 г. ее больше не собирали. Въ 1789 г. въ милиціи насчитывалось всего 75.260 человекъ и единственнымъ доказательствомъ ихъ службы были ихъ имена, внесенные въ списокъ. При монархіи не существовало другихъ рекрутовъ; въ этомъ отношеніи она требовала очень мало, въ десять разъ меньше, чѣмъ республика и имперія, потому что республика и имперія, примѣняя такое же принужденіе, собирали съ тою же, или еще худшей строгостью, въ десять разъ больше рекрутовъ или новобранцевъ.

За исключеніемъ милиціи, при старомъ порядкѣ вся армія въ настоящемъ смыслѣ слова, есѣ регулярныя войска, набирались по свободному найму, и не только двадцать пять иностранныхъ полковъ швейцарскихъ, германскихъ, ирландскихъ и лотихскихъ, но и сто сорокъ пять полковъ французскихъ—177.000 человекъ. Въ дѣйствительности поступленіе рекрутовъ въ войска не было вполнѣ свободно; очень часто рекруты вербовались, при помощи соблазновъ и печальности, иногда обмана—и насилія, однако, въ силу требовавшейся торжествующей филльтромъ, въ концѣ концовъ такія злоупотребленія уменьшились. Указъ 1788 года уничтожилъ совсѣмъ главнѣйшія изъ нихъ, но даже и съ злоупотребленіями прежняя система имѣла два большія преимущества. Прежде всего—армія служила своего рода фонтанелью; съ ея помощью социальное тѣло освобождалось отъ зловредныхъ элементовъ, отъ своей дурной крови, слѣшкомъ жаркой или испорченной. Хотя въ тѣ времена ремесло солдата считалось однимъ изъ самыхъ низкихъ и непочтенныхъ, карьерой безъ будущности, безъ движенія впередъ и даже почти безъ возможности покинуть ее, рекрута можно было получить за 100 фр. премии съ прибавкой денегъ на водку; это говоритъ о томъ какого рода и качества были рекруты. Дѣйствительно, ихъ набрали только изъ числа самыхъ непорядочныхъ людей: слугъ, неспособныхъ къ добровольной дисциплинѣ и къ постоянной, послѣдовательной работѣ, искателей приключеній и людей выбитыхъ изъ колеи, полу-варваровъ—полу-шелапаевъ; въ войска шли юноши изъ порядочныхъ семействъ, бросившіеся въ армію съ отчаянія, ученики мастеровыхъ или лакеи безъ мѣстъ, бывшіе бродяги подобранные въ депо нищенства, бродячіе рабочіе, уличные попрошайки, отбросы большихъ городовъ, большею частью люди безъ документовъ, словомъ, «все, что было самаго разнузданнаго, горячаго, безпокойнаго и испорченнаго» въ обществѣ; такъ государство употребляло въ дѣло классъ анти-соціальный, принося этимъ пользу обществу. Представимъ себѣ очень запущенное имѣніе, въ которомъ встрѣчается множество бродячихъ собакъ, грозящихъ сдѣлаться опасными; при помощи вкуснаго куска—ихъ приманиваютъ, надѣваютъ на нихъ ошейники, сожаютъ на привязи и онѣ дѣлаются сторожевыми псами. Далѣе—благодаря этой системѣ подданныи сохраняя первую и самую драгоценную изъ своихъ свободъ—полное

распоряженіе собою, владѣніе своей личностью, своимъ тѣломъ и своей физической жизнью; она была застрахована, гарантирована противъ посягательствъ государства, и такой гарантіи не могла бы дать ей никакая самая обдуманная мудрая конституція, потому что эта система была обычаемъ запечатлѣннымъ въ душахъ. Другими словами: составленное въ незапамятныя времена молчаливое соглашеніе, принятое и подданнымъ, и государствомъ, провозглашало, что, если государство имѣетъ право на кошелекъ подданаго, оно не имѣетъ никакихъ правъ на его личность. Въ сущности и фактически король въ своемъ главномъ дѣлѣ былъ только такимъ же предпринимателемъ, подрядчикомъ, какъ всякій другой: онъ брался защищать націю и доставлять обществу безопасность, какъ другіе берутся очищать улицы или содержать плотину; значить, ему слѣдовало набирать своихъ военныхъ рабочихъ, какъ они нанимаютъ рабочихъ гражданскихъ, набирать добровольно, торгуясь, сообразуясь съ цѣной, установленной на рынкѣ. Его подручные, съ которыми онъ вмѣстѣ велъ дѣло, полковникъ и капитаны полковъ, подчинялись, какъ и онъ, закону спроса и предложенія; онъ выдавалъ имъ извѣстныя суммы на каждого рекрута, чтобы они заполняли свободныя мѣста и они обязывались приобретать необходимое число солдатъ. Они на свой счетъ, на свой рискъ были обязаны доставать солдатъ и вербовщикъ, котораго они посылали съ мѣшкомъ элю въ таверны нанималъ тамъ артиллеристовъ, кавалеристовъ или пѣхотинцевъ, предварительно поторговавшись съ ними, приблизительно также, какъ нанимаютъ метельщиковъ, мостовщиковъ, чистильщиковъ сточныхъ трубъ.

Такой образъ дѣйствій и самый принципъ были опрокинуты Общественнымъ Договоромъ, народъ объявили властителемъ. Въ раздѣленной Европѣ, въ которой государства—соперники всегда близки къ конфликту, всѣ властители военные—они военные по необходимости, по рожденію, воспитанію и профессіи; титулъ влечетъ за собою послѣдствія. Итакъ, присвоивая себѣ права государей, подданный обязанъ принять также и ихъ обязанности; онъ въ свою очередь властитель, но также въ свою очередь онъ и военный. Теперь если онъ рождается выборщикомъ, онъ рождается также и рекрутомъ; онъ взялъ на себя обязательство новое и имѣющее неопредѣленную важность; государство прежде имѣвшее право только на его имущество, теперь имѣетъ право и на его тѣло. Кредиторъ неизмѣнно пользуется всѣми своими правами и государство тоже всегда находитъ причины или предлоги пользоваться своими правами. Испугавшись угрозъ или страданій иностраннаго вторженія, народъ согласился нести эту повинность: онъ думалъ, что она только временная, случайная. Послѣ побѣды и заключенія мира, его правительство продолжаетъ требовать отъ него выполненія той-же повинности; которая дѣлается постоянной и окончательной; послѣ трактатовъ въ Люневинѣ и въ Аміенѣ Наполеонъ не уничтожаетъ ее во Франціи; послѣ парижскаго и вѣнскаго мира прусское правительство оставляетъ ее въ Пруссіи. Съ каждой войной эта система становится тяжелѣе, вырастаетъ; она, какъ зараза, переходитъ отъ государства къ государству; теперь она обнимаетъ всю континен-

тальную Европу; она царитъ въ ней со своей естественной слутницей, всегда предшествующей ей, или (слѣдующей за нею, со своей сестрой—близнецомъ—всеобщей подачей голосовъ; каждая изъ нихъ, болѣе или менѣе ясная, влечетъ за собою другую, болѣе или менѣе неполную и замаскированную; обѣ, слѣпыя и страшныя, ведутъ за собою или исправляютъ будущую исторію—одна, вкладывая въ руки каждаго взрослого выборный бюлетень, другая, навѣшивая на спину каждаго совершеннолѣтняго солдатскій ранецъ. Мы знаемъ съ какими задатками рѣзни и банкротства для XX столѣтія, съ какой крайней международной злобой и недовѣріемъ, съ какой потерей человѣческаго труда, при помощи какихъ искаженій продуктивныхъ отертыій, и какихъ усовершенствованій разрушительныхъ примѣненій, съ какимъ отступленіемъ къ низшимъ и не здоровымъ формамъ древнихъ воинствующихъ обществъ, или къ эгоистическимъ и грубымъ инстинктамъ, къ чувствамъ, правамъ и морали древняго города или варварскаго племени, дѣлаютъ онѣ это чтобы ясно увидѣть это достаточно сопоставить лицомъ къ лицу два военные режима—прежній и теперешній: прежде въ Европѣ было мало солдатъ—нѣсколько сотенъ тысячъ; теперь въ Европѣ 18 миллионъ солдатъ, дѣйствительныхъ или готовыхъ явиться по первому требованію, всѣ взрослые, даже женатыя, даже отцы семействъ призываются или могутъ подлежать призыву въ теченіе 20 или 25 лѣтъ своей жизни, т. е. до тѣхъ поръ пока они способны носить оружіе и работать; прежде для главнаго ядра военной силы во Франціи жизни не конфисковались декретомъ; были только жизни купленныя по договору и при томъ жизни именно пригодныя для этого дѣла, бездѣятельныя или вредныя въ другомъ мѣстѣ; около 150.000 жизней второстепеннаго качества, малой цѣнности, которыя государство могло тратить съ меньшими сожалѣніями, которыя, исчезая, не приносили сильнаго ущерба обществу или цивилизаци; теперь для той же службы во Франціи берется 4 миллионъ жизней и, если онѣ пробуютъ уклониться, ихъ захватываютъ силой; всѣ эти жизни съ двадцатаго года назначаются для одного и того-же физическаго и убійственнаго ремесла, исключенія нѣтъ для тѣхъ, которыя совершенно не подходятъ для этого дѣла и были-бы прекрасны въ другомъ мѣстѣ, для самыхъ изобрѣтательныхъ и плодотворныхъ, самыхъ нѣжныхъ и утонченныхъ, отмѣченныхъ высокимъ талантомъ и имѣющихъ почти безконечную социальную цѣну, порча которыхъ или преждевременное окончаніе бѣдствіе для рода человѣческаго. Это окончательный плодъ новаго порядка. Воинская повинность составляетъ въ немъ противовѣсъ и, какъ-бы выкупъ за политическое право; современный гражданинъ можетъ положить ихъ на чашки вѣсовъ, какъ двѣ три. Пусть онъ на первую чашку положитъ свою прерогативу властителя, т. е. фактически, возможность разъ въ четыре года подать голосъ, одинъ изъ десяти тысячъ, чтобы выбрать или не выбрать одного депутата изъ числа 650. Пусть онъ положитъ на вторую чашку свою опредѣленную дѣйствительную повинность—три, четыре или пять лѣтъ жизни въ казармѣ жизни подчиненной пассивному послушанію, затѣмъ двадцать восемь, а позже, тринадцать дней повторительной службы и въ теченіе

двадцати лѣтъ при каждомъ новомъ слухѣ о войнѣ тревожное ожиданіе приказа, который вложить ему въ руки ружье, чтобы онъ убивалъ или самъ былъ убитъ. Вѣроятно, въ концѣ концовъ, онъ найдетъ, что двѣ чаши не находятся въ равновѣсіи и что его пустое право плохо вознаграждаетъ его за такую тяжелую повинность.

Понятно, въ 1789 г. онъ не предвидѣлъ ничего подобнаго; онъ былъ оптимистомъ, мирнымъ, челоѣколюбивымъ существомъ, либераломъ; онъ не зналъ ни Европы, ни исторіи, ни прошлаго, ни настоящаго; когда учредительное собраніе сдѣлало его властелиномъ— онъ не противился; онъ не зналъ какія обязанности беретъ на себя; онъ не думалъ, что выдаетъ такое крупное обязательство. Подписавъ Общественный Договоръ, онъ однако подписалъ и вексель. Въ 1893 г. этотъ вексель предъявили ко взысканію. Конвентъ его взыскалъ а Наполеонъ регулируетъ полученн. Съ этихъ поръ каждый совершеннолѣтній и здоровый французъ долженъ отдать свой долгъ крови, больше нѣтъ исключеній; всѣ молодые люди, достигшіе извѣстнаго возраста тянутъ жребій и одинъ за другимъ отправляются на службу согласно съ номеромъ на полученномъ билетѣ. Но Наполеонъ— умный кредиторъ, онъ знаетъ, что этотъ долгъ «самый ужасный, самый ненавистный для семей, что его должники настоящіе люди, живые, и слѣдовательно, различные, что глава государства долженъ считаться съ ихъ разнообразіемъ, я хочу сказать—съ ихъ положеніемъ, воспитаніемъ, чувствительностью, съ ихъ призваніемъ, что не только въ ихъ личныхъ интересахъ, но и въ интересахъ общественныхъ, не только изъ осторожности, но и въ силу справедливости, не слѣдуетъ принуждать ихъ всѣхъ, безъ различія, къ одною и тому же машинальному труду; къ одной и той же ручной работѣ, къ одному и тому же продолжительному рабству, рабству тѣла и души. Уже во время Директоріи законъ освобождалъ женатыхъ молодыхъ людей, а также вдовцовъ и разведенныхъ, которые были отцами; Наполеонъ избавляетъ еще и рекрута, у котораго есть братъ въ дѣйствующей арміи, единственнаго сына вдовы, старшаго изъ трехъ сиротъ, сына отца семидесяти одного года, живущаго работою своихъ рукъ: всѣ они поддержки семей. Онъ къ нимъ прибавляетъ еще молодыхъ людей вступающихъ въ одну изъ его гражданскихъ милицій; въ его духовную милицію или въ его милицію университетскую; учениковъ нормальной школы, невѣжествующихъ монаховъ, семинаристовъ, назначенныхъ въ священники, съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ они обѣщались служить ему и дѣйствительно служили, одни— въ теченіе десяти лѣтъ, другіе всю жизнь, подъ дисциплиной еще болѣе суровой, или почти такой-же суровой, какъ дисциплина военная. Наконецъ, онъ позволяетъ или устанавливаетъ, добровольное замѣщеніе, въ силу частнаго условія между рекрутомъ и волонтеромъ-замѣстителемъ, способнымъ носить оружіе, освидѣтельствованнымъ, за котораго отвѣчаетъ замѣщаемый. Они свободно условились между собой, зная на что они рѣшаются и только потому, что каждый изъ нихъ находитъ такой обмѣнъ выгоднымъ для себя; государство не имѣетъ права безъ нужды лишать того и другого этой выгоды и мѣшать замѣнѣ, отъ которой

оно не страдаетъ. А государство совсѣмъ не страдаетъ отъ нея и часто даже выигрываетъ. Вѣдь оно нуждается не въ извѣстномъ лицѣ, Петрѣ или Павлѣ, а въ человѣкѣ, такъ же способномъ, какъ Петръ и Павелъ, стрѣлять изъ ружья, дѣлать большіе переходы, переносить непогоду; и оно принимаетъ именно такихъ замѣстителей. Всѣ они должны быть «очень здоровы, крѣпко сложены», достаточнаго роста. И дѣйствительно, болѣе бѣдные чѣмъ замѣщаемые, они привычнѣе къ лишениямъ и усталости; большая часть изъ нихъ, достигла возмужалости и болѣе пригодна для военной службы, нежели юноши слишкомъ молодыхъ лѣтъ; нѣкоторые изъ замѣстителей—бывшіе солдаты, въ такомъ случаѣ замѣститель вдвое цѣннѣе замѣщаемаго, военного новичка, который никогда не носилъ ранца и не ночевалъ на воздухѣ.

Вслѣдствіе этого, брать замѣстителей позволяется новобранцамъ и рекрутамъ всѣхъ классовъ, которые не могли бы выносить войны, а также людямъ признанными болѣе полезными для государства своими трудами и изученіями, чѣмъ присутствіемъ въ рядахъ арміи. Наполеонъ слишкомъ уменъ, чтобы слѣпо слѣдовать требованіямъ демократическихъ формулъ; его глаза, которые изъ-за словъ видятъ сущность, тотчасъ же замѣтили, что для хорошо воспитаннаго молодого человѣка и для крестьянина или поденщика условія жизни солдата не одинаковы; что сносная постель, теплое платье, хорошіе башмаки, обезпеченный кусокъ хлѣба, кусокъ мяса—для второго, но не для перваго,—новости, а слѣдовательно и наслажденія; что тѣснота и запахъ казармы, грубыя шутки и рѣзкія приказанія капрала, порціонный хлѣбъ и артельная посуда для ѣды, ежедневный физическій трудъ въ теченіе цѣлаго дня, для перваго, но не для второго, новости и, слѣдовательно, страданія; изъ чего слѣдуетъ, что если примѣнять букввальное равенство—установить не равенство на дѣлѣ и, что въ силу новыхъ же догматовъ, во имя настоящаго равенства, а также во имя истинной свободы, нужно позволить первому, который страдалъ бы больше, входить въ соглашеніе со вторымъ, который будетъ страдать меньше. Тѣмъ болѣе, что, благодаря этому, главный гражданскій штабъ сохранить своихъ рекрутовъ; именно въ періодъ отъ девятнадцати до двадцати шести лѣтъ будущіе предводители и ихъ помощники въ дѣлѣ великаго мирнаго и плодотворнаго труда:—ученые, художники, писатели, юрисконсульты, инженеры, медики, дѣятели комерціи и промышленности получаютъ высшее и специальное образованіе, пріобрѣтаютъ свои преобладающія идеи, вырабатываютъ свою оригинальность или опытность; отнять у талантовъ эти плодотворные годы все равно, что остановить ихъ ростъ въ полной силѣ, погубить ихъ гражданскія силы, не менѣе драгоценныя для государства, нежели силы военныя. Къ 1804 г. благодаря замѣщенію одинъ рекрутъ изъ пятнадцати въ деревняхъ, одинъ изъ семи въ городахъ и, среднимъ числомъ, одинъ изъ десяти во Франціи, избавляется отъ насильственной порчи своей жизни; въ 1806 г. цѣна замѣстителя колеблется между 1800 фр. и 4000 фр. и, т. к. капиталы рѣдки, т. к. наличныя деньги еще рѣже—это довольно большая сумма. Слѣдовательно, своихъ сыновей выкупаетъ богатый или зажиточный классъ; другими словами, классъ болѣе или менѣе

образованный; можно считать, что онъ даетъ имъ болѣе или менѣе полное образованіе. Такимъ путемъ онъ мѣшаетъ государству скопить свой хлѣбъ еще во веходахъ и сохраняетъ разсадникъ гражданъ, въ числѣ которыхъ окажутся будущіе избранные члены общества. Но и съ такими смягченіями военный законъ все еще тяжелъ. Однако, его все же можно вынести. Только къ 1807 г. онъ дѣлается чудовищнымъ и годъ отъ года все ухудшается до того, что превращается въ могилу всей французской молодежи, до того, что беретъ для пущаго мяса подростковъ еще не достигшихъ опредѣленнаго возраста и людей уже избавленныхъ отъ повинности или откупившихся отъ военной службы. Но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ до этихъ крайностей и съ упомянутыми смягченіями, онъ можетъ существовать; достаточно немного измѣнить его, сдѣлать правомъ изъятія и возможность замѣщенія; которыя были только милостями, уменьшить ежегодный контингентъ, сократить продолжительность службы, гарантированъ освобожденнымъ ихъ окончательное освобожденіе, и тогда явится законъ 1818 года, это законъ набора сносный и полезный, который въ теченіе полустолѣтія соотвѣтствуетъ своей цѣли, не принося слишкомъ много вреда и не вызывая слишкомъ болѣе ненависти, законъ, который, посреди столькихъ законовъ въ томъ же родѣ, все злобредныхъ,—можетъ быть наименѣе дурень.

ГЛАВА III

1. Распределеніе правъ.—Опасные и привилегированные при предшествующихъ правительствахъ.—При старомъ порядкѣ.—Во время революціи.—Французская и эгалитарная концепція права.—Его ингредиенты и уклоны.—Удовлетвореніе полученное правомъ при новомъ порядкѣ.—Уничтоженіе законныхъ неспособностей, уравниеніе въ обладаніи правами.—Конфискація коллективной дѣятельности, уравниеніе въ лишеніи правъ.—Карьера въ современномъ государствѣ.—Одинаковое право всѣхъ на мѣста и на повышенія по службѣ.—Распределеніе должностей Наполеономъ.—Его личный составъ набирается изъ всѣхъ классовъ и изъ всѣхъ партій.—II Необходимость достиженія.—Ограниченіе и условия повышенія при старой монархіи.—Вліяніе на душевное состояніе.—Внѣшніе выходы, остающіеся для него.—III Революція открываетъ имъ внутренній выходъ и неограниченную карьеру.—Вліяніе на душевное состояніе.—Требованія и претензіи современнаго чловѣка.—Теоретическое правило для выбора достойнаго изъ среды серевнователей.—Народное голосованіе возведенное въ третейскаго судью.—Послѣдствіе этого арбитража.—Его выборъ часто падаетъ на недостойнаго.—IV Наполеонъ, судья конкурса.—Обезпеченность его положенія.—Уничтоженіе старыхъ вліяній и конецъ монархическихъ и демократическихъ уловокъ.—Другія вліянія, противъ которыхъ онъ возстаетъ.—Его правило предпочтенія.—Оцѣнка кандидатовъ на основанія количества и качества полезной работы исполняемой ими.—Его компетенція.—Его прозорливость.—Его бдительность.—Ревностное отношеніе къ дѣлу его чиновниковъ.—Результаты подобныхъ конкурсовъ в подобной работы.—Таланты утилизируются и зависть обезоруживается.—V Конкуры и награды.—Многочисленность мѣстъ. Какъ возросло ихъ число по мѣрѣ распространенія функций центральной власти, расширенія французской территоріи и усиленія политическаго могущества.—Положеніе француза за границей.—Его французское происхожденіе равнялось извѣстному званію.—Быстрота повышеній.—Возпрестьяное исключеніе и умноженіе вакансій въ военныхъ кадрахъ.—Предварительное исключеніе въ гражданскихъ кадрахъ.—Изгнаніе вульгарныхъ людей и прекращеніе образованія во время революціи.—Общее и специальное образованіе въ 1800 году встрѣчается рѣдко. Малочисленность способныхъ кандидатовъ.—Отсутствіе

компетентныхъ людей облегчаетъ имъ повышение. — Величина и соблазнъ предложенныхъ наградъ. — Почетный Легионъ. — Императорское дворянство. — Милости и маюраты. — Соревнованіе. — IV Скрытая пружина съ 1789 г по 1865 г. — Ея сила. — Ея уродство. — Какимъ образомъ она поломала машину.

I

Теперь, когда государство снова стало распредѣлять обязанности и повинности, налагаемая имя, слѣдовало также, чтобы оно снова распредѣлило права и преимущества, даруемая имъ. Съ обѣихъ сторонъ, задолго до 1789 г. распредѣленіе это совершалось далеко неправильно и въ эпоху монархii исключеніе покровило также какъ и изъятія; тѣмъ болѣе, что въ каждой группѣ людей старый порядокъ различалъ двѣ группы, одну, которая пользовалась всеми поблажками, другую, которая должна была испытывать всё строгости. Происходило это потому, что съ самаго начала, при образованіи государства и правительства, король, чтобы получить деньги, услуги или содѣйствіе, въ которомъ онъ нуждался, постоянно заключалъ договоры съ корпораціями, провинціями, сеньориальными владѣніями, духовенствами, церквями, монастырями, университетами, парламентами, профессиональными обществами и отдѣльными семьями, т. е. съ установленными властями, болѣе или менѣе трудно поддающихся, которыя, прежде чѣмъ подчиниться, ставили разные условія. Отсюда во Франціи такая бездна условій: каждая корпорація едавалась на капитуляцію и имѣла свой особый уставъ. Отсюда во Франціи столько различныхъ условій; отсюда понятно, что корпораціи наиболѣе способны къ защитѣ, защищались лучше и ихъ уставъ, писанный или не писанный; гарантировалъ имъ драгоценныя привилегіи, которыя другія болѣе слабыя корпораціи не могли пріобрѣсти или сохранить. Таковы были прежде всего государственныя земли, въ сравненіи съ общинными, два первыхъ ордена, духовенство и дворянство, въ сравненіи съ простымъ сословіемъ, городскіе жители и городскія корпораціи сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. По контрасту наряду съ этими любимчиками исторіи были пасынки исторіи и притомъ болѣе многочисленные, простые податные люди, подданные, не имѣющіе ни чиновъ, ни подоженія, однимъ словомъ, обыкновенные смертные, въ особенности горожане и крестьяне, тѣмъ болѣе гонимые, чѣмъ ниже стояли они на общественной лѣстницѣ; еще хуже было положеніе евреевъ, считавшихся чѣмъ то вродѣ иностранцевъ, едва терпимыхъ, а также кальвинистовъ, не только лишенныхъ самыхъ примитивныхъ правъ, но еще гонимыхъ государствомъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія.

Всѣхъ этихъ людей, которыхъ историческое право отбросило отъ столицы, философское право, въ 1789 г., привело туда снова. Послѣ декларацій учредительнаго собранія во Франціи не существуетъ больше ни бретонцевъ, ни провансальцевъ, ни альзасцевъ, ни католиковъ, ни протестантовъ, ни израелитовъ; нѣтъ дворянъ, разночинцевъ, гражданъ, крестьянъ, есть только французы, граждане, обладающіе одними правами, всё равные передъ государствомъ, всё допущенные закономъ на всё поприща, не имѣющіе различія ни по вѣрѣ, ни по рожденію, ни по состоянію, приглашенные

работать на избранномъ ими поприщѣ, всѣ призванные получить въ концѣ этой карьеры разные призы, должности и чины, главнымъ образомъ, важные посты, которые до сихъ поръ исключительно доставлялись одному классу и не были доступны большинству. Отнынѣ всѣ французы пользуются въ теоріи общимъ правомъ; но къ несчастію только въ теоріи. Фактически же новопришельцы присвоили себѣ мѣсто и привилегіи аристократіи; въ то время какъ крупные и средніе землевладѣльцы, дворяне, чиновники, духовенство, нотабли всѣхъ степеней и всѣхъ достоинствъ лишены были всѣхъ правъ человѣка. Отданные въ жертву деревенскихъ жакерій и городскихъ возстаній, они сперва подверглись равнодушію, а затѣмъ враждебности государства. Общественный жандармъ пересталъ защищать ихъ и отказываетъ въ своихъ услугахъ; затѣмъ превратившись въ якобинца, онъ объявляетъ себя ихъ врагомъ, онъ ихъ грабитъ, сажаетъ въ тюрьму, убиваетъ, онъ изгоняетъ ихъ приговариваетъ къ гражданской смерти, разстрѣливаетъ, если они осмѣлятся возвратиться; всѣхъ ихъ родственниковъ или собственниковъ не покинувшихъ Франціи, онъ лишаетъ гражданскихъ правъ; отъ всѣхъ дворянъ онъ отнимаетъ привилегіи француза и предписываетъ имъ натурализоваться снова: противъ католическаго большинства онъ возобновляетъ запрещенія, гоненія, жестокости, которыя старое правительство примѣняло противъ кальвинистскаго меньшинства. Такимъ образомъ въ 1799 г. какъ и въ 1789 г. было два класса французовъ, два сорта неравныхъ людей, первый высшій—правящій и второй низшій—управляемый; только въ 1799 г. неравенство стало больше, проникло глубже.

Тѣмъ не менѣе принципъ существуетъ; съ 1789 г. онъ вписывается во главу всѣхъ конституцій: и теперь онъ провозглашенъ въ новой конституціи. Несмотря на всѣ измѣненія и изуродованія якобинцевъ, онъ остался популярнымъ; ихъ грубое и лживое толкованіе не могло дискредитировать его. Несмотря на отвратительную и уродливую карикатуру, умы и сердца стремятся къ идеальной формѣ государства, къ истинному общественному договору, къ безпристрастному правленію, дѣятельному и постоянному. Все ихъ воспитаніе, вся литература, философія и культура XVIII вѣка склоняетъ ихъ къ этому взгляду на общество и право; еще болѣе они предрасположены къ этому по внутреннему характеру своего ума, по оригинальному характеру своей чувствительности, по наследственнымъ достоинствамъ и недостаткамъ ихъ націи и расы. Какъ въ предметахъ, такъ и въ лицахъ, французъ быстро и легко схватываетъ главную черту, какой-нибудь общій характеръ. Здѣсь этимъ характеромъ является достоинство человѣка; онъ отдѣляетъ его и легко и увѣренно бросаетъ на большую дорогу послѣдствій. Онъ забылъ, что его общее понятіе соответствуетъ только одной части всего человѣка; онъ опустилъ количество характеровъ и самыя главныя и чреватые послѣдствія, какъ географія, исторія, наследственность, привычка, условіе, ручной трудъ или свободное воспитаніе запечатлѣваютъ въ умѣ, въ душѣ и тѣлѣ и что вслѣдствіе ихъ различности образуются различныя группы, мѣстности и общества. Всѣ эти характеры онъ не только опускаетъ, но уничтожаетъ ихъ; они слишкомъ много

численны для него и слишкомъ сложны. Насколько это удобно для опредѣленныхъ и послѣдовательныхъ мыслей, настолько же это не подходяще для мыслей сложныхъ; вслѣдствіе этого онъ безсознательной, гайной работой невольно укорачиваетъ ихъ, упрощаетъ; отнынѣ его идея даже поверхностная кажется ему глубокой и полной; въ его глазахъ достоинство чловѣка поглощаетъ всѣ другія, она не только имѣетъ свое значеніе, но является единственнымъ значеніемъ. Отсюда является мысль, что всѣ люди обладаютъ одинаковыми достоинствами и что передъ закономъ они должны быть всѣ равны. Отсюда же такое значеніе придается во Франціи слѣдующей формулѣ; «Такъ какъ всѣ люди одинаковы, то я равняюсь любому чловѣку; если законъ предоставляетъ то или другое право людямъ обладающимъ состояніемъ или титуломъ, то и мнѣ онъ долженъ предоставлять то же право. Всякая дверь открытая имъ должна быть открыта и мнѣ; всякая дверь закрытая для меня, должна быть закрыта и для нихъ. Когда законодатель даетъ имъ въ руки выборный бюллетень, то онъ долженъ дать такое же и мнѣ, даже въ томъ случаѣ, если они умѣютъ пользоваться имъ, а я не умѣю, даже если ограниченная подача голосовъ полезна общинѣ, а всеобщая вредна. Тѣмъ хуже, если я государь только по имени и въ воображеніи; я согласенъ, чтобы мое владычество было одной иллюзіей, но съ тѣмъ чтобы владычество и другихъ лицъ было такое же; мнѣ больше нравится рабство и лишенія претерпѣваемыя всѣми, чѣмъ свобода и преимущества данныя нѣсколькимъ и ради одинаковаго уровня я готовъ согласиться, чтобы всѣ несли ярмо и въ томъ числѣ я самъ».

Таковъ внутренній составъ эгалитарнаго инстинкта и таковъ естественный инстинктъ французовъ; онъ или благодѣтельнъ или вреденъ, смотря потому какой изъ ингредиентов доминируетъ въ немъ, то благородное чувство, то низкая зависть; но здоровый или вредный онъ обладаетъ огромной силой во Франціи и новый режимъ удовлетворяетъ его вполнѣ. Нѣтъ болѣе законныхъ неспособностей. Съ одной стороны всѣ республиканскіе законы, относительно проскрипціи или исключенія, уничтожены: эмигранты получили амнистию, правительство заключило конкордаты съ папой, возстановило католическій культъ. Первый консулъ изъ шестидесяти епископскихъ креселъ, отдаетъ двѣнадцать бывшимъ схизматикамъ; онъ желаетъ чтобы они возсѣдали на этихъ креслахъ съ гордо поднятой головой, онъ освобождаетъ ихъ отъ духовнаго покаянія; онъ протягиваетъ руку тѣмъ священникамъ, которые нѣкогда были лишены духовнаго званія и требуетъ, чтобы съ ними обращались хорошо. Съ другой стороны всѣ исключенія неравенства и различія монархіи остаются уничтоженными. Разрѣшены не только калвинистскій и даже израелитскій культы, но учреждены и организованы протестантскія консисторіи и іудейскія синагоги; пасторы и раввины становятся такими же служащими, какъ епископы и кюре, всѣ получая жалованье и назначенія отъ правительства. Какъ нѣчто небывалое въ Европѣ, мелкія церкви меньшинства пользуются со стороны государства вниманіемъ въ той же степени, какъ в главная церковь большинства и отнынѣ духовенство трехъ культовъ нѣкогда

игнорированныхъ, терпимыхъ или гонимыхъ занимаютъ одинаковую ступень въ соціальной іерархіи точно такъ же, какъ и въ законной іерархіи наравнѣ съ духовенствомъ ибкогда единственнаго и преобладающаго культа. Равнымъ образомъ въ гражданскомъ порядкѣ не существуетъ больше никакихъ неравенствъ въ отношеніе разночинца, горожанина, крестьянина или мѣстнаго уроженца какъ прежде при монархіи. Ни одинъ классъ не отягощенъ налогами свыше того, что слѣдуетъ, всѣ лица и все имущества находятъ въ правительствѣ, въ администраціи, въ судахъ въ жандармахъ, одинаковую защиту, вотъ что сдѣлано, чтобы показать хорошую сторону равноправія. Теперь укажемъ на дурныя его стороны. Несомнѣнно, что плебисциты и выборы депутатовъ въ законодательныя учрежденія только комедія; но въ этой комедіи всѣ роли одинаковы и герцогъ старой или новой фабрикаціи является простымъ статистомъ среди тысячъ и милліоновъ другихъ. Безъ сомнѣнія въ общинѣ, департаментѣ, въ учрежденіяхъ благотворительности культа и воспитанія, всякая инициатива отнята отъ частныхъ лицъ и государство пользуется коллективной дѣятельностью, но оно обираетъ преимущественно высшіе классы и такимъ образомъ лишене ощущается сильнѣе крупнымъ землевладѣльцемъ, промышленникомъ и негодантомъ, чѣмъ рабочими или приказчиками, и приказчикъ, рабочий, поденщикъ чувствуютъ себя лучше, видя что ихъ хозяева упали съ высоты и находятся почти въ одномъ съ ними положеніи.

Теперь общественная жизнь кажется людямъ, какъ бы конкурсомъ учрежденнымъ государствомъ, такъ какъ они всѣ заключены, загнаны въ одну загородку; другого поля дѣйствія нѣтъ; въ загородкѣ же всѣ карьеры намѣчены впередъ и манятъ людей къ состязанію: правительство распредѣлило землю, разграничило участки, опредѣлило и подготовило конкурсы, само же оно является единственнымъ судьей, разложивъ передъ взорами состязующихся безчисленные призы. Призы эти суть должности государственныя, политическія, военныя, духовныя, юридическія, административныя, всѣ титулы, званія, которыми оно располагаетъ, всѣ чины отъ низшаго до высшаго, отъ капрала, коллежскаго регистратора, муниципальнаго совѣтника, деревенскаго священника вплоть до сенатора, маршала Франціи, ректора университета, кардинала, государственнаго министра. Каждое мѣсто, смотря потому какъ оно высоко, даетъ своему обладателю болѣе или менѣе значительную часть тѣхъ благъ, къ которымъ стремятся люди, т. е.: деньги, власть, вліяніе, уваженіе, значеніе, соціальное превосходство; поэтому судя по рангу занимаемому въ іерархіи, человекъ является чѣмъ-либо или ничѣмъ; внѣ же іерархіи не существуетъ ничего.

Вслѣдствіе этого способность показать себя въ іерархіи, является одной изъ самыхъ драгоценнѣйшихъ: при новомъ режимѣ она гарантирована закономъ, она становится общимъ правомъ, принадлежить всѣмъ французамъ. Такъ какъ государство не оставляетъ имъ другихъ выходовъ, то имъ остается только тотъ, потому что тутъ имъ предлагаютъ состязаться подъ присмотромъ государства, которое является безпристрастнымъ судьей; такъ какъ достоинство гра-

жданина уже само по себѣ даетъ право достигать всѣхъ должностей безъ различія рожденія, состоянія культа или партіи. Нѣтъ болѣе предварительныхъ исключеній, нѣтъ незаслуженныхъ предпочтеній, безпричинныхъ повышеній. Таково правило современнаго государства: учрежденное такимъ образомъ оно не можетъ пренебрегать безнаказанно этимъ правиломъ. Но крайней мѣрѣ, во Франціи доброе и дурное вліяніе равноправія согласуются между собою, требуя чтобы ему слѣдовали: кромѣ того въ этомъ французы единодушны; ни одна статья изъ ихъ кодекса не пришлась имъ такъ по сердцу, эта статья льститъ ихъ самолюбію и нравится ихъ воображенію; она экальтивируетъ надежду, питаетъ иллюзію, удваиваетъ силу и жизне-нерадостность. До сихъ поръ инертный принципъ оставался безплодно висѣть въ воздухѣ, въ пустомъ пространствѣ умозрительныхъ заявленій и конституціонныхъ обѣщаній; Наполеонъ заставилъ его спуститься на землю; то что собранія тщетно объявляли въ продолженіе десяти лѣтъ, онъ осуществилъ впервые дѣйствуя въ своихъ собственныхъ интересахъ. Исключить отъ достиженія мѣстъ и повышеній какой-нибудь классъ или категорію людей, это значило лишить себя ни съ того, ни съ сего всѣхъ талантовъ, которые заключаются въ этомъ классѣ или категоріи и кромѣ того наклевать на себя глухое и постоянное недовольство всего этого класса или категоріи. Первый консулъ поступилъ бы несправедливо по отношенію къ самому себѣ, если бы ограничилъ себя въ избраніи людей: ему необходимы всѣ способные люди и онъ беретъ ихъ, гдѣ находятъ, направо, налѣво, наверху и внизу, чтобы собрать свои кадры, привлечь къ себѣ на службу всѣ законныя честолюбія и всѣ оправдываемыя претензіи.

При монархіи темное рожденіе закрывало людямъ, даже съ большими дарованіями, доступъ къ большимъ мѣстамъ. При консулатѣ и имперіи двое первыхъ лицъ государства были бывшій секретарь Мопеу, плодовитый переводчикъ и законовѣдъ, бывшій прежде совѣтникомъ въ провинціальномъ судѣ, Лебронъ и Тамбасересъ, одинъ третій консулъ, затѣмъ герцогъ Шлезанскій и главный казначей имперіи, другой былъ вторымъ консуломъ, затѣмъ герцогомъ Пармскимъ и канцлеромъ имперіи, тотъ и другой принцы; въ равной степени маршалы, всѣ были новыми людьми вышедшими изъ мелкаго дворянства или изъ средней руки буржуазіи, большинствомъ же вышли изъ народа или даже изъ черни, изъ самыхъ послѣднихъ рядовъ черни; Массена, сынъ виноторговца, пробывшій солдатомъ унтеръ-офицеромъ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ; Ней, сынъ бочара, Лефевръ, сынъ мельника; Мюратъ, сынъ трактирщика; Ланнъ, сынъ конюшеннаго мальчика; Ожеро, сынъ каменщика и торговки фруктами. Во время республики знаменитое имя принуждало людей носящихъ его постоянно скрываться, такъ какъ это имя могло явиться ихъ къ гильотинѣ. Во время имперіи Талейранъ, князь Беневендскій, назначается на постъ министра иностранныхъ дѣлъ съ окладомъ въ пятьсотъ тысячъ франковъ. Много лицъ принадлежащихъ къ прежней родовой аристократіи фигурируютъ на первомъ мѣстѣ: въ духовенствѣ, де-Роклоръ, де-Буажеленъ, де-Брогліе, Фердинандъ де-Роганъ; въ судѣ, Сегье, Паскъе и Моле; въ личномъ со-

ставъ дворца, графъ де-Сегюръ оберъ-церемониймейстеръ; графъ де-Монтескью-Фезансакъ, оберъ-камергеръ; камергеры, графъ д'Обюссонъ де за Фейядъ, де-Бригодъ, де-Кроа, де-Контаде, де-Лувуа, де-Брянкасъ, де-Гонто, де-Грамонъ, де-Бово, де-Луръ Салюсъ, д'Осонвилъ, де-Ноэль, де-Шабо, де-Тюренъ и другіе носители историческихъ именъ. Во время революціи при каждомъ новомъ переворотѣ парламентскомъ народномъ или военномъ нотабли побѣжденной партіи всѣ прогонялись съ мѣстъ и объявлялись внѣ закона. Послѣ Брюмерскаго переворота не только побѣжденные прежнихъ партій вернулись подъ защиту закона, но ихъ нотабли заняли высокія мѣста. Среди монархистовъ Малюэ занимаетъ мѣсто государственнаго совѣтника, а Мари парижскаго архіепископа, сорокъ семь другихъ духовныхъ лицъ, которые подобно ему не захотѣли присягнуть гражданской конституціи духовенства назначены на епископскія мѣста. Изъ фельянтинцевъ Вобланъ получаетъ мѣсто префекта, Бенъе государственнаго совѣтника и министра финансовъ въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ. Матье Дюма дивизионнымъ генераломъ и директоромъ смотровъ, Нарбонъ становится адъютантомъ Наполеона, затѣмъ его посломъ въ Вѣнѣ; если бы бы Лафайетъ согласился, не скажу просить, но не отказываться, онъ былъ бы маршаломъ Франціи. Изъ жирондистовъ и федералистовъ, не погибшихъ послѣ 2 іюня, Рюфъ становится префектомъ и барономъ, Ланжюйнъ сенаторомъ и графомъ; изъ другихъ попавшихъ въ проскрипціонные списки новый режимъ призываетъ къ дѣламъ и къ управленію дѣлами высшихъ и специальныхъ чиновниковъ, которыхъ Терроръ изгналъ, въ особенности начальниковъ службы финансовъ и дипломатіи, которые разоблаченные Робисьеромъ восьмого Термидора или сраженные приказомъ объ арестѣ въ утро девятаго Термидора чувствовали уже на своей шеѣ рѣзакъ гильотины: Рейнгартъ и Отто становятся послами, Мальенъ графомъ и министромъ казначейства, Мио становится государственнымъ совѣтникомъ, графъ де-Мелито министромъ финансовъ въ Неаполѣ; Годенъ министромъ во Франціи и герцогомъ Гаганскимъ. Изъ бѣглецовъ Фруэтидора, Бартелими становится сенаторомъ; Барбэ-Марбуа директоромъ казначейства и первымъ предсѣдателемъ счетной палаты; Симеонъ государственнымъ совѣтникомъ, затѣмъ министромъ юстиціи въ Вестфаліи; Порталисъ министромъ исповѣданій, Фонтанъ ректоромъ университета. Первый консулъ не обращаетъ вниманіе на прежніе политическіе грѣхи, онъ призываетъ къ себѣ не только умѣренныхъ и полумѣренныхъ, но даетъ мѣста чистымъ роялистамъ и чистымъ якобинцамъ, людямъ наиболѣе приверженнымъ къ старой монархіи, точно такъ же какъ людямъ наиболѣе скомпрометировавшимъ себя, во время революціи. Справа онъ набираетъ наследственныхъ фаворитовъ стараго режима и возводитъ ихъ въ первыя должности, при своемъ дворѣ, въ магистратурѣ, въ духовенствѣ. Слева онъ приглашаетъ Шассе, Редерера и Грегуара, затѣмъ Фуркруа, Берлье и Реали, онъ даетъ мѣста людямъ запятнавшимъ себя самыми ужасными поступками, даже Барера въ продолженіе нѣкотораго времени онъ употребляетъ въ качествѣ шпіона. Почтмейстеръ Друэ арестовавшій королевскую фамилію въ Верениѣ, становится супрефектомъ въ Сентъ-Мангульдѣ; Жанбонъ-Сентъ-Андрэ,

бывшій членомъ комитета общественнаго спасенія, назначается префектомъ въ Майансъ; Мерижъ-де-Дуэ, бывшій докладчикъ закона противъ подозрительныхъ, назначается генеральнымъ прокуроромъ въ кассационную палату; Фуше, одно имя котораго говоритъ все, становится министромъ внутреннихъ дѣлъ и герцогомъ Отрантскимъ; почти всѣ оставшіеся въ живыхъ, отъ періода конвенціи дѣлаются судьями первой инстанціи, финансовыми чиновниками депутатами префектами, консулами за границей, полицейскими комиссарами, инспекторами смотровъ, начальниками почтовыхъ и таможенныхъ конторъ.

II.

Прокладывать себѣ дорогу, выдвигаться впередъ, достигать, такова теперь мысль господствующая въ умѣхъ людей. До 1789 г. она не была господствующей, у ней были соперницы, она не могла развита только на половину, она не могла пустить корни въ глубину, поработить себѣ воображеніе, поглотить волю, захватить всю душу; ей нехватало воздуха и пищи. При старой монархіи движеніе впередъ было ограничено, во первыхъ потому, что она была старая, а при каждомъ порядкѣ, который не является новымъ, каждое новое поколѣніе находитъ мѣста занятыя, а во вторыхъ потому что при этомъ старомъ порядкѣ, покоившемся на наследственности и традиціи будущія ваканціи были заняты впередъ. У большой социальной лѣстницы было нѣсколько этажей; каждый человѣкъ могъ подниматься только по ступенямъ своего этажа, но ни въ какомъ случаѣ не выше; достигнувъ потолка, онъ останавливался у закрытыхъ дверей. Высшій этажъ находился въ распоряженіи другихъ жильцовъ, они занимали его въ настоящемъ и должны были занимать въ будущемъ; на каждой ступени вокругъ обладателя титула находились его неизбѣжные преемники, равные ему люди и сосѣди. Въ то время обращалось вниманіе не только на личность, не только на заслуги и достоинства этой личности, но также на его семью, на его предковъ, на общество, которое онъ носѣщалъ, на его собственный салонъ, на его состояніе и на его образъ жизни. Нерѣдко человѣкъ рожденный на самыхъ высшихъ ступеняхъ этажа поднимался иногда на низшія ступени слѣдующаго этажа, но здѣсь останавливался. Въ общемъ люди нижняго этажа считали, что высшій этажъ для нихъ недоступенъ и даже болѣе, неподходящъ для жизни.

Такимъ образомъ большинство общественныхъ должностей въ министерствѣ финансовъ, въ администраціи, магистратурѣ, въ парламентахъ, въ арміи, при дворѣ, были частными собственностями, какими являются теперь должности натаріуса, присяжнаго повѣреннаго и мѣнялы; чтобы занимать эти должности, ихъ нужно покупать и за очень дорогую цѣну, нужно располагать значительнымъ капиталомъ, примириться заранѣе съ небольшимъ доходомъ, въ 10, 5 а иногда и 3% съ покупной цѣны. Купленное, такимъ образомъ мѣсто обявываетъ дѣлать пріемы, держать открытый столъ, тратить большія деньги. Нерѣдко такое мѣсто заставляеть дѣлать долги; но приобретатель заранѣе знаетъ, что оно принесетъ ему больше ува-

женія, чѣмъ денегъ. Съ другой стороны, чтобы приобрести мѣсто, онъ долженъ былъ добиться согласія корпораціи, членомъ которой онъ становился или начальнииа, въ вѣдомство котораго онъ хотѣлъ поступить, это значить, что его будущіе коллеги должны были смотрѣть на него какъ на уживчиваго человѣка или другими словами, онъ долженъ былъ сперва доказать свой хорошій характеръ, воспитаніе, а также, что его манеры подходили для намѣченной имъ должности и что въ томъ обществѣ, въ которое онъ входилъ, онъ не окажется выскочкой. Чтобы занимать должность при дворѣ нужно было имѣть версальскія манеры, которыя отличались отъ парижскихъ и провинціальныхъ манеръ. Чтобы нести съ честью парламентское званіе, человѣкъ былъ обязанъ обладать мѣстными связями, нравственнымъ авторитетомъ, традиціями и манерами, которыя передавались отъ отца къ сыну въ старинныхъ семьяхъ и которыми не обладали простые смертные. Короче говоря, на этой лѣстницѣ каждый отдѣльный этажъ налагалъ на своихъ жителей обязанность имѣть опредѣленный костюмъ, болѣе или менѣе дорогой покрытый золотымъ шитьемъ и кружевами, т. е. я хочу сказать, извѣстную совокупность привычекъ и привязанностей какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, безусловно необходимыхъ, включая сюда титулъ и имя: буржуазное имя дозволенное въ прихожей лажеемъ явилось бы диссонансомъ; вслѣдствіе этого люди старались облагородить свою фамилію. Каронъ, сынъ часовщика, превратился въ де Бомарше; подкидышъ Никола называется де Шанфоръ; Дангонъ росписывался д' Антонъ, это напоминаетъ человѣка, который, не имѣя параднаго платья, беретъ таковое на прокатъ у кого нибудь, когда идетъ на званый обѣдъ; это допускалось и даже считалось признакомъ извѣстной ловкости и доказательствомъ того, что человѣкъ, уважалъ обычаи хорошаго общества.

Благодаря такому раздѣленію, у людей вошло въ привычку оставаться въ своемъ кругу и ограниченность никого не возмущала. Солдатъ никогда не надѣялся стать офицеромъ; небогатый офицеръ изъ мелкаго дворянства не рассчитывалъ стать полковникомъ или генераломъ. Узкость перспективы убивала воображеніе и надежду на неопредѣленную будущность: прибитое къ землѣ честолюбіе шагало, вмѣсто того чтобы летать; оно чувствовало съ самаго начала, что вершины счастья не для него; оно довольствовалось тѣмъ, что медленно взбиралось на одну или двѣ ступени. Обыкновенно каждый въ своемъ городѣ, въ своей корпораціи, въ своемъ парламентѣ топтался на мѣстѣ. Членъ суда, разбиравшій бумаги въ Греноблѣ или Реннѣ, рассчитывалъ, что черезъ двадцать лѣтъ онъ будетъ предсѣдателемъ суда въ Греноблѣ или Реннѣ и не мечталъ ни о чемъ другомъ. Около совѣтника или президента, около чиновника лѣснаго вѣдомства, министерства финансовъ или иностранныхъ дѣлъ, около адвоката или прокурора всегда былъ или сынъ, или зять, или племянникъ подготовленные домашнимъ воспитаніемъ, техническимъ образованіемъ не только для исполненія должности, но также и для того, чтобы удовлетряться ею, смотрѣть безъ сожалѣнія и зависти на болѣе высшіе посты, чувствовать себя хорошо въ томъ мірѣ и думать, что въ другомъ мѣстѣ, онъ былъ-бы безъ почвы подъ ногами.

Ограниченная и сжатая такимъ образомъ жизнь въ то время была пріятнѣе, чѣмъ теперь; души не столь усталыя, менѣе смущенныя и не столь наболѣвшія, были здоровѣе. Лишенные современныхъ безпокойствъ, французы слѣдовали своимъ личнымъ и общественнымъ инстинктамъ; благодаря своему природному таланту развлекаться, развлекая другихъ въ обществѣ, безъ задней мысли. Можетъ быть если бы не вмѣшалась революція, то великіе парвеню революціи и имперіи вынуждены были бы подчиниться, какъ ихъ предшественники, необходимости и привыкли-бы безъ большого труда къ дисциплинѣ установленнаго строя. Камбасаресъ, наслѣдовавшій послѣ своего отца должность судебного совѣтника въ Монпелье, оказался бы въ свою очередь предсѣдателемъ; въ то же время онъ написалъ бы нѣсколько ученыхъ трактатовъ по юриспруденціи; Лебрэнъ, бывший сотрудникъ Моно, сталъ бы въ Парижѣ совѣтникомъ при судѣ или крупнымъ финансовымъ чиновникомъ; у него былъ-бы философскій салонъ, со свѣтскими женщинами, съ вѣжливыми писателями, которые аплодировали-бы его элегантнымъ, но несправильнымъ переводамъ. Изъ среды будущихъ маршаловъ нѣкоторые чистые плебеи, какъ Массена, Ожеро, Ланнъ, Ней, Лефевръ быть можетъ, благодаря блестящимъ дѣламъ достигли бы офицерскихъ чиновъ, одни спеціально предприниматели тяжелыхъ подвиговъ, какъ командиръ Фишеръ, который взялся разбить шайку Мандрена, другіе стали бы генералами, какъ Шверъ и Лукнеръ. Трудолюбивые и выносливые они нашли бы, даже находясь въ вѣрстепенныхъ чинахъ, если неполное удовлетвореніе для своихъ высокихъ способностей, то во всякомъ случаѣ достаточное поле дѣйствія для своихъ большихъ и грубыхъ аппетитовъ; они продолжали бы также ругаться во время своихъ кутежей съ любовницами такого-же пошиба. Если ихъ характеръ, темпераментъ и ихъ свойство ума не поддавались полировке, если они не могли быть взнузданы, запряжены и управляемы, какъ обыкновенные люди, то все таки имъ не нужно было ломать загородки; на большой дорогѣ, по которой всё шло шагомъ, по сторонамъ имѣлись разные выходы. Во многихъ семьяхъ, среди многочисленныхъ дѣтей, оказывалась какая-нибудь горячая голова съ пылкимъ воображеніемъ; такой обыкновенно не хотѣлъ или не могъ войти въ обычныя рамки; регулярность, посредственность, даже увѣренность въ повышеіи были ему противны; онъ покидалъ на руки старшаго брата или послушнаго племянника наслѣдственное владѣніе или пріобрѣтенную должность; такимъ образомъ, наслѣдственное владѣніе или должность оставались въ семьѣ; его соблазняли безграничныя перспективы и онъ уѣзжалъ изъ Франціи. Въ XVII вѣкѣ, говоритъ Вольтеръ: «французъ можно было встрѣтить повсюду»: въ Германіи, въ Россіи, въ Индіи, въ Южной Америкѣ, въ Канадѣ, въ Луизианѣ,—они были хирурги, фехтовальщики, офицеры, инженеры, въ особенности авантюристы и даже флибустьеры, дѣсныя бродяги, наиболѣе гибкіе, симпатичные, наиболѣе терпимые въ колоніяхъ и единственно способные цивилизаторы, ассимилирующіе туземцевъ, ассимилирующіе сами, принимая ихъ нравы, женясь на ихъ дочеряхъ, переищивая кровь, дѣлая переходящія и новыя расы, какъ на примѣръ Дюма, потомки кото-

раго въ теченіе трехъ поколѣній доставляли оригинальныхъ людей или какъ Метисы изъ Канады, благодаря которымъ туземная раса совершенно преобразилась. Они первые изслѣдовали великіе озера, спустились по теченію Миссисипи до ея устьевъ, создали колониальную имперію съ Шамплэномъ и Лассалемъ въ Сѣверной Америки, съ Дюпелей и Лабрдане въ Индостанѣ. Вотъ какой былъ выходъ для умовъ безпкойныхъ и смѣлыхъ, для характеровъ не желавшихъ подчиняться рутинѣ старой цивилизаціи, для людей вышедшихъ изъ обычной колен, въ которыхъ пустили глубокіе корни первобытные инстинкты кочевника или варвара, которые были чужды всякой субординаціи, въ которыхъ таились нетронутые запасы энергии и инициативы.

Мирабо, скомпрометировавшій скандалами свою семью, былъ посланъ своимъ отцомъ въ голландскую Индію, гдѣ люди умирали массами: тамъ онъ долженъ былъ быть либо повѣшанъ, либо сдѣлаться губернаторомъ огромнаго округа, уважаемымъ и любимымъ повелителемъ пяти сотъ тысячъ малайцевъ: тотъ и другой конецъ никого не удивили бы. Если бы Дантону кто-нибудь посоветовалъ, вмѣсто того чтобы покупать на занятые деньги адвокатскую должность, принесшую ему три процесса въ четыре года, то онъ отправился бы въ Пондишери, затѣмъ оттуда къ какому-нибудь раджѣ или туземному королю, чтобы стать его агентомъ, его совѣтникомъ, его собутыльникомъ, то у Типно-Санба или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, онъ сталъ бы первымъ министромъ, имѣлъ бы свой дворецъ, гаремъ и кучи денегъ; конечно, и тамъ онъ наполнялъ бы тюрьмы, опустошая ихъ иногда поголовнымъ убійствомъ, какъ въ Парижѣ въ сентябрѣ; но тамъ это было бы въ характерѣ нравовъ.

Бонапартъ, послѣ паденія своихъ защитниковъ и считая свою карьеру конченной, рѣшилъ поступить на службу къ султану; сопровождаемый Юно Мюдрономъ и другими товарищами, онъ принесъ бы на востокъ гораздо больше пользы, чѣмъ на западѣ. Чтобы онъ сдѣлалъ тамъ нельзя себѣ представить: конечно, онъ былъ бы пашей, какъ джедаръ Сиріи или хедивомъ, какъ Мехмедъ-Али въ Каирѣ; онъ самъ видѣлъ себя завоевателемъ на подобіе Чингисъ-Хана, основателемъ подобно Александру, пророкомъ на подобіе Магомета: по его собственному признанію «только на востокѣ можно работать во весь размахъ», и онъ дѣйствительно поработалъ бы тамъ во всю. Это было бы лучше для востока и навѣрное лучше для Европы, въ особенности для Франціи.

III.

Но наступила революція и честолюбія, которыя при старомъ порядкѣ отправлялись за границу или глохли подѣ собственной крышей, прозябли на родимой почвѣ и вдругъ расцвѣли сверхъ всякаго оживленія. Съ 1789 г. Франція начинаетъ походить на кишачій муравейникъ, въ нѣсколько часовъ, въ одно краткое августовское утро у васѣкомыхъ копошащихся въ этомъ муравейникѣ вырастаютъ паръ большихъ крыльевъ; они взлетаютъ на воздухъ и толкутся; многія падаютъ, разбиваются, но снова расправляютъ крылья и

продолжаютъ толочься; вѣкоторыя изъ нихъ, которыя посильнѣй и посчастливѣе, поднимаются выше и блестятъ на высокихъ воздушныхъ дорогахъ. Декретами учредительнаго собранія самыя высокія дороги, какъ и всѣ дороги вообще были доступны всѣмъ и не только въ будущемъ, но даже въ настоящій моментъ. Неожиданное и внезапное смѣщеніе всего правящаго класса, уничтоженіе прежнихъ условій, т. е. рожденія, богатства, воспитанія, древности происхожденія, нравовъ и манеръ, которые задерживали и ограничивали движеніе впередъ; теперь всѣ французы были одинаково допустимы ко всѣмъ должностямъ: въ законодательной и соціальной іерархіи должности раздавались по выборамъ по всеобщему голосованію, путемъ простого численнаго большинства; вслѣдствіе этого во всѣхъ развѣтвленіяхъ правительства выбирались новыя власти; «адвокаты попадали въ судьи, простые буржуа въ министры, разночинцы въ дворянъ, солдаты въ офицеры, офицеры въ генералы, деревенскіе поны въ епископы, викаріи въ священники, монахи въ викаріи маелеры въ финансисты, эмпирики въ администраторы, журналисты въ публицисты, риторы въ законодатели, а бѣдные въ богатыхъ;» шагнуть черезъ всю соціальную лѣстницу въ нѣсколько пріемовъ съ самой низкой ступени на самую высокую, съ чина сержанта до генераль-аншефа, отъ положенія незначительнаго адвоката или ничтожнаго газетчика до обладанія высшей властью до всемогущества диктатуры,—вотъ главное положительное дѣло революціи.

Въ то же время въ умахъ происходитъ тоже революція и моральное вліяніе зрѣлища еще сильнѣе и продолжительнѣе чѣмъ само зрѣлище. Души были потрясены до самой глубины; страсти и честолюбія вдругъ проснулись. Количество открывшихся мѣстъ и ваканцій «пробудило жажду повелѣванія и распалило надежду, даже у самыхъ инертныхъ людей, даже дураки и невѣжды считали себя способными, потому что законъ предоставлялъ общественныя функціи только способнымъ. Каждый видѣлъ для себя большое поле дѣйствія: солдатъ думалъ какъ бы замѣстить офицера, офицеръ—превратиться въ генерала, мелкій служащій—стать начальникомъ, вчерашній адвокатъ—надѣтъ на себя пурпуровое платье, священникъ—превратиться въ епископа, писатель—сѣсть на скамью законодателей. Мѣста, положенія оставшіяся вакантными, благодаря назначенію столькихъ выскочекъ, въ свою очередь предоставляли обширную карьеру для низшихъ классовъ. Видя общественнаго дѣятеля вышедшаго изъ ничтожества, какой тряпичникъ не думалъ стать генераломъ?»

Съ этимъ новымъ чувствомъ нельзя не считаться, такъ какъ оно будетъ продолжать, оказывать свое вліяніе, толкать людей съ необычайной силой; оно станетъ одной изъ главныхъ пружинъ ихъ воли и ихъ дѣятельности. Прежде всего управление и администрація станутъ трудными обязанностями; формы и планы прежней общественной архитектуры не могутъ быть больше примѣнимы, нельзя построить одно и то же изъ разносортнаго матеріала, изъ матеріала доброкачественнаго и изъ матеріала плохого, нельзя управлять одинаково людьми, которые вовсе не думаютъ выходить изъ своего положенія и людьми, которые только и думаютъ какъ бы выйти изъ него.

Въ самомъ дѣлѣ, каково бы ни было вакантное мѣсто, каждый изъ конкурентовъ считаетъ себя достойнымъ занять его, а между тѣмъ получить его можетъ только одинъ. Поэтому нужно, не считаясь съ мнѣніемъ каждаго кандидата, установить правило предпочтенія; такое правило было установлено съ первыхъ же дней: изъ всѣхъ конкурентовъ долженъ выбираться тотъ, кто лучше всѣхъ можетъ исполнять функціи созданныя этимъ мѣстомъ. Къ несчастію для выбора кандидата, въ качествѣ обыкновеннаго высшего судьи было установлено голосованіе, т. е. судьей являлось коллективное большинство французовъ и въ этомъ грубомъ большинствѣ единичное разумное существо тонуло совершенно. Изъ всѣхъ судей это самый некомпетентный судья, легче всего могущій быть одураченнымъ, менѣе всего способный понимать предлагаемые ему вопросы и послѣдствіе своего отвѣта, менѣе всего освѣдомленный, невнимательный, наиболѣе ослабленный пристрастными симпатіями или антипатіями, простое стадо барановъ, голосованіе котораго всегда можно измѣнить въ ту или другую сторону и вердиктъ котораго въ большинствѣ случаевъ несправедливъ. Отсюда съ 1792 по 1799 г.г. мы видимъ тотъ республиканскій составъ, который нами описанъ. Только въ арміи, гдѣ ежедневное и острое присутствіе физической и смертельной общественной опасности, диктуетъ настоящій выборъ и возвышаетъ испытанное достоинство до высшихъ ступеней. Нужно ли говорить, что якобинское пристрастіе проявилось и въ арміи въ двухъ случаяхъ: вначалѣ при выборѣ главнаго командира, причемъ выборы зависѣли всецѣло отъ низшихъ чиновъ и такимъ образомъ отдавали офицеровъ въ руки болтуновъ и интригановъ; затѣмъ во время террора и даже позже при смѣщеніи столькихъ офицеровъ, почтенныхъ патриотовъ, отвращеніе заставили Гувіона Сент-Сира и его товарищей избѣгать или отказываться отъ высшихъ чиновъ; пристрастіе якобинцевъ высказалось также въ военной диктатурѣ гражданскихъ проконсуловъ, въ смѣсныхъ приказахъ пьяницы Априо, въ немилости, которой подвергся Бонапартъ, въ арестѣ Гоша.

На гражданской службѣ было гораздо хуже: правило, которымъ руководствовались при повышеніи, не только не признавалось, но примѣнялось въ обратномъ смыслѣ. Въ центральномъ управленіи какъ и въ мѣстномъ отъ низа до верха іерархической лѣстницы, отъ поста министра иностранныхъ дѣлъ, до должности президента самаго крошечнаго революціоннаго комитета, мѣста предоставлялись недостойнымъ.

Такимъ образомъ писанныя права о способности и достоинствѣ на дѣлѣ приводили къ привилегіи неспособности и недостойнства; въ распредѣленіи общественныхъ мѣстъ и преимуществъ справедливость должна была уступить мѣсто несправедливости и практика совершенно противоположная теоріи установила свою власть; съ одной стороны выгонялись или отставлялись люди компетентные, образованные, опытные, воспитанные и почтенные, съ другой стороны приглашались невежественные новички, грубый плебсъ, шалопаи, болтуны ни къ чему не способные, но берущіеся за все: такіе люди достигнувъ благосостоянія, благодаря отсутствію совѣсти, главный принципъ видѣли въ собственномъ кулакѣ и сосредоточивали всю

свою волю на томъ, чтобы сохранить за собою занятя ими мѣста, хотя бы даже цѣною жизни своихъ соперниковъ. Въ 1789 г. была открыта карьера для честолюбивъ; до 1799 г. соперничество честолюбивъ не произвело ничего кромѣ безформенной борьбы. Главное затрудненіе все еще не было разрѣшено; нужно было урегулировать конкурсы и пайти безпристрастнаго судью, высшаго арбитра конкурса.

IV.

Такой судья, наконецъ, былъ найденъ. 8 ноября 1799 г. онъ сѣлъ въ кресло и въ тотъ же вечеръ сталъ исполнять свою обязанность, сталъ избирать кандидатовъ и назначать достойныхъ. Это военный вождь, онъ сдѣлалъ самъ себя судьей; онъ не зависитъ отъ парламентскаго большинства. Съ этой минуты власть улицы уничтожена. Парижане будутъ долго вспоминать 13 вандемьера и то, какъ растрѣливалъ ихъ генераль Бонапартъ, на лѣстницѣ св. Роха. Противъ нихъ и противъ враговъ, желавшихъ установить свою юрисдикцію, онъ съ перваго же дня принялъ предосторожности; его кресло перваго консула, а затѣмъ тронъ императора вполнѣ прочны: никто во Франціи не можетъ отнять ихъ у него. Вокругъ него въ толпѣ царитъ глубокое молчанье; нѣкоторые отваживаются перевинуться двумя, тремя словами шепотомъ, за такими сейчасъ же начинаетъ присматривать полиція. Въмѣсто того, чтобы повиноваться общественному мнѣнію, онъ руководитъ имъ, а при случаѣ самъ дѣлаетъ его: съ высоты своего положенія единый и независимый, онъ произноситъ постановленія и является распредѣлительной властью. Онъ избѣгаетъ и остерегается вліяній и соблазновъ, которые уменьшали справедливость постановленій его предшественниковъ; передъ его трибуналомъ безсильны подвохи и приемы, примѣнявшіеся прежде для вліянія на народъ или на короля; отнынѣ занятія придворнаго и профессія демагога совершенно невыгодны. Съ одной стороны теперь ничего нельзя добиться, какъ въ эпоху монархіи, при помощи обиванія пороговъ, посредствомъ элегантныхъ манеръ, деликатной лести, при помощи слугъ и женщинъ. Здѣсь любовницы не играютъ ни какой роли, здѣсь нѣтъ ни фаворитовъ, ни фаворитокъ, ласки ни больше, ни меньше, какъ предметъ домашняго обихода; высшіе придворные чины ничто иное, какъ дополнительная декорація и дворцовая мебель. Ни одинъ изъ нихъ не отважится попросить за кого-нибудь; если они добиваются милостей, то только очень ничтожныхъ или чисто политическихъ; повелитель соглашается исполнить ихъ просьбу только для того, чтобы крѣпче привязать къ себѣ ихъ или ихъ партію. Они сами, ихъ искусственная культура, ихъ свѣтскость, остроуміе, умѣніе бесѣдовать, кланяться и улыбаться, ко всему этому онъ относится безразлично и даже тяготеетъ имъ; онъ не любитъ ихъ осторожныхъ, изысканныхъ манеръ; онъ считаетъ ихъ необходимыми только для вишняго блеска; онъ уважаетъ въ нихъ только ихъ знаніе церемоніала, ихъ внутреннюю гибкость, позволяющую имъ въ одно и то же время, сохранять свое достоинство и казаться рабами, ихъ наследственный тактъ, который

учить ихъ подавать письмо не изъ рукъ въ руки, а на поляхъ шляпы или на серебряномъ подносѣ и онъ цѣнить эти качества ни больше, ни меньше того, что они заслуживаютъ.

Съ другой стороны теперь уже нельзя достигъ ничего какъ въ эпоху республики разглагольствованіемъ съ трибуны или въ клубѣ, призывомъ къ принципамъ, краснорѣчивыми или декламаторскими тирадами; теперь неопредѣленные общія мѣста, отвлеченности, эффектные фразы не имѣютъ никакого значенія; болѣе того политическая идеологія можетъ только повредить человѣку въ его карьерѣ. Съ перваго взгляда практической духъ судьи проникъ въ корень причинъ; онъ едва выноситъ метафизику, краснорѣчивыя разсужденія, словесную ложь.

Онъ заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что не довѣряетъ каждому обладающему литературнымъ или ораторскимъ талантомъ. Но его мнѣнію «люди хорошо пишущіе и обладающіе краснорѣчіемъ, лишены правильнаго взгляда на вещи, не обладаютъ логикой и отвратительно разсуждаютъ»; это только артисты, какъ и другіе, музыканты словъ, родъ ограниченныхъ и специальныхъ инструментовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ на примѣръ, Оронтоны хорошіе солисты и которыхъ вождь государства можетъ употреблять, но только для официальной музыки и для парадовъ. Даже умъ, не тотъ умъ, изобрѣтающій милыя остроты и наиболѣе цѣнный при старомъ режимѣ, но даже разумъ вообще имѣетъ для него полцѣны. «Вы можете быть скажете, что вы умны. А что мнѣ дѣлать съ вашимъ умомъ? Нѣтъ такого животного, которое было бы способно ко всему». Дѣйствительно, когда онъ даетъ какое-нибудь мѣсто, то всегда имѣетъ въ виду обязанности, сопряженныя съ нимъ: хорошее исполненіе обязанностей, вотъ мотивъ опредѣляющій его выборъ; изъ кандидатовъ назначается всегда тотъ, который лучше всего можетъ исполнять дѣло. Никакая популярность или непопулярность не нарушаютъ его правила. Онъ избираетъ людей, судя по количеству и качеству производимой ими работы, по *чистымъ результатамъ* и онъ выбираетъ ихъ непосредственно самъ. Во всѣхъ отрасляхъ гражданской и военной дѣятельности до послѣдней технической подробности онъ является специалистомъ; его память на факты, на поступки, на разныя случайности прямо удивительна; его критическій анализъ, его угадываніе достоинствъ и недостатковъ встрѣчающихся въ умѣ или душѣ, его способность опѣиванія людей по истинѣ чудесна; благодаря безпрестаннымъ провѣркамъ и исправленіямъ, его біографическій и нравственный словарь ведется день за день; его вниманіе никогда не притупляется; онъ работаетъ восемнадцать часовъ въ день; его личное вмѣшательство и его руку можно встрѣтить даже въ бумагахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о назначеніи субалтерновъ. «Всѣ лица, призванные къ дѣламъ, были избраны имъ»; благодаря ему же они сохраняютъ свои мѣста; они получаютъ повышенія подъ его контролемъ. «Министръ не могъ смѣсигитъ ни одного чиновника безъ вѣдома императора. Ни одинъ министръ не могъ назначить никакого второстепеннаго чиновника безъ того, чтобы не представить императору

нѣсколькихъ кандидатовъ». Поэтому всѣ чувствуютъ на себѣ взглядъ повелителя. «Я работалъ, говоритъ Бенне, съ вечера до утра, съ чрезвычайнымъ жаромъ, удивляя мѣстныхъ жителей, которые не знали, что императоръ оказывалъ на своихъ слугъ, какъ бы далеко они ни были, влияние какъ бы личнаго присутствія; мнѣ казалось, что я вижу его передъ собой, когда я работалъ у себя въ кабинетѣ». «При немъ, пишетъ Редереръ, не было болѣе или менѣе достойнаго человѣка, который въ награду за долгую и трудную работу не чувствовалъ бы себя вознагражденнымъ новой работой болѣе, чѣмъ заслуженнымъ отдыхомъ». Никогда мѣста не походили менѣе на синекуры. Никогда успѣхъ счастливыхъ кандидатовъ, или неуспѣхъ кандидатовъ несчастныхъ, не казался болѣе несправедливымъ. Никогда трудности, рискъ работы не вознаграждали болѣе точно удовольствія достигнутой награды, никогда человѣческое соревнованіе не встрѣчало такого опытнаго и авторитетнаго судью. Онъ самъ сознавалъ свою единственную роль; его честолюбіе, болѣе ненасытное, чѣмъ у всякаго другого человѣка, давало ему возможность понимать честолюбіе другихъ; ставить повсюду человѣка подходящаго къ мѣсту, въ мѣстѣ подходящемъ для человѣка,—вотъ что онъ дѣлалъ для себя и другихъ. Онъ знаетъ, что именно въ этомъ состоитъ его сила, его высокая популярность, его социальная полезность: «никто, говорилъ онъ, не станетъ уничтожать правительство, гдѣ все достойное находитъ себѣ мѣсто». И онъ повторяетъ эту значительную фразу, говоря: «отнынѣ дорога открыта всѣмъ талантамъ».

У.

Посмотримъ теперь, какую открываетъ онъ имъ дорогу и какія назначаетъ награды. Эти награды разложены у всѣхъ на глазахъ, распредѣлены по разстояніямъ причемъ наиболѣе далекіе, наиболѣе великолѣпныя; награды имѣются для всѣхъ честолюбій какъ для самыхъ высокихъ, такъ и для самыхъ низкихъ и число ихъ безконечно; такъ какъ это мѣста, всѣ степени гражданской и военной іерархіей въ большомъ централизованномъ государствѣ при правительствѣ, которое не терпитъ никакой власти, никакого влияния, внѣ себя. Всѣ эти награды даже самыя незначительныя и минимальныя распредѣляются имъ. Прежде всего на одной только территоріи Франціи, у Наполеона имѣется въ два-три раза болѣе свободныхъ мѣстъ, чѣмъ у прежнихъ королей, такъ какъ даже при выборѣ личнаго состава короли не всегда были свободны; кромѣ того, во многихъ мѣстностяхъ они не имѣли права назначать людей на мѣста. Иногда это право съ незапамятныхъ временъ принадлежало провинціальнымъ или муниципальнымъ корпораціямъ духовнымъ или свѣтскимъ, тому или другому монастырю, аббатству, епископу въ его епархіи, номѣщику въ его имѣніи; иногда король передавалъ это право полностью или частью, то въ видѣ милости какой-нибудь семьѣ, то продавалъ за деньги: однимъ словомъ, наследственные и благопріобрѣтенныя привилегіи ему связывали руки.

Первому консулу никакія привилегіи не стѣсняли рукъ. Вся граж-

данская организація начинается съ него: такимъ образомъ личный составъ администраціи сдѣланъ по его выбору; и его личный составъ болѣе многочисленъ, чѣмъ при старомъ режимѣ, такъ какъ онъ простирается далеко за прежнія границы; прямо или косвенно онъ назначаетъ сотни тысячъ мэровъ муниципальныхъ и генеральныхъ совѣтникововъ, всю администрацію, многочисленныхъ чиновниковъ министерства финансовъ, юстиціи, общественныхъ работъ, все духовенство, кромѣ того, онъ назначаетъ мириады министерскихъ служащихъ, нотаріусовъ, новобранныхъ, приставовъ, комиссаровъ, а также всѣхъ членовъ большихъ частныхъ компаній, потому что ни одно коллективное предпріятіе, начиная съ Французскаго Банка и журнала до мелкихъ пароходныхъ обществъ, не можетъ быть учреждено безъ его разрѣшенія. Начиная съ 1789 г. число людей получающихъ жалованье отъ государства увеличилось вдвое; въ Дуксѣ въ IX году вмѣсто 916 было 1820; въ Мартѣ въ XIII году вмѣсто 1828 было 3091; въ Эвѣ въ 1806 г. вмѣсто 955 стало 1771 человекъ. Что касается арміи, то она утроилась и по подсчету самого Перваго Консула вмѣсто 9000 офицеровъ бывшихъ въ 1809 г. въ ней насчитывалось 20000. Всѣ эти цифры возрастаютъ на прежней территоріи, благодаря развитію новой организаціи, благодаря огромному увеличенію арміи, вслѣдствіе возстановленія культа, учрежденія университета, вслѣдствіе возростанія численности офицеровъ, священниковъ, учителей, фискальныхъ агентовъ, профессоровъ и преподавателей, инвалидовъ, лицъ находящихся въ отставкѣ и на пенсіи.

И эти цифры, возросшія уже сами по себѣ, должны возрасти еще болѣе благодаря увеличенію территоріи. Вмѣсто 86 департаментовъ съ 26 милліонами, народонаселеніе, Франція увеличивается до 130 съ 42 милліонами жителей, такъ какъ присоединяются Бельгія и Пьемонтъ, затѣмъ Ганноверъ, Тоскана, центральная Италия, Иллирія, Голландія и Ганзейскія провинціи, т. е. 44 департамента и 16 милліоновъ подданныхъ. На этой новой административной почвѣ, Наполеонъ устанавливаетъ свою систему и отъ Гамбурга и Амстердама до Рима и Корфу мѣста заняты французами; вотъ еще широкій выходъ для большихъ и малыхъ честолюбій.

Прибавьте къ этому еще другой, не менѣе широкій, находящійся за предѣлами Франціи: вспомните что всѣ вассальные короли и принцы, Евгенийъ, Людовикъ, Жеромъ, Мюратъ, Иозефъ въ каждое изъ своихъ государствъ ввозитъ вмѣстѣ съ собой французскій штатъ болѣе или менѣе многочисленный, состоящій изъ друзей, придворныхъ чиновъ; генераловъ, министровъ, администраторовъ, даже мелкихъ чиновниковъ и неизбѣжныхъ субалтерновъ. Даже въ государствахъ независимыхъ или несоюзныхъ, въ Пруссіи, въ Польшѣ, въ Реймской конфедераціи постоянно или временно находятся французы для начальствованія надъ контингентами, для того, чтобы занимать крѣпости, принимать провіантъ, собирать военную котрибуцію. Даже у мелкаго капрала или таможеннаго чиновника въ Данцигѣ и Реджіо чувство гордости побѣдителя равняется извѣстному чину; мѣстные жители кажутся въ его глазахъ полуварварами или полудикарями, людьми отсталыми и невѣжественными, потому что они не умѣютъ даже говорить на его языкѣ; онъ считаетъ себя выше, какъ нѣкогда

совог soldado XII столѣтія или римскій гражданинъ. Со времянь великой испанской монархіи и древней римской имперіи, никогда завоевательное государство, пропояндирующее новыя принципы, не удовлетворяло въ такой степени самолюбіе своихъ подданныхъ и не открывало столь обширной карьеры для всякаго честолюбія.

Французы знали, что разъ вступивъ на службу, они могли подвигаться быстро впередъ. Нигдѣ для энергіи не ставилось препятствій: никто не чувствовалъ себя прикрѣпленнымъ навсегда къ своему мѣсту, каждый смотрѣлъ на свой постъ какъ на временную станцію; каждый устрояется только въ ожиданіи лучшаго: съ перваго же дня онъ смотритъ впередъ, мысленно возносится выше, напередъ занимаетъ высшій постъ и при такомъ режимѣ ваканціи безчисленны.

На военной службѣ и среди офицерскихъ чиновъ ваканціи бывають до четырехъ тысячъ въ годъ; съ 1808 и 1809 года, но особенно послѣ разгромовъ 1812 и 1813 годовъ, не хватаетъ не мѣстъ, а людей для ихъ занятія; Наполеонъ принужденъ брать въ офицеры юношей, учениковъ 18 лѣтъ, которые послѣ полуторалѣтнаго пребыванія въ военной школѣ, оканчивають свою науку на поляхъ битвы, студентовъ философіи и реторики и просто добровольцевъ: 23 декабря 1808 года онъ требуетъ изъ лицеевъ 50 учениковъ, которые немедленно получаютъ унтеръ-офицерскія нашивки; въ 1809 году—250, которые будутъ служить въ запасныхъ батальонахъ, въ 1810 году 150 человекъ 19 лѣтъ, которые будутъ посланы въ отдаленныя экспедиціи въ чинѣ подпоручиковъ, въ 1811 году—400 человекъ для унтеръ-офицерской школы Фонтенебло, 20—на островъ Ра и 84 для службы въ качествѣ фурьеровъ и т. д. Само собою разумѣется, что благодаря ежегоднымъ опустошеніямъ, производимымъ пушками и штыками, юноши оставшіеся въ живыхъ, быстро подвигаются впередъ, въ 1813 и 1814 годахъ, нѣкоторые въ 25 лѣтъ были полковниками.

Въ гражданскомъ вѣдомствѣ, если люди не гибли отъ пуга, то за то быстро изнашивались. Въ это царствованіе человекъ быстро утомялся физически и нравственно, даже занимаясь мирнымъ трудомъ и конечно это тоже открывало ваканціи; кромѣ того для людей достойныхъ являлся еще новый путь къ повышенію. Наполеонъ принималъ только компетентныхъ кандидатовъ, такимъ образомъ 1800 году на гражданскія мѣста не хватало нужныхъ людей. Въ военномъ дѣлѣ способности не особенно оцѣнны: храбрость, хладнокровіе, глазомѣръ, энергія, топографическое восбраженіе играютъ тамъ главную роль; въ три-четыре года люди, умѣвшіе правильно читать и знавшіе четыре правила арифметики превращались во время революціи въ превосходныхъ офицеровъ и непобѣдимыхъ генераловъ. Не такъ обстоитъ дѣло со способностями для гражданскаго вѣдомства, оно требуетъ долгихъ и регулярныхъ занятій; чтобы стать священникомъ, судьей, инженеромъ, профессоромъ, префектомъ, преподавателемъ, требуется человекъ изучившій теологію или право, математику или латынь, администрацію или финансы: безъ этого чиновникъ не можетъ исполнять своихъ обязанностей: онъ долженъ кромѣ того знать орфографію, умѣть излагать свои

мысли по французски, составить рапортъ, вести отчетность, а при случаѣ разбираться въ чертежахъ, читать карту. Въ началѣ консульства такіе люди встрѣчаются рѣдко; въ качествѣ нотаблей революція лишила ихъ правъ и предпочтенія. Ихъ же сыновья и образованная молодежь почти все пошли въ солдаты изъ любви къ родицѣ и половина ихъ осталась на полѣ сраженій или изъ госпиталей попала на кладбище. Во всякомъ случаѣ въ продолженіе десяти лѣтъ ощущался большой недостатокъ въ образованныхъ людяхъ. Не только учрежденія, просвѣщавшія народъ были закрыты, но и преподавательскій штатъ, почти исключительно состоявшій изъ духовныхъ лицъ, подвергся гоненію. Въ то время, какъ военная реквизиція и закрытіе школъ уничтожали учениковъ, тюрьмы, аресты, изгнаніе, нищета и эшафотъ уничтожали учителей. Въ то время, какъ разрушеніе университетовъ и школъ поневолѣ заставляло прекратить теоретическое обученіе разрушеніе мануфактуръ и торговли уничтожало практическое обученіе. Такимъ образомъ вслѣдствіе долгаго перерыва общаго образованія, а также и спеціальнаго обученія, образованный челоуекъ сталъ рѣдкостью. Вотъ почему въ 1880 году и въ слѣдующіе за нимъ три-четыре года каждый образованный челоуекъ могъ легко получить мѣсто; правительство нуждалось въ такихъ людяхъ больше чѣмъ кто либо. Если бы вещи шли своимъ обычнымъ порядкомъ, то въ людяхъ компетентныхъ недостатка не было бы, но революція все очистила вокругъ себя; считайте, если можете, всѣхъ талантливыхъ людей, монархистовъ, роялистовъ, фельянтинцевъ, жироидитовъ и даже якобинцевъ, глубинныхъ ея; это были сливки дворянства, духовенства и буржуазіи, сливки юности и зрѣлаго возраста. Освободившіеся отъ самыхъ страшныхъ соперниковъ, оставшіеся въ живыхъ быстро поднимаются по своей дорогѣ; гильотина хорошо поработала для нихъ: она пробрала тѣ же брешь въ ихъ рядахъ, какія пробиваютъ пули въ рядахъ арміи и въ гражданской іерархіи точно такъ же, какъ въ іерархіи военной, талантъ, если его не сразила смерть, въ нѣсколько лѣтъ достигаетъ высокихъ почестей.

Наверху награды великолѣпныя; великій вождь не пропустилъ ни одного изъ соблазновъ, которые могутъ прельстить душу. Въ положительнымъ цѣнностей, власти и деньгамъ, онъ присвокупилъ все эфемерныя цѣнности; вотъ почему онъ учредилъ орденъ Почетнаго Легіона. „Это называютъ побрякушками,—говорилъ онъ;—но при помощи этихъ побрякушекъ можно руководить людьми... Французы не имѣли за десять лѣтъ революціи... Посмотрите, какъ народъ преклоняется передъ украшенными орденами иностранцами... У французовъ одно только чувство, *честь*: поэтому нужно дать пищу этому чувству; имъ необходимы отличія“.

Только немногимъ людямъ довольно ихъ собственнаго достоинства; ординарные люди не довольствуются даже одобреніемъ другихъ, потому что это одобреніе всегда слишкомъ сдержанное, мало краснорѣчивое; имъ нужна ослѣпительная, шумная слава. Они хотятъ, чтобы вокругъ нихъ трубили и чтобы непрестанно громко выражали имъ свое восхищеніе и уваженіе. Но и этого имъ еще недостаточно: они хотятъ, чтобы ихъ таланты представлялись людскому уму не

въ неопредѣленномъ видѣ, но публично, чтобы они, такъ сказать, котировались и находясь на вершинѣ общественной лестницы были-бы отличены вещественными знаками отъ меньшихъ талантовъ.

Всѣмъ этия требованія челоѵческаго и французскаго самолюбія, новое учрежденіе дастъ полное удовлетвореніе. 14 іюля 1804 г. въ годовщину взятія Бастиліи, подъ куполомъ дворца Инвалидовъ, послѣ торжественной мессы, въ присутствіи императрицы и всего двора, затѣмъ спустя мѣсяць 15 августа 1804 г. въ день рожденія императора, въ Булонскомъ лагерѣ, на берегу океана и въ виду флотиліи долженствующей звать Англію, въ присутствіи ста тысячъ зрителей, передъ лицомъ всей арміи, при громѣ 1800 барабановъ, Наполеонъ принималъ присягу кавалеровъ ордена и раздавалъ имъ кресты; быть можетъ никогда въ мірѣ не было болѣе опыляющей церемоніи: челоѵкъ строгой добродѣтели, великій хирургъ Ларрей, награжденный въ тотъ день, сохранилъ объ этой церемоніи потрясающее впечатлѣніе на всю жизнь и говорилъ объ этомъ днѣ съ дрожью въ голосъ. Въ этотъ день всѣ высокіе и испытанные таланты Франціи провозглашены, каждый сообразно со своимъ положеніемъ, рыцарями, офицерами, командорами, духовные наряду съ свѣтскими, статскіе наряду съ военными: Бертолле, Лалласъ и Лагранжъ, наряду съ Келлерманомъ, Журданомъ и Лефевромъ, Отто и Тронше наряду съ Массена, Ожеро, Шейемъ, Ланномъ и Даву, четыре кардинара вмѣстѣ съ 18 маршалами, вмѣстѣ съ другими чинами до капрала включительно и египетскихъ ветерановъ потерявшихъ зрѣніе на Илліѣ и рядовыхъ солдатъ, которые за смѣлые подвиги уже получили почетную саблю или ружье, какъ наиримѣръ Куанье, который со штыкомъ на перевѣсѣ и убивъ пять австрійскихъ артиллеристовъ, окружавшихъ орудіе, одинъ взялъ пушку: шесть лѣтъ тому назадъ онъ былъ коюхомъ на фермѣ и не умѣлъ ни читать, ни писать; теперь онъ удостоился награды однимъ изъ первыхъ и сталъ коллегой, почти что товарищемъ Монжа, изобрѣтателя описательной геометріи, Фонтана, ректора университета, маршаловъ, адмираловъ, высшихъ сановниковъ, всѣхъ обладателей неоцѣнимаго сокровища, законныхъ наследниковъ славы приобрѣтенной за двѣнадцать лѣтъ, путемъ принесенія въ жертву столькихъ героическихъ жизней и когда въ то же время челоѵкъ не получаетъ креста за двадцать лѣтъ службы въ бюро, за пунктуальность въ рутинѣ.

Огннѣ по закону и по общественному мнѣнію награжденные считаются главнымъ штабомъ главнаго общества объявленными и удостоенными нотаблями и даже снабженными привилегіями. Когда они проходятъ по улицѣ, караульный отдастъ имъ честь; пикетъ въ двадцать пять челоѵкъ служить имъ конвоемъ, въ избирательныхъ коллегіяхъ департамента или округа они являются выборщиками въ силу своего положенія; ихъ сыновья имѣютъ стипендіи въ Флешѣ, Сентъ-Сирѣ, въ лицеехъ, ихъ дочери, въ Эгуанѣ или въ Сентъ-Дени. За исключеніемъ прежнихъ титуловъ имъ ничего не хватаетъ, чтобы занять мѣсто древняго дворянства и Наполеонъ передѣлываетъ этотъ титулъ въ ихъ пользу. Благодаря ему,

вмѣстѣ съ титуломъ рыцаря, графа, герцога или принца пробуждается идея социальнаго преходства; когда его произносятъ въ салонѣ, присутствующіе не остаются нечувствительны къ нему; предразсудокъ, вкоренившійся съ отдаленныхъ временъ, побуждаетъ ихъ къ уваженію или хотя бы къ отличію. Революція тщетно пыталась уничтожить это могущество словъ и исторій. Наполеонъ сдѣлать лучше у стараго режима его фабричное клеймо, онъ самъ создать 48000 рыцарей, 1090 бароновъ, 388 графовъ, 31 герцога, 3 принцевъ; болѣе того, на старое дворянство, введенное имъ въ новое дворянство, онъ налагаетъ свою печать; онъ титулуется ихъ заново и иногда даетъ титулъ ниже прежняго; иной герцогъ превращается въ простаго графа; феодальная монета, доушенная къ котировкѣ должна, чтобы имѣть извѣстный курсъ, пройти императорскую чеканку, при помощи которой на ней напишутъ новымъ шрифтомъ ея достоинство. Впрочемъ, каковъ-бы ни былъ металлъ, золото, серебро или мѣдь, новая монета сработана отлично и кажется красивой. Нерѣдко подобно старой она имѣетъ наверху рельефъ изъ стариннаго оружія, геральдическую корону и названіе мѣстности; это не названіе помѣстья и оно не напоминаетъ первобытнаго суверенства, но это имя побѣды или завоеванія и оно напоминаетъ о недавнихъ подвигахъ. Герцогъ Монтебелло или Московскій это звучитъ почти одиозово, по крайней мѣрѣ, въ соображеніи современниковъ, какъ герцогъ Монморанси или принцъ де-Роганъ; такъ какъ если принцъ или герцогъ имперіи не имѣетъ предковъ, то онъ самъ будетъ предкомъ.

Къ этимъ наградамъ щекочущимъ самолюбіе, Наполеонъ присоединяетъ всѣ другія, заключающіяся въ звонкой монетѣ, въ обширныхъ имѣніяхъ, въ одновременныхъ крупныхъ выдачахъ, какъ напримѣръ, генералу Ласкалю, который получилъ сразу миллионъ, а также въ огромныхъ доходахъ съ разныхъ земель; 32.463.817 франковъ въ годъ для распределенія между 4970 именами, пенсіи отъ 250 до 5 000 франковъ для всѣхъ кавалеровъ ордена, стели, имѣнія, доходы, цѣлыя состоянія, какъ напримѣръ, Камбасересу было выдано 450.000 ливровъ ренты, Массена получилъ 683.000 ливровъ, Нэй 728 000, Даву 910.000, Бертье 1354 000, кромѣ того три «суверенныя княжества» Невштатель—Бертъе, Бевеваль—Талейрану, Понте-Корво—Бернадотту.

Последній соблазнъ, который, въ ту эпоху преждевременныхъ смерлей, не можетъ быть названъ незначительнымъ, это то, что каждый изъ пожалованныхъ титуловъ, князя, герцога, графа, барона, и даже шевалье передается по прямой линіи, по закону первородства отъ отца къ сыну, а иногда отъ дяди къ племяннику, при извѣстныхъ условіяхъ, изъ которыхъ первое—учрежденіе майората, ни въ какомъ случаѣ не нарушаемаго и заключающагося въ извѣстномъ доходѣ съ недвижности, въ акціяхъ банка или государственной рентѣ, начиная съ 3.000 фр. для простыхъ шевалье до 200.000 фр. для герцоговъ, т. е. въ состояніи увѣковѣченномъ по милости государя или по осторожности предка и предназначеномъ для поддержанія достоинства рода, отъ одного поколѣнія къ

другому, отъ звена къ звену всей будущей цѣпи наслѣдниковъ. Этой высшей наградой умный соблазнитель приобрѣлъ расположеніе людей думающихъ не только о самихъ себѣ, но и о своихъ семьяхъ, отнынѣ они будутъ работать какъ и онъ по восемнадцати часовъ въ сутки, они пойдутъ въ огонь, они будутъ говорить себѣ, работая до полусмерти за своимъ бюро или подставляя лобъ подъ пули, что переживутъ себя въ потомствѣ: «по крайней мѣрѣ, сынъ мой наслѣдуетъ отъ меня и даже получить выгоду отъ моей смерти».

Такъ употреблялись всѣ средства, могущія побѣдить природную инертность человѣческой матеріи; не было ни одной внутренней пружины, которая не напрягалась бы до крайнихъ предѣловъ и кромѣ этой крайности одно обстоятельство еще сильнѣе вліяло на честолюбіе, вызывая новыя всплески энергіи, всѣ эти люди, достигшіе или достигающіе почестей — всѣ современники: они начали свою карьеру при одинаковыхъ условіяхъ; каждый изъ нихъ замѣчалъ надъ собою своихъ прежнихъ товарищей; онъ говорилъ себѣ, что онъ не хуже ихъ, страдалъ оттого, что не былъ съ ними на одномъ уровнѣ и стремился подняться до нихъ. Но чѣмъ выше онъ поднимался, онъ видѣлъ, что еще выше занимали мѣста нѣкогда равные ему; вълѣдствіе этого никакой достигнутой рангъ никому не казался выше собственного достоинства и никого не удовлетворялъ. «Посмотрите на Массена, говорилъ Наполеонъ, за нѣсколько дней до Ваграма, онъ приобрѣлъ достаточно славы и почестей; но онъ недоволенъ, онъ хочетъ быть принцемъ, какъ Мюратъ и Бернадотъ: онъ готовъ умереть завтра, чтобы быть принцемъ». Надъ этими принцами, не имѣющими ничего, кромѣ титула и денегъ, есть еще великіе герцоги и вице-короли, какъ Мюратъ, великій герцогъ Бергскій и Евгенийъ, вице-король Италіи Выше Евгенія и Мюрата находятся вассальные короли, Людовикъ, Жозефъ, Жеромъ, затѣмъ самъ Мюратъ и Бернадотъ—единственный независимый государь, всѣ возбуждающіе зависть у маршала, всѣ соперничающіе другъ съ другомъ, младшій, завидующій трону старшаго, Мюратъ, страдающій оттого, что его назначили королемъ неаполитанскимъ, а не испанскимъ и что у него только пять милліоновъ подданныхъ вмѣсто тринадцати. Снизу до верху іерархической лѣстницы и до самыхъ высокихъ постовъ, включая троны, идетъ постоянное передвиженіе и ничто не препятствуетъ первому встрѣчному, если у него есть счастье, если у него крѣпкіе ноги и если онъ не спогнется на пути, пройти въ 20 или 30 лѣтъ всю лѣстницу, начиная отъ первыхъ ступеней и кончая послѣдними. «Въ то время въ арміи было въ обычаѣ говорить: онъ перегналъ неаполитанскаго короля въ Голландіи, въ Испаніи, Швеціи, какъ нѣкогда говорили о такомъ человѣкѣ: онъ получилъ сержанта въ такой-то кампаніи». Вотъ окончательное впечатлѣніе, закрѣпляющееся въ воображеніи; въ этомъ смыслѣ народъ обязываетъ себя новымъ режимъ и Наполеонъ подтверждаетъ это народное толкованіе. Съ этой цѣлью первое изъ герцогствъ учреждается имъ для маршала Лефевра; это дѣлается съ цѣлью, говоритъ онъ самъ, потому что «этотъ маршалъ былъ простымъ солдатомъ и весь Парижъ помнитъ его въ чинѣ сержанта французской гвардіи». При видѣ такого при-

мѣра и такой массы другихъ примѣровъ, не менѣе изумительныхъ, вѣтъ такого честолюбія, которое бы не воспыало бы, иногда доходя даже до бреда. «Въ ту эпоху,—говорилъ Стендаль, вѣрно хватившій господствующую мысль царствования,—какой нибудь аптекарскій ученикъ, копешась въ своихъ пилюляхъ, пробиркахъ, въ задней комнатѣ магазина, думалъ про себя, съатывая пилюли и фильтруя жидкости, что если бы онъ сдѣлалъ какое нибудь великое открытіе, то могъ бы стать графомъ съ 50 тысячами ливровъ дохода.» Въ то время какой нибудь сверхштатный чиновникъ, выписывающій своимъ краснымъ почеркомъ имена на пергаментѣхъ, могъ думать, что въ одинъ прекрасный день его собственное имя будетъ записано на такомъ же пергаментѣ въ качествѣ сенатора или министра. Въ то время молодой капитанъ, получающій первыя нашивки, въ воображеніи уже слышалъ громъ барабановъ, звуки трубъ, залпы артиллеріи, провозглашающихъ его маршаломъ имперіи.

VI.

Въ исторію была введена новая чрезвычайная сила: это духовная сила, аналогичная той, которая нѣкогда возбуждала души въ Испаніи въ XVI вѣкѣ, въ Европѣ въ эпоху Крестовыхъ походовъ, въ Аравіи, при Магометѣ. Она возбуждаетъ способности, будитъ эвергію, возноситъ человека выше себя, она порождаетъ энтузіастовъ и героевъ, осѣпленныхъ и безумцевъ, а вълѣдствіе этого завоевателей и безудержныхъ побѣдителей. Она палагаетъ свою печать и несмыаемыми буквами оставляетъ по себѣ память на людяхъ и вещахъ отъ Кадикса до Москвы. Всѣ природныя препятствія опрокинуты, всѣ обычныя границы уничтожены. «Французскіе солдаты, пишетъ прусскій офицеръ послѣ Іены, не высоки ростомъ и физически слабы; одинъ нѣмецъ можетъ побить четверыхъ, но въ огнѣ они превращаются въ сверхъестественныя существа: ихъ охватываетъ какой-то невыразимый пылъ, котораго у нашихъ солдатъ нѣтъ и слѣда... Что можно подвлатъ съ брестынями, ведомыми въ огонь дворянами, съ которыми они раздѣляютъ всѣ опасности, не раздѣляя въ то же время ни ихъ страстей, ни ихъ наградъ». Наряду съ физической необходимостью требующей для тѣла извѣстнаго удобства и, по крайней мѣрѣ, хоть засушнаго хлѣба и которая, т. е. физическая необходимость, если ее не принимаютъ во вниманіе, порождаетъ жаверіи, существуетъ еще нравственная необходимость, которая, встрѣчая подходящее для себя пастбище, бросается на него и порождаетъ цѣлую революцію; это необходимо: смотрѣть на себя съ довольствомъ и удовлетворенностью, составить о себѣ лестное мнѣніе и запечатлѣть это мнѣніе въ умахъ другихъ, короче говоря, желаніе чувствовать къ себѣ уваженіе и пользоваться уваженіемъ другихъ. Смотря по качеству душъ и по обстоятельствамъ, чувство это иногда порождаетъ самыя высокія добродѣтели, иногда самыя гнусныя злодѣянія и опасныя мечтанія: человекъ преображается, неожиданно въ немъ въ одно и то же время появляются и Богъ и демонъ. Начиная съ 1789 г., они появлялись оба и вмѣстѣ: съ этого

же періода, говорить одинъ очевидецъ, и въ продолженіе четверти вѣка для большинства франгузовъ, къ какому бы классу они не принадлежали, объектъ жизни не перемѣстился; каждый ставитъ его внѣ себя; отнынѣ для каждого почти является главная цѣль «возможность умереть за что-нибудь», за какую-нибудь идею. Человѣкъ былъ слугою своей идеи, онъ весь отдавался ей, слѣдовательно, онъ испытывалъ величайшее удовольствіе, съ тая себя благороднымъ существомъ, первымъ среди первыхъ и видя, что другіе признавали это и прославляли его.

Это могучее и глубокое удовольствіе, франгузы вкусили впервые, слушая Декларацию Права челоѣка; они впервые почувствовали себя гражданами, философиями, разрушителями предрасудковъ и злоупотребленій, ревностными защитниками истины, свободы, равенства, затѣмъ съ войной въ 1792 году защитниками отечества, миссионерами и пропагандистами всѣхъ великихъ принциповъ. Около 1796 г. принципы начали отходить на задній планъ: постепенно въ идеальномъ образѣ, составленномъ челоѣкомъ о самомъ себѣ, освободитель и благодѣтель челоѣчества уступаетъ мѣсто герою, способному на высокіе подвиги. Слуста нѣсколько лѣтъ этотъ образъ совершенно удовлетворяетъ его: тщеславіе и расчетливое самолюбіе не являются его главной пружиной; если онъ повышается въ чинахъ, то это дѣлается безъ его просьбы; онъ стремится лишь къ тому, чтобы развиваться, жить и умереть отважно и весело, въ обществѣ своихъ товарищей, чтобы оставаться внѣ службы равнымъ товарищемъ и братомъ, своихъ подчиненныхъ и начальниковъ. Но хищеніе уже началось, такъ какъ продолжительная война развращаетъ побѣдителя: она пріучаетъ его къ грубостямъ, къ презрѣнію собственности и жизни; если онъ легкомысленъ или хочетъ быть легкомысленнымъ, онъ наслаждается настоящимъ мгновеніемъ; если онъ предусмотрителенъ или остороженъ онъ составляетъ себѣ цѣлый капиталъ.

Вмѣстѣ съ имперіей, въ особенности около 1808 и 1809 г.г. идеальный образъ теряетъ еще нѣсколько своихъ положительныхъ чертъ: отнынѣ его составляетъ офицеръ достигшій почестей, или офицеръ будущаго, съ его чиномъ и привилегіями, съ его золоченой и расшитой формой, съ его крестами, съ его властью надъ столькими сотнями или тысячами людей, съ его крупнымъ окладомъ, не считая наградъ, получаемыхъ имъ отъ повелителя и выгодъ, извлекаемыхъ имъ изъ побѣжденныхъ. Теперь все заключалось въ томъ, чтобы быстро подвигаться впередъ, тѣмъ или инымъ путемъ, сперва, конечно, большою дорогою, т. е. рискуя своей жизнью, надрываясь отъ труда, но также и новою дорогою, выказывая рвеніе и слѣпое послушаніе, отрекаясь отъ всякой политики, отдавая душой и тѣломъ не Франціи, а ея государю: товарищество уступаетъ мѣсто эгоизму: въ ожиданіи движенія дружба охладѣваетъ. Когда смерть открываетъ ваканцію, она является какъ бы благодѣтельницей для оставшихся въ живыхъ и они понимаютъ это. Въ Талавера, говорить Стендаль, «два офицера находились вмѣстѣ на батарее; вдругъ пуля сражаетъ капитана.—Отлично,—говоритъ лейтенантъ.—вотъ убить Франсуа, теперь я буду капитаномъ.—Не совѣтъ,—говоритъ Франсуа, который былъ только оглушенъ и теперь снова поднялся.

Эти оба офицера не были ни врагами, ни злыми, и лейтенанту просто хотѣлось получать повышение». И произнесенный наблюдатель присовокупляетъ: «таковъ былъ тотъ ужасный эгоизмъ, называвшійся любовью къ славѣ и который былъ пробужденъ подъ этими именемъ императоромъ».

Поэтому уклону спускаются быстро внизъ; каждый прежде всего думаетъ о себѣ; личность становится центромъ. Примѣръ тому дается выше. Для кого работаетъ Наполеонъ? Для Франціи или для себя? Развѣ для общественнаго блага предпринимаются имъ колоссальныя работы, какъ завоеваніе Испаніи, экспедиція въ Россію, укрѣпленіе на новыхъ тронахъ своихъ братьевъ и родственниковъ, всѣ эти непрерывныя и отдаленныя войны? А, развѣ самъ онъ не хотѣлъ все болѣе и болѣе увеличать свою славу?

«Онъ слишкомъ честолюбивъ», говорили про него солдаты, и все-таки слѣдовали за нимъ. «Мы постоянно шли съ нимъ, говорили старые гренадеры, совершившіе походъ въ Россію, мы не могли оставить его и дать ему идти одному. Но другіе видѣвшіе его вблизи первые послѣ него лица, поступаютъ какъ онъ и какъ бы высоко не стояли они, они стремятся подняться еще выше, или сохранить, по крайней мѣрѣ, свое мѣсто или удержать въ рукахъ, что-нибудь прочное,—Массена скопилъ 40 милліоновъ, а Талейранъ 60: въ случаѣ политическаго крушенія, деньги у нихъ все же останутся. Суль пытался быть избраннымъ въ португальскіе короли, а Бернадотъ счумѣлъ быть избраннымъ въ короли Швеціи. Послѣ Лейпцига Мюратъ ведетъ переговоры со священнымъ союзомъ и желая сохранить неаполитанское королевство, общается посылать свое войско противъ Франціи; передъ Лейпцигомъ Бернадотъ соединяется съ союзниками и сражается вмѣстѣ съ ними противъ Франціи. Въ 1814 г. Бернадотъ и Жозефъ, каждый съ своей стороны, одинъ при помощи интригъ и зондированія иностранныхъ государей, другой, въ отсутствіи Наполеона, путемъ ходатайства у Маріи Луизы, мечтаетъ занять мѣсто павшаго императора. Только одинъ, или почти одинъ, изъ всѣхъ значительныхъ личностей царствованія остается вѣрнымъ,—это принцъ Евгенийъ, лояльность котораго вѣдъ всякаго подозрѣнія. Повсюду слышенъ трескъ, зловѣщій шумъ; сверху тревога спускается, распространяется въ армию, достигая до послѣднихъ рядовъ. Въ 1815 г. солдатъ по прежнему полонъ довѣрія къ себѣ и къ Наполеону, «но онъ сталъ мраченъ и подозрителенъ по отношенію другихъ вождей... Всякое движеніе, не понимаемое имъ возбуждаетъ у него безпокойство; онъ боится быть обманутымъ». Подъ Ватерлоо проходящіе мимо драгуны, старые капралы, кричатъ императору, что Суль и Вандамъ, которые въ тотъ моментъ готовятся къ битвѣ, убѣждаютъ войско рѣчами дезертировать; что генералъ Эненъ, который незадолго передъ тѣмъ, былъ раненъ пулею въ ногу, перешелъ на сторону непріятеля. Механизмъ, такъ хорошо звучащій въ продолженіе 15 лѣтъ, испортился самъ по себѣ. въ трубахъ образовались трещины, которыя народное воображеніе увеличиваетъ еще больше и машина вдругъ распадается.

То, что Наполеонъ поставилъ, какъ главный двигатель, какъ центральную пружину, тотъ безграничный эгоизмъ, необходимость

достигать, эта пружина, натянутая до крайнихъ разбѣговъ, вдругъ лопается и разрушаетъ всю машину. Послѣ него, при его преемникахъ тотъ же механизмъ будетъ такъ же играть, чтобы затѣмъ также сломаться по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода. До сихъ поръ самые долгіе періоды не продолжались долѣе 20 лѣтъ.

КНИГА IV.

Недостаток и результаты системы.

ГЛАВА I.

I. Двѣ пружины человѣческой дѣятельности.—Истинность эгоистическій и истинность социальнѣй.— Почему польза ослабляетъ социальный инстинктъ.— Вліяніе на каждое общество его устава.— Параграфы устава зависятъ отъ законодателя, который ихъ принимаетъ или отвергаетъ.— Условіе хорошаго устава.— Онъ благоприятствуетъ социальному инстинкту.— Для каждого общества требуется отдѣльный уставъ.— Онъ опредѣляется характеромъ общества, которымъ долженъ управляться.— Главный недостатокъ устава, стараго порядка.— Главный недостатокъ устава при новомъ режимѣ.— II.— Мѣстное общество.— Ихъ главный и отличительный характеръ.— Ихъ узкій типъ.— Домъ Авнеси и Гривольда.— Ассоціація въ немъ принудительна.— Ею предметъ ограниченъ.— Она частного характера.— III.— Аналогія друиыхъ мѣстныхъ обществъ, община, департаментъ или провинція.— Общіе интересы руководящая коллективная дѣятельность.— Почему сотрудничество обязательно.— Сосѣди должны быть солидарны уже по одной своей близости.— Каждый принимаетъ участіе въ выгодахъ.— Какую часть долженъ вести каждый въ расходахъ.— Выгоды должны быть равны для всѣхъ.— Не равныя и пропорціональныя выгоды для каждого согласно съ его расходами, съ его коммерческими или промысловыми доходами, съ его недвижимою собственностью.— IV.— Созданное такимъ образомъ общество является коллективною личностью.— Его кругъ инициативы и дѣйствіе.— Его сношенія съ государствомъ.— Различіе между общественнымъ владѣніемъ и владѣніемъ частнымъ.— V.— Случай когда государство отрокается.— Анархія во время революціи.— Случай когда государство узурпируетъ.— Рѣшимъ VIII года.— Остатки мѣстной независимости при старомъ режимѣ.— Они уничтожены при новомъ.— Мѣстное общество послѣ 1830 г.— VI.— Списки натабллей. Либеральное учрежденіе становится инструментомъ царствованія.— Механизмъ кандидатуръ и назначеній.— Добресть 1806 г. и уничтоженіе кандидатуръ.— VII.— Достоинство муниципальных совѣтниковъ и генераловъ при консульствѣ и во время Имперіи.— Предметъ ихъ собранія.— Граница ихъ полномочій.— Ихъ дѣйствительная роль.— Роль префекта и правительства.— Личное вмѣшательство Наполеона.— VIII.— Учрежденіе остается и во время реставраціи.— Мотивы правительства.— Производства машины.— Отреченіе управляемыхъ.

I.

Пока человѣкъ интересуется только собою, своею судьбою, своимъ повышеніемъ, своимъ личнымъ и собственнымъ успѣхомъ, онъ интересуется очень немногимъ: все это имѣетъ самое посредственное значеніе, все это кратковременно, какъ онъ самъ. Рядомъ съ той лодкой, которою онъ управляетъ, съ такой заботливостью, плывутъ тысячи и миліоны другихъ приблизительно такого же размѣра и такого же строенія; ни одна изъ нихъ не имѣетъ особой цѣны такъ же, какъ его собственная. Какъ бы онъ ею ни управлялъ, какъ бы

ни маневривоваль, она все равно останется тѣмъ, что есть, а именно крупнымъ и утлымъ суденышкомъ; напрасно онъ ремонтируетъ и украшаетъ ее, черезъ нѣсколько лѣтъ она все равно пойдетъ ко дну; нѣсколько раньше, нѣсколько позже она дастъ течь и вмѣстѣ съ нею погибнетъ вся работа. Разумно ли поэтому такъ работать на нее и стоять ли такой предметъ затраченныхъ усилій?.. Къ счастью у человѣка есть другіе предметы обширнѣе и солиднѣе, какъ папри-мѣръ, семья, община, церковь, отечество, всѣ ассоціаціи, членомъ которыхъ онъ состоитъ, всѣ коллективные предпріятія науки, образованія, благотворительности, мѣстной или общей пользы, большинство которыхъ снабжены законнымъ уставомъ и соединены въ корпораціи или даже въ гражданскія личности, столь же строго опредѣленныя и столь же пользующіяся покровительствомъ, какъ онъ самъ, но только болѣе драгоценныя и желательныя, такъ какъ онѣ служатъ массѣ людей и дѣлятся безъ нечно; даже нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ вѣковую исторію и величина ихъ прошлаго предрекаетъ имъ дозгое будущее. Среди безчисленной флотилии орѣховыхъ скорлупъ, которые постоянно тонуть и постоянно замѣщаются другими, онѣ являются какъ бы крупными кораблями: на эти коллоссаьныя суда каждый человѣкъ изъ флотилии время отъ времени поднимается, чтобы поработать на нихъ; и тутъ работа, произведенная имъ небезцѣльна и не эфемерна, какъ работа на его собственномъ суденышкѣ, такъ какъ она останется даже послѣ того, какъ исчезнетъ онъ; его трудъ вошелъ какъ часть въ общій трудъ, который можетъ сопротивляться благодаря своей массѣ. Безъ сомнѣнія сдѣланное имъ можетъ впоследствии подвергнуться измѣненію; но сущность тѣмъ не менѣе останется: какое-нибудь изреченіе Іисуса, какая-нибудь теорема Архимеда, остаются въ полной неприкосновенности вродолженію двухъ тысячъ лѣтъ, ставъ безсмертными съ перваго дня.

Вслѣдствіе этого отдѣльное лицо можетъ заинтересоваться какимъ-нибудь кораблемъ, какимъ-нибудь обществомъ или общиной, смотря по своимъ вкусамъ и склонностямъ, смотря по разстоянію и удобству и вотъ является новая пружина дѣятельности, противоположная первой. Несмотря на всю силу первой, вторая иногда пересиливается; происходитъ это вслѣдствіе того, что душа отличается великодушнѣемъ или же, что она подготовлена долгой и специальной дисциплиной: отсюда всѣ жертвы, самопожертвованія дѣлу, преданность сестры милосердія и миссіонерамъ, самоотреченіе ученаго зарывающаго себя на 20 лѣтъ, въ какое-нибудь неблагоприятное изысканіе, героизмъ изслѣдователя, рискующаго своею жизнью въ пустынѣ или среди дикарей, храбрость солдата умирающаго, защищая свое знамя. Но случаи эти рѣдки; у большинства людей и въ большинствѣ ихъ поступковъ личный интересъ первенствуетъ надъ общимъ интересомъ и противъ эгоистическаго инстинкта. Инстинктъ социальный безсилень. Поэтому опасно ослаблять его еще больше; отдѣльный человѣкъ и такъ слишкомъ сильно предпочитаетъ свою лодку кораблю; если нужно его заставить подняться на корабль и работать на немъ, то для этого необходимо предоставить всякія облегченія; или по крайней мѣрѣ не лишать ихъ его. Это зависитъ отъ государства играющаю роль адмиральскаго или центрального корабля, единственно

вооруженнаго, который держитъ подъ дулами своихъ пушекъ всѣ подчиненные ему корабли; такъ какъ каково бы ни было общество—провинціальное или муниципальное, образовательное или благотворительное, релігіозное или свѣтское, уставъ его утверждается или составляется государствомъ и оно же при помощи своихъ законовъ, своихъ судовъ и жандармовъ приводитъ его въ исполненіе. Поэтому оно является первымъ отвѣтственнымъ лицомъ, оно же принимаетъ или отвергаетъ уставъ, социальную форму наиболѣе подходящую, для укрѣпленія социальнаго инстинкта.

Само собою разумѣется, форма эта измѣняется, смотря по обществу; одинъ и тотъ же уставъ не можетъ быть примѣнимъ къ церкви и общинѣ, къ католической церкви и протестантской, къ городу со 100.000 населеніемъ и къ деревни въ 500 душъ. Каждая ассоціація имѣетъ свои особенныя отличительныя черты въ силу которыхъ она приравняется, смотря по своей духовной или мірской цѣли, смотря по либеральному духу, по размѣрамъ и по способностямъ своихъ членовъ къ извѣстному роду; эти черты, законодатель всегда долженъ имѣть въ виду и считаться съ ними. Тѣмъ не менѣе его обязанности всегда одинаковы; онъ непременно редактируетъ или подписываетъ уставъ, онъ выѣшивается въ слѣдующій затѣмъ конфликтѣ социальнаго инстинкта съ инстинктомъ эгоистическимъ. Конечно, онъ является природнымъ союзникомъ перваго, такъ какъ первый его необходимый помощникъ, при всякомъ общественномъ, полезномъ предпріятіи законодатель играетъ роль выѣшняго двигателя, а социальный инстинктъ играетъ роль внутренняго двигателя и когда пружина, находящаяся внизу слабеетъ или ломается, то вліяніе сверху не приноситъ никакого результата. Вотъ почему, если законодатель хочетъ дѣйствовать не только на бумагѣ, то прежде всего онъ долженъ заботиться объ общественномъ инстинктѣ, охранять и развивать его, дать ему возможность дѣйствовать, извлекать изъ него всѣ выгоды и въ особенности не угнетать и не направлять его по ложному пути. Въ этомъ отношеніи всякая небрежность преступленіе и въ каждомъ уставѣ для каждаго общества, для каждаго изъ этихъ человѣческихъ кораблей, которые группируютъ и примѣняютъ къ дѣлу свиту отдѣльныхъ лодовъ двѣ капитальныя ошибки. Съ одной стороны, если на практикѣ и въ дѣйствительности уставъ слишкомъ грубо несправедливъ, если права и преимущества, представляемые имъ не компенсируются обязанностями, которыя онъ налагаетъ, если онъ увеличиваетъ тяготы однихъ и предоставляетъ синекуры другимъ. Съ другой стороны, если уставъ отнимаетъ у заинтересованныхъ руководство кораблемъ и если на томъ суднѣ, которое принадлежитъ ему, онъ размѣщаетъ иностранный экипажъ, получающій право дѣйствовать и командовать, тогда человѣкъ изъ лодки, низведенный на низкое достоинство простаго подданнаго и пассивнаго налогоплательщика, чувствуетъ себя не дома, а въ гостяхъ.

Противъ перваго недостатка новый режимъ остерегается: нѣтъ болѣе ни опальныхъ, ни фаворитовъ, нѣтъ протекцій, исключеній и изыатій, нѣтъ злоупотребленій и воровства не только въ государствѣ, но повсюду—въ департаментѣ, въ общинѣ, въ церкви, въ

благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ. Второй недостатокъ является его тайнымъ порокомъ. Введенный законодателемъ во все мѣстные и специальные уставы, онъ даетъ разные результаты, но все эти результаты содѣйствуютъ параличу въ націи, лучшей части души, и еще хуже, уничтожаютъ волю, извращаютъ народный духъ, превращаютъ великодушные импульсы въ вредные судороги и сѣютъ инертность, скуку, недовольство, раздоръ, слабость и бесплодность.

II.

Разсмотримъ сначала мѣстное общество, провинцію, департаментъ и общину; начиная 1789 г. законодатель не переставалъ насиловать и уродовать его. Занятый своими теоріями, онъ не хочетъ признать это общество тѣмъ, что оно фактически есть, т. е. за общество различающееся отъ государства, имѣющее свою собственную цѣль, свои неизмѣнныя границы, своихъ опредѣленныхъ членовъ, свой ясный уставъ. Такъ какъ общество мѣстное, то оно покоится на близости жилищъ. Такимъ образомъ, когда его кто-нибудь хочетъ понять, то ему прежде всего слѣдуетъ подвергнуть наблюденію тѣ случаи, въ которыхъ эта близость сказалась особенно сильно, т. е. общество, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ въ нашихъ южно-западныхъ городахъ, напримѣръ, въ Греноблѣ и Аннеси; иногда одинъ и тотъ же домъ принадлежалъ тамъ нѣсколькимъ отдѣльнымъ владѣльцамъ; каждому принадлежалъ какой-нибудь этажъ или квартира, или погребъ или чердакъ, причемъ каждый пользовался на своей части всеми правами собственника, правомъ отдачи въ наемъ, продажи, залога и все вмѣстѣ несла повинность по ремонту крыши и ватутальныхъ стѣнъ. Ихъ ассоціація не могла считаться свободной, потому что каждый членъ ея до известной степени зависялъ отъ хорошаго или плохаго состоянія стѣнъ и крыши, вслѣдствіе чего все должны были принимать участіе въ необходимыхъ расходахъ. Они даже не располагали большинствомъ голосовъ, такъ какъ заявленіе хотя бы одного члена уже должно было приниматься въ расчетъ; они не имѣли права подвергать его опасности, которой подвергались сами и не могли уклониться отъ расходовъ, результатомъ которыхъ они станутъ пользоваться какъ и онъ. Вслѣдствіе этого по заявленію какого-нибудь члена въ ихъ дѣло вмѣшивается судъ и нужныя поправки производятся; затѣмъ въ силу традиціи и закона каждый платитъ свою часть высчитанную на основаніи наемной суммы получаемой имъ за свою часть дома.

Но эти обязательства на томъ и бьются. Община ограничена какъ въ правахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ; члены ассоціаціи боятся распространять свою взаимную зависимость, преслѣдовать въ то же время, другію цѣль, присовокуплять къ первоначальной и естественной цѣли другую дополнительную цѣль, устраивать въ залѣ христіанскую часовню для жильцовъ дома, въ другой залѣ начальную школу для дѣтей дома, въ послѣдней комнатѣ маленькую больницу; въ особенности же они противъ обложенія контрибуціями разнаго рода. Такъ какъ если собственникъ нижняго этажа—

еврей, если собственники комнаты во второмъ этажѣ—холостьягъ, если собственникъ великолѣпной квартиры въ первомъ этажѣ богатъ и приглашаетъ къ себѣ на домъ врача, то они все трое будутъ платить за услугу, которую имъ не оказывали. По той же причинѣ, ихъ общество остается частнымъ дѣломъ, не составляя части общественнаго владѣнія, оно интересуетъ только ихъ. Если государство позволяетъ имъ пользоваться своими судами и судебными приставами, то дѣлаетъ это, какъ бы дѣлало и для обыкновенныхъ частныхъ лицъ. Оно бы поступило несправедливо въ отношеніи общества или въ отношеніи себя, если бы исключило его изъ обычнаго права, оно сказала бы его, если бы покумлось на его независимость, если бы попыталось измѣнить его функции и его обязанность. Общество не состоитъ подъ его покровительствомъ и государство, въ свою очередь, не даруетъ ему никакихъ полицейскихъ или юридическихъ правъ. Такова связь, путемъ которой постоянная близость объединяетъ людей; ни фактически, ни правомѣрно люди вошедшіе въ общество не могутъ освободиться отъ нея; потому одному, что они сосѣди, они уже принадлежатъ къ одной общинѣ, обязательной и необходимой. Въ свою очередь ихъ община ограничена и ограничена двояко,—по своему предмету и по своимъ членамъ, она ограничена тѣми предметами пользованіе которыми, въ силу необходимости является общимъ, принадлежащимъ тѣмъ жителямъ, которые все вместе владѣютъ этими предметами, вслѣдствіе того, что живутъ тамъ.

III.

Таковы все мѣстные общества, каждое изъ нихъ ограничено въ своей территоріи и включено вместе съ другими ему подобными въ болѣе обширную раму, каждое изъ нихъ имѣетъ два бюджета,—во-первыхъ какъ отдѣльная корпорація, а затѣмъ какъ членъ болѣе обширной корпораціи, каждое изъ нихъ отъ общины до департамента или провинціи, учреждено въ силу солидарныхъ интересовъ. Два главныхъ интереса ускользаютъ отъ человѣческаго обсуждения, руководятъ дѣйствіями общины и распределяютъ общій расходъ, потому что они являются неизбежными послѣдствіями физической близости. Первый изъ этихъ расходовъ вызывается поддержаніемъ путей сообщенія какъ сухопутныхъ, такъ и водныхъ, судоводныхъ рѣкъ, каналовъ, мостовъ, улицъ, площадей, проселочныхъ дорогъ, а также улучшеніе общественныхъ дорогъ и шоссе, устройство тротуаровъ, мошеніе, подметаніе, освѣщеніе, прорытіе канавъ для стока воды дренажи, уравниеніе почвы и другихъ работъ для обезпеченія удобства сношеній и облегченія перевозки грузовъ. Второй расходъ—защита противъ несчастныхъ случайностей; пожаровъ, наводненій, эпидемій, съ принятіемъ мѣръ требуемыхъ для этой защиты, охраненіе безопасности жителей по ночамъ, какъ въ Россіи, законовъ и правилъ для похоронъ мертвыхъ, оздоровленіе еварталовъ лишенныхъ солнца и воздуха, дренажи для нечистотъ и стока стоячихъ водъ дезинфекціи и другихъ гигиени-

чeskихъ мѣръ противъ грязи, которая пореждается сосѣдствомъ и соприсосновеніемъ.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, или по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ заинтересованы всѣ жители мѣстности отъ перваго до послѣдняго. Такъ какъ если бы не существовало дорогъ, то ни одинъ изъ нихъ не былъ бы въ состояніи исполнять свои ежедневныя обязанности, не могъ бы даже выйти изъ дому; перевозка грузовъ прекратилась бы и торговля перестала бы существовать, а вслѣдъ за нею исчезли бы ремесла и профессіи, промышленность бы замерла, земледѣліе стало бы занятіемъ не приносящимъ дохода; поля не стали бы обрабатываться, стала бы ощущаться недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ и даже въ хлѣбѣ, жилища были бы брошены на произволъ судьбы, такъ какъ сгнившія крыши пропускали бы дождь. При отсутствіи защиты противъ общественныхъ несчастій дѣла пошли бы еще хуже: постепенно всѣ низменности обратились бы въ болота, вышедшая изъ береговъ рѣка опустошила бы поля, пожаръ пожиралъ бы деревню за деревней, оспа и холера сообща собирали бы большую жатву.

Конечно, я, какъ единица могу примириться съ этимъ несчастнымъ положеніемъ, могу за свой личный страхъ чвануть въ своей хижинѣ и подвергаться опасности, утонуть, сгорѣть, отравиться, но я не имѣю права осуждать на то же другихъ и не смѣю отказываться нести извѣстный расходъ, пользуясь многочисленными выгодами. Часть моя въ расходахъ установлена заранѣе, а также установлена и моя часть въ выгодахъ; *кто получаетъ—тотъ должникъ, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ получаетъ*, таковъ взаимный обменъ, безъ него никакое общество не могло бы процвѣтать и быть здоровымъ; слѣдуетъ дѣлать такъ, чтобы каждый членъ за понесенныя имъ обязанности и расходы получалъ бы такую же пользу и чтобы обѣ чашки вѣсовъ находились въ равновѣсіи. Въ мѣстномъ обществѣ заботы о путяхъ сообщенія и мѣры предосторожности противъ стихійныхъ бѣдствій имѣютъ два полезныхъ результата, такъ какъ одинъ улучшаетъ положеніе людей, другой—положеніе вещей. Первый одинаковъ для всѣхъ; богатый и бѣдный одинаково нуждаются въ путяхъ сообщенія; какъ тотъ такъ и другой въ одинаковой степени пользуются улицей, мостовой тротуарами, мостами, колодцами, одинаково пользуются уличнымъ освѣщеніемъ и общественными садами. Можно даже пожалуй сказать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ бѣдный больше страдаетъ, когда дурныя дороги вліяютъ на доставку грузовъ, приостанавливаютъ работу и удорожаютъ сѣстные припасы; онъ также больше подвергается опасностямъ при появленіи эпидеміи и во время стихійнаго бѣдствія.

Наоборотъ, вторая выгода не одинакова для всѣхъ, но болѣе или менѣе велика для cadaго. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше пути сообщенія, тѣмъ удобнѣе становится жизнь, тѣмъ достигимѣе всѣ полезныя и пріятныя вещи; я дѣйствительно въ полной мѣрѣ пользуюсь ими насколько позволяютъ мои средства. Если же я кромѣ того промышленникъ или коммерсантъ, то состояніе путей сообщенія касается меня еще ближе, такъ какъ отъ того состоянія зави-

ситъ доставка моихъ грузовъ, сопряженная съ большими или меньшими издержками и затрудненіями, а слѣдовательно прибытіе матеріаловъ нужныхъ для обработки и отправления матеріаловъ уже обработанныхъ, что почти равнозначуще моимъ доходамъ или убыткамъ. Если, наконецъ, я имѣю недвижимость, землю или домъ, то ея оцѣнка возрастаетъ или уменьшается, судя потому, въ какомъ кварталѣ она находится и насколько удобно сообщеніе съ нею и центромъ.

IV.

Таково мѣстное общество составленное съ разрѣшенія или безъ разрѣшенія законодателя, представляющее собою родъ частнаго синдиката тождественнаго съ многими другими. Общинное или департаментское оно принимаетъ въ свой кругъ только жителей одной мѣстности: его успѣхъ или неудача не интересуютъ націю, развѣ только косвенно и отдѣльно вродѣ того, какъ болѣзнь или здоровье одного француза приносятъ выгоду или причиняетъ вредъ всему французскому народу. Непосредственно же и полно чувствуется только самимъ обществомъ все, что касается его, какъ все, что касается частнаго лица чувствуется только имъ; оно замѣнуто и принадлежитъ своей физической границѣ, вслѣдствіе этого оно является личностью, человѣческимъ составомъ, одареннымъ разумомъ и волею, отвѣтственнымъ за свои дѣйствія, способное совершать несправедливости и подвергаться несправедливостямъ, короче говоря, нравственною личностью. Оно таково и фактически по точному признанію законодателя, который считаетъ его гражданской личностью имѣющимъ право обладать, пріобрѣтать, заключать договоры, вести тяжбы дѣла: восьмидесяти шести департаментамъ и тридцати шести тысячамъ общинамъ онъ даруетъ всѣмъ законныя права и обязанности обыкновенной частной личности. Слѣдовательно государство относится одинаково какъ въ частному лицу, такъ и къ общинамъ. Будучи верховнымъ судьей оно оказываетъ имъ правосудіе, въ той же степени какъ и отдѣльному лицу, только здѣсь государству выпадаетъ большая работа, потому что община состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ и потому сложнѣе.

Безъ сомнѣнія мѣстныя общества и государство могутъ взаимно помогать другъ другу, давать другъ другу своихъ агентовъ, уменьшать личный составъ служащихъ, сокращать свои расходы и въ силу обмѣна второстепенными услугами вести болѣе хозяйственно свои дѣла. Напримѣръ, община и департаментъ могутъ предоставить государству работу по сбору дополнительныхъ налоговъ и одолжать ему для этой цѣли своихъ сборщиковъ и другихъ служащихъ, получая такимъ образомъ, свой доходъ почти даромъ. Съ своей стороны, государству есть прямой расчетъ предоставлять департаментскому совѣту, заботу по сбору прямыхъ налоговъ среди округовъ и окружному совѣту, заботу по сбору прямыхъ налоговъ въ общинахъ: такимъ образомъ, государство избѣгаетъ большихъ затрудненій и расходовъ; точно также ему безусловно выгодно возлагать на мэра исполненіе мелкихъ общественныхъ обязанностей,

которыя никѣмъ другимъ не могли бы быть выполнены столь быстро, столь правильно и съ такими незначительными издержками, обязанности состоящія въ опубликованіи законовъ и правилъ, въ передачи заинтересованнымъ о распоряженіи общественной власти, въ передачу общественной власти мѣстныхъ свѣдѣній, въ которыя она нуждается и т. д. Сотрудничества подобнаго рода возлагаются на капитана купеческаго судна, на начальниковъ желѣзныхъ дорогъ, на управляющаго меблированнымъ домомъ или даже завода и это не прелятствуетъ компаніи, которой принадлежитъ судно, желѣзная дорога, меблированный домъ или заводъ, распоряжаться свободно своимъ капиталомъ, принимать рѣшенія, избирать администраторовъ, назначать управляющаго, вести свои дѣла, сохранять въ полной неприкосновенности то драгоценное право, владѣть, желать и дѣйствовать, которое нельзя потерять безъ того, чтобы не перестать быть личностью. Оставаться личностью, вотъ первый интересъ и первое право, каждаго отдѣльнаго или собирательнаго лица; государство должно остерегаться узурпировать это право и въ то же время преувеличивать его. Оно преувеличиваетъ, если отдаетъ въ руки мѣстнаго общества часть общественнаго владѣнія, когда оно возлагаетъ на мѣстныя общества сборъ налоговъ, назначеніе судей и полицейскихъ комиссаровъ, разрѣшаетъ ему пользоваться всенной силой, однимъ словомъ, когда оно предоставляетъ ему функціи, которыя должно исполнять само, потому что только оно является отвѣтственнымъ предпринимателемъ. Государство узурпируетъ, когда оно захватываетъ часть частнаго владѣнія, когда оно конфискуетъ имѣніе мѣстныхъ обществъ, когда оно произвольно распоряжается ихъ капиталомъ или ихъ доходами, когда оно налагаетъ чрезвычайные расходы для поддержанія культа, образованія, для благотворительности, когда оно отказывается видѣть въ мэрѣ представителя общины, общественнаго дѣятеля, когда оно подчиняетъ первый титулъ второму, когда въ дѣйствительности община и департаментъ перестаютъ быть частными компаніями и ставаются административными отдѣленіями. Въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ государство скользитъ по наклонной плоскости въ ту или другую сторону, иногда въ сторону отреченія отъ своихъ правъ, иногда въ сторону узурпаціи.

V.

Съ 1789 года, благодаря перемежающимся припадкамъ грубаго деспотизма, государство отрёклось отъ своихъ правъ. Подъ его почти номинальной властью, во Франціи въ то время имѣлось 44 тысячи мелкихъ государствъ; почти полновластныхъ по праву и чаще всего полновластныхъ фактически. Каждая община не только управляла своими частными дѣлами, но кромѣ того, въ своемъ округѣ каждая изъ нихъ исполняла высшія общественныя функціи, располагала національной гвардіей, жандармеріей и даже войсками, назначала гражданскихъ и уголовныхъ судей, полицейскихъ комиссаровъ, сборщиковъ податей; однимъ словомъ, центральное государство передало общинамъ или позволило взять полномочія, съ которыми яв-

когда не должно было бы разставаться,—свою шпагу, правосудіе, свой кошелекъ и мы видѣли какъ это вредно отозвалось на частныхъ лицахъ, на общинахъ, на самомъ государствѣ и какимъ печальнымъ шествіемъ несчастныхъ послѣдствій сопровождалось это: всеобщая несправимая анархія, безсиліе государства, грубое издѣвательство надъ законами, уничтоженіе доходовъ, опустошеніе казначейства, своеволие сильныхъ, угнетеніе слабыхъ, уличныя бунты, разбои въ деревняхъ, грабежи и растраты въ городскихъ думахъ, разрушенія общественныхъ путей сообщенія, а также всѣхъ общественныхъ зданій, разрушенія и гибель общинъ. Въ силу контраста и въ силу отвращенія, новый порядокъ пускается въ противоположную сторону и центральное государство съ 1800 года превращается въ узурпатора. Оно не только отбираетъ у мѣстныхъ обществъ часть общественныхъ владѣній, неосторожно врученную имъ, но накладываетъ еще свою руку на ихъ частныя владѣнія и систематической узурпаціей распространяющейся на всю территорію доводитъ общины и департаменты до такого состоянія, до котораго они никогда не доходили при прежней монархіи.

До 1789 года еще были собирательныя личности какъ коммунальныя, таеъ и провинціальныя; пять или шесть мѣстныхъ корпорацій представленныхъ избранными собраніями какъ напримѣръ, Лангедокъ и Бретань управлялись еще сами собою; другія же провинція, которыхъ центральная власть ограничила, въ административномъ отношеніи, сохраняли, по крайней мѣрѣ, свои историческія скрѣпы, свое имя и память о прежней автономии и нѣсколько обрывковъ прежней независимости; болѣе того въ этихъ старыхъ парализованныхъ корпораціяхъ все еще была жизнь и ихъ организмы все еще пытались гнать кровь по венамъ: на всей территоріи двадцать одно провинціальное собраніе, учрежденныя въ 1778 году и снабженныя значительными полномочіями, управляли провинціальными интересами. Въ городской и деревенской общинѣ, общинный интересъ имѣлъ также своихъ представителей. Въ городахъ собраніе, состоящее изъ главныхъ нотаблей и выборныхъ отъ корпорацій и общинъ, составляло муниципальный совѣтъ, который, какъ и теперь, голосовалъ и принималъ рѣшенія въ главныхъ случаяхъ; во главѣ ихъ стоялъ собирательный управляющій „городская корпорація“, въ которую входили различные муниципальные чиновники, мэръ, намѣстникъ мэра, прокуроръ синдикъ, казначей, хранитель печати, причѣмъ нѣкоторые изъ этихъ лицъ избирались собраніемъ, нѣкоторые же владѣли должностями по наслѣдству или благодаря специальному образованію, какъ нотариусъ и присяжный повѣренный, въ наши дни, и потому не могли быть отрѣшены отъ своей должности по капризу правительственнаго чиновника.

Въ деревнѣ главы семей, собираясь на общественныя площади, рѣшали сообща общія дѣла, назначали синдика, а также собирателей податей и посылали депутатовъ къ управляющему провинціей; они сами назначали подушный налогъ для содержанія школы, для исправленія церкви или источника, относительно прекращенія или продолженія процесса.

Всѣ эти остатки прежней провинціальной инициативы уважаемой

или терпимой монархическимъ правительствомъ, теперь уничтожены всё разомъ; съ перваго же мѣсяца рука перваго консула придавливаетъ всё мѣстныя общества; въ глазахъ новаго законодателя они не существуютъ, для него нѣтъ собирательныхъ личностей; община и департаментъ кажутся ему ничѣмъ инымъ, какъ территориальными мѣстностями, физическими частями общественнаго владѣнія, провинціальными мастерскими, куда центральное государство переноситъ свои орудія, дабы плодотворно работать на мѣстѣ. Оно возлагаетъ на себя всё обязанности; если же оно употребляетъ самихъ заинтересованныхъ, то только въ качествѣ помощниковъ на нѣсколько дней, во избѣжаніе излишнихъ затратъ, а также чтобы быть лучше освѣдомленнымъ; но за исключеніемъ этой маленькой и подчиненной помощи, члены мѣстной общины останутся пассивными зрителями; они будутъ платить и повиноваться,—больше ничего. Ихъ община не принадлежитъ имъ больше, она принадлежитъ правительству; ею управляютъ чиновники зависящіе, отъ правительства, которыхъ она не избираетъ, но которымъ, волей не волей, должна подчиняться.

VI.

Въ началѣ хотѣли примѣнять на практикѣ конституціонный принципъ Сейеса; въ будущемъ власть должна исходить сверху, а довѣріе снизу. Для этой цѣли въ девятомъ году граждане избирали десятого изъ себя, приблизительно 500 тысячъ коммунальныхъ нотаблей, а эти въ свою очередь избирали десятого изъ себя, т. е. около 50 тысячъ департаментскихъ нотаблей; по первому списку правительство избирало муниципальных совѣтниковъ каждой общины, а по второму генеральныхъ совѣтниковъ департамента. Но эта машина слишкомъ тяжела, слишкомъ трудно управляема. По словамъ перваго консула она является глухой системой, „порожденіемъ идеологіи“; такъ не организуется великая нація. И кромѣ того „онъ не хочетъ нотаблей призванныхъ націей... По его системѣ онъ долженъ указывать нотаблей націи и отмѣчать ихъ печатью главы государства; не нація должна представлять ихъ главѣ государства, отмѣчая національной печатью. Поэтому въ концѣ года, благодаря учрежденію избирательныхъ коллегій, онъ фактически становится великимъ избирателемъ всѣхъ нотаблей; съ своей обычной ловкостью онъ преобразовалъ либеральное учрежденіе, правительственный институтъ. Пока онъ сохраняетъ списокъ коммунальныхъ нотаблей, „потому что это произведеніе народа. результатъ великаго движенія, который не долженъ быть бесполезнымъ и потому что кромѣ того онъ содержитъ большое количество именъ, достаточно, чтобы сдѣлать хорошій выборъ;“ въ каждомъ кантонѣ онъ собираетъ этихъ нотаблей и предлагаетъ имъ представить ему людей, которымъ они довѣряютъ, кандидатовъ, изъ которыхъ онъ выберетъ муниципальных совѣтниковъ. Но въ деревняхъ образованныхъ людей мало и потому, почти всегда, выборъ падаетъ на бывшаго помѣщика; нельзя чтобы у правительства были связаны руки, чтобы его ограничивали въ свободномъ выборѣ.

поэтому для муниципальных совѣтниковъ этой категоріи, чѣмъ болѣе представительства, тѣмъ болѣе кандидатовъ. Категория же очень велика, такъ какъ она включаетъ всѣ общины съ населеніемъ менѣе пяти тысячъ душъ; ихъ члены назначаются властью безъ всякаго участія гражданъ, представителями которыхъ они являются. Остается четыре или пятьсотъ большихъ и среднихъ общинъ, гдѣ на каждое мѣсто кантональное, муниципальное собраніе намѣчаетъ двухъ кандидатовъ изъ которыхъ выбираетъ правительство. Посмотримъ теперь на такое собраніе во время испытанія его функціи.

Изъ предосторожности его предсѣдатель заранѣе назначается правительствомъ, которое внушаетъ ему все что нужно. При открытіи засѣданія онъ вынимаетъ изъ кармана списокъ; въ этомъ списокѣ, составленномъ правительствомъ, находится сотня именъ, изъ которыхъ собраніе должно избрать кандидатовъ; зная кладется на столъ и избиратели поочередно приближаются, стараются прочесть имена. Предсѣдатель былъ бы очень несловесъ, еслибы не помогалъ имъ читать и еслибы не сумѣлъ указать жестомъ или тономъ голоса имена пріятныя правительству. Правительство, располагающее вѣстью стами тысячъ штыковъ не любитъ противорѣчій: избиратели знаютъ это и понятно прежде подумаютъ, чѣмъ противорѣчить; весьма вѣроятно, что большинство именъ желательныхъ для правительства окажутся въ ихъ бюллетеняхъ, хотя бы даже оказалось только половина этого бюджета достаточно,—изъ двухъ кандидатовъ представленныхъ на каждое мѣсто, если одинъ окажется пріятнымъ, онъ будетъ назначенъ правительствомъ. Такимъ образомъ первый актъ избирательной комедіи сыгранъ, а скоро ее не будутъ играть вовсе. Начиная съ января 1806 года, въ силу декрета, Наполеонъ является единственнымъ человѣкомъ назначающимъ на каждое вакантное мѣсто открывающееся въ муниципальных совѣтахъ; отнынѣ эти совѣты все свое бытіе будутъ получать отъ него. Два качества составляющія ихъ и которыя, во Сейсену, должны исходить изъ двухъ различныхъ источниковъ, исходятъ теперь только изъ одного.

Начинается второй актъ комедіи; этотъ актъ гораздо сложнѣе и въ немъ имѣется нѣсколько сценъ, оканчивающихся,—однѣ назначеніемъ окружнаго совѣта, другія—назначеніемъ департаментскаго генеральнаго совѣта. Полюбуемся только этими послѣдними какъ болѣе важными; всего происходитъ двѣ сцены разыгрываемыхъ въ различныхъ мѣстахъ. Первая разыгрывается въ кантональномъ собраніи и уже описана нами; предсѣдатель только что направлявшій выборъ муниципальных кандидатовъ, вынимаетъ изъ своего портфеля другой списокъ, также доставленный префектомъ, на которомъ напечатано шестьсотъ именъ; изъ этихъ шестисотъ именъ кантональное собраніе должно выбрать десять или двѣнадцать членовъ, которые вмѣстѣ съ другими избранными, другихъ кантональныхъ собраній составятъ избирательную коллегію департамента и на этотъ разъ предсѣдатель, отвѣтственный руководитель кантональнаго стада, дѣятельно помогаетъ собранію; его падець гуляетъ по списку, указывая избирателямъ имена желатель-

ныя для правительства; при случаѣ онъ подкрѣпляетъ жезъ словомъ, и смотришь, результаты голосованія окажутся такими же благопріятными, какъ только что полученныя. Это тѣмъ болѣе легко, что составъ избирательной коллегіи интересуетъ ихъ очень мало, эта коллегія не задѣлаетъ ихъ за чувствительное мѣсто какъ то дѣлаетъ муниципальный совѣтъ; онъ не затрагиваетъ ихъ кошелька, не голосуетъ добавочныхъ налоговъ, не занимается ихъ дѣлами, онъ существуетъ только напоказъ, представляя собой отсутствующій народъ, онъ разыгрываетъ тѣ же избирательныя сцены, какъ только что описанныя выше. Они такіе же фигуранты и у нихъ такіе же есть свой руководитель назначенный отъ правительства и вліяющей на результаты голосованія. На каждое вакантное мѣсто въ генеральномъ совѣтѣ департамента они обязаны представлять два имени и конечно при малѣйшемъ внушеніи они угадываютъ какіе имена пріятны правительству, такъ какъ они развиты чѣмъ отсталые деревенскіе жители; при томъ же они лучше освѣдомлены, они посѣщаютъ префекта, знаютъ его мнѣніе, мнѣніе правительства.

Однако и этого недостаточно для Наполеона. Для назначенія генеральныхъ совѣтниковъ, какъ и для назначенія муниципальных совѣтниковъ, онъ уничтожаетъ предварительную кандидатуру, послѣдній остатокъ народнаго представительства. По его теоріи, онъ является единственнымъ представителемъ народа облеченнымъ всѣми полномочіями не только въ государствѣ, но также въ департаментѣ и общинѣ, первымъ двигателемъ и всеобщимъ двигателемъ машины, не только въ центрѣ, но и на оконечностяхъ, распредѣлителемъ всѣхъ общественныхъ должностей.

VII.

Замѣтьте выборъ намѣчаемый имъ впередъ; къ этому выбору онъ склоняетъ избирательныя корпораціи. Онъ изберетъ генеральныхъ совѣтниковъ, изъ наиболѣе рекомендуемыхъ и муниципальных совѣтниковъ, изъ среды наиболѣе уважаемыхъ въ Кантонѣ; затѣмъ въ силу муниципальнаго закона, онъ изберетъ изъ среды муниципальных совѣтниковъ мэра. Такимъ образомъ, помощники и мѣстные агенты являются самыя почтенныя люди въ округѣ, главные помѣщики, промышленники и негоціанты; онъ вербуетъ въ свои кадры крупныхъ работодателей, всѣхъ кто благодаря состоянію и предпріятіямъ, пользуется на мѣстѣ властью и вліяніемъ. Чтобы не пропустить никого и чтобы ввести въ генеральные совѣты того или другого ветерана стараго режима, который богатъ или того или другого выскочку, новаго режима, который небогатъ, онъ вставитъ въ списки двадцать членовъ, изъ которыхъ десять состоятъ кавалерами Почетнаго Легіона и десять, которые пользуются наибольшимъ уваженіемъ въ департаментѣ. Такимъ образомъ, ни одинъ изъ нотаблей не ускользаетъ отъ него; онъ вербуетъ ихъ по своему усмотрѣнію, по мѣрѣ надобности, то среди людей революціи, которымъ не хочетъ дать впасть въ одиночество, то среди людей прежней монархіи, которыхъ хочетъ привязать къ новой волѣ или неволею. Такъ баронъ де-Витроль становится мэ-

ромъ Витроля и генеральнымъ совѣтникомъ малыхъ Альпъ, даже не прося объ этомъ. Такъ графъ де-Виллель, возвратясь въ свое помѣстье Морвиль, послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія, вдругъ обязывается мэрромъ Морвиля, не участвуя даже въ выборахъ. Чтобы очистить для него мѣсто прежняго мэра понизили въ помощники. Спустя нѣкоторое время, правительство назначило Виллеля председателемъ кантональнаго собранія. «Всѣ помѣщики департамента принимали участіе въ совѣтѣ и Реставрація нашла ихъ въ тѣхъ же должностяхъ семь лѣтъ спустя. Повидимому существовали распоряженія, чтобы на должность префектовъ назначались, по преимуществу, бывшіе помѣщики, наиболѣе уважаемые въ странѣ». Точно также на должность мэра, Наполеонъ назначалъ только богатыхъ людей ѣздившихъ въ собственныхъ экипажахъ. Многіе изъ нихъ были, по крайней мѣрѣ, въ душѣ легитимистами и императоръ зналъ это; «Но, говорилъ онъ, эти люди не могутъ желать, чтобы подъ ними колебалась почва и они лично заинтересованы, въ поддержаніи порядка». Кромѣ того, чтобы представлять правительство, онъ нуждался въ заслуженныхъ людяхъ и, конечно, такіе находились, которые соглашались бесплатно составлять свиту императора. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ такіе люди умѣютъ просмотрѣть счетъ, обсудить по пунктамъ бюджетъ департамента и общины, понять необходимость новой дороги, пользу канала, быть, однимъ словомъ, полезными и скромными сотрудниками. Они не откажутся отъ этого, если у нихъ есть капля здраваго смысла; при всякомъ режимѣ лучше стоять въ обществѣ управителей, чѣмъ въ управляемыхъ, а въ этомъ гдѣ метла руководимая сверху мететь съ такою силой и чистотой важно держаться за наметельникъ.

Болѣе того, они будутъ предлагать себя, въ особенности въ началѣ, если обладаютъ сердцемъ; такъ какъ, по крайней мѣрѣ, въ первые годы, главной цѣлью правительства является возстановленіе порядка. Какъ въ мѣстномъ управленіи, такъ и въ общемъ, правительство желаетъ стать благодѣтелемъ, стремится уничтожить воровство, разбой, предумышленное и невольное превышеніе власти: «Начиная 1790 года, говоритъ первый консулъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, тридцать шесть тысячъ общинъ представляли во Франціи тридцать шесть тысячъ сыротъ, брошенныхъ и ограбленныхъ дочерей. Смѣнная мэровъ, ихъ помощниковъ и общинныхъ совѣтниковъ, общины достигали этимъ только измѣненія образа воровства; обирадывали дороги, вкрали деревья, обкрадывали церковь, вкрали движимость общины».

Всѣ злоупотребленія розыскивались и преслѣдовались. Каждый годъ бюджетъ каждой общины, отнынѣ будетъ опредѣляться, какъ бюджетъ государства, при помощи того же метода, съ той же ясностью и точностью, приходъ съ одной стороны, расходъ съ другой, каждая часть раздѣляется на статьи, каждая статья на параграфы; ни въ какомъ случаѣ расходъ не можетъ превышать дохода. Община ни въ какомъ случаѣ не можетъ просить чрезвычайнаго ассигнованія на обыкновенные расходы. Точная отчетность и строгая экономія, вотъ двѣ необходимыя реформы, если хотятъ дурно содержимый домъ превратить въ хорошій; первый консулъ хорошо

помнить это правило. Въ особенности нельзя допускать никакихъ долговъ, такъ какъ и безъ того половина общинъ кругомъ въ долгахъ. «Подъ страхомъ отдѣленія отъ должности, префектъ долженъ два раза въ годъ посѣщать общины, а су-префектъ четыре раза въ годъ. Каждый годъ пятьдесятъ мэровъ, которые болѣе другихъ приложить усердія для освобожденія отъ долговъ своей общины, будутъ отправляться на государственныя средства въ Парижъ и представляться въ торжественномъ засѣданіи тремъ консуламъ. Колонна воздвигнутая на средства города или деревни будетъ возвѣщать потомству имя такого мэра, кромѣ того, на колоннѣ будетъ написано: «попечителю общины, признательное отечество».

Всѣго этихъ отчасти поэтическихъ почестей, были придуманы другія носящія болѣе положительный характеръ,—награды, чины, пожалованіе Почетнаго Легіона, дворянское званіе, баронскіе и графскіе титулы, денежныя и другія награды.

Съ этой стороны, были приняты всѣ мѣры предосторожности, въ особенности противъ тѣхъ, которыя входя въ составъ корпораціи могли поддасться искушенію и вообразить себя освободительнымъ собраніемъ. Поэтому каждый муниципальный совѣтъ и генеральный совѣтъ не могъ засѣдать болѣе двухъ недѣль въ годъ; каждый изъ нихъ получалъ изъ префектуры почти совершенно готовую приходо-расходную смѣту; въ дѣлѣ приходовъ вся его власть состоитъ въ вотираніи нѣсколькихъ второстепенныхъ статей и только въ границахъ установленныхъ закономъ, вслѣдствіи чего рѣшеніе совѣта вступаетъ въ силу только послѣ одобренія его префектурой. То же самое происходитъ и съ расходами. Фактически муниципальный и генеральный совѣты исполняютъ только совѣщательныя функціи, правительственный же делегатъ,—мэръ, префектъ, и су-префектъ имѣютъ рѣшающій голосъ: обладая предварительной инициативой, направленіемъ и окончательнымъ подтвержденіемъ въ продолженіе двухъ недѣль, онъ остальные одиннадцать мѣсяцевъ является единственнымъ администраторомъ, управляя мѣстнымъ обществомъ. Конечно, собирая и тратя деньги для него, онъ долженъ представлять отчеты и конечно, представить ихъ въ слѣдующемъ году, во время сессіи; въ коммунѣ, говорить законъ, муниципальный совѣтъ выслушаетъ и можетъ оспаривать счета муниципальных приходовъ и расходовъ. Но прочтите текстъ до конца и замѣтите роль, какую въ этомъ случаѣ предоставляетъ законъ совѣту. Это роль хора, въ древне-греческой трагедіи: онъ присутствуетъ, слушаетъ, одобряетъ или хулитъ, но одобренныя или обруганныя имъ главные персонажи пьесы остаются попрежнему на своихъ мѣстахъ и продолжаютъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Очевидно, что мэръ даетъ свой отчетъ не муниципальному совѣту, отчетъ этотъ окончательно утверждаетъ только су-префектъ и послѣ этого утвержденія муниципальный совѣтъ можетъ говорить, что угодно; для большей же безопасности, если какой-либо совѣтникъ окажется слишкомъ придирчивъ, то префектъ имѣетъ полное право отрѣшить его отъ занимаемой имъ должности и возстановить такимъ образомъ, нарушенное на минуту единодушіе. Въ департаментѣ генеральный совѣтъ также будетъ слушать отчеты за годъ; благодаря

какому-то пропуску, законъ ничего не говоритъ, что онъ можетъ его обсуждать. Тѣмъ не менѣ циркуляръ IX года приглашаетъ совѣтъ наблюдать относительно употребленія добавочныхъ налоговъ, а также проверять, дѣйствительно ли каждая сумма, внесенная въ расходъ, была употреблена на что предназначалась и даже отвергать расходы, которые окажутся не вполне оправданными. Кромѣ того, министръ, либераль по своимъ убѣжденіямъ, разсылаетъ генеральнымъ совѣтамъ составленный по одному образцу вопросный листокъ; по всѣмъ важнымъ предметамъ, — «земледѣлію, торговлю, фабричному производству, путямъ сообщеніямъ, общественнымъ работамъ, народному просвѣщенію, поведенію гражданскаго сословія, числа народонаселенія», онъ собираетъ и печатаетъ ихъ мѣтніе. Но послѣ IX года это прекращается: собранію такихъ свѣдѣній придавало слишкомъ важную роль генеральнымъ совѣтамъ; народъ могъ привязаться къ нимъ и такимъ образомъ, уменьшилось бы значеніе префекта и его замѣстителя. Огнень такой вопросный листокъ разсылается только префектамъ. Затѣмъ прекращается и это; правительство пришло къ заключенію, что печатаніе подобныхъ свѣдѣній совершенно лишне и лучше всего сохранять ихъ въ рукописяхъ. Мѣстные дѣла не выходятъ изъ бюро; они разбираются при закрытыхъ дверяхъ; каждый шумъ, могущій возникнуть за дверьми кабинета префекта или министра, старательно заглушается и подъ рукою префекта генеральный совѣтъ превращается въ автомата.

Постепенно значеніе прямого представителя императора возрастаетъ, вмѣстѣ съ значеніемъ самого императора. Для современника, Наполеонъ обладаетъ всѣми атрибутами божества, не только всемогуществомъ и вездѣсущностью, но еще и всевѣдѣніемъ. Когда онъ посѣщаетъ какой нибудь городъ и совѣщается съ мѣстными властями о дѣлахъ общественныхъ или департамента, его собесѣдники ослѣплены, онъ такъ же хорошо освѣдомленъ обо всемъ, какъ и они и объясняетъ имъ ихъ дѣла. Наканунѣ вечеромъ по пріѣздѣ онъ приказываетъ подать себѣ всѣ дѣла, всѣ положительныя и техническія свѣдѣнія сконцентрированныя и классифицированныя по его системѣ, ночью онъ читаетъ и запоминаетъ ихъ; утромъ на разсвѣтѣ онъ дѣлаетъ свою обычную прогулку верхомъ и съ быстротою, свойственной ему, уже успѣлъ опредѣлить лучшее направленіе для проектируемаго канала, наиболее удобное мѣсто для постройки фабрики или для порта. При затрудненіяхъ, въ которыхъ терялись лучшіе умы страны, при вопросахъ, которые казались неразрѣшимыми, Наполеонъ, съ перваго взгляда, вноситъ практическое и единственное разрѣшеніе. Передъ этой универсальной компетенціей, всѣ чувствуютъ себя какъ бы приниженными. „Это больше чѣмъ человекъ, — говорили Беньо, дюссельдорфскіе администраторы. — Да, — отвѣтилъ Беньо, это дьяволъ.“

Магическое впечатлѣніе, производимое имъ, сохраняется даже послѣ того какъ онъ уѣхалъ. Даже въ отсутствіи, даже по отношенію къ тѣмъ, которые его не видали, онъ сохраняетъ свой престижъ и сообщаетъ его всѣмъ, кто повелѣваетъ отъ его имени. Передъ префектомъ барономъ или графомъ, государственнымъ совѣтникомъ или сенаторомъ, въ расшитомъ золотомъ платьѣ и увѣ-

шаннымъ знаками отличія, всякій совѣтъ—муниципальный или генеральный теряетъ способность хотѣть и не въ состояннн сказать цѣль. Онъ позволяетъ руководить собою, считая себя лишь за мелкое колесо, въ огромной машинѣ, двигательная сила, котораго исходитъ свыше и передается черезъ префекта, но за рѣдкими исключеніями, когда правительство требуетъ отъ совѣта исключительныхъ услугъ, онъ работаетъ не безъ пользы въ своемъ маленькомъ кругу оказывая услугу какъ правительству, такъ и народу.

VIII.

Таковъ духъ учрежденія и такова его форма. Послѣ 1814 и 1815 гг., послѣ паденія Имперіи, въ эпоху первой и второй Реставраціи, учрежденіе продолжаетъ существовать попрежнему: правительство попрежнему назначаетъ всѣхъ представителей мѣстнаго общества, въ департаментѣ, въ общинѣ и въ другихъ округахъ,—префекта, су-префектовъ, мэровъ и помѣщиковъ, совѣтниковъ департамента, округа и общины. Какъ бы ни была правящая власть, она ни за что не станетъ ограничивать себя, свое право раздавать и отнимать мѣста, власть, значеніе, вліяніе, оклады и всѣ другія хорошія вещи; пока она въ состояннн, она будетъ сохранять ихъ въ своихъ рукахъ, чтобы раздавать ихъ по своему усмотрѣнію и въ своихъ интересахъ, награждая своихъ сторонниковъ и лишая своихъ противниковъ. 4 тысячи должностей префекта, су-префекта, совѣтника префектуры, департамента и округа 400 тысячъ мѣстъ мэра, помощника и муниципального совѣтника и кромѣ того безчисленное количество должностей вспомогательныхъ и второстепенныхъ агентовъ, начиная отъ генеральнаго секретаря префектуры, до секретаря мэра, отъ писцовъ префектуры и су-префектуры, до полицейскихъ чиновъ таможеннаго департамента въ городахъ, отъ инженера и архитектора города и департамента, до послѣдняго конторщика, отъ портового сторожа до полевыхъ сторожей и караульщиковъ, конститудіонное правительство, прямо или косвенно, располагаетъ всеми этими мѣстами, точно такъ же, какъ и при правительствѣ Имперіи. Община или департаментъ, каждое мѣстное общество остается въ томъ же режимѣ тѣмъ же, чѣмъ оно было при первомъ продолженіи центрального общества, придаткомъ государства, кладовой главнаго магазина, руководитель котораго въ Парижѣ. Въ нихъ ничего не измѣнилось; ни размѣры, ни границы округа, ни іерархія властей, ни теоретическій кадръ, ни практической механизмъ, даже имена остались тѣ же. Послѣ префектовъ Имперіи, появляются префекты Реставраціи, съ тѣмъ же титуломъ, въ томъ же костюмѣ устраивающіеся, въ томъ же самомъ отелѣ, чтобы исполнять тѣ же самыя обязанности, съ тѣмъ же самымъ рвеніемъ, т. е. съ опаснымъ рвеніемъ, отъ котораго ихъ предостерегаетъ даже Талейрантъ, глубокой знатокъ учреждений и людей. По совѣту Фуше „Бурбоны“ легли на ложе Наполеона, т. е. на ложе Людовика XIV, только болѣе обширное и болѣе удобное увеличенноею Революціей и Имперіей, пригнанное къ росту послѣд-

наго жилья, занимавшее собою всю Францію. Когда послѣ двадцати-пяти-лѣтняго изгнанія, возвращаешься къ себѣ домой, приятно встрѣтить тамъ подобное ложе; передѣлывать старое было бы затруднительно, къ тому же старое было не такъ удобно: вотъ выгоды принесенныя революціонерами и узурпаторомъ. Въ этомъ отношеніи не только король, но и самые старые Бурбоны являются революціонерами и бонапартистами. Прогуливаясь въ 1815 году среди мостовъ, каналовъ и великолѣпныхъ шоссеиныхъ дорогъ Лангедона, герцогъ Ангюлемскій, которому напомнили, что эти колоссальныя работы были совершены, нѣкогда провинціальными штатами, сухо отвѣтилъ: „Мы предпочитаемъ департаменты провинціямъ“.

За исключеніемъ нѣсколькихъ антигварныхъ и полудеревенскихъ роялистовъ, никто не высказываетъ порицанія; никто не мечтаетъ о перестройкѣ машины по другому плану,—это доказываетъ, что люди, въ общемъ, довольны ея работой. Она функционруетъ хорошо; въ эпоху Реставраціи, какъ во время Имперіи, она оказываетъ тѣ услуги, которыя отъ нея требуютъ; она отлично заботится о двухъ главныхъ дѣлахъ мѣстнаго общества,—о путяхъ сообщенія и объ огражденіи отъ общественныхъ бичей. Въ 1814 г. ея работа дѣлаетъ ей честь: исправленіе всѣхъ разрушеній причиненныхъ революціей, продолженіе и окончаніе прежнихъ предпріятій, а также и новыхъ,—молось по берегамъ моря и рѣкъ, бассейновъ, набережныхъ и мостовъ, шлюзовъ и каналовъ, общественныхъ зданій, 27200 километровъ національныхъ путей и 18600 департаментскихъ путей, не считая проселочныхъ дорогъ; все это ведется съ точностью, экономіей, чиновниками знающими, старательными и бдительными, которые сперва изъ страха и осторожности, а затѣмъ по привычкѣ изъ чувства самолюбія, превратились въ честныхъ служахъ; прекратилось воровство, хищеніе, своеволіа. Между приходомъ и расходомъ не оказывалось никакихъ блуждающихъ суммъ, или ассигнованій, ушедшихъ на другое употребленіе. Податной человѣкъ не получалъ укаловъ въ чувствительное мѣсто, не подвергался, какъ прежде, оскорбленіямъ и обидамъ; слитый съ главнымъ налогомъ, мѣстный налогъ реформировался и пересталъ быть прежнимъ гнетомъ. Благодаря всѣмъ этимъ измѣненіямъ, исчезло безпокойство, страхъ; вмѣсто нихъ появилось удобство и удовольствіе отъ ежедневнаго пользованія благами, лишеніе которыхъ равнялось, для современнаго человѣка, недостатку воздуха; физическая обеспеченность противъ стихійныхъ бѣдствій, удобство передвиженія и перевозки грузовъ, мошеніе, освѣщеніе и очистка улицъ, присутствіе и бдительность сельской полиціи: всѣ эти блага, предметы мѣстнаго общества, производятся дешево и легко машиною, безъ отяжекъ и безъ продолжительныхъ остановокъ, какъ это было при Республикѣ или въ эпоху стараго режима. Она дѣйствуетъ почти одна, почти безъ всякаго участія заинтересованныхъ и въ ихъ глазахъ это кажется не послѣднимъ достоинствомъ: при ней не происходитъ никакихъ столкновеній не спрашивается ни съ кого никакой отвѣтственности, при ней не надо участвовать въ выборахъ, не надо поддерживать споровъ, не надо принимать выказовъ рѣ-

шеній; не требуется ничего, кромѣ платы, но и то не опредѣленной платы, а излишка сантимовъ. Такъ живетъ праздный собственникъ, котораго его управляющіе точные и нѣсколько медлительные, но аккуратные и способные, избавляютъ отъ заботы управлять своимъ имуществомъ; въ припадѣ дурного расположенія духа онъ можетъ отказать главнаго управляющаго, но если даже онъ смѣнить всѣхъ приказчиковъ и завѣдующихъ, въ своемъ владѣніи, онъ все же не въ силахъ будетъ измѣнить его строй; онъ слишкомъ привыкъ къ нему; онъ необходимъ его дѣли; онъ не привыкъ предаваться заботамъ и труду; онъ не подготовленъ, чтобы быть собственнымъ управляющимъ.

Даже хуже, въ настоящемъ случаѣ, хозяинъ забылъ, что поместье принадлежитъ ему, онъ даже не увѣренъ въ томъ, что у него есть поместье; онъ потерялъ представленіе о самомъ себѣ, онъ едва помнитъ что онъ личность. Широкое или узкое, департаментъ или община, мѣстное общество не чувствуетъ больше, что оно естественное тѣло, состоящее изъ членовъ солидарныхъ по неволѣ; это чувство, ослабѣвшее въ концѣ стараго режима окончательно умерло въ немъ подъ ударами революціи и подъ долгимъ гнетомъ Имперіи; въ общинѣ все было возбуждено нѣсколько разъ, — территориальныя границы, внутренній и внѣшній строй, коллективная собственность. 44 тысячамъ муниципалитетовъ, основанныхъ учредительнымъ собраніемъ, наследовали въ эпоху директоріи шесть или семь тысячъ кантональных муниципалитетовъ, нѣчто вродѣ мѣстныхъ синдикатовъ, представленныхъ въ каждой общинѣ нисшимъ агентомъ, затѣмъ во время консульства явилось 36 тысячъ опредѣленныхъ общинъ. Изъ независимаго община, подъ рукой конвента, превратилась въ трепещущаго подданнаго, отданнаго на растерзаніе жестокимъ пашамъ и резидентамъ, которыхъ отправляла въ нее якобинская тиранія; затѣмъ въ эпоху Имперіи послушные подданные управлялись свыше и корректно, относясь въ то же время безразлично къ собственнымъ дѣламъ и не воспитывая въ себѣ общественнаго духа. Кромѣ того общины подверглись еще большому измѣненію. Въ силу декрета законодательнаго собранія въ каждой общинѣ, гдѣ треть жителей требовала раздѣла общинныхъ земель, у общины отнимались ея владѣнія и раздѣлялись равными частями на всѣхъ жителей, послѣ подобнаго декрета общинная собственность даже возстановленная фискомъ далеко не та, что прежде. «Есть много общинъ, говоритъ Наполеонъ, долги которыхъ заплачены и земли которыхъ не проданы; есть много другихъ, земли которыхъ проданы и долги не заплачены. Отсюда ясно, что съ собственностью нѣкоторыхъ общинъ не слишкомъ церемонятся». Вслѣдствіе этого, онъ отбираетъ ихъ имущества, сперва одну десятую изъ ихъ земельного дохода, затѣмъ четверть производства всѣхъ лѣсныхъ порубокъ, наконецъ, ихъ капиталъ, всю ихъ земельную собственность отдѣливаемую въ 370 милліоновъ; взаменъ этого онъ даетъ имъ 138 милліоновъ ренты; такимъ образомъ потеря для нихъ и барышъ для него равняются въ 232 милліона, а продажа общинныхъ земель, начатая въ 1813 г., продолжается во время Реставраціи въ 1814, 1815, 1816 г.г. Человѣческое общество третируемое подобнымъ образомъ въ продолженіе

четверти вѣка, перестаетъ быть личностью; оно превратилось въ вещь, кромѣ того ея члены перестали вѣрить въ то, что община дѣйствительно личность.

Надъ почти мертвой общиной находится совѣтъ умершій департаментъ, тамъ мѣстный патриотизмъ былъ убитъ однимъ ударомъ благодаря разрѣшенію провинціи. Среди столькихъ политическихъ преступленій и всѣхъ покушеній свершенныхъ революціей противъ Франціи, это одно изъ худшихъ; учредительное собраніе измѣнило группировку, уничтоживъ историческія имена, изъ которыхъ каждое воинъ-вало тысячи сердецъ и соединяло тысячи стремленій, уничтоживъ центры добровольнаго сотрудничества, очаги великодушія, рвенія и преданности, практическую школу высшаго политическаго воспитанія. Разрѣзанные поживцами геометра и обозначенные новыми географическими именами, куски провинціи перестали быть любимой родиной жителей; эти мѣста потеряли свою душу. Въ продолженіе двадцати лѣтъ законодатель забываетъ одарить ихъ подобіемъ души,—юридическимъ качествомъ, которое у него находится въ распоряженіи; только въ 1811 году департаменты превращаются въ собственниковъ и гражданскія личности. Впрочемъ, государство награждаетъ ихъ этимъ достоинствомъ, чтобы облегчить себя и отягощать ихъ, чтобы наложить на нихъ расходы, большая часть которыхъ ихъ вовсе не касается, чтобы заставить ихъ платить вмѣсто себя, за содержаніе тюремъ, жандармскихъ казармъ, судебныхъ палатъ и префектуры. Но даже и въ эту эпоху они все же не являются въ глазахъ юрисконсультовъ и государственнаго совѣта безслѣдными собственниками и полноправными личностями; это достоинство получаютъ они только 1838 году. Пока же 27 тысячъ квадратныхъ миль территоріи мѣстныхъ обществъ являются только креатурой закона, искусственно нымъ распределеніемъ, причемъ жители не чувствуютъ себя связанными своимъ соседствомъ. Для того чтобы ихъ общество было жизненно, нужно, чтобы каждая община и департаментъ сердцемъ и умомъ постигли бы значеніе слѣдующей мысли: «Мы вмѣстѣ на одномъ суднѣ, судно принадлежитъ намъ и мы его экипажъ. Мы здесь находимся, чтобы управлять имъ каждый смотря по своему положенію, каждый на своемъ посту, внося часть, малую или большую въ общее управленіе».

ГЛАВА II.

I. Мѣстное общество съ 1830 г.—Введеніе внутренняго двигателя.—Оно подчинено двѣмъ агентамъ внѣшнему. — При всеобщемъ голосованіи это подчиненіе является благодеяніемъ. — II. Всеобщее голосованіе, примененное къ управленію мѣстнаго общества.—Два рода для расхода мѣстнаго общества. Въ теоріи цифры установленныя для перваго и втораго рода должны быть равны. — Но практикѣ цифры перваго рода гораздо выше. Капитовый финансовый строй предусматриваетъ мѣстные расходы. — Добавочные налоги. — Какимъ образомъ, въ деревнѣ и городѣ, податной человекъ лишился правъ. — Его участіе въ размѣрѣ мѣстныхъ расходовъ сведено на нѣтъ. — Его участіе въ мѣстныхъ барышахъ остается прежне. — Вѣдѣтіе этого податной по нѣтъ на себя лишней тяжести налоговъ.—Это облегченіе является для нихъ какъ бы милостыней. — III. Возможное компенсированіе другой чашей вѣсовъ.—Какимъ должно быть распределеніе правъ. — Въ каждомъ акціонерномъ обществѣ. — Въ каждомъ мѣстномъ обществѣ ограни-

чепномъ своей природной цѣлью.—Въ каждомъ мѣствомъ обществъ съ дополнителными функциями.—Мѣстный уставъ въ Англіи и Пруссіи.—IV. Какъ всеобщее и равное голосованіе введено въ мѣста е общество.—Цѣль французскаго законодателя.—Никакого различія между деревенской общиной и общиной городской.—V. Вліяніе закона на деревенскую общину.—Несоответствіе вѣе избранныхъ представителей съ дѣломъ, которое имъ поручено.—Мэръ и муниципальный совѣтъ.—Отсутствіе компетентнаго совѣтника.—Секретарь мэри.—Шефъ или помощникъ шефа бюро префектуры.—VI. Вліяніе закона на городскую общину.—Несоответствіе между административной способностью избранныхъ ея представителей и порученнымъ имъ дѣломъ.—Отсутствіе постоянного и спеціального управляющаго.—Муниципальный совѣтъ — мэръ.—Генеральный совѣтъ.—VII. Префектъ.—Его господствующая роль. Его обязательныя услуги.—Его главная цѣль.—Клѣвнѣю на мѣстную администрацію.—На личный административный составъ.—II на мѣстные финансы.—VIII. Настоящее положеніе мѣстнаго общества.—Разсматриваемое какъ организмъ, его можно считать какъ мертворожденнымъ.—Какъ механизмъ оно самоано.—Дѣя слѣдующія другъ за другъ мъ и ложныя конвенціи мѣстнаго правленія.—Въ теоріи онѣ исключаютъ одна другую.—На практикѣ ихъ соединеніе приводитъ къ настоящему режиму.

I.

Эту рѣшительную фразу послѣ тридцатилѣтняго молчанія не могутъ не произнести ни уста, ни сердце: что мѣстное общество должно быть частной компаніей объ этомъ заинтересованные вовсе не заботятся, а законодатель того не допускаетъ. Въ годъ VIII законодатель ввелъ въ машину новую пружину. Послѣ революціи 1830 года муниципальные совѣты и генеральные совѣты, превратившись въ избирательные, назначаются по ограниченному голосованію; послѣ революціи 1848 года они назначаются по всеобщему голосованію; послѣ революціи 1870 года, каждый муниципальный совѣтъ избираетъ своего мэра, а генеральный совѣтъ, функціи котораго увеличены, на время своего отсутствія, оставляетъ вмѣсто себя промежуточную, постоянную комиссію для совмѣстной работы съ префектомъ. Такимъ образомъ, въ мѣстномъ обществѣ появляется новый двигатель, дѣйствующій снизу тогда, какъ первый является внѣшкимъ и дѣйствующимъ сверху; отнынѣ оба двигателя должны работать вмѣстѣ и согласно. Но въ дѣйствительности второй остается подчиненнымъ; къ тому же онъ не подходитъ къ машинѣ, а машина не подходитъ къ нему; онъ сдѣланъ не по ней, а она не по нему; онъ оказывается неудобнымъ препятствіемъ почти всегда бесполезнымъ, а иногда вреднымъ. Движеніе производимое имъ очень слабо и почти безрезультатно; это движеніе задерживается многочисленными препятствіями; оно умираетъ въ сложномъ хаосѣ колесъ не достигая цѣли; оно ничего не можетъ сдѣлать, кромѣ лишь того, чтобы задержать или умѣрить толчки внѣшняго двигателя, иногда кстаги иногда же не во время; чаще же всего, даже и теперь, результатъ этого движенія сводится къ нулю. Въ трехъ четвертяхъ общаго числа дѣлъ, три четверти всѣхъ муниципальных совѣтовъ заедастъ только для того, чтобы поставить свои подписи; и ихъ, такъ называемыхъ, рѣшенія, ничто иное какъ пустая формальность; импульсъ и направленія продолжаютъ исходить сверху и извнѣ. При третьей республикѣ, какъ во время Реставраціи и первой Имперіи, мѣстнымъ обществомъ продолжаетъ управлять центральное государство; не-

смотря на всё треніа, столкновенія и мимолетныя конфлікты, государственная власть остается попрежнему инициаторомъ, подготовителемъ, контролеромъ и исполнителемъ всякаго предпріятія, высшей властью департамента и общины, несмотря на всё печальныя послѣдствія такого положенія дѣлъ. Другое слѣдствіе еще болѣе серьезно: такъ какъ если бы государство отказалось бы отъ своей власти, то власть перешла бы въ численному большинству, которое является грубой и слѣпой силой; предоставленная самой себѣ, безъ всякаго противовѣса, эта власть имѣла бы губительныя послѣдствія. Государственная же власть хороша уже потому, что сохраняетъ намъ демократическую автономію. При настоящемъ положеніи учрежденій и умовъ, первый режимъ, какъ бы ни былъ онъ плохъ, является нашимъ послѣднимъ убѣжищемъ противъ еще худшихъ злоупотребленій второго.

II.

Въ самомъ дѣлѣ, всеобщее голосованіе является въ мѣстномъ обществѣ чудовищной, безплодной выдумкой. Учрежденное подобнымъ образомъ, его механизмъ опредѣленъ заранее, онъ исключаетъ извѣстные колеса и винты. Законодателю остается переписать его только какъ законъ, избѣгая грубыхъ противорѣчій; природа сама предоставляетъ ему совершенно готовые статуты. Ему остается только прочесть ихъ: онъ уже прочелъ распредѣленіе обязанностей, теперь онъ можетъ прочесть тамъ распредѣленіе правъ.

Какъ мы уже видѣли, мѣстное общество, оказываетъ двѣ опредѣленныя услуги, одну личную, а другую реальную: первая, цифра которой остается одинаковой для всѣхъ; вторая, цифра которой повышается для каждаго общества, пропорціонально его расхода, важности его дѣлъ и сумма его прихода съ недвижимости. По теоріи цифра первой должна бы быть равной средней средней цифрѣ второй: дѣйствительно, услуги оказываемыя первой, такъ же многочисленны, разнообразны и драгоценны и не менѣе дороги, какъ услуги второй. Изъ двухъ интересовъ представляемыхъ ими, каждый, если бы онъ былъ одинъ, былъ бы принужденъ, чтобы получить тѣ же самыя услуги, исполнять одинъ всю работу; никто изъ обонихъ не пользовался дивидендомъ и каждый долженъ былъ бы платить за всѣ расходы: такимъ образомъ каждый изъ двухъ выигрываетъ столько же, сколько другой, въ физической солидарности связующей ихъ. Вотъ почему въ законной ассоціаціи, которая ихъ связываетъ, они считаютъ себя на одинаковыхъ правахъ, на условіи, что если второй беретъ на свой счетъ одну половину расходовъ, первый возьметъ вторую половину расходовъ на свой счетъ. Но на практикѣ это невозможно. Три раза изъ четырехъ, при такомъ распредѣленіи, первая сторона не внесетъ своей части: изъ осторожности и по гуманности, законодатель не можетъ слишкомъ отягощать бѣдныхъ. Недавно онъ облегчилъ ихъ при учрежденіи всеобщаго налога, теперь же, учреждая мѣстный налогъ и доходъ департамента или общины, онъ еще болѣе милостиво обращается съ ними. Въ новомъ финансовомъ стрѣбъ сантимы, прибавленные къ

каждому франку прямого налога, образуютъ главный ресурсъ департамента и общины и именно этимъ способомъ каждый податной выплачиваетъ свою часть въ мѣстныхъ расходахъ. Но поденный рабочий, безъ собственности и дохода, живущій изо дня въ день ежедневнымъ заработкомъ, не выплачиваетъ расходовъ своей общинѣ и департаментамъ. Въ другихъ отрасляхъ прямой налогъ и добавочные сантимы также не подрываютъ заработка бѣдныхъ. Точно также поступаютъ и съ полубѣдными, съ ремесленниками, живущими въ одной комнатѣ выше второго этажа или съ крестьяниномъ, у котораго хижина имѣетъ одну дверь и окно. Цифра ихъ налога на двери и окна очень незначительна, не превышаетъ одного франка въ годъ, а цифра налога на движимость еще меньше.

При столь незначительномъ налогѣ, дополнительные налоги могутъ быть увеличены сколько угодно, они все равно не достигнутъ крупной суммы. Даже люди обладающіе земельной собственностью и тѣ освобождаются отъ поземельнаго налога. Фискаль, чтобы не дѣлать изъ нихъ нищихъ и бродягъ, избѣгаетъ продавать съ торговъ ихъ хижину, ихъ садъ и огородъ. Такимъ образомъ, бѣдный крестьянинъ исключается отъ обязательныхъ взносовъ, но за это иногда платитъ свой долгъ натурою, тремя днями работы по ремонту дорогъ. Прибавьте въ этому его уплату по налогу на окна и двери, что въ общемъ составитъ четыре или пять франковъ въ годъ. Такова сумма, которую уплачиваетъ бѣдный своему департаменту или общинѣ. Въ городахъ, благодаря городскимъ тамошнямъ, онъ платитъ больше.

III.

Такое правило во всякой ассоціаціи, даже въ тѣхъ акціонерныхъ компаніяхъ, гдѣ распределение обязанностей совершается безъ всякаго лицепріятія въ пользу или въ невыгодѣ акціонера. Забудьте, что въ этихъ обществахъ кооперация не принудительная, а добровольная; члены общества соединены не вслѣдствіе физической необходимости, но по собственному желанію и каждый изъ нихъ остается въ этомъ обществѣ совершенно добровольно; чтобы выйти изъ него, ему стоитъ только продать свои акціи; а разъ онъ ихъ держитъ, онъ тѣмъ самымъ подтверждаетъ свою подпись и соглашается съ уставомъ.

Такое общество совершенно свободно и его уставъ можетъ служить образцомъ для другихъ. Однако, этотъ уставъ различаетъ крупныхъ акціонеровъ отъ мелкихъ; онъ всегда предоставляетъ большую власть крупнымъ акціонерамъ, которые больше рискуютъ; принципиально онъ соблюдаетъ пропорцію голосовъ предоставляя каждому акціонеру столько голосовъ, сколько у него акцій. Съ меньшимъ правомъ этотъ принципъ долженъ быть принятъ для мѣстнаго общества; такъ какъ если выборъ управителя отданъ на всеобщее голосованіе, то крупные помѣщики были бы лишены своего права, имѣя лишь одинъ голосъ наравнѣ съ бѣдняками ничего не платящими общинѣ. Въ такомъ случаѣ, человѣкъ платящій крупный налогъ окажется въ положеніи эксплуатируемаго и ему нѣтъ

никакого расчета вступать членомъ въ какое то ни было общество, разъ онъ не пользуется никакими преимуществами, хотя и платитъ больше другихъ; онъ съ удовольствіемъ основался-бы въ другомъ мѣстѣ, но повсюду онъ встрѣтитъ тѣ же самыя условія. Поэтому онъ остается на старомъ мѣстѣ, присутствуя тѣломъ и отсутствуя душою; онъ не ходитъ на собранія, не выказываетъ никакого рвенія, оставаясь пассивнымъ наблюдателемъ, молча покорившись своей участи. Вотъ почему въ странахъ, гдѣ демократія еще не успѣла уничтожить совершенно справедливость, мѣстный уставъ предписываетъ, чтобы тотъ, кто платитъ, управляетъ сообразно съ тѣмъ, что онъ платитъ. Въ Англіи онъ даруетъ наиболѣе обложеннымъ, лишнее количество голосовъ, до шести голосовъ одному лицу; въ Пруссіи онъ раздѣляетъ мѣстные налоги на три трети, а сѣдовательно и всѣхъ платящихъ налоги на три группы,—первая состоитъ изъ людей, платящихъ плату больше другихъ, вторая состоитъ изъ людей средняго достатка вносящихъ вторую треть, а третья изъ мелкихъ налогоплательщиковъ составляющихъ самую многочисленную группу и платящихъ третью треть. Каждой изъ этихъ группъ онъ предоставляетъ одинаковое число голосовъ при общинныхъ выборахъ. Благодаря этому приблизительному балансированію законныхъ правъ и законныхъ обязанностей, обѣ чаши вѣсовъ находятся почти въ равновѣсіи.

IV.

Если государство во Франціи поступило какъ разъ на оборотъ, то сдѣлало это подъ давленіемъ необходимости, вызванной бурной и внезапной революціей. Согласно французскому и революціонному обычаю, законодатель былъ обязанъ держаться однообразія и симметріи. Вводя всеобщее голосованіе въ государство, онъ долженъ былъ ввести такое же и въ мѣстное общество. Онъ повиновался и сдѣлалъ что ему предписывали, онъ не старался одухотворить мѣстное общество, превратить его въ живое тѣло способное къ движенію. Въ противоположность своимъ предшественникамъ до 1789 г. во Франціи, въ противность указаніямъ опыта, даже въ противность очевидности фактамъ, онъ отказался признать, что во Франціи есть два сорта людей, людей городскихъ и деревенскихъ, два типа мѣстнаго общества,—община городская и община деревенская, онъ не захотѣлъ считаться съ этой капитальной разницей: онъ составлялъ свой уставъ для француза вообще, для гражданина, для фиктивныхъ людей, вслѣдствіе чего ни одинъ изъ параграфовъ не могъ подходить къ реальнымъ людямъ. Однимъ ударомъ законодательныя ножницы по одной мѣркѣ выкроили изъ одной матеріи тридцать шесть тысячъ экземпляровъ одного и того же платья, одно и то же платье безразлично для каждой общины, платье очень узкое для города и слишкомъ широкое для деревни, въ обонхъ случаяхъ непригодное для носки, такъ какъ оно не подходитъ ни къ росту слишкомъ высокому, ни къ слишкомъ низкому. Но какъ присланное изъ Парижа его приходится надѣть и носить, в него носили, какъ могли, за не-

имѣніемъ другого болѣе подходящаго: отсюда разныя странныя положенія, а затѣмъ результаты непредвидѣнные не управителями не управляемыми.

V.

Разсмотримъ эти результаты поочередно въ маленькихъ и большихъ общинахъ: ясно видимые и опредѣленные на двухъ концахъ лѣтницы, они смѣшиваются на среднихъ ступеняхъ, комбинируются въ разныхъ пропорціяхъ, смотря по тому приближается ли община къ городу или къ деревнѣ. Послѣ 1789 г. во Франціи мелкихъ общинъ безчисленное количество: изъ 36 тысячъ 27 тысячъ имѣютъ менѣе тысячи человекъ жителей, причемъ болѣе 16 тысячъ имѣютъ менѣе 500 жителей. Кто путешествовалъ по Франціи, тотъ могъ убѣдиться изъ какихъ людей состояли эти чисто деревенскія группы: ему стоитъ только вспомнить фізіономіи и манеры, чтобы догадаться, насколько эти мозги пригнуплены рутинною ручною труда и подавлены, насколько коротка освѣдомленность въ дѣлѣ фактовъ, насколько медленно совершается пріобрѣтеніе и обогащеніе новыми идеями, какая наслѣдственная подозрительность раздѣляетъ неграмотный классъ отъ людей интеллигентныхъ, какая почти непроходимая пропасть воспитанія, нравовъ и манеръ находится между фраккомъ и блузой. До 1830 г., когда префектъ назначалъ муниципальных совѣтниковъ и мэра, онъ почти всегда выбиралъ на эти должности людей интеллигентныхъ, въ эпоху июльской монархіи и окращеннаго избирательнаго права они тоже попадали на эти должности, при второй Имперіи, какой бы муниципальный совѣтъ не былъ избранъ, мэръ назначаемый префектомъ почти всегда наиболѣе образованный человекъ изъ всей общины. Теперь же только въ рѣдкихъ случаяхъ дворянинъ или буржуа можетъ стать муниципальнымъ совѣтникомъ и мэромъ, для этого ему необходимо быть уроженцемъ страны и долгое время прожить въ ней. Въ большинствѣ же случаевъ численное большинство назначаетъ на общественныя должности своихъ. Такимъ образомъ невѣжественный муниципальный совѣтъ избираетъ невѣжественнаго мэра. Вотъ каковы съ этихъ поръ представители и управляющіе общинными интересами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касается лично ихъ, въ остальномъ ихъ инерція равняется ихъ неспособности.

Этимъ паралитикамъ и слѣпорожденнымъ четыре раза въ годъ приносятъ кипы бумагъ составленныхъ въ префектурѣ, огромные листы сверху до низу раздѣленные на колонны покрытые печатнымъ текстомъ и рукописными буквами; здѣсь подробно обозначены статьи прихода и расхода, налоги общіе, частныя обыкновенныя и чрезвычайныя, бюджетъ предварительный, бюджетъ окончательный, съ указаніемъ статей законовъ, правилъ и рѣшеній, однимъ словомъ методическую картину понятную и полезную для законника, но совершенную абракадабру для крестьянъ, умѣющихъ лишь подписать свою фамилію и читать по складамъ, «абстрактныя фразы котораго представляются ихъ темнымъ мозгамъ какими-то невѣдомыми и неопредѣленными формулами. Чтобы руководить коллектив-

ной жизнью, имъ необходимъ самимъ руководитель, человекъ, знающій законы и веденіе дѣлъ, компетентный совѣтникъ, умѣющій разбираться въ бумагахъ префектуры, который бы объяснялъ имъ ихъ бюджетъ, ихъ права и границы ихъ правъ, послѣдствія какаго нибудь дѣянія, редактировалъ бы ихъ рѣшенія, велѣ-бы отчетность, давалъ-бы нужный ходъ дѣламъ: однимъ словомъ довѣренный человекъ, обладающій нужными техническими способностями. Въ Савойѣ, до ея присоединенія, у нихъ былъ всегда адвокатъ или нотариусъ, который, имѣя пять или шесть общинъ, объѣзжалъ ихъ по очереди, оказывая имъ нужную помощь своимъ знаніемъ, присутствуя при ихъ рѣшеніяхъ и даже исполняя обязанности секретаря. Въ настоящее время въ муниципальномъ совѣтѣ нѣтъ никого, кто бы могъ содѣйствовать имъ совѣтомъ, обязанности секретаря несетъ сельскій учитель, который является только писцомъ. Монотоннымъ голосомъ онъ читаетъ имъ длинную финансовую загадку, полученную отъ французскаго правительства и которую никто кромѣ человека образованнаго не въ состояніи понять. Нѣкоторые изъ нихъ, надѣвъ очки стараются прочесть самое главное—цифру налога, которую имъ придется платить. Цифра эта слишкомъ велика, налоги чрезвычайны, необходимо уменьшить дополнительные налоги и уменьшить расходы. Поэтому, если встрѣчается расходъ, который они могутъ отклонить, они его непременно откладываютъ, хотя-бы временно, пока новый законъ или декретъ не понудитъ сказать ихъ да. Но и безъ того тысячи расходовъ являются обязательными и они подписываютъ бумаги съ недовѣріемъ и покорностью. Предоставленная своему невѣжеству, тысячи мелкихъ общинъ становятся пассивнѣе и инертнѣе, чѣмъ прежде. Теперь имъ въ затруднительныхъ случаяхъ остается только прибѣгать къ совѣту служащихъ префектуры, къ отставнымъ чиновникамъ знающимъ, какъ разбираться въ запутанныхъ бумагахъ правительства.

VI.

Обратимся теперь на другой конецъ лѣстницы — въ сторону крупныхъ городскихъ общинъ. Изъ нихъ болѣе 225, имѣющихъ свыше 10000 жителей, причемъ 90 имѣетъ свыше 20000 жителей и изъ этихъ 9—свыше 100.000, Парижъ—230.000. Даже при поверхностномъ разсмотрѣніи города средней величины въ 40.000 или 50.000 жителей, можно понять насколько затруднительно управленіе такимъ муравейникомъ, въ особенности въ наши дни, а между тѣмъ благодаря опять таки всеобщему голосованію, въ управители города выбираются далеко не лучше люди. Но конечно между городскимъ жителемъ и жителемъ деревни — большая разница. Горожанинъ читаетъ газеты и убѣждаетъ, что не только понимаетъ мѣстныя дѣла, но даже знаетъ толкъ въ дѣлахъ общихъ и национальныхъ. Но крайней мѣрѣ, онъ разсуждаетъ о нихъ съ якобинской точки зрѣнія и вступивъ въ муниципальный совѣтъ, избираютъ въ мэры человека, который является ила ихъ вождемъ, или ихъ креатурой.

Въ департаментѣ генеральный совѣтъ, избранный также на

основаніи всеобщей подачи голосовъ, состоитъ тоже изъ политиковъ, которые пользуются своимъ положеніемъ, какъ ступенью, чтобы подняться выше. И генеральный совѣтъ считаетъ себя полновластнымъ властелиномъ обширной общины, представителемъ которой онъ является. Составленные такимъ образомъ мѣстные власти туже повинуются центральнымъ и чтобы руководить ими префектъ отнынѣ долженъ входить съ ними въ соглашеніе.

VII.

До 1870 г., когда онъ назначалъ мэровъ и генеральный совѣтъ засѣдавшій не болѣе пятнадцати дней въ году, префектъ былъ почти полновластнымъ, и теперь его полномочія велики и власть его остается неизблемой. Онъ имѣетъ право преобразить засѣданіе муниципальнаго совѣта и просить главу государства о смѣненіи совѣта и мэра. Не прибѣгая къ этому крайнему средству онъ постоянно держитъ занесенную руку надъ общиной, такъ какъ имѣетъ право вето, онъ можетъ уничтожить правила мэра и при помощи нѣкоторой ловкости установить свои. Начальникъ и наблюдатель надъ всеми общественными работами, онъ въ своемъ округѣ является также и охранителемъ республиканскихъ идеаловъ, имѣя право даже вгоргаться въ частную жизнь.

Такимъ образомъ префектъ, который долженъ былъ быть безпристрастнымъ стражемъ закона, постепенно превратился въ заговорщика правящей партіи исполняя свои обязанности въ угоду однихъ и нарушая верѣдь интересы другихъ. Точно также и весь личный составъ, который находится подъ его вѣдѣніемъ тоже постепенно портится. Ежегодно къ нему въ префектуру по протевціи вводится нѣсколько человекъ, не обладающихъ способностями и рассчитывающихъ только на поддержку своихъ патроновъ. Другіе служащіе, которые не имѣютъ поддержки въ лицѣ министровъ или сенаторовъ, и видя, какъ незаслуженно награждаются ихъ болѣе счастливыя товарищи по службѣ перестаютъ проявлять рвеніе къ работѣ и постепенно административная постройка, прежде такъ хорошо содержавшаяся, превращается въ какой-то *баракъ*. Прежде, всеобщей подачи голосовъ администраторы держали денежную мощню крѣпко завязанной, съ 1848 г., особенно-же съ 1870 и послѣ закона 1882, узлы мощны были развязаны и содержимое его просыпано на мостовую. Въ 1854 г., всѣ департаменты вмѣстѣ тратили 97 милліоновъ, а въ 1876—676 милліоновъ. Задолженность общинъ, за исключеніемъ Парижа, равнялась въ 1868 г. — 524 милліонамъ, а въ 1878 г. — 1322 милліонамъ.

VIII.

Такова вкратцѣ исторія мѣстнаго общества, начиная съ 1789 г. Послѣ философскихъ домокъ Революціи и практическихъ построекъ Консульства, оно не могло больше быть предметомъ любви, быть маленькой гордостью отечествомъ, предметомъ гордости жителей. Департаменты и общины превратились въ мебельрованные отели

болѣе или менѣе обширные, построенные по одному плану и управляемые по одному и тому же шаблону, въ силу чего 36 тысячъ общинныхъ отелей 86 департаментовъ совершенно ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Разсматривая предметъ съ общей точки зрѣнія, можно съ увѣренностью сказать, что хозяиномъ всѣхъ отелей является государство, причѣмъ въ каждомъ отелѣ имѣется управляющій въ лицѣ префекта. Въ самомъ дѣлѣ префектъ отправленный изъ Парижа всегда будетъ главнымъ руководителемъ и дѣятельнымъ управляющимъ отеля. Но онъ долженъ управлять имъ, всегда имѣя въ виду парламентское большинство. Исходя изъ этого онъ долженъ согласовать между собою вожаковъ всеобщаго голосованія управлять при ихъ содѣйствіи, прислушиваться къ ихъ совѣтамъ замѣтывать ихъ взгляды, обсуждать съ ними даже простѣйшія дѣла. Отсюда происходитъ, что въ плохо содержимомъ отелѣ синсктуры увеличиваются, число служащихъ растетъ съ необычайной быстротой. Въ самомъ отелѣ все строится и разрушается возводятся новые фасады на показъ и ради рекламы, бросаются на пустыя украшенія огромныя суммы. Вслѣдствіе этого постоянное возростаніе долга и новыя налоги. Въ общемъ, стараются всякими средствами увеличить доходы и въ то же время пассивъ постоянно превышаетъ активъ, короче говоря домъ, который перестаетъ удовлетворять своихъ жильцовъ и который постепенно близится къ разрушенію.

КНИГА ПЯТАЯ.

Церковь.

ГЛАВА I.

1. Централизация и нравственные общества.—Мотивы государства въ уничтоженіи церкви.—Ихъ вліяніе на гражданское общество.—II. Личное мнѣніе Наполеона о религіи и религіяхъ.—Его мотивы для предпочтенія усиленной установленныхъ и положительныхъ.—Трудность провести границу между властью духовной и свѣтской.—Вездѣ, исключая католическихъ странъ, авѣ обѣ соединены въ одной рукѣ.—Во Франціи невозможно совершить это соединеніе посредствомъ власти.—Дѣйствія Наполеона для достиженія той же цѣли другимъ путемъ.—Онъ рассчитываетъ владычествовать надъ духовной властью вліяніемъ свѣтскихъ интересовъ.—III Польза, которую онъ извлекаетъ изъ папы.—Отставка или отрѣшеніе отъ должности прежнихъ епископовъ.—Конецъ конституціонной церкви. Право назначать епископовъ и утверждать священниковъ, присвоенное первому консулу.—IV. Другія услуги, которыхъ онъ ждетъ отъ папы. Коронаваніе Наполеона въ соборѣ Парижской Богоматери.—Теорія Наполеона о имперіи и папскомъ престолахъ.—Папа—вассалъ и подданный императора.—Папа—члѣовникъ, живущій въ Парижѣ, великій канцлеръ духовныхъ дѣлъ.—Послѣдствія этого для Италіи.—V. Услуги, которыя Наполеонъ извлекаетъ или которыхъ ожидаетъ отъ французскаго духовенства.—Его римскій взглядъ на гражданскую власть.—Развитію этого взгляда законовѣдами.—Всякое религіозное общество должно быть утверждено.—Законный статутъ, устанавлиющій доктрину и дисциплину четырехъ утвержденныхъ церквей.—Законный статутъ католической церкви.—Ея доктрина и дисциплина будутъ такія же какъ въ древней галлицанской церкви.—Новое положеніе французской церкви и новая роль гражданской власти.—Она слагаетъ съ себя свои прежнія обязательства.—Она сохраняетъ и увеличиваетъ права короны.—Французская церковь до 1789 г. и послѣ 1802. Возросшіи перевѣсъ и полное господство гражданской власти.—VI. Мотивы для уничтоженія чернаго духовенства.—Утвержденные общины.—Утвержденіе можетъ быть отиѣнено.—VII. Режимъ, которому подчинено бѣлое духовенство.—Реставрація и примѣненіе галлицанскихъ доктринъ.—Галлицанизмъ и подчиненіе новаго духовнаго персонала.—Мѣры чтобы держать настоящее духовенство въ повиновеніи и чтобы пріучать къ повиновенію духовенство будущее.—Семинаріи.—Небольшое количество разрѣшенныхъ посвященій въ духовный санъ.—Условія, при которыхъ они разрѣшаются.—Дѣйствія противъ заподозрѣнныхъ профессоровъ и недисциплинированныхъ учениковъ.—VIII. Измѣненія въ духовной іерархіи.—Мотивы для подчиненія высшаго духовенства.—Смѣняемость священниковъ.—Возрастаніе епископской власти.—Власть Наполеона надъ епископами.—IX. Политическая роль епископа.—Императорскій катехизисъ.—Приказанія.—Соборъ 1811 г.—Конкордатъ 1815 г.

I.

Послѣ того какъ централизирующее и поглощающее государство положило свою руку на мѣстныхъ общества, ему осталось заступить свою сѣть на нравственные общества, и это повореніе еще болѣе

важно, чѣмъ первое: потому что, если мѣстныя общества основаны на смертности жилищъ и тѣлъ, тѣ образованы на согласованіи умовъ и душъ; держа ихъ, держать уже не только вѣнность, но и внутренность человѣка, захватываютъ, ч непосредственно, его мысль, волю, его внутреннюю пружину; только тогда имъ совершенно располагаютъ, и можно управлять имъ вполне, по желанію.— Для этого, главной цѣлью завоевательнаго государства является покореніе церквей; рядомъ съ нимъ и внѣ его онѣ представляютъ собой огромную силу націи; не только ихъ владычество иное чѣмъ его, но оно даже болѣе обширно и глубоко. За мірскимъ отечествомъ и короткимъ отрывкомъ исторіи человѣчества, которую постигаютъ тѣлесные глаза, онѣ обнимаютъ и представляютъ глазамъ разума весь міръ и его высшую причину, общій строй вещей, безконечныя перспективы вѣчности прошедшей и вѣчности будущей. Подъ дѣйствіями тѣлесными и перемарающимися, которые предпринимаетъ и которыми руководитъ свѣтская власть, онѣ управляютъ воображеніемъ, совѣтью и сердцемъ, всею интимной жизнью, всею глухой и сдержанной работой, не полными выразительными и рѣзкими взрывами которыхъ служатъ наши видимые поступки. Говорятъ правду, даже когда онѣ разграничиваются добровольно и добросовѣстно, ихъ владычество не имѣетъ границъ; сколько онѣ ни заявляютъ, если онѣ христіанскія, что ихъ царство не отъ міра сего: оно отъ міра сего, какъ онѣ въ немъ; владычицы догматовъ и правды, онѣ въ немъ учатъ и повелѣваютъ. Въ ихъ общемъ понятіи о высшихъ и человѣческихъ вѣщахъ, государство имѣетъ свое мѣсто какъ глава въ книгѣ, и то что онѣ говорятъ въ этой главѣ представляетъ для него существенную важность. Потому что онѣ пишутъ тамъ свои права и обязанности, обязанности и права своихъ подданныхъ, планъ, болѣе или менѣе полный, гражданскаго порядка. Этотъ планъ, признанный или скрытый, къ которому онѣ обращаютъ предпочтеніе своихъ вѣрныхъ, кончается тѣмъ, что вытекаетъ внезапно и неопровержимо изъ ихъ доктрины, какъ растение изъ сѣмени, произрастаетъ въ свѣтскомъ обществѣ, чтобъ распространять тамъ свои листья и пускать свои корни, чтобъ цокелевать или утвердить установленія гражданскія и политическія. На семью и воспитаніе, на употребленіе богатства и власти, на духъ повиновенія или возстанія, на привычки инициативы или бездѣйствія, наслажденія воздержанія, милосердія или эгоизма, на весь текущій ходъ ежедневныхъ обычаевъ и имѣющихъ большой вѣсъ побужденій, во всѣхъ отрасляхъ жизни частной или общественной, влияніе церкви огромно и и представляетъ социальную силу ясную, постоянную, первоклассную. Всякій политическій расчетъ невѣренъ, если она пропущена или принята какъ незначительная величина, и глава государства долженъ понять ея природу, если хочетъ оценить ея величіе.

II.

Такъ дѣлаетъ Наполеонъ. По своей привычкѣ, чтобъ лучше понять другого, онъ старается сперва понять себя: „Кто я, откуда я

припеть, куда я иду—это свыше моего пониманія; я представляю изъ себя часы, которые существуютъ, но не познаютъ себя“. Эти вопросы, на которые мы не имѣемъ отвѣта, „насъ толкають къ религіи: мы бѣжимъ къ ней навстрѣчу, наше природное влеченіе несетъ насъ туда; но является образованіе, которое насъ останавливаетъ. Образованіе и исторія, вотъ великіе враги религіи, обезображенной несовершенствами людей.. Я вѣрилъ; но моя вѣра была поколеблена, лишь только я сталъ знать, разсуждать и это случилось со мной очень рано, тринадцати лѣтъ. Это двойственное личное убѣжденіе является его задней мыслью, когда онъ готовится къ конкордату: „Скажутъ, что я папистъ; я ничто; я былъ мусульманинъ въ Египтѣ, я буду здѣсь католикомъ ради блага народа. Я не вѣрю въ религіи. Но идея Бога! (я поднимая руки къ небу): Кто создалъ все это? Вокругъ великаго имени воображеніе создало свои легенды: будемъ придерживаться тѣхъ, которые уже существуютъ: „человѣкъ такъ устроенъ“, что онъ не можетъ безъ нихъ обойтись: за неизмѣнимъ существующихъ, онъ выдумалъ бы другія, наудачу, и болѣе странныя; положительная религія мѣшаютъ ему распространяться; онъ утверждаетъ и опредѣляютъ сверхъестественное; „пусть лучше онъ беретъ это тамъ, чѣмъ станетъ искать его у дѣвицы Ленорманъ, у всѣхъ этихъ ворожей, у плутовъ“. Установленная религія „суть роль прививки или вакулки, которая, удовлетворяя нашу любовь къ чудесному, предохраняетъ насъ отъ шарлатановъ и колдуновъ; священники стоятъ больше чѣмъ Калостро, Канта и всѣ нѣмецкіе мечтатели.“ Въ общемъ иллюминизмъ или метафизика, умозрительныя изобрѣтенія мозга или заразительное возбужденіе нервовъ, всѣ иллюзіи легковѣрныхъ нездоровы по существу и, обыкновенно, анти-соціальны. Тѣмъ не менѣе, если онъ въ натурѣ человѣческой, примемъ ихъ, какъ воды падающія на склонъ, но съ условіемъ, что онъ останутся въ руслахъ, которые онъ себѣ вырыли и что у нихъ будетъ много руселъ: чтобъ не было новыхъ руселъ и не было одного русла. „Я не хочу преобладающей религіи, не хочу чтобъ основывались новыя: довольно религіи католической реформатской и лютеранской, установленныхъ конкордатами.

Съ этими не нужно бродить впотъмахъ; ихъ направленіе извѣстны, ихъ силой можно парировать ихъ излишества. Кроме того, настоящія склонности и внѣшній видъ человѣческой почвы созданы для нихъ: дитя слѣдуетъ по пути, по которому слѣдовалъ ребенокъ. Послушайте, я былъ здѣсь, въ Мальмезонѣ, прошлое воскресенье, гуляя въ этомъ уединеніи, въ этомъ молчаніи природы. Звукъ рюельскаго колокола вдругъ поразилъ мой слухъ. Я былъ тронутъ, такъ сильна власть первыхъ привычекъ и воспитанія! Я сказалъ себѣ тогда: Какое впечатлѣніе должно это производить на вѣрующихъ и простыхъ людей!“ Удовлетворимъ ихъ, возвратимъ католикамъ ихъ колокола и все остальное. Вѣдь, въ общемъ дѣйствіе христіанства цѣлбно: „Что касается меня, я не вижу въ немъ тайны воплощенія, но тайну общественнаго порядка; религія принисываетъ небу идею равенства, которая мѣшаетъ богатому быть убитымъ бѣднымъ“. „Общество не можетъ существовать безъ неравенства со-

стояній, а неравенство состояній безъ религіи. Когда человекъ умираетъ съ голоду рядомъ съ другимъ, который пользуется изобиліемъ, ему невозможно примириться съ этой разницей, если бы не было власти, говорящей ему: такъ хочетъ Богъ; надо чтобъ были на свѣтѣ богатые и бѣдные; но потомъ и въ продолженіе вѣчности все будетъ раздѣлено иначе“. Рядомъ съ репрессивной полиціей, которою пользуется государство, есть полиція предупреждающая, которою пользуется церковь; духовенство это жандармерія приумноженія, духовная, жандармерія въ суганѣ, болѣе дѣйствительная чѣмъ другая, свѣтская, въ ботфортахъ, и самое существенное—заставить ихъ идти вмѣстѣ, въ ногу, въ полномъ согласіи.

Есть ли между двумя владѣніями между тѣмъ, которое принадлежитъ гражданской власти и тѣмъ, которое принадлежитъ власти религіозной, опредѣленные границы, линия раздѣленія. „Я напрасно ищу эту линію, — *ел существованіе ничто иное, какъ хищери.* Я могу смотрѣть сколько угодно, я вижу только облака, мракъ, затрудненія: гражданское правительство осуждаетъ преступника на смерть; священникъ даетъ ему отпущеніе грѣховъ и обѣщаетъ ему рай“; по поводу одного и того же акта и на одномъ и томъ же лицѣ, двѣ власти, одна черезъ гильотину, другая черезъ прошенье, публично дѣйствуютъ въ противоположныхъ смыслахъ. Такъ какъ двѣ власти могутъ сталкиваться, предупредимъ ихъ столкновеніе, не оставимъ между ними неопредѣленной границы, обозначимъ ее заранѣе, сдѣлаемъ сами нашу часть и не допустимъ, чтобъ церковь присваивала себѣ власть государства: въ сущности, она хочетъ имѣть все; то что она намъ жалуется—только аксесуаръ, а то чѣмъ она завладѣваетъ—главное... Посмотрите на дерзость священниковъ, которые, при раздѣлѣ власти съ тѣми, кого они называютъ свѣтскими властями, сохраняютъ себѣ вліяніе на умъ, на благородную часть человека, и имѣютъ намѣреніе ограничить меня только до власти надъ тѣлами. Они берутъ себѣ умъ, а мяѣ отбрасываютъ трупъ“. Дѣла шли лучше въ древности и теперь идутъ лучше въ мусульманскихъ странахъ: „Въ римской имперіи сенаторы были посредниками неба и это была главная пружина могущества и прочности этого правительства: въ Турціи и на всемъ Востокѣ Алькоранъ въ одно и то же время гражданскій законъ и религіозное евангеліе. Это только въ христіанствѣ папство очутилось отдѣленнымъ отъ гражданского правительства. И это произошло только въ одной отрасли христіанства, исключая католическія страны, вездѣ... въ Англіи, въ Россіи, въ сѣверныхъ монархіяхъ, въ одной части Германіи, законное соединеніе двухъ властей, „религіозное руководство въ рукахъ государей“—совершившійся фактъ. *Безъ него не сумели бы управлять;* иначе нація каждую минуту была бы потревожена въ своемъ покоѣ, оскорблена въ своемъ достоинствѣ, въ своей независимости“. Досадно „что нельзя разрѣшить затрудненіе, какъ Генрихъ VIII“ англійскій: глава французскаго правительства сдѣлался бы тогда, по законодательному статуту высшимъ главою французской церкви. Къ несчастью, Франціи это противно: въ нѣсколько приемовъ Наполеонъ ее ошущивалъ, но убѣдился что въ этомъ, онъ никогда бы не получилъ содѣяствія націи“; „нація мо-

вынула бы его, какъ только онъ попытался бы привести въ исполненіе свой планъ". Не имѣя возможности идти этимъ путемъ, онъ слѣдуетъ по другому, который ведетъ къ той же цѣли. Эта цѣль. говорилъ онъ самъ, „была долго и всегда предметомъ его размышленій и его желаній“...—„Онъ не хочетъ измѣнять вѣрованія своего народа; онъ уважаетъ все духовное и *хочетъ имъ управлять*, не трогая его, не вмѣшиваясь въ него; онъ хочетъ приспосособить его къ своимъ видамъ, къ своей политикѣ, но путемъ *свѣтлыхъ* вещей. Пусть духовная власть остается нетронутой, пусть она изощряется въ своей умозрительной области, т. е. въ догматахъ и въ своей практической области, въ таинствахъ и культѣ; пусть въ этой ограниченной области она будетъ властвовать, Наполеонъ допускаетъ это; потому что таковъ фактъ. Чтобъ его констатировать, достаточно открыть глаза: по праву или безъ права, въ этой отдѣльной области она, постоянной и доказанной вѣрностью своихъ послѣдователей, есть владычица признанная, дѣйствительная, которой повинуются, иначе сказать, дѣйствительная сила. Ее не уничтожать, предположивъ, что ее нѣтъ; наоборотъ, хорошій политикъ будетъ ее поддерживать, чтобъ воспользоваться ею и примѣнить къ гражданскимъ цѣлямъ. Такъ же какъ инженеръ, который встрѣчаетъ около своей фабрики большой, бьющій ключемъ источникъ. Онъ не намѣревается его высушить, но не позволяетъ ему течь неправильнымъ путемъ, разсыяться, исчезнуть. Онъ не хочетъ, чтобъ источникъ оставался празднымъ; наоборотъ, онъ его охраняетъ, канализируетъ, направляетъ, устраиваетъ и заставляетъ работать въ своихъ мастерскихъ. Въ католической церкви, власть, которую нужно покорить и примѣнить къ дѣлу—власть духовенства: „Вы увидите, говоритъ Бонапартъ, обсуждая конкордаты, вы увидите, какую пользу я сумѣю извлечь изъ священниковъ!“ и *начала изъ папы.*

III.

«Если бы папы не было», говоритъ онъ еще, «его надо было бы создать на этотъ случай, какъ римскіе консулы создавали диктаторовъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ». Только онъ одинъ могъ совершить переворотъ въ духовномъ мірѣ, въ которомъ нуждался первый консулъ, для того чтобъ превратить новаго главу государства въ патрона католической церкви, чтобъ подчинить ему независимыхъ или непокорныхъ священниковъ, чтобъ разорвать каноническую связь, привязывающую французское духовенство къ своимъ изгнаннымъ начальникамъ и къ старымъ порядкамъ, «чтобъ разорвать послѣднюю нить, посредствомъ которой Бурбоны имѣютъ сношеніе съ Франціей».—Пятьдесятъ эмигрировавшихъ епископовъ, матеріально поддерживаемыхъ Англіей, правятъ теперь французскимъ духовенствомъ. Надо уничтожить это вліяніе и для этого необходимъ авторитетъ папы: онъ ихъ отрѣшаетъ или приказываетъ имъ подавать въ отставку». Если которые-нибудь отказываются повинуть свои мѣста, ихъ отказъ роняетъ ихъ въ общественномъ мнѣніи: они «отмѣчены какъ бунтовщики, предпочитающіе

свѣтскія дѣла и земные интересы дѣламъ неба и Бога»; большинство духовенства и вся ихъ паства ихъ покидаютъ; черезъ очень короткое время ихъ забываютъ; это старыя пересаженные деревья, у которыхъ перерѣзали корни; они умираютъ поодиночкѣ, за границей, и замѣститель ихъ должности безъ труда соединяетъ вокругъ себя покорныхъ. Потому что будучи католиками, его паства—овцы, покорныя, подчиняющіяся внѣшности, готовыя слѣдовать за пастушескимъ посохомъ, лишь бы этотъ посохъ носилъ старинную фабричную марку, лишь бы онъ былъ изъ одного и того же дерева, одной формы, одного происхожденія, установленнаго свыше, и присланъ изъ Рима. Когда епископство будетъ установлено папой, никто, кромѣ Григорія или какого-нибудь ученаго, любителя древности, не будетъ оспаривать ихъ власть. И вотъ, чрезъ вмѣшательство папы очистишь церковный участокъ. Три группы властей, оспаривающихъ людскія души, епископы, укрышіеся въ Англии, апостолическіе викаріи, конституціонное духовенство исчезаютъ; на пустомъ мѣстѣ можно возводить постройки. «Объявлено, что такъ какъ католическая религія господствующая во Франціи, то ее надо организовать. Первый консуль назначаетъ пятьдесятъ епископовъ, папа ихъ утверждаетъ. Они назначаютъ приходскихъ священниковъ, государство даетъ имъ жалованье. Они приносятъ присягу; *не покоряющихся священниковъ ссылалотъ*, о тѣхъ, которые проповѣдуютъ противъ правительства, доносятъ ихъ высшему начальству. Папа утверждаетъ продажу имущества духовенства; онъ освящаетъ республику». Вѣрныя болѣе не смотрятъ на нее косо; они чувствуютъ себя не только терпимыми, но даже покровительствуемыми ею и благодарны ей за это. Народъ снова находитъ свои церкви, своихъ священниковъ и культъ, котораго онъ придерживается, по привычкѣ и почти по инстинкту, церемоніи, которыя въ его воображеніи составляютъ одно цѣлое со всѣми важными событиями его жизни: торжественные обряды вѣнчанія, крещенія, похоронъ, литургія и причащенія. Отнынѣ въ каждой деревнѣ каждое воскресенье служить обѣдню, а въ недѣлю о слѣдомъ у крестьянъ бываетъ процессія для освященія жатвы. Важная общественная нужда удовлетворена, неудовольствіе усюкоено, злоба ослаблена, правительство имѣетъ меньше враговъ, а оставшіеся теряютъ свое лучшее оружіе, и однимъ ударомъ оно приобретаетъ превосходное оружіе—право назначать епископовъ и утверждать священниковъ. Въ силу конкордата и по приказанію папы, не только всѣ прежнія духовныя власти были уничтожены въ 1801 году, но и новыя должностныя лица, съ согласія папы, съ 1801 года, всѣ выбранныя, утвержденныя, управляемыя, дисциплинированныя и оплачиваемыя первымъ консуломъ—въ сущности его креатуры и дѣлаются всѣ его чинозниками.

IV.

Сверхъ этой существенной и дѣйствительной услуги, которую онъ извлекаетъ отъ римскаго первосвятителя, онъ добивается отъ него и другихъ, еще болѣе важныхъ, значительныхъ и, прежде всего, его коронованіе въ соборѣ Парижской Богоматери; уже во время пере-

говорить о конкордатѣ Лафайетъ улыбаясь сказалъ ему: «Вы хотите, чтобъ надъ вашей головой былъ разбитъ маленький флякъ»: и первый консулъ не сталъ его оспаривать; наоборотъ, онъ отвѣтилъ и, вѣроятно, тоже съ улыбкой: «Увидимъ, увидимъ». Такимъ образомъ, его мысли уносились еще дальше, выше установленія обыкновенной монархіи, выше того, что человѣкъ стараго режима могъ вообразить или отгадать, вплоть до образованія европейской имперіи, до возстановленія западной имперіи, въ такомъ видѣ, какъ она была въ 800 году: «Я наследовалъ не Людовику XIV, скоро скажетъ онъ, но Карлу Великому... Я Карлъ Великій, потому что, какъ онъ, я соединилъ корону Франціи съ короной Ломбардіи и моя имперія граничитъ съ Востокомъ». Въ этой выдумкѣ, которую отдаленная исторія даетъ его безграничному честолюбію, грозный антикварій находитъ гигантскую и удобную рамку, могучія и подходящія слова и всѣ словесныя доказательства, въ которыхъ онъ нуждается. При Наполеонѣ, преемникѣ Карла Великаго, папа можетъ быть только вассаломъ: «Ваше святѣйшество владыка Рима, но я его императоръ, законный сюзеренъ. Снабженный «ленами и графствами» этимъ сюзереномъ, папа взамѣнъ этого долженъ дать ему политическую вѣрность и военную помощь; если онъ не сдѣлаетъ этого, дарственная запись, сдѣланная условно, дѣлается недѣйствительной, конфискованныя государства вступаютъ во владѣніе императора, которому они никогда и не переставали принадлежать. Этимъ заключеніемъ и этой угрозой, нравственнымъ и физическимъ давленіемъ, самымъ суровымъ и искуснымъ, самымъ прозорливымъ и постояннымъ расхищеніемъ, начатымъ, продолжаемымъ и окончаннымъ, похищеніемъ, плѣномъ и секвестраціей самого святого отца, онъ намѣревается присвоить себѣ духовную власть: не только папа будетъ въ имперіи частное лицо, какъ и всѣ, подчиненный въ своей резиденціи свѣтскому закону, и правительству и жандармеріи, но онъ войдетъ также въ ряды администраціи и не будетъ имѣть права отказать въ каноническомъ утвержденіи епископовъ, назначенныхъ императоромъ; «онъ дастъ присягу не дѣлать никогда ничего противъ четырехъ предложеній галликанской церкви», онъ сдѣлается большимъ чиновникомъ, вродѣ великаго канцлера, какъ Камбасересъ и Лебрэнъ, великимъ канцлеромъ католическаго культа. Безъ сомнѣнія, онъ сопротивляется и упрямится, но онъ не безсмертенъ, и, если онъ не уступить, его преемникъ уступитъ: достаточно будетъ выбрать такого, которымъ можно управлять, и для этого надо приготовить будущій конклавъ. «Съ моимъ вліяніемъ и нашими силами въ Италіи, сказалъ Наполеонъ, я не откажусь, рано или поздно, тѣмъ или другимъ способомъ, взять въ свои руки управленіе, и тогда какое вліяніе, какой рычагъ для привлеченія на свою сторону всего міра!» Если бы я вернулся изъ Москвы побѣдителемъ, „я поднялъ бы власть папы выше звѣры, окружилъ бы его помпой и почетомъ; я сдѣлалъ бы такъ, чтобы онъ пересталъ сожалѣть о своей свѣтской власти; я сдѣлалъ бы изъ него еумира: онъ жилъ бы подлѣ меня, Парижъ сдѣлался бы столицей христіанскаго міра и я правилъ бы религіознымъ міромъ, такъ же какъ и міромъ политическимъ. У меня были бы религіозныя сессіи такъ же какъ

и законодательныя; мои соборы были бы представительствомъ христіанства, папы были бы тамъ только президентами; я открываю и закрываю бы эти собранія, утверждаю и публиковалъ бы ихъ декреты, какъ дѣлали Константинъ и Карлъ Великій". Съ 1809 года началось возстановленіе великаго карловскаго и римскаго званія; фундаментъ уже былъ положенъ. Въ силу декрета „расходы Священной коллегіи и пропаганды были объявлены императорскими". Напѣ, какъ маршаламъ и новымъ герцогамъ, было назначено содержаніе въ земляхъ въ разныхъ частяхъ имперіи, приносящихъ два милліона доходовъ, свободныхъ отъ всякихъ обложеній. Онъ долженъ былъ имѣть „непремѣнно" два дворца, одинъ въ Парижѣ, а другой въ Римѣ. Въ Парижѣ уже было почти готово помѣщеніе; недоставало только его особы; въ два часа пріѣхавъ изъ Фонтенебло, онъ нашелъ бы на мѣстѣ и подъ рукой все въ принадлежности своей службы: „Все бумаги миссіи и архивы Рима были уже гуда" перевезены; „все помѣщеніе богадѣльни (Hotel Dieu) было отдано подъ учрежденіи римскаго двора. Кварталь собора парижской Богоматери и острова Святого Людовика долженъ былъ быть главнымъ городомъ христіанства!" Римъ, второй главный городъ христіанства и вторая резиденція папы, уже объявленъ императорскимъ свободнымъ городомъ, вторымъ городомъ въ имперіи; принцъ крови или важный чиновникъ долженъ былъ тамъ «быть намѣстникомъ императора», «Послѣ коронаціи въ соборѣ Парижской Богоматери, императоры не позже десяти лѣтъ своего царствованія будутъ пріѣзжать въ Италію и короноваться въ церкви Св. Петра въ Римѣ». Забудьте солидные размѣры этого химерическаго воздушнаго замка: гораздо болѣе итальянецъ, чѣмъ французъ, итальянецъ по расѣ, по инстинкту, по воображенію, по воспоминавіямъ, Наполеонъ вводитъ будущее своей первой родины въ свой планъ; и если установить конечно итогъ его царствованія, весь чистый барышъ приходится на долю Италіи, какъ все убытки на долю Франціи. «Наполеонъ хотѣлъ возсоздать свою итальянскую родину, соединить пьемонтцевъ, тосканцевъ и т. д. въ одну независимую націю, ограниченную Альпами и моремъ... Это былъ безсмертный памятникъ, который онъ воздвигалъ своей славы... Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ рожденія своего второго сына, чтобы везти его въ Римъ, короновать королемъ Италіи и провозгласить независимость прекраснаго полуострова подъ регентствомъ принца Евгенія». Со временъ Теодорика и ломбардскихъ королей, папа, чтобы сохранить свою свѣтскую власть и духовное всемогущество, поддерживалъ дробленіе Италіи; когда это препятствіе будетъ уничтожено, Италія снова сдѣлается націей; Наполеонъ ее приготовляетъ и соединяетъ званіемъ, приводя папу въ его первобытное и нормальное положеніе, отнимая у него свѣтскую власть, дѣлая только подчиненнымъ руководителемъ католическихъ душъ и главою преобладающаго культа имперіи.

V.

Въ этомъ предпріятіи онъ воспользуется французскимъ духовенствомъ, чтобъ ограничить папу, какъ онъ воспользовался папой,

чтобъ ограничить французское духовенство. На этотъ случай, прежде чѣмъ заключить конкордатъ и установить главныя его части, онъ составилъ себѣ маленькую библиотечку изъ книгъ церковнаго права: ему перевели латинскія произведенія Боссюета: онъ велѣлъ изложить галликанскую и парламентарную доктрины: съ удивительной проницательностью и быстротой онъ сначала дошелъ до самой сути дѣла; потомъ, измѣнивъ ихъ теоріи по своему фасону, какъ ему было нужно, онъ образовалъ себѣ собственную теорію, личную, послѣдовательную, точную и практическую, теорію общности, которую онъ примѣняетъ ко всѣмъ церквамъ, католической, лютеранской, кальвинистской и даже еврейской, — ко всѣмъ религіознымъ общинамъ, настоящимъ и будущимъ. Его господствующая мысль та же, что и у римскихъ законовѣдовъ и въ древней императорской юриспруденціи; въ этомъ, какъ и въ остальномъ, современный Цезарь, пропустивъ своихъ христіанскихъ предшественниковъ, возвышается до Траяна и Августа. Пока какое-нибудь вѣрованіе остается нѣмымъ и одинокимъ, спрятанное въ глубинѣ сознанія одного лица, оно свободно, государство имъ не занимается; но лишь только оно выходитъ наружу, говоритъ публично, соединяетъ нѣсколько лицъ для одной общей цѣли видимыми дѣйствіями, оно дѣлается подчиненнымъ: еульть, церемоніи, проповѣди, обученіе и пропаганда, которые оно устанавливаетъ, пожертвованія, которыя оно вызываетъ, собранія, которыя оно созываетъ, строеніе и питаніе тѣла, которое оно порождаетъ, всякое положительное примѣненіе тайной мечты уже дѣло свѣтское. Въ такомъ видѣ они образуютъ провинцію во всеобщемъ достояніи и попадаютъ подъ власть правительства, администраціи, судовъ: государство имѣетъ право ихъ запрещать, терпѣть, узаконивать и всегда руководить: единственный и полный владѣлецъ вѣшняго міра, черезъ который одиночныя сознанія общаются другъ съ другомъ, оно вѣнчивается въ каждый ихъ шагъ, чтобъ указать имъ дорогу или загородить ее. Эта дорога, по которой они ходятъ, проходить по государству и принадлежить ему; такимъ образомъ наблюденіе, которое оно ведетъ за ихъ поступками, есть и должно быть постояннымъ и оно пользуется имъ, какъ находить нужнымъ для своихъ интересовъ, для интересовъ гражданскаго и политическаго, такъ чтобы предубѣжденія другого міра было бы полезно и не вредило бы дѣламъ государства. Короче, въ видѣ резюме, первый консулъ сказалъ въ частномъ разговорѣ: «Народу нужна религія, и нужно, чтобъ эта религія была въ рукахъ правительства.»

На эту тему, его законовѣды, прежніе члены парламента и конвента, его министры и совѣтники, галликанскіе или якобинскіе, его ораторы передъ законодательнымъ корпусомъ и трибуналомъ, всѣ пропитанные римскимъ правомъ или *Соціальнымъ контрактомъ*, представляютъ собой великолѣпные рупоры, чтобъ въ округленныхъ фразахъ провозглашать всемогущество государства. «Единствъ» общественнаго могущества и его повсемѣстность, говоритъ Португальскій, — необходимое слѣдствіе его независимости. Общественное могущество должно существовать на свои средства: оно — ничто, если оно не все... Оно не переноситъ соперниковъ; оно не терпитъ, чтобъ другіе

власти, безъ его согласія, устраивались рядомъ съ нимъ, можетъ быть, чтобъ подрить и поколебать его. «Власть государства не прочна, когда въ его владѣнїяхъ есть люди, пользующіеся большимъ вліяніемъ на умы и на совѣсть, если эти люди не зависятъ отъ него хоть въ какомъ-нибудь отношенїи.» Оно совершаетъ большую неосторожность, «если оно остается чуждымъ или равнодушнымъ къ формѣ и устройству правленія, которое предполагаетъ управлять душами,» если оно признаетъ, что рамки, въ которые поставлены вѣрованіе и покорность вѣрующихъ, «могутъ быть созданы или измѣнены безъ его помощи, если у него нѣтъ заложниковъ, въ лицѣ высшихъ начальниковъ законно признанныхъ имъ, гарантирующихъ вѣрность низшихъ. Таково было во Франціи правило для католическаго культа до 1789 года, и такимъ же оно будетъ съ 1801 г. для всѣхъ узаконенныхъ культовъ. Если государство ихъ разрѣшаетъ, то это дѣлается, «для того чтобъ направлять эти важныя учрежденія въ наибольшему общественному благу.» Однимъ только тѣмъ, что оно соглашается «съ ихъ ученїемъ и дисциплиной», оно разсчитываетъ поддерживать ихъ въ томъ же видѣ и не допускать, «чтобъ ихъ священнослужители могли извращать ученіе, которое они проповѣдуютъ; или произвольно колебать основу дисциплины, къ великому соблазну частныхъ лицъ и государства». Вотъ почему, въ статутѣ, въ которомъ онъ соединяетъ церковь и констатируетъ, что такое она есть, онъ пишетъ въ точныхъ выраженїяхъ то, что онъ требуетъ отъ нея и чѣмъ позволяетъ ей быть: отнынѣ она будетъ таковой, навсегда: ея догматы и ея уставы, ея іерархія и ея внутреннее управленіе, ея земельныя дѣленія и разграниченія, ея источники доходовъ, регулярныхъ и случайныхъ, ея ученіе и литургія—вещи опредѣленныя, поставленныя въ строго-ограниченныя рамки. Никакое духовное, протестанское, католическое или еврейское собраніе не можетъ состояться безъ утвержденія правительства. Всѣ духовныя власти, епископы и священники, пасторы и священнослужители двухъ протестанскихъ исповѣданій, консисторскіе инспектора и президенты Аугсбургскаго исповѣданія, почетныя лица cadaго еврейскаго округа, члены каждой еврейской консисторїи, члены центральной еврейской консисторїи, раввины и старшіе раввины будутъ назначены или утверждены правительствомъ и оплачиваемы имъ же, или прямо изъ его кошелька, или косвенно черезъ него: посредствомъ описи имущества его префектами. Всѣ преподаватели протестанскихъ или католическихъ семинарій будутъ назначаемы и оплачиваемы правительствомъ. Какая бы ни была семинарія, протестанская или католическая, ея устройство, правила, внутренній порядокъ, предметы и духъ занятій будутъ подвергаться одобренію правительства. Въ каждомъ культѣ ясная, опредѣленная официальная доктрина будетъ управлять наставленїемъ проповѣдь и всякимъ публичнымъ и частнымъ обученїемъ: для еврейскаго культа это «доктрина, ограниченная рѣшенїями синедріона;» для двухъ протестанскихъ культовъ—это доктрина Аугсбургскаго исповѣданія, которой поддерживаются двѣ восточныя семинаріи: и доктрина реформатской церкви, которой придерживаются въ Женевской семинаріи: для католическаго культа—это правила гилливанской церкви,

декларация, сдѣланная собраніемъ духовенства въ 1682 году; четыре знаменитыя предложенія, отрицающія у папы всякую власть надъ государями въ мірскихъ дѣлахъ, подчиняющія папу вселенскимъ соборамъ въ церковныхъ и духовныхъ дѣлахъ, которые, въ управленіи французской церкви, ограничиваютъ власть папы старинными обычаями или церковными уставами, принятыми этой церковью и государствомъ.

Слѣдовательно, въ духовномъ отношеніи, вліяніе государства растетъ выше мѣры и не имѣетъ никакого противовѣса. Вѣсто одной церкви, онъ владѣетъ четырьмя, и главная, католическая, заключающая въ себѣ 33 милліона вѣрующіихъ, болѣе зависимая, тѣмъ при прежней монархіи, теряетъ привилегіи, которыя нѣкогда ограничивали или вознаграждали ея подчиненіе. Прежде принцъ былъ ея свѣтскій глава, но на условіяхъ тяжелыхъ для него, на условіи, что онъ былъ его вѣннимъ епископомъ и мірскимъ помощникомъ, на условіи предоставленія ей монополіи образованія и цензуры книгъ, сильной помощи противъ еретиковъ, схизматиковъ и вольнодумцевъ. Отъ всѣхъ этихъ обязательствъ, принятыхъ королями, новый государь освобождается и, тѣмъ не менѣе, онъ сохраняетъ себѣ у папскаго престола всѣ преимущества, а надъ церковью тѣ же права, что и его предшественники. Такъ же, какъ и прежде, онъ устанавливаетъ подробности культа. То онъ опредѣляетъ постоянную и случайную плату, слѣдующую священнику за совершеніе таинствъ: «эта такса—операція чисто гражданская и свѣтская, такъ какъ она рѣшается сборомъ налога на гражданъ; священники и епископы не могли бы присвоить себѣ это право; только правительство должно быть посредникомъ между священникомъ, который получаетъ, и частнымъ лицомъ, которое платитъ». То онъ вмѣшивается въ опубликованіе колпаго отщепенія грѣховъ (индульгенцій): «Важно, чтобъ индульгенціи не были дарованы въ случаяхъ, которые были бы противны общественному спокойствію и благу родины, политическій магистратъ также заинтересованъ въ томъ, чтобъ знать, какаѣ власти устанавливаетъ эти индульгенціи, уполномочена ли она на это, кому дарованы эти индульгенціи, кому поручено ихъ раздавать, кто будетъ опредѣлять срокъ и продолжительность необычныхъ молитвъ». Такимъ образомъ прижатая государствомъ церковь есть не что иное какъ его приростокъ; потому что независимые собственные корни, которыми, въ этомъ тѣсномъ объятіи, она еще прозябала, были всѣ подрѣзаны; вырванная съ корнемъ и привитая къ государству, она теперь получаетъ отъ него соки и корни. До 1789 года духовенство было въ свѣтскомъ обществѣ самое опредѣленное и главное сословіе, свободное отъ налоговъ и имѣющее собственность, платящее совершенно отдѣльно подати, которое, періодическими собраніями каждыя пять лѣтъ заключало договоръ съ княземъ, даровало ему всепомощствованія и, взаменъ этого «добровольнаго дара», заставляло даровать или утверждать льготы, преимущества и милости; теперь оно не что иное, какъ собраніе частныхъ лицъ и обыкновенныхъ подданныхъ, даже менѣе того,—административный персоналъ, подобный университетскому, судейскому, финансовому и лѣснаго вѣдомства, но въ еще

болѣе строгимъ наблюденіемъ и руководствомъ, съ еще болѣе тщательными предосторожностями, болѣе узкими запрещеніями. Де 1789 года священники и другіе священнослужители низшаго разряда, въ большинствѣ случаевъ, выбирались и назначались безъ вмѣшательства принца, то епархіальнымъ епископомъ или сосѣднимъ священникомъ, то независимыми раздавателями духовныхъ мѣстъ, то должностнымъ лицомъ, свѣтскимъ патрономъ, общиной, лицомъ, получившимъ разрѣшеніе грѣховъ, папой, — и содержаніе каждаго должностного лица, большого или маленькаго, было его частною собственностью, — ежегодный доходъ съ земли или ипотека, назначенная имъ самимъ и присвоенная его должности. Теперь, всякое должностное лицо, начиная съ кардинала-архіепископа до каноника, деревенскаго священника, директора или профессора семинаріи, назначается или утверждается гражданской властью, клянется ей въ вѣрности, и его содержаніе, включенное въ бюджетъ, есть не что иное, какъ жалованье обыкновеннаго чиновника, столько-то франковъ и сантимовъ, которые онъ получаетъ въ концѣ каждаго мѣсяца у казначея, вмѣстѣ съ другими своими почти сотоварищами, которые служатъ государству въ университетѣ, въ судѣ, въ жандармеріи или полиціи. Таково во всѣхъ отрасляхъ соціальной жизни общее и конечное дѣйствіе революціи; въ церкви, какъ и во всемъ остальномъ, она установила вмѣшательство и перевѣсъ государства, не по недосмотру, но съ намѣреніемъ, не случайно, но изъ принципа. «Учредительное собраніе, говоритъ Симеонъ, признало, что такъ какъ религія была однимъ изъ самыхъ древнихъ и самыхъ могущественныхъ способовъ управлять людьми, то надо было, во-раздо больше чѣмъ прежде, взять ее въ руки правительства; отсюда произошло гражданское устройство духовенства; «единственная его ошибка была та, что оно не сошло съ папой».

Теперь, благодаря соглашенію между папой и правительствомъ, новый режимъ заканчиваетъ дѣло стараго режима и въ церкви, какъ и повсюду, царитъ полное централизующее владычество государства.

VI.

Это главные черты новаго духовнаго устройства и главная связь, посредствомъ которой католическая церковь, какъ комната въ зданіи, включена въ государство. Не нужно, чтобы, подъ предлогомъ окончательнаго исчезновенія, она освободилась; теперь она устроена въ окончательномъ видѣ; ничего нельзя нигдѣ прибавить; никакихъ боковыхъ или дополнительныхъ пристроевъ, которыя, нарушили бы единство всей архитектуры; никакихъ монашескихъ конгрегацій; никакого чернаго духовенства, совершенно достаточно блага. «У свѣтской власти никогда не осмивали право удалять или уничтожать произвольныя установленія, которыя не заключаютъ въ себѣ религіозной сущности и которыя находятъ подозрительными или неудобными для государства». Въ принципѣ, всѣ религіозныя общины должны считаться таковыми; потому что онѣ представляютъ изъ себя самопроизвольныя тѣла, онѣ образуются

сами по себѣ безъ помощи государства, по доброй волѣ своихъ членовъ; онѣ живутъ отдѣльно согласно особенному статуту, который онѣ сами себѣ дали, вѣ свѣтскаго общества, рядомъ съ установленной церковью, подъ управленіемъ начальниковъ, которыхъ они себѣ выбираютъ, иногда даже иностранцевъ, всѣ болѣе или менѣе независимыя, всѣ, ради выгоды или по инстинкту, соединившись вокругъ папскаго престола, который служить имъ убжищемъ противъ епископской власти и духовнаго суда. Нѣкогда «монахи» образовывали папскую милицію; они признавали только его власть; такъ что правительству нужно было бояться ихъ гораздо больше, чѣмъ бѣлаго духовенства. Бѣлое духовенство безъ нихъ никогда не представляло бы затрудненій; впредь только оно и будетъ. «Я хочу епископовъ, священниковъ, викаріевъ, и больше никого... противъ моихъ инструкцій допускаютъ возстановленіе религиозныхъ общинъ;—меня увѣдомили, что въ Бове и въ другихъ городахъ іезуиты образовали учрежденіе подъ названіемъ *Отцы сьры*; этого не нужно позволять». И онъ запретилъ его декретомъ; «онъ уничтожаетъ всѣ ассоціаціи, образованныя подъ предлогомъ религіи и не разрѣшенныя»; онъ рѣшаетъ, что въ будущемъ никакое собраніе или ассоціація мужчинъ или женщинъ не будетъ основываться подъ предлогомъ религіи безъ формальнаго разрѣшенія; «онъ уполномочиваетъ прокуроровъ» преслѣдовать, даже необычнымъ путемъ, лицъ обоого пола, которыя прямымъ или косвеннымъ путемъ нарушаютъ» его декретъ. Но онъ оставилъ себѣ власть утверждать общины, изъ которыхъ онъ можетъ извлечь пользу и, дѣйствительно, онъ утвердилъ нѣсколько такихъ, въ которыхъ нуждалось общество или которыми пользовалось государство, наприимѣръ общину *Сестеръ Милосердія*, страннопримную и образовательную, общины братьевъ Христіанскихъ Школъ, въ первомъ ряду Лазаристовъ и отцовъ иностранныхъ миссій. «Эти монахи, говоритъ онъ, будутъ мнѣ очень полезны въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ; я пошлю ихъ наводить справки о состояніи этихъ странъ. Ихъ одежда защищаютъ ихъ и служатъ имъ прикрытіемъ политическихъ и торговыхъ плановъ... Я образую для нихъ фондъ первоначально въ 15000 франковъ рентъ... Они стоятъ недорого, уважаются варварами и, не нося официального характера, не могутъ компрометировать правительство». Кроме того, «религиозное усердіе заставляетъ ихъ предпринимать такіе труды и преодолевать такіа опасности, которые выше силъ обыкновеннаго агента». Само собой разумѣется, если они тайные агенты дипломатіи, «правительство должно ихъ поддерживать и направлять. Вслѣдствіе этого, «ихъ настоятель будетъ жить не въ Римѣ, но въ Парижѣ».

Та же предосторожность по отношенію другихъ конгрегацій, которыя, въ дѣлѣ обученія или милосердія, становятся признанными помощниками свѣтской власти... Главная настоятельница Сестеръ Милосердія будетъ жить въ Парижѣ; такимъ образомъ, вся корпорація будетъ подъ рукой у правительства». Что касается братьевъ христіанскихъ школъ, Наполеонъ включаетъ ихъ въ свой университетъ. «Они будутъ получать дипломы отъ ректора, который будетъ свидѣтельствовать ихъ внутренніе статуты, приводить ихъ

къ присягѣ, предпишетъ имъ особую одежду и назначитъ наблюдающихъ за ихъ школами».

Обратите вниманіе на требованія правительства въ этомъ отношеніи, на его дѣйствіе, чтобъ подчинить себѣ религиозные ордена, которые оно утверждаетъ. Аббатъ Ганонъ, настоятель коммуны Лазаристовъ и сестеръ Сентъ-Венсенъ де-Поль, послѣ отказа назначить ж-те Летицію главою совѣта ордена, былъ ночью похищенъ и запертъ въ Фенестреллѣ, а съ сестрами, которыя, согласно наставленіямъ своего основателя, не захотѣли признать настоятельницу, назначенную гражданскою властью, было поступлено какъ нѣкогда съ монахинями Портъ-Рояля. «Пора кончить скандалъ, устроенный Сестрами Милосердія, возставшими противъ своихъ настоятельницъ. Я намѣренъ уничтожить тѣ дома, которые черезъ двадцать четыре часа послѣ сдѣланнаго имъ предупрежденія, не подчинятся. Уничтоженныя дома будутъ замѣнены, но только сестрами другого ордена милосердія; такимъ образомъ сестры ордена Парижа потеряютъ свое вліяніе и это будетъ прекрасно». Какимъ бы ни были общины, разрѣшеніе для ихъ основанія есть милость, а всякая дарованная милость можетъ быть взята назадъ. «Я не хочу больше никакихъ миссій; я устроилъ миссіонеровъ въ Парижѣ и даровалъ имъ дома; теперь я отмѣняю все. Я довольствуюсь примѣненіемъ религіи дома и мало забочусь объ ея распространеніи за границей... Вы будете отвѣчать, если черезъ мѣсяцъ, къ 1-му октября, будутъ еще во Франціи миссіи и конгрегаціи». Такъ существовало черное духовенство, только терпимое, легко смѣняемое, подчиняясь полному произволу, какъ бы виса на ниточкѣ, которая каждый день можетъ быть обрѣзана ради забавы.

VII.

Остается бѣлое духовенство, лучше гарантированное, повидимому, болѣе надежнымъ статутомъ; потому что этотъ статутъ—международный и дипломатическій актъ, торжественный и обоюдный трактатъ, который обязываетъ французское правительство не только по отношенію къ самому себѣ, но и къ другому правительству, къ независимому государю, къ признанному главѣ всей католической церкви. Вслѣдствіе этого, важно прежде всего еще болѣе поднять барьеры, которые въ старой Франціи отдѣляли бѣлое духовенство отъ папы, правила и обычаи, дѣлавшіе галликанскую церковь провинціей всемірной церкви, льготы и повинности, ограничивающія власть папы, распространяя власть короля. Всѣ эти повинности въ пользу свѣтскаго государя и всѣ эти льготы, въ ущербъ духовнаго государя новый статутъ поддерживаетъ и увеличиваетъ. Въ силу договора и съ согласія папы первый консулъ пріобрѣтаетъ «тѣ же права и привилегіи у папскаго престола, какъ и прежнее правительство», т. е. то же право представлять будущихъ французскихъ кардиналовъ и имѣть ихъ столько же, сколько и прежде въ священной коллегіи, то же право *устранять* изъ священнаго конклава, то же право быть во Франціи единственнымъ раздавателемъ важныхъ духовныхъ должностей и привилегію назначать всѣхъ епи-

епископовъ и архіепископовъ во Франціи. Больше того, въ силу органическихъ статей и вопреки заявленіямъ папы, онъ противопоставляетъ, какъ прежніе короли, свою власть, свой государственный совѣтъ и суды между папскимъ престоломъ и духовенствомъ, между папскимъ престоломъ и вѣрующими. «Никакая булла, грамота, рескриптъ, декретъ... римскаго двора, даже заключающія въ себѣ только подробности, не могутъ быть приняты, опубликованы, напечатаны, вообще, пущены въ ходъ безъ утверждения правительства. Никакое лицо, называющее себя нунціемъ, легатомъ, викаріемъ или апостолическимъ комиссаромъ... не можетъ безъ того же утверждения нести на французской почвѣ какую-нибудь службу, относящуюся къ дѣламъ галликанской церкви... Въ случаяхъ злоупотребленій со стороны начальниковъ и другихъ духовныхъ лицъ, будутъ прибѣгать къ государственному совѣту». «Священнослужитель всякаго исповѣданія, который заведетъ переписку съ какимъ-нибудь иностраннымъ дворомъ, по поводу религіозныхъ вопросовъ или дѣлъ, не увѣдомивъ объ этомъ заранее министра исповѣданій и не получивъ его разрѣшенія, будетъ наказанъ, за одинъ таковой поступокъ, штрафомъ отъ 100 до 500 франковъ и тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ». Прекратить, по своему желанію, всякое сношеніе сверху внизъ и снизу вверхъ между французской церковью и ея римскимъ главой, вышиваться своимъ veto или одобреніемъ во все дѣйствія папской власти, быть законнымъ и признаннымъ главой національнаго духовенства, стать для него свѣтскимъ косячнымъ помощникомъ папы, таковы были притязанія прежняго правительства и таково дѣйствіе, смыслъ и значеніе галликанскихъ принциповъ. Наполеонъ провозглашаетъ ихъ снова, и эдиктъ 1682 года, которымъ точно, строго и подробно ихъ устанавливалъ Людовикъ XIV, «объявляющій общимъ закономъ имперіи».

Противъ этой доктрины никто не возставалъ во Франціи; Наполеонъ рассчитывалъ не встрѣтить сопротивленія, особенно между прелатами. До 1789 года все духовенство было, по воспитанію и традиціямъ, ради выгоды или честолюбія, болѣе или менѣе галликанскимъ; оставшіеся въ живыхъ изъ этого духовенства пополняютъ духовный персоналъ, и въ двухъ отдѣльныхъ группахъ, откуда онъ набирается, никто, примѣрами прежнихъ лѣтъ, не предрасположенъ къ ультрамонтанству. Одни, эмигранты, приверженцы стараго режима, безъ труда принимаютъ возвратъ къ старымъ догматамъ и обычаямъ, къ проекторату государства надъ церковью, вышательству императора, унаслѣдованному отъ короля и Наполеона, и въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, законнаго или узаконеннаго наслѣдника Бурбоновъ. Другіе, приносившіе присягу гражданской конституціи духовенства, схизматики, отлученные отъ церкви, нераскаянные грѣшники, противъ воли папы возвращенные первымъ консуломъ въ церковь, плохо расположены къ папѣ, ихъ главному врагу, и очень расположены къ первому консулу, ихъ единственному покровителю. Вотъ почему «главы католическаго духовенства, т. е. епископы и викаріи... привязаны къ правительству»; это люди «просвѣщенные», ихъ можно убѣждать. Но у насъ есть 3000 или 4000 священниковъ или викаріевъ, дѣтей невѣжества, опас-

ныхъ своимъ фанатизмомъ и своими страстями». Вотъ этихъ-то ихъ начальниковъ, если они обнаружатъ стремленіе къ неповиновенію, будутъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Худо говорившій о правительствѣ со своей кафедры въ церкви св. Роха, священникъ Фурнье былъ арестованъ полиціей и посаженъ въ Бисетръ, какъ сумасшедшій; а когда парижское духовенство въ очень хорошо составленной петиціи требовало его возвращенія, первый консулъ отвѣтилъ: «Я хотѣлъ вамъ доказать, что если бы это распоряженіе было сдѣлано мною, когда я былъ въ духѣ, то всетаки надо было бы, чтобъ священники повиновались гражданской власти». Время отъ времени суровый урокъ служить примѣромъ и удерживаетъ на прямомъ пути непослушныхъ, которые пытались бы съ него свернуть. Въ Байоннѣ, по поводу приказа, гдѣ нашлась одна нехорошо звучащая фраза, «старшій викарій, составлявшій приказъ, посланъ въ Пиньероль на десять лѣтъ и, кажется, епископъ смѣщенъ». Въ Сеезѣ, гдѣ конститціонные священники не въ милости, епископъ былъ принужденъ оставить службу сейчасъ же, а аббатъ Легаллуа, его главный совѣтникъ, схваченный жандармами, изъ бригады въ бригаду, былъ отвезенъ въ Парижъ, запертъ въ тюрьмѣ Форсъ, въ секретной камерѣ, на одной соломѣ, гдѣ пробылъ 11 дней, потомъ заключенъ въ Венсеннъ, откуда, черезъ девять мѣсяцевъ, его разбитого параличемъ перевели въ больницу, гдѣ онъ оставался до конца царствованія.

Позаботимся о будущемъ, какъ о настоящемъ, и подчинивъ настоящее духовенство, выдрессируемъ и будущее.—Въ этомъ помогутъ семинаріи: «Надо... устраивать общественныя семинаріи, чтобъ не образовывались тайныя, подобныя тѣмъ, которыя уже существуютъ въ департаментахъ Кальвадосъ, Марибанъ и во многихъ другихъ... не надо отдавать въ руки невѣжества и фанатизма дѣло воспитанія молодыхъ священниковъ...» «Католическія школы нуждаются въ наблюденіи правительства». Въ каждомъ округѣ будетъ устроено по одной школѣ на счетъ государства, и эти спеціальныя школы будутъ подчинены властямъ.—«Директора и учителя будутъ назначаться первымъ консуломъ»; туда будутъ помѣщены люди образованные, преданные правительству и приверженцы вѣротерпимости; они не ограничатся преподаваніемъ богословія, но прибавятъ къ нему *рядъ философіи и честную житейскую мудрость*. Будущій священникъ, руководящій мірянами и живущій вмѣстѣ съ вѣкомъ, не долженъ быть монахомъ, человѣкомъ не отъ міра сего, но человѣкомъ этого міра, способнымъ къ нему примѣниться, вести въ немъ свое дѣло скромно и въ мѣру, сообразоваться съ узаконеннымъ учрежденіемъ, къ которому онъ принадлежитъ, не слишкомъ громко предавать анаемѣ своихъ сосѣдей—протестантовъ, евреевъ, и вольнодумцевъ, быть полезнымъ членомъ свѣтскаго общества и вѣрнымъ подданнымъ гражданской власти; нужно, чтобъ онъ былъ набожнымъ католикомъ, но въ настоящихъ границахъ: но ему запрещено быть ультрамонтаномъ и ханжей. На этотъ случай приняты предосторожности. Ни одинъ семинаристъ не можетъ быть сдѣланъ псаломщикомъ безъ утвержденія правительства, и каждый годъ листъ избранныхъ въ церковную службу, который епископъ посылаетъ въ

Парижъ, возвращается ему сильно укороченный, сокращенный до минимума. Съ самаго начала и въ особыхъ выраженіяхъ, Наполеонъ сохранилъ всѣ приходы и викаріаты «духовнымъ лицамъ, получающимъ пенсію въ силу законовъ учредительнаго собранія». ■ этимъ смѣшеніемъ пенсія и жалованья онъ не только облегчаетъ себѣ денежную тягость, но также молодымъ священникамъ предпочитаетъ старыхъ; многіе изъ нихъ были конституціоналисты и всѣ насквозь пропитаны галлицанизмомъ; онъ вернулъ ихъ изъ изгнанія или спасъ отъ преслѣдованія и они ему признательны за это; долго и жестоко страдавъ, они устали, поумѣли, ими будетъ легко управлять. Кромѣ того, насчетъ каждаго изъ нихъ у него есть точныя справки; ихъ прежнее поведеніе предсказываетъ ему ихъ будущее поведеніе; выбирая каждаго изъ нихъ, онъ никогда не дѣйствуетъ наугадъ. Избранные же въ церковную службу, наоборотъ, совершенно неизвѣстны; правительство, одобряющее ихъ не знаетъ о нихъ ничего, кромѣ того, что въ томъ возрастѣ, когда разумъ лихорадочно растетъ и воображеніе составляетъ свой опредѣленный образъ, они подчинялись, въ продолженіе пяти лѣтъ, богословскому обученію и монастырской жизни. Все говоритъ за то, что пылкость молодости перейдетъ у нихъ въ упорство убѣжденія и предразсудки неопытности; въ этомъ случаѣ, правительство, освобождающее ихъ отъ воинской повинности, чтобы принять въ лоно церкви, мѣняетъ хорошій рекрутскій наборъ на дурной духовный; вмѣсто слуги, оно даетъ себѣ противника. Вотъ почему, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ своего царствованія, Наполеонъ назначилъ только 6000 новыхъ духовныхъ лицъ, въ общемъ 400 въ годъ, 100 въ каждое епископство, 6 или 7 въ годъ на епископство. Между тѣмъ, своими университетскими декретами онъ даетъ возможность всему мірскому проникнуть за ограды церковей, а подозрительнымъ священникамъ преграждаетъ доступъ къ духовнымъ почестямъ. Для большей вѣрности, во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ «принципы епископа» не вполне его удовлетворяютъ, онъ запрещаетъ всякое назначеніе, посвященіе, новышеніе или какую-нибудь милость.—«Я зачеркнулъ всѣ прошенія изъ епархій Сен-Бріе, Бордо, Ганъ, Турнэ, Труа, Альпъ-Маритимъ... Я хочу, чтобъ вы не предлагали мнѣ для этихъ епархій ни освобожденіе кого-нибудь отъ службы, назначенія стипендій, приходовъ, охдодныхъ мѣстъ. Вы донесете мнѣ обо всѣхъ епархіяхъ, которыя дано будетъ прицугнуть этимъ запрещеніемъ». Подъ конецъ ему недостаточно было галлицанизма Боссюэта; онъ оставилъ его изучать конгрегацию Св. Сьюлпиція и г. Эмери, директоръ конгрегаціи, былъ самый уважаемый имъ священникъ во всей Франціи, съ которымъ онъ охотно совѣтовался; но перехваченное неосторожное письмо одного ученика показало, что духъ конгрегаціи былъ нехорошъ. Сейчас же было отдано приказаніе изгнать директора и «на другой же день назначить новаго, таъ же какъ и другое начальство, изъ котораго ни одинъ не долженъ быть сьюлписіанцемъ». «Примите мѣры, чтобъ эта конгрегация была разсѣяна... Я не хочу, чтобъ въ парижскихъ семинаріяхъ были сьюлписіанцы... Сообщите мнѣ, въ какихъ семинаріяхъ служатъ сьюлписіанцы, чтобы ихъ оттуда удалить» и чтобы семинаристы, плохо обученные своими

наставниками, не вздумали распространять сами по себѣ ложныя доктрины, запрещенныя государствомъ; особенно, чтобъ они не вздумали, какъ въ Бельгii, послушаться гражданской власти, чтобъ подчиняться папѣ и его епископамъ. Въ Турнѣ всѣ семинаристы старше восемнадцати лѣтъ были отправлены въ Магдебургъ; въ Гавъ очень молодые или негодные въ военной службѣ были помѣщены въ Сен-Пелажи; всѣ другіе, въ количествѣ 236, между ними 40 діаконовъ или псаломщиковъ, были причислены къ артиллерійской бригадѣ и отправлены въ Везель, страну болотъ и лихорадокъ, гдѣ 50 человекъ умирло очень скоро отъ эпидеміи и заразы. Всегда одинъ и тотъ же рѣшительный способъ дѣйствій: аббату д'Астросъ, заподозрѣнному въ полученіи и храненіи письма отъ папы, Наполеонъ, угрожая, давалъ слѣдующій приказъ: «Я желаю, чтобы исповѣдывали свободу галликанской церкви: впрочемъ, у меня есть мечъ въ рукахъ, и берегитесь!» Въ самомъ дѣлѣ, въ сущности всѣхъ его учрежденій мы находимъ военный приговоръ, самовластное наказаніе, физическое принужденіе, шпагу, наносящую ударъ; глаза неволью предвидятъ рѣзкій блескъ лезвія и тѣло предчувствуетъ острую боль стали.

VIII.

Такимъ образомъ дѣйствуютъ въ побѣжденной странѣ. Дѣйствительно, въ церкви Наполеонъ какъ въ побѣжденной странѣ: какъ Голландія или Вестфалія, она есть естественно независимая община, которую онъ присоединилъ себѣ по трактату, которую онъ могъ присвоить, но не поглотить въ свою имперію и которая остается неизмѣнно отдѣльной.

Въ духовномъ обществѣ свѣтскій государь, особенно такой, какъ онъ, католикъ только по имени, почти не христіанинъ, а просто время отъ времени дѣлать, будетъ всегда только вѣшній сюзеренъ и чуждый принцъ. Чтобы сдѣлаться господиномъ этого владѣнія и остаться имъ, слѣдуетъ всегда показывать шпагу. Но ударять постоянно было бы не умно; отъ частыхъ ударовъ истушилась бы шпага; лучше воспользоваться государственнымъ устройствомъ этого владѣнія; управлять имъ посредствомъ другихъ, якобы сохраняя только протекторатъ, употреблять для этого мѣстныя власти и всѣ необходимыя строгости приписывать имъ. Слѣдовательно, въ силу мѣстнаго государственнаго устройства, правители католическаго владѣнія, всѣ опредѣленные заранѣе неизгладимыми словами, всѣ съ тонзурами, въ черныхъ одеждахъ, всѣ холостяки, говорящіе латыни, образуютъ два ордена, неравные по значенію и числу, таеъ какъ одно изъ нихъ низшее, заключающее въ себѣ мириады священниковъ и викаріевъ, а другое—высшее, содержащее нѣсколько десятковъ прелатовъ.

Возьмемъ эту уже готовую іерархію и чтобъ лучше ею воспользоваться, прижмемъ ее; съ согласія папы и высшаго духовенства: черезъ высшихъ мы будемъ управлять низшими, кто держитъ въ рукахъ голову, тотъ держитъ и тѣло; гораздо легче вести шестьдесятъ епископовъ и архіепископовъ, чѣмъ сорокъ тысячъ викаріевъ и

священниковъ; въ этомъ отношеніи мы не беремъ измѣнять привычную дисциплину; не будемъ ни любителями древности, ни галляканами. Остережемся возвратитъ духовенству второго разряда независимость и прочность, которыми оно пользовалось до 1789, каноническія гарантіи, которыя его охраняли противъ епископскаго произвола, установленіе конкурса, права, обсуждаемыя богословскими высшими особами, представленіе лучшихъ мѣстъ наиболее знающимъ, обращеніе къ епархіальному суду на случай немилости, противорѣчивыя дебаты передъ духовнымъ судомъ, возможность прочнаго приврѣпленія, благодаря которому священникъ, разъ посаженный въ свой приходъ, пускалъ тамъ корни на всю жизнь и считалъ себя связаннымъ съ мѣстной общиной, какъ Иисусъ Христосъ со всемірной церковью, ненарушимо, какъ бы какимъ то мистическимъ бракомъ. «Надо, говоритъ Наполеонъ, по возможности сократить число несмѣняемыхъ священниковъ и увеличить количество исправляющихъ должность, которыхъ можно будетъ по желанію смѣнять», не только переводитъ въ другую общину, но отставляетъ отъ должности, безъ формальностей и промедленія, безъ апелляцій, дебатовъ и шума въ какомъ нибудь судѣ. Отнынѣ несмѣняемы только четыре тысячи приходскихъ священниковъ; всѣ другіе, священники при церквахъ, подчиненныхъ приходу, такъ наз. сюкюрсалисты, въ количествѣ тридцати тысячъ, вродѣ приказчиковъ церкви, подчинены произвольной власти епископа. Своей собственной властью епископъ назначаетъ и перемѣщаетъ сюкюрсалистовъ своей епархіи; когда ему вздумается, онъ однимъ мановеніемъ руки переводитъ достойнѣйшаго съ лучшаго мѣста на худшее, изъ большаго города или маленькаго городка, гдѣ тотъ родился и жилъ въ довольствѣ около своей семьи, въ какой-нибудь жалкій приходъ, въ деревушку, потерявшуюся въ лѣсахъ или горахъ, безъ церковнаго дома или какого-нибудь удобнаго жилища; а еще того лучше, отрываетъ его отъ должности, отнимая 500 франковъ жалованья, положеннаго государствомъ, выгоняетъ изъ квартиры, данной ему общиной, пускаетъ его на всѣ четыре стороны, безъ копейки, исключеннаго изъ духовнаго сословія и изъ общества, лишеннаго всеобщаго уваженія, какъ бродягу въ водоворотъ мірской жизни, которую онъ никогда не зналъ и всѣ пути которой закрыты для него; съ тѣхъ поръ и всегда онъ лишень куска хлѣба; онъ никогда не знаетъ, будетъ ли онъ сытъ слѣдующій день. Итакъ, каждую третью по списку сюкюрсалистовъ, получающихъ 500 франковъ, оставленному епископомъ, пишется ассигновка префектомъ; въ высокомъ кабинетѣ, у каминна, на которомъ находятся карточки всѣхъ выдающихся особъ департамента, передъ бюстомъ императора, два императорскихъ делегата, два его управляющихъ, облеченныхъ властью и отвѣтственныхъ; два надсмотрщика за округомъ, за которыми въ свою очередь слѣдятъ, обсуждаютъ другъ съ другомъ духовный персоналъ департамента; они знаютъ, что въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, ими руководятъ сверху и они, волей-неволей принуждены соглашаться другъ съ другомъ. Сотрудники по призыву и по уставу, помощники другъ друга для поддержанія установленнаго порядка, они читаютъ вмѣстѣ, статью за статью,

листь назначеній ихъ общихъ подчиненныхъ; если чье нибудь имя отиѣчено чѣмъ-нибудь дурнымъ, если какой-нибудь сюкюрсалисть шумень, неудобень или подозрителень, если начетъ его естъ неодобрительныя донесенія мэра, жандармеріи или высшей полиціи. префектъ собравшійся подписывать, кладетъ перо, приводитъ свои инструкціи и требуетъ отъ епископа мѣры строгости противъ преступника, отрѣшеніе отъ должности, перемѣщеніе въ низшую должность или по меньшей мѣрѣ строгій выговоръ, и епископъ, на котораго префектъ можетъ донести министру, не отказываетъ ему въ этой любезности.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ опубликованія конкордата умерла m-ле Шамеронъ, оперная танцовщица; погребальное шествіе съ ея тѣломъ, пріѣхавшее въ церковь Св. Рока, не было тамъ принято и священникъ - ригористъ «въ минуту безумія», закрылъ передъ нимъ церковныя двери: слѣдствіемъ этого была огромная толпа народу, собравшаяся у церкви, кричавшая и угрожавшая священнику, рѣчь актера для успокоенія этой толпы и, наконецъ, перенесеніе гроба въ церковь Дз-фій-Сен-Тома, гдѣ исправляющій должности священникъ, «проникнутый настоящимъ духомъ евангельскаго ученья, совершаетъ заупокойную службу. Такіе инциденты нарушаютъ общественную тишину и показываютъ ослабленіе административной дисциплины; вслѣдствіе этого, правительство, какъ докторъ богословія и каноническаго права, вмѣшивается и требуетъ объясненій у духовнаго начальства; съ холодной суровостью первый консуль, въ статьѣ *Монитера*, даетъ духовенству приказъ и объясняетъ ему, какъ будутъ поступать съ его прелатами. «Архіепископъ парижскій велѣлъ выйти на три мѣсяца въ отставку священнику церкви Св. Рока, чтобы онъ всегда помнилъ, что Иисусъ Христосъ приказываетъ намъ молиться даже за своихъ враговъ, и чтобы, посредствомъ размышленія призванный къ своимъ обязанностямъ, онъ вспомнилъ, что всѣ эти суевѣрные обычаи... унижавшіе религію своей глупостью, были запрещены конкордатомъ и закономъ 18 жерминаля». Впредь всѣ утвержденные и не утвержденные священники будутъ осторожны, сдержанны, послушны, смиренны, потому что таковы ихъ духовные начальники и иными они не могутъ быть. Каждый прелатъ, запряганный въ своей епархіи, держится тамъ въ полномъ уединеніи; за его корреспонденціей наблюдаютъ; онъ сообщается съ папой только черезъ министра исповѣданій; онъ не имѣетъ права уславливаться со своими коллегами. Отмѣнены общія собранія духовенства, епископскіе соборы, ежегодныя синоды; церковь Франціи перестала быть отдѣльнымъ дѣломъ и ея члены, совершенно оторванные одинъ отъ другаго и отъ ихъ римскаго главы, уже не соединены, но только склеены. Заключенный въ своемъ округѣ, какъ и префектъ, епископъ есть не что иное какъ духовный префектъ, немного менѣе непрочный, чѣмъ тотъ: безъ сомнѣнія его нельзя смѣстить однимъ постановленіемъ, но ему приказываютъ выйти въ отставку и онъ поневолѣ это дѣлаетъ. Такимъ образомъ, у него, какъ и у префекта, первой заботой будетъ какъ бы чѣмъ ни негодить начальству, а второй понравиться ему. Не только личный интересъ, но и

польза католичества заставляли его ухаживать за министромъ и за государемъ. Чтобъ получить стипенди и полустипенди для учениковъ семинари, чтобъ туда назначались подходящіе директора и преподаватели, чтобъ получить утвержденіе своихъ канониковъ, приходскихъ священниковъ и избранныхъ на церковную службу, чтобъ избавить псаломщиковъ отъ военной службы, чтобъ установить и оплатить церкви, подчиненныя приказу въ епархіи, чтобъ получить для бѣдныхъ приходовъ несмѣняемыхъ священниковъ, культъ и тайнства, ему нужны милости, а эти милости онъ получаетъ только тогда, когда прикинется послушнымъ, ревностнымъ и даже преданнымъ. Впрочемъ, онъ и самъ человѣкъ; если Наполеонъ его выбралъ, то онъ сдѣлалъ это сознательно, зная что онъ доступенъ человѣческимъ побужденіямъ, не слишкомъ суровъ съ покладистой совѣстью; въ глазахъ властелина первыми качествами всегда были «ожидаемая покорность характера, привязанность къ его системѣ и къ его особѣ»; больше того, онъ предпочиталъ кандитатовъ, которыми онъ могъ управлять, благодаря ихъ слабостямъ, тщеславію и нуждамъ, привычекъ къ представительности и къ широкой жизни, любви къ деньгамъ, титуламъ и червенству, честолюбію, желанію выдвинуться, пользоваться значеніемъ и устраивать своихъ протежѣ и знакомыхъ. Всѣми этими слабостями онъ пользуется, онъ находитъ ихъ дѣйствительными. Исключая трехъ или четырехъ святыхъ, какъ, напримѣръ, г. д'Авіо или г. Дессоль, которыхъ онъ назначилъ епископами по недосмотру, всѣ его епископы были очень довольны баронскимъ титуломъ, а архіепископы-графскимъ; они съ удовольствіемъ получаютъ ордена Почетнаго леона и громко одобряютъ новое правительство за почести, которыя оно имъ доставляетъ, такъ какъ нѣкоторые прелаты сдѣланы членами законодательнаго корпуса или сенаторами; многіе тайно получаютъ награды за тайныя услуги, денежныя поощренія, денежными суммами. Въ итогъ, Наполеонъ рассчиталъ вѣрно: послѣ колебаній и угрызений совѣсти, почти весь его епископскій персоналъ, итальянскій и французскій, шестьдесятъ шесть прелатовъ изъ восьмидесяти, поддались «свѣтскому вліянію»; они уступаютъ его соблазнамъ и его угрозамъ; они принимаютъ, или терпятъ, даже въ духовныхъ вопросахъ, его окончательное превосходство. Кромѣ того, между этими должностными лицами, почти всѣми корректными или, по меньшей мѣрѣ, приличными, въ большинствѣ довольно почтенными, Наполеонъ нашелъ такихъ низкопоклонныхъ безпринципныхъ людей, готовыхъ на все, такихъ, какихъ только могъ пожелать абсолютный властелинъ, какъ, напримѣръ, епископы Бернье и де Пансемонъ, получившіе одинъ 30,000 франковъ, а другой 50000, за скверную роль, которую они играли въ обсужденіи конкордата, какъ скупой и жестокой циникъ Мори, архіепископъ парижскій, корыстолюбивый интриганъ и свептикъ, какъ Прадъ, архіепископъ Малинскій, старый дуракъ преклоняющійся передъ гражданскою властью, какъ Руссо, епископъ орлеанскій, публикующій посланіе, въ которомъ объявляетъ, что папа такъ же свободенъ въ своей Савойской тюрьмѣ, какъ и на своемъ престолѣ въ Римѣ. Съ 1806 года, чтобъ имѣть подъ рукою болѣе покладистыхъ прела-

товъ, Наполеонъ выбиралъ ихъ, предпочтительно, изъ старыхъ дворянскихъ семей; привыкшіе къ Версалию, они смотрѣли на епархію какъ на даръ государя, а не папы, какъ на княжескую милость, оставляемую для ихъ младшихъ сыновей, какъ на подарокъ, который государь дѣлаетъ придворнымъ и дворцовой прислугѣ, само собой разумѣется, подъ условіемъ, что придворный останется придворнымъ и подъ митрой. Съ тѣхъ поръ почти всѣ назначенія на епископскія мѣста дѣлаются изъ лицъ «старой расы». «Только они, говоритъ Наполеонъ, умѣютъ хорошо служить».

IX.

Съ перваго же года полученный эффектъ превзошелъ всѣ ожиданія. „Посмотрите на духовенство, говорилъ первый консулъ Редеру; съ каждымъ днемъ, противъ своей воли, гораздо больше чѣмъ я предвидѣлъ, оно становится преданнымъ правительству. Читали ли вы посланіе архіепископа Турскаго, Буажелина?.. Онъ говоритъ, что настоящее правительство—законное правительство, что Богъ, когда найдетъ это нужнымъ, разсѣиваетъ троны и королей и принимаетъ государей, которыхъ предпочитаетъ народъ. Вы не придумали бы ничего лучше“. Между тѣмъ, употребляютъ еще болѣе сильныя выраженія и не только въ подобныхъ посланіяхъ, но даже въ катехизисѣ. Ничто такъ не важно, какъ подобное распространіе: всякій католическій ребенокъ заучиваетъ его наизусть, и фразы, которыя онъ повторяетъ, остаются навсегда въ его памяти. Конечно, катехизисъ Боссюета хорошъ, но его можно еще улучшить; нѣтъ ничего такого, чтобы время размышленія, соревнованіе, административное усердіе не могло улучшить. Боссюетъ учитъ дѣтей, что они должны „почитать всякое начальство, священниковъ, королей, судей и всѣхъ другихъ“. „Но этого сообщенія недостаточно, говоритъ Порталисъ, они не направляютъ подчиненія подданныхъ къ своей настоящей цѣли... Главное, надо привязать народъ къ священной особѣ вашего величества“. Итакъ, опредѣлимъ все точнѣе, назовемъ все своими именами и подчеркнемъ. Гораздо болѣе точный чѣмъ королевскій, императорскій катехизисъ прибавляетъ къ прежнему многозначительныя подробности и мотивы этихъ прибавленій: „Наполеона I, нашего императора, мы обязаны, особенно любить, почитать, повиноваться ему, быть ему вѣрными, нести военную службу и всѣ налоги, установленныя имъ для охраненія и защиты имперіи и его трона... Такъ какъ его послалъ намъ Богъ, въ нашихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, чтобы возстановить порядокъ и святую религію нашихъ отцовъ и охранять ее. „Вотъ что въ каждомъ приходѣ всей имперіи, всѣ маленькіе мальчишки и дѣвочки будутъ повторять послѣ вечерни своими звонкими голосами, передъ викаріемъ или священникомъ, какъ заповѣдь Бога и церкви, какъ дополнительную статью закона. Между тѣмъ, съ высоты кафедры, на утренней или вечерней службѣ, серьезный голосъ священнослужителя объясняетъ эту статью, и безъ того понятную: по приказанію онъ проповѣдуетъ въ защиту воинской повинности, говоря что избѣгать ея грѣхъ; также по приказанію онъ читаетъ бюллетени изъ арміи.

сообщенія о послѣднихъ побѣдахъ; и опять-таки по приказанію онъ читаетъ послѣдній приказъ своего епископа—разрѣшенное произведеніе, исправленное полиціей. Епископы не только должны представлять въ цензуру всѣ свои пастырскія посланія и наставленія, не только, въ видѣ предосторожности, имъ запрещено печатать гдѣ-нибудь, кромѣ типографіи префектуры, но еще, для большей вѣрности, правленіе исповѣданій поминутно увѣдомляетъ ихъ о томъ, что они должны говорить. Прежде всего они должны хвалить императора; въ какихъ выраженіяхъ, съ какими эпитетами, безъ нескромности и неловкости, такъ чтобы не мѣшались въ политику и не имѣть видъ паяца, котораго дергаютъ сверху за веревочку, чтобы не играть роли простого рупора—это не опредѣлено и это очень трудно. „Надо, говорилъ Реаль, префектъ полиціи, новому епископу, надо въ вашихъ посланіяхъ больше хвалить императора.—Дайте мѣрку.—Я самъ ея не имѣю“. Такъ какъ мѣра не опредѣлена, то удобнѣе ее увеличивать.—Насчетъ другихъ статей нѣтъ никакихъ затрудненій. Въ каждомъ особомъ случаѣ, парижскія канцеляріи посылаютъ епископамъ готовые образцы ихъ будущихъ посланій, канву, на которой они вышьютъ цвѣты духовнаго краснорѣчія; смотря по мѣсту и времени канва бываетъ различная. Въ Вандеѣ и на Западѣ прелаты должны уничтожать „презрѣнныя махинаціи коварнаго Альбіона“, разсказывать вѣрующимъ о преслѣдованіяхъ, которыя переносятъ ирландцы отъ англичанъ. Если война съ Россіей, посланіе напомнитъ, что русскіе схизматики и что они не признаютъ верховной власти папы. Такъ какъ епископы—чиновники имперіи, то ихъ рѣчи и дѣйствія принадлежатъ императору; вѣлѣстіе этого онъ употребляетъ ихъ противъ своихъ враговъ, противъ всякаго соперника, бунтовщика или противника, противъ Бурбоновъ, противъ сѣбѣжавшихъ рекрутовъ, противъ англичанъ и русскихъ, наконецъ, противъ самого папы.

Х.

Это, какъ экспедиція въ Россію, его сильнѣйшій и послѣдній ударъ. Рѣшительная и величайшая партія, которую онъ начинаетъ играть съ духовнымъ міромъ, какъ другая въ—мірѣ политическомъ и военномъ. Такъ же какъ, принудительно и подъ своимъ предводительствомъ онъ соединяетъ противъ царя всѣ военныя и политическія силы Европы, Австріи, Рейнской конфедераціи, Голландіи, Швейцаріи, королевства Италиі, Неаполя и вплоть до Испаніи, такъ же, принудительно и подъ своимъ предводительствомъ, онъ соединяетъ противъ папы духовныя власти своей имперіи. Онъ сзываетъ на сборъ восемьдесятъ прелатовъ Франціи и Италиі, самъ ихъ дисциплинируетъ и пускаетъ въ ходъ; нужно было бы написать цѣлый томъ, чтобы сказать, какое вліяніе онъ употреблялъ для этого; богословскіе и каноническіе аргументы, призывъ къ галликанскимъ воспоминаніямъ, яansenистскимъ неудовольствіямъ, краснорѣчіе и софизмы, притовительныя манервы, тайныя интриги, публичныя сцены, частныя просьбы, возрастающее застраиваніе, строгость; тринадцать кардиналовъ были изгнаны и лишены знаковъ отличія,

два другіе кардинала задержаны въ Венсенѣ, девятнадцать итальянскихъ епископовъ высланы во Францію подѣ стражей, безъ хлѣба и безъ одежды, пятьдесятъ священниковъ изъ Пармы, пятьдесятъ священниковъ изъ Пiacенцы и сто другихъ итальянскихъ священниковъ высланы и поселены на Корсику, всѣ мужскія конгрегаціи во Франціи, Сен-Лазарь, Миссія, христіанская доктрина, Сен-Сюльписъ, разрушены и уничтожены, три епископа, засѣдающихъ въ соборѣ, схвачены рано утромъ въ своихъ постеляхъ и, посаженные въ секретную камеру, принуждены были подать въ отставку и дать письменное обѣщаніе не поддерживать никакихъ сношеній со своей епархіей; послѣ чего былъ произведенъ арестъ ихъ единомышленниковъ въ ихъ епархіяхъ; Гаискіе семинаристы были сданы въ солдаты и съ ранами за спиной, отправлены въ армію. Гаискіе профессора, турнейскіе каноники и другіе бельгійскіе священники были заперты въ Бульонскомъ, Гамскомъ и Пьершательскомъ замкахъ; подѣ вошець, соборъ былъ внезапно распущенъ, потому что у него явились сомнѣнія, потому что онъ не уступилъ сразу давленію, потому что въ массѣ онъ оказалъ сопротивленіе; потому что люди прижавшіе другъ къ другу, долше могутъ устоять.

„Наше вино, говорилъ кардиналъ Мори, въ бочкѣ нашла худымъ; вы увидите, что оно станетъ лучше въ бутылкахъ“, тѣмъ болѣе, что, прежде чѣмъ его разливать, его профильтровали, очистили, освободили отъ дурныхъ элементовъ, которые дѣлали его жутнымъ и заставляли бродить; нѣкоторые противники въ тюрьмѣ, многіе удалились въ свои епархіи; наличный составъ, вернувшійся въ Парижъ, искусно обработанъ, каждый поочереди, отдѣльно и наединѣ, вдвоемъ съ министромъ исповѣданій, до тѣхъ поръ пока всѣ не подписали, одинъ за другимъ, формулу своего согласія; послѣ этого, соборъ, очищенный и подготовленный, снова собрался для голосованія, посредствомъ вставанія, въ единственномъ засѣданіи; изъ остатка стыда онъ ввелъ въ декретъ ограничительную оговорку, въ родѣ предохраненія, но онъ издалъ декретъ, который ему было приказано издать.

Такъ армейскій корпусъ или иностранный полкъ, набранный, сформированный и введенный въ дѣло со шпагою на боку, идетъ противъ воли на своего законнаго государя; онъ очень бы хотѣлъ не идти на приступъ, въ послѣднюю минуту онъ рѣшаетъ стрѣлять въ воздухъ, но, въ концѣ концовъ, онъ и идетъ, и стрѣляетъ.

Съ другой стороны Наполеонъ самъ дѣйствуетъ на папу, съ такой-же ловкостью и суровостью. Какъ для войны съ Россіей, онъ долго приготавлился къ этому. Сначала это былъ союзъ и онъ пожаловалъ папѣ, какъ и царю, большія преимущества, которыя ему останутся послѣ его паденія; но онъ далъ ихъ съ задней мыслью, инстинктивно желая эксплуатировать заключенный союзъ, такъ, чтобъ сдѣлать изъ независимаго государя, признаваемого имъ равнымъ себѣ, своего подчиненнаго и орудіе своихъ плановъ; отъ этого произошла ссора и война. И на этотъ разъ, въ экспедиціи противъ папы, его стратегія изумительна: весь духовный участокъ былъ изученъ заранѣе, объективъ выбранъ, всѣ находящіяся въ распоряженіи силы, утилизированы и направлены этапами къ цент-

раальному пункту соединенія, гдѣ побѣда будетъ рѣшительная, откуда она можетъ распространиться и гдѣ утвердится рѣшительное владычество; употребленіе всѣхъ средствъ, послѣдовательное и внезапное, хитрость и сила, соблазнъ и страхъ; расчетъ на усталость, волненія и отчаяніе противника; сначала угроза, продолжительный громъ, потомъ внезапная молнія и усилившіеся удары грома, вся жестокость силы: папское государство занято совершенно мирно, Римъ взятъ совершенно неожиданно, папа окруженъ въ Квириналѣ; черезъ годъ, Квириналомъ овладѣваютъ ночью, хватаютъ папу, отправляютъ въ Савону и онъ заточенъ тамъ, въ качествѣ государственнаго плѣнника, почти какъ заключенный, осаждаемый просьбами и маневрами ловкаго префекта, который хочетъ на него повліять, подкупленнымъ докторомъ, который шпіонить за нимъ, раболѣпными епископами, которыхъ ему посылаютъ, одинъ съ своей совѣстью противъ смѣняющихся допросчиковъ, подверженный нравственнымъ мученіямъ, такимъ же сильнымъ, какъ прежнія пытки, пытке продолжительной и все возрастающей, чувствующій, какъ онъ теряетъ силу, теряетъ голову, «не спитъ больше, почти совсѣмъ не говорить», доходить до «умственного помѣшательства»; потомъ, по окончаніи кризиса, бѣдный старикъ, снова осажденъ, и наконецъ, черезъ три года ожиданія, увезенъ, внезапно, опять среди ночи; всю дорогу его везли инкогнито, не останавливаясь, несмотря на его болѣзненное состояніе, вплоть до Мон-Сенвиса, гдѣ онъ едва не умеръ; черезъ двадцать четыре часа его, совершенно скорчившагося отъ боли, сажаютъ въ карету и опять тащутъ безъ остановки по большой дорогѣ, пока, наконецъ, почти умирающаго, его не привозятъ въ Фонтенебло, гдѣ Наполеонъ хотѣлъ имѣть его подъ рукою, чтобъ самому дѣйствовать на него. «Это въ самомъ дѣлѣ ягненовъ, говорилъ онъ, дѣбрьскъ, настоящій хорошій человекъ, котораго я очень люблю и уважаю».

На эту мягкую, кроткую и чувствительную душу можетъ быть и подѣйствуетъ импровизированный tête-à-tête; никогда ни помнившій зла, Пій VII будетъ тронутъ пріятливымъ обращеніемъ, почтительнымъ сыновнимъ тономъ, ласками: онъ испытаетъ на себѣ вліяніе Наполеона, очарованіе его присутствія и разговора, вторженіе его гевія. Неистощимый въ аргументахъ, несравнимый по умѣнью примѣнить свои слова въ обстоятельствахъ, самый любезный и самый величавый собесѣдникъ, то грозный, то пріятливый, то трагическій, то комическій, самый краснорѣчивый изъ софистовъ и самый неотразимый волшебникъ, который, едва лишь очутится лицомъ къ лицу съ кѣмъ нибудь, овладѣваетъ имъ, покоряетъ и подчиняетъ его. Дѣйствительно, послѣ шести дней, то, чего онъ не могъ получить издали принужденіемъ, онъ получилъ на мѣстѣ силой убѣжденія, и Пій VII подписалъ новый конкордатъ, добровольно, самъ не зная, что, сдѣлавшись свободнымъ, окруженный своими кардиналами, освѣдомленный черезъ нихъ о политическомъ положеніи, онъ сейчасъ же выйдетъ изъ своего ослѣпленія, снова овладѣетъ своей совѣстью и своимъ долгомъ, обвинить себя публично, смиренно покается и, черезъ полгода, откажется отъ своей подписи.

Такова, съ 1812 и 1813 годовъ, продолжительность триумфовъ

Наполеона, таковъ непрочный плодъ его наибольшихъ побѣдъ, военныхъ или духовныхъ: Москвы, Лютцена, Ботцена и Дрездена, собора 1811 года и конкордата 1813. Какъ ни былъ чудесенъ его гений, какъ ни была настойчива его воля, какъ ни были удачны его атаки, онъ имѣлъ и могъ имѣть только временный успѣхъ противъ націй и церквей; великія историческія и нравственныя силы избѣжали его руки; сколько онъ ни ударялъ, гнетъ заставляя ихъ оживляться и они снова поднимались изъ-подъ его руки. Относительно католическихъ установлений, какъ и относительно другихъ державъ, не только его усилія остаются тщетными, но его трудъ достигаетъ противоположной цѣли. Онъ хотѣлъ подчинить пану, а вмѣсто этого привелъ его къ всемогуществу; онъ хотѣлъ поддержать и укрѣпить въ французскомъ духовенствѣ галликанскій духъ, а вмѣсто этого усилилъ ультрамонтанство. Съ необыкновенными энергіей и упорствомъ, всѣми своими силами, которыя были огромны, примѣненіемъ, систематическимъ и продолжительнымъ, самыхъ разнообразныхъ способовъ, онъ работалъ пятнадцать лѣтъ, чтобъ разорвать узы католической іерархіи, чтобъ передѣлать ее, а въ окончательномъ итогѣ, онъ удвоилъ эти узы, усилилъ ихъ крѣпость.

ГЛАВА II.

I Дѣйствіе системы. — Окончательное образованіе духовной іерархіи. — Всегомушество папы въ церкви. — Вліяніе французскаго конкордата и другихъ предшествовавшихъ дѣйствій съ 1801 до 1870 года. Почему духовенство сдѣлалось ультрамонтанскимъ. — Догматъ непогрѣшимости. — II Епископъ въ своей епархіи. — Измѣненіе въ его положеніи и въ его роли. — Упадокъ другихъ мѣстныхъ властей. — Уменьшеніе другихъ духовныхъ властей. — Уничтоженіе капитала и духовнаго суда. — Епископъ единственное лицо, подвергающее наказанію и дарующее милости. — Употребленія смѣняемости. — Духовенство низшаго порядка подчиняется военной дисциплинѣ. — Почему оно ей подчиняется. — III Измѣненіе правъ епископа. — Его происхожденіе, его возрастъ, его компетенція, его образъ жизни, его работа, его инициатива, его предпріятія, его нравственное и общественное вліяніе. — IV Подчиненные. — Бѣлое духовенство. — Его происхожденіе и наборъ. — Какъ оно притоглавляется и привлекается. — Маленькая семинарія. — Большая семинарія. — Мѣсячныя конференціи и годовая отставка. — *Exercitia*. — *Manrèze du pretro*. — Священникъ въ своемъ приходѣ. — Трудность его роли. — Его терпѣніе и его исправленіе.

I.

Въ 1801 году, въ Римѣ, во время переговоровъ о конкордатѣ, когда Пій VII колебался еще отрѣшить множество епископовъ, оставшихся отъ стараго режима, прозорливые наблюдатели говорили уже: «Окончимъ этотъ конкордатъ, котораго такъ желаетъ первый консулъ: когда онъ будетъ ратификованъ, увидать его огромную важность и власть, которую онъ даетъ Риму надъ епископствомъ всего міра».

Дѣйствительно, этимъ властнымъ ударомъ, «необыкновеннымъ, почти безпримѣрнымъ», и, конечно, не имѣющимъ себѣ равныхъ «въ исторіи церкви», ультрамонтанская теорія, до сихъ поръ оспариваемая и поддерживаемая въ умозрительной области абстрактныхъ

формуль, спустилась на твердую землю, въ положительномъ и длительномъ видѣ. Волей-неволей «папа совершилъ актъ всемірнаго епископа»; ушариваемый и принуждаемый свѣтской властью, онъ туда вошелъ, устроился тамъ и черезъ десять лѣтъ, Наполеонъ, помѣстившій его туда, жалѣлъ объ этомъ; предупрежденный галликанскими законовѣдами, онъ видѣлъ важность въ духовномъ отношеніи своего дѣла, но уже было поздно возвращаться назадъ: рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Потому что папа лишилъ своихъ мѣстъ всѣхъ начальниковъ великой церкви, «своихъ коллегъ и соепископовъ», намѣстниковъ апостола, такихъ-же, какъ онъ, членовъ «того-же ордена» и пользующихся «тѣмъ-же саномъ», восемьдесятъ пять законныхъ начальниковъ. по его собственному признанію, безуворизныхъ, достойныхъ, преслѣдуемыхъ за повиновеніе ему, изгнанныхъ изъ Франціи за то, что они не хотѣли выйти изъ римской церкви. Всѣмъ имъ онъ приказалъ сложить съ себя должность; всѣмъ, даже отказывающимся, онъ далъ преемниковъ. Всѣмъ новымъ должностнымъ лицамъ онъ назначилъ епархіи новаго издѣлья и чтобъ оправдать столько серьезныхъ нововведеній, онъ приводилъ только такія объясненія, какъ сила обстоятельствъ, требованія свѣтской власти и благо церкви. Послѣ этого, сами галликане, чтобъ не обратиться въ схизму и не отдѣлиться навсегда отъ папскаго престола, были должны признать за папою, кромѣ обыкновенной власти, которой онъ пользовался на основаніи старыхъ каноническихъ правилъ и обычая, необыкновенное могущество, не ограниченное никакимъ обычаемъ, никакимъ каноническимъ правомъ, власть торжественную и безусловную, право, превосходящее всякія права, въ силу котораго, въ случаяхъ, опредѣляемыхъ имъ самимъ, онъ заботится, по своему усмотрѣнію, объ католическихъ интересахъ, гдѣ онъ является высшимъ властителемъ, единственнымъ посредникомъ и главнымъ судьей.

Неунитожимый предедентъ былъ установленъ; это былъ большой краугольный камень въ зданіи современной церкви; на этомъ окончателномъ фундаментѣ одинъ за другимъ будутъ накладываться другіе камни. Въ 1801 году, подъ давленіемъ царствующаго Наполеона, Пій VII низвелъ съ ихъ мѣстъ прелатовъ стараго режима, зараженныхъ манархическими принципами и заподозрѣнныхъ въ преданности къ низверженнымъ Бурбонамъ. Въ 1816 году, подъ давленіемъ возстановленныхъ Бурбоновъ, тотъ же Пій отрѣшилъ кардинала-архіепископа Лионскаго, Феша, дядю павшаго Наполеона. Въ обоихъ случаяхъ положеніе было одинаково и во второмъ случаѣ, какъ и въ первомъ, мотивы того же приказанія давали право употребить ту-же власть.

Но положеніе, все продолжалось, умножало для церкви случаи крайней необходимости и случаи вмѣшательства для первосвященника. Съ 1789 года всякій гражданскій, конституціонный, политическій, социальный и территоріальный порядокъ сдѣлался удивительно неустойчивымъ, не только во Франціи, но и въ Европѣ, не только на старомъ континентѣ, но также и на новомъ. Подъ ударами философіи XVIII вѣка и французской революціи, значительныя государства разрушались сотнями: десятки же другихъ возникли на ихъ

иѣсть и разныя династіи слѣдовали тамъ одна за другой: здѣсь католическое населеніе попало подъ власть государя схизматика или протестанта; тамъ какая-нибудь католическая страна, составлявшая въ продолженіе вышнѣданныхъ лѣтъ часть какого-нибудь государства, отдѣлилась и устроилась отдѣльно. Въ протестантской Америкѣ, католики, умножившіеся до нѣсколькихъ милліоновъ, образовали новыя общины: въ Америкѣ католической, колоніи стали независимыми; почти вездѣ въ Америкѣ и Европѣ, принципы управленія и общественнаго мнѣнія измѣнились. Послѣ каждаго же изъ этихъ измѣненій, чтобъ согласовать духовное устройство со свѣтскимъ, нужна была инициатива, направленіе, власть; и каждый разъ папа все это устраивалъ. То дипломатическимъ актомъ, подобнымъ французскому конкордату 1801 года, онъ договаривается съ государями разныхъ странъ, то съ Баваріей, то съ Вюртембергомъ съ Пруссіей, Австріей, Испаніей, Португаліей, Сициліей, Нидерландами, Бельгіей, Россіей. То благодаря либерализму свѣтскаго правительства, онъ издаетъ постановленіе, какъ на примѣръ въ Голландіи, Ирландіи, въ Англіи, въ Канадѣ, въ Соединенныхъ штатахъ, чтобъ раздѣлить страну на духовныя округа, чтобъ устроить тамъ новыя епископства, чтобъ установить тамъ навсегда іерархію, дисциплину, средство существованія, вербовку духовенства. То, въ спорахъ государствъ, какъ, напр., послѣ освобожденія испанскихъ колоній, онъ идетъ даже дальше и, несмотря на оппозицію метрополи, «не входя въ сношеніе съ новыми правительствами», своимъ распоряженіемъ, «чтобъ прекратить вдовство церквей», назначаетъ имъ епископовъ, опредѣляетъ имъ временный режимъ, ожидая того времени, когда, согласившись съ уже хорошо утвердившимся правительствомъ, онъ установитъ ихъ окончательный режимъ.—Такимъ образомъ, всѣ существующія большія католическія церкви вселенной—дѣло рукъ папы, только что совершенное, его твореніе, удостоенное положительнымъ актомъ, недавно написаннымъ, память о которомъ еще свѣжа: онъ ихъ не только признавалъ, онъ ихъ создалъ; онъ далъ имъ внѣшнюю форму и внѣшнее строеніе; каждая изъ нихъ во всѣхъ своихъ статутахъ чувствуетъ свѣжую печать царственной руки, придавшей имъ форму; ни одна изъ нихъ не можетъ назвать себя или считать себя законной, не признавая законной высшую власть, которая только что дала ей жизнь и существованіе. Послѣдній шагъ и самый большой изъ всѣхъ, выше земныхъ вещей и пракческаго порядка, въ умозрительномъ богословіи, въ откровеніи сверхъестественнаго, въ опредѣленіи божественныхъ вещей: чтобъ лучше утвердить свою власть, папа въ 1854 году устанавливаетъ, совершенно самостоятельно, новый догматъ, безгрѣшное зачатіе Святой Дѣвы, и отмѣчаетъ, что этотъ догматъ установленъ имъ однимъ, безъ помощи епископовъ: они присутствовали, но не обсуждали. Такимъ образомъ возникаетъ прочное могущество, свѣтское или духовное, малу-помалу, непрерывнымъ и не оспоримымъ рядомъ своихъ дѣйствій: съ 1791 до 1870 года, всѣ духовныя прецеденты, прибавленные одинъ въ другому, укрѣпились одинъ другимъ и своей массой; слой за слоемъ поднимались они, чтобъ возносить папу все выше и выше, такъ что наконецъ, на вершинѣ

данія, святой престолъ сдѣлался камнемъ свода и всемогущество фактическое закончилось всемогуществомъ по праву.

Между тѣмъ католическое мнѣніе шло на помощь первосвященнической дѣятельности и во Франціи духовенство вдругъ сдѣлалось ультрамонтанскимъ; у него не было больше причинъ быть галликанскимъ.

Со времени революціи, конкордата и главныхъ догматовъ, всѣ источники, поддерживавшіе національный и личный духъ, изсыхали: оно перестало быть органомъ опредѣленнымъ, покровительствуемымъ, и владѣющимъ собственностью; его члены не связаны общностью свѣтскихъ интересовъ, необходимою защищать свои привилегіи, способностью сговориться, правомъ устраивать періодическія собранія; они не привязаны, какъ прежде, къ гражданской власти социальными и законными выгодами, почетнымъ первенствомъ въ свѣтскомъ обществѣ, преимуществами относительно налоговъ, присутвіемъ и вліяніемъ ихъ епископовъ въ провинціальныхъ государствахъ, дворянскимъ происхожденіемъ и великолѣпнымъ содержаніемъ почти всѣхъ прелатовъ, обуздывающей помощью, которую свѣтская власть давала церкви прогнвъ диссидентовъ и вольнодумцевъ, законодательствомъ и стародавними проясками, которые возводили католичество въ національную религію, предписывали католическую вѣру принцу, не только въ качествѣ частнаго лица, чтобъ установить его личное вѣрованіе, но и въ качествѣ должностнаго лица, чтобъ вліять на политику и помогать своему правительству. Эта послѣдняя статья главная и, по ея уничтоженіи, слѣдуетъ и остальное: на этомъ поворотѣ французское духовенство выброшено съ галликанской дороги, и куда оно ни пойдетъ, всѣ пути поведутъ его въ Римъ. Потому что по католической доктринѣ, вѣ въ римской церкви нѣтъ спасенія: вступить въ нее, оставаться въ ней, быть веденымъ ею—высшій интересъ и первая обязанность человѣка; она единственный непогрѣшимый проводникъ; всѣ поступки, которыя она осуждаетъ—преступны; какъ частное лицо, государство, которое ихъ совершаетъ, можетъ быть католикомъ по религіи и даже истинно вѣрующимъ; но, какъ правитель, онъ уже невѣрующій, онъ потерялъ свой полу-духовный характеръ, онъ пересталъ быть, «внѣшнимъ епископомъ», онъ недостоенъ отдавать приказаніе чинovníкамъ. Съ этихъ поръ христіанская совѣсть не склоняется съ почтеніемъ и любовью передъ нимъ; чтобъ его поддерживать, остается только социальная осторожность; и то это дѣлается изъ покорности, потому что церковь приказываетъ повиноваться властямъ, но та же церковь приказываетъ не повиноваться властямъ тогда, когда они, пользуясь своей силой, злоупотребляютъ своими правами.

Въ продолженіе же десяти лѣтъ государство не дѣлало ничего другого. и старый конкордатъ, который не былъ хорошъ, оно замѣнило еще худшимъ. Этотъ новый союзъ, который оно заключило въ 1802 году съ цепковью, не церковный бракъ, торжественное таинство, во время котораго, еще прежде въ Реймсѣ, они обѣщали другъ другу жить вмѣстѣ и согласно въ одной и тоже вѣрѣ,—но простой гражданскій контрактъ, скорѣе даже законное установленіе оконча-

тельнаго и мотивированнаго развода.—Въ припадкѣ деспотизма, государство отняло у церкви его имущество и выгнало ее изъ жилища безъ хлѣба и одежды, нищенствовать на большой дорогѣ; потомъ, въ припадкѣ буйнаго бѣшенства, оно хотѣло ее убить и даже наполовину задушило. Придя въ себя, не переставъ быть католическимъ, оно заставило ее подписать договоръ, который ей былъ противенъ и который превратилъ ихъ нравственный союзъ въ простое физическое сожительство. Волей неволей заключившіе условіе будутъ продолжать жить въ одномъ и томъ же жилищѣ, потому что они имѣютъ только одно жилище; но такъ какъ ихъ характеры не схожи, то они сдѣлаютъ умно, если будутъ жить каждый отдѣльно. Въ такомъ случаѣ, государство отводитъ церкви маленькое отдѣльное помѣщеніе и даетъ ей скудное содержаніе на пропитаніе; послѣ этого оно воображаетъ, что они квиты: еще хуже, оно воображаетъ себѣ, что она его подданная, оно претендуетъ даже на власть надъ нею; оно хочетъ сохранить всѣ права, которыя ему дала прежній бракъ: оно ими пользуется и прибавляетъ еще новыя. Между тѣмъ, оно принимаетъ въ то же жилище три другія церкви, которыя оно подчиняетъ тому же режиму: т. е. четырехъ нахлѣбняковъ, которыми оно дастъ пріютъ, за которыми оно наблюдаетъ, которыхъ оно сдерживаетъ и которыми оно пользуется для свѣтскаго блага дома. Католической церкви нѣтъ ничего противнаго, какъ эта открытая полигамія, это денежное пособіе, безразлично выдаваемое всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, это общее покровительство, болѣе оскорбительное, чѣмъ небреженіе, это одинаковое обращеніе, которое ставитъ на одну доску кафедру истины съ кафедрами лжи, служителей спасенія со служителями гибели. Нѣтъ ничего болѣе дѣйствительнаго, чтобъ сдѣлать католическое духовенство чуждымъ, чтобъ оно смотрѣло на гражданскую власть, какъ на чужеземца, какъ на узурпатора или даже какъ на врага, чтобъ оторвать галликанскую церковь отъ французскаго центра, чтобъ оттолкнуть ее къ римскому центру, чтобъ отдать ее папѣ. Отнынѣ папа единственный центръ, одинъ пережившій всѣхъ глава церкви, нераздѣльный отъ нея, потому что онъ естественно ея глава и она естественно его тѣло; тѣмъ болѣе, что эта двойная связь только что была укрѣплена испытаніемъ. Тѣло и голова получили вмѣстѣ ударъ изъ однихъ рукъ, и каждая другъ за друга. Папа терпѣлъ, какъ церковь, съ нею и за нее: Пій VI, низверженный съ трона и изгнанный директоріей, умеръ въ тюрьмѣ въ Валенсіи; Пій VII, низверженный и похищенный Наполеономъ, былъ запертъ и въ продолженіи четырехъ лѣтъ терпѣлъ разныя жестокости во Франціи, и великодушныя сердца берутъ сторону угнетеннаго противъ его угнетателей. Больше того, лишеніе его трона увеличиваетъ уваженіе къ нему: нельзя предположить, что земельный интересъ преобладаетъ въ немъ надъ интересомъ католицизма: и по мѣрѣ того, какъ уменьшается его свѣтское могущество, его духовная власть возрастаетъ, такъ что подъ конецъ, черезъ три четверти вѣка, какъ разъ въ то время когда первое совершенно упадетъ, вторая поднимется выше небесъ; такъ что отъ обезличенія его человѣческаго характера, его сверхчеловѣчскій характеръ выдѣляется; чѣмъ больше исчезаетъ верховный властитель, тѣмъ больше показы-

вазеля первосвященникъ. Лишенное, какъ и онъ, своего наследственнаго владѣнія и ограниченное, какъ онъ, въ своей священнической службѣ, подверженное тѣмъ же опасностямъ, угрожаемое тѣми же врагами, духовенство соединяется вокругъ него, какъ армія вокругъ своего генерала; низшіе и высшіе, они всѣ священники и только священники, со все болѣе и болѣе яснымъ сознаніемъ своей солидарности, которая ихъ соединяетъ и подчиняетъ низшихъ высшимъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе въ духовномъ мірѣ видно уменьшеніе числа ослушниковъ, непослушныхъ и независимыхъ, ригористовъ и распутниковъ, изъ которыхъ первые сознательные яansenсты, ожесточенные конституціоналисты и сектанты „маленькой церкви“ а другіе полу-философы, сплеходительные и либеральные, и тѣ и другіе наследники слишкомъ узкихъ убѣжденій и слишкомъ широкихъ мнѣній, чтобъ существовать и размножаться въ установившейся средѣ. Они умираютъ, поодиночкѣ, и ихъ доктрины попадають въ опалу, а потомъ и въ забвеніе; новый духъ оживляетъ новое духовенство, и съ 1808 года Наполеонъ замѣчаетъ по этому поводу: „Оно не жалуется на прежній духъ и даже довольно имъ; но, говорить онъ, новыхъ священниковъ воспитываютъ въ мрачной фанатичной доктринѣ; въ новомъ духовенствѣ нѣтъ ничего галликанскаго“, никакой симпатіи къ гражданской власти. Послѣ Наполеона, выйдя изъ его жесткихъ рукъ, католики имѣли уважительныя причины чувствовать огращеніе къ его богословію; оно посадило въ тюрьму слышномъ много католиковъ, самыхъ извѣстныхъ по достоинствамъ, по святости, епископовъ и кардиналовъ, включая и папу; галликанскія доктрины обезчещены тѣмъ употребленіемъ, которое изъ нихъ сдѣлалъ Наполеонъ. Неучувствительно, въ проповѣдяхъ и въ семинаріяхъ, каноническое право оканчивалось самыми неожиданными заключеніями: тексты и аргументы, прогивные папской власти, кажутся все и болѣе и болѣе слабыми; тексты и аргументы, благоприятные власти папы, кажутся болѣе и болѣе сильными: ученые, съ которыми соображаются, теперь уже не Боссюетъ и Жерсонъ, а Белларминъ и Снорозъ; отерывають ничтожныя вещи въ декретахъ Констанскаго собора: находятъ, что декларация, объявленная въ 1682 году французскими духовенствомъ, содержитъ достойныя осужденія и осужденныя ошибки. Съ 1819 года, могущественный въ логикѣ, несравненный герольдъ и великолѣпный чэмпіонъ, г. де Местръ, въ своей книгѣ о папѣ оправдываетъ, приготовляетъ и возвѣщаетъ будущее устройство церкви. — Шагъ за шагомъ, согласіе католической общины пріобрѣтено или завоевано: передъ приближеніемъ 1870 года оно почти всеобщее; послѣ 1870 года оно уже всеобщее и не можетъ не быть таковымъ; кто отказывается покориться, исключенъ изъ общины и самъ выходитъ изъ нея, потому что онъ отрицаетъ догматъ, который она исповѣдуетъ, возвышенный догматъ, догматъ вѣры, который только что былъ утвержденъ папой и соборомъ. Огненный, въ глазахъ всякаго человѣка, который есть и хочетъ остаться католикомъ, папа, на своей кафедрѣ проповѣдника, непогрѣшимъ; когда онъ проповѣдуетъ о вѣрѣ или о нравахъ, самъ Иисусъ Христосъ говоритъ его устами и его толкованія ученій „незмѣнными;“ „они таковы сами по себѣ, ради самихъ себя, а не ради согласія церкви“. По той же

причинѣ, его власть абсолютна, "не только въ тѣхъ вещахъ, которыя касаются вѣры и нравовъ, но и въ тѣхъ, которыя касаются дисциплины и управленія церкви." Во всякомъ духовномъ дѣлѣ можно прибѣгнуть къ его суду: никому не разрѣшено обсуждать его приговоръ; „никому не разрѣшено апеллировать на него будущему вселенскому собору.

Онъ имѣетъ не только почетное первенство, инспектирующую и направляющую должность, онъ обладаетъ еще первенствомъ судебной власти: полною и высшею судебною властью надъ всеобщей церковью... „общей полнотою этой высшей власти," не только косвенно и въ необыкновенныхъ случаяхъ, но „прямо и въ обыденное время, надъ всѣми церквами и надъ каждою изъ нихъ, надъ всѣми пастырями и всѣми вѣрными, надъ каждымъ изъ пастырей и каждымъ изъ вѣрныхъ“.

Прочитайте это по-латыни: каждое слово по своему старинному историческому росту усиливаетъ властный и римскій смыслъ текста; нуженъ былъ языкъ народа, избрѣшаго диктатуру и находившагося подъ ней, чтобъ утвердить эту диктатуру съ этой точностью и полнотою, съ этимъ избыткомъ энергій и убѣжденіемъ.

II.

Не менѣе серьезна перемѣна, происшедшая въ положеніи и роли епископа. Съ придворнымъ дворянствомъ и большими духовными владѣніями постепенно исчезаетъ прелать стараго режима, младшій сынъ дворянской семьи, назначенный по протекціи и очень молодой, хорошо обезпеченный и гораздо болѣе свѣтскій, чѣмъ духовный. Въ 1789 году, на 134 епископа и архіепископа было только пять простолудиновъ: въ 1889 году на 90 епископовъ и архіепископовъ только четыре дворянина; до революціи начальникъ епархіи имѣлъ 100.000 ливровъ ренты; теперь онъ получаетъ отъ 10000 до 15000 франковъ жалованья. Въмѣсто важнаго барина, любезнаго и великолѣпнаго хозяина дома, занятаго прѣмами высшаго общества, держащаго открытый столъ въ своей епархіи, когда онъ тѣмъ находилея, но, обыкновенно отсутствующаго, постоянного жителя Парижа или придворнаго въ Версалѣ, вотъ является и садится на тотъ же престолъ, съ тѣмъ же титуломъ, лицо, нравы и происхожденіе котораго совершенно другіе, постоянно находящійся въ своей резиденціи, гораздо менѣе представительный, но гораздо болѣе дѣятельный и работающій, снабженный болѣе широкой и неограниченной властью, болѣе дѣйствительнымъ вліяніемъ. Въ отношеніи епископа конечное дѣйствіе революціи то же, что и въ отношеніи папы, и въ французскомъ епископатѣ, какъ и во всемірной церкви, новый режимъ воздвигаетъ центральную власть, необыкновенную и огромную, которую старый режимъ не зналъ.

Когда-то епископъ встрѣчалъ вокругъ себя равныхъ и соперниковъ, учрежденія или отдѣльныхъ лицъ, такихъ же независимыхъ и могущественныхъ, какъ и онъ самъ, несмѣняемыхъ, земельныхъ собственниковъ раздавателей должностей и милостей, обращенныхъ закономъ въ мѣстныя власти, постоянныхъ покровителей постоян-

ной клиентуры. Въ его собственномъ соборѣ архіепископскій капитулъ, какъ и онъ, имѣлъ право раздавать приходы; въ другихъ мѣстахъ другіе капитулы имѣли то же право и умѣли поддерживать свои права противъ его высшей власти. Въ черномъ духовенствѣ, каждый старшій абатъ или пріоръ, каждая благородная абатисса была, какъ и онъ, въ родѣ владѣтельнаго принца; также всякій свѣтскій человѣкъ, земельный собственникъ по оставшемуся отчасти старинному феодальному обычаю, полный властелинъ и судья въ своихъ владѣніяхъ; также властелинъ, въ своей сферѣ, провинціальный парламентъ, со своими правами регистраціи и предостереженія, со своими преимуществами административнаго вмѣшательства, съ цѣлой свитой вѣрныхъ помощниковъ и подчиненныхъ, начиная отъ президіальныхъ и уѣздныхъ судей, до корпораціи адвокатовъ, прокуроровъ и другихъ юристовъ. Приобрѣтатели и владѣльцы своихъ должностей, магистраты, отъ отца къ сыну преемственно владѣя этой должностью, гораздо болѣе богатые и гордые чѣмъ теперь, члены парламента главнаго города въ своихъ старыхъ наслѣдственныхъ замкахъ, были настоящіе начальники провинціи, ея постоянные присутствующіе представители; ея популярныя защитники противъ произвола министровъ и короля. Всѣ эти власти, противоблвствія прежде епископу, исчезли. Ограниченные въ своей юридической службѣ, судьи перестали быть политической силой и умѣрятелями центрального управленія; въ городѣ и въ департаментѣ мэръ и главные совѣтники, назначенные или выбранные на извѣстный срокъ, пользуются только временнымъ значеніемъ: префектъ, комендантъ, ректоръ, главный казначей — всѣ какъ будто проѣзжающіе иностранцы. Уже въ продолженіи дѣлаго столѣтія мѣстный округъ есть ничто иное какъ выѣшняя рамка, гдѣ живутъ вмѣстѣ лица только искусственно слѣпленные другъ съ другомъ; между ними нѣтъ внутренней связи, крѣпкой и прочной; отъ старой провинціи осталась только населеніе простыхъ частныхъ людей, управляемыхъ прочно сидящими чиновниками.

Одинъ епископъ остался твердо и неприкосновенно на своемъ мѣстѣ, занимая его пожизненно, путеvodитель по названію и на дѣлѣ многихъ людей, настойчивый исполнитель важной обязанности, единственный генералъ и неоспоримый начальникъ особой милиціи, которая добровольно и по службѣ, жметя вокругъ него и каждый день ожидаетъ его пароля. По своему существу онъ правитель душъ: революція и централизація не поколебали его духовныя преимущества; благодаря этому неизгладимому качеству онъ могъ перенести притѣсненіе другихъ качествъ; эти другія вернулись къ нему сами и въ увеличенномъ количествѣ, включая сюда мѣстное первенство, дѣйствительное первенство и вліяніе на общество, включая почетныя названія, которыя при старомъ режимѣ отмѣчали его рангъ и первенство: теперь, при новомъ режимѣ, для свѣтскаго человѣка будь онъ хоть министръ, они въ употребленіи: съ 1802 года, одна статья основныхъ законовъ «запрещать» ихъ епископамъ и архіепископамъ: они могутъ прибавлять къ своему имени только названіе «гражданинъ и *monsieur*». Но, на практикѣ, исключая официального альманаха, теперь всѣ зовутъ прелата *monseigneur* и въ духо-

венствѣ и между вѣрными ему пишутъ и говорятъ ваше преосвященство, въ республикѣ, какъ и въ монархіи.

Также еще на этой провинціальной почвѣ, гдѣ другія власти потеряли корни, онъ не только сохранилъ свои, но пустилъ ихъ еще болѣе впередъ, распространить дальше, выростъ выше всякой мѣры и теперь весь духовный участокъ принадлежитъ ему. Прежде въ этомъ участкѣ много очень большихъ кусковъ были огорожены отдѣльно, старинная стѣна которыхъ закрывала ему доступъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ и онъ давалъ приходы и мѣста; больше чѣмъ въ половинѣ случаевъ не онъ назначалъ на вакантные должности. Въ Безансонѣ на 1500 должностей и приходовъ онъ давалъ не болѣе 100 и его архіепископскій капитулъ назначалъ на столько же приходовъ сколько и онъ самъ; въ Аррасѣ онъ назначалъ только 47 приходскихъ священниковъ, а его капитулъ 66; въ Сент-Омерѣ, онъ занималъ только третье мѣсто въ числѣ раздающихъ должности, послѣ аббатства Сен-Бертинъ и послѣ капитула кафедральнаго собора. Въ Труа онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 197 приходовъ изъ 372; въ Булонѣ изъ 1.80 онъ имѣлъ только 80 и только потому, что капитулъ оставилъ му 16. Естественнo, что глаза желающихъ получить мѣста, обращались къ ихъ раздавателю; изъ мѣстъ же самыхъ высокихъ и доходныхъ, тѣхъ, которыя легче получить и съ которыхъ пріятнѣе всего было получать доходы, снѣкурны и почетныя должности, простые приходы и выгодные городскіе доходы съ церковнаго имущества и доходныя должности, большая часть мѣстъ, званій и доходовъ была не въ рукахъ епископовъ, но въ рукахъ короля, папы, аббата или пріора, аббатисы, университета, соборнаго или коллегіальнаго капитула, свѣтскаго властелина, лицъ получившихъ привилегію или бенефицію и часто самихъ должностныхъ лицъ; такимъ образомъ, съ этой стороны епископъ имѣлъ небольшое вліяніе на своихъ подчиненныхъ; онъ не могъ держать ихъ въ рукахъ надеждой на милость. — Съ другой стороны его вліяніе еще меньше; онъ не могъ держать ихъ въ рукахъ страхомъ немилости. Они могли его прогнѣвить почти безнаказанно; его право наказывать было еще болѣе ограничено, чѣмъ средства вознагражденія. Противъ его немилости или даже враждебности его подчиненные имѣли гдѣ укрыться. Сначала, въ принципѣ должностное лицо, стѣтское или духовное, было собственникомъ своей должности, слѣдовательно, оно было несмѣваемо; сами простые викаріи, скромные служители деревенскихъ приходовъ, декларациями 1726 и 1731 года приобрѣли эту привилегію. Болѣе того, въ случаѣ запрещенія, отрѣшенія отъ должности, отлученія отъ церкви, противъ всѣхъ побуженій на свѣтскія или духовныя прерогативы, почетныя или полезныя, должностное лицо могло всегда прибѣгать къ суду.

Ихъ было два рода, одни духовные; другіе свѣтскіе и въ каждомъ судѣ можно было апеллировать изъ низшаго въ высшій, отъ духовнаго судьи епископскаго къ судѣ архіепископскому, отъ президіальнаго суда въ парламентъ съ полнымъ юридическимъ составомъ, судьей, ассессоромъ, прокурорами, адвокатами и секретарями, принужденными изблудать всѣ юридическія формы, старин-

нѣе письмо, вызовъ свидѣтелей допросы и рѣчи защитника, ссылки на уставы, законы и прецеденты, присутствіе защитника, пренія противныхъ сторонъ, отсрочки, гласность и скандалъ. Часто епископъ избѣгалъ суда, боясь медленности и непримиримости этой процедуры, тѣмъ болѣе, что его обвиненія, даже утвержденныя духовнымъ судомъ, могли быть отражены или уничтожены свѣтскимъ; потому что изъ перваго во второй можно было апеллировать, а второй, ревнивый соперникъ перваго, былъ дурно расположенъ къ духовнымъ властямъ; кромѣ того, во второй инстанціи, еще болѣе, чѣмъ въ первой, лицомъ къ лицу съ епископомъ встрѣчалось не только его право, болѣе или менѣе легальное, но и союзники и покровители его, сословіе и отдѣльныя лица, которые, по принятому обычаю, вмѣшивались своими просьбами передъ судьями и употребляли все свое вліяніе въ пользу покровительствуемаго ими лица. Со столькими палками въ колесахъ административная машина дѣйствовала съ трудомъ: чтобъ пустить ее въ надлежащее движеніе, нужно было постоянное давленіе, неперестающая инициатива, внимательное и настойчивое усиліе руки трудолюбивой, энергичной, закрутившейся отъ тренія и при старомъ режимѣ маленькія бѣленькія ручки прелата аристократа не были годны для этого суроваго ремесла; онѣ были слишкомъ мягки, слишкомъ деликатны. Вести самому и на мѣстѣ провинціальную машину, сложную, заржавѣвшую, которая скрипѣла и плевала, подчиниться ей, пустить и сохранить двадцать мѣстныхъ колесъ, переносить толчки и брызги грязи, сдѣлаться дѣловымъ человѣкомъ, т. е. человѣкомъ труда: ничего нѣтъ менѣе привлекательнаго для тогдашняго большого барина; въ церкви, какъ и въ государствѣ, онъ пользовался своимъ саномъ; онъ собиралъ его плоды, т. е. деньги, почести, удовольствія и, между этими удовольствіями, главное было праздное; влѣдствіе этого онъ оставлялъ положительное дѣло; ежедневное управленіе людьми и дѣлами, управленіе практическое, дѣйствительное своимъ управителямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, подчиненнымъ, за которыми онъ не наблюдалъ, и которые его замѣняли на постоянномъ мѣстѣ.

Въ своей епархіи епископъ представлялъ управленіе въ руки своихъ канониковъ и старшихъ викаріевъ; «его духовный судья судилъ безъ его вмѣшательства». Такимъ образомъ машина шла совершенно одна и сама по себѣ, безъ особенныхъ толчковъ, по старому пути, проложенному рутинной; онъ помогалъ ея движенію только своимъ вліяніемъ въ Парижѣ и въ Версалѣ, рекомендаціями у министровъ; на самомъ дѣлѣ, онъ былъ только отдаленный и свѣтскій представитель своего духовнаго княжества при дворѣ и въ салонахъ. Когда, время отъ времени, онъ появлялся въ своей епархіи, его встрѣчали колокольнымъ звономъ: депутаціи отъ всѣхъ сословій толпились въ его приходскихъ: поочередно, по старшинству, каждый начальникъ говорилъ ему маленькое привѣтствіе и онъ съ шлодственнымъ достоинствомъ отвѣчалъ на него: принявъ дань почтенія, онъ расточалъ благословенія и улыбки. Потомъ съ большимъ достоинствомъ и еще большей любезностью, въ продолженіе всего своего пребыванія, онъ приглашалъ къ своему столу достойнѣй

шихъ и принималъ ихъ, какъ гостей, въ своемъ епископскомъ дворцѣ или на дачѣ. Сдѣлавъ это, онъ считалъ свой долгъ исполненнымъ; остальное касалось его секретарей, церковнослужителей конторщиковъ, — специалистовъ и труженниковъ, которыхъ называли «лозовыми лошадьми». — «Читали-ли вы мое посланіе?» говорилъ одинъ епископъ Пирону. А Пиронъ, который говорилъ довольно свободно, осмѣлился сказать: «Да, монсеньеръ. А вы?»

При настоящемъ режимѣ этому епископу, существовавшему только для украшенія, небрежнаго и постоянно отсутствующаго, унаслѣдовалъ владыка дѣятельный, управляющій самолично и постоянно: въ епископствѣ ограниченная и духовная монархія обратилась въ монархію всеобъемлющую и абсолютную. Когда посвященный епископъ, при звукахъ органа, блескъ свѣтъ, въ дымѣ ладана, въ торжественной помпѣ садится «на свой тронъ» — это государь, вступающій во владѣнье своимъ царствомъ и это владѣнье не номинальное или частичное, но дѣйствительное и общее. Онъ держитъ въ рукѣ, великолѣпный посохъ, который ему вручили священники его епархіи, въ качествѣ символа ихъ добровольнаго, рабскаго повиновенія; и этотъ пастушескій посохъ длиннѣе, чѣмъ прежній. Въ духовномъ стадѣ нѣтъ ни одной головы, которая пасется на далекомъ разстояніи или въ укрытомъ мѣстѣ; большія и маленькія, всѣ находятся въ сферѣ его зрѣнія, всѣ смотрятъ на епископскій посохъ; посохъ дѣлаетъ знакъ и, по знаку, каждая голова сейчасъ-же останавливается, идетъ впередъ или назадъ: она хорошо знаетъ, что руки пастуха свободны и что она совершенно въ его власти. Переустроявая епископство, Наполеонъ поднималъ только власть епископа; остальныхъ онъ оставилъ внизу на землѣ. Онъ ненавидѣлъ медленность, осложненія, тренія раздѣленнаго на части управленія: онъ находилъ самымъ удобнымъ имѣть дѣло только съ однимъ человѣкомъ, съ префектомъ духовнаго ордена, такъ-же легко управляемымъ, какъ его свѣтскій collega, съ важнымъ чиновникомъ въ митрѣ; таковымъ былъ въ его глазахъ епископъ. Вотъ почему онъ не обязывалъ его окружать себя конститучіонными и умѣряющими властями; онъ не возстановлялъ старинный духовный судъ и капитулъ; онъ позволялъ своимъ прелатамъ писать самимъ новые епархіальные статуты. Естественно, при раздѣленіи власти, епископъ сохранилъ себѣ лучшую часть, всю сущность, и, чтобъ ограничить его мѣстное всемогущество, оставалась только свѣтская власть. Но, на практикѣ, оковы, посредствомъ которыхъ гражданское управленіе держало его въ своей зависимости, разбились или ослабѣли. Между основными статьями почти всѣ тѣ, которыя подчиняли или обуздывали епископа, впали въ немилость или вышли изъ употребленія. Между тѣмъ, всѣ тѣ, которыя давали епископу власть и превозносили его, оставались въ силѣ и продолжали дѣйствовать. Такъ что въ отношеніи его, какъ и въ отношеніи папы, расчетъ Наполеона оказался ложнымъ: онъ хотѣлъ соединить въ одномъ лицѣ два несовмѣстимыхъ свойства, обратить въ государственныхъ агентовъ служителей церкви, сдѣлать властелина, который былъ-бы чиновникомъ. Чиновникъ незамѣтно исчезъ; остался только властелинъ, существующій и донынѣ.

Теперь, согласно статуту 1802 года, кафедральный капитулъ, исключая случаевъ исправленія должности, мертворожденное, безжизненное тѣло, простой призракъ; по названію и на бумагѣ онъ все еще каноническій «сенатъ», обязательный совѣтъ епископа: но епископъ беретъ себѣ совѣтниковъ, гдѣ ему правится, внѣ капитула, если это ему нужно, а также онъ свободенъ не брать ихъ со-вѣтъ, «управлять одному, дѣлать все самому». Онъ самъ назнача-етъ на всѣ должности изъ пяти или шестисотъ мѣстъ своей епар-хіи; онъ повсемѣстный раздаватель мѣстъ и, въ девяти случаяхъ изъ десяти, единственный; кромѣ восьми или девяти мѣстъ канони-ковъ или тридцати или сорока кантоновъ округа, на которыхъ его выборъ долженъ быть утвержденъ правительствомъ, онъ назначаетъ самъ и безъ посторонней помощи. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ полу-ченія милостей, его подчиненные не могутъ ждать ничего ни отъ кого другого, кромѣ него. И съ другой стороны, они не имѣютъ ни-какой защиты противъ его строгостей; и та его рука, которая нака-зываетъ, еще менѣе связана, чѣмъ та, которая вознаграждаетъ; такъ что кафедральный капитулъ, духовный судъ потеряли свою проч-ность, свою независимость и свою дѣйствительность; отъ стараго ду-ховнаго суда осталась только внѣшность и названіе. То епископъ, своей собственной особой, одинъ олицетворяетъ судъ; онъ ни съ кѣмъ не совѣщается и выноситъ рѣшеніе *es informata conscientia*, безъ процесса, безъ совѣтовъ и, если ему вздумается, въ своемъ кабинетѣ, при закрытыхъ дверяхъ, втайнѣ, послѣ разъясненій, дѣяніе которыхъ онъ контролируетъ одинъ и съ мотивами, въсѣ которыхъ онъ устанавливаетъ самъ. То судья одинъ изъ его стар-шихъ викаріевъ, его смѣняемый уполномоченный, довѣренное лицо, его рупоръ, короче, его второе я, и этотъ судья дѣйствуетъ, не со-образуясь со старинными правилами, обязательствами опредѣленной процедуры, установленной заранѣе, съ примѣненіемъ юридическихъ формъ, очными ставками и сличеніемъ почерковъ, съ отсрочками, со всѣми законными предосторожностями, которыя предохраняютъ судью отъ предубѣжденія, поспѣшности, ошибки, незнанія, и безъ которыхъ правосудіе рискуетъ всегда быть несправедливымъ. Въ этихъ обоихъ случаяхъ, лицо, надъ которымъ произносится рѣшеніе, не имѣетъ никакихъ гарантій и, разъ этотъ приговоръ произнесенъ, онъ уже окончателенъ. Потому что, если подадутъ апелляцію въ архіепископскій судъ, рѣшеніе всегда утверждаетъ: прелаты под-держиваютъ другъ друга и, для апеллирующаго, правъ онъ или нѣтъ, сама по себѣ апелляція есть уже дурной знакъ: онъ не сразу покорился, онъ не подчинился наказанію, у него слишкомъ мало смиренія, онъ далъ примѣръ неповиновенія и ужъ одно это серьез-ный проступокъ. Остается еще обращеніе въ Римъ; но Римъ очень далекъ и, поддерживая свою высшую юрисдикцію, онъ не отмѣняетъ слишкомъ легко епископское рѣшеніе, онъ осмотрителенъ по отно-шенію прелатовъ, онъ бережетъ ихъ, какъ своихъ главныхъ по-мощниковъ, собирателей ленты Св. Петра. Что касается свѣтскихъ судовъ, они признали себя некомпетентными, и новое каноническое право учить, что, «никогда, подъ предлогомъ злоупотребленія, свя-щеннослужитель не долженъ подавать апелляцію въ свѣтскій судъ»;

этой аппеляціей «онъ поступаетъ противъ власти и свободы», «навлекаетъ на себя самое сгрогое осужденіе», измѣняетъ своему ордену.

Таково теперь, для низшаго духовенства, духовное и свѣтское право, и то и другое согласованное, чтобъ не покровительствовать ему; къ этому измѣненію въ юриспруденціи, которое касается его, прибавьте не менѣе рѣшительное въ статьяхъ, которыя его устанавливаютъ и квалифицируютъ. До 1789 года во Франціи было 36000 несмѣняемыхъ приходскихъ священниковъ; теперь ихъ только 3425; до 1789 года во Франціи было только 2500 смѣняемыхъ приходскихъ священниковъ; теперь ихъ 34042; всѣ они, назначенные епископомъ безъ согласія гражданскихъ властей, могутъ быть смѣнены по его усмотрѣнію; ихъ служба не что иное, какъ временное исправленіе должности; каждый день они могутъ быть переведены въ другое мѣсто, перейти изъ непрочнаго прихода въ еще болѣе непрочный. «Епископъ валенцскій, м-ръ Шартруссъ, перемѣстилъ 150 священниковъ въ мѣсяцъ. Въ 1835 году, въ валенцской епархіи, одна почта повезла тридцать пять перемѣщенныхъ». Ни одинъ сюжурреалитъ, даже давно находящійся на своемъ мѣстѣ, не чувствуетъ себя на немъ какъ дома, въ своемъ владѣніи, на всю жизнь; онъ на немъ какъ въ гарнизонѣ, почти такъ же какъ свѣтскій чиновникъ и даже съ меньшей увѣренностью, чѣмъ тогъ, хотя бы онъ былъ безупреченъ. Онъ бываетъ иногда перемѣщенъ изъ задуховныхъ причинъ, а иногда по политическимъ соображеніямъ. Онъ вполне достойный человекъ, но муниципальный совѣтъ или мэръ почувствовали антипатію къ его особѣ; вслѣдствіе этого, чтобъ не нарушать спокойствія, его перемѣщаютъ. Лучше того, онъ очень заслуженный человекъ, онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ муниципальнымъ совѣтомъ и мэромъ; вездѣ, гдѣ онъ служилъ, онъ умѣлъ все уладить; вслѣдствіе этого «его переводили изъ прихода въ приходъ, его нарочно выбирали въ тѣ приказы, гдѣ были злые, неблагочестивые мэры, съ которыми было трудно поладить». Это дѣлалось для блага службы и въ интересахъ церкви. Этому высшему интересу епископъ подчиняетъ лицъ. Законодательство 1801 и 1802 годовъ дало ему полную власть и онъ ею пользуется; между столькими способами сохраненія власти надъ духовенствомъ, которые онъ приобрѣлъ, смѣняемость—самый лучшій и онъ имъ пользуется. Во всѣхъ гражданскихъ и духовныхъ учрежденіяхъ Наполеонъ, прямо или косвенно, ввелъ свой духъ, духъ милитаризма; отсюда явился режимъ сильной власти, еще прочнѣе установившійся въ церкви, чѣмъ въ государствѣ, потому что онъ и раньше былъ въ духѣ католицизма; въ ней онъ не только не ослабѣлъ, но сдѣлался даже еще строже; теперь онъ въ ней признанъ, объявленъ и даже канонизированъ; въ наши дни, фактически и по праву, епископъ есть дивизионный генералъ, а его приходскіе священники, такъ же по праву и фактически, только сержанты и капралы. Съ такого высокаго чина приказанія падаютъ на такой низкій съ необычайной силой и сразу требуютъ пассивнаго повиновенія. Дисциплина въ епархіи такъ же совершенна, какъ въ армейскомъ корпусѣ и предаты этимъ гордятся открыто. «Оскорбительно предполагать, го-

ворилъ сенату генераль де Боншозъ, что мы не хозяева у себя въ домѣ, что мы не можемъ направлять наше духовенство, что оно управляетъ нами... Между нами нѣтъ ни одного начальника, который заслужилъ бы упрекъ, что онъ не умѣетъ заставить повиноваться своихъ подчиненныхъ. У каждаго изъ насъ есть свой полъ и этотъ полъ дѣйствуетъ хорошо».

III.

Чтобы вести стадо, недостаточно палки даже пастушеской; вмѣстѣ съ принужденнымъ повиновеніемъ нужно еще въ людяхъ повиновеніе добровольное; вслѣдствіе этого, въ мѣстѣ съ законной властью, въ начальникѣ необходима нравственная власть; если же ея нѣтъ, то за нимъ не пойдутъ слѣпо и всюду. Въ 1789 году епископъ не имѣлъ ее; два раза, въ критическіе моменты, низшее духовенство стояло особнякомъ: сначала на выборахъ, избирая депутатами не прелатовъ, но священниковъ; потомъ въ національномъ собраніи, оставивъ прелатовъ, чтобы присоединиться къ третьему сословію. Внутренняя связь между главой и его паствой ослабѣла или совсѣмъ порвалась. Онъ не имѣлъ болѣе надъ ней вліянія; она не имѣла къ нему довѣрія. Его подчиненные кончили тѣмъ, что увидели въ немъ то, что онъ есть дѣйствительно, привилегированное лицо, происшедшее изъ особой расы и снабженное особымъ званіемъ, епископъ по праву рожденія, не особенно много учившійся, не оказавшійся никакихъ заслугъ, ничѣмъ не доказавшій своихъ особыхъ качествъ, почти чуждое духовенству, паразитъ церкви, привыкшій вдали отъ своей епархіи проѣдать ея доходы, праздный и чванный, иногда безстыдно галантный или искатель скандальныхъ приключеній, охотно философствующій и отрицающій, которому для руководства надъ христіанскими священниками не хватало двухъ вещей: во-первыхъ, духовной выправки, а во-вторыхъ, и это случалось очень часто, христіанской вѣры.

Всѣ эти недостатки и несообразности въ епископахъ, вся эта разница и разстояніе между происхожденіемъ, интересами, нравами и манерами низшаго и высшаго духовенства, всѣ эти неравенства и неправильности, которыя отчуждали низшихъ отъ высшаго, исчезли; новый режимъ сломалъ стѣну, которую старый режимъ воздвигъ между епископомъ и его подчиненными. Теперь епископъ, какъ и они, плебей, обыкновеннаго и порой очень низкаго происхожденія, то сынъ деревенскаго сапожника, то незаконный сынъ бѣдной работницы—и тотъ и другой порядочные люди, не стыдящіеся своего низкаго происхожденія, открыто вѣжные и почтительные къ своимъ матерямъ, одинъ даже поселившій свою мать, бывшую служанку, въ епископскомъ дворцѣ и сажавшій ее на почетное мѣсто за столомъ среди самыхъ почетныхъ и знатныхъ гостей. Это «офицеръ, выслужившійся изъ рядовыхъ», т. е. заслуженный и старый офицеръ. По альманаху 1889 года, тремъ самымъ молодымъ епископамъ отъ сорока семи до сорока девяти лѣтъ; всѣмъ остальнымъ пятьдесятъ и больше; и между ними три четверти шестидесяти и болѣе лѣтъ. По общему правду, священ-

ангъ дѣлается епископомъ не раньше какъ по прослуженіи двадцати или двадцати пяти лѣтъ во всѣхъ низшихъ и среднихъ должностяхъ, во всякой должности онъ осгавался болѣе или менѣе продолжительное время, поочередно, викарій, приходскій священникъ, старшій викарій, каноникъ, директоръ семинаріи, ипогда помощникъ епископа, и почти всегда отличившійся въ какой-нибудь должности: проповѣдника или законоучителя, профессора или администратора, канониста или богослова. У него нельзя оспаривать полное знаніе дѣла и онъ въ правѣ требовать полного повиновенія; онъ самъ до своего возвышенія повиновался и «гордился этимъ» и онъ самъ можетъ служить примѣромъ для своихъ подчиненныхъ. Съ другой стороны, его скромный образъ жизни не можетъ теперь возбуждать зависть; это почти такой же образъ жизни, какой ведетъ дивизионный начальникъ, префектъ, высшій гражданскій чиновникъ, который, не имѣя собственныхъ средствъ, живетъ на одно жалованье. Онъ не выставляетъ напоказъ, какъ прежде аналоеъ съ атласной подкладкой, цѣлую батарею серебряной посуды, охотничьихъ экипажей, цѣлую толпу мажордомовъ, швейцаровъ, камердинеровъ, ливрейныхъ лакеевъ, конюшни и кареты его знатныхъ вассаловъ, присутствующихъ при его посвященіи, княжескій церемональ представленій и изъявленій покорности, пышную обстановку приемовъ и гостепріимства. Ничего, кромѣ необходимаго, неизбѣжныя принадлежности его должности, обыкновенная карета для поѣздокъ по епархіи и по городу, три или четыре слуги для ежедневнаго обихода, три или четыре секретаря для переписки, какой-нибудь старшій отель, экономично возсгавовленный и мебелированный безъ роскоши, квартира и конгора администратора, дѣлового человѣка и отвѣтственнаго главы многочисленныхъ служащихъ; на самомъ дѣлѣ, онъ отвѣчаетъ за множество своихъ подчиненныхъ, у него много дѣла, онъ работаетъ, старался объ сохраненіи общаго духа и подробностей, надъ толстыми книгами дѣлать, при помощи хронологическаго реестра, какъ управляющій большого торговаго дома; если у него меньше почестей, то зато больше зависящихъ отъ него людей; конечно, его предмѣстники стараго режима, избалованные эпикурейцы, не захотѣли бы такой жизни; они сказали бы, что непріятности ея превосходятъ удовольствія.

Даже въ пожилыхъ годахъ онъ самъ служить, проповѣдуетъ, предсѣдательствуетъ на длинныхъ церемоніяхъ, посвящаетъ семинаристовъ, причащаетъ тысячи дѣтей, посѣщаетъ поочереди приходы своей епархіи; часто, къ концу службы, бываетъ, что онъ посѣщаетъ ихъ каждый по нѣскольку разъ. Между тѣмъ, изъ своего епископскаго кабинета онъ безпрестанно наблюдаетъ за четырьмя или пятью стами приходовъ; онъ читаетъ или слушаетъ донесенія, спрашиваетъ насчетъ разныхъ общинъ, насчетъ доходовъ фабрикъ, насчетъ положенія жителей, насчетъ расположенія или враждебности муниципальнаго совѣта и мэра, насчетъ мѣстныхъ причинъ раздора и столкновеній, насчетъ поведенія священника и викарія; каждое духовное лицо должно быть управляемо или поддерживаемо, между чрезмѣрнымъ усердіемъ или полною бездѣтельностью, въ золотой

серединѣ, которая разнообразится въ зависимости отъ прихода и отъ обстоятельствъ,—но всегда такъ, чтобъ понимать ему сдѣлать ложный шагъ, парировать его неловкости, шадить общественное мнѣніе, тушить скандалы. Потому что вся жизнь священнослужителя, не только внѣшняя, но и частная, домашняя, интимная принадлежитъ церкви и нужна ей: не должно быть на его счетъ дурныхъ слуховъ, даже неосновательныхъ: если появляются какіе-нибудь сплетни, епископъ призываетъ его въ епархію, предупреждаетъ, дѣлаетъ ему нагоняй и, въ случаѣ надобности, перемѣщаетъ, отрѣшаетъ отъ должности, отлучаетъ отъ церкви своею собственною властью, не доводя дѣла до суда, самъ судья, единственный и тайный, сдѣловательно, принужденный заниматься слѣдствіями, беспокоиться, нести тяжелый и кропотливый трудъ, который сопровождаетъ всегда прямое пользованіе абсолютной властью.

Тоже самое по отношеніи вышей и низшей семинаріи: это два необходимые питомника и онъ ихъ главный садовникъ, заботящійся объ ежегодномъ пополненіи пустыхъ мѣстъ, разыскиваніемъ подходящихъ во всѣхъ уголкахъ своей епархіи, опредѣляя и поощряя призваніе; онъ назначаетъ стипендіи; онъ диктуетъ правила, назначаетъ и увольняетъ, смѣщаетъ и перемѣщаетъ по своей волѣ директора и профессоровъ; онъ беретъ ихъ, если ему вздумается, не изъ своего прихода, не изъ свѣтскаго духовенства; онъ предписываетъ имъ доктрины, методы, образъ мыслей и способъ преподаванія и, кромѣ всѣхъ этихъ священниковъ, настоящихъ и будущихъ, онъ наблюдаетъ за тремя или четырьмя стами монаховъ, за тысячей четырьмя стами монахинь.

Что касается монаховъ, то, пока они сидятъ по своимъ домамъ, между своими, то онъ ихъ не трогаетъ; но лишь только они начинаютъ проповѣдывать, исповѣдывать, публично служить или учить, въ его епархію, они попадаютъ подъ его власть; по соглашенію съ настоятелемъ и папой, онъ имѣетъ власть надъ ними и пользуется ими.

На самомъ дѣлѣ, это помощники, которые обращаются къ нему или которыхъ онъ призываетъ, сильный отрядъ, находящійся въ его распоряженіи, нѣсколько избранныхъ корпусовъ, спеціально подготовленныхъ, каждый со своей собственной дисциплиной, со своимъ, спеціальнымъ оружіемъ, приносящіе ему, сражаясь подъ его начальствомъ, разныя способности и живѣйшее усердіе; онъ нуждается въ нихъ, чтобъ усилить недостаточность его блага духовенства, чтобъ возбудить набожность въ его приходахъ и чтобъ сдѣлать доктрину болѣе непоколебимой въ семинаріяхъ. Согласіе же между двумя милиціями трудно достижимо; вторая, приданная первой въ помощь, летучая, идетъ впереди; первая постоянная и находящаяся на мѣстѣ, говоритъ потихоньку, что пришельцы овладѣваютъ ея мѣстомъ, уменьшаютъ ея популярность, сокращаютъ ея доходы; епископу нужно имѣть много такта, а также и энергии, чтобъ внушить двумъ этимъ духовенствамъ, если не дружеское согласіе, то хоть взаимную помощь и работу безъ столкновеній.— Что же касается монахинь, то онъ ихъ единственный властитель, наблюдающій и управляющій всѣми этими душами, заточенными

въ монастыри, принимающій ихъ отвѣты, освобождающій отъ нихъ: послѣ слѣдствія и допроса онъ же разрѣшаетъ вступленію въ общину или возвращенію въ міръ, сначала каждое поступленіе—или искусь, потомъ каждое постриженіе, всякое увольненіе или отъѣздъ сестры, всякое требованіе возвращенія какой-нибудь сестры изъ общины, всякую строгую мѣру или какое-нибудь серьезное рѣшеніе настоятельницы, онъ председательствуетъ при выборѣ настоятельницы; онъ утверждаетъ или назначаетъ духовника общины; онъ сохраняетъ общины отъ закрытія, усиливаетъ или уменьшаетъ тамъ соблюденіе монашескихъ правилъ; онъ даже, пользуясь привилегіей своей должности, входитъ туда и собственными глазами осматриваетъ порядки, въ духовномъ и свѣтскомъ отношеніи, по праву контроля, который распространяется отъ направленія душъ до управленія имуществомъ.

Въ столькихъ обязательныхъ трудахъ онъ прибавляетъ еще и другіе, добровольные, не только богоугодныя дѣла, распространенія вѣры, епархіальныя миссіи, обученіе религіи взрослыхъ, братства постоянного поклоненія, общества непрерываемаго чтенія молитвъ по четкамъ, лепта Св. Петра, касса семинарій, католическія газеты и журналы, но еще учрежденія воспитательныя и благотворительныя. Въ дѣлѣ благотворительности онъ основываетъ учрежденія родовъ двадцати, по шестидесяти въ епархіи, общія и спеціальныя, ясли, вѣжки, убѣжища, приюты, попечительства, общества призванія мѣсть и помощи бѣднымъ, больнымъ, на дому и въ больницахъ, груднымъ дѣтямъ, глухонѣмымъ, слѣпымъ, старикамъ, сиротамъ, раскаявшимся дѣвушкамъ, арестантамъ, гарнизоннымъ солдатамъ, рабочимъ, подмастерьямъ, молодымъ людямъ и множество другихъ. Воспитательныхъ еще больше: это учрежденія, лежація ближе всего къ сердцу католическихъ пастырей; безъ нихъ въ современномъ мірѣ невозможно сохранить вѣру въ будущихъ поколѣніяхъ. Вотъ, почему при всѣхъ перевороткахъ политической исторіи епископы пользуются терпимостью или отражаютъ нетерпимость государственнаго обученія, конкурируютъ съ нимъ, учреждаютъ противъ его общественныхъ школъ свободныхъ школъ, управляемыхъ или направляемыхъ священниками или монахами: упраздненія университетской монополіи въ 1850 году, было основано болѣе ста средне-учебныхъ заведеній; послѣ благопріятствующаго закона 1873 года,—четыре или пять факультетовъ или провинціальныхъ университетовъ для высшаго образованія: послѣ враждебныхъ законовъ 1882 года,—нѣскольکو тысячъ приходскихъ школъ для первоначальнаго образованія.—Основаніе ихъ и содержаніе стоятъ очень дорого; епископу нужно много денегъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ государство, сдѣлавшись недоброжелательнымъ, обрѣзываетъ, сколько возможно, жалованье духовенства, не даетъ стипендій въ семинаріяхъ, отнимаетъ у исправляющихъ должность въ чемъ нибудь заподозрѣнныхъ ихъ маленькое содержаніе, обрѣзываетъ жалованье прелата, ставитъ препятствія щедрости общинъ, облагаетъ и даже обременяетъ налогами конгрегация, такъ что не только уменьшеніемъ обложеній оно раздѣляетъ расходы церкви, но даже, увеличеніемъ налоговъ, оно обременяетъ ее въ свою пользу. Необходимыя деньги епископаты пріобрѣтаютъ сборами въ церквяхъ.

и по домамъ, пожертвованіями и подписками вѣрныхъ и каждый годъ ему нужны милліоны, сверхъ бюджетнаго пособія, для его факультетовъ и университетовъ, куда онъ назначаетъ профессоровъ, щедро оплачиваемыхъ; для постройки, содержанія и устройства его безчисленныхъ домовъ, для содержанія его маленькихъ школъ, содержанія десяти тысячъ семинаристовъ; для расходовъ на благотворительныя учрежденія; и епископъ, ихъ главный попечитель, долженъ на все это доставать деньги, тѣмъ болѣе, что часто онъ уже далъ свое поручительство и отвѣчаетъ за свое общаніе, словесное или письменное. Онъ исполняетъ всѣ эти обязательства: у него есть деньги ко всѣмъ срокамъ уплаты. Въ 1883 году епископъ Нантскій, нуждаясь въ ста тысячахъ франковъ для постройки школы съ мастерской, сказалъ объ этомъ нѣсколькимъ лицамъ находящимся въ его салонѣ; одно изъ нихъ вынимаетъ изъ кармана десять тысячъ франковъ и всѣ присутствующія, не сходя съ мѣста, подымаютъ семьдесятъ четыре тысячи франковъ.

Кардиналъ Матье, архіепископъ Безансонскій, во время своего управленія, собралъ и истратилъ такимъ образомъ четыре милліона. Въ тѣ же времена кардиналъ Лаважери, который по бюджету получалъ пятнадцать тысячъ франковъ въ годъ, писалъ, что онъ тратитъ восемнадцать тысячъ и не имѣетъ долговъ. Благодаря этой инициативѣ и этому вліянію епископъ становится объединяющимъ центромъ общества; онъ одинъ въ провинціи, кромѣ людей искусственно слѣпленныхъ вѣтвѣй, вставленныхъ въ опредѣленные рамки, пржатыхъ со всѣхъ сторонъ; слѣдовательно, болѣе всего изъ нихъ, и наиболѣе значительныхъ особенно послѣ 1830 года, группируется вокругъ послѣдняго постояннаго ядра, чтобъ составить съ нимъ одно цѣлое; онъ—единственная точка прорастанія, живая, кетронутая, которая можетъ еще соединить и организовать разсѣвшіяся воли. Естественно, что къ католическимъ интересамъ, которыхъ онъ служитъ представителемъ, присоединяются сверхъ того и интересы класса и партіи, и его духовная власть становится и политическимъ вліяніемъ; кромѣ его чернаго и бѣлаго духовенства, кромѣ двухъ тысячъ пяти сотъ жизней, примѣрныхъ или направляющихъ, которыми онъ располагаетъ, позади него видно множество преданныхъ ему свѣтскихъ лицъ. Вслѣдствіе этого правительство должно считаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что его коллеги поддерживаютъ его; противъ всемогущаго государства устояло соединившееся епископство, при июльской монархіи, чтобъ потребовать свободу обученія, при второй имперіи, чтобъ поддержать свѣтскую власть папы. Въ этой воинственной позѣ совершенно отрывается фигура епископа; официальный борецъ за непогрѣшимость церкви, самъ вѣрующій и соблюдающій обряды, онъ говоритъ съ необыкновенной ядренностью и рѣзкостью: въ его глазахъ онъ единственный хранитель истины и нравственности; въ глазахъ своихъ вѣрующихъ онъ становится сверхчеловѣческимъ существомъ, пророкомъ, громащимъ или спасающимъ, возвѣстителемъ небесныхъ приговоровъ, распространителемъ небеснаго гнѣва и милостей; онъ поднимается на облака въ славу апофеоза; у женщинъ въ особенности почитаніе доходитъ до энтузіазма и превращается въ поклоненіе. Въ концѣ

второй имперіи, одинъ знаменитый французскій епископъ, катаясь на лодкѣ по Женевскому озеру, вынулъ изъ кармана маленькій хлѣбецъ и ѣлъ его, сидя передъ стоявшими передъ нимъ двумя дамами, которыми онъ давалъ по кусочку. Одна изъ нихъ съ низкимъ поклономъ говоритъ ему: «Изъ вашихъ рукъ монсеньеръ, это почти что причастіе».

IV.

Подъ этой властной священной рукой дѣйствуетъ духовенство, покорное духомъ и сердцемъ, задолго приготовленное къ вѣрѣ и повиновенію своимъ положеніемъ и воспитаніемъ. Изъ 40000 священниковъ и исполняющихъ должность, болѣе 35000 принадлежатъ къ трудолюбивому классу рабочихъ и крестьянъ», не зажиточныхъ, а изъ бѣдныхъ семей, живущихъ своимъ трудомъ, гдѣ часто бываетъ много дѣтей. Подъ давленіемъ окружающаго воздуха и современнаго режима, другія семьи сохраняютъ своихъ дѣтей для себя, для свѣта и отказываются отдавать ихъ церкви; даже въ самомъ низу общественной лѣстницы, развилось честолюбіе и предметъ его измѣнился; тамъ уже не мечтаютъ сдѣлать изъ своего сына приходского священника, а учителя, желѣзнодорожнаго служащаго или приказчика. Надо было пробираться дальше, спуститься еще ниже, чтобъ извлечь недостающихъ священниковъ.

Безъ сомнѣнія, извлеченіе ихъ съ такой глубины стоитъ болѣе дорого; семья слишкомъ бѣдна, чтобъ платить за духовное обученіе своего ребенка: кромѣ того, съ 1830 года государство не даетъ ничего для низшей, а съ 1835 года для высшей семинаріи. Ихъ приходится содержать насчетъ пожертвованій и завѣщанныхъ денегъ; для этого епископъ дѣлаетъ сборы въ церкви во время поста и приглашаетъ свою паству жертвовать на стипендіи и полустипендіи: на содержаніе и обученіе почти даромъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ будущаго священника нужна крупная сумма; даже въ низшей семинаріи она доходитъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ франковъ, сверхъ положеннаго; этотъ ежегодный дефицитъ причиняетъ много заботъ, порою доходящихъ до отчаянія, епископу, ихъ отвѣтственному создателю.—Въ вознагражденіе за все это, извлеченіе изъ такой глубины даетъ болѣе вѣрные результаты; длинная операція, посредствомъ которой ребенка приводятъ къ священству, ведется и оканчивается съ меньшимъ неуспѣхомъ. Въ эти низшіе слои не проникаютъ отголоски шума и отблески свѣта тебѣшаго вѣка; тамъ не читаютъ газетъ, даже самыхъ дешевыхъ; призванія могутъ тамъ образоваться превратиться въ прочные и безупречные кристаллы, совершенно цѣльные; они находятъ тамъ подъ болѣе надежной охраной, чѣмъ въ высшихъ сферахъ, менѣе подвержены свѣтскимъ вліяніямъ; они менѣе рискуютъ быть поколебленными или опровергнутыми изъ любопытства, размышленіями и сомнѣніями, современными взглядами; все окружающее и домашняя среда не нарушаютъ, какъ въ другомъ мѣстѣ его глухую внутреннюю работу. Когда маленький пѣвчій возвращается послѣ службы домой, когда семинаристъ прѣзжаетъ къ своимъ родителямъ на каникулы,

онъ не встрѣчаетъ тамъ развращающаго вліянія, разныхъ допросовъ, свободныхъ разговоровъ, сравненія различныхъ карьеръ, заботъ о томъ, чтобъ выдвинуться, привычнаго благосостоянія, материнскихъ заботъ, пожиманія плечами и полуулыбокъ сосѣда вольнодумца; камень за камнемъ и каждый на надлежащемъ мѣстѣ, зданіе его вѣры воздвигается и растетъ, связанное и дѣлсообразное, безъ какихъ-нибудь тайныхъ выходовъ. Его взяли совѣтъ маленькимъ, до двѣнадцати лѣтъ; его приходскій священникъ, которому поручено свыше искать подходящихъ дѣтей, отличилъ его во время обученія катехизису, потомъ за первымъ причащеніемъ; въ немъ находятъ «наклонность къ благочестію и къ священнымъ церемоніямъ, приличную наружность, тихій, предупредительный характеръ», расположеніе къ ученію; это послушное и аккуратное дитя; маленькимъ пѣвчимъ въ хорѣ или службой въ алтарѣ онъ скоро пріучается слагивать ризу, всѣ его колѣнопреклоненія приличны, они не надѣдають ему, ему не трудно молчать, въ немъ не пробуждаются и не проявляются, какъ у другихъ, животныя инстинкты и деревенская грубость. Если его необработанный мозгъ поддается культурѣ, если тамъ могутъ привиться грамма, ика и латынь, священникъ или викарій занимаются съ нимъ дома; онъ учится у нихъ такимъ образомъ даромъ, до пятого или четвертаго класса, и тогда поступаетъ въ семинарію.

Это совершенно отдѣльная школа, интернатъ для избранныхъ мальчиковъ, совершенно закрытая оранжерея, предназначенная для сохраненія и развитія призваній; до 1789 года ихъ еще не было; теперь ихъ уже насчитываютъ 86 во Франціи и всѣ ея ученики будущіе священники. Въ этомъ первоначальномъ расадникѣ не принимаютъ чужеземныхъ растений, будущихъ мірянъ; потому что, по опыту, если низшая семинарія смѣшанная, она не достигаетъ своей духовной пѣли, «въ высшую семинарію изъ нея идетъ только хвостъ класса; голова ищетъ счастья въ другихъ мѣстахъ; наоборотъ, «въ специальныхъ семинаріяхъ весь старшій классъ переходитъ въ высшую семинарію: тогда она получаетъ и голову и хвостъ. Въ этой второй оранжерѣ, культура, продолжающаяся пять лѣтъ, становится болѣе интенсивной, совершенно специальной; она была гораздо слабѣе при старомъ режимѣ, даже въ семинаріи Св. Скульпичія; стекла имѣли отверстія и пропускали воздухъ; племянники архіепископа, младшіе сыновья дворянскихъ семей, предназначенныя для служенія церкви ввели туда послабленія и свободу, составлявшія тогда привилегію епископскаго званія. Во время каникулъ тамъ разыгрывали фееріи, пасторали въ костелахъ, и балеты. *Помпцие великаго султана, толпа закованныхъ пастуховъ;* семинаристы очень заботились о своихъ волосахъ; извѣстный парикмахеръ приходилъ ихъ причесывать; заточеніе было не совѣтъ прочно: молодой г-нъ Талейранъ сумѣлъ убѣжать, чтобъ начать или продолжать свои походы въ городѣ. Начиная съ конкордата, въ новыхъ семинаріяхъ дисциплина становится монашеской; это практическая школы, не научныя, а дрессировальныя; все заключается не въ томъ, чтобъ создать людей знающихъ догматы, но чтобъ образовывать убѣжденныхъ священниковъ; воспитаніе тамъ первенствуетъ

надъ образованіемъ, и интеллектуальныя упражненія подчиняются духовнымъ: каждый день обѣдня и пять постыцій со святымъ причащеніемъ, съ остановками отъ одной минуты до получаса; чтеніе по четкамъ шестьдесятъ разъ «Отче нашъ» и «Богородице», крестные ходы, молитвы къ пресвятой Богородицѣ, молитвы, шелотомъ и вслухъ, особое испытаніе, размышленіе на колѣняхъ, общія назидательныя чтенія, молчаніе до часа дня, молчаніе за столомъ и слушаніе во время ѣды назидательнаго чтенія, частыя причащенія, еженедѣльная исповѣдь, общая исповѣдь въ началѣ года, въ концѣ каждаго мѣсяца день уединенія, послѣ каникулъ и передъ полученіемъ мѣсть во всѣ четыре ордена—восемь дней уединенія, во время этихъ уединеній не бываетъ никакого ученья, по утрамъ и вечерамъ проповѣди, духовныя лекціи, размышленія, молитвы и обряды цѣлый день, однимъ словомъ, ежедневное и систематическое примѣненіе искусной методы, постоянно совершенствуемой, самой дѣйствительной для укрѣпленія вѣры, для возбужденія воображенія, направленія воли, подобной методѣ военной школы, Сен-Сира или Сомюра, такъ что физическій и умственный отпечатокъ школы неизгладимъ и что по манерѣ говорить, думать, улыбаться, кланяться, стоять, можно узнать бывшаго воспитанника Св. Скульпиція, такъ же какъ бывшаго ученика Сен-Сира и Сомюра.

Выйдя отсюда, посвященный священнослужитель, сначала викарій, потомъ исправляющій должность приходскаго священника, весь проникнутый духомъ дисциплины, которая его воспитала, продолжаетъ держаться ея и теперь. Кромѣ службы въ церкви и надзора за своими прихожанами, кромѣ обѣденъ, вечерень проповѣдей, уроковъ закона Закона Божія, исповѣдей, причастія, крестинъ, свадебъ, соборованій, похоронъ, посѣщенія больныхъ и страждущихъ, у него есть еще свои частныя и личныя занятія: прежде всего, его молитвенникъ, чтеніе котораго требуетъ ежедневно полтора часа: это самое необходимое. Ламенне получилъ освобожденіе отъ этого обязательнаго упражненія и отсюда произошло его отступничество и паденіе; можно возразить, что такое чтеніе становится машинальнымъ: но молитвы, фразы и слова, проникающія въ мозгъ даже машинально, волей-неволей становятся тамъ постоянными обитателями, вслѣдствіе тайныхъ силъ, взаимодействующихъ, которыя окружаютъ разумъ, которыя сговиваютъ волю, которыя въ тайникахъ души распространяютъ или укрѣпляютъ постепенно свое молчаливое владычество, которыя безсознательно дѣйствуютъ въ челоуѣкѣ и которыя въ критическій моментъ неожиданно поднимаются въ немъ, чтобы укрѣпить его противъ слабости или оторвать отъ искушеній. Къ этому старинному обычаю прибавьте два современныхъ учрежденія, ведущихъ къ тому же результату. — Первое — это мѣсячная конференція, собирающаяся у старшаго приходскаго священника кантона: обсуждающая присланныя изъ епархіи вопросы догматическіе, нравственные или изъ священной исторіи; каждый изъ нихъ приготовилъ какое-нибудь изслѣдованіе и читаетъ его вслухъ, обсуждая его со своими собратьями, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ старшаго священника, дѣлающаго заключенія; это освѣжаетъ въ лекторѣ и его слушателяхъ теоретическія знанія и духовную эру-

дицію.— Другое учрежденіе, теперь почти всемірное, ежегодное удивленіе, которое священники должны проводить въ высшей семинаріи главнаго города. Планъ его начертанъ св. Игнатіемъ: его *Exercitia* и теперь еще общепринятое руководство, тексту котораго слѣдуютъ почти буквально. Надо возстановить для души сверхъестественный міръ, потому что обыкновенно, подъ давленіемъ міра естественнаго, онъ испаряется, стирается, дѣлается неосязаемымъ; сами вѣрующіе думаютъ о немъ уже съ ослабѣвшимъ вниманіемъ и ихъ неопредѣленные мысли превращаются въ вѣрованіе на словахъ; надо вернуть имъ положительное ощущеніе, сопрікосновеніе. Для этого человѣкъ запирается въ приспособленномъ для этого помѣщеніи, гдѣ заранѣе распределены всѣ его часы: присутствіе въ церкви и на проповѣди, чтеніе молитвъ по четкамъ, устные молитвы, мысленныя молитвы, повторительное самопознаніе, исповѣдь и все остальное, однимъ словомъ, непрерываемый рядъ разнообразныхъ обрядовъ, которые, какъ это доказываетъ опытъ, освобождаютъ его отъ земныхъ заботъ и наполняютъ духовными впечатлѣніями; вокругъ нихъ подобныя же впечатлѣнія, вслѣдствіе заразительности примѣра, взаимно подогрѣваются, является взаимное пониманіе, невольное соревнованіе и чрезвычайно возбужденное желаніе, вплоть до созиданія своего объекта: тѣмъ вѣрнѣе, что индивидуумъ самъ работаетъ надъ самимъ собой, молча, по пяти часовъ въ день, по предписанію глубокой психологіи, чтобы облечь во плоть свою идею. Какое бы ни былъ предметъ его размышленія, онъ повторяетъ его два раза каждый день и каждый день онъ начинаетъ «представлять себѣ сцену». Рождество или Страсти Христовы, послѣдній судъ или адъ; онъ превращаетъ неясную и отдаленную исторію, сухой и отвлеченный догматъ въ подробное представленіе въ лицахъ; онъ вызываетъ другъ за другомъ образы, снабженные пятью чувствами, видящіе, слышащіе, осязающіе, обладающіе слухомъ и даже вкусомъ; онъ ихъ группируетъ и, по вечерамъ, оживляетъ, чтобы утромъ они оказались болѣе явственными. Такимъ образомъ онъ получаетъ полную картину, точную, почти осязаемую, онъ достигаетъ полнаго забвенія о томъ, гдѣ онъ находится, полнаго отвлеченія мыслей отъ всего реальнаго, до ниспроверженія точекъ зрѣнія, когда оправдывается все то, въ чемъ онъ былъ увѣренъ, когда реальныя вещи ему кажутся пустыми призраками, а мистическій міръ вполне реальнымъ.

— Въ зависимости отъ лица и обстоятельствъ, темы размышленій бывають различныя и уединеніе продолжается дольше и короче; для свѣтскихъ лицъ оно бываетъ не дольше трехъ дней; для братьевъ христіанскихъ школъ оно продолжается восемь дней ежегодно, а когда въ двадцать восемь лѣтъ они произносятъ вѣчный обѣтъ, — тридцать дней; для блага духовенства оно продолжается немногъ мѣнѣе недѣли и тема, на которой сосредоточивается ихъ размышленіе, сверхъестественное званіе священника. Священникъ исповѣдникъ и совершающій таинство евхаристіи, священникъ спаситель и исправитель, пасторъ, проповѣдникъ, администраторъ, вотъ сюжеты, надъ которыми воображеніе, руководимое и направляемое, должно работать, чтобы создать укрѣпляющій напитокъ, который долженъ поддерживать его цѣлый годъ. Этотъ напитокъ самый могущественный;

ротъ, который или пуритане на полевыхъ митингахъ или въ шотландскихъ собраніяхъ, былъ вѣщче, но дѣйствіе его было менѣе продолжительно.

Въ этомъ напитокѣ смѣшаны два разныхъ питья, усиливающихъ другъ друга, оба особеннаго вкуса и такіа терпкія, что обыкновенный ротъ обжегся бы ими.—Съ одной стороны, вмѣстѣ съ простою рѣчи и смѣлостью вычисленій, которая приличествуютъ методѣ, въ священникѣ возбуждаютъ чувство собственнаго достоинства: «Что такое священникъ?». «Это существо между Богомъ, который на небѣ и человѣкомъ, который его ищетъ на землѣ, *Богъ и человекъ*, который приближаетъ ихъ другъ къ другу... Я не льщу вамъ благочестивыми гиперболами, называя васъ богами;—это не риторическая ложь... Вы творцы, какъ Марія въ своемъ сотрудничествѣ для воплощенія... Вы творцы, какъ нѣкогда Богъ... Вы творцы, какъ Богъ въ вѣчности. Наше творчество, ежедневное творчество нисколько не меньше, чѣмъ Глаголь, воплотившійся самъ... Богъ можетъ создать новые міры, но онъ не можетъ сдѣлать, чтобъ на свѣтѣ явился болѣе великій поступокъ, чѣмъ ваша жертва; потому что въ эту минуту онъ передаетъ въ ваши руки все, что онъ имѣетъ и все, что онъ есть... Я нисколько не хуже херувимовъ и серафимовъ въ этомъ мірѣ, я гораздо выше; потому что они только слуги Бога, а мы его помощники... Ангелы, которые видятъ множество богатствъ, проходящихъ ежедневно черезъ наши руки, испуганы нашими преимуществами... Я исполняю три высшія должности передъ нашимъ Богомъ: я свожу его съ неба, я имъ управляю, я постоянно стерегу его... Иисусъ живетъ у васъ подъ ключемъ; часы его аудіенціи открываются и закрываются вами; онъ не пошевельнется безъ вашего разрѣшенія, онъ не благословляетъ безъ вашей помощи, онъ дастъ только черезъ ваши руки, и его зависимость отъ васъ такъ ему дорога, что за 1800 лѣтъ онъ ни разу не ушелъ отъ церкви, чтобъ потеряться во славу отца». А, съ другой стороны ихъ заставляютъ полными глотками пить чувство повиновенія, наполняютъ имъ ихъ до мозга костей. «Духовное повиновеніе... есть любовь зависимости, вѣчноновеніе собственнаго сужденія... Хотите знать, что она такое, когда она простирается до жертвы? Добровольная смерть, погребеніе своей воли, какъ говоритъ святой Климакъ... Есть сортъ *дѣйствительнаго присутствія*, свыше дарованнаго, въ тѣхъ, кто нами управляетъ... Остережемся впасть въ скрытую оппозицію либеральнаго католицизма... Въ своихъ послѣдствіяхъ, либерализмъ есть социальный атеизмъ... Недостаточно единство въ римской вѣрѣ; будемъ работать для единства римскаго духа; для этого будемъ всегда судить Римъ съ оптимизмомъ искренней привязанности... Каждое новое догматическое опредѣленіе производитъ свои благодѣянія: опредѣленіе безгрѣшнаго зачатія намъ дало Лурдъ и его поистиннѣ вселенскіе чудеса». Всего этого не слишкомъ много и передъ требованіями современнаго времени, всего этого едва достаточно; съ тѣхъ поръ какъ міръ сталъ невѣрующимъ, равнодушнымъ или по меньшей мѣрѣ свѣтскимъ, священнику надо имѣть двѣ господствующія идеи, поддерживающія военнаго за границей, между инсургентовъ или варваровъ: одна—это убѣжденіе, что онъ существо особеннаго рода,

безконечно выше обыкновенныхъ людей; другая — это мысль, что онъ принадлежитъ своему знамени, своимъ начальникамъ, а особенно своему главному начальнику, что отдалъ себя всецѣло, чтобы повиноваться каждую минуту, каждому приказанію, безъ разсужденія и сомнѣнія. Такъ что, въ томъ приходѣ, гдѣ постоянный священникъ былъ прежде, особенно въ деревнѣ, законный и популярный властитель всѣхъ душъ, его замѣститель, смѣняемый исправляющій должность, только агентъ, временно живущій здѣсь, часовой въ своей будкѣ при входѣ на дорогу, по которой не ходитъ большая публика. Время отъ времени онъ кричитъ «берегись!». Но его почти не слушаютъ: изъ десяти человекъ девять проходятъ на нѣкоторомъ разстояніи, по новой дорогѣ болѣе удобной и широкой; они кланяются ему издали или не обращаютъ на него вниманія; нѣкоторые даже недоброжелательны; они шпионятъ за нимъ и выдаютъ его духовнымъ или свѣтскимъ властямъ, отъ которыхъ онъ зависитъ. Хотятъ, чтобы онъ наблюдалъ приказъ и не заставлялъ его ненавидѣть, чтобы онъ былъ усерденъ и не дерзокъ, чтобы онъ дѣйствовалъ и не былъ бы на виду; чаще всего онъ этого достигаетъ, благодаря наставленіямъ, которыя ему предписываются и въ своей деревенской будкѣ, терпѣливо, спокойно, твердо помня лозунгъ, онъ аккуратно исполняетъ свое одинокое и монотонное дѣло, дѣло, которое, уже пятнадцать лѣтъ, спокойно, тревожно, а теперь становится чрезвычайно труднымъ.

ГЛАВА III.

I. Черное духовенство. — Различія въ положеніи двухъ духовенствъ. — Три обѣта. — Правило. — Жизнь въ общинѣ. — Предметъ системы. — Сильное уничтоженіе учреждений и злоупотребленій въ 1790 году. — Внезапное возрожденіе уч ежденій, избавленныхъ отъ злоупотребленій въ 1800 году. — Демократическій и республиканскій характеръ монашескихъ учреждений. — Прогрессъ старинныхъ корней и увеличеніе новыхъ растений. — Число монаховъ и монахинь. — Размѣры этого числа и ихъ общее число въ 1789 и 1878 году. — Преобладаніе учреждений трудовыхъ и благотворительныхъ. — Какъ они образуются и распространяются. — Соціальныя истинныя и соприсношеніе съ мистическимъ міромъ. — II. Мистическій факультетъ. — Источники и его дѣло. — Евангельское христіанство. — Его нравственный предметъ и соціальное дѣйствіе. — Римское христіанство. — Развитие христіанской идеи на западѣ. — Вліяніе римскаго языка и юриспруденціи. — Римская идея церкви. — III. Высшій католицизмъ и его отличительныя черты. — Власть, ея престижъ, ея средства. — Ритуалы, священникъ, папа. — Католическая церковь и современное государство. — Трудности, рождающіяся во Франціи отъ ея историческихъ учреждений. — IV. Другія неудобства французской системы. — Новая и научная идея міра. — Какъ она противится католической идеѣ міра — Какъ она распространяется. — Какаѣ другая защищается. — Потери и прибыли католической вѣры. — Ея ограниченное владѣніе и широкое владѣніе. — Дѣйствіе католической и французской формы на христіанское чувство во Франціи. — Она выросла въ духовенствѣ и уменьшилась въ мірѣ.

I.

Какъ не корректенъ священникъ блага духовенства, онъ живетъ въ свѣтѣ. У него, какъ и у всякаго мірянина, своя квартира и свой домашній очагъ, свой домъ и садъ въ деревнѣ, квартира въ городѣ во всѣхъ случаяхъ, свое жилище и свое хозяйство, служанка

или экономка, иногда его мать или сестра; однимъ словомъ, свой собственный уголокъ, гдѣ проходить, огражденная отъ вторженій духовной и общественной жизни, его домашняя частная жизнь, подобно жизни свѣтскаго чиновника, ведущаго правильную жизнь холостяка. Дѣйствительно его расходы и доходы, его благосостояніе или нужда почти такіе же; его положеніе, его жалованье, его столъ, его одежда, его мебель, его образъ жизни ставятъ его въ деревнѣ на ряду съ учителемъ и начальникомъ почтовой конторы; въ большомъ мѣстечкѣ или въ маленькомъ городкѣ, на ряду съ мировымъ судьей или преподавателемъ коллежа; въ большихъ городахъ, — со столоначальникомъ или командиромъ дивизиона; Въ Парижѣ, въ нѣкоторыхъ приходахъ, на ряду съ префектомъ полиціи и городскимъ префектомъ. Даже въ самомъ скромномъ приходѣ, онъ каждый мѣсяцъ составляетъ бюджетъ, онъ располагаетъ всѣми деньгами, ни съ кѣмъ не совѣтуясь; исключая часовъ, когда онъ служитъ, все время принадлежитъ ему; онъ можетъ обѣдать въ гостяхъ, заказывать себѣ разные блюда, разрѣшать себѣ разныя лакомства; если онъ живетъ не въ полное удовольствіе, то удовольствія все-таки у него есть, а также у него есть честолюбіе, какъ у свѣтскаго чиновника, желаніе получить лучшей приходъ, сдѣлаться несмѣняемымъ, получить мѣсто каноника, иногда даже мечта подняться выше, очень высоко, на самую высшую должность. Миръ держитъ его всѣми этими помыслами; онъ слишкомъ съ нимъ связанъ, чтобы совершенно оторваться отъ него; чаще всего, среди столькихъ земныхъ заботъ, его духовная жизнь ослабѣваетъ или рушится. Если христианинъ хочетъ добыть себѣ *alibi* и жить выше всего земного, ему нуженъ другой режимъ, защита противъ искушеній, т. е. отреченіе отъ двухъ опасныхъ свободъ, изъ которыхъ одна есть власть, посредствомъ которой, будучи собственникомъ, онъ располагаетъ, по своему желанію всѣми принадлежащими ему вещами; другая, это власть, посредствомъ которой, будучи господиномъ своихъ поступковъ, онъ по своему желанію распределяетъ свои ежедневныя занятія. Для этого, къ обѣту воздержанія, который даетъ священникъ блага духовенства, монахъ прибавляетъ еще два обѣга, ясныхъ и точныхъ. Обѣтомъ бѣдности онъ отказывается отъ собственности, по крайней мѣрѣ отъ полной и совершенной, отъ произвольнаго пользованія своимъ имуществомъ, отъ личнаго пользованія своей вещью, что принуждаетъ его къ жизни въ бѣдности, лишеніямъ, труду, потому, болѣе того, къ посту, умерщвленію плоти, истребленію въ самомъ себѣ инстинктовъ, которые даютъ человѣку отвращеніе къ физическому страданію и влекутъ его къ физическому благосостоянію. Обѣтомъ повиновенія онъ предоставляетъ всего себя двойной власти, одной письменной, т. е. правиламъ, другой живой, въ лицѣ настоятеля, на обязанности котораго лежитъ объяснять, примѣнять и заставлять соблюдать правила; исключая небывалаго случая, когда приказаніе настоятеля бываетъ прямо противорѣчиво буквѣ этого правила, ему запрещено разбираться даже въ тайникахъ его души, мотивы, сообразность, важность предписаннаго ему дѣйствія; онъ заранее отдалъ свою волю, онъ отдалъ въ нихъ распоряженіе самаго себя; отнынѣ управленіе всѣми его поступками не

въ немъ самомъ, а въ рукахъ другихъ. Вслѣдствіе этого непредвидѣнные и внезапные поступки его собственной воли исчезаютъ изъ его дѣйствій, чтобъ уступить мѣсто предназначенному заранее порядку, обязательному и опредѣленному, прочной рамкѣ, которая стискиваетъ его жизнь во всѣхъ подробностяхъ, заранее распределенному времени въ продолженіи цѣлаго года, недѣля за недѣлей, и дня за днемъ часъ за часомъ, подробному и безапелляціонному опредѣленію всѣхъ его дѣйствій, физическихъ и умственныхъ; работа или праздность, молчаніе или разговоръ, молитвы и чтеніе, воздержанія и размысленія, уединеніе и общество, вставаніе и сонъ, количество и время пищи, позы, поклоны, тонъ и форма рѣчи, даже тайныя мысли и чувства. Болѣе того, вслѣдствіе постояннаго повторенія тѣхъ же дѣйствій въ тѣ же самыя часы, онъ замыкается въ цѣль привычекъ, которыя представляютъ изъ себя силу и силу возрастающую, потому что онъ безпрестанно владутъ на ту же самую низшую чашу вѣсовъ все увеличивающійся вѣсъ всего его прошлаго. Общностью жилища и стола, общею молитвой, постояннымъ сопрیکосновеніемъ съ другими монахами, предосторожностью, напр. такой, что когда онъ выходитъ, ему даютъ всегда спутника и когда онъ живетъ отдѣльно, ему даютъ двухъ товарищей, возвращеніемъ и пребываніемъ въ родной общинѣ, достигаютъ того, что онъ живетъ въ кругу людей: идущихъ въ томъ же состояніи и тѣмъ же средствами къ тому же концу, какъ и онъ, и усердіе которыхъ поддерживаетъ его усердіе. Въ такомъ состояніи изобилуетъ благодать; такъ называется ощущеніе неясное и медленное, или внезапное и рѣзкое, посредствомъ котораго христіанинъ входитъ въ общеніе съ невидимымъ міромъ; это стремленіе и ожиданіе, предчувствіе и прорипаніе, иногда даже ясное ощущеніе. Эта благодать, очевидно, ближе всего къ тѣмъ душамъ, которыя всей своей жизнью стремятся достигнуть ее; онъ совершенно отстранился отъ земли и вслѣдствіе этого могутъ смотрѣть только на небо.

Въ концѣ XVIII столѣтія монашеское учрежденіе не имѣло уже такого дѣйствія; изуродованное, ослабленное потерявшее уваженіе своими злоупотребленіями, особенно въ мужскихъ монастыряхъ, потомъ окончательно разрушенное революціей, оно казалось мертвымъ. Но въ началѣ XIX столѣтія оно внезапно вырастаетъ снова, какъ фонтанъ, прямой, сильный, живой, новый и гораздо болѣе высокій чѣмъ прежній, освободившійся отъ наростовъ, плѣсени и паразитовъ, которые при старомъ режимѣ обезображивали и изувѣчивали его. Нѣтъ больше принужденныхъ обѣтовъ, младшихъ сыновей дворянскихъ семей, запряганныхъ въ монастыри, дѣвушекъ заключенныхъ въ монастыри съ самаго дѣтства, содержимыхъ тамъ все время ихъ юности, воспитываемыхъ въ извѣстномъ духѣ, потомъ какъ бы загнанныхъ въ глухой переулокъ и, по наступленіи надлежащаго возраста, принужденныхъ принять окончательное рѣшеніе; нѣтъ болѣе аристократическихъ учрежденій, Мальтійскаго ордена; капитуловъ мужскихъ и женскихъ, гдѣ благородныя семьи находили карьеру и пристанище для своихъ сверхкомплектныхъ дѣтей. Нѣтъ болѣе ложныхъ и выдуманыхъ призваній, истинный поведъ которыхъ былъ то расовая гордость и нежеланіе пасть, то чисто живот-

ная приманка физическаго благосостоянія, безопасности и ничегоне-
дѣланія; нѣтъ больше праздныхъ и пользующихся изобиліемъ мона-
ховъ, занятыхъ, какъ картезианцы Валь Сенъ-Пьера, ѣдой, и оско-
тинившихся въ перебариваніи пищи и рутинѣ, или какъ бернардинцы
Грансельва, сдѣлавшихъ изъ своего дома собранія свѣтскихъ весе-
лыхъ rendez-vous и фигурирующихъ въ продолжительныхъ и часто
повторяющихся празднествахъ, на балахъ, комедіяхъ и охотахъ, въ
развлеченіяхъ и ухаживаньяхъ, которыя ежегодный праздникъ Св.
Бернара, со странной несообразностью вызывалъ и освящалъ. Нѣтъ
болѣе слишкомъ богатыхъ настоятелей, пользующихся приемными
монастырскими доходами, сюзеренныхъ владыкъ и владѣльцевъ зе-
мель, ведущихъ роскошный образъ жизни, подобающій ихъ положенію,
съ каретами въ четыре лошади, ливреями, швейцарами, прием-
ной, дворомъ, канцеляріей, разрѣшающихъ монахамъ называть себя
консеньеръ, ведущихъ такой же, мало похожій на монашескій,
образъ жизни, какъ всякій свѣтскій человѣкъ, и годный только для
возбужденія въ орденѣ скандала своей свободой и распущенности
своимъ примѣромъ. Нѣтъ болѣе свѣтскаго вмѣшательства, назначен-
ныхъ гражданскою властью аббатовъ и пріоровъ; нѣтъ болѣе адми-
нистративнаго вмѣшательства при посвященіи монаховъ и монахинь,
лишающаго ихъ всѣхъ гражданскихъ правъ, — почти гражданскою
смерти, — исключая ихъ изъ права наследственнаго, права дѣлать
завѣщанія, дарить и принимать даръ, отнимающаго у нихъ зара-
нѣе средства къ существованію и желаніе вернуться въ свѣтъ, удер-
живающаго ихъ силой въ ихъ монастырѣ и въ случаѣ, если они
уйдутъ потихоньку оттуда, напускающаго на нихъ жандармовъ,
чтобы протянуть ихъ настоятелю руку свѣтской помощи и физиче-
скимъ насиліемъ подавить ихъ неповиновеніе. Ничего этого не оста-
лось послѣ великаго разрушенія 1790 года; при современномъ режимѣ,
если кто нибудь поступаетъ въ монастырь и остается тамъ, то зна-
читъ, что монастырь ему нравится болѣе чѣмъ свѣтъ; никакого
другого мотива, никакого импульса или репрессивной мѣры низшаго
и различнаго рода, принужденія прямого или косвеннаго, домаш-
няго или законнаго, честолюбія, тщеславія, лѣности врожденной и
благопріобрѣтенной, удовлетворенія грубой и ограниченной чувстви-
тельности. То что дѣйствуетъ теперь — это призваніе врожденное и по-
стоянное; мужчина и женщина, произносящіе обѣтъ и соблюдающіе
его, руководятся только добровольнымъ, обдуманномъ и безпрестанно
возобновляющимся дѣйствіемъ своей свободной воли.

Очищенное такимъ образомъ, монашеское учрежденіе возвра-
щается къ своей нормальной формѣ: эта республиканская и демокра-
тическая форма, и непримѣнимая утопія, которую философы XVIII
вѣка хотѣли предписатьъ свѣтскому обществу, становится дѣйстви-
тельнымъ режимомъ, подъ которымъ живутъ религіозныя общины. Во
всѣхъ нихъ, управляющіе избраны управляемыми; всеобщая ли это
жадача голосовъ или ограниченная, всякое голосованіе стоитъ дру-
гого, голоса считаются по числу лицъ, и, черезъ періодическіе про-
межутки, значительное большинство пользуется снова своимъ пра-
вомъ; у кармелитовъ, это бываетъ каждые три года и чтобъ назна-
чить тайную баллотировку нужно не одно начальствующее лицо, а

всѣ власти, настоятельница, ея помощницы и три монахини-ключаря.—Разъ назначенный, начальникъ, согласно полномочию, остается уполномоченнымъ, т. е. работникомъ, которому поручена извѣстная обязанность, а не привилегированное лицо, которому даровано владѣнiе; его санъ—не освобожденiе отъ чего-нибудь, а излишняя тяжесть: вромѣ обязательныхъ дѣлъ по своей должности, онъ подчиняется всѣмъ обрядамъ правила; сдѣлавшись генераломъ, онъ ведетъ простой образъ жизни солдата; встаетъ такъ же рано, питается совершенно такъ же, какъ всѣ, келья его такъ же гола; его личное содержанiе не стоитъ нисколько дорожо. Командующий десятью тысячами другихъ живетъ такъ же бѣдно, подъ такой же строгой дисциплиной, съ такими же малыми удобствами и съ такимъ же малымъ свободнымъ временемъ, какъ самый послѣднiй братъ. Нѣкоторые, вромѣ суровости общей дисциплины, умерщвляютъ свою плоть сверхъ положеннаго, съ суровостью, которая удивляла и наставляла ея монаховъ. Это идеальное государство теоретика, спартанская республика, гдѣ для всѣхъ, не исключая и начальника, полагается одинаковая порцiя той же черной похлебки.—Другое еще болѣе глубокое сходство. Въ основанiи этой республики находится краеугольный камень, съ надписью, заранѣ сдѣланной Руссо, потомъ обточенный и употребленный, худо ли, хорошо ли, въ установленiяхъ или плембисцитѣ революцiи, консульства и имперiи, чтобъ служить основанiемъ всего зданiя. Этотъ камень—это первобытная и торжественная конвенцiя всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, *соціальный контрактъ*, договоръ, предложенный законодателемъ и принятый гражданами: только въ монашескомъ договорѣ, воля принимающихъ его единодушна, искренна, серьезна, обдуманна, постоянна, а въ политическомъ договорѣ она не такова; такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ второй контрактъ только теоритическая фикцiя, первый—фактическая истина.

Въ маленькомъ религiозномъ городкѣ приняты всѣ предосторожности, чтобъ его будущiй гражданинъ зналъ въ чему и до какой степени онъ обязывается. Экземпляръ правилъ, который ему заранѣ даютъ въ руки, объясняетъ будущее употребленiе каждаго его дня и каждаго его часа и всѣ подробности режима, которому онъ долженъ покоряться. Еще больше, чтобъ предостеречь его отъ иллюзiи и неспѣшности, требуютъ, чтобъ онъ самъ сдѣлалъ опытъ замѣнутой жизни и монашеской дисциплины: у него тогда будетъ опытъ, личный, чувствительный и продолжительный: до принятiя монашескаго званiя, онъ будетъ послушникомъ, по крайней мѣрѣ годъ безъ перерыва. Иногда простые обѣты предшествуютъ торжественнымъ обѣтамъ; у иезуитовъ, существуетъ нѣсколько искусовъ, каждый отъ двухъ до трехъ лѣтъ, которые слѣдуютъ другъ за другомъ и довершаютъ другъ друга; въ другихъ орденахъ постоянный обѣтъ дается только послѣ нѣсколькихъ временныхъ; до двадцати пяти лѣтъ братья христанской школы даютъ обѣтъ только на годъ и только въ двадцать пять лѣтъ даютъ обѣтъ на всю жизнь. Конечно, послѣ столькихъ испытанiй, ищущiй постриженiя бываетъ вполне освѣдомленъ, вромѣ того, въ этому прибавляютъ наблюденiя его руководителей. Они слѣдятъ за нимъ день за днемъ, въ его внѣшней волѣ, дѣйствительной и объявленной, они прибавляютъ свою волю, глубокую.

тайную и будущую; если они находятъ ее недостаточной или сомнительной, они откладываютъ окончательное рѣшеніе или пренебрегаютъ ему совершенно: „Дитя мое, подождите, ваше призваніе еще не опредѣлилось;“ или: „Другъ мой, вы не созданы для монастыря, вернитесь въ свѣтъ.“ Никогда социальный контрактъ не подписывался болѣе сознательно, болѣе обдуманнѣе выборомъ, послѣ болѣе внимательнаго размышленія: условія, которыя революціонная теорія требовала отъ ассоціаціи людей, всѣ исполнены, и мечта якобинцевъ осуществлена. Но они хотѣли осуществить ее на этой почвѣ: по странному контрасту, который кажется ироніей исторіи, эта мечта созерцательнаго ума произвела въ мірскомъ строѣ только планы, начертанные на бумагѣ, обманчивую и опасную декларацию правъ, призывы къ возмущенію или къ диктатурѣ: несвязные или мертворожденные проекты, однимъ словомъ, доноски или чудовища: въ религіозномъ строѣ, онъ прибавляетъ къ живому міру тысячи живыхъ существъ, бесконечно жизнеспособныхъ. Такъ что, изъ слѣдствій французской революціи одно изъ самыхъ главныхъ и самыхъ прочныхъ—это возстановленіе монашескихъ учрежденій.

Непрерывно, со всѣхъ сторонъ, отъ консульства и до нашихъ дней, они возникаютъ и умножаются. То на старыхъ стволахъ, срубленныхъ революціоннымъ топоромъ, возникаютъ и умножаются новые побѣги. Въ 1800 году «возстановленіе какой-нибудь корпораціи возмущало всѣ идеи времени».

Но администраторы консульства нуждались въ добровольныхъ услугахъ для своихъ госпиталей: въ Парижѣ министръ Шанталь открываетъ настоятельницу, которую онъ когда-то зналъ, поручаетъ ей собрать десять или двѣнадцать оставшихся въ живыхъ товаровъ, устраиваетъ ихъ на улицѣ Вье-Коломбье, въ домѣ, принадлежащемъ госпиталю, который онъ устраиваетъ для 40 послушницъ; въ Лионѣ онъ замѣчаетъ, что сестры главнаго госпиталя должны были, для того чтобы продолжать службу, надѣть свѣтское платье; онъ разрѣшилъ имъ снова надѣть свой костюмъ и прикрѣпить кресты; онъ даетъ имъ 2000 франковъ, чтобы купить все необходимое и когда онѣ надѣли свою прежнюю форму, онъ представляетъ ихъ живому консулу. Вотъ на учрежденіи Сен-Винсень де Поль въ Парижѣ и на учрежденіи Сен-Шарля въ Лионѣ возникла первая почка, очень маленькая и слабая. Въ наши дни конгрегація Сен Шарля, кромѣ главной общины въ Лионѣ, имѣетъ еще 102 общины, съ 2226 монахинями, а конгрегація Сен-Винсень-де-Поль, кромѣ главной общины въ Парижѣ, имѣетъ еще 88 другихъ, съ 9130 монахинями. Часто на стволѣ обрубленномъ революціей, новая растительность выходитъ болѣе роскошная, чѣмъ прежняя: въ 1789 году учрежденіе братьевъ христіанскихъ школъ имѣло 800 членовъ; въ 1845 году—4000; 1878 году—9818; къ 31 декабря 1898 года ихъ 12245. Въ 1789 году оно насчитывало 126 общинъ; въ 1888 году ихъ уже 1286.—Между тѣмъ, рядомъ со старыми насажденіями, возникаетъ внезапно множество независимыхъ ростковъ, новаго рода и вида, каждый со своими правилами и своимъ особеннымъ названіемъ; въ страстной четвергъ 1 го апрѣля 1792 года, какъ разъ въ день декрета, которымъ законодательное собраніе уничто-

жаетъ всё религіозныя общины, возникаетъ одно, а именно, община сестеръ христіанскаго уединенія, въ Фонтенеллѣ, и изъ года въ годъ, не переставая, въ продолженіе цѣлаго вѣка, то тамъ, то сямъ, подобныя растенія неожиданно выходятъ изъ земли; перечислять ихъ было бы слишкомъ долго; толстый официальный томъ, больше 400 страницъ, наполненъ простымъ перечисленіемъ именъ, мѣстъ и цифръ.—Этотъ томъ, опубликованный въ 1878 году, раздѣляетъ религіозныя учрежденія на двѣ группы. Въ первой, которая содержитъ законно утвержденныя общины, находятся сначала пять мужскихъ конгрегацій, у которыхъ есть 224 учрежденія съ 2418 членами, и 23 мужскихъ асоціаціи, у которыхъ 20341 членъ и 3086 школъ; потомъ 259 женскихъ конгрегацій и 644 женскихъ общины, у которыхъ 3196 учреждений и 16478 школъ, а членовъ 113750.

Во второй группѣ, заключающей въ себѣ не утвержденныя общества, находятся 384 мужскихъ учреждений съ 7444 членами, и 602 женскихъ учрежденія, съ 14003 членами; въ итогъ, въ общихъ группахъ—30287 монаховъ и 127753 монахини. По отношенію къ общему населенію, соотношеніе монаховъ въ 1789 году и въ наши дни одно и то же; только духъ ихъ поремѣнился: теперь всё хотятъ оставаться въ своемъ состояніи, а въ 1789 году двѣ трети хотѣли выйти изъ него. Что касается отношенія монахинь, оно возросло сверхъ всякаго ожиданія. На 1000 женщинъ въ 1789 году было 26 монахинь; въ 1866 году—45; въ 1878 году —67.

Кармелитки, кларисы, дочери сердца Іисуса, возстановительницы, сестры Св. Причастія, визитандинки, францисканки, бенедиктинки и тому подобныя, около 4000 монахинь, созерцательныя монахини. Картезианцы, систерціанцы, трапписты и нѣкоторые другіе, около 1800 монаховъ, по большою частью работающихъ на землѣ, налаживаютъ на себя работу только какъ придаточное упражненіе: главный и первый предметъ ихъ занятій—молитва, размышленіе, поклоненіе; они тоже проводятъ свою жизнь въ созерцаніи другого міра, а не для службы этому міру. Но всё другіе болѣе 28000 мужчинъ и болѣе 123000 женщинъ, благотворители по своимъ установленіямъ и добровольные труженники, посвятившіе себя опаснымъ, отвратительнымъ, по меньшей мѣрѣ неблагоприятнымъ работамъ; миссіи у дикихъ или варваровъ, уходу за больными, за идиотами, за сумасшедшими, калѣками, неизлечимо больными, содержащую бѣдныхъ стариковъ и брошенныхъ дѣтей, безчисленнымъ богоугоднымъ дѣламъ, помощи и воспитанія, первоначальному обученію, службѣ въ пріютахъ для дѣтей, убѣжищахъ, мастерскихъ, богадѣльняхъ и тюрьмахъ; все это даромъ или за ничтожную плату, благодаря доведенной до minimum'a нуждѣ на физическія потребности и личный расходъ каждаго монаха или монахини. У этихъ мужчинъ и женщинъ обыкновенное равновѣсіе опредѣляющихъ ихъ жизни причинъ перевернулось, въ ихъ душевномъ равновѣсіи не любовь къ себѣ превѣшиваетъ любовь ближнимъ, а любовь къ ближнимъ превѣшиваетъ любовь къ себѣ.—Посмотримъ на одно изъ ихъ учреждений въ моментъ его образованія и мы увидимъ, какъ перевѣсъ переходитъ изъ эгоистическаго инстинкта къ инстинкту социальному.

Всегда при началѣ какаго-нибудь богоугоднаго дѣла, сначала является состраданіе; при видѣ нужды, скотства, разврата, нѣкоторыя добрыя души бываютъ тронуты; душамъ или тѣламъ угрожаетъ опасность, имъ угрожаетъ крушеніе; являются три или четыре спасителя: Въ 1818 году, въ Руанѣ, одна бѣдная дѣвушка, по совѣту своего священника, собрала нѣсколько подругъ въ своемъ городѣ; днемъ онѣ устроили тамъ классъ, а ночью работали себѣ на хлѣбъ, теперь подъ именемъ сестеръ Святого Сердца Іисуса, ихъ уже 800. Въ Лаваль основательница убѣжища для раскаявшихся больныхъ женщинъ простая гладильщица, которая начала свое дѣло, принявъ изъ милосердія двухъ дѣвушекъ: онѣ привели двухъ, и теперь уже существуетъ до сотни подобныхъ учрежденій. Чаше всего основателемъ бываетъ исполняющій должность священника или викарій мѣстечка, который, тронутый мѣстной нищетою, думаетъ сначала устроить только мѣстное благотворительное учрежденіе; такимъ образомъ возникли: въ 1806 году, въ Руиссѣ-на-Луарѣ, конгрегация Провидѣнія, у которой теперь 918 сестеръ и въ 193 домахъ: въ 1817 году, въ Ловаллатѣ, ассоціация Братьевъ Маріи, которая насчитываетъ теперь 3600 братьевъ; въ 1840 году въ Сен-Серванѣ, учрежденіе Сестрицъ бѣдныхъ, которыхъ теперь 2685, безъ всякой помощи, кромѣ милостыни содержащихъ въ своихъ 158 домахъ 20000 стариковъ, изъ которыхъ 13000 находится въ ихъ домахъ во Франціи: онѣ ѣдятъ только послѣ своихъ гостей и ихъ остатки: имъ запрещено принимать какіе-нибудь дары или влады; въ силу ихъ правилъ, онѣ—нищія, просящія милостыню сначала для своихъ стариковъ, а ужъ потомъ, мимоходомъ, и для себя. Обратите вниманіе на обстоятельство, сопровождающія начало предпріятія, и на положеніе основательницъ: это были двѣ деревенскія работницы, молодая дѣвушка шестнадцати и семнадцати лѣтъ, которымъ приходскій викарій написалъ «маленькое правило»; по воскресеньямъ, въ ущельѣ утеса, на берегу моря, онѣ вмѣстѣ изучали это краткое наставленіе и размышляли надъ нимъ, потомъ исполняли предписанныя набожныя дѣла, распределенныя по известнымъ часамъ, молитвы, стояніе въ церкви, изслѣдованіе своей совѣсти и другіе обряды, еднотвенное повтореніе которыхъ развиваетъ и усиливаетъ въ умѣ идею «верхъестественнаго: вотъ, кромѣ естественной жалости, та сила, которая утверждаетъ непоколебимую волю и навсегда поддерживаетъ душу въ самоотверженіи.—Въ Парижѣ, въ двухъ залахъ префектуры полиціи, гдѣ арестованныя публичныя женщины и воровки остаются одинъ или два дня въ предварительномъ заключеніи, монахини Маріи-Іосифа, обреченныя своимъ обѣтомъ жить въ этомъ стоѣ все время текущей человѣческой грязи, чувствуютъ иногда, что онѣ теряютъ силы; въ счастье, въ уголокъ для нихъ устроена маленькая часовня; онѣ идутъ туда молиться и черезъ четверть часа возобновляютъ свой запасъ мужества и кротости.—Совершенно вѣрно, съ авторитетомъ долгаго опыта, отецъ Этьеннъ, настоятель лазаретовъ и дочерей Сен-Винсента де Поля, говорилъ постороннимъ посѣтителемъ: «Я вамъ объяснилъ подробности нашей жизни, но я не открылъ ея тайны. Вотъ ея тайна: это Іисусъ Христосъ, котораго мы знаемъ, любимъ и которому мы служимъ въ евхаристіи.»

II.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда христіанинъ на боляняхъ готовился къ принятію причастія, онъ иногда переставалъ видѣть Святые Дары; они исчезали; на ихъ мѣстѣ онъ видѣлъ святого младенца или сіяющей ликъ Спасителя и, по словамъ отцовъ церкви, это было не иллюзія, но озареніе; завѣса приподнялась; душа находится лицомъ къ лицу съ своимъ объектомъ, съ Іисусомъ Христомъ, присутствующимъ въ евхаристіи; у нея было *второе зрѣніе*, безконечно болѣе высокое чѣмъ первое, прямое и полное, дарованное милостью свыше, сверхъестественное зрѣніе.—Этимъ примѣромъ который есть крайній случай, можно понять, изъ чего состоитъ вѣра: это необыкновенная способность, идущая рядомъ съ нашими естественными способностями и иногда на встрѣчу имъ; черезъ предметы, которые представляютъ намъ наблюденіе, оно открываетъ намъ то, что находится *по ту сторону*, величественный и грандіозный міръ, одинъ дѣйствительно реальный, для котораго нашъ міръ—только временное покрывало. Въ самой глубинѣ души, гораздо глубже того искусственнаго слоя, который мы сознаемъ, накопляются впечатлѣнія, какъ подземныя воды; тамъ подъ давленіемъ и отъ жара присущихъ инстинктовъ, образуется живой источникъ, и тайно растекается и кипитъ; чуть случится какой-нибудь толчокъ, трещина и онъ внезапно поднимается, прорывается и выбивается наружу: человекъ который содержалъ его въ себѣ и въ которомъ онъ вышелъ изъ береговъ, удивленъ этимъ наводненіемъ, и не узнаетъ самъ себя; вся видимая поверхность его сознанія перевернута и обновлена; на мѣстѣ его прежнихъ мыслей, шаткихъ и отрывочныхъ, онъ находитъ неотразимое и связанное вѣрованіе, принятую идею, ясное представленіе, страстное утвержденіе, иногда даже положительныя понятія, особаго рода, приходящія не снаружи, а изнутри, не просто умственныя внушенія, какъ нѣмые діалоги подражанія и „интеллектуальныя выраженія“ мистиковъ, но настоящія физическія ощущенія, какъ подробныя видѣнія св. Терезы, ясно слышавшіяся голоса Жаннѣ д'Аркъ и тѣлесныя раны св. Франциска.

Въ I столѣтіи это *по ту сторону*, открытое мистической способностью было *царство Бога*, въ противоположность царствъ земныхъ; въ глазахъ открывателей эти царства не стояли ничего; проникающимъ угадываніемъ нравственнаго и социальнаго инстинкта, эти великодушныя великія и простые сердца поняли внутренний недостатокъ всѣхъ государствъ или обществъ вѣка. Эгоизмъ былъ слишкомъ силенъ въ нихъ; въ нихъ не хватало милосердія, способность любить другого, какъ самаго себя и любить такимъ образомъ не только нѣкоторыхъ, но всѣхъ, каковы они ни были, по одной только причинѣ, что они люди, особенно униженныхъ, маленюкыхъ и бѣдныхъ, другими словами, добровольнаго подавленія аппетитовъ, благодаря которымъ человекъ дѣлаетъ себя центромъ и подчиняетъ себѣ другія жизни, отреченіе отъ «вождедѣнія плоти, глазъ и честолюбія, дерзости богатства и роскоши, силы и власти». Прямо противъ человѣческаго строя и по контрасту родилась и вы-

росла идея божественнаго порядка; небесный Отецъ, его царство на небѣхъ, и скоро, быть можетъ завтра, его царство на землѣ; его Сынъ, пришедшій на землю, чтобы установить тамъ это царство, и умершій на крестѣ для спасенія людей; послѣ него, посланный имъ, его Духъ, внутреннее дуновеніе, оживляющее его учениковъ и продолжающее его дѣло; всѣ люди братья, любимыя дѣти одного общаго отца; тамъ и сямъ, группы людей узнавшихъ эту «добрую вѣсть» и распространяющихъ ее, маленькія разбросанныя общества, живущія въ ожиданіи идеальнаго строя и мѣжду тѣмъ, до срока, съ настоящаго времени осуществляющія его, «имѣя всѣ только одно сердце и душу, каждый продавая свое имущество, чтобы отдать деньги, вырученныя за него, въ общину не оставляя себѣ ничего, каждый получая отъ общины то, въ чемъ они нуждались, «чтобъ существовать», счастливые своей общей жизнью, взаимной любовью и опущеніемъ чистоты духовной.

Это появившійся въ душѣ новый двигатель и регуляторъ, могу щественный органъ приумноженія, примѣненный, дѣйствительный, приобретенный внутренней метаморфозой и передѣлкой, подобный крыльямъ, которыми наѣкомое снабжается послѣ лианія. Во всякомъ живомъ организмѣ, нужда, ошущью и подборомъ, такъ производитъ органъ, возможный и требуемый. Въ Индіи, за пятьсотъ лѣтъ до нашей эры, это былъ буддизмъ; въ Аравіи, шестьсотъ лѣтъ спустя нашей эры магометанство; въ нашихъ западныхъ государствахъ это христіанство. Теперь, спустя восемнадцать столѣтій на двухъ континентахъ, отъ Урала до Скалистыхъ горъ, въ русскихъ мужикахъ и американскихъ сеттлерахъ, оно дѣйствуетъ такъ же, какъ прежде въ ремесленникахъ Галилеи, совершенно такъ же подчиняя любовь къ себѣ, любви къ другимъ, ни сущность ея ни примѣненіе не измѣнились; подъ ея оболочкой, греческой, католической или протестантской оно еще, для 400 милліоновъ человѣческихъ существъ, духовный органъ, огромная пара крыльевъ, необходимыхъ для того, чтобъ поднять человѣка выше самаго себя, выше его преобладающей жизни и ограниченныхъ горизонтовъ, чтобы съ терпѣніемъ, покорностью и надеждой вести его къ спокойствію, чтобъ вознести его выше воздержанія, чистоты и доброты до самоотверженія и жертвы. Всегда и вездѣ, въ продолженіе восемнадцати вѣковъ, лишь только эти крылья ослабѣваютъ, и ихъ ломаютъ, нравы падаютъ. Въ Италіи, во время Возрожденія, въ Англии во время Реставраціи, во Франціи, во время Конвента и Директоріи, человѣкъ обращался въ язычника, какъ въ I вѣкѣ; сразу онъ становился такимъ, какъ во времена Августа и Тиверія, т. е. развратнымъ и жестокимъ; онъ злоупотреблялъ другими и самимъ собой; жестокость и расчелавный эгоизмъ завладѣлъ имъ; жестокость и чувственность распространялись, общество становилось разбойничьимъ притономъ и подозрительнымъ мѣстомъ.—Когда близко представить себѣ это зрѣлище, можно вполне оцѣнить вліяніе христіанства на наши современныя, общества, сколько оно внесло въ нихъ стыдливости, врогости и гуманности, какъ оно поддержало честность, добросовѣстность и правосудіе. Ни философскаго ума, ни артистической и литературной карьеры, ни даже чести, феодальной, военной и рыцар-

ской, никакого свода законовъ, никакой администраціи, никакого правительства недостаточно, чтобъ замѣнить его въ этомъ. Только оно можетъ удержать насъ на настоящемъ пути, чтобъ оградить насъ отъ наклонной плоскости, по которой, не останавливаясь, всей тяжестью природнаго вѣса нашей назадъ идущей расы, мы катимся къ самому дну; и старое Евангеліе, какова бы ни была его настоящая оболочка, и теперь еще лучший помощникъ соціальнаго инстинкта.

Между его тремя современными формами, та, которая группируетъ вокругъ себя больше людей, около 180 милліоновъ, это католицизмъ, другими словами римское христіанство, и эти два опредѣляющія слова резюмируютъ, исторію. По происхожденію, когда возродилась христіанская идея, она выражалась сначала по-еврейски на языкѣ пророковъ и ясновидящихъ; потомъ, сейчасъ же по-гречески, на языкѣ діалектиковъ и философовъ; подъ конецъ, и очень поздно, по-латыни, на языкѣ юрисконсультовъ и государственныхъ людей; отсюда идутъ постепенныя стадіи догматовъ. Всѣ евангельскіе и апостольскіе тексты, написанные по-гречески, всѣ метафизическія разсужденія, поясняющія ихъ, написанныя по-гречески, дошли до западныхъ латинцевъ только въ переводѣ. Въ метафизикѣ же латинскій языкъ дурно передавалъ греческій; ему не хватало словъ и идей; западъ понималъ только наполовину то, что говорилъ востокъ; онъ принялъ его слова безъ спора и записалъ на вѣру. Наконецъ, въ свою очередь, въ IV вѣкѣ, когда, послѣ Θεодосія, онъ отдѣлился отъ Востока, онъ явился со своимъ языкомъ, т. е. съ запасомъ мыслей и словъ, которыми его снабдила его культура; у него тоже были свои способы точнаго опредѣленія, не тѣ, что у Платона и Аристотеля, но другіе также спеціальныя, изобрѣтенныя Ульпіеномъ, Гайусомъ и двадцатью поволеніями юристовъ, оригинальнымъ изобрѣтеніемъ и незабвеннымъ трудомъ римскаго генія. «Говорить о правѣ», внушать людямъ правила ихъ поведения вотъ въ сокращенномъ видѣ весь практическій трудъ римскаго народа; написать это право, формулировать и согласовать эти правила, вотъ въ сокращенномъ видѣ весь его научный трудъ, и у него, въ III, IV и V вѣкѣ, во время упадка всѣхъ другихъ наукъ, правовѣдѣніе было еще въ полномъ ростѣ и силѣ. Вслѣдствіе этого, когда римляне предприняли поясненіе текстовъ и обработку догматовъ, то они сдѣлали это съ привычками и способностями юрисконсультовъ, съ предубѣжденіемъ и задней мыслью государственныхъ людей, съ мысленной и словесной обработкой, свойственной имъ. Въ это время, греческіе отцы церкви, въ борьбѣ съ монофизитами и монотелитами, оканчивали опредѣленіе божественнаго происхожденія; въ то же время, латинскіе отцы церкви, въ борьбѣ съ пелагианцами, полу-пелагианцами и донатистами, основали теорію чело-вѣческаго долга. *Долгъ*, говорили римскіе юристы, это «узы права», которые принуждаютъ насъ дѣлать, или переносить какую-нибудь вещь, чтобъ освободиться отъ долга и изъ этой юридической мысли, представляющей образцовое произведеніе римской юриспруденціи, какъ изъ почки, распускается новый догматъ. Съ одной стороны, мы имѣемъ обязанности относительно Бога; потому что, по отно-

шеніи къ нему, выражаясь правовымъ языкомъ, мы неоплатные должники, наслѣдники безконечнаго долга, неспособные расплатиться и удовлетворить нашего кредитора иначе, какъ черезъ добровольное внимательство сверхчеловѣческаго лица св. Троицы, которое беретъ наши долги на себя; еще точнѣе, мы преступники, виновные своимъ рожденіемъ и передачей крови, осужденные въ массѣ, потѣмъ помилованные въ массѣ, но такимъ образомъ, что эта милость, настоящій подарокъ, не мотивированная никакими нашими заслугами остается всегда условной и отнимаемой, что только для нѣкоторыхъ она становится полной и опредѣленной, что никто изъ насъ не можетъ быть увѣренъ въ ея полученіи, что никто изъ насъ не долженъ отчаиваться въ ея полученіи и что ея распредѣленіе, опредѣленное, тамъ, наверху, заблаговременно, остается для насъ навсегда государственной тайной. Отсюда происходятъ продолжительныя словопрєніа насчетъ предопредѣленія, свободной воли и первоуроднаго грѣха, глубочайшія изслѣдованія челоуѣка до, во время и послѣ паденія; отсюда же происходятъ и принятыя рѣшенія, мало обоснованныя и даже пожалуй, противорѣчивыя, но практическія, умѣренные, превосходныя для того, чтобы держать людей въ вѣрѣ и повиновеніи, подъ духовной и догматической властью, которой одной поручено вести ихъ по пути спасенія.—Съ другой стороны, мы имѣемъ обязанности относительно церкви; потому что она—городъ, „городъ Бога“, и, по римскому опредѣленію, городъ не отвлеченное названіе, коллективный терминъ, а положительная и реальная вещь, «общественная вещь», т. е. существо, отличное отъ мѣстнаго, которая слѣдуютъ въ ней другъ за другомъ, неопредѣленной продолжительности и высшаго рода, божественнаго или почти божественнаго, не принадлежащее отдѣльнымъ лицамъ, а которому они принадлежатъ, организованное тѣло, снабженное формой и строеніемъ, основанное на традиціяхъ, образованное законами и завѣдываемое правительствомъ. Полная власть общины надъ ея членами и самовластное управленіе общиною ея главою, такова римская идея государства и, еще основательнѣе, церкви: она тоже представляетъ собою Римъ, воинствующій, побѣждающій, правящій, предназначенный ко владычеству надъ всѣмъ міромъ, законный государь, какъ и другой Римъ, но съ болѣе высокимъ титуломъ: она носитъ титулъ самого Бога. Это Богъ, который съ начала происхожденія вещей придумалъ заранѣе и приготовилъ ее, который представилъ ее въ ветхомъ заветѣ и возвѣстилъ черезъ пророковъ; это Сынъ Божій, который установилъ ее, который до скончанія вѣковъ не перестанетъ поддерживать ее и руководить ею, который, черезъ свое вдохновеніе присутствуетъ въ ней всегда и дѣйствуетъ черезъ нее. Онъ ей далъ свое откровеніе; одна и черезъ посредство Христа, она имѣетъ второе зрѣніе, знаніе невидимаго, пониманіе идеальнаго строя такимъ, какимъ его установилъ и предписалъ его основатель, вслѣдствіе сохраненія и объясненія Св. Писанія, право опредѣлять догматы и приказы, объяснять и повелѣвать, царить надъ умами и душами, создавать вѣрованія и нравы. Отнынѣ мистическая способность будетъ направляема: въ сущности, это есть способность понимать идеаль, представлять его себѣ въ

видѣннѣхъ, вѣрить этимъ видѣннѣмъ и дѣйствовать согласно этому; чѣмъ она драгоцѣннѣе, тѣмъ важнѣе его руководить. Чтобъ сохранить ее для самой себя, чтобъ защитить ее отъ самовластиа и разнообразія индивидуальнаго чувства, чтобы помѣшать ей перейти въ крайность въ теоріи или на практикѣ, со стороны распушенности или излишней строгости, необходимо руководство.—Что это наследство стараго Рима, каталическая церковь не отрицаетъ: она называетъ себя римскою церквою; она и теперь пишетъ и молится по-латыни; ея столица все еще Римъ; ея глава носить тигуль, которыми нѣкогда въ Римѣ называли главу языческаго культа; съ 1378 года всѣ папы, за исключеніемъ пяти, а съ 1523 года всѣ были итальянцы; теперь въ священной коллегіи изъ шестидесяти четырехъ кардиналовъ тридцать пять итальянцы.—Римскій отпечатокъ становится еще болѣе замѣтнымъ, если сравнить миллионъ христіанъ католиковъ, съ миллионами христіанъ не католиковъ. Изъ первоначальныхъ придатковъ и позднѣйшихъ пріобрѣтеній римской церкви многіе отдѣлились отъ нея; это страны, греческое, славянское и германское населеніе которыхъ не говорило совершенно по-латыни или на какомъ-нибудь языкѣ, происходящемъ отъ латинскаго. Однѣ, или почти однѣ Польша и Ирландія остались вѣрными, потому что у нихъ подъ продолжительнымъ гнетомъ несчастій, католическая вѣра олицетворилась въ національное чувство. Въ другихъ мѣстахъ римская вѣра оказалась непрививающей или почувствовала себя слишкомъ слабой. Наоборотъ, всѣ племена, которыхъ были нѣкогда латинизированы до основанія, остаются католиками; четыре вѣка римскаго владычества и слянія наложили на нихъ слой привычекъ, мыслей и чувствъ, существующій и до сихъ поръ. Чтобъ измѣрить силу этого историческаго наслоенія, достаточно замѣтить, что его составляютъ три элемента, всѣ три современные, одного и того же происхожденія и той же плотности, римскій языкъ, римское гражданское право и римское христіанство: каждый изъ этихъ элементовъ, по своей прочности, обозначаетъ прочность другихъ.

Отсюда глубокія и опредѣленныя черты, которыми теперь католическая вѣтвь отличается отъ другихъ, происшедшихъ отъ того-же христіанскаго корня.—Для протестантовъ, Библия, говорящая словами самого Бога, единственный духовный авторитетъ: всѣ другіе, богословы, отцы церкви, традиціи, папы и соборы—все это человеческое и поэтому погрѣшимо; на самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ случаяхъ, они всѣ серьезно обличались. Но Библия есть текстъ, который каждый читаетъ своими собственными глазами, болѣе или менѣе просвѣщенными и чувствительными, глазами, которые во времена Лютера имѣли чувствительность и просвѣщеніе XIV вѣка, а теперь имѣютъ чувствительность и просвѣщеніе XIX вѣка; такъ что, въ зависимости отъ эпохи и людей, объясненіе можетъ быть различное, и что, если не въ текстѣ, то по крайней мѣрѣ въ смыслѣ текста, оно представлено всецѣло на усмотрѣніе читающей личности.—У грековъ и славянъ, какъ и у католиковъ, оно принадлежитъ только церкви, т. е. главамъ церкви, преемникамъ апостоловъ. Но у грековъ и славянъ, съ IX вѣка, церковь не издавала догма-

товъ; по ея мнѣнію, семь первыхъ соборовъ выразили всю вѣру; послѣ нихъ откровеніе остановилось; догматъ, опредѣленный и полный, былъ оконченъ; надо было только его поддерживать.—Наоборотъ, у католиковъ, послѣ какъ и до этой даты, догматъ не переставалъ развѣваться, опредѣляться, и откровеніе продолжается; тринадцать послѣднихъ соборовъ были такъ-же вдохновенны, какъ семь первыхъ, и первый, въ Иерусалимѣ на которомъ присутствовалъ Св. Петръ, не имѣлъ большихъ преимуществъ, чѣмъ послѣдній, созванный Пиемъ IX въ Ватиканѣ. Церковь не есть «замороженный трупъ», но живое тѣло, управляемое всегда работающею головою, преслѣдующее свое дѣло, не только въ этомъ мірѣ, но также и въ другомъ, сначала, чтобъ его опредѣлить, потомъ чтобъ его описать и назначить всему свои мѣста; еще недавно, она прибавила къ догмату два члена вѣры, безгрѣшное зачатіе Св. Дѣвы и непогрѣшимость папы; она жаловала ультра земные титулы, она объявила св. Іосифа покровителемъ всемірной церкви, она канонизировала св. Лавра и подняла св. Франциска Сальскаго до степени отца церкви. Но несмотря на свою дѣятельность, она консервативна: за все свое прошлое, она не отказывается ни отъ чего; она не беретъ назадъ ни одного изъ своихъ прежнихъ декретовъ; только объясненіями, комментаріями и юридическими вычисленіями, она соединяетъ эти кольца между собой, образуетъ изъ нихъ непрерывную цѣпь, отъ настоящей эпохи до Евангелія и отъ него до Вѣтхаго Завета, до происхожденія міра, такимъ образомъ, чтобъ привести въ соотвѣствіе вокругъ себя всю исторію и всю вселенную. Откровенія и предписанія, составленная такимъ образомъ доктрина—колоссальный трудъ, такой-же удобопонятный, какъ и точный, аналогичный съ Дигестомъ *), но болѣе обширный, потому что кромѣ каноническаго права и нравственнаго богословія, онъ содержитъ въ себѣ догматическое богословіе, т. е. кромѣ теоріи видимаго міра, теорію невидимаго міра и его трехъ областей, географію ада, чистилища и рядъ обширныхъ территорій, относительно которыхъ наша земля только прихожая, территорій неизвѣстныхъ, недоступныхъ чувству и разуму, но границы, входы, выходы и раздѣленія, которыхъ, а также обитатели и все, что ихъ касается,—ихъ условія, ихъ способности и способы сообщенія,—опредѣлены, какъ на картѣ Петитера и въ *Noticia impregii homani*, съ ясностью, точностью и необыкновенной строгостью, комбинаціей ума положительнаго и ума мистическаго, богословами, которые въ одно и то же время христіане и администраторы. Посмотрите *Сонъ* святого Тома; еще теперь, его орденъ, доминиканцы, снабжаютъ Римъ консультантами въ догматическихъ случаяхъ; или, еще лучше, чтобъ сократить и представить схоластическія формулы въ яркихъ краскахъ, прочитайте *Божественную комедію* Данте: еще и теперь для воображенія эта картина есть совершенно ясное, самое яркое изображеніе человѣческаго и божественнаго міра такъ, какъ его понимала католическая церковь. Она держитъ его влючи, она тамъ царитъ и управляетъ. На многочисленныя души и умы, которые, отъ природы или отъ воспитанія

*) Сборникъ рѣшеній римс. куріатовъ.

поддаются дисциплинѣ, чувствуютъ отвращеніе къ личной инициативѣ, которые нуждаются въ твердомъ и систематическомъ руководствѣ, престижъ подобнаго управленія неограниченъ, и равенъ или даже выше того, который римское государство имѣло на 120 милліоновъ своихъ поданныхъ. Въ имперіи все имъ казалось анархіей или варварствомъ; то же чувство у католиковъ по отношенію къ ихъ церкви. Духовная или свѣтская, власть имѣетъ много шансовъ, чтобъ быть принятой и почитаемой, когда, всегда видимая и вездѣ присутствующая, она ни самовластна, ни капризна, но всегда справедлива, руководствующаяся текстами, традиціей, законодательствомъ и правосудіемъ, происходящая сверху и болѣе чѣмъ изъ гуманнаго источника, освященная древностью, предусмотрительностью, послѣдовательностью и величіемъ своего дѣла, однимъ словомъ, тѣмъ характеромъ, который только одинъ латинскій языкъ способенъ выразить словомъ *величіе*.

Между дѣйствіями, которыя религіозная власть предписываетъ своимъ поданнымъ, есть нѣкоторыя, которыя она предписываетъ отъ своего собственнаго имени, ритуалы, внѣшніе обряды и другіе правила, изъ которыхъ главныя, въ католическомъ катехизисѣ, составляютъ продолженіе «заповѣдямъ Бога» и называются «заповѣди церкви». У протестантовъ, гдѣ почти исчезла власть церкви, обряды почти исчезли; взятыя сами по себѣ, они не считались болѣе обязательными или заслуживающими вниманія: самыя вѣрныя, даже сама Евхаристія, сохранены только какъ воспоминаніе и свидѣтельство; всѣ другіе, посты, воздержаніе, паломничество, культъ святыхъ и Св. Дѣвы, реликвій и креста, чтеніе словъ, заученныхъ наизусть, колѣнопреклоненіе и распростираніе передъ образами и алтарями, были объявлены ненужными; въ отношеніи положительныхъ предписаній осталось только чтеніе библіи, а христіанскія обязанности, освобожденныя отъ внѣшнихъ обрядовъ, свелись къ душевной набожности, нравственнымъ добродѣтелямъ, правдивости, честности, умеренности, предусмотрительности, къ энергичной волѣ соблюдать приказъ, который человекъ получилъ подъ двумя формами, и который онъ можетъ читать въ двухъ согласованныхъ экземплярахъ, въ Библии, разъясненной его совѣстью, и въ совѣсти, просвѣщенной Библией. Вслѣдствіе этого, протестантскій священникъ пересталъ быть посланникомъ свыше, неизбѣжнымъ посредникомъ между человекомъ и Богомъ, единственнымъ человекомъ, имѣющимъ право отпустить наши грѣхи и управлять обрядами, безъ которыхъ мы не можемъ получить спасенія; онъ—обыкновенный человекъ, болѣе серьезный, болѣе ученый, болѣе набожный и болѣе примѣрный, чѣмъ другіе, но, какъ другіе, женатый, отецъ семьи, членъ общества, однимъ словомъ, полу свѣтскій человекъ.

Свѣтскіе люди, которыми онъ руководить, обязаны ему почтеніемъ, но не повиновеніемъ; онъ не отдастъ приказаній; онъ не произноситъ приговоровъ; проповѣдь съ каеодры во время собранія его главная обязанность, почти единственная, и эта проповѣдь имѣетъ только одинъ предметъ, поученіе или увѣщаніе.—У грековъ и славянъ, гдѣ власть церкви только охраняющая, остались всѣ обряды XII вѣка, такіе-же строгіе въ Россіи, какъ въ Малой Азіи или

Греція, хотя посты, легко переносимые южными желудками, вредны для сѣверныхъ темпераментовъ. Эти обряды даже приобрѣли основную важность; дѣятельная сила, ушедшая изъ богословія и изъ духовенства, находится только въ нихъ; въ почти парализованной религіи, они являются единственнымъ живымъ органомъ, такимъ-же сильнымъ и иногда даже болѣе сильнымъ, чѣмъ духовная власть. въ XVII вѣкѣ, при патріархѣ Никонѣ, изъ-за незначительныхъ поправокъ въ литургіи, изъ-за одной буквы, измѣненной въ правописаніи слова Іисусъ, изъ-за крестнаго знаменія тремя пальцами, вмѣсто двухъ, тысячи «старовѣровъ» отдѣлились, и теперь этиже раскольниковъ, умножившихся разными сектами, цѣлыя милліоны. Опредѣленный обычаемъ, всякій обрядъ считается священнымъ, неизмѣненнымъ и, если онъ точно совершенъ, достаточенъ и дѣйственъ самъ по себѣ; попъ, произносящій слова и дѣлающій жесты, не что иное, какъ часть механизма, одинъ изъ инструментовъ, требуемыхъ для волшебнаго колдовства; послѣ того какъ онъ это сдѣлалъ, онъ возвращается въ свое человѣческое ничтожество; онъ только служащій, которому платятъ за исполненіе его должности. И эта должность не возвышена у него видимымъ и необыкновеннымъ отреченіемъ, постояннымъ безбрачіемъ, обѣщаннымъ и сдержаннымъ воздержаніемъ: онъ женатъ, отецъ семейства, занятый, принужденный стричь свою паству, чтобъ существовать со своей семьей, вслѣдствіе этого мало уважаемый; ему не хватаетъ нравственнаго вліянія: онъ не пастырь, которому повинуются, но священнослужитель, которымъ пользуются.

Совершенно другая роль священника въ католической церкви; теоріей своихъ обрядовъ, она даетъ ему несравнимое ни съ чѣмъ достоинство и настоящую личную власть. По этой теоріи, обряды имѣютъ присущее имъ свойство; безъ сомнѣнія имъ нужна умственная поддержка, которая есть искреннее благочестіе; но безъ нихъ искренняго благочестія недостаточно; ему не достаетъ его окончательной продолжительности, его достойнаго или «удовлетворяющаго» окончанія, положительнаго акта, посредствомъ котораго мы искупаемъ обиду противъ Бога и довазываемъ наше повиновеніе церкви. Церковь, живой истолкователь Бога, предписываетъ эти обряды; она ихъ госпожа, а не служанка; она имѣетъ право примѣнять ихъ подробности и форму къ нуждамъ и обстоятельствамъ, ослаблять и упрощать, смотря по времени и по мѣсту, устанавливать причастіе подъ однимъ видомъ, замѣнять хлѣбъ облатками, уменьшать число и строгость старинныхъ постовъ, опредѣлять дѣйствіе различныхъ благочестивыхъ дѣлъ, примѣнять, уничтожать и передѣлывать эти цѣлебныя дѣйствія, опредѣлять каждому благочестивому дѣлу его цѣну и вознагражденіе, измѣрять пользу, которую оно приноситъ, ошибки, которыя оно изглаживаетъ и милости, которыя оно приобретаетъ, не только въ этомъ мірѣ, но и въ другомъ. Въ силу своихъ административныхъ привычекъ, съ точностью бухгалтера, она оцениваетъ свои индულгенціи и отмѣчаетъ свои условія: за такую то молитву, повторенную столько-то разъ, въ такой-то день и при такомъ-то случаѣ, нѣсколькими днями меньше въ чистилищѣ, куда всякій христіанинъ, даже набожный, почти неизбѣжно попадаетъ

послѣ смерти, или уменьшеніе заслуженнаго наказанія и право, если онъ отказывается отъ этого уменьшенія, перенести его на другого. Въ силу своихъ властныхъ привычекъ и чтобъ утвердить свое господство, она считаетъ однимъ изъ крупныхъ грѣховъ, неисполненіе назначенныхъ ею обрядовъ: «не слушать обѣдни по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, ѣсть мясо въ пятницу или субботу безъ необходимости», не исповѣдываться и не причащаться въ Пасху—смертный грѣхъ «отъ котораго теряется милость Божія и который заслуживаетъ вѣчное наказаніе», такъ-же какъ «убійство и кража чего-нибудь важнаго». Для этихъ грѣховъ, непрощающихся самихъ по себѣ, есть только одно прошеніе, отпущеніе, данное священникомъ, т. е. впередъ, исповѣдь, сама по себѣ одинъ изъ обрядовъ, который мы обязаны исполнять, по точному приказанію, не рѣже, какъ одинъ разъ въ годъ.

Этой обязанностью католическій священникъ поднимается выше обыкновеннаго человѣка на несоизмѣримую высоту, потому что за исповѣдью онъ пользуется высшей властью, той, которую употребить Богъ на послѣднемъ судѣ, могущественною властью отпустить или не отпустить грѣхи, осуждать или прощать или, если онъ убожа смерти, послать душу, нераскаянную или раскаявшуюся, въ вѣчность блаженства или въ вѣчность страданій. Ни одно созданіе, земное или небесное, даже высшіе архангелы, св. Іосифъ или св. Дѣва не имѣютъ этого дѣйствительно божественнаго преимущества. Онъ одинъ владѣетъ имъ, чрезъ особое полномочіе, въ силу спеціальнаго посвященія, обряда, который даетъ имъ привилегію пожаловать имъ пять другихъ, и который отмѣчаетъ его на всю жизнь особеннымъ саномъ, неизгладимымъ, сверхъестественнымъ. Чтобъ стать достойнымъ его, онъ даетъ обѣтъ безбрачія, общаетъ уничтожить въ своемъ тѣлѣ и въ своемъ сердцѣ половыя потребности, запрещаетъ себѣ жениться и имѣть дѣтей, уединеніемъ избѣгаетъ вліянія, любопытства и нескромностей семьи, онъ принадлежитъ только своей должности. Онъ приготовлялся къ ней долго, онъ изучалъ нравственное и казуистическое богословіе, онъ криминалистъ: и его приговоръ не есть неопредѣленное прошеніе кающихся, послѣ того какъ они въ общихъ чертахъ признались въ своихъ грѣхахъ.

Онъ долженъ опредѣлить важность ихъ грѣховъ и силу раскаянія, узнать факты и подробности паденія и число повтореній того-же грѣха, усиливающія или смягчающія обстоятельства, разспросами проникать въ глубину ихъ души. Если души богобоязненны, онъ отдаются ему сразу, больше того, онъ обращаются къ нему вѣ исповѣдальни: онъ предписываетъ имъ особый путь, по которому онъ должны идти, онъ руководитъ ими на всѣхъ поворотахъ; его внимательство ежедневно, онъ становится *директоромъ*, какъ говорили въ XVII вѣкѣ, *директоромъ* оффиціальнымъ и постояннымъ одной или нѣсколькихъ жизней. Еще и теперь такъ же бываетъ со многими вѣрными, особенно съ женщинами и монахинями; центральная идея, вокругъ которой вертятся всѣ римскія идеи, идея *іерархическаго* управленія, нашла полное примѣненіе и достигла конечной крайности. Изъ этихъ духовныхъ начальниковъ теперь есть около

180,000, во всѣхъ частяхъ свѣта, каждый наблюдающій за 1000 душъ и специальный пастьеръ стдѣльнаго стада, всѣ подчиненные епископамъ, утвержденными папой, который есть абсолютный монархъ, объявленный таковымъ на соборѣ. Постепенно, въ новомъ Римѣ, какъ и въ древнемъ, власть такъ сконцентрировалась, что очутилась совершенно въ рукахъ одного человѣка. Ромулу, албанскому пастиху, унаслѣдовалъ Цезарь Августъ, Константинъ и въ теодосій, официальный титулъ котораго былъ «ваша вѣчность», «ваше божественность», и ихъ декреты называли «неизмѣняемымъ оракуломъ». Петру, рыбаку изъ Галилеи, наследовали непогрѣшимые римскіе первосвятители, официальный титулъ которыхъ «ваше святѣйшество» и декреты которыхъ для всѣхъ католиковъ «неизмѣнимые оракулы», на дѣлѣ такъ же, какъ и по закону, не гиперболоза, но истина со всею полнотою смысла выраженная точными словами. Такимъ образомъ преобразовалось императорское учрежденіе; оно только перешло изъ одного владѣнія въ другое; только, переходя отъ свѣтскаго сословія къ духовному, оно сдѣлалось прочнѣе и сильнѣе, — потому что оно избавилось отъ двухъ недостатковъ, ослаблявшихъ его римскій образецъ. Съ одной стороны, оно помогло передать высшей власти; въ старомъ Римѣ не сумѣли ея воспользоваться; отсюда произошла, въ случаяхъ освобожденія мѣста, такая жестокая конкуренція, и всѣ эти столкновения, жестокости, насильственные присвоения власти, всѣ ужасы анархіи.

Въ католическомъ Римѣ избраніе римскаго первосвятителя принадлежитъ коллегіи прелатовъ, подающихъ голоса, согласно установленнымъ правиламъ: при большинствѣ двухъ третей они назначаютъ новаго папу вотъ уже четыре вѣка, какъ эти выборы не оспаривались; отъ умершаго папы въ ту же минуту, безъ всякаго колебанія всеобщее повиновеніе переходитъ къ его избранному преемнику и во время междуцарствія, какъ и послѣ его, въ церкви не происходило никакого раскола. Съ другой стороны въ законномъ титулѣ Цезаря Августа была недостаточность.

По римскому праву онъ былъ только представитель народа; весь народъ отдалъ ему свои права; но всемогущество было вѣстаети только въ немъ. По каноническому праву всемогуществомъ обладаетъ только Богъ; не католическая община имъ владѣетъ и передаетъ его папѣ, его права приходятъ къ нему изъ другого источника, болѣе высокаго. Онъ не избранникъ народа, но посредникъ, викарій и представитель Иисуса Христа.

III.

И вотъ теперь католическая церковь — государство, устроенное по типу старой римской имперіи, независимое и автономное, монархическое и централизованное, имѣющее въ своемъ владѣніи не только земли, но и души, — частью международное, подъ властью неограниченнаго и космополитическаго государя котораго находятся и миряне, подданные разныхъ государей. Отсюда для католической церкви во всѣхъ странахъ существуетъ совершенно особое положеніе, гораздо болѣе трудное, чѣмъ для церкви греческой, славян-

ской или протестантской; въ каждомъ государствѣ эти трудности разнообразятся, смотря по характеру государства и по формѣ, которую тамъ приняла католическая церковь. Со времени конкордата, во Франціи онѣ серьезнѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Въ самомъ дѣлѣ, когда, при своемъ возникновеніи въ 1802 году она получила свою французскую форму, то у нея была связность и система, въ силу общаго и правильнаго плана, по которому она представляла изъ себя только отдѣленіе въ кадрѣ. По своему конкордату, по своимъ главнымъ членамъ и своимъ декретамъ, Наполеонъ, согласно идеямъ времени и принципамъ законодательнаго собранія, хотѣлъ сдѣлать изъ всего духовенства, а особенно изъ духовенства католическаго, подотдѣлъ своего административнаго персонала, корпусъ чиновниковъ, простыхъ агентовъ, вѣдающихъ религіозными дѣлами, какъ другіе гражданскими, смѣняемыхъ и управляемыхъ; на самомъ дѣлѣ подъ его властью всѣ и были таковыми, включая и епископовъ, потому что, по его приказанію, они немедленно подавали въ отставку. И теперь всѣ они остаются такими же, исключая епископовъ, потерявъ владѣніе своими мѣстами и независимость своей жизни благодаря поддержкѣ консульскихъ и императорскихъ учреждений, благодаря смѣняемости, благодаря уничтоженію каноническихъ и гражданскихъ гарантій, покровительствующихъ нѣкогда низшему духовенству, благодаря уничтоженію духовнаго суда, благодаря ослабленію мѣстной и нравственной связи, которая нѣкогда прикрѣпляла каждое духовное лицо къ земельному владѣнію, къ организованному корпусу, къ участку земли, къ паствѣ, благодаря недостатку всякихъ пожертвованій, благодаря приведенію всѣхъ духовныхъ лицъ въ униженное и непрочное положеніе чловѣка, живущаго на жалованье.

Такой режимъ устанавливаетъ почти всеобщую зависимость, вълѣдствіе совершенной покорности, кротости, пассивнаго повиновенія, однимъ словомъ, согбеннаго положенія чловѣка, который не можетъ держаться на своихъ собственныхъ ногахъ: духовенство, къ которому его примѣняютъ, не можетъ не быть управляемымъ свыше, и эта власть епископы, главные помощники папы, которые отдають ему приказы. Назначенный папой, каждый изъ нихъ пожизненный властитель французской провинціи, всемогущій въ своемъ округѣ: мы уже видѣли до какой высоты поднялась его нравственная и общественная власть, какъ онъ распоряжается, какъ онъ сдѣлалъ изъ духовенства дисциплинированный полкъ, изъ какого класса общества онъ пополняетъ ихъ ряды, какими приготовленіями и какой тренировкой всякій священникъ, включая и его самого, представляетъ собой солдата на мосту; какъ эта оккупационная армія, раздѣленная на девяносто полковъ и состоящая изъ пятидесяти тысячъ священниковъ, наполняется специальными корпусами, подчиненными, еще болѣе суровой дисциплинѣ, монашескими конгрегациями, четырьмя или пятью тысячами религіозныхъ учреждений, почти всѣхъ трудящихся и благотворительныхъ; какъ съ подчиненности и выправкѣ блага духовенства прибавляется энтузіазмъ и усердіе чернаго духовенства, полная преданность, чудесное самоотверженіе ста двадцати семи тысячъ монахинь, какъ это огромное

тѣло, воодушевленное однимъ духомъ, не останавливалось ждать выѣстъ со всѣми своими свѣтскими клиентами, въ одной цѣли, которая есть поддержка его владычества надъ всѣми пріобрѣтенными имъ душами и побѣда надъ всѣми душами, надъ которыми оно еще не установило своего владычества.

Нѣтъ ничего болѣе оскорбительнаго для французскаго государства; оно тоже, созданное, какъ и церковь, по римской модели, властолюбиво и всепоглощающе. Въ глазахъ Наполеона всѣ эти священники, которыхъ онъ назначалъ или утверждалъ, которые приносили ему присягу, которымъ онъ платилъ годовое или третное жалованье, принадлежали ему вдвойнѣ, сначала въ качествѣ подданныхъ, потомъ въ качествѣ чиновниковъ. Его преемники были еще склонны думать такъ же; въ ихъ рукахъ государство таково же, какимъ онъ его сдѣлалъ, т. е. оно то-же самое, такой-же кулакъ, убѣжденный, что его права неограниченны и что вездѣ его вмѣшательство законно, привышій управлять большимъ, чѣмъ онъ можетъ и оставлять людямъ только малѣйшую часть самихъ себя, враждебный учрежденіямъ, которая могли бы стать между ними, недоверчивый и недоброжелательный ко всѣмъ группамъ, способнымъ къ коллективному дѣйствию и внезапной инициативѣ, особенно къ владѣльческимъ классамъ. Обратившее самого себя въ ежедневнаго наблюдателя, въ законнаго опекуна, въ вѣчнаго и щепетильнаго руководителя нравственности обществъ, захватывающаго ихъ владѣнія, основывающаго и направляющаго образование и благотворительность, оно постоянно сталкивается съ церковью. Она изъ всѣхъ нравственныхъ обществъ самая живая: она не даетъ себя поработить, какъ другія, она имѣетъ свою собственную душу, свою вѣру, свою организацію, свою іерархію и свой сводъ правилъ; противъ правъ государства, основанныхъ на человѣческомъ разумѣ, она противопоставляетъ свои права, основанные на божественномъ откровеніи, и, чтобъ защищаться противъ него, она находитъ въ французскомъ духовенствѣ, такомъ, какимъ его сдѣлало государство въ 1802 году, самую дисциплинированную милицію, лучше всего сформированную, наиболѣе способную дѣйствовать по приказу и по военному слѣдовать всякому побужденію, которое ея духовные начальники хотятъ ей внушить.

Въ другомъ мѣстѣ, конфликтъ менѣе постояненъ и менѣе остръ; два условія, которыя его обостряютъ и поддерживаютъ во Франціи, не вездѣ существуютъ: гдѣ нѣтъ одного, гдѣ нѣтъ другого, а гдѣ и обоихъ. Въ другихъ странахъ Европы церковь не подверглась французской формѣ и трудности тамъ гораздо меньшія: въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, она не только подверглась французской формѣ, но государство, либеральное по принципу, запретило себѣ вмѣшательство, какъ во французскомъ государствѣ, и затрудненій, тамъ почти не существуетъ. Очевидно, если хотѣли ослабить или предупредить конфликтъ, то это было бы первой или второй изъ этихъ двухъ политикъ. Но по установленію и традиціямъ, французское государство, всегда захватывающее, пытается всегда идти по противоположной дорогѣ.—То, какъ во время послѣднихъ лѣтъ реставраціи и первыхъ лѣтъ второй имперіи, оно заключаетъ союзъ съ церковью; каждая изъ этихъ двухъ властей помогаетъ другой

господствовать; вмѣстѣ и по взаимному соглашенію онѣ думаютъ управлять всѣмъ человѣкомъ. Въ этомъ случаѣ двѣ централизаціи, одна духовная, другая свѣтская, обѣ возрастающія и чудесно распространившіяся въ продолженіе вѣка, дополняютъ одна другую, чтобъ надавить человѣческую личность; за нею наблюдаютъ, ее преслѣдуютъ, хватаютъ, его повелѣваютъ, ее принуждаютъ до самой глубины совѣсти, окружающимъ воздухомъ становится трудно дышать; вспоминается гнетъ, который послѣ 1825 и 1852 годовъ лежалъ на всякомъ независимомъ характерѣ, на всякомъ свободномъ умѣ.—То, какъ во время первой и третьей республики, государство видятъ въ церкви соперницу и противницу; вслѣдствіе этого оно ее преслѣдуетъ или беспокоитъ и мы видимъ теперь нашими глазами, какъ управляющее меньшинство можетъ равнать, непрерывно, долго и въ самое большое мѣсто управляемое большинствомъ; какъ оно разрушаетъ конгрегаціи и выгоняетъ изъ ихъ домовъ свободныхъ гражданъ, единственный проступокъ которыхъ—это желаніе жить, молиться и работать вмѣстѣ; какъ оно изгоняетъ монахинь и монаховъ изъ госпиталя и школы, — съ какою ущербомъ для госпиталя, для больныхъ, для школы и для дѣтей, встрѣчая отвращеніе и недовольство доктора и отца семейства, какъ неловкой расточаетъ общественныя деньги и обременяетъ плательщика податей еще новыми налогами.

IV.

Другія неудобства французской системы еще худшія.—Въ продолженіе цѣлаго вѣка совершается необыкновенное событіе; уже къ срединѣ предыдущаго вѣка открытія ученыхъ, приведенныя въ порядокъ философіями, образовали полный эскизъ большой картины, которая еще на пути исполненія и преиспѣванія: это картина физической и моральной вселенной. Эскизъ опредѣлялъ точку зрѣнія, перспективу, отмѣтилъ разные планы, начертилъ главныя группы. и его контуры были такъ правильны, что продолжателямъ дѣла оставалось только ихъ опредѣлять точнѣе и пополнить.

Подъ ихъ руками, со времени Гершеля и Лапласа, Вольфа, Бюве, Ампера, Френеля и Фарадея до Дарвина и Пастера, до Бюрнуфа, Момзена и Ренана пустыя мѣста на пологнѣй переполнены, рельефъ фигуръ выяснился, появились новыя черты, чтобъ возстановить и пополнить смыслъ старинныхъ, не измѣняя общаго смысла и выраженія всего цѣлаго, но наоборотъ, укрѣпляя, углубляя и озанчивая главную мысль, которая, волей-не волей, была внушена первымъ художникомъ; это значитъ, что всѣ, предшественники и преемники работали *съ натуры* и безпрестанно приглашаютъ сравнивать картину съ моделью.—И въ продолженіе ста лѣтъ эта картина такая интересная такая великолѣпная и такой вполне гарантированной точности, вмѣсто того чтобъ храниться въ закрытомъ мѣстѣ, вмѣсто того чтобъ быть показываемой избраннымъ посѣтителямъ, какъ въ XVIII вѣка, выставлена публично и постоянно созерцаема болѣе или менѣе многочисленной толпой. Примѣненіе опыта тѣхъ же научныхъ открытій, благодаря легкости путешествій и сообще-

нѣй, избылію свѣдѣній, множеству и дешевой цѣнѣ журналовъ и книгъ, избылію первоначальнаго обученія, количество посѣтителей удесятирилось, потомъ увеличилось въ сто разъ. Не только у городскихъ рабочихъ, но и у крестьянъ, нѣкогда замкнутыхъ въ ихъ трудовой рутинѣ и въ окружности шести зье, любопытство пробуждено; кака-нибудь маленькая ежедневная газета трактуетъ о божественныхъ и челоувѣческихъ вещахъ для милліона подписчиковъ и, вѣроятно, для трехъ тысячъ читателей.—Очень понятно, что изъ эта посѣтителей девяносто не поняли смысла картины; они бросили на нее только разсѣянный взглядъ: кромѣ того глаза ихъ не воспитаны; они неспособны обнять массы и уловить пропорціи. Чаше всего ихъ вниманіе останавливается на подробности, которую они объясняютъ наизуотъ и мысленный образъ, который они сохраняютъ, только отрывокъ или каррикатура; въ сущности, если они пришли посмотреть на магистральный трудъ, то главное изъ самолюбія и для того чтобъ это зрѣлище, которымъ наслаждаются нѣкоторые, не осталось бы ихъ привилегіей. Несмотря на это, какъ ни неясны и ни уродливы ихъ впечатлѣнія, какъ бы ложны и неосновательны ни были ихъ сужденія, они узнали нѣчто важное и отъ ихъ посѣщенія у нихъ остается одна правильная мысль: это то, что между разныхъ картинъ свѣта есть одна, которая написана съ натуры, а не фантазія.

А между этой картиной и той, которую нѣмъ представляетъ католическая церковь, есть огромное несогласіе; даже въ первобытныхъ умахъ или въ умахъ, занятыхъ чѣмъ-нибудь другимъ, это несходство, если и не замѣчено ясно, то неясно чувствуется; за недостаткомъ научныхъ свѣдѣній, простые слухи, подслушанные налѣту, проскользнувшіе по уму какъ волна по твердой скалѣ, существуютъ тамъ въ безсознательномъ состояніи, соединяются, склеиваются вмѣстѣ и черезъ нѣкоторое время составляютъ массивное огнеупорное чувство, противящееся вѣрѣ. У протестанта это противорѣчіе не бываетъ особенно сильнымъ или опредѣленнымъ. Его вѣра, дающая ему руководителемъ Библію, приглашаетъ его читать Библію въ оригиналѣ, давая для ея чтенія всевозможную помощь, чтобъ провѣрить и понять старинный текстъ, помощь лингвистическую, филологическую, критическую, психологическую, общую и частную исторію; такимъ образомъ вѣра беретъ науку себѣ въ помощники. Смотря по челоувѣку, роль помощника болѣе или мевѣ широка; она можетъ быть соразмѣрена со способностями и потребностями каждой души, и можно задолго предвидѣть моментъ, когда двѣ сотрудницы, просвѣщенная вѣра и почтительная наука напишутъ вмѣстѣ одну и ту же картину или отдѣльно двѣ такихъ же картины въ двухъ различныхъ рамахъ.—У славянъ и грековъ вѣра, какъ церковь и обрядъ, есть вещь національная; когда догматъ составляетъ одно общее съ родиной, является меньше склонности его оспаривать; кромѣ того, онъ мало стѣсняетъ: это только наследственная реликвія, домашнее воспоминаніе, фамильная *жизна*, краткій трудъ истощеннаго искусства, которое не очень хорошо понимаютъ и которое перестало производить. Онъ скорѣе набросанъ, чѣмъ оконченъ, къ нему съ X вѣка не прибавлено ни единой черты; вотъ уже восемьсотъ лѣтъ, какъ эта картина хранится въ послѣдней

комнатѣ памяти, подъ паутиной, такой же старой, какъ и она, комнатѣ плохо освѣщенной, рѣдко посѣщаемой: всѣ хорошо знаютъ, что она тамъ, о ней говорятъ съ почтеніемъ, никогда не захотятъ отъ нея избавиться, но она не бываетъ каждый день передъ глазами, чтобъ можно было сравнить ее съ научной картиной.—Совершенно наоборотъ съ католической картиной: въ продолженіе восьмисотъ лѣтъ каждый вѣкъ давалъ ей ударъ кости; еще и теперь мы видимъ, какъ она приобретаетъ болѣе сильный рельефъ, болѣе яркій колоритъ, болѣе строгую гармонію, болѣе сильное и болѣе опредѣленное выраженіе.

Къ догматамъ вѣры, составляющимъ славянскую и греческую церковь, тринадцать позрѣвшихъ соборовъ прибавили много другихъ, а два главныхъ догмата, установленныя двумя послѣдними соборами, пресуществленіе—установленное Трентскимъ соборомъ, и непогрѣшимость папы—ватиканскимъ, безспорно составлены такъ, чтобъ навсегда помѣшать примиренію науки и вѣры.

Итакъ, для католическихъ націй, несогласіе, вмѣсто того, чтобъ ослабѣть, усиливается; двѣ картины, написанныя одна вѣрой, а другая наукой, становятся все болѣе и болѣе непохожими, и внутреннее противорѣчіе двухъ понятій дѣлается жгучимъ однимъ своимъ развитіемъ, развиваясь каждое отдѣльно и каждое въ противоположномъ смыслѣ, одно своими догматическими опредѣленіями, другое возрастающими открытіями и полезными примѣненіями, что-нибудь прибавляя каждый день къ своей власти, одно драгоценными изобрѣтеніями, другое добрыми дѣлами, каждое признанное тѣмъ, что оно есть, одно, какъ власть, научающая положительнымъ истинамъ, другое, какъ власть направляющая дѣйствительную нравственность. Отсюда въ каждой католической душѣ возникаетъ борьба и печальныя заботы: какое изъ этихъ понятій надо принять за руководствующее? Для каждаго искренняго ума, способнаго обнять ихъ сразу, каждое изъ нихъ несовмѣстимо съ другимъ. У ума простого, неспособнаго представить ихъ вмѣстѣ, онѣ живутъ рядомъ и сталкиваются, только черезъ нѣкоторые промежутки, когда, чтобъ дѣйствовать, нужно выбирать. Многіе, умные, образованные и даже ученые, особенно спеціалисты, избѣгаютъ ставить ихъ другъ противъ друга, такъ какъ одна поддержка ихъ разума, а другая—охранительница ихъ совѣсти; между собою, чтобъ предохранить возможный конфликтъ...

КНИГА ШЕСТАЯ.

Школа.

I. Общественное обученіе и его три послѣдствія.—Вліянія учителя, учениковъ и школьныхъ правилъ.—Случаи когда всѣ три вліянія соединяются и создаютъ опредѣленный типъ законченнаго человѣка.—II. Цѣль Наполеона.— Университетская монополія.—Возрожденіе частныхъ заведеній.—Наполеонъ относится къ нимъ неблагосклоно.—Причины этого.—Частныя заведенія дѣлають конкуренцію общественному дѣлу.—Мѣры протавъ нихъ.—Необходимость предварительнаго разрѣшенія и возможность закрытія частныхъ школь.—Обложеніе свободной школы.—Поябрьскій декретъ 1811 года.—Ограниченіе гимназическаго преподаванія въ частныхъ школахъ.—Какъ университетъ отбираетъ отъ нихъ учениковъ.—Обязательность экстерната.—Ограниченіе числа ихъ учениковъ.—Мѣры къ ограниченію или ассимиляціи учебныхъ заведеній духовенства. Наполеонъ—единственный воспитатель въ своей имперіи.—III. Его машина.—Преподавательскій персоналъ.—Іерархія степеней.—Удовлетворенія честолюбія и самолюбія.—Монашескій принципъ безірачія.—Монашескій и военный принципъ повиновенія.—Нормальная школа и изъ кого составляется будущій университетъ.—IV. Цѣль дѣятельности преподавателей—приспособленіе молодежи къ установленному порядку.—Пассивное подчиненіе школьнымъ правиламъ.—Размѣры и мелочность школьныхъ правилъ.—Стремленіе первенствовать и соревнованіе. Постоянные конкурсы и ежегодное распределеніе наградъ.—V. Военная подготовка и культъ императора.

I.

Въ опредѣленные промежутки одинъ собираетъ въ комнатѣ вокругъ себя десять, двадцать, тридцать или болѣе дѣтей, подростковъ, молодыхъ людей, въ теченіе часа или двухъ онъ говоритъ, а они его слушаютъ. Они очень близки другъ къ другу, они чувствуютъ себя сотоварищами, занимающимися однимъ и тѣмъ же. Они находятся въ общеніи двоякаго рода, между собой и со своимъ учителемъ. Поэтому они живутъ подъ известнымъ статутомъ. Каждое общество имѣетъ свой статутъ, созданный имъ самимъ или навязанный. Какъ только собираются нѣсколько маленькихъ или большихъ людей въ гостинной, въ кафе, на улицѣ, они находятъ хартію мѣста, въ которое они собрались, родъ кодекса, предписывающаго или запрещающаго имъ тотъ или другой родъ поведенія.

То же самое происходитъ и въ школь, тамъ соблюдаются опредѣленные правила, къ которымъ присоединены не опредѣленные прямо, а установленныя по обычаю, правила. Какова бы не была школа, свѣтской или духовной, каковъ бы не былъ предметъ преподаванія, съ самого низа до самого верха, начиная отъ первоначальной школы и кончая высшими школами и факультетами, такое положеніе существуетъ всюду. Изъ всѣхъ социальныхъ орудій

школа быть можетъ самое могущественное, самое дѣйствительное, такъ какъ она оказываетъ троякаго рода вліяніе на молодую жизнь, которыми она руководитъ, на учащихся оказываютъ вліяніе учителя, затѣмъ сотоварищи и наконецъ школьныя правила.

Съ одной стороны учитель котораго считаютъ ученымъ, преподаетъ съ авторитетомъ и ученики чувствующие себя невѣждами, учатся съ довѣріемъ, такъ что они вѣрятъ всему, что онъ имъ говоритъ, безразлично, правда ли это или ложь. Съ другой стороны, внѣ своей семьи и домашняго круга, учащійся находитъ въ группѣ своихъ товарищей новый міръ, обособленный, съ своими особыми обычаями, пороками и духомъ, въ которомъ набрасываются въ общихъ чертахъ независимыя мнѣнія, смѣлыя и скороспѣлыя взгляды, въ которомъ существуетъ стремленіе выработать свой особый взглядъ на все и вся. Въ этой то средѣ онъ начинаетъ мыслить, при соприкосновеніи съ подобными себѣ, съ ихъ мнѣніями, болѣе понятными для него чѣмъ мнѣнія людей уже образовавшихся и поэтому болѣе убѣдительными и заразительными. Онъ является воздухомъ, въ которомъ зарождается, растетъ и формируется его мысль, тамъ онъ получаетъ свой собственный взглядъ на обширное общество взрослыхъ людей, членомъ котораго онъ сдѣлается, свои первыя представленія о справедливомъ и несправедливомъ, онъ начинаетъ относиться къ явленіямъ жизни съ уваженіемъ или возмущеніемъ, короче сказать онъ приобретаетъ предразсудокъ: смотря по тому разуменъ ли или не разуменъ духъ группы, къ которой онъ принадлежитъ, этотъ предразсудокъ полезень или вреденъ, социаленъ или антисоциаленъ.

Наконецъ свое дѣйствіе оказываетъ дисциплина школы, каковъ бы не былъ режимъ этой школы, либеральный или консервативный, слабый или строго монастырскій, военный или свѣтскій, открытое ли она, полуоткрытое или закрытое учебное заведеніе, въ городѣ ли она или въ деревнѣ, играетъ ли въ ней преобладающую роль физическія упражненія или умственный трудъ, обращено ли вниманіе на изученіе вещей или изученіе словъ, ученикъ входитъ въ заранее устроенныя рамки. Смотра по разнообразію рамокъ, онъ предается различнымъ упражненіямъ, онъ приобретаетъ различныя привычки, онъ развивается или притупляется нравственно или физически, въ томъ или другомъ направленіи. Поэтому, смотря потому хороши или нехороши рамки онъ является болѣе или менѣе способнымъ или неспособнымъ къ физическимъ или умственнымъ усиленіямъ, къ разсужденію, къ инициативѣ, къ подчиненію извѣстной дѣли, къ добровольному и длянущемуся единенію, то есть однимъ словомъ къ активной полезной роли въ театрѣ, въ которомъ онъ долженъ выступить.

Замѣтите, что это время ученія сообща, на школьной скамьѣ, согласно извѣстнымъ правиламъ и подъ надзоромъ учителя, длится шесть, десять, пятнадцать и иногда двадцать лѣтъ, что въ этомъ отношеніи дѣвочки не являются исключеніемъ, что изъ ста мальчиковъ и одинъ даже не воспитывается дома подъ надзоромъ учителя, что въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ школьное колесо вертится однообразно и безостановочно десять ча-

совѣ въ день, если учащійся-экстернъ и двадцать четыре часа въ день если учащійся интернъ, что въ этомъ возрастѣ человѣческая глина еще мягка, что она еще не приняла опредѣленной формы, которая защищала ее отъ руки горшечника, отъ тяжести вертящагося колеса, отъ тренія другихъ кусковъ глины, отъ трехъ постоянныхъ и длительныхъ влiяній общественнаго образованiя.

Очевидно здѣсь имѣется громадная сила, въ особенности, если эти три влiянія вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать другъ другу, какъ это чаще всего случается, находятся въ полномъ согласiи и соединяются для того, чтобы создать извѣстный типъ законченнаго человѣка, если отъ дѣтства до юношества, до молодости и до зрѣлаго возраста послѣдовательныя подготовки болѣе глубоко и болѣе точно оттѣняютъ воспринятый типъ, если всѣ оттѣняющiя его влiянія, сильныя или слабыя, внутреннiя или внѣшнiя, образуютъ связную, опредѣленную, примѣнимую и примѣняемую систему. Пусть государство беретъ на себя ея созданiе и примѣненiе, пусть оно захватываетъ общественное образованiе, пусть оно устанавливаетъ и пускаетъ въ ходъ свою машину на всемъ протяженiи своей территорiи, пусть она добьется того, что новое поколѣнiе подвергнется дѣйствию этой машины, двадцать лѣтъ спустя оно найдетъ въ этихъ малолѣтнихъ ставшихъ взрослыми, тотъ родъ и то количество идей, которыми оно хотѣло ихъ снабдить, тѣ размѣры, границы, формы проявленiя духа, которыя оно одобряетъ, тѣ нравственныя и социальныя предразсудки, которыя ему подходятъ.

II.

Цѣль Наполеона заключается въ слѣдующемъ: «Въ учрежденiи преподавательскаго персонала, говоритъ онъ самъ, главная моя цѣль заключается въ томъ, чтобы имѣть средство управлять политическими и нравственными мнѣнiями». Точнѣе, онъ рассчитываетъ на новое учрежденiе для того чтобы имѣть въ своемъ распоряженiи всеобщiе и полицейскiе списки. «Нужно учредить эту корпорацiю такимъ образомъ, чтобы имѣть свѣдѣнiя о каждомъ ребенкѣ начиная съ девятилѣтнаго возраста».

Захвативъ взрослыхъ, онъ хочетъ захватить также и дѣтей, наблюдать за ними и заранѣе подготовить будущихъ французовъ; воспитанные имъ на его глазахъ, они будутъ уже совершенно подготовленными помощниками, покорными подданными, болѣе покорными, чѣмъ ихъ родители. Среди послѣднихъ еще слишкомъ много еще непокорныхъ, слишкомъ много роялистовъ и слишкомъ много республиканцевъ. Семейныя традиции находятся въ противорѣчiи и дѣти растутъ дома, чтобы впоследствии придти другъ съ другомъ въ столкновенiе. Предупредимъ этотъ конфликтъ, подготовимъ ихъ въ согласiю. Воспитанные всѣ однимъ и тѣмъ же образомъ и въ одномъ и томъ же духѣ, они въ одинъ прекрасный день окажутся въ полномъ единодушии, не только съ внѣшней стороны, какъ теперь, изъ страха или по принужденiю, но и въ глубинѣ души, въ силу вкоренившейся привычки.

Въ противномъ случаѣ «не будетъ прочнаго политическаго поло-

женія» во Франціи: «До тѣхъ поръ пока съ дѣтства не будутъ учиться, нужно ли быть республиканцемъ или монархистомъ, католикомъ или невѣрующимъ. Государство не будетъ образовывать націю; оно будетъ покоряться на невѣрныхъ и случайныхъ основахъ, оно будетъ всегда подвергаться беспорядкамъ и переменамъ». Вслѣдствіе этого оны себѣ присваиваетъ монополію народнаго просвѣщенія, оны одинъ будетъ имѣть право торговать ими, подобно соли и табаку. «Народное просвѣщеніе во всей Имперіи поручается исключительно университету. Ни одна школа, ни одно какое-либо учебное заведеніе», высшее, среднее, низшее, специальное, общее, свѣтское, духовное, «не можетъ быть образовано внѣ императорскаго университета и безъ разрѣшенія его главы».

Въ этихъ рамкахъ и въ этомъ направленіи функционируютъ всѣ мануфактуры школьнаго товара, а таковыхъ имѣется два рода. Однѣ, помѣщенные въ самомъ лучшемъ мѣстѣ, соединенныя другъ съ другомъ и искусно сгруппированныя, являются національными фабриками, основанными правительствомъ, или, по его приказанію, коммунами, факультетами, лицами, гимназіями, маленькими общинными школами; другіе, разъединенныя и разбѣяныя, являются частными фабриками, основанными частными лицами, пансіонами и средне-учебными заведениями, маленькими вольными школами. Первыя, созданія государства, управляемыя и эксплуатируемыя имъ по предписанному имъ плану и ради установленныхъ имъ цѣлей, являются только продолженіемъ государства, оно дѣйствуетъ черезъ нихъ посредство, поэтому оно относится къ нимъ съ полной благоклонностью, а другіе пользуются его немилостью. Послѣдніе, въ эпоху консульства, появились сотнями, со всѣхъ сторонъ, подъ давленіемъ необходимости и потому что молодежь такъ же нуждается въ образованіи, какъ и въ одеждахъ, но появились случайно, благодаря столкновенію предложенія со спросомъ, безъ всякаго общаго установленнаго порядка. Ничто не можетъ быть антипатичнѣе правительственному генію Наполеона.

«Невозможно, говоритъ оны, оставаться долѣе въ такомъ положеніи, разъ всякій можетъ открыть торговлю образованіемъ, какъ открываютъ торговлю сукномъ», поставлять по своему желанію и по желанію покупателей такой-то костюмъ такого-то покроя, даже негнѣпаго и старомоднаго, или такую-то матерію, даже плохого качества. Вотъ почему такъ много самыхъ различныхъ костюмовъ, вотъ почему получается такая пестрая шокирующая смѣсь. Каждаго ребенка, подростка или юношу нужно одѣть въ обязательный костюмъ изъ крѣпкой матеріи и скромнаго покроя, въ форму образца которой будетъ данъ властью и частные люди берущіе на себя эту задачу заранѣе внушаютъ подозрѣнія. Наполеонъ узнавъ, что въ училищѣ св. Варвары реставрированномъ г. де-Ланно находящемся въ его завѣдываніи, имѣется 500 учащихъ, воскликнулъ: «Какимъ это образомъ простой частный человекъ имѣетъ столько учениковъ въ своей школѣ? Разъ г. де-Ланно талантливъ и пользуется успѣхомъ, пусть оны войдетъ въ официальные рамки и станетъ чиновникомъ, ему будетъ уплачена приличная неустойка, его учебное заведеніе превращено будетъ въ лицей и г. де-Ланно будетъ назна-

ченъ его директоромъ, потому что частныя предпріятія дѣлають конкуренцію государственному предпріятію.

Вотъ почему, если онѣ и допускаются то съ большой неохотой и потому что иначе сдѣлать нельзя: частныя школы слишкомъ многочисленны, не хватитъ ни денегъ ни средствъ замѣнить ихъ сразу государственными школами. Впрочемъ, въ отношеніи преподаванія, какъ и въ отношеніи всякой поставки потребители чувствуютъ естественное отвращеніе къ монополіи, приходится ихъ поднимать мало-по-малу, силою привычки приводить ихъ къ послушанію. Поэтому государство можетъ дать свое согласіе на существованіе частныхъ заведеній, но только на временное существованіе, при условіи если оно будетъ держать ихъ въ самомъ полномъ подчиненіи, если онъ присвоить себѣ право полного распоряженія ими, если оно превратитъ ихъ въ отдѣленія государственной школы, если оно превратитъ ихъ естественное и вредное соперничество въ плодотворное и принудительное сотрудничество.

Частныя школы не только должны получать специальное разрѣшеніе на существованіе, не имѣя котораго они закрываются и руководители ихъ наказываются, но даже и получивъ разрѣшеніе, они находятся въ полной зависимости отъ предсѣдателя университета, который можетъ и долженъ ихъ закрыть, какъ только онъ замѣтитъ въ нихъ «важныя злоупотребленія и принципы противныя принципамъ исповѣдуемымъ университетомъ». Между тѣмъ университетъ извлекаетъ изъ нихъ матеріальныя выгоды: разъ онъ одинъ владѣетъ правомъ преподаванія, онъ можетъ извлечь выгоду изъ этого права, уступать за деньги право преподавать и быть обучаемымъ, заставляя каждого начальника учебнаго заведенія платить столько за себя и столько за каждого изъ своихъ учениковъ. Въ сущности государство продаетъ частнымъ лицамъ концессіи, даже въ высшемъ образованіи, тамъ гдѣ никто не является ему конкурентомъ, такъ каждый имѣющій ученую степень открывающій курсы гуманитарныхъ или естественныхъ наукъ и математики долженъ предварительно внести за годъ 75 франковъ въ Парижѣ и 50 франковъ въ провинціи, при открытіи курсовъ медицинскыхъ необходимо предварительно внести за годъ 150 франковъ въ Парижѣ и 100 въ провинціи. Тѣмъ же налогомъ обложены директора средне-учебныхъ заведеній, пансіоновъ, болѣе того для полученія необходимаго разрѣшенія владѣлецъ пансіона вноситъ въ Парижѣ 300, а въ провинціи 200 франковъ, директоръ учебнаго заведенія въ Парижѣ уплачиваетъ 600 франковъ, въ провинціи—400 франковъ. Кроме того разрѣшеніе это, которое можетъ быть всегда отобрано, дается только на десять лѣтъ, черезъ десять лѣтъ нужно его возобновить и снова уплатить по таксѣ. Что же касается его учениковъ, будь они пансіонеры, полупансіонеры или если они даже даромъ учатся университетъ взымаетъ съ каждого по одной двадцатой платы вносимой за полный пансіонъ. Директоръ заведенія долженъ собирать и вносить этотъ налогъ, онъ одинъ отвѣтственный сборщикъ, бухгалтеръ и должникъ.

Пусть онъ не забываетъ дать самыя точныя свѣдѣнія о платѣ за пансіонъ и о числѣ своихъ учениковъ, въ противномъ случаѣ—

дознаніе, провѣрки, осужденіе, штрафъ, взысканіе и возможное закрытіе школы.

Все болѣе и болѣе строгія правила связываютъ его по рукамъ и ногамъ, и суровыя постановленія послѣдняго декрета 1811 г. такъ сжимаютъ ему горло, что онъ долженъ задохнуться въ самомъ не продолжительномъ времени. Наполеонъ на это разсчитываетъ, потому что лица его, въ особенности въ началѣ не имѣли успѣха, они не приобрѣли довѣрія семействъ. Въ нихъ слишкомъ суровая дисциплина, воспитаніе отличается слишкомъ малою сердечностью, директора и учителя—безразличныя чиновники, болѣе или менѣе эгоистичныя и свѣтскіе люди, воспитателями и репетиторами являются одни грубые, отставные унтеръ-офицера. Стипендіаты государства вносятъ съ собой «привычки дурного воспитанія» или почти полное отсутствіе какого-либо воспитанія, такъ что для хорошо воспитаннаго ребенка соприкосновеніе съ ними столь же вредно, сколько и оскорбительно. Поэтому въ теченіе первыхъ лѣтъ лицей, въ которыхъ учащимися являются всего нѣсколько стипендіатовъ пустуютъ, тогда какъ «избранная часть молодежи, наполняетъ частныя школы съ болѣе или менѣе высокою платой.

Нужно завладѣть этой избранной частью потерянной для университета, разъ лица не привлекаютъ молодежь, она явится туда изъ необходимости. Поэтому преподаванію въ частныхъ школахъ ставятъ предѣлы и всѣ учащіеся по необходимости должны поступать въ государственныя лицеи и гимназіи, въ которыхъ есть казенныя и частныя учебныя заведенія, въ послѣднихъ преподается только то, чему не обучаютъ въ первыхъ. Малолѣтніе учащіеся до десяти лѣтъ могутъ еще учиться въ частныхъ заведеніяхъ, но если имъ болѣе этого возраста, они должны одновременно учиться въ лицейхъ или гимназіяхъ въ качествѣ экстерновъ, куда директоръ частной школы отводитъ ихъ ежедневно. Такимъ образомъ онъ является только помощникомъ, подчиненнымъ, репетиторомъ государственной школы.

Этого не достаточно, государство беретъ не только своихъ экстерновъ, но и пансіонеровъ. «Начиная съ 1 ноября 1812 г. начальники учебныхъ заведеній и директора пансіоновъ, имѣютъ права держать воспитанниковъ старше девятилѣтняго возраста только въ томъ случаѣ если въ имѣющихся въ томъ же городѣ лицейхъ или гимназіяхъ не будетъ болѣе свободныхъ вакансій пансіонеровъ». Въ каждомъ лицейѣ полагается всего 300 такихъ вакансій. Въ 1812 году будетъ всего 80 лицеевъ, а въ 1813—100, такъ что въ 1813 г. въ лицейхъ, не считая гимназій, должно быть всего 30.000 пансіонеровъ.

Противъ маленькихъ семинарій являющихся болѣе живучими конкурентами, принимаются болѣе рѣшительныя мѣры. «Въ каждомъ департаментѣ не можетъ быть болѣе одной духовной семинаріи второго разряда. Предсѣдатель университета укажетъ какія могутъ быть сохранены, остальные должны быть закрыты. Ни одна изъ нихъ не можетъ существовать внѣ городовъ». Всѣ дома и движимыя имущества не разрѣшенныхъ духовныхъ школъ, подлежатъ конфискаціи въ пользу университета.

Всѣ ученики духовныхъ школъ должны посѣщать классы лицеевъ

или гимназій. Наконецъ «всѣ эти школы будутъ управляемы университетомъ, онѣ могутъ быть устроены только имъ однимъ, ихъ программы и правила будутъ составлены только университетскимъ совѣтомъ, по предложенію предсѣдателя. Преподаваніе можетъ быть поручено только членамъ корпораціи университетскихъ учителей, входящихъ въ распоряженіи предсѣдателя».

Точно также и въ свѣтскихъ школахъ, напримѣръ, въ школахъ св. Варвары каждый учитель, репетиторъ или даже простой надзиратель, долженъ быть снабженъ специальнымъ разрѣшеніемъ университета.

Учительскій персоналъ и дисциплина, духъ и предметы преподаванія, подробности занятій и рекреаций, все это навязывается насильно этимъ учебнымъ заведеніямъ, которыхъ называютъ свободными. Университетъ не только завладѣваетъ всякой школой, будь это духовная или свѣтская, но поглощаетъ ее и ассимилируетъ. Онъ даже не разрѣшаетъ ей сохранить вѣншія отличія. Правда, въ маленькихъ духовныхъ семинаріяхъ занятія производятся по колокольному звону и учащіеся носятъ духовный костюмъ, по сутана принятая государствомъ, которое приняло церковь, является, собственно говоря, государственной одеждой. Въ другихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ оно принуждаетъ носить свою собственную форму, свѣтскую форму, носимую учениками казенныхъ лицеевъ и гимназій, «подъ угрозой закрытія заведенія» и кромѣ того, оно вводитъ барабанный бой, казарменные обычаи, манеры, пунктуальность. Уничтожены всякая инициатива, изобрѣтательность, профессиональная или мѣстная приспособляемость.

Противъ этого вторженія государственной школы нѣтъ никакой защиты, она вторгается даже въ послѣднее прибѣжище домашнее воспитаніе. Въ 1808 году изъ числа старинныхъ и богатыхъ семей «Наполеонъ налѣгаетъ десять семей» въ каждомъ департаментѣ и и пятьдесятъ въ Парижѣ, которыя должны послать мальчиковъ отъ шестнадцати до восемнадцати лѣтъ въ Сепъ-Сверское училище, для того чтобы они окончили это училище подпоручиками. Въ 1813 году онъ отдѣляетъ 10.000 другихъ юношей, въ числѣ ихъ нѣсколькихъ сыновей членовъ конвента и вандейцевъ, которые должны составить особый корпусъ подъ названіемъ почетной гвардіи и тотчасъ же начинаютъ ихъ обучать военному искусству въ казармахъ. Съ тѣмъ большимъ основаніемъ нужно дать наполеоновское воспитаніе юношамъ непокорныхъ и пользующихся значеніемъ семействъ, которыхъ очень много въ присоединенныхъ странахъ. Уже въ 1802 году долачдннѣ Фуркруа объяснялъ законодательному корпусу эту политическую и социальную роль будущаго университета.

Облеченный дискреціонной властью, Наполеонъ набираетъ по своему выбору учащихся среди своихъ новыхъ подданныхъ, только онъ помѣщаетъ ихъ не въ лицей, а въ военное училище еще болѣе проникается военнымъ духомъ въ Флешъ, въ которомъ всѣ учащіеся сыновья офицеровъ и такъ сказать дѣти арміи. Въ концѣ 1812 года онъ приказываетъ римскому князю Патрици послать туда своихъ двухъ сыновей, одного семнадцати, друго тринадцати лѣтъ; для большей вѣрности онъ велитъ жандармамъ забрать ихъ и привезти въ

Флешь. Имѣсть съ ними въ этомъ училищѣ болѣе 90 другихъ итальянцевъ знатныхъ фамилій, Дорія, Паллавичини, Альфіери, 120 молодыхъ людей иллирійскихъ провинцій, уроженцевъ государствъ Рейнской конфедерации, всего 360 пансионеровъ съ платой по 800 франковъ въ годъ. Иногда родителямъ разрѣшается сопутствовать своимъ дѣтямъ, или слѣдовать за ними; это не было разрѣшено князю Патрвици, котораго задержали по дорогѣ въ Марсели и не пустили дальше.

Такимъ образомъ, искусственной комбинаціей законодательныхъ постановленій и произвола, Наполеонъ прямымъ и косвеннымъ путемъ, становится фактически единственнымъ преподавателемъ всѣхъ французовъ, природныхъ или вновь приобретенныхъ благодаря завоеваніямъ, единственнымъ и всеобщимъ воспитателемъ въ своей имперіи.

III.

Для этой цѣли ему необходимъ хорошій инструментъ, громадная человѣческая машина, которая, построенная и сложенная имъ самимъ, работала бы отнынѣ одна и сама по себѣ, безъ уклоновъ и задержекъ, соответственно его инструкціямъ и всегда на его глазахъ, но такъ, чтобы ему не нужно было лично вѣнчиваться въ ея точно вычисленный и заранее опредѣленный ходъ. Въ этомъ смыслѣ самыми лучшими орудіями являются религіозные ордена, шедевры духа католическаго, римскаго и правительственнаго. Всѣ они управляются сверху, по строгимъ правиламъ и имѣютъ опредѣленную цѣль. Это родъ умныхъ автоматовъ, единственно способныхъ дѣйствовать безконечно, безъ потери силъ, съ послѣдовательностью, единообразиемъ и точностью, съ минимумомъ расходовъ и максимумомъ дѣйствія, благодаря только ихъ внутреннему механизму, который заранее координированный примѣняетъ ихъ цѣликомъ къ специальной службѣ, къ соціальному дѣлу, заниматься которыми имъ предназначила признанная власть и высшія убѣжденія.

Нѣтъ ничего болѣе подходящаго къ соціальному инстинкту Наполеона, къ его воображенію, къ его вкусу, къ его предвзятымъ политическимъ взглядамъ, и онъ открыто высказываетъ свои предпочтенія: «Я знаю, говорить онъ государственному совѣту, что въ отношеніи преподаванія іезуиты оставили громадный пробѣлъ, я не хочу возстановить ни ихъ, ни какую-либо другую корпорацію, имѣющую своего главу въ Римѣ». Но все-таки «я предпочелъ бы поручить народное просвѣщеніе религіозному ордену, чѣмъ возстановить его въ томъ положеніи, въ которомъ оно находится теперь», то-есть, во власти частныхъ лицъ. «Но я не хочу ни того, ни другого». Для новыхъ учрежденій необходимы два условія. «Во-первыхъ, «я хочу корпорацію, потому что корпорація не умираетъ», благодаря чему она можетъ удержатъ преподаваніе на намѣченномъ пути, воспитать «по неизмѣннымъ принципамъ» послѣдовательныя поколѣнія, обезпечить такимъ образомъ устойчивость политическаго государства, «внушить молодежи духъ и взгляды согласные съ новыми законами имперіи». Но эта корпорація будетъ свѣтской; члены ея будутъ «іезуитами» государства, но не церкви, они будутъ находиться во

власти императора, а не папы и они будут составлять гражданскую армию «въ десять тысячъ человекъ приблизительно», армию администраторовъ и учителей всѣхъ степеней, включая сюда и репетиторовъ, постоянную организованную и сплоченную армию.

Такъ какъ эта свѣтская корпорація, то на нее нельзя вліять ни догматомъ, ни вѣрою, ни раемъ, ни адомъ, ни духовными побужденіями, поэтому на нихъ будутъ вліять побужденіями тѣлесными, не менѣе дѣйствительными, если умѣешь ими оперировать, самолюбіемъ, соревнованіемъ, воображеніемъ, честолюбіемъ, смутной надеждой на повышение, однимъ словомъ средствами, которыя уже въ армиі поддерживаютъ сплоченность и рвеніе. Въ преподавательскомъ персоналѣ будетъ введена классификація военныхъ степеней, будетъ установлена послѣдовательная іерархія, нельзя будетъ занять высшее мѣсто, минуя низшія. Съ другой стороны самыя высшія должности будутъ доступны всѣмъ: «молодые люди, которые посвящаютъ себя преподаванію будутъ имѣть въ перспективѣ послѣдовательныя повышенія, вплоть до высшихъ государственныхъ должностей.» Университетъ, подобно другимъ общественнымъ поприщамъ, доставитъ власть, значеніе, титулы, крупное содержаніе, преимущества. «Ноги этого громаднаго тѣла будутъ на сѣмьяхъ гимназій, а его голова въ Сенатѣ». Его предсѣдатель, пользующійся большою самостоятельностью, чѣмъ сами министры, будетъ однимъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ Имперіи. Его величіе возвыситъ условія и положеніе его подчиненныхъ. Въ провинціи на каждомъ праздникѣ или въ публичной церемоніи они будутъ гордиться тѣмъ, что ихъ ректоръ или директоръ сидитъ въ парадной формѣ рядомъ съ генераломъ или префектомъ. Уваженіе оказываемое ихъ начальнику отразится на нихъ. Они будутъ пользоваться уваженіемъ наравнѣ съ пимъ; они будутъ убѣждены, что они всѣ вмѣстѣ составляютъ избранную часть населенія, они будутъ чувствовать себя солидарными, они проникнутся корпораціоннымъ духомъ и они привяжутся къ университету, какъ солдатъ къ полку или какъ монахъ къ своему ордену.

Такъ же какъ и въ монашествѣ преподаватели будутъ вступать въ число членовъ университета съ церемоніей, подобно церемоніи облаченію монашеской рясы. «Я хочу, говоритъ Наполеонъ, чтобы этотъ актъ совершался съ нѣкоторой торжественностью, я хочу чтобы члены преподавательскаго персонала принимали не религіозныя обязательства какъ прежде, но гражданское обязательство передъ нотариусомъ или мировымъ судьей, или префектомъ, или другимъ должностнымъ лицомъ... Они будутъ сочетаться бракомъ съ народнымъ просвѣщеніемъ, подобно тому какъ ихъ предшественники съ церковью, съ тѣмъ различіемъ, что бракъ ихъ не будетъ такъ священенъ, такъ нерасторжимъ... Они возьмутъ на себя обязательство на три, или шесть, или девять лѣтъ и должны будутъ предупредить о своемъ уходѣ за нѣсколько лѣтъ впередъ. «Чтобы увеличить сходство», надо здѣсь установить принципъ безбрачія, въ томъ смыслѣ, что человекъ посвятившій себя образованію могъ бы жениться послѣ того, какъ онъ прошелъ первыя ступени своей карьеры, «напримѣръ» репетиторы могутъ жениться только достигнувъ двадцати пяти или тридцати лѣтъ, то есть когда они будутъ получать

жалованье отъ трехъ до четырехъ тысячъ франковъ, и накопить себѣ достаточныя сбереженія».

Но въ сущности, бракъ, семья, частная жизнь, являющіеся естественными и нормальными вещами въ великомъ человѣческомъ обществѣ, являются причинами смуты и слабости въ корпораціи. члены котораго должны отдаться своему дѣлу всецѣло. Не только репетиторы, но и директора музеевъ и гимназій обязаны быть холостыми и жить совмѣстной жизнью. «Ни одна женщина не можетъ жить въ музеяхъ или гимназіяхъ».

Къ монашескому принципу безбрачія прибавимъ монашескій и военный принципъ повиновенія, являющійся въ глазахъ Наполеона основаніемъ всѣхъ остальныхъ принциповъ... Преподавательская корпорація образуется, говоритъ Наполеонъ, если всѣ директора, цензора и учителя, будутъ имѣть одного или нѣсколькихъ начальниковъ, подобно тому какъ іезуиты имѣли своего генерала и надзирателей», подобно тому, какъ солдаты имѣютъ своего полкового командира и капитана. Необходимая связь найдена, отдѣльныя члены держатся сплоченно, такъ какъ ихъ сплачиваютъ установленныя начальствомъ правила. Подобно добровольцу поступающему въ полкъ, подобно монаху поступающему въ монастырь, члены университета заранее соглашаются на установленный режимъ и даютъ клятву, что будутъ всецѣло ему подчиняться. Неподчиненіе влечетъ за собой цѣлый рядъ наказаній, высшей степенью которыхъ является тюремное заключеніе не свыше года.

Режимъ приводящій къ тюремному заключенію не заманчивъ и потому онъ устанавливается только послѣ долгихъ сопротивленій «Пришлось взять, говоритъ верховный совѣтъ, учебныя заведенія таковыми, какими ихъ нашли, разнящими другъ отъ друга въ методахъ, принципахъ, чувствахъ; приведшихъ къ почти безграничной свободѣ, или по меньшей мѣрѣ привывшими сообразоваться, только съ капризами родителей, чувствующими отвращенію къ режиму, которому ихъ хотѣли подчинить». Впрочемъ благодаря этому вмѣшательству, государства у мѣстныхъ властей были вызваны ихъ самыя, цѣнныя прерогативы. «Въ обществѣ» учителя противились новымъ обязанностямъ, которыя на нихъ стремилась наложить, администраторы и епископы протестовали противъ назначеній произведенныхъ не согласно съ ихъ указаніями; отцы семействъ жаловались на новые налоги, которые имъ пришлось платить. Сглаго въ концѣ концовъ говорить, что университетъ знаменитъ только своими пошльностями и принужденіями.

Полнѣйшая субординація всѣхъ членовъ университета является первой необходимостью. Университетъ не можетъ существовать безъ дисциплины и безъ повиновенія. Но давленія на непокорный старый учительскій персоналъ будутъ далеко недостаточно, его трудно себѣ подчинить и вотъ единственный исходъ заключается въ замѣнѣ его другимъ, болѣе молодымъ составомъ, сформированнымъ въ спеціальной школѣ, которая будетъ играть по отношенію къ университету ту роль, которую играютъ для арміи училище въ Фонтенебло, большія семинаріи для духовенства и явится разсадникомъ заботливо избранныхъ и заранее подготовленныхъ педагоговъ.

Такова дѣль нормальной школы; молодые люди могутъ поступать туда съ семнадцати лѣтъ и обязуются пробывать въ корпораціи преподавателей по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ. Это интернатъ и учащіеся не имѣютъ личной жизни: «имъ запрещается выходить по одиночкѣ изъ школы, а общія прогулки въ формѣ разрѣшаются только подъ наблюдениемъ надзирателей, эти надзиратели наблюдаютъ за учащимися, во время занятій и рекреации, ни одинъ учащійся не можетъ пробывать въ своей комнатѣ во время рекреации безъ разрѣшенія надзирателя. Ни одинъ учащійся не можетъ войти въ помѣщенія другого отдѣленія безъ разрѣшенія другихъ надзирателей. Директоръ дѣлаетъ осмотръ книгъ учащихся, когда онъ сочтетъ это необходимымъ и по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ.» Всѣ часы дня имѣютъ свое строгое предназначеніе, все распределено съ необычайной точностью, не исключая и религиозныхъ отправленій, какъ бы съ намѣреніемъ закрыть всѣ выходы для личной инициативы и замѣнить всездѣ индивидуальное разнообразіе механическимъ однообразіемъ.

«Главными обязанностями учащихся являются уваженіе къ религіи, привязанность къ государю и правительству, постоянная прилежаніе, аккуратность и послушаніе начальству, Всякій не выполняющій своего долга наказывается соотвѣтственно важности своего проступка.

Въ 1812 году школа еще мала, едва устроена, помѣщена въ развалинахъ лицея Людовика Великаго и состоитъ изъ сорока учениковъ и четырехъ учителей. Но Наполеонъ внимательно слѣдитъ за ней и освѣдомляется чѣмъ тамъ занимаются: онъ же любитъ, чтобы тамъ комментировали «Диалогъ Силлы и Евкрата» Монтескье, «Похвалу Марку-Аврелію» Тома, «Анналы» Тацита. «Пусть молодежь читаетъ лучше комментаріи Цезаря Корнейль, Боссюэ—вотъ учителя которые имъ нужны», они литературные сотрудники государственной власти. Духъ Нормальной Школы долженъ собразоваться съ духомъ этихъ великихъ людей. Она — оригинальная и центральная мастерская, предназначенная для изготовленія всѣхъ первосортныхъ механизмовъ. Теперь мастерская мала, недостаточно оборудована, плохо управляется и находится еще въ загадочномъ состояніи, но ее увеличатъ, достроятъ, заставятъ ее работать больше и лучше. Временно оно производитъ только согласно удостоверенной потребности для заполнения ежегодныхъ пробѣловъ въ лицейхъ и гимназіяхъ. Но въ первомъ же декретѣ число учащихся опредѣлено въ 300 ч. При такой цифрѣ производства заполнить всѣ пробѣлы, какъ бы велики они не могли быть, и заполнить ихъ продуктами высшаго качества. Понятно, что государство предпочитаетъ эти человѣческіе продукты, сфабрикованные въ своихъ мастерскихъ, эти школьные инструменты заштемпелеванные имъ. Оно навязываетъ ихъ своимъ отдѣленіямъ, оно насильно помѣщаетъ ихъ въ своихъ лицейхъ и гимназіяхъ, въ концѣ концовъ оно больше никого не принимаетъ, оно присваиваетъ себѣ монополію не только въ дѣлѣ образованія, но и подготовленія преподавательскаго персонала.

Въ 1813 году въ одномъ циркулярѣ заявляется, что «число свободныхъ мѣстъ въ различныхъ учрежденіяхъ университета, зна-

чительно уменьшается изъ года въ годъ, по мѣрѣ того какъ завѣршается и регулируется организація преподавательской корпораціи. Поэтому наступилъ моментъ заявить, что отнынѣ Нормальная школа является единственнымъ путемъ для полученія мѣста на поприсѣ народнаго образованія; она можетъ удовлетворить всѣ потребности школы.

IV.

А какова цѣль школы?—До Революціи когда она управлялась Церковью и находилась подъ ея наблюдениемъ, высшей ея цѣлью было сохраненіе и утвержденіе вѣры въ юныхъ душахъ. Будучи преемникомъ древнихъ королей новый монархъ помѣщаетъ въ первую голову, среди «основъ образованія» «предписанія католической религіи» и это фразу онъ вписываетъ самъ съ явнымъ удареніемъ. Въ первоначальной редакціи Государственный Совѣтъ поставилъ «христіанской религіи», въ окончательномъ и опубликованномъ декретѣ Наполеонъ замѣняетъ слово болѣе широкое болѣе узкимъ словомъ. Онъ политикъ, онъ дѣлаетъ шагъ по пути, по которому онъ пошелъ благодаря конкордату, онъ хочетъ помириться съ Римомъ и французскимъ духовенствомъ, онъ дѣлаетъ видъ, что ставитъ религію выше всего.

Но онъ отводитъ ей только почетное мѣсто, подобно тому мѣсту, которое онъ отводитъ въ публичныхъ церемоніяхъ духовнымъ сановникамъ. Онъ не заботится объ оживленіи или предохраненіи интимнаго вѣрованія; далеко отъ этого: «Нужно сдѣлать такъ, говоритъ онъ, чтобы молодые люди не были ни слишкомъ ханжи, ни слишкомъ невѣрующіи: Они должны примѣняться къ положенію націи и общества». Онъ ихъ требуютъ только вѣвшихъ знаковъ почтенія, бормотанія короткой латинской молитвы до и послѣ ученія однимъ словомъ выполненія обязанностей, аналогичныхъ поклону, публичнымъ знакамъ почтенія, официальнымъ отношеніямъ, которыя правительство, авторъ конкордата, налагаетъ на свой военный и гражданскій служебннй персоналъ. И они тоже, лицеисты и гимназисты будутъ входить въ составъ этого персонала, они уже входятъ въ него и Наполеонъ такимъ образомъ подготавливаетъ ихъ къ дѣятельности.

Онъ старается для самого себя, для одного себя, а вовсе не для Церкви, вліяніе которой повредило бы его вліянію; лучше того, въ интимномъ разговорѣ онъ объявляетъ, что онъ стремится ее замѣнить, если онъ создалъ Университетъ, то прежде всего и главнымъ образомъ для того «чтобы отобрать отъ священниковъ дѣло воспитанія». Они считаютъ этотъ мѣръ «какъ бы дилжансомъ, въ которомъ отираешься въ другой мѣръ» и Наполеонъ хочетъ, чтобы дилжансы наполнили свѣлыми солдатами для его арміи», добрыми чиновниками для его управленія и добрыми и ревностными подданными для службы ему. И вотъ поэтому въ декретѣ учреждающимъ Университетъ, послѣ напыщенной фразы онъ произноситъ простую и глубокую фразу: «Всѣ школы Университета должны положить въ основу преподаванія вѣрность Императору, император-

своей монархіи, охранительницы народнаго счастья, наполеоновской династіи, охранительницы единства Франціи и всѣхъ либеральныхъ идей возвыщенныхъ конституціями».

Другими словами нужно внушить дѣтямъ, подросткамъ, молодымъ людямъ вѣру въ красоту, въ превосходство установленнаго порядка, предрасположить ихъ сердце и ихъ умъ въ пользу существующей системы, приноровить ихъ къ этой системѣ, къ концентраціи власти и централизаціи управленій, къ однообразію, къ равенству въ отношеніи повинностей, къ соревнованію. Для этого необходимы два чувства у взрослыхъ, и поэтому и у дѣтей: первое это пассивное воспріятіе налагаемыхъ правилъ и нигдѣ правила, налагаемая сверху, не связываютъ и не управляютъ такъ всей жизнью какъ въ университетскомъ режимѣ. Эта школьная жизнь опредѣлена согласно единообразному и строгому плану, общему для всѣхъ гимназій и лицеевъ Имперіи, предусматривающему и предписывающему все до послѣдней мелочи, трудъ и отдохновеніе физическое и тѣлесное, предметы и методы преподаванія, классныя пособія, отрывки для переводовъ или ученія наизусть, списокъ 1500 книгъ для каждой бібліотеки, съ запрещеніемъ вносить хотя бы одну книгу безъ разрѣшенія Президента, часы, продолжительность уроковъ, рекреаций, прогулокъ, то есть преднамѣренно уничтожается природное любопытство, личная изобрѣтательность и инициатива, до такой степени, что въ эпоху второй Имперіи одинъ министръ вынужъ часы будетъ въ состояніи сказать съ чувствомъ полного удовлетворенія: «Въ такой то часъ, въ такомъ то классѣ всѣ ученики Имперіи объясняютъ такую то странцу Вергилія».

При видѣ этого механизма замѣняющаго вездѣ инициативу снизу давленіемъ и импульсомъ сверху, образованные, здравомыслящіе, безпристрастные и даже относящіеся благосклонно къ Франціи иностранцы поражены удивленіемъ. «Законъ требуетъ, чтобы учащіеся не были ни на одну секунду предоставлены самимъ себѣ, дѣти находятъ весь день и всю ночь подъ наблюденіемъ учителей». Всякое нарушеніе школьнаго регламента влечетъ за собой строгія наказанія: «Соответственно важности проступковъ учащіеся наказываются заключеніемъ отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ въ специально предназначенномъ для этого помѣщеніи лица или гимназіи; если отецъ, мать или опекуны воспротивились бы этимъ мѣрамъ, ученика возвращаютъ имъ и онъ больше не можетъ быть принятъ ни въ одинъ лицей или гимназію Университета», а это благодаря университетской монополіи лишаетъ его отнынѣ всякаго образованія, если только родители его не настолько богаты, чтобы дать ему домашнее образованіе. Если молодые люди по выходѣ изъ лицей потеряли всякую самостоятельность, за это они пріобрѣли «наклонность къ порядку, привычку подчиняться и быть аккуратными».

Тѣмъ не менѣе на этомъ прямомъ и всецѣло намѣченномъ пути ихъ толкаетъ впередъ соревнованіе. Въ этомъ отношеніи новая университетская корпорація, которая по словамъ самого Наполеона, должна быть обществомъ «свѣтскихъ іезуитовъ» употребляетъ двойное средство, которымъ такъ удачно пользовались въ дѣлѣ воспи-

танія его предшественники, іезуиты, съ одной стороны—постоянныя руководство и надзоръ, съ другой призывъ къ самолюбію и вліяніе публичныхъ торжествъ.

Если ученикъ работаетъ, то не для того, чтобы учиться и знать, а для того чтобы быть первымъ въ своемъ классѣ; въ немъ не развиваются потребность къ истинѣ и любовь къ наукѣ, но память, литературный вкусъ и талантъ, самое большее логическую способность дѣлать выводы, но въ особенности стремленіе опередить своихъ соперниковъ, отличиться, блистать, сначала въ небольшой средѣ своихъ товарищей, и затѣмъ, въ концѣ года передъ публикой. Благодаря этому-то еженедѣльно пишутся сочиненія, устанавливается іерархія, каждый занимаетъ нумерованное мѣсто, происходитъ ежегодная, торжественная раздача наградъ и на конкурсахъ лицесевъ происходящихъ съ помпой раздается музыка, произносятся рѣчи, присутствуютъ высокопоставленныя лица. Одинъ нѣмецкій наблюдатель констатируетъ могущественное дѣйствіе подобной церемоніи: «Можно было подумать, что присутствуешь на спектаклѣ, такъ театральна вся церемонія» и онъ отмѣчаетъ горячіи, декламаторскій тонъ ораторовъ, ихъ волненіе передаваемое другъ другу, аплодисменты ихъ родителей.

Безъ сомнѣнія система эта имѣетъ свои неудобства, такъ какъ очень мало учениковъ могутъ разсчитывать на первое мѣсто, остальные не могутъ соревновать, да и учителя относятся къ нимъ крайне небрежно. Но за то избранная часть дѣлаетъ необыкновенныя успѣха и она добивается успѣховъ. «Во время войны, говоритъ тотъ же самый нѣмецъ, я давалъ пристанище многимъ французскимъ офицерамъ, которые знали наизусть половину Виргилія и Горация». Точно такъ же въ математикѣ, восемнадцатилѣтніе юноши, ученики политехнической школы отлично знаютъ дифференціальное и интегральное исчисленіе и по свидѣтельству одного англичанина «они знакомы съ нимъ лучше, чѣмъ многіе англійскіе учителя».

У.

Эту общую подготовку Наполеонъ направляетъ въ сторону политики и такъ какъ онъ главнымъ образомъ нуждается въ солдатахъ, то школа въ его рукахъ становится предверіемъ казармы. Съ самого начала она уже проникнута военнымъ духомъ. Въ 1805 году, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ Фуркруа по приказанію императора посѣщаютъ новые музеи съ капитаномъ или адъютантомъ, которые вездѣ даютъ инструкціи для упражненій и соблюденія дисциплины. Молодежь уже покорила. «Почти вездѣ, говоритъ онъ по своему возвращеніи, я видѣлъ, что молодые люди повинувались безъ ропота и безъ разсужденій болѣе молодымъ капраламъ и сержантамъ, добившимся заслуженнаго чина благодаря своему уму и усердію». Онъ самъ, хотя онъ и либералъ, находить мотивы для оправданія передъ законодательнымъ корпусомъ этого не популярнаго образа дѣйствій. На замѣчанія и протесты родителей онъ отвѣчаетъ, что такія условія благоприятствуютъ порядку, безъ котораго не можетъ быть надлежащихъ занятій, что

благодаря имъ учащiеся привыкають къ ношенiю оружiя и обращенiю съ нимъ, что облегчить ихъ работу и ускорить ихъ новышенiю, когда они будутъ призваны къ исполненiю воинской обязанности. Барабанный бой, ружейныя прiемы, движенiя по командѣ, форма, галуны, все это въ 1811 году становится обязательнымъ не только для лицеевъ и гимназiй, но и подѣ угрозой закрытiя, а для частныхъ учебныхъ заведенiй.

Въ однихъ только департаментахъ составившихъ прежнюю Францiю насчитываютъ къ концу Имперiи 76.000 учениковъ, занимающихся при этомъ режимѣ возбужденiя и принужденiя. «Падши учителя, скажетъ впоследствии одинъ бывший ученикъ, походили на капитановъ-инструкторовъ, наши рекреации на маневры и наши экзамены на смотры». Начиная съ 1806 въ солдаты набирають молодежь со сеамей классовъ философи и даже реторики. Съ 1808 года министерскiе циркуляры ищуть въ лицахъ восемнадцати и девятнадцатилѣтнихъ юношей «знающихъ военныя упражненiя», которыхъ тотчасъ-же превѣдуть въ унтеръ-офицеровъ и подпоручиковъ и безъ всякаго затрудненiя лица поставляютъ ихъ сотнями: такимъ образомъ безусый доброволецъ поступаетъ на военную службу на годъ или два раньше, но за то получаетъ раньше чина или два.

«Вся французская молодежь, говоритъ одинъ директоръ гимназiи, только и думаетъ, что о военныхъ; въ научномъ отношенiи отъ нея нельзя много ожидать, по крайней мѣрѣ при настоящихъ обстоятельствахъ». «Въ школахъ, говоритъ другой современникъ, молодые люди отказываются изучать что-либо, кромѣ математики и военного искусства; многие десятилѣтние или двѣнадцатилѣтние мальчики умоляли своихъ родителей, чтобы тѣ позволили имъ отправиться вслѣдъ за Наполеономъ». Въ эту эпоху военная карьера выше всѣхъ остальныхъ карьеръ. Всякаго штатскаго считаютъ существомъ низшаго порядка и съ нимъ такъ и общаются. Въ театрѣ офицеръ не становится въ очередь у кассы, онъ беретъ въ кафе билетъ, не обращая вниманiя на пришедшихъ раньше его; въ кафе, когда всѣ газеты разобраны посѣтителями, онъ выхватываетъ ихъ какъ бы по праву реквизиции изъ подѣ носа буржуа, который терпѣливо ждетъ.

Понятно это восхваленiе армiи имѣетъ своимъ центромъ культъ Наполеона, верховнаго, единственнаго, абсолютнаго повелителя и престижъ этого столь великаго имени такъ же заботливо поддерживается въ школахъ, какъ въ армiи. Съ самаго начала онъ помѣстилъ въ гимназiяхъ и лицахъ своихъ стипендиатовъ, около 3000 дѣтей, которыхъ онъ воспитываетъ и кормитъ на свой счетъ, которые предназначены быть его креатурами. Они образуютъ первый слой школьнаго населенiя; на каждый лицей приходится около 150 стипендиатовъ и полустипендиатовъ, и въ теченiе долгаго времени ихъ будетъ больше, чѣмъ платныхъ учащихся. Всѣ они происходятъ изъ большъ или менѣе нуждающихся семей, они сыновья военныхъ и чиновниковъ, живущихъ только императоромъ и съ равнаго дѣтства они привыкли видѣть въ императорѣ верховнаго вершителя ихъ судьбы, ихъ благодѣтельнаго и всемогущаго патрона, который заботится о

нихъ въ настоящее время позаботится также и объ ихъ будущности. Подобная личность занимаетъ и наполняетъ все поле ихъ воображенія: столь грандіозная сама по себѣ, она становится еще грандіознѣе, колоссальной, сверхъчеловѣческой. Въ началѣ среди своихъ сотоварищей они возбуждали энтузіазмъ къ Наполеону, благодаря своему механизму учебное заведеніе старается поддержать его, администраторы или учителя, по приказу свыше или изъ рвенія стараются надъ этимъ изо всѣхъ силъ. Начиная съ 1811 года, даже въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ «побѣды императора являются единственнымъ предметомъ, на которомъ разрѣшается развивать воображеніе учениковъ». Уже въ 1807 году въ гимназии Людовика Великаго награду получаютъ сочиненія, предметомъ которыхъ является недавняя побѣда при Іенѣ. «Наши учителя, говоритъ Альфредъ де-Виньи, постоянно читали намъ бюллетени Великой Арміи и крики, «да здравствуетъ императоръ,» прерывали Виргилія и Платона.

«Въ общемъ пишутъ свидѣтели, Бонапартъ хотѣлъ придать французской молодежи организацію мамелюковъ» и это ему почти удалось. Болѣе точно и употребляя его собственныя слова «Его Величество хотѣлъ осуществить въ государствѣ съ 40 миллионнымъ населеніемъ то, что осуществили Спарта и Аены». Но, скажете вы въ послѣдствіи, это ему удалось только на половину. Это былъ «одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ его плановъ»; г. де-Фонтанъ и другіе плохо его поняли или не хотѣли его понять. Онъ самъ, Наполеонъ, могъ удѣлять своему школьному дѣлу только немного вниманія, во время передышекъ между двумя кампаніями; во время его отсутствія «портили самыя лучшія его идеи»; его исполнители «никогда хорошо не выполняли его намѣреній». Онъ бранился и они «сгибались передъ грозой, во все-таки продолжали поступать по прежнему». Фуркруа слишкомъ хорошо помнилъ Революцію, а Фонтанъ прежній режимъ. Первый былъ слишкомъ человѣкъ науки, а второй слишкомъ литераторъ, поэтому они обратили большое вниманіе на культуру ума и слишкомъ мало заботились о дисциплинѣ сердца. Въ дѣлѣ воспитанія — литературы и науки — вещи второстепенныя, главное это дрессировка, упорная, методическая, которая всеми средствами, уроками, примѣрами задряетъ навсегда въ молодыя души «національную доктрину», родъ социальнаго и политическаго катехизиса, первая статья котораго предписываетъ фанатическое послушаніе, страстную преданность и позное предоставленіе самого себя въ распоряженіе императора.

ГЛАВА II.

I. Первоначальное образованіе. — Духовное наблюденіе. — Цѣли Наполеона. — Ограниченіе первоначальнаго преподаванія. — Предпочтеніе оказываемое монахамъ — иезуитамъ. — Императорскій катехизисъ. — II. Высшее образованіе. — Характеръ и условія научныхъ университетовъ. — Въ чемъ они находятъ въ противорѣчій съ французскою системою. — Какъ она ихъ измѣняетъ. — Кемъ берется доступъ къ которымъ открывасть среднее образованіе. — Специальныя школы. — Наполеонъ хотѣлъ, чтобы онѣ были профессиональными и практическими школами. — Училище правовѣднія. — III. Завершеніе университетскаго аданія. — Врванію основанное на способѣ доказательствъ. — Какъ онъ соединяетъ людей и создаетъ свѣтскую церковь. — Соціальная мѣсть этой церкви. —

Научные и литературные авторитеты. — Какъ Наполеонъ привлекаетъ ихъ на свою сторону. — Институтъ. — Добавленію къ государству. — IV. Взятію правительства на членовъ Института. — Какъ онъ ихъ удерживаетъ. — Кругъ въ которомъ можетъ вращаться свѣтская мысль. — Благоклонное отношенію къ математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ. — Неблагоклонное отношенію къ моральнымъ наукамъ. — Уничтоженію класса моральныхъ и политическихъ наукъ. — Мѣры противъ идеологій, философскаго или историческаго изученія законовъ, противъ политической экономіи и статистики. — V Мѣры прогавъ писателей и популяризаторовъ. — Цензура театры, типографіи, книжныхъ магазиновъ. — Размѣры репрессіи. — Финальный оубектъ, ансамбль и логическая красота системы въ дѣломъ. — Какъ она себя сама уничтожаетъ.

I.

Самое личное, самое законченное, самое полное созданіе Наполеона это среднее образованіе, находящіяся сверху и снизу оба другіе этажа образованія, выстроенные болѣе поверхностнымъ способомъ, примыкають къ среднему этажу и всѣ три этажа составляютъ памятникъ при чемъ архитекторомъ искусно уравновѣшенъ размѣръ его, комбинировано устройство, вычислена прочность украшена фасадъ.

«Наполеонъ, говоритъ одинъ изъ его современныхъ противниковъ, зная власть только подъ видомъ самой абсолютной власти, военнаго деспотизма, пытался раздѣлить Францію на двѣ категоріи. Одна, состоявшая изъ народной массы, была предназначена пополнять обширныя кадры его арміи и была расположена, благодаря оказываемому имъ гнету, къ пассивному повиновенію, къ фанатической преданности, другая категорія занимавшая болѣе высокое положеніе благодаря своему богатству, должна была руководить первой соответственно видамъ общаго ихъ повелителя и для этого должна была сама формироваться въ школахъ, гдѣ, въ то же самое время какъ ее приучали къ непоколебленной и такъ сказать механической покорности, она пріобрѣтала познанія относящіяся главнымъ образомъ къ искусству военному и административному, узы тщеславія и интереса должны были впоследствии привязать ихъ къ его личности и отождествить его нѣзотрымъ образомъ съ его системой управленія».

Смягчите мрачныя краски этой картины и она будетъ совпадать съ дѣйствительностью. Дѣло первоначальнаго образованія не получало никакихъ субсидій отъ государства, за исключеніемъ 25.000 франковъ назначеннымъ въ 1812 году монахамъ инвортинцамъ, изъ которой суммы они получаютъ только 4500 франковъ. Единственная милость оказанная маленькимъ школамъ—это освобожденіе ихъ отъ университетскихъ налоговъ. Совѣтники Наполеона со своими привычками фискальной логики предлагали взимать ихъ и въ данномъ случаѣ, но будучи тонкимъ политикомъ онъ понимаетъ, что это уронило бы его популярность среди брестянъ и не богатыхъ людей, онъ поэтому воздерживается отъ взысканія съ нихъ 200.000 франковъ въ годъ, но на этомъ останавливаются его щедрости по отношенію къ первоначальному обученію. Пусть родители и коммуны сами устраиваютъ на свой счетъ школы, приглашаютъ учителей, правительство приглашающее ихъ къ этому

предоставляетъ имъ только рамку, то есть правила, предписанія и ограниченія.

Во первыхъ необходимо разрѣшеніе профекта, опекуна коммунъ, который, пригласивъ коммуну основать школу. Циркулярномъ сообщеніемъ всѣ относящіяся до этого предписанія и который теперь вмѣшивается въ условія заключеннаго муниципальнымъ совѣтомъ и учителемъ, касающіяся срока дѣйствія контракта, часовъ преподаванія, предметовъ преподаванія, вознагражденія его деньгами и натурой, уплачиваемой учениками платы, мелкихъ дополнительныхъ заработковъ учителя въ качествѣ писца мэрин, дьячака или звяра.

Въ тоже самое время необходимо разрѣшеніе ректора, такъ какъ низшее учебное заведеніе наравнѣ со средними и высшими включено въ составъ университета; новый учитель становится членомъ преподавательскаго персонала, онъ присягой связанъ съ нимъ, онъ беретъ на себя обязательства, онъ подпадаетъ подъ юрисдикцію университетскаго начальства, которое слѣдитъ и руководитъ имъ въ его класстѣ и внѣ его.

Кромѣ того еще болѣе дѣятельное наблюденіе, добровольное и по приказанію свыше, надъ всѣми низшими школами, имѣетъ духовенство. Предсѣдатель университета г. де Фонтанъ, проситъ циркулярномъ епископовъ, чтобы они предложили „священникамъ ихъ епархіи присылать подробныя свѣдѣнія о школьныхъ учителяхъ ихъ прихода; собравъ эти свѣдѣнія, говоритъ онъ, прошу васъ прислать ихъ съ вашими собственными отмѣтками соотвѣтственно этимъ отмѣткамъ, я утвержу учителя заслужившаго выше одобреніе и онъ получитъ дипломъ разрѣшающій ему продолжать свои занятія, или же тотчасъ же замѣню человекомъ, котораго вы сочтете болѣе способнымъ“.

Если Наполеонъ отдастъ низшія учебныя заведенія подъ надзоръ духовенства, то онъ дѣлаетъ это не только для того, чтобы примириться съ духовенствомъ, но ради собственныхъ выгодъ онъ не хочетъ, чтобы народъ мыслилъ самостоятельно и слишкомъ много разсуждалъ. „Академическіе инспекторы, говоритъ декретъ 1811 года, должны наблюдать за тѣмъ, чтобы учителя начальныхъ школъ учили бы только читать, писать и производить, четыре арифметическихъ дѣйствія“. Для столь ограниченнаго преподаванія самые лучшіе учителя будутъ монахи христіанскихъ школъ и Наполеонъ поддерживаеъ ихъ, вопреки взглядамъ своихъ совѣтниковъ. Генераль ордена въ Римѣ отказывается отъ всякаго наблюденія за ними. Условлено, что у нихъ будетъ генераль ордена во Франціи, резиденція котораго будетъ въ Лионѣ. Этотъ генераль со всѣми своими монахами подпадаетъ подъ власть правительства и подчиняется предсѣдателю университета. Подобная корпорація является превосходнымъ орудіемъ, самымъ вѣрнымъ, самымъ точнымъ, на которое можно всегда рассчитывать и которое никогда не уклонится отъ намѣченныхъ границъ.

Нѣтъ ничего болѣе удобнаго для Наполеона, который въ гражданскомъ управленіи хочетъ быть папой, который основываетъ свое государство подобно тому, какъ папа основываетъ свою церковь, на

древнихъ римскихъ традиціяхъ, который для верховнаго управленія, вступаетъ въ союзъ съ духовной властью, который, подобно католической власти, нуждается въ дисциплинированныхъ исполнителяхъ, а ихъ можно найти только въ организованныхъ и специальныхъ корпораціяхъ. Каждому ректору генеральныя инспектора дають слѣдующія инструкціи: „Вездѣ гдѣ нѣются братья христіанскіихъ школь, имъ нужно отдавать предпочтеніе при назначеніи учителей начальныхъ школь.“

Поэтому кромѣ трехъ предметовъ преподаванія нужно ввести четвертый, о которомъ законодатель не упоминаетъ въ законѣ, но который Наполеонъ допускаетъ, а ректоры и префекты рекомендуютъ или разрѣшаютъ и который почти всегда вносится въ условіе заключаемое коммуной и учителемъ. Этотъ послѣдній, будь онъ свѣтскимъ учителемъ или монахомъ инвентурируется общасть обучать кромѣ „чтенія, письма и счета“, „принятому въ Имперіи катехизису“. Такимъ образомъ школа становится отдѣленіемъ Церкви и, подобно ей, орудіемъ правительства. Въ принятомъ въ Имперіи катехизисѣ есть обдуманная, богатая смысломъ и опредѣленная фраза, въ которой Наполеонъ сконцентрировалъ квинтэссенцію своей политической и социальной и формулировалъ императивное вѣрованіе, считаемое имъ цѣлью образованія. Эту мощную фразу 700 или 800.000 дѣтей низшихъ школь повторяють учителю, прежде чѣмъ произнести ее передъ священникомъ: „Мы обязаны въ частности Наполеону I, нашему императору, любовью, уваженіемъ, повиновеніемъ, вѣрностью, военной службой, податями налагаемыми ради сохраненія и защиты имперіи и его престола... Такъ какъ онъ тотъ, котораго вызвалъ Богъ въ тяжелыя обстоятельства для возстановленія публичнаго культа и святой религіи нашихъ отцовъ и дае ихъ защиты“.

II.

Остается высшее образованіе, самое важное изъ всѣхъ, такъ въ этой третей и послѣдней стадіи молодые люди отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ заканчиваютъ формированіе своего ума и своихъ убѣжденій. Тогда именно, уже свободные и почти созрѣвшіе, они, какъ разъ въ моментъ начала своей практической жизни, набрасываютъ свои первыя общія мысли, свои еще смутныя и полу-поэтическіе общіе взгляды, свои преждевременныя выводы насчетъ природы и человѣка, насчетъ общества и великихъ человѣческихъ интересовъ.

Если хотять, чтобы они пришли къ истиннымъ заключеніямъ, нужно подготовить имъ цѣлый рядъ ступеней. Поэтому соберутъ въ емежныхъ здаціяхъ не только учителей являющихся рупорами науки, но и коллекціи, лабораторіи и бібліотеки, являющіеся ихъ орудіями; заимъ кромѣ обычныхъ курсовъ будутъ установлены часы, въ которые предоставлена будетъ полная свобода преподавать всякому человѣку снабженному знаніями и инициативой, который имѣя что нибудь сказать пожелаетъ сказать это всякому желающему это выслушать. Такимъ образомъ созданъ будетъ родъ устной энцикло-

медь, универсальная выставка человеческихъ знаній, постоянная, постоянно зановообновляемая выставка, на которой посетители, представивъ въ качествѣ входнаго билета свидѣтельство въ полученіи средняго образованія, увидятъ своими глазами не только созданную науку, но и какъ она создается, не только, открытія и доказательства, но и способъ дѣлать открытія и доказывать, то есть методъ, исторію, процессъ, положеніе каждой науки въ своей группѣ и положеніе этой группы.

Преподавать и изучать науку ради нея самой, не подчиняя эту цѣль другой преобладающей, руководить умами по этому пути, подъ жгучимъ спросомъ и предложеніемъ, открывать широкое поле дѣятельности, труду и предпочтеніямъ мыслящаго индивидуума, учителя или ученика—таковъ духъ этого учрежденія. Оно нуждается въ независимой, автономной корпораціи, защищенной отъ вѣдательства Государства, Церкви, провинціи, общины и всѣхъ другихъ общинъ или мѣстныхъ властей, оно нуждается въ уставѣ, законъ долженъ его сдѣлать юридическимъ лицомъ, способнымъ приобретать, продавать, входить въ договорныя условія, то-есть собственникомъ. Это не химерическій планъ, всѣ средневѣковые университеты организованы по подобному типу, до Революціи двадцать два университета Франціи, хотя и изуродованные, захирѣвшіе, сохранили нѣсколько ихъ чертъ, нѣкоторые внѣшнія отличія. Въ 1811 году Кювье послѣ осмотра университетовъ въ Южной Германіи описываетъ этотъ типъ, какимъ онъ его видѣлъ въ Германіи, это типъ законченный, приуроченный къ современнымъ потребностямъ, находящійся въ полномъ расцвѣтѣ, хотя созданный только для высшаго образованія.

Вернувшись во Францію Кювье не находить мѣста для учрежденій подобнаго рода, такъ какъ онѣ исключаются соціальной системою, которая одержала верхъ. Прежде всего публичное право, какъ его понимали Революція и Наполеонъ, относится къ нимъ враждебно, такъ какъ онъ беретъ за принципъ, чтобы въ государственствѣ не было специальныхъ, постоянныхъ и самоуправляемыхъ корпорацій, предпринимателей на собственный рискъ общественнаго дѣла, въ особенности, если это дѣло—просвѣщеніе, такъ какъ государство само присвоило себѣ монополію этого. Университеты на подобіе германскихъ могли-бы явиться очагами оппозиціи, молодые люди имѣли-бы свои личныя и независимыя мнѣнія, наряду или внѣ «національной доктрины», внѣ наполеоновской и гражданской ортодоксальности, хуже того, они увѣровали-бы въ свои взгляды: занимавшіеся по первоисточникамъ юристы, теологи, философы, историки, филологи, экономисты, быть можетъ, имѣли-бы опасную претензію быть компетентными даже въ соціальныхъ вопросахъ. Такъ какъ они французы, они говорили-бы о нихъ съ большою увѣренностью и неблагоразуміемъ, чѣмъ нѣмцы и съ ними было-бы гораздо неудобнѣе имѣть дѣла; ихъ очень скоро заключили-бы или въ сумасшедшій домъ или въ тюрьму. При настоящемъ положеніи дѣла и въ интересахъ самой молодежи необходимо, чтобы высшее образованіе не было ни глубокимъ, ни энциклопедическимъ.

Если это пробѣлъ, то французы его не замѣтятъ, они съ нимъ

свыклись. Молодые люди не замѣчаютъ того, что нѣтъ настоящихъ университетовъ, свободное и глубокое любопытство въ нихъ не пробуждается. Съ другой стороны это поверхностная подготовка удовлетворяетъ положительнымъ потребностямъ новаго общества. Необходимо заполнить пустоту произведенную Революціей, доставить требуемый ею еще годный контингентъ образованныхъ молодыхъ людей. А таковыми считаютъ тѣхъ, которые прошли весь курсъ ученія. Эти юноши учились латыни и математикѣ, они приобрѣли привычку мыслить ясно и послѣдовательно, искусство составлять фразу, способность вести споръ и написать письмо, часто даже талантъ удачно составить какую-нибудь докладную записку.

Съ этимъ приобретениемъ, при поверхностномъ знаніи физики и еще болѣе скудныхъ познаніяхъ Географіи и исторіи, молодой человѣкъ, имѣетъ всѣ познанія необходимыя для того чтобы претендовать посвятить себя одной изъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій. Обществу важно только то, чтобы онъ былъ опытенъ въ своемъ дѣлѣ, онъ можетъ и не быть ученымъ или философомъ. Достаточно ему быть компетентнымъ и достойнымъ довѣрія на своемъ ограниченномъ поприщѣ, достаточно ему жить давать уроки или читать лекціи, построить мостъ, бастионъ, зданіе, лѣчить больныхъ, производить импутацію, составить контрактъ, вести дѣло въ судѣ. Соціальный интересъ требуетъ чтобы государство провѣряло его знанія, чтобы оно защищало его быть поддѣлокъ не только путемъ оказываемыхъ имъ предпочтеній, но и запрещеніями, наказаніями посылаемыми за незаконную дѣятельность въ качествѣ аптекаря и врача, путемъ обязательствъ магистратовъ, адвокатовъ и должностныхъ лицъ исполнять свои обязанности только по излеченіи той или другой степени.

Согласно этому принципу Государство учреждаетъ свои спеціальныя школы и благодаря предоставляемой имъ косвенно можности оно наполняетъ ихъ слушателями, эти то школы дадутъ отнынѣ высшее образованіе французской молодежи.

Съ самаго начала съ своими обычными проицательностью и опредѣленностью Наполеонъ устанавливаетъ, что онъ будутъ строго профессиональными и практическими школами. Подготавливая себя юристовъ Наполеонъ это дѣлаетъ для того чтобы, имѣть исполнителей, но не критиковъ, университетъ доставитъ ему людей способныхъ примѣнять его законы, но не обсуждать ихъ. Поэтому при преподаваніи права нѣтъ мѣста изученія исторіи, политической экономіи, сравнительнаго правовѣдѣнія; имѣется только два сухихъ и неподвижныхъ кодекса, какъ бы свалившихся съ неба. Всѣ курсы обязательны, всѣ шаги студента будутъ измѣряемы и провѣряемы каждый семестръ записью и каждый годъ экзаменомъ. Студентъ не находитъ никакой выгоды изучать предметы всѣхъ программъ и въ этой программѣ онъ находитъ только официальные тексты, объясняемые съ изворотливостью логично, другими словами находить казуистику.

И вотъ именно образованіе подходящее будущимъ практикамъ. Поэтому со своей прозорливостью, со своимъ позитивистскимъ и начертательнымъ воображеніемъ Наполеонъ могъ предвидѣть будущія

и вѣрныя продукты своей машины, «сидящихъ» или «стоящихъ» членовъ магистратуры, напротивъ нихъ адвокатовъ въ тогахъ и далѣе въ своихъ конторахъ загроможденныхъ дѣлами потребителей гербовой бумаги, повѣренныхъ и нотариусовъ, далѣе префектовъ супрефектовъ, совѣтниковъ профектуры, правительственныхъ комиссаровъ и другихъ администраторовъ, выполняющихъ приблизительно хорошо свои функціи, являющихся полезными органами, но вмѣстѣ съ тѣмъ простыми орудіями закона. Было мало шансовъ, еще менѣе чѣмъ при прежнемъ режимѣ, чтобы изъ этой школы вышелъ ученый и независимый мыслитель вроде Монтескье.

III.

Вездѣ направленіе и цѣль высшаго образованія одинаковы. На филологическихъ факультетахъ еще болѣе чѣмъ на медицинскихъ и юридическихъ главное занятіе профессоровъ—это выдача ученыхъ степеней. Они выдаютъ степени бакалавра, лиценціата, доктора, но они не готовятъ будущихъ бакалавровъ, ихъ поставляютъ лица, поэтому слушателями ихъ являются лишь будущіе лиценціаты, то-есть нѣсколько учителей, изрѣдка лиценціатъ, которому необходимо сдѣлаться докторомъ, для того чтобы подняться въ университетской іерархіи. Промѣ нихъ залы наполняютъ изрѣдка любители, почти всѣ зрѣлаго возраста, являющіеся на лекціи для освѣженія своихъ классическихъ воспоминаній и праздношатающіеся. Для того чтобы скамейки не оставались пустыми, лекціи являются конференціей, достаточно пріятной или поверхностной, чтобы заинтересовать или по крайней мѣрѣ не отгадить свѣтскихъ людей.

Остаются для истиннаго преподаванія науки настоящимъ труженникамъ два учрежденія, оставшіеся невредимыми среди общей катастрофы прежняго режима а именно Музей естественной исторіи съ тринадцатю кафедрами и Институтъ для публичныхъ лекцій съ девятнадцатю кафедрами, но и тамъ аудиторія крайне смѣшанная, такъ какъ лекціи являются публичными и даровыми, то во время ихъ чтенія входятъ въ залу и выходятъ кому только заблагоразсудится. Многіе присутствующіе люди праздные, для которыхъ голось и жесты профессора являются развлеченіемъ или мимолетные гости, приходящіе погрѣться зимой и подремать лѣтомъ. Вокругъ Сильвестра де Саси, Кювье, Сентъ-Илера, два или три иностранца, пять или шесть французовъ, изучаютъ самымъ основательнымъ образомъ арабскій языкъ или зоологію. Достаточно небольшого числа людей избранныхъ, ученыхъ и специалистовъ. Во Франціи ихъ въ различныхъ отрасляхъ наукъ около ста-пятидесяти человекъ, и зади нихъ находятся двѣсти или триста другихъ, ихъ вѣроятныхъ преемниковъ, предназначенныхъ замѣщать послѣ ихъ смерти освободившіеся вакансіи. Эти представители науки и литературы являются необходимымъ украшеніемъ современнаго государства, но кромѣ того, они хранители новой силы все болѣе и болѣе дѣлающіеся главнымъ руководителемъ, вліятельнымъ регуляторомъ и даже внутреннимъ двигателемъ человѣческой дѣятельности. Но въ

централизованномъ государствѣ никакая значительная сила не должна быть предоставлена самой себѣ. Наполеонъ не такой человекъ, чтобы допускать ея независимость; онъ намѣренъ воспользоваться ею и руководить ею въ своихъ интересахъ. Съ несравненнымъ искусствомъ и упорствомъ онъ уже наложилъ руку на другую силу того же разряда, но болѣе древнюю; тѣмъ же образомъ, съ такимъ-же искусствомъ онъ налагаетъ руку на новую силу.

На ряду съ религиозной властью, основанной на божественномъ откровеніи и принадлежащей духовенству, теперь имѣется свѣтская власть, основанная на человѣческомъ разумѣ и принадлежащая людямъ ученымъ, образованнымъ, философамъ. Они тоже являются какъ-бы духовенствомъ, такъ какъ они создаютъ догматы и наставляютъ въ вѣрѣ, но только они расположены не къ поворотности духа и довѣрію, а къ недовѣрію и къ необходимости критическаго изслѣдованія. Почти всѣ источники вѣрованій кажутся имъ подозрительными. Они допускаютъ только два самыхъ прямыхъ, самыхъ простыхъ, самыхъ испытанныхъ способа и то еще при условіи взаимной ихъ провѣрки, первый—разсужденіе, которымъ мы доказываемъ; что два плюсъ два составляютъ четыре и второй—опытъ, которымъ мы констатируемъ, что тепло выше извѣстнаго градуса таетъ, ледъ и холодъ ниже извѣстнаго градуса замораживаетъ воду.

Это единственный доказательный способъ. Воспользуемся-же имъ, чтобы выражать наше мнѣніе: пока умъ употребляетъ этотъ способъ или аналогичные ему для утвержденія, невѣдѣнія или колебанія, онъ называется разумомъ и истины, добытыя такимъ образомъ являются окончательными приобрѣтеніями. Полученныя такимъ путемъ одна за другой истины, долго оставались разсѣянными, въ качествѣ обломковъ; существовали только отдѣльныя науки или части наукъ; около середины XVIII столѣтія эти отдѣльныя части соединились и составили связную систему, изъ этого образовалось то, что называли тогда философіей, то-есть общій взглядъ на природу, на ея устройство, какъ-бы универсальная сѣтка, которая внезапно развернутая захватила не только физическій міръ, но и моральный міръ человека и людей, ихъ способности и страсти, ихъ индивидуальныя или коллективныя творенія, различныя человѣческія общества, ихъ исторію, ихъ обычаи и учрежденія, кодексы и правительства, религіи, языки, литературы и искусства, земледѣліе, промышленность, собственность, семью, воспитаніе и остальное. И здѣсь послѣдовательныя части связаны между собой, необходимо знать ихъ взаимную связь и до этого, какъ и въ матеріальномъ порядкѣ, доходятъ путемъ научнаго недовѣрія, критическаго изслѣдованія.

Безъ сомнѣнія, въ 1789 году общая работа на этой почвѣ привела только къ ложнымъ представленіямъ и именно потому, что вмѣсто доказательнаго способа воспользовались другимъ обманчивымъ. Хотѣли идти быстро, прямо и въ руководители подъ именемъ разума взяли безуміе. Теперь благодаря гибельному опыту пришли къ узкой, извилистой, длинной и тяжелой дорогѣ, которая единственно и приводитъ въ умозрѣніи къ истинѣ, и

на практикѣ — къ спасенію. Впрочемъ, это второе заключеніе, какъ и первое, явилось слѣдствіемъ недавняго опыта; отнынѣ было доказано, что въ политической и соціальной области идеи могутъ быстро переходить изъ умозрѣнія въ практику. Чтобы слушать, когда мнѣ говорятъ о камняхъ, растеніяхъ, животныхъ и свѣтилахъ, я долженъ быть любопытнымъ; когда же мнѣ говорятъ объ обществѣ и человѣкѣ, достаточно, чтобы я былъ человѣкомъ, включеннымъ въ общество, такъ какъ тогда дѣло идетъ обо мнѣ самомъ, о моихъ самыхъ близкихъ, самыхъ ежедневныхъ, самыхъ чувствительныхъ и самыхъ дорогихъ интересахъ. Доктрина касается меня въ качествѣ плательщика податей и подданнаго, гражданина и избирателя, собственника или пролетарія, потребителя или производителя, вольномыслящаго или католика, отца, сына или мужа; для того, чтобы затронуть меня, ей остается только стать доступной мнѣ, найги источникователѣй и распространителѣй ея.

А таковыми являются писатели, великіе или малые, въ частности люди образованные, отличающіеся умомъ, воображеніемъ или краснорѣчіемъ, пріятнымъ стилемъ, талантомъ заставлять себя читать или понимать. Благодаря ихъ посредству доктрина, выработанная въ кабинетѣ специалиста и мыслителя, распространяется путемъ романа, театра, конференціи, памфлета, газеты и разговора, словаря, руководства и въ концѣ концовъ путемъ самого преподаванія. Она такимъ образомъ проникаетъ во всѣ, дома она стремится проникнуть въ каждый умъ и соотвѣтственно этому она болѣе или менѣе дѣйствительно способствуетъ, создаетъ или уничтожаетъ чувства и мысли, примѣняющія ее къ соціальному порядку.

Въ этомъ отношеніи она дѣйствуетъ какъ позитивная религія, такъ какъ во многихъ отношеніяхъ она является таковой. Въ первыхъ, подобно религіи, она есть живой, неизсякаемый первоисточникъ, центральное мѣстоположеніе активныхъ и руководящихъ вѣрованій. Затѣмъ она также имѣетъ свои догматы, однѣ окончательныя, другіе еще не сформировавшіе, а поэтому общую концессию вещей, достаточно обширную и достаточно опредѣленную не смотря на пробѣды, чтобы захватить въ одно и тоже время и природу, и человечество. Она тоже собираетъ своихъ вѣрующихъ и полувѣрующихъ въ обширную Церковь и они съ послѣдовательностью или непослѣдовательностью подчиняются ея авторитету во всемъ или въ части, выслушиваютъ ея проповѣдниковъ, преклоняются передъ ея учителями, съ почительностью ожидаютъ рѣшеній ея и соборовъ. Разсѣянная повсюду еще не окрѣпшая подъ колеблющейся іерархіей новой церкви вотъ уже стѣлѣтъ какъ находится на пути къ увеличивающемуся укрѣпленію, прогрессирующему вліянію и безконечному расширенію, рано или поздно она будетъ первой силой среди соціальныхъ силъ. Даже военачальнику, даже главѣ государства, даже Наполеону полезно быть однимъ изъ ея саваньяковъ; въ современномъ обществѣ второе званіе увеличиваетъ престижъ перваго: «жалованье его величества императора и короля въ качествѣ члена института—1500 франковъ», такъ начинается перечисленіе прихода въ его цивильномъ листѣ. Уже въ Библии онъ съ избраніемъ въ заголовкѣ своихъ прокламацій: «Виназаргъ, главнокомандующій,

членъ института». «И былъ увѣренъ, говорилъ онъ, что меня пойметъ послѣдній барабанщикъ».

Подобное учрежденіе, пользующееся подобнымъ кредитомъ, не должно оставаться независимымъ; Наполеонъ не довольствуется тѣмъ, что онъ является однимъ изъ его членовъ, онъ ограничиваетъ молодую свѣтскую Церковь. Подобно древней католической церкви, по отношенію къ наукѣ и литературѣ онъ могъ бы слово въ слово повторить слова, сказанныя имъ о религіи и вѣрѣ: «Наполеонъ не хочетъ измѣнять вѣрованій своихъ народовъ, онъ уважаетъ духовныя потребности, онъ хочетъ руководить ими, не прикасаясь къ нимъ, не вмѣшиваясь въ нихъ, онъ хочетъ приладить ихъ къ своимъ видамъ, къ своей политикѣ, но посредствомъ свѣтскаго вліянія». Съ этой цѣлью онъ перестроилъ по своему желанію французскую церковь, онъ назначаетъ епископовъ, онъ руководитъ каноническими властями. Съ этой цѣлью онъ входитъ въ соглашеніе съ научными и литературными авторитетами, онъ собираетъ ихъ въ одной залѣ, онъ сажаетъ ихъ въ кресла, онъ даетъ ихъ группныя уставы, занятіе, ранги въ государствѣ, однимъ словомъ онъ перестраиваетъ заново «Национальный Институтъ» Франціи.

IV.

Согласно традиціямъ прежней монархіи, планамъ, проектамъ и дефектамъ революціонныхъ собраній, согласно незапамятному принципу французскаго права распространяющаго вмѣшательство центральной власти не только въ народное просвѣщеніе, но и въ науку, литературу и искусства, этотъ институтъ — креатура и придатокъ государства. Оно создало его и сформировало, оно предписываетъ ему предметы занятій, вмѣшивается во всѣ подробности. Члены его получаютъ жалованье и вновь избранные «должны быть утверждены первымъ консуломъ». Впрочемъ, Наполеону достаточно только слово сказать, чтобы собрать голоса въ пользу пріятнаго ему кандидата или лишить голосовъ кандидата, который ему не нравится.

Съ необычайной грубостью онъ относится къ членамъ института, если они даже видъ института и въ качествахъ частныхъ лицъ, не соблюдаютъ въ своихъ сочиненіяхъ приличій, налагаемыхъ на каждое общественное установленіе. Шатобрианъ въ своемъ проектѣ вступительной рѣчи, намекая на революціонную роль своего предшественника Шенье, замѣтилъ, что онъ можетъ восхвалять его только какъ литератора и въ пріемномъ комитетѣ шесть академиковъ изъ двѣнадцати одобрили его рѣчь. Послѣ этого Фонтанъ благоразумно избѣгаетъ посѣщенія Сенъ-Клу, но г. де-Сегюръ, предсѣдатель комитета, пріѣзжаетъ туда. Вечеромъ передъ всѣмъ дворомъ Наполеонъ подходитъ къ нему и тѣмъ ужаснымъ тономъ, который еще сегодня проявляется среди мертвыхъ строкъ нѣмой бумаги, говоритъ. «Что же это литераторы намѣреваются поджечь Францію? Какъ академія осмѣливается говорить о царевѣйцахъ?— Вы и г. де Фонтанъ заслуживаете, чтобы я васъ посадилъ въ Венсенскую тюрьму... Вы предсѣдательствуете во второмъ разрядѣ Института, я вамъ приказываю передать ему, что я не хочу, чтобы на его за-

сѣданіяхъ говорили о политикѣ... Если разрядъ не послушается, я разгону его, какъ вредный клубъ.

Предупрежденные такимъ образомъ члены Института не выйдутъ изъ намѣченного круга. Научныя занятія академиковъ дѣлаютъ честь правительству, такъ какъ оно является официальнымъ патрономъ и ответственнымъ руководителемъ науки, учености и таланта блестя всего этого отражается на немъ, поэтому въ своемъ собственномъ интересѣ оно благосклонно относится къ нимъ и вознаграждаетъ ихъ. Въ 1813 году въ сенатѣ засѣдаютъ двадцать три члена института, зоологъ Ласенедъ—великій канцлеръ Почетнаго Легіона, и пятьдесятъ шесть кавалеровъ, бароновъ, графовъ и даже князей, получившихъ эти титулы отъ императора, являются членами института.

Это служить лишней связью ихъ съ правительствомъ, теперь свое значеніе они получаютъ отъ системы правительства, ставъ самовниками, чиновниками, они теперь получили опредѣленную инструкцію и прежде чѣмъ думать, обязаны смотрѣть на верхъ, на своего господина и соображать до какой степени разрѣшаетъ имъ мыслить инструкторъ. Въ этомъ отношеніи намѣренія перваго консула очевидны съ самаго перваго дня; въ пересозданномъ имъ институтѣ онъ уничтожилъ «классъ моральныхъ и политическихъ наукъ» и поэтю первые четыре разряда класса: «анализъ чувствъ и мыслей, мораль, социальную науку и законодательство, политическую экономію». Не нужно общихъ заключеній, теорій примѣнимыхъ благодаря ихъ общности къ недавнимъ событіямъ и настоящему положенію, онѣ запрещены даже въ отвлеченномъ видѣ и въ холодномъ стилѣ умозрительной диссертаци. Запрещенъ анализъ човѣческаго ума по методу и образцамъ Лока, Юма, Кондильяка и де-Траси—идеологія.

Въ 1806 г. Траси, не имѣя возможности напечатать во Франціи свой комментарий къ Духу Законовъ, посылаетъ его президенту Соединенныхъ Штатовъ Джефферсону, который переводитъ его на англійскій языкъ, печатаетъ его безъ фамиліи автора и вводитъ преподаваніе по нему во всѣхъ школахъ. Около этого же времени запрещено было печатать новымъ изданіемъ «Трактатъ политической экономіи» Сея, первое изданіе котораго, напечатанное въ 1804 г. быстро разошлось. Въ 1808 году всѣ изданія по мѣстной и общей статистикѣ, раньше созданныя и руководимыя Шапталемъ, приостанавливаются; Наполеонъ требуетъ, чтобы ему давали цифры, но онѣ ихъ хранить для себя. Было бы крайне неудобно ихъ оглашать и отнынь онѣ становятся государственной тайной. По отношенію къ сочиненіямъ по юриспруденціи, даже техническимъ, въ родѣ Историческаго очерка римскаго права принимаются тѣ-же строгія предосторожности. «Это сочиненіе, говоритъ цензура, можетъ дать мѣсто сравненію хода власти при Августѣ съ тѣмъ, что произошло въ царствованіе Наполеона, такъ что произвело бы скверное впечатлѣніе». Дѣйствительно, нѣтъ ничего опаснѣе исторіи, такъ какъ она состоитъ не изъ общихъ, понятныхъ только склоннымъ къ размышленію людямъ, предложеній, но изъ частныхъ, доступныхъ и интересныхъ для всѣхъ фактовъ.

Вотъ почему исторія должна находиться въ полномъ подчиненіи въ частности исторія Франціи является дѣломъ правительственнымъ, такъ какъ никакой другой предметъ не затрагиваетъ ближе правительство, никакая другая наука не содѣйствуетъ въ столь сильной степени укрѣпленію или ослабленію идей и впечатлѣній, возбуждающихъ общественное мнѣніе за или противъ правительства. Недостаточно наблюдать за этой исторіей, подавлять ее въ случаѣ необходимости, препятствовать ей быть дурной, необходимо еще руководить ею, вдохновлять ее и дѣлать такъ, чтобы она была непременно хорошей. Прежде всего необходимо удостовѣряться въ духѣ сочиненій историковъ. Нужно, чтобы историкъ въ каждой строчкѣ давалъ чувствовать недостатки прежняго режима «вліяніе римскаго двора, свидѣтельствъ объ исповѣди, отміну Нантскаго эдикта, достойный осмѣянія бракъ Людовика XIV и г-жи де-Ментенонъ и т. д., такъ чтобы свободно вздохнули дойдя до эпохи, въ которой пользуются благодѣяніями единства законовъ, администраціи и территоріи.» «Необходимо, наконецъ, чтобы постоянная слабость правительства даже Людовика XIV, затѣмъ Людовика XV и Людовика XVI внушала потребность поддерживать только что довершенное дѣло». 18 Брюмера Франція вошла въ гавань; говорите о Революціи только какъ о конечной, фатальной, неизбѣжной грозѣ». «Когда это сочиненіе, хорошо составленное и написанное въ желательномъ духѣ появится въ свѣтъ никто не пожелаетъ и не будетъ имѣть терпѣнія написать другое сочиненіе, въ особенности если полиція не только не будетъ поощрять его къ этому, но отобьетъ у него охоту къ этому». Такимъ образомъ, правительство, завладѣвшее по отвошенію къ юношеству монополіей преподаванія, присваиваетъ себѣ по отношенію къ зрѣлымъ людямъ монополію исторіи.

V.

Если Наполеонъ принимаетъ такіа мѣры предосторожности противъ людей мыслящихъ, то это, главнымъ образомъ, потому что мысль ихъ изложенная на бумагѣ ими самими, или другими, доходитъ до публики, а по его мнѣнію одинъ только государь имѣетъ право обращаться къ публикѣ. „Мнѣ очень важно, говоритъ Наполеонъ, чтобы имѣли право печатать только тѣ, которые пользуются довѣріемъ правительства; говорящій съ народомъ посредствомъ печати подобенъ говорящему въ публичномъ собраніи и конечно никто не можетъ осаривать у государя права запрещать первому встрѣчному обращаться съ рѣчью къ народу“?

Поэтому онъ изъ книжной торговли дѣлаетъ государственную, привилегированную и регламентированную службу. Прежде чѣмъ дойти до публики, писатель долженъ предварительно подвергнуться контролю типографа и издателя, которые, такъ какъ они оба отвѣтственны и получаютъ патентъ на право веденія книжной торговли и изданія, поостерегутся рискнуть своимъ патентомъ, потерять свой заработокъ, раззориться и кромѣ того подвергнуться штрафу или тюремному заключенію. Затѣмъ типографы, издатели и авторы обязаны представлять рукопись или, въ видѣ льготы, печатающіяся

сочиненія, цензорамъ, которые читаютъ ихъ и еженедѣльно дѣлаютъ докладъ генеральному директору книжной торговли; они указываютъ на желательный или нежелательный духъ сочиненій, на мѣста „неудобныя и подлежащія исключенію. Они требуютъ вымарокъ, поправки, необходимыхъ добавленій. Издатель повинуется, типографія перепечатываетъ страницы, авторъ подчиняется; его хожденія по канцеляріямъ кончились. Онъ полагаетъ, что уже вошелъ въ тихую гавань, но не тутъ-то было?

Директоръ имѣетъ всегда право уничтожать произведенія „даже послѣ ихъ рассмотрѣнія, напечатанія и разрѣшенія къ печати“. Кроме этого стоящій надъ директоромъ министръ полиціи, тоже имѣющій канцелярію по дѣламъ печати, можетъ по собственному своему побужденію, наложить печати на уже напечатанные листы, разбить въ типографіи формы, потребовать отъ автора рукопись, отобрать у друзей автора данные имъ экземпляры, отобрать у самого директора оба цензурныхъ экземпляра спрятанныхъ въ столѣ его кабинета. Конечно надзоръ за изданіями, вліяніе которыхъ велико, еще болѣе строго.— Въ театрѣ, гдѣ собравшимся зрителямъ быстро передается волненіе, полиція вымарываетъ по двѣнадцать и двадцать пять стиховъ подрядъ въ Гераклѣ Корнеля и Атали Расина и сочиненными ею стихами склеиваютъ какъ пошало изуродованные мѣста. Въ самомъ началѣ консульства изъ семидесяти трехъ политическихъ газетъ шестьдесятъ были закрыты, въ 1811 году отъ тринадцати остается только четыре газеты и главные редакторы назначаются министромъ полиціи. Съ другой стороны собственность этихъ газетъ конфискуется и императоръ овладѣвшій ею уступаетъ третью часть своей полиціи, а остальныя двѣ трети придворнымъ или литераторамъ, своимъ чиновникамъ или креатурамъ. При этомъ все ухудшающемся режимѣ газеты стали такъ пусты, что для развлеченія публики полиція устраиваетъ въ нихъ турниры между любителемъ французской и любителемъ итальянской музыки?

Испытывая тѣ же гоненія, что и газета, книга уродуется или вовсе запрещается. Шатобриану воспрещено перепечатать выпущенный въ Лондонѣ во время Директоріи «Этюдь о революціяхъ». Цензура запрещаетъ «Послѣдняго изъ Абансераговъ», потому что она находитъ, что авторъ проявляетъ слишкомъ горячій интересъ къ испанскимъ дѣламъ. Нужно прочесть весь списокъ запрещенныхъ ею цѣлыхъ книгъ и отдѣльныхъ мѣстъ, чтобы убѣдиться съ какой нелѣпой и злобщей мелочностью она преслѣдуетъ и уничтожаетъ, не только у крупныхъ и среднихъ писателей, но и у компиляторовъ и составителей извлеченій, въ переводахъ, въ словаряхъ, въ руководствахъ, въ альманахахъ, не только мысли, но и намеки, оговорки, мнимыя призывы къ размышленіямъ и сравненіямъ, къ воспоминаніямъ о Революціи и прежнемъ режимѣ. Цензура стремится наполнить альманахи анекдотами, пѣснями, рассказами могущими поддержать патриотизмъ и преданность къ священной особѣ его величества и къ наполеоновской династіи.

Съ этой цѣлью полиція заказываетъ всякаго рода драматическія и лирическія произведенія, кантаты, балеты, водевилы, комедіи, оперы, комическія оперы. Ко дню рожденія римскаго короля было

сочинено сто семьдесятъ шесть произведений, за которыя выдано было 88.400 франковъ вознагражденіе. Администрація должна пробуждать таланты и заботиться о томъ, чтобы они приносили плоды. «Жалуются, пишетъ Наполеонъ Камбасересу, что у насъ нѣтъ литературы—это вина министра внутреннихъ дѣлъ». Въ самый разгаръ какой-нибудь кампаніи Наполеонъ вмѣшивается въ театральныя дѣла. Въ Пруссіи во время похода и во Франціи онъ руководитъ драматическими писателями, онъ даетъ балетному композитору Гарделю «отличный сюжетъ—возвращеніе Одиссея», онъ объясняетъ авторамъ какиимъ образомъ драматическіе эффекты должны въ ихъ рукахъ сдѣлаться политическимъ урокомъ. Въ ожиданіи того времени, когда они его поймутъ онъ пользуется театромъ въ качествѣ трибуны и передъ зрителями читаются бюллетени великой арміи.

Съ другой стороны въ періодической прессѣ онъ—свой собственный адвокатъ, самый рѣзкій, самый высокоумный, самый неушественный изъ всѣхъ полемиковъ; долгое время въ Монитерѣ онъ самъ диктовалъ статьи, которыя можно узнать по стилю; послѣ Аустерлица у него нѣтъ свободнаго времени для этого и онъ является вдохновителемъ статей, которыя пишутся подъ его руководствомъ. Въ Монитерѣ и другихъ газетахъ, непосредственно или черезъ журналъ, до публики доносится его голосъ. Оффиціальныя крики одобренія всѣхъ установленій или властей государства еще усиливаютъ единственный, вѣчный, триумфальный, льстивый гимнъ, который благодаря своей настойчивости, своему единодушію, своей звучности долженъ оглушать умы, притуплять души и извращать всѣ сужденія.

«Если можно было бы сомнѣваться, говорить одинъ членъ трибуната, посылаетъ ли землѣ правителей, небо или случай, не очевидно было бы, что нашего императора послало намъ какое-то божество?»

Другой хористъ такъ воспѣваетъ Аустерлицкую побѣду: «Европа, которой угрожало новое нашествіе варваровъ, обязана своимъ спасеніемъ гению новаго Карла Мартеля». Аналогичныя кантаты раздаются въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ, затѣмъ въ каждой епархіи, гдѣ нѣкоторые епископы доходятъ до разсмотрѣнія техники военного искусства и чтобы болѣе выставить заслугу императора объясняютъ слушателямъ искусныя комбинаціи его стратегическаго гения.

Дѣйствительно его стратегія вездѣ достойна восхищенія и въ недавней борьбѣ его противъ католической мысли и теперь въ борьбѣ противъ свѣтской мысли. Предварительно онъ расширилъ, выбралъ, огранчилъ свое поле дѣйствій и вотъ его цѣль установленная имъ самимъ: «Объ общественныхъ дѣлахъ, являющихся моими собственными дѣлами, въ политической, соціальной и моральной области, обь исторіи, а именно современной исторіи никто въ настоящемъ поколѣніи не будетъ думать кромѣ меня, а въ будущемъ поколѣніи всѣ будутъ думать, такъ какъ я». Имѣя впереди себя эту цѣль онъ присвоилъ себѣ монополію образованія, онъ ввелъ дисциплину, военную одежду и духъ во всѣ общественныя или частныя средне-учебныя заведенія, онъ довелъ до минимума и подчинилъ наблюденію

духовенства первоначальное обученіе, онъ уничтожилъ послѣдніе слѣды мѣстныхъ, энциклопедическихъ и автономныхъ университетовъ и поставилъ на ихъ мѣсто спеціальныя и профессиональныя училища, онъ заглушилъ въ юношествѣ безкорыстное и добровольное любопытство.

Въ то же самое время восходя къ источнику свѣтскаго знанія онъ прикрѣпилъ къ себѣ институтъ; надъ этой креатурой государства онъ произвелъ необходимыя ампутаціи, онъ присвоилъ себѣ ея кредитъ, онъ навязалъ свою милость или немилость свѣтсламъ науки или литературы, затѣмъ спустясь отъ источника къ каналамъ, устраивая плотины, отводы водъ, онъ подчинилъ науку и литературу своей полиціи, своей цензурѣ, своему управленію книжной торговли и типографіями; онъ завладѣлъ всей гласностью, театромъ, газетой, книгой, каедрой церковной и свѣтской, онъ соединилъ ихъ и организовалъ въ обширную мануфактуру, за которой онъ наблюдаетъ, которой онъ руководитъ, въ фабрику общественнаго духа, работающую безпрестанно и подъ его руководствомъ надъ восхваленіемъ его системы, его царствованія, его личности.

ГЛАВА III.

I. Исторія наполеоновской машины. Дѣйствіе ея на юношество продолжается до 1850 года.—II. Законъ 1850 года и свобода преподаванія.—Союзъ государства и церкви.—Духовное руководство университетомъ до 1859 года.—Постепенный разрывъ.—Руководство университетомъ становится свѣтскимъ.—Свѣтскій и клерикальный интересъ.—Раздѣленіе этихъ интересовъ до 1876 г.—Неустойчивость этого режима.—Причины побуждающія государство выжидать.—Вывужденный упадокъ частныхъ заведеній.—Окончательное ихъ паденіе послѣ 1850 г. благодаря двойной конкуренціи церкви и государства.—Церковь и государство—единственные воспитатели.—Корыстное и доктринальное ихъ направленіе.—Ихъ вліяніе на юношество.—III. Внутренніе недостатки системы.—IV. Исходная точка высшаго образованія во Франціи.—Замѣна энциклопедическихъ и свободныхъ университетовъ спеціальными государственными школами.—Слѣдствіе этой замѣны.—Искусственная, интенсивная и вынужденная культура.—Недостаточность практическихъ занятій.—Ошибочный и чрезвычайный расходъ умственной энергіи. Съ 1889 года на это обречена вся молодежь.—V. Народное просвѣщеніе съ 1870 года.—Совпаденіе наполеоновской и якобинской концепціи.—Расширеніе системы.—Дедуктивный способъ якобинскаго духа.—Его послѣдствія.—VI. Послѣдствія системъ въ настоящее время.—Увеличивающееся несоотвѣтствіе предварительнаго образованія и зрѣлой жизни.—Измѣненія умственнаго и моральнаго равновѣсія современнаго юношества.

I.

Послѣ Наполеона машина, понятно, дѣйствуетъ уже не такъ какъ прежде и, понятно также, что изъ двухъ группъ, на которыхъ оказывалось ея дѣйствіе, первая, группа зрѣлыхъ людей, освобождается наиболѣе скоро: въ теченіе слѣдующаго полу столѣтія предварительная или репрессивная цензура книгъ, газетъ, театровъ, всѣ спеціальныя орудія гнета, распадаются по кускамъ и въ концѣ концовъ теряютъ всякое значеніе. Даже реставрированныя и снова призмѣнныя съ грубостью и настоячивостью они никогда не будутъ столь дѣйствительны какъ прежде; ни одному правительству, во-

добно Наполеону, не придетъ въ голову закрыть всѣ выходы писанной мысли, всегда останутся лазейки. Даже въ суровые годы Реставраціи и второй имперіи, можно будетъ говорить по крайней мѣрѣ при посредствѣ книгъ и прессы, при условіи соблюдать осторожность и умѣренность, высказываясь въ общихъ выраженіяхъ. Съ этой стороны императорская машина была быстро испорчена взрослыми, сегодня отъ нея остались только обломки. Напротивъ, другая часть машины, дѣйствовавшая на другую группу, на дѣтей, подростковъ, молодыхъ людей, оставшись цѣлой до 1850 года, затѣмъ измѣненная, но скоро возстановленная, болѣе энергичная чѣмъ когда либо, сохранила до настоящаго времени почти все свое вліяніе.

Конечно съ 1814 года механизмъ ея менѣе гибокъ, примѣненіе ея менѣе точно, употребленіе ея менѣе всеобщее, работа ея менѣе груба; она менѣе оскорбляетъ души. Напримѣръ со времени первой реставраціи декретъ 1811 г. противъ семинарій отмѣняется; онѣ снова принимаютъ духовный характеръ, входятъ въ специальную и нормальную колею, изъ которой онѣ были насильно выведены Наполеономъ. Почти одновременно исчезаютъ барабанъ, военные упражненія и другія слишкомъ наполеоновскія приемы изъ частныхъ и казенныхъ средне-учебныхъ заведеній, школьный режимъ перестаетъ быть военнымъ обученіемъ и гимназія не является болѣе подготовительнымъ отдѣленіемъ казармы. Немного позже и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ казенныхъ кафедръ въ Сорбоннѣ, Гизо, Кузень, Виллеменъ читаютъ совершенно свободно передъ внимательной толпой лекціи по самымъ высшимъ вопросамъ философіи, литературы и исторіи. Въ 1833 году министръ Гизо закономъ устанавливаетъ всеобщее начальное обученіе и въ теченіе восемнадцати лѣтъ дѣло народнаго просвѣщенія находится въ терпимыхъ или либеральныхъ рукахъ. Но въ законѣ и даже на практикѣ университетъ 1808 года продолжаетъ существовать, онъ сохранилъ свои права, онъ вѣщаетъ свои налоги, онъ пользуется своей монополіей.

Въ первые дни реставраціи, въ 1814 году правительство сохранило его только временно, оно обѣщало все, радикальную реформу, полную свободу, оно возвѣщало, что «формы и направленіе образованія дѣтей будутъ предоставлены власти отцовъ и матерей, опекуновъ и семей». Это было простой рекламой новаго педагога, старающагося при помощи красивыхъ фразъ примириться съ родителями. Послѣ намѣченнаго въ общихъ чертахъ частичнаго измѣненія и изданія ордоналаса вскорѣ отмѣненнаго правители убѣждаются, что университетъ Наполеона—очень хорошее орудіе управленія, гораздо лучше чѣмъ то, которымъ они располагали до 1789 года, болѣе легко управляемое и болѣе дѣйствительное. Такъ обстоитъ дѣло со всѣми социальными орудіями, намѣченными и полу-сфабрированными революціей, законченными и пущенными въ ходъ консульствомъ и имперіей. Прежнимъ провинціальнымъ университетамъ, прежнимъ школьнымъ учрежденіямъ, находящимся скорѣе подъ наблюденіемъ, чѣмъ властью правительства, болѣе или менѣе независимымъ, правительство реставрированной монархіи предпочитаетъ императорскій университетъ, единый, единственный, дисциплинированный и централизованный.

Вопервыхъ, оно благодаря этому! приобретаетъ обширный персоналъ лицъ состоявшихъ на жалованьи и креатуръ, весь преподавательскій составъ, вполнѣ зависящій отъ него. Онъ состоитъ изъ 22.000 начальныхъ учителей, нѣсколькихъ тысячъ учителей, инспекторовъ, директоровъ, старшихъ преподавателей 36 лицеевъ, 368 гимназій, 1255 учебныхъ заведеній и пансіоновъ, затѣмъ изъ нѣсколькихъ сотенъ главныхъ персонажей каждаго университетскаго округа, изъ администраторовъ 28 академій, изъ профессоровъ 23 факультетовъ гуманитарныхъ наукъ, 10 факультетовъ естественныхъ, 7 факультетовъ филологическихъ, 9 факультетовъ юридическихъ, 3 факультетовъ медицинскихъ; присоедините къ нимъ ученыхъ всѣхъ учрежденій высшаго спекулятивнаго или практическаго образованія. Они стоятъ во главѣ науки и литературы, черезъ ихъ посредство и можно внушать убѣжденія 2000 студентамъ-юристамъ, 4000 студентамъ-медикамъ, 81.000 учащимся средне-учебныхъ заведеній, 700.000 ученикамъ начальныхъ школъ. Воспользуемся этой машиной для нашихъ выгодъ. До сихъ поръ при Республикѣ и Имперіи, фабриканты ея управляли ею въ своемъ направленіи, на лѣво, а мы заставимъ ее дѣйствовать въ обратную сторону, направо. Отнынѣ «основами образованія будутъ религія, монархія, законное право династіи и хартія».

Съ этой цѣлью, мы главенствующая партія, воспользуемся нашими законными правами; мы сдѣлаемъ чистку въ нашемъ служебномъ персоналѣ, мы назначимъ или оставимъ на мѣстахъ только вѣрныхъ людей; черезъ шесть лѣтъ почти всѣ ректоры, инспекторы и учителя философіи и многіе учителя будутъ взяты изъ среды священниковъ. Въ Сорбоннѣ мы заставили смолкнуть Кузена и замѣнили Гизо Дюрюзуаромъ. Мы уничтожаемъ медицинскій факультетъ, чтобъ имѣть свободными руки при возсозданіи его и исключить одиннадцать профессоровъ бывшихъ на дурномъ счету. Мы уничтожаемъ другой очагъ зла—высшую нормальную школу и для созданія учительскаго персонала мы учреждаемъ подготовительныя школы, въ которыхъ учащіяся, малочисленные выбранные съ разборомъ и подготавливаемые съ дѣтства должны будутъ болѣе проникнуться здоровыми доктринами соответствующими ихъ будущимъ занятіямъ.

Мы даемъ размножаться и наполняться мелкимъ семинаріямъ, въ которыхъ число учащихся достигаетъ 50.000. Основываетъ ихъ епископъ. Ни на одного воспитателя и инспектора нельзя положить, поэтому мы предоставляемъ епископу, «право надзора за всѣми средне-учебными заведеніями его епархіи въ вопросахъ религіи», обязанность «посѣщать ихъ лично или черезъ посредство своихъ генеральныхъ викаріевъ», право «возбуждать передъ королевскимъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія мѣропріятія, которыя они сочтутъ необходимыми». Во главѣ стоитъ предсѣдатель съ полномочіями и звеніями де Фонтана и притомъ еще звеніемъ члена кабинета и министра народнаго просвѣщенія, преосвященный Фресинусъ, епископъ Гермополиса и во многихъ случаяхъ этотъ епископъ, поставленный между своей католической совѣстью и положительными статьями законнаго устава, приносить законъ въ жертву своей совѣсти.

Вотъ какимъ образомъ можно пользоваться школьной машиной; послѣ 1850 года имъ будутъ пользоваться въ такомъ же направленіи; послѣ 1796 года ее заставили работать и послѣ 1875 года ее заставить работать такъ же усиленно въ обратномъ направленіи. Кто бы ни были правители, монархисты, имперіалисты или республиканцы они всегда могутъ пользоваться ею въ своихъ интересахъ; вотъ почему даже рѣшившіеся не злоупотреблять ею они сохраняютъ ее въ цѣлости и оставляютъ за собой право пользоваться ею и нужны будутъ очень сильныя потрясенія, чтобы заставить ихъ выпустить центральный рычагъ.

За исключеніемъ эксцессовъ и въ особенности послѣ нихъ, когда правительство съ 1828 по 1848 годъ перестаетъ быть партійнымъ и когда нормальный ходъ учрежденія не повреждается вмѣшательствомъ политики, управляемые и принимаютъ университетъ такимъ, какимъ его утверждаютъ правители, они тоже имѣютъ для этого свои основанія, по которымъ они подчиняются и другимъ ухищреніямъ наполеоновской централизаціи. Во-первыхъ, подобно учрежденіямъ департаментскимъ и коммунальнымъ университетъ функционируетъ самостоятельно, онъ почти или вовсе не требуетъ сотрудничества заинтересованныхъ лицъ, онъ избавляетъ ихъ отъ всякаго усилія и заботы и это конечно очень удобно для нихъ. Подобно мѣстной администраціи предоставляющей въ ихъ распоряженіе, безъ ихъ участія или при почти ничтожномъ ихъ участіи, мосты, дороги, каналы, предупредительныя мѣры противъ распространяющихся эпидемій, школьная администрація предоставляетъ въ ихъ распоряженіе, не требуя отъ ихъ лѣни никакого усилія, весь мѣстный и центральный механизмъ начальнаго, средняго, высшаго и спеціальнаго образованія, служебный составъ и зданія, учителей и программы, экзамены и степени, правила и дисциплину, расходъ и приходъ.

Расходы по образованію не велики и кромѣ того государство распределяетъ три или четыре тысячи стипендій. На факультетахъ родители охотно уплачиваютъ записныя деньги, деньги за экзамены, за степень, за дипломъ, такъ какъ свидѣтельства, получаемыя ими за деньги являются для молодого человѣка положительными пріобрѣтеніями, ведущими его къ карьерѣ и социальными цѣнностями доставляющими ему извѣстное положеніе. Впрочемъ эти факультеты и остальные высшія учебныя заведенія открыты для всѣхъ желающихъ, на лекціяхъ можетъ присутствовать всякій, кто хочетъ и когда онъ хочетъ, причемъ за это не приходится ни гроша платить.

Университетъ является въ глазахъ публики учрежденіемъ либеральнымъ, демократическимъ, гуманитарнымъ и тѣмъ не менѣе экономнымъ, малорасходующимъ на себя. Его администраторы и профессора, даже самые выдающіеся, получаютъ очень скромное содержаніе: 6000 франковъ въ Музеумъ и Институтъ, 7500 фр. въ Сорбоннѣ, 5000 въ провинціальныя факультетахъ, 4000 или 3000 въ лицейхъ, 2000, 1500, 1200 въ коммунальныхъ гимназіяхъ, то есть сумму едва достаточную для того, чтобы прожить. Выдающіеся люди служатъ государству и обществу за ничтожное вознагражденіе, за награду Орденомъ Почетнаго Легіона, иногда за кресло въ

институтъ, причѣмъ единственнымъ для нихъ вознагражденіемъ является удовольствіе работать, согласно ихъ внутреннему убѣжденію и одобренію двадцати или тридцати компетентныхъ лицъ, которые способны, во Франціи или за границей, опѣнить по достоинству ихъ трудъ.

Послѣдней причиной примиренія съ существованіемъ университета является то, что постепенно соответственно потребностямъ расширяется сеть его учрежденій. Въ 1815 было 22000 начальныхъ школъ всякаго рода. Въ 1829 году ихъ насчитываютъ 30.000 и въ 1850 году—63.000. Въ 1815 году въ нихъ обучались 737.000 дѣтей, въ 1829 году—1 357.000, а въ 1750 году—3.787.000. Въ 1815 году для образованія начальныхъ учителей была только одна нормальная школа, въ 1850 году ихъ 78. Поэтому тогда какъ въ 1827 изъ 100 новобранцевъ умѣли читать 42, въ 1877 таковыхъ насчитывается 85, тогда какъ въ 1820 изъ 100 женщинъ могли подписать свой брачный актъ только 34, въ 1879 число ихъ доходить до 70. Точно также число учащихся въ среднѣеучебныхъ заведеніяхъ съ 37.000 въ 1815 году доходитъ до 54.000 въ 1848 и 64.000 въ 1865 годахъ.

Общество не знающее какъ поставлено дѣло образованія за границей не замѣчаетъ, что во всей школьной системѣ масса пробѣловъ, какъ напримѣръ недостатокъ настоящихъ университетовъ. Общественное мнѣніе апатично относится къ вопросамъ образованія. И родители и учителя и учащіеся не могутъ себѣ вообразить какую-нибудь другую систему, они привыкли къ ней, какъ къ дому, въ которомъ они живутъ. Они иногда могутъ еще поворчать противъ распредѣленія квартиръ, высокихъ этажей и узкихъ лѣстницъ, противъ недостаточнаго освѣщенія, вентиляціи, противъ претензій хозяина и швейцара, но они и не думаютъ о томъ, чтобы перестроить домъ цѣликомъ или частью по другому плану. Такъ какъ во-первыхъ у нихъ нѣтъ плана, затѣмъ домъ слишкомъ великъ и части его слишкомъ хорошо сложены. Благодаря своей массивности онъ стоитъ и стоялъ бы безконечно, если бы внезапное землетрясеніе въ 1848 году не потрясло его до основанія.

II.

На слѣдующій же день послѣ 24 февраля 1848 года Кузень воскликнулъ: «Бросимся къ ногамъ епископовъ, они одни могутъ насъ сегодня спасти». Выработывается новый уставъ; докладчикъ объясняетъ его мотивы: правители должны «собрать всѣ моральныя силы страны, должны соединиться, чтобы бороться и побѣдить общаго врага», антисоціальную партію, «которая, если бы одержала верхъ не пощадила бы никого», ни университетъ, ни церковь. Поэтому университетъ отказывается отъ своей монополіи: государство болѣе не является единственнымъ предпринимателемъ народнаго просвѣщенія, частныя школы могутъ учить какъ хотятъ, государство будетъ наблюдать не за преподаваніемъ въ нихъ, а только за нравственностью и гигиеной, онѣ будутъ освобождены отъ его юрисдикціи и податей. Поэтому частныя и казенныя школы будутъ

другъ для друга не опасными противниками, но «полезными сотрудниками», государство будетъ относиться и къ тѣмъ, и къ другимъ съ одинаковымъ интересомъ; отнынѣ университетъ «будетъ только учрежденіемъ содержимымъ государствомъ для соревнованія» и для этой цѣли оно входитъ въ соглашеніе съ главнымъ своимъ конкурентомъ, съ церковью.

Но въ этой коалиціи двухъ силъ, одерживаетъ верхъ, принимаетъ на себя руководство церковь, такъ какъ она не только извлекаетъ почти одна пользу изъ объявленной свободы, учредивъ въ двадцать лѣтъ около ста духовныхъ гимназій и поставивъ вездѣ въ начальныхъ школахъ монаховъ-генъорантиновъ, но еще въ силу закона она помѣщаетъ въ верховный университетскій совѣтъ четырехъ епископовъ или архіепископовъ, въ силу закона въ каждый академическій и департаментскій совѣтъ она помѣщаетъ епархіальнаго епископа и одного указанного имъ духовнаго лица; благодаря своему кредиту у центрального правительства она пользуется всѣми административными льготами. Однимъ словомъ она сверху до низу руководитъ, угнетаетъ свѣтскій университетъ и съ 1849 по 1859 годъ владычество и вмѣшательство духовенства возобновляютъ уже существовавшій съ 1821 по 1828 годъ режимъ. Какъ въ эпоху Реставраціи церковь подала руку государству, чтобы совмѣстно съ нимъ управлять школьной машиной, но какъ и тогда она представила себѣ первенствующее значеніе и она руководитъ. Въ сущности подъ теоретическимъ провозглашеніемъ свободы для всѣхъ возстанавливается университетская монополія, если не периодически, то по крайней мѣрѣ фактически и притомъ въ пользу церкви.

Около 1859 года и послѣ итальянской кампаніи по вопросу о папѣ и о его свѣтской власти происходитъ разрывъ, оба интереса не находятъ болѣе во взаимномъ согласіи и появляются два слова, которымъ предназначена большая будущность; съ одной стороны является «свѣтскій» интересъ, съ другой—«клерикальный». Отнынѣ правительство не подчиняетъ болѣе первый второму и время министерствъ Дюрюи управленіе университетомъ становится чисто свѣтскимъ. Поэтому режимъ преподаванія въ цѣломъ будетъ похожъ на іюльскій режимъ; въ теченіе шестнадцати лѣтъ обѣ силы, свѣтская и клерикальная, будутъ переносить другъ друга и дѣйствовать каждая отдѣльно, у себя и по своему желанію. Только церковь у себя дѣйствуетъ не благодаря терпимости и любезнаго разрѣшенія университета, но благодаря законному уничтоженію старой монополіи и въ силу писаннаго права. Все это составляетъ сносный режимъ, менѣе притѣснительный чѣмъ предыдущіе, по крайней мѣрѣ два милліона вѣрующихъ католиковъ считающихъ невѣріе крайнимъ несчастіемъ, отцы и матери подчиняющіе образованіе воспитанію и желающіе прежде всего охранить вѣру своихъ дѣтей до зрѣлаго возраста, находятъ теперь въ духовныхъ школахъ хорошо устроенныя теплицы, заботливо защищенныя отъ современныхъ сквозняковъ. Настоятельная, законная, живо ощущаемая многими мужчинами и въ особенности женщинами, потребность получила свое удовлетвореніе; другіе родители не чувствующіе этой потребности помѣщаютъ своихъ дѣтей въ лицеи. Въ 1865 году въ семи-

варіяхъ и другихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ было 54.000 учащихся, въ правительственныхъ лицѣяхъ и гимназіяхъ ихъ было 64.000.

Но государство съ сожалѣніемъ констатируетъ, что соперникъ отнимаетъ у него столько учениковъ. Естественно, конечно, что въ случаѣ выборной борьбы церковь поддерживаетъ партію, которая къ ней наиболее благосклонно относится. Понятно, что враждебная ей правительства стараются поразить ее въ самое чувствительное мѣсто, въ дѣло преподаванія, что онѣ становятся нетерпимыми, что онѣ берутся за школьную машину Наполеона, чтобы реставрировать ее по мѣрѣ силъ, чтобы извлечь изъ нея всю пользу, огласно принципамъ и намѣреніямъ Конвента и Директоріи. Такимъ образомъ соглашеніе принятое церковью и государствомъ является только временнымъ перемиріемъ; завтра оно будетъ нарушено. Съ другой стороны даже при этомъ режимѣ, болѣе либеральномъ чѣмъ предшествовавшей, дѣйствительная свобода крайне ограничена: вмѣсто одной монополіи существуетъ двѣ. Родители имѣютъ только выборъ между двумя родами учебныхъ заведеній однимъ, свѣтскимъ, подходящимъ на казармы и другимъ, духовнымъ, подходящимъ на семинарію или монастырь. Обыкновенно когда они предпочитаютъ одно учебное заведеніе то не потому что они его считаютъ хорошимъ, но потому что по ихъ мнѣнію другое еще хуже и нѣтъ третьяго по ихъ вкусу, устроеннаго по совершенно другому образцу, имѣющаго свой особый, независимый духъ, способнаго сообразоваться съ ихъ вкусами и потребностями.

При Наполеоновскомъ режимѣ частныя учебныя заведенія возникаютъ съ большимъ трудомъ «затѣмъ, изувѣченнымъ, имъ не менѣе трудно жить и онѣ погибаютъ одно за другимъ тѣмъ не менѣе, въ 1815 году, не считая 41 маленькихъ семинарій съ 5.000 учащихся оставалось еще 1255 частныхъ школъ съ 39.000 учениками, тогда какъ въ 36 лицѣяхъ и 368 коммунальныхъ гимназіяхъ насчитывалось всего только 37.000 учениковъ. Изъ этихъ 1255 частныхъ школъ въ 1854 году существуетъ только 825, въ 1865 году—622, въ 1875 году—494, наконецъ 1887 году—302 съ 20.174 учениками. Зато въ 1887 году правительственныя школы имѣютъ 89.000 уч. и церковныя—73.000. Паденіе свѣтскихъ и частныхъ школъ идетъ ускореннымъ темпомъ въ особенности съ 1850 года. Дѣйствительно, вмѣсто одного конкуррента у нихъ появляются два, причемъ второй такой же опасный, какъ первый. И тотъ и другой пользуются неограниченнымъ кредитомъ, владѣютъ громадными капиталами и полны рѣшимости тратить ихъ безъ счета, такъ какъ съ одной стороны государство беретъ свои милліоны изъ кармановъ плательщиковъ налоговъ, а съ другой—церковь собираетъ милліоны изъ кошельковъ вѣрующихъ. Борьба слишкомъ неравна между изолированными личностями и этими двумя великими организованными силами дающими просвѣщеніе со свидкой или даромъ.

Таковъ финальный результатъ наполеоновской монополіи: предпріятіе государства возбудило предпріятія духовенства. Оба онѣ раззоряютъ другія, частныя, независимыя предпріятія, которыя не имѣютъ другой поддержки, кромѣ одобренія семей, не имѣютъ дру-

гой цѣли, кромѣ удовлетворенія семей. Напротивъ, на ряду съ этой цѣлью и государство и духовенство имѣетъ каждое свою особую цѣль, высшую и доктринальную цѣль, предназначенную ему его собственнымъ интересамъ и антагонизмомъ противоположнаго интереса. Вотъ имѣя въ виду эту политическую или религіозную цѣль каждое изъ нихъ и руководитъ образованіемъ и воспитаніемъ. Подобно Наполеону, оно внушаетъ молодымъ людямъ свои общественныя и нравственныя взгляды, опредѣленные и становящіеся рѣзкими. Но большинство родителей, предпочитающихъ миръ войнѣ, желаетъ, чтобы у ихъ дѣтей были среднія, не воинственныя мнѣнія, оно желало бы, чтобы изъ нихъ сдѣлали образованныхъ и почтительныхъ юношей, способныхъ, общительныхъ и болѣе ничего, но ни одно изъ соперничающихъ учрежденій не ограничивается этимъ и когда отецъ въ концѣ іюля является за своимъ сыномъ въ духовную гимназію или свѣтскій лицей онъ рискуетъ найти въ семнадцатилѣтнемъ молодомъ человѣкѣ воинствующіе предрасудки, мопѣшныя и грубыя заключенія, непримиримую рѣзкость еликала или его противника.

III.

Тѣмъ не менѣе внутреннія недостатки первоначальной системы не исчезли, и между ними одинъ изъ худшихъ—интернатъ при казарменномъ или монастырскомъ режимѣ. Въ 1887 году въ правительственныхъ лицейхъ и гимназіяхъ изъ 90,000 учащихся болѣе 39,000 были интернами, а въ школахъ духовенства положеніе было еще хуже: изъ 50,000 учащихся было болѣе 27,000 интерновъ, къ которымъ нужно прибавить 23,000 учениковъ малыхъ семинарій, которые были почти всѣ интернами; значитъ изъ 163,000 учащихся 89,000 были интернами. Такимъ образомъ, для полученія средняго образованія болѣе половины французскаго юношества находится въ интернатѣ, духовномъ или свѣтскомъ. Причина этой особенности, присущей Франціи, кроется въ томъ, что Наполеонъ въ 1806 году захватилъ и извратилъ школьное дѣло.

Во Франціи до 1789 года оно хотя и было стѣснено вѣнательствомъ государства и церкви, тѣмъ не менѣе не было извращено въ своемъ принципѣ; еще и теперь оно живетъ въ Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и развивается соотвѣтственно своей природѣ. Допускаютъ, что оно является частнымъ предпріятіемъ, коллективнымъ дѣломъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, вступившихъ въ добровольное соглашеніе. Воплѣвъ свободные, имѣя передъ собою одну и ту же цѣль, будучи солидарными между собой, они изошрются, чтобы не натолкнуться на глубокое отвращеніе юношей и ихъ семей; съ этой цѣлью они устраиваются между собой и приходятъ въ соглашеніе съ родителями.

Вотъ почему внѣ Франціи, столь искусственный, столь насильственный интернатъ, какъ французскій, почти неизвѣстенъ. Въ германскихъ гимназіяхъ на сто учениковъ едва придется десять пансіонеровъ; остальные, если даже родители ихъ живутъ далеко, остаются экстернами, поселяясь въ семьѣ, которая принимаетъ ихъ

на содержаніе, часто за очень дешевую цѣну и замѣняютъ имъ отсутствующую семью. Пансіонеры имѣются только въ нѣсколькихъ гимназіяхъ какъ Пфорта, но гдѣ въ силу устава число ихъ ограничено. Они обѣдаютъ группами въ восемь или десять человѣкъ за столами учителей, живущимъ подобно имъ въ учебномъ заведеніи. То же самое и въ Англии, въ Гарроу, Этонѣ и Реджи, гдѣ каждый учитель содержитъ пансіонъ; въ его домѣ живутъ 10, 20, 30 учениковъ и обѣдаютъ за его столомъ, или за столомъ, за которымъ сидитъ хозяйка. Такимъ образомъ, отъ семьи до школы, безъ рѣзкой перемѣны, юноша остается подъ режимомъ соответствующимъ его возрасту, режимомъ домашней жизни.

Совершенно наоборотъ и наперекоръ истинному духу школы, французскій лицей или гимназія вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ какъ является государственнымъ предпріятіемъ, мѣстнымъ продолженіемъ центрального учрежденія, одной изъ сотни вѣтвей толстаго университетскаго ствола, безъ собственныхъ корней, и его преподавательскій персоналъ состоитъ изъ чиновниковъ, подобныхъ обыкновеннымъ чиновникамъ, то-есть неустойчивыхъ и озабоченныхъ своимъ повышеніемъ, имѣющихъ главнымъ мотивомъ своей дѣятельности, надежду быть повышенными и переведенными въ другое мѣсто, поэтому заранѣе оторванныхъ отъ школы. Кромѣ того, ими руководятъ сверху, каждый изъ нихъ заключенъ въ свои спеціальныя рамки, директоръ ограниченъ своей административной дѣятельностью, а учитель своимъ классомъ. Ни одинъ учитель не можетъ принимать у себя, въ качествѣ экстерновъ или пансіонеровъ, болѣе двухъ воспитанниковъ, ни одна женщина не можетъ жить въ лицей или гимназіи. Всѣ, директоръ, инспекторъ, экономъ, духовникъ, учителя, надзиратели являются насильно и искусственно соединенными колесами механизма, безъ нравственной связи, безъ общаго интереса, являющагося прекрасной и искусственной машиной, обыкновенно функционирующей совершенно правильно, но не имѣющей души, такъ какъ для того чтобы имѣть душу нужно быть живымъ тѣломъ. Въ качествѣ машины построенной для всѣхъ по общему типу, она не сообразуется со вкусами публики. Такъ какъ она дѣйствуя механически, посредствомъ внѣшняго давленія, то человеческое вещество, которое она обрабатываетъ, должно быть пассивно, составлено не изъ разныхъ личностей, а изъ сходныхъ между собой единицъ; ученики могутъ быть для нея только номерами и именами.

Этотъ режимъ распространился и у соперниковъ университета. Интернатъ гораздо выгоднѣе экстерната, чѣмъ болѣе многочисленны пансіонеры, тѣмъ меньше общіе расходы. Поэтому для того, чтобы существовать наряду съ университетскими учрежденіями необходимо имѣть интернаты и притомъ съ многочисленными пансіонерами. Школы находящіяся въ завѣдываніи духовенства, очень охотно вводили интернатъ. Вѣдь іезуиты первые, въ прежнее царствованіе, ввели эти интернаты. По сущности своей католическая церковь, подобно французскому государству, римское установленіе, еще болѣе исключительное и властное. Она стремится завладѣть всѣмъ существомъ человѣка, а поэтому и разумомъ и душою ребенка, для того чтобы запечатлѣть въ немъ навсегда окончательную и спасительную

форму, являющуюся для него первымъ условіемъ спасенія. Поэтому духовная вѣтка еще болѣе замкнута, чѣмъ свѣтская. Въ школьной дисциплинѣ прибавляется дисциплина религіозная, столь же строгая и болѣе дѣйствующая, чѣмъ болѣе замкнутъ кругъ, тѣмъ сильнѣе его дѣйствіе, вотъ почему въ 1876 году изъ 46.000 учащихся духовныхъ средне-учебныхъ заведеній 33.000 были интернами и католическія власти не допускаютъ въ 86 семинаріяхъ экстерновъ, будущихъ мірянъ.

Можетъ быть эта мѣра разумна для 23.000 учениковъ маленькихъ семинарій и 10.000 уч. большихъ семинарій, можетъ быть она также разумна для будущихъ офицеровъ, которыхъ государство формируетъ въ всенныхъ училищахъ. Готовящіеся къ военной или къ духовной карьерѣ уже въ дѣтствѣ являются тѣмъ, чѣмъ они будутъ впослѣдствіи, интернатъ заранее подготавливаетъ ихъ къ будущей карьерѣ, разъ они должны проникнуться духомъ ея они должны перенять ея привычки. Совершенно этого не требуется для 75.000 другихъ интерновъ казенныхъ или частныхъ школъ, свѣтскихъ или духовныхъ, для будущихъ инженеровъ, докторовъ, архитекторовъ, нотаріусовъ, адвокатовъ и юристовъ, для чиновниковъ, собственниковъ. Изъ интерната они выносятъ достаточный запасъ латыни или математики, но вступая въ свѣтъ юноша совершенно не знаетъ ни мужчины, ни женщины, каковы они на самомъ дѣлѣ. Онъ не имѣетъ о нихъ представленіе, или вѣрнѣе имѣетъ, но предвзятое, произвольное и ложное.

Онъ не сидѣлъ за столомъ рядомъ съ дамой, хозяйкой дома, въ присутствіи ея дочерей и иногда другихъ дамъ, поэтому онъ чувствуетъ себя неловко въ ихъ обществѣ, онъ для него созданія чуждыя, незнакомыя. Точно также онъ не слышалъ разговоровъ зрѣлыхъ людей за столомъ и вечеромъ, онъ не потерпнулъ изъ ихъ разговоровъ тысячу мелкихъ свѣдѣній, которыя обыкновенно черпаетъ въ общемъ разговоръ молодой умъ. Со своими учителями онъ почти никогда не разговаривалъ, если они и говорили съ нимъ, то только о безличныхъ и отвлеченныхъ вещахъ, о языкахъ, литературѣ и математикѣ. Разговоры онъ имѣлъ только съ товарищами, если подобно ему они всѣ пансіонеры, они всѣ одинаково невѣжественны, если же допускаются въ школу и экстерны, они, являясь дѣятельными контрабандистами или любезными комиссіонерами, вносятъ въ учебное заведеніе запрещенныя книги, скандальныя газеты, гадости и всѣ северности улицы.

Начиная съ перваго и кончая послѣднимъ днемъ интерната, юношѣ не приходилось обдумывать и рѣшать употребленіе ни одного часа школьнаго дня. Почти всѣ его дѣйствія и въ особенности внѣшнее его поведеніе, продиктованы ему начальствомъ. Онъ жилъ какъ лошадь между двумя оглоблями повозки, которая сама не могла выбраться изъ прямолинейной колеи проложенной по всей дорогѣ. Лошади было невозможно сойти съ дороги. Каждое утро ее запрягали въ одинъ и тотъ же часъ и каждый вечеръ въ одинъ и тотъ же часъ ее выпрягали; каждый день, въ другіе часы ей давали отдыхать, давали положенную порцію овса и сѣна. Вотъ къ чему сводилась вся его инициатива въ теченіе восьми или десяти лѣтъ. Та-

кимъ образомъ, воспитаніе его свободной воли находится въ зачаточномъ состояніи или же его совершенно не имѣлось. Наша же система предполагаетъ, что оно совершенно. Мы даемъ молодому человѣку полную свободу, мы допускаемъ, что какимъ-то чудомъ, ученикъ вдругъ сдѣлался человѣкомъ, что онъ способенъ заранѣе взвѣшивать всѣ послѣдствія своихъ дѣйствій и, что его совѣсть и разумъ не будутъ обращать никакого вниманія на всѣ прельщенія. Онъ поселяется въ столицѣ, записывается въ университетъ и становится студентомъ среди десяти тысячъ другихъ. Но во Франціи никакая университетская полиція не наблюдаетъ, подобно тому какъ это дѣлается въ Боннѣ, Геттингенѣ, Оксфордѣ и Кембриджѣ, за его поведеніемъ и за его промахами дома или въ общественныхъ мѣстахъ. Куда бы онъ не поступилъ, онъ вполне и сразу эманципируется. Когда онъ кончаетъ среднее образованіе, чтобы перейти къ высшему, онъ не переходитъ какъ въ Англіи и Германіи отъ ограниченной къ менѣе ограниченной свободѣ, а отъ монастырской дисциплины къ полной независимости. Въ меблированныхъ комнатахъ, только что вырвавшись изъ гимназіи, двадцатилѣтній новичекъ находитъ вокругъ себя неисчислимыя искушенія улицы, пивныя, публичныя балы, безстыдныя изданія, грязныя связи; противъ всего этого онъ благодаря своему воспитанію безсиленъ бороться. Въмѣсто того, чтобы создать въ немъ моральную силу, продолжительный и строгій интернатъ создалъ въ немъ нравственное безсиліе. Онъ слѣдуетъ примѣрамъ вокругъ себя, онъ несется по теченію. По отношенію къ гигиенѣ, къ денежнымъ дѣламъ, къ половому вопросу, онъ дѣлаетъ почти неизбѣжныя безразсудства и хорошо еще, если послѣ трехъ, четырехъ или пяти лѣтъ полной свободы, онъ станетъ не окончательно испорченнымъ человѣкомъ.

IV.

Посмотримъ теперь на другое, не менѣе гибельное послѣдствіе школы. Предполагается, что по выходѣ изъ лицея, по окончаніи класса философіи, общее образованіе закончено, настоящая школьная система не предполагаетъ дальнѣйшаго поступленія въ университетъ. На мѣсто этого энциклопедическаго университета съ свободой, преподаванія она ставитъ правительственныя, спеціальныя школы, цѣлью каждой изъ которыхъ, заключенной въ узкія рамки, является созданіе практической способности причемъ каждая обязана вести шагъ за шагомъ молодого человѣка, черезъ цѣлую серію занятій и испытаній къ конечному званію или диплому, необходимому, или по крайней мѣрѣ очень полезному, потому что безъ него во многихъ случаяхъ нельзя заниматься своимъ дѣломъ и благодаря ему во всякомъ случаѣ онъ получаетъ значительныя преимущества.

При вступленіи во всѣ такъ называемыя либеральныя профессіи требуется первый дипломъ и этотъ дипломъ является для всей французской молодежи ежедневной важной заботой. Съ этой цѣлью юноша, когда ему около шестнадцати лѣтъ, работаетъ въ теченіе года или двухъ, или вѣрнѣе его заставляютъ работать не для того, чтобы онъ зналъ, а для того, чтобы онъ могъ хорошо или сносно

отвѣтить на экзаменѣ и доказать, что онъ получилъ классическое образованіе.

Теперь послѣ окончанія средняго образованія четырехъ лѣтъ недостаточно для созданія доктора медицины или права, нужно пять, шесть. Будущіе инженеры проводятъ восемь лѣтъ въ профессиональной подготовкѣ. Молодые люди провели эти года въ изученіи мельчайшихъ подробностей наукъ, которыя имъ могутъ понадобиться, но практически они своего предмета не изучали. Двадцати четырехъ лѣтній будущій преподаватель, выходящій изъ нормальной школы еще не давалъ уроковъ, кромѣ двухнедѣльнаго учительствованія въ Парижѣ.

Кончающій двадцати четырехъ или пяти лѣтъ инженерное училище никогда не принималъ участія въ эксплуатаціи рудника въ проводкѣ туннеля, въ постройкѣ моста или устройствѣ дороги. Если будущій адвокатъ или судья не исполнялъ обязанностей писемоводителя въ конторѣ нотариуса или повѣреннаго, будь онъ даже докторомъ права двадцати пяти лѣтъ, онъ знаетъ только свои законы, онъ не знаетъ дѣла, такъ какъ никогда не велъ никакой процедуры, не составлялъ бумагъ. Никто изъ этихъ специалистовъ не знаетъ своего дѣла и каждый изъ нихъ долженъ сразу стать практикомъ, на епѣхъ, причѣмъ приноситъ вредъ и себѣ и другимъ и подвергаетъ серьезному риску первыя свои практическія работы.

Такимъ образомъ, общая сумма потерянныхъ силъ колоссальна. Въ самый плодотворный періодъ человѣческой жизни отъ 15—16 лѣтъ до 25—26 лѣтъ французъ заключенъ въ четырехъ стѣнахъ школы, онъ далекъ отъ прямого и личнаго опыта, который далъ бы ему ясное и живое представленіе о вещахъ и людяхъ и различныхъ способахъ обращаться съ ними. Въ теченіе всего этого времени его изобрѣтательная способность стерилизована, онъ можетъ быть только пассивнымъ сосудомъ. То что онъ произвелъ бы при другой системѣ онъ не производитъ при настоящей.

Между тѣмъ онъ дорого стоить. Тогда какъ ученикъ, писецъ сидящій за дѣлами, больничный врачъ оплачиваетъ своимъ личнымъ участіемъ сначала и свое образованіе, затѣмъ содержаніе и въ концѣ концовъ зарабатываетъ какую-нибудь сумму сверхъ этого, по крайней мѣрѣ карманныя деньги, студентъ въ университетѣ или учащійся въ специальной школѣ получаетъ образованіе и живетъ на счетъ своей семьи или государства; его потребление не компенсируется его производствомъ. Безъ сомнѣнія рассчитываютъ на то, что впоследствии компенсация будетъ произведена, что впоследствии онъ широко возмѣститъ капиталъ вмѣстѣ съ процентами другими словами учитываютъ его будущія услуги, то есть совершаютъ сдѣлку на долгій срокъ.

Учащійся имѣетъ ограниченный запасъ умственной энергіи, а между тѣмъ современная система не только поглощаетъ громадное количество, но и дѣлаетъ изъ нея крайне непроизводительное употребленіе. Въ нашихъ лицеяхъ учащійся работаетъ, сидя болѣе одиннадцати часовъ въ день. Окончивъ свое среднее образованіе, онъ долженъ сдать экзаменъ на бакалавра. Изъ ста кандидатовъ пятьдесятъ проваливаются и экзаменаторы снисходительны. Это доказываетъ во-первыхъ, что провалившіеся не извлекли пользу изъ сво-

его ученія, но это доказываетъ также, что программа экзамена не примѣнена къ прирожденнымъ способностямъ большинства, что современная наука съ требуемой громадной умственной работой, со своимъ отвлеченнымъ и теоретическимъ характеромъ, не по силамъ человѣку съ средними умомъ и памятью.

Безъ сомнѣнія нѣкоторые очень сильные умы выдерживаютъ этотъ режимъ, они поглощаютъ и перевариваютъ все, чѣмъ ихъ наполняютъ; послѣ выхода изъ школы и получения всѣхъ степеней они сохраняютъ неприкосновенной способность учиться, искать, изобрѣтать и составляютъ тотъ избранный кругъ ученыхъ, литераторовъ, артистовъ, инженеровъ, докторовъ, который на международной выставкѣ выдающихся талантовъ обезпечиваютъ за Франціей ея преемное мѣсто. Но остальные, въ громадномъ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, девять человѣкъ изъ десяти, потеряли свое время и свой трудъ, нѣсколько лѣтъ своей жизни и притомъ лѣтъ очень важныхъ или даже рѣшающихъ.

V.

Къ такому страшному и конечному результату приходитъ учрежденіе X года и этому способствовалъ якобинскій грубо эгалитарный духъ. Въ самомъ дѣлѣ съ 1871 и въ особенности съ 1879 года онъ черезъ посредство Наполеоновской формы дѣйствуетъ, руководить и эта форма ему подходитъ. Наполеонъ и старые якобинцы сходились въ принципѣ воспитанія, то что онъ установилъ фактически, они возвѣстили догматомъ, поэтому структура его университетской машины подходила къ ихъ инстинкту. Вотъ почему новые якобинцы, наслѣдники этого инстинкта и этого догмата, тотчасъ же съ охотой приняли эту машину. Поэтому въ періодъ третьей республики какъ и при предыдущихъ правительствахъ, школьная машина продолжаетъ со скрипомъ дѣйствовать въ той же кожѣ, благодаря дѣйствию того же механизма, подъ импульсомъ того же самаго единственнаго и центрального мотора, соотвѣтственно того же Наполеоновскаго и якобинскаго представленія о преподающемъ государствѣ, представленія опасномъ, которое будучи съ каждымъ годомъ все болѣе широко и строго примѣняемо, все болѣе и болѣе исключаетъ противоположную систему, передачу дѣла образованія заинтересованнымъ, родителямъ, частнымъ и свободнымъ предпріятіямъ, зависящаго только отъ самихъ себя и семей, постояннымъ, мѣстнымъ, специальнымъ учрежденіямъ.

Наполеонъ создалъ свой университетъ какъ государственный и и дѣловой человѣкъ, рассчитавъ заранѣе приходъ и расходъ съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе создать себѣ военныя и гражданскія срудія, которыхъ ему недоставало и которыхъ у него было всегда слишкомъ мало. Этой точной и опредѣленной цѣли онъ подчинялъ остальное, включая сюда и теорію преподающаго государства, она была для него только сводомъ, формулой, декорацией. Напротивъ, для старыхъ якобинцевъ аксіомой, принципомъ, главой Общественнаго договора; этимъ контрактомъ государству поручено было на-

родное просвѣщеніе, оно имѣло право и обязано было предпринять это дѣло и руководить имъ. Установивъ это они въ качествѣ убѣжденныхъ теоретиковъ и посредствомъ дедуктивнаго метода они выводили заключенія и бросались съ закрытыми глазами въ практику, не думая нисколько о реальной средѣ, о имѣющихся въ ихъ распоряженіи средствахъ, о побочныхъ результатахъ, о конечномъ результатѣ. Точно также поступаютъ теперь и новые якобинцы, по ихъ мнѣнію разъ образованіе вообще хорошо, оно будетъ тѣмъ лучше чѣмъ оно шире и глубже и поэтому такое образованіе должно быть дано государствомъ какъ можно большому числу дѣтей, юношей и молодыхъ людей. Таковъ теперь пароль передаваемый сверху во всѣ три этажа вышаго, средняго и низшаго образованія.

Поэтому съ 1876 по 1890 годъ на одни только постройки вышнихъ учебныхъ заведеній государство истратило 99 милліоновъ. Нѣкогда доходы университетовъ почти поправили всѣ расходы, теперь же государство даетъ имъ ежегодно шесть съ половиной милліоновъ. Оно создало и содержитъ 221 новыхъ кафедры, 168 дополнительныхъ курсовъ, 129 конференцій и для того чтобы доставить имъ служителей оно съ 1877 года содержитъ 300 стипендіатовъ готовящихся къ экзамену зрѣлости и съ 1881 года 200 стипендіатовъ готовящихся къ экзамену на профессорскую кафедру.

Точно также число средне учебныхъ заведеній съ 81 въ 1876 году дошло до 100 въ 1887 году; вмѣсто 3820 стипендій въ 1876 г. имѣлось 10528 стипендій въ 1887 г., расходы на среднее образованіе въ 1857 г. равнялись 2.200.000 фр., а въ 1889 году—18 милліонамъ франковъ. Отъ учащихся государство стало требовать гораздо больше знаній какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но по крайней мѣрѣ, три четверти, приобретенныхъ знаній будутъ для нихъ излишни, они не могутъ извлечь изъ нихъ пользу ни для своего интимнаго счастья, ни для своего матеріальнаго успѣха и тѣмъ не менѣе они обязаны ихъ приобретать. Тщетно отецъ семейства хотѣлъ бы ограничить ихъ размѣры, знаніями, которыми его дѣти могли бы воспользоваться, чтеніемъ, письмомъ, четырьмя арифметическими дѣйствіями, пользоваться для этого только удобнымъ временемъ, тремя зимними мѣсяцами въ теченіе двухъ или трехъ зимъ, оставить дома двѣнадцатилѣтнюю дочь для помощи матери, ухода за новорожденными, десятилѣтняго сына для сельскихъ работъ. По отношенію къ своимъ дѣтямъ, еъ ихъ интересамъ къ своимъ собственнымъ потребностямъ, онъ не можетъ быть судьей. Государство одушевлено лучшими намѣреніями, чѣмъ онъ. Государство имѣетъ право оказывать принужденіе и дѣйствительно государство сверху, изъ Парижа, оказываетъ на него принужденіе. Никогда, со времени революціи, государство не доводило до такой степени свое вмѣшательство въ частную жизнь гражданина, въ самыя интимныя ея стороны. Въ сущности якобинець—фанатикъ, пропагандистъ своей вѣры, враждебный вѣрѣ всѣхъ другихъ.

Вмѣсто того чтобы допустить, что мировоззрѣнія различны и радоваться тому, что ихъ много и что каждое изъ нихъ приноровлено

въ человѣческой группѣ и помогаетъ жить имѣющимъ это мировоззрѣніе, онъ признаетъ только свое собственное и пользуется властью, чтобъ пріобрѣсти его сторонниковъ. Онъ тоже имѣетъ свой догматъ, свой катехизисъ, свои императивныя формулы и онъ ихъ навязываетъ.

Отнынѣ обученіе будетъ не только безвлатное и обязательное, но исключительно свѣтское. До сихъ поръ значительное большинство родителей, большинство отцовъ и всѣ матери желали, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ оно было и религіознымъ. По ихъ мнѣнію, наука и вѣра не должны входить въ молодые умы раздѣльно, по ихъ мнѣнію такъ было лучше для ихъ ребенка, для нихъ самихъ для внутренней дисциплины ихъ дома, для сохраненія уваженія и предостороженія нравовъ отъ порчи. Вотъ почему до законовъ 1882 и 1886 годовъ, муниципальные совѣты, еще свободные въ своемъ выборѣ, часто поручали свои школы монахамъ или монахинямъ. Поэтому 1886 году въ общественныхъ школахъ было 10.029 монаховъ-учителей и 39.125 монахинь-учительницъ. Но съ 1886 года законъ требуетъ не только, чтобы обученіе было чисто свѣтское, но и чтобы учителя не были монахами. Для довершенія этой операціи законодатель устанавливаетъ срокъ, по прошествіи ни одинъ членъ духовной конгрегаціи не можетъ преподавать ни въ одной общественной школѣ.

Если эта система не нравится родителямъ, пусть они сложатся между собой, пусть построятъ на свой счетъ частную школу, пусть содержать на свой счетъ монахинь или монаховъ, это ихъ дѣло. Тѣмъ не менѣе они ни на грошъ меньше не заплатятъ обшивѣ, департаменту, государству, такъ что имъ придется платить вдвойнѣ, одинъ разъ за начальное обученіе, которое они отвергаютъ, а другой разъ за начальное обученіе, которое они сами устанавливаютъ. Въ этихъ условіяхъ основаны были тысячи частныхъ школъ. Въ 1887 году у нихъ было 1.091.510 учащихся, почти пятая часть всего числа дѣтей записанныхъ въ начальныя училища. Такимъ образомъ одна пятая часть родителей не желаетъ свѣтской системы для своихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ она предпочитаетъ другую, когда та ей предлагается. Эта цифра даетъ ясное представленіе о недовѣрїи и отвращенїи вызываемыми навязываемой сверху системой.

Благодаря дѣлу народнаго просвѣщенія, государство само расширилось и укрьпилось. Оно умножило учрежденія, которыми оно управляетъ и персоналъ, которыми оно завѣдуетъ. Теперь у него имѣется 173 нормальныхъ учительскихъ школъ, 736 учительскихъ курсовъ, 66784 элементарныхъ школъ, 3597 школъ для маленькихъ дѣтей, около 115.000 служащихъ, мужчинъ и женщинъ. Черезъ посредство этихъ 115.000 агентовъ и представителей, свѣтскій разумъ изъ Парижа разноситъ свои вѣдѣнія въ самыя отдаленныя деревни, это разумъ съ предрассудками, въ которыхъ осуждаются наши правители, близорукій внукъ того слѣпца разума, безумнаго и грубаго предка, который въ 1793 и 1794 царилъ подъ тѣмъ же именемъ на томъ же мѣстѣ. Съ меньшей грубостью и неловкостью, но въ силу того же инстинкта и съ той же предвзятостью онъ занимается той же пропагандой онъ тоже хочетъ овладѣть новыми поколѣніями и черезъ посредство своихъ программъ,

учебниковъ, резюме, прежняго режима. Революціи и Имперіи своихъ формулъ и внушаемыхъ мыслей о моральныхъ, соціальныхъ и политическихъ вещахъ, онъ возвеличиваетъ одного самого себя.

VI

Къ этому приходитъ предпринятое французскимъ государствомъ дѣло просвѣщенія. Когда какое-нибудь дѣло не остается въ рукахъ заинтересованныхъ лицъ, а имъ овладѣваетъ третье лицо, имѣющее совершенно другіе интересы, оно не можетъ довести до добра. Рано или поздно проявится его характерный недостатокъ. Въ данномъ случаѣ это—увеличивающееся несоотвѣтствіе между образованіемъ и жизнью. Наши школы, занимаясь одной только теоріей, не даютъ учащимся необходимаго запаса здравого разума, воли и нервовъ, поэтому при вступленіи въ жизнь окончившіе школы терпятъ рядъ чувствительныхъ неудачъ, которыя ихъ иногда на долго калѣчатъ. Это тяжело и опасное испытаніе; нравственное и умственное равновѣсіе нарушается, наступаетъ разочарованіе, слишкомъ неожиданное и слишкомъ полное. И иногда хочется воскликнуть: „Вашимъ воспитаніемъ вы заставили насъ думать, что міръ устроенъ извѣстнымъ образомъ; вы насъ обманули. Онъ болѣе уродливъ, болѣе низокъ, болѣе грязенъ, болѣе печаленъ и болѣе жестокъ, по крайней мѣрѣ для нашей чувствительности и нашего воображенія. Вы говорите, что онъ разстроенъ, но вѣдь это ваша вина. Вотъ почему мы проклинаемъ весь вашъ міръ и мы отбрасываемъ всѣ ваши мнимыя истины, которыя для насъ являются ложью, включая тѣ элементарныя истины, которыя вы считаете очевидными для здраваго разума и на которыхъ вы основываете ваши законы, ваши учрежденія, ваше общество, вашу философію, ваши науки и ваши искусства“.

И вотъ то, что уже 15 лѣтъ громко заявляетъ намъ современная молодежь своею вѣрою, своими мнѣніями, стремленіями въ литературѣ, искусствахъ и жизни.

К О Н Е Ц Ъ.

